

МИНУВШЕЕ

МИНУВШЕЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

21

21

МИНУВШЕЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Редакционная коллегия: Николай Богомолов, Жан Бонамур, Эльда Гарэтто, Александр Добкин, Джон Мальмстад, Ричард Пайпс, Марк Раев, Дмитрий Сегал, Анатолий Смелянский

Главный редактор: Владимир Аллой

МИНУВШЕЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

21

ATHENEUM — ФЕНИКС

МОСКВА — С.-ПЕТЕРБУРГ

1997

ББК 63. 3(2)
УДК [947 + 957]
М-62

М-62 **МИНУВШЕЕ:** Исторический альманах. 21. —
СПб.: Atheneum; Феникс, 1997. — 632 с., ил.

ISBN 5-901027-03-5

В настоящем выпуске читатель найдет: воспоминания о русском Париже 1920-1930-х и 1970-1980-х; переписку Г.Адамовича, М.Волошина, М.Цветаевой, материалы об А.Ахматовой, Г.Иванове, И.Одоевцевой, дневники о предреволюционной Москве; документы о советской цензуре, административной ссылке, структуре и составе карательных органов. Большинство публикуемых текстов подробно откомментировано.

Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся отечественным прошлым.

ББК 63.3(2)

ISBN 5-901027-03-5

© Издательство «Феникс», 1997
World © «Atheneum», 1997

ВОСПОМИНАНИЯ

Б.Н.Лосский
В РУССКОМ ПАРИЖЕ
(1927-1935)

Эта, четвертая, часть нашей семейной хроники¹ начинается с моего приезда в 20-х числах октября 1927 года из Праги во французскую столицу для получения образования по части искусствоведения в Сорбонне и Ecole du Louvre.

О нашем общении с русским Парижем было уже довольно много сказано в предыдущем очерке, посвященном русской Праге. Наметилось оно уже в 1923 году, с остановкой на несколько дней возвращавшегося из поездки в Лондон отца в парижском предместье Медон у Метальниковых, давнишних близких друзей нашей семьи. Полностью же оно установилось с осени 24-го, когда старший брат Владимир направился во Францию завершать свое университетское образование в Сорбонне и, попав в русскую среду, много писал о ней нам в Прагу. А летом 25-го довелось и мне побывать в Париже, куда привлекла группу русских студентов архитектуры Всемирная выставка декоративных искусств.

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОД

Начну, в порядке дополнения к вышесказанному, с воспроизведения двух разделенных многоточием фрагментов неопубликованного письма брата Владимира с требуемыми для него пояснениями:

¹ Первые две части хроники, посвященные нашей семье в Петербурге, высылке ее из России и нашей жизни в Праге, — см. в 11, 12 и 16 выпусках исторического альманаха «Минувшее» (Париж, 1991, 1992; М.: СПб., 1992, 1993, 1994). *Здесь и далее — прим. автора.*

7 янв. 1927
25 дек. 1926
Рождество.

Дорогие бабушка, мама, папа, Борис и Андрей, поздравляю вас с Праздником. Сегодня утром я ходил причаститься, но не смог исповедоваться из-за множества народу. К отцу Сергию не попал, а идти к «геральдическому льву», который громогласно именуется каждое прегрешение, рыкая на всю церковь и тем нарушая не только тайну исповеди, но и чин совершаемой в это время службы, не захотел /.../ Новый год встретил я странным способом: распустив везде слух, что мы уехали в Амьен, неожиданно ворвались мы целой компанией, с черными масками на лицах, в дом Карсавина ровно в 12 часов ночи. Особого переполоха не вышло, главным образом потому, что все Евразийцы были уже почти пьяны. Сувчинский тяжело сидел на стуле, не в силах встать, В.Н.Ильин говорил что-то несвязное (как всегда впрочем), Сеземан моргал глазами и безмолвствовал более благодушно, чем обычно. Наконец евразийский претендент на патриарший престол, — необычно бледный, с мочалообразной бородой, вертелся с небывалой живостью, подливая во все стаканы, и нес необычайный вздор, — правда, с обычным остроумием. Пир продолжался до рассвета. Евразийцы и сочувствующие производили страшный шум.

Рождественское утро брат провел, разумеется, в храме Сергиевского подворья. «Геральдическим львом» назывался в его кружке настоятель прихода отец (позже владыка) Иоанн (в миру Гавриил Леончуков) за величественную наружность которого, по его словам, автор церковных фресок Стеллецкий «самого Саваофа хотел писать».

«Евразийский претендент на патриарший престол» — конечно, сам Карсавин, за которым тогда укреплялось прозвище «евразитарх». По Володиным позднейшим рассказам о памятной новогодней ночи, Льва Платоновича видели также отдыхавшим от деятельности хозяина-виночерпия, свалившись в кресло, которое не замедлили обсесть евразийские жены. О чем вспоминал и он сам, жалуясь, что ему только и хотелось обратиться к своим поклонницам мольбу «ослобоните!». Но даже при этой прострации в нем на миг проснулся медиевист, когда его слуха коснулось слово «Амьен», на что он откликнулся: «прекрасный город», хотя там, наверно, никогда и не был.

К группе направляющихся туда в интеллектуальное паломничество друзей Володи и Магдалины Шапиро присоединились супруги Федотовы и, в конечном счете, не только Ирина, но и Марианна Карсавины. Однако неожиданным образом обе сестры оказались никак не достойными дочерьми своего отца, не разделяя всеобщего восторженного интереса к прозванному «готическим Парфеноном» собору XIII века и докучая спутникам мелочными капризами.

В основном обо всем, заслуживающем внимания в том году, было сообщено во второй части хроники. Здесь же ограничусь лишь некоторыми сведениями.

Восходя к началу 27-го года, напомним, что в Париже провел несколько недель отец, по приглашению Богословского института читая на Сергиевском подворье краткий курс новой философии. Также провели во Франции несколько недель в июне мать с нуждавшимся в морском купаньи десятилетним братом Андреем. Стараниями Владимира и его друзей была найдена для них вилла на атлантическом побережье в курортном городке Понтайак, с которым так тесно свяжется воспоминание о лете 28-го года. А в двадцатых числах октября 1927, как и было сказано в предыдущем очерке, обосновался во Франции и я, поселившись поначалу в Медоне, вместе с братом Владимиром, который в ноябре стал женихом Магдалины Шапиро.

Там же рассказано и о счастливом разрешении их сложнейшего романа, как и о проведенных мною двух последних месяцах года в кругу приятелей Владимира, и о моих первых посещениях семьи Льва Платоновича Карсавина, возглавившего парижский клан собиравшихся в его доме евразийцев.

Следует отметить, что, переселясь из Берлина во Францию в 1926 году, семья Карсавиных обосновалась с 20-го июля в Клаамаре, где перебравшиеся туда раньше Сувчинские сняли для них двухэтажный дом, как говорилось, «павильон» с садиком, на 11-bis, rue de Saint-Cloud, ныне Estienne d'Orves. В эту пору многие материально стесненные оздоровлением немецкой марки русские переселились в инфляционную Францию. В Клаамаре же, до того слывшем парижской «подмосковной» князей Трубецких, кроме Карсавиных, осела, вернее сказать «водворилась», семья Бердяева, и их обиталища стали своего рода очагами русской культуры, центрами притяжения для идеологически разно настроенных «мыслящих» соотечественников. Одни находили духовную пищу в вещаниях Николая Александровича, другие же ориентировались на дом Льва Платоновича, скоро возведенного в достоинство «евразиярха». И о Карсавиных и о евразийцах я еще буду говорить...

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОД

Уже с конца прошлого года наш образ парижской жизни с братом сложился на особый лад. Став женихом, он принял от семьи Шапиро предложение стать почти ее членом, переселившись на их весьма буржуазную квартиру на avenue Charles Floquet, в двух шагах от Эйфелевой башни. Там в его распоряжение была предоставлена до того не использованная комнатка для прислуги на чердачном этаже, где будущие супруги завели обычай проводить дневное свободное время в стороне от общесемейного уклада жизни. В эту пору мне довелось вручить им с радостью полученную из Праги родительскую телеграмму, помнится: BENISSONS CHER ENFANT VLADIMIR — ET MADELEINE — PÈRE — MÈRE — GRAND-MÈRE.

Главным членом семьи Шапиро был уже старый отец Магдалины, Исаак Сергеевич (в действительности Изакиилович), в свое время директор отделения Азовско-Донского банка в Саратове. Нам с братом импонировали его благородная наружность и манеры, а также, хоть и не без оговорок, то, что он рассказывал за столом о своем продолжавшемся общении с кругом русских евреев-дельцов, с частым упоминанием имени некоего Моти Этингона. Поначалу нам казалось, что дело шло о каком-то вундеркинде, вроде того как слыл около 1914 года Яша Хейфец, но выяснилось, что это был какой-то особенно ими почитаемый ровесник, влиятельный финансовый туз.

Вторым назову единственного жившего в родительском доме из троих гораздо старших Магдалины братьев — Бориса, родившегося в 1895 году, получившего профессию врача в английских школах, но с дипломом, еще не признанным во Франции.

Должен был бы назвать перед ним мать семейства, Екатерину Яковлевну, урожденную Малкиэль, но попадаю в трудное положение по отношению к племянникам, не желая им докучать тем, что напрашивается на язык. Сообщу лишь, что свое качество Володиной тещи она уже довольно скоро начала оправдывать полностью, этого будет достаточно. Впрочем, не могу не вспомнить без благодарности и о виденном от нее к себе добре в незамедлившем создаться не для меня одного досаднейшем осложнении существования.

Дело было в том, что уже к концу прошлого года у меня объявился рецидив пережитого летом 27-го в Збраславе, свойственно моему комплексу фурункулеза. Мой возобновившийся недуг привлек к себе живое участие Володи и Магдалины, которая обратилась за помощью к брату Борису, следствием чего оказалось и

мое чуть что не ежедневное присутствие в семье Шапиро почти до конца зимы в качестве пациента для приема требуемых инъекций, да заодно и нахлебника.

Менее докучным, так как добровольным, «завсегдатайством» установилось к началу года еженедельное субботнее хождение в дом Карсавиных, где я стал полностью на место дезертировавшего в своей роли жениха Володи. Как и он до меня, так и я избрал в нем комнату Марианны, которую строитель «павильона» предназначал для кухни, но откуда его русские «безлошадные» обитатели спустили плиту в превращенный ими в кухню подвальный гараж, где подвизалась ведущая единолично хозяйство мать семейства Лидия Николаевна.

В Марианнину же комнату спускалась с верхнего этажа жившая точно над ней Ирина, и мы втроем безответственно болтали, главным образом перебивая косточки всем окружающим, среди коих отводилось место и Володе с Магдалиной, прозванным, исходя из слова *futurs*, «фютюрами». Иногда туда забегала и пятилетняя Сусанна, или Сусенька, кроме которой следует назвать и любимого четвероногого друга семьи, резвую собачку Тютеньку. В ту пору Ирина, участвуя в семейном бюджете, служила секретаршей в каком-то русском, связанном с производством духов, коммерческом предприятии, Марианна училась на курсах модельеров, а Суся ходила в один из младших классов начальной школы.

Главным же событием в Карсавинской семье был отъезд в начале января в Литву Льва Платоновича, оставлявшего в Кламаре свое семейство и евразийцев, чтобы по приглашению литовских коллег принять пост профессора, а в недалеком будущем даже ректора столичного университета (между двумя войнами столицей Литвы был Ковно, нынешний Каунас). Помнится, что это не мешало парижским евразийцам собираться ежемесячно или даже еженедельно у Карсавиных. К концу зимы и середине весны существование семьи Льва Платоновича и сборища его единомышленников-почитателей оживлялись его приездом на междусемерные и пасхальные университетские каникулы.

С составом их семейного круга мы только что познакомились. Что же до его многочисленного и разношерстного окружения, то назову для примера, кроме «первого приближенного» и будущего зятя Л.П. Петра Петровича Сувчинского, его третью жену Веру Александровну Гучкову, дочь политического деятеля и тоже евразийку. Вспоминаю также философа-филолога Василия Эмильевича Сеземана, отчасти ученика моего отца, и его жену Нину Николаевну Насонову, бывшую ученицу гимназии моей бабушки Стоюниной, будущего священника Александра Александр

ровича Туринцева, перебравшихся из Праги Алексева и Эфрона. Не говорю о Марине Цветаевой, не зная, в какой мере она была близка к евразийским увлечениям своего мужа. Во всяком случае, в карсавинском доме мне ее зимою 1927/28 гг. встречать не случилось. Думаю, что все это оставалось за пределами ее эгоцентрического мироощущения.

Зато убежденным евразийцем был Владимир Николаевич Ильин, профессор философии и литургики в Богословском институте, которому не повезло на сборищах единомышленников, думается, оттого, что он был также и верноподданным завсегдаем бердяевского двора. Напрасным оказался среди евразийцев его дар блистательного рассказчика, уснащавшего свою речь литературными цитатами. Вспоминаю, как по какому-то поводу ему пришлось кстати обратиться к одному рассказу Чехова, где сельский житель утверждает, что у него на огороде ночью «огурцы свистят». Это должно было показаться забавным, но у собравшихся никакой одобрительной реакции не встретило, даже когда после нескольких секунд молчания неопределенный рассказчик заметил, что, по-видимому, роль свистящего огурца выпала на его долю. Ограничусь этим примером, а мог бы их привести несколько.

Во избежание перегрузки текста, сведу, хоть и не без сожаления, к минимуму все, что в хронологическом порядке повествования можно было бы рассказать о наших семейных делах. Сообщу только, что венчание Володи и Магдалины на Сергиевском подворье 4 июня привлекло во Францию всех наших пражан (бабушку, родителей и Андришу, которому шел 11-й год), после чего протекло памятное лето 28-го в компании с Карсавиными и некоторыми евразийцами на Атлантическом океане.

Речь идет о морском курорте по соседству с Руайаном, известном нашей семье с предыдущего лета, куда мы направлялись и теперь на июль и август. Зная, что в снятой нами вилле «Провиданс» имеются еще помещения для сдачи, я приманил туда семью Карсавиных, за которой потянулась целая вереница евразийцев: чета Сувчинских, семья Эфрона и Цветаевой, Алексеев, сестра Сеземана и молодой Владислав Иванов, племянник одного из последних петербургских сенаторов, — С.В.Завадского. Приехали туда и другие, к «Евразии» не относящиеся русские, между ними дети Леонида Андреева и сын Бориса Савинкова. Все это общество проводило на пляже часы не только купания, но и разговоров, часто в философских препирательствах отца с Карсавиным, забавлявших компанию парадоксальными юмористическими репликами Льва Платоновича.

Более младшее поколение, к коему принадлежали и В.А.Гучкова, и джентльменски за ней ухаживавший Иванов, предавалось плаванию, играм на горячем песке или слушанию С.Я.Эфрона, обладавшего, как и его жена, занятая своим трехлетним сыном Муром и особенно ни с кем не общавшаяся, талантом рассказчика «в лицах» о пережитых и виденных в свое время вещах.

Эфрона оценили и наши родители, и, когда на снятую им дачу прибыла Марина Ивановна с детьми, он привел свою семью к нам в гости. Меня при этом не было, но знаю, что с Мариной у родителей никакого контакта не установилось, а ее дочь Аля — несуразно скроенный подросток (то, что называется «бакфиш») — просто произвела очень скверное впечатление на мою мать, когда вошла в комнату, глядя куда-то поверх всех голов, никого не замечая и отвечая на вопросы взрослых лаконично и саркастически. Зато трехлетний Мур, хотя как-то чудовищно крупный для своего возраста, всех очень позабавил своей взрослой, независимой речью и особенно полюбился бабушке.

Вскоре после того в Понтайаке очутился Максим Ковалевский и провел там недели две или три, сняв где-то поблизости от нас комнату, приходя к нам на все харчи и вообще проводя у нас весь день, наполняя дом ковалевско-лошадиным смехом-ржанием. Все это было гениально и удовлетворяло всех, кажется, вплоть до хозяйки дома, моей матери, на которую неожиданно свалился еще один нахлебник. Через несколько дней после этого водворения как-то появились в садике перед нашей дачей, в котором я находился один, супруги Эфрон и остановились у входной двери. И тут жена нетерпеливо-резко отчеканила мужу: «меня здесь интересует только Максимчик» и, заложивши за спину руки, сутулясь, стала по-стервинуому ходить взад и вперед перед домом. А он покорно и несколько смущенно пошел в наше обиталище вызволять оттуда «Максимчика». Вся эта демонстрация, устроенная в моем присутствии, показала мне не очень деликатной по отношению к нашей семье, отнесенной по меньшей мере в разряд «quantités négligeables» в своем же доме, не говоря уже о Сергее Яковлевиче, которого положение и роль в своей родной семье стали мне представляться не очень завидными.

Впрочем, Цветаеву мы у себя еще раз наверное видели, — в более приличной «конъюнктуре» — помню подаренный ею Володе на именины экземпляр незадолго перед тем вышедшего сборника «После России» с посвящением, датой и указанием места: Понтайак — кириллицей, что меня удивило. А теперь вижу, что это было одним из проявлений ее непреклонного стилистического пуризма, как и старая орфография, вплоть до фиты и ижицы.

С Мариной Ивановной мы общались не много, хотя на пляже вся русская компания, и она среди нее, сидела вместе, и иногда нам случалось гулять в ее обществе.

Из разговоров с нею стоит, между прочим, в моей памяти ее воспоминание, относящееся ко времени отрочества и носившихся в ту пору стеснительных платьях и юбках, в которых, по тогдашним правилам приличия, нельзя было садиться кладя ногу на ногу. Но интереснее, конечно, будет вспомнить некоторые обрывки ее высказываний о литературе и словесном творчестве.

Знание литературы французской было у нее, должно быть, очень большое. Как-то раз мне случилось вспомнить при ней о каком-то пассаже из романа Виктора Гюго «Труженики моря», и она тут же его процитировала, должно быть, с большой точностью.

Говорили как-то о процессе стихо- и прозосложения: о рукописях и даже корректурных листах у поэтов и писателей, таких как Пушкин, Тургенев и Толстой (можно было бы прибавить и Бальзака), полных зачеркнутыми или переставленными словами и испещренных всякими поправками. На это она сказала (надеюсь, что не искажаю ее мысли), что именно путем многих переделок текст, в частности стихотворение, приобретает характер целостности, как будто оно было создано «d'un bloc». Это французское выражение она произнесла особенно доброкачественно (на мое тогдашнее ухо) с «о fermé», от которого мне стало ясно, насколько у нас, большинства прочих русских, хромало французское произношение.

Продолжая говорить о рукописях, она рассказала (без особенно видимого ехидства) о том, как в разговоре на эту тему с Евгением Чириковым услышала его не лишнее оттенка самоудовлетворения заявление, что он свои рукописи строчит прямо набело.

Ограничусь этими воспоминаниями Цветаевой, не распространяя их на длинный, отдаляющий от темы «Русский Париж» живописный рассказ «в лицах», восходящий к «Русской Праге»; вспомню еще о нашей последней прогулке с семьей Эфрон накануне их отъезда из Понтайка (около 20 августа), на которой Сергей Яковлевич оттянул Володю в сторону для конфиденциального разговора. Темой его было приглашение вступить в общество евразийцев и, наверное, стать сотрудником тогда основывавшейся еженедельной газеты. От всего этого брат отказался уже по той формальной причине, что члены пресловутого «Фотиевского братства», которому он был предан «телом и душой», не имели права, по статутам этого ордена, принадлежать ни к каким другим идеологическим организациям.

Евразийский временник действительно начал свое существование осенью того же года в форме газетки, выходившей раз в неделю. Первый номер открылся своего рода манифестом или символом веры, что-то вроде «Россия — шестая часть света — призвана вершить судьбы мира» и т.д. Именовалась газета «Евразия». Название печаталось желтыми заглавными буквами, причем предпоследняя гласная была такой формы, что для неблагосклонных читателей вроде матери братьев Ковалевских газетка приобрела кличку «Евразня». На нее подписался не только брат, но по началу и я, к чему вернусь в следующей главе.

Расставаясь на сей раз с миром Евразии, вспомню об осеннем приезде в Париж для оформления партийного единства группы представителей ее пражского клана под предводительством его возглавителя Петра Николаевича Савицкого, вслед за чем стряслась громкая ссора, приведшая к полному, взаимно нетерпимому расколу между довольно правыми пражанами и уже склонявшимися к ориентации налево парижанами.

Что же до других интересных для нашей темы событий осени 28-го, не распространяясь на чисто домашние дела, вспомню о визите с родителями (7-го октября) в семью игравшего видную роль в эмигрантской общественности бывшего присяжного поверенного Николая Васильевича Тесленко, товарища отца по гимназии в Витебске и нашего бывшего соседа по имениям в Витебской губернии. Каким-то образом я привлек к себе благоволение интересовавшейся художествами хозяйки дома, Лии Ефимовны, рожденной Компанеец, и по ее любезной инициативе стал с ноября месяца еженедельным вечерним завсегдатаем обеденного и послеобеденного часов в их квартире, снимаемой ими на берегу Сены (помнится, в Levallois-Perret).

Тоже не забуду венчания 17 ноября в соборе на rue Daru младшей дочери Шалыпина, Марфы, и Даниила Гарднера, крестника моей матери, на котором нам с братом и Магдалиной довелось присутствовать в роли «бедных родственников», молча потешаясь над перлами красноречия, расточаемыми специализировавшимся на «торжественных случаях» протоиереем Николаем Сахаровым. Зато насладились при «шапочном разборе» зрелищем величественной осанки самого Федора Ивановича, вышедшего из паперти на внешнюю лестницу и оглядывавшего, надевая цилиндр, скопившуюся у ее подножья толпу прихожан. Как-то неожиданно и странно претворилась в нем роль Бориса Годунова, выступающего из портала Успенского собора на площадь Кремля.

Закончу хронику 28-го года воспоминанием о совсем скромном венчании отцом Сергием Булгаковым, на Сергиевском подво-

рье, перебравшегося за год до того из Праги в Париж Кирилла Каткова и тоже бывшей пражанки Татьяны Николаевны, дочери упоминавшегося мною в заметках за 1923 год инженера и церковного строителя Леонтьева. Я был рад исполнить просьбу Кирилла держать над ним венец и позже частому общению с их четой и кругом молодых художников, к которому они не замедлили обратиться.

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОД

Для точности изложения событий предыдущей главы у меня было пособие в виде сохранившейся agenda 1928. Имеется и на этот год записная книжка такой же модели, а сверх того, — печатаемый с 1995 года в московском издательстве «Эксмо» справочник под заглавием «Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920-1940. Франция». Прибавлю необходимое уведомление, что это второе пособие будет служить, подобно первому, только для хронологического уточнения, но никак не дополнения моих личных воспоминаний о жизни в русском Париже.

Начну с того, что от весны 1928 до весны 1933 года я прожил пять лет полупансионером в семье Метальниковых, в предместье Ванв, занимая чердачную комнату длиннейшего доходного дома, выходящего торцом к саду Lycée Michelet, на верхушке улицы, спускающейся к Исси-ле-Мулино.

Продолжались еженедельные визиты к семье Тесленко, в связи с чем нахожу в записной книжке заметку на среду 9 января, дающую забавный опыт характеристики повадок хозяина дома: после моего к ним пришествия и своей вечерней прогулки, по его выражению, «чтобы набраться воздуха», Николай Васильевич «вернулся так же размеренно весел и методически смеется якобы заразительно». С хозяйкой дома шли те же разговоры на антикварные темы. Их часто оживляла приходившая помогать в чем-то кончавшему гимназию единственному сыну Коле (не совсем уверен в имени) некая Madame Chandon, если не ошибаюсь, первая по времени выпускница дотолы исключительно мужской Ecole des Chartes, формирующей высококвалифицированных работников для архивов, библиотек и, соперничая с моей Ecole du Louvre, — музеев; к ней будет случай вернуться ниже. Также приходил и младший брат Лии Ефимовны Павел (он же «Пава») — возглавитель странствующей русской актерской труппы и двух или трех поколений вошедшей в кино-театральную хронику династии Компанеев.

Продолжались и визиты в семью Шапиро, по счастью, не для лечения от освободившего меня лет на пять фурункулеза. С конца прошлого года с ними жили, покинув свое предыдущее жилище в предместье Рюэль-Мальмезон, Володя и Магдалина. К сожалению, 17 февраля наметилась изнанка Володиной супружеской жизни: в ходе разгоревшегося домашнего спора, перешедшего в ссору, хозяйка дома стала на позицию подлинной тещи. 17 марта и 8 апреля стоят в книжке тревожные записи о сильно ухудшившемся здоровье Исаака Сергеевича.

Я же, начиная с 19 февраля, возобновил обычай частых хождений на зубочечение у Кострицкой, дочери известного дантиста, создавшего, с частичным содействием лаборатории С.И.Метальникова в Пастеровском институте, зубную пасту, имевшую большой успех.

Благодаря завязавшейся на учении в Сорбонне дружбе со студентом музыковедения Владимиром Федоровым, одним из четырех сыновей Михаила Михайловича, громогласного директора Комитета помощи русским студентам, — я часто бывал соучастником их полуденной трапезы. Случалось также проводить вечера у молодоженов Катковых, сошедшихся с несколько богемной группой молодых, по большей части русских, художников, или в знакомой с лета на море семье инженера Лаврова и друживших с нею дам и девиц, среди которых самой интересной была приобретающая вскоре известность на русской сцене Елена Корсак.

Пишу все это в порядке воспоминаний о стоящем внимании русском Париже, не задерживаясь на деталях своей личной жизни, протекавшей главным образом в учебном мире Сорбонны и Луврской школы, занятий в библиотеках, посещениях музеев и выставок или участии в экскурсиях со студентами-искусствоведами.

Возвращаясь к русскому Парижу, вспоминаю еще о своих посещениях в Медоне, куда, кстати сказать, перебрались весною на временное житье и Володя с Магдалиной, находившегося там центра притяжения для российского «света», каковым было обиталище семьи Ковалевских: домик в саду, где верховодил не столько уважаемый отец семейства Евграф Петрович, в свое время член Государственного Совета, сколько его норовистая супруга Инна Владимировна (к сожалению, девичьей фамилии не помню, а то и не знал вообще), властвовавшая над сыновьями Петром, Максимом и Евграфом и принимавшая на семейные именины множество весьма светских гостей. Как-то при мне случилось одному из них представить хозяйке извинения оставшейся дома, ссылаясь на плохое здоровье, жены, на что последовала сентенция: «Бедная, она же старше меня, а я знаю, сколько мне лет». Или вспоминает-

ся, как сидели в гостях у Ковалевских мы с братом и Шурой Адлером (позднее ярым сотрудником газеты «Евразия»), который очень почтительно попросил у Инны Владимировны разрешения закурить, на что последовал ее милостивый ответ: «Можно, только выйдите в сад».

30 апреля мы узнали о смерти Исаака Сергеевича, наверное, в больнице, где протекли его последние дни, если даже не недели. 1 мая мы с братом (не помню, почему без Магдалины) пришли в покойницкую поклониться его телу. На смертном одре он обрел впечатлившее нас сходство с величавыми портретами кисти Эль Греко. Подойдя к нему, нам представилось естественным снять шляпы, но сидевший у его ног служитель синагоги сурово-повелительно заставил нас их снова надеть. 3 мая состоялось религиозное погребение Исаака Сергеевича на кладбище предместья Баньё при большом стечении людей из делового мира. Был среди них, наверное, и пресловутый Мотя Этингон, но надгробную речь не без ходячего припева о «редеющих рядах русской интеллигенции», вызвался произнести некто, не знакомый даже Екатерине Яковлевне, по фамилии Персец. Пришла на похороны и Ольга Владимировна Метальникова.

Для нас это был конец Страстной недели, которую мы справляли на Сергиевском подворье. Чтение Двенадцати Евангелий поделили между собою, в качестве настоятеля храма уже упоминавшийся о. Иоанн (Леончуков) и ректор Богословского института о. Сергей Булгаков. Не обошлось, наверное, и без концертного исполнения студенческим хором «Разбойника благоразумного». Хорошо помнится и заутреня: по возвращении в храм крестного хода зажегшиеся над паникадилами люстры и слова подошедшего к нам Владимира Ильина, что для лучшего выражения всеобщего ликования нужен действительно максимум света, и Володиного к ним дополнения — «даже электрического». С нами вместе стояли Жорж и Руся Оцупы и как будто Шура Адлер, в свое время принявший крещение по примеру Магдалины, но чрезмерным благочестием никогда не отличавшийся. Зато присутствовала на церковной службе, явно привлеченная ее богатством, жаждавшая духовной жизни другая ярая сотрудница «Евразии», пребывавшая в Ветхом Завете, «неприкаянная» — по жалостливому выражению Карсавина — Миля (должно быть, Эмилия) Литавер, которой суждено было через восемь лет погибнуть вместе с Сергеем Эфроном в советском застенке.

Поскольку речь зашла об этих верных служителях «Евразии», уместно будет здесь же и закончить рассказ об этой газете, тем более, что в том же году она прекратила существование своим

35-м номером. В ее тематику входили разнообразные статьи не только идеологического содержания, но и отзывы на нововыходящие, главным образом на Западе, книги гуманитарного порядка на исторические и социологические темы. Подписей «вожачков» как-то не вспоминаю, чаще за всех писали «младшие богатыри»: Владислав Дмитриевич Иванов на темы жизни искусства на Западе и в тогда еще авангардной России или о необходимости принимать близко к сердцу политические проблемы не только «здесь», но и «там». Помнится также подпись Мили Литавер под большими, несколько тяжеловесными и заумными статьями по поводу очень ученых немецких книг и анонимат ведшего с беспредельной преданностью «кухню» газеты Шуры Адлера, автора заметок, где особенно доставалось парижской эмигрантской прессе: «Возрождению», «Последним новостям» и, в особенности, «России», руководимой П.Б.Струве, ставшей «Россией и славянством». Во всех указанных газетах историк евразийства найдет много забавного материала чисто политического порядка, поскольку уже в ранних номерах стали появляться длинные статьи, сначала «К преодолению марксизма», а потом «К познанию марксизма», после чего мои абонентские взносы иссякли, да и вообще можно сказать, что парижская «Евразия» к этому времени стала окончательно засыпать.

Возвращаясь к теме русского Парижа и к Пасхе 29-го года, вспомню наше разговение у Володи и Магдалины в Медоне. Среди их нескольких гостей оказалась обычно с ними не общавшаяся старшая из четырех дочерей князя-перводумца Владимира Андреевича Оболенского, стоявшая на пути к монашеству почитательница о.Сергия Булгакова, Анна. Помню, что по поводу ее суровой критики богослужения отца Иоанна я осмелился смиренно возразить, что получил в известной мере утешение от его чтения на заутрене пасхального послания Иоанна Златоуста, дарующего благословение, если не прощение «постившимся и не постившимся», к разряду каковых принадлежали и сам о.Иоанн, по его откровенному признанию, так и я по мирскому нерадению. Был гостем и сбежавший из родительского дома Евграф Ковалевский, из речений которого мне запомнилось, что моя физиономия, в те годы обрамленная пушкинскими бакенбардами, как будто вышла из «старинного портрета». Куда сбежал из дому Максим, не знаю, но предполагаю, что разговлялся он вместе с невестой Ириной, среди веселой компании, в музыкальной семье ее отца, возглавлятеля вокального квартета Николая Кедрова.

28 июня дошло дело до Максимова мальчишника в предместье Сен-Клу, помнится, 6, rue de Silly, в двухэтажном домике

среди дворика-садика, на верху которого проживали графы Игнатьевы, а внизу находилась церковь пресловутого «Фотиевского братства», живописным членом которого был старший сын знатной семьи, «Николка» для Володи и братьев Ковалевских, собратчиков, тогда возглавлявшихся властолюбивым до комичности Алексеем Ставровским. По обе стороны церковного нефа висел добрый десяток приблизительных или вымышленных портретов, набросанных на бумаге тушью или угольным карандашом Евграфом Ковалевским, — портретов православных патриархов поместных церквей, обрамленных багетами, две рамки были пусты — для изображения римского папы, преувеличившего свой законный сан притязанием на мировое владычество, и для другого, не помню какого, неугодного фотиевцам прелата. Чуть что не всем православным владыкам, по наущению Ставровского, Максим провозглашал «многая лета», и когда был прославляем некий Кир-Кирилл, мы с Шурой Адлером позабавились, вспоминая известный эпизод из любовных утех Потемкина в пору покорения Крыма, когда артиллерия по его приказу должна была почтить любовную победу Светлейшего пушечной пальбой, на что циничный муж наложницы Потемкина реагировал замечанием: «экое кири-кики».

За здоровье всех владык и за многое прочее обильно пилось в подвальном, должно быть, обычно служившем для радений братчиков зале, так что мне не очень памятно, как вместе с Адлером мы выбрались из игнатьевского дома и, перейдя через мост, очутились перед porte de Saint-Cloud на громадном пустыре, где шесть лет спустя возвысился монументальный ансамбль высоких доходных домов, в которых в 1937 году поселились, перебравшись из Страсбурга, семьи братьев Грабаров, профессора-византиноведа Андрея и, кажется, ставшего членом Пастеровского института Петра. На этом пустыре, споткнувшись, Шура упал с окончательного затуманенным сознанием, и в ответ на мое предложение продолжать наше нелегкое передвижение я услышал лишь бутаду — в его произношении: «своуочшь, ты против советской вуасти». После чего его одолела судорожная тошнота, вокруг нас стали участливо останавливаться прохожие и кто-то из них, по моей просьбе, призвал таксиста, который, однако, согласился принять моего спутника только на облучок машины, куда его и запихнули общими усилиями. Так мы и добрались до его жилища, втащили по лестнице до квартиры, и когда дело дошло до расплаты, в его кошельке не нашлось денег, и мне пришлось залезть в свой за последней пятифранковой монетой, которую я вручил таксисту со словами «vous êtes un brave homme».

Не знаю, что помешало Володе принять участие в мальчишнике, предметом которого был Максим, едва добравшийся к утру субботы 29-го домой в полусознательном после всего выпитого состоянии. Позже его мать рассказывала, не без сравнительно-добродушного, свойственного ей ехидства, что весь тот день он провел сидя в оцепенении на постели, «в глубоком декольте». Пришлось и мне за этот день появиться в дверях их дома и услышать от Инны Владимировны, что для своего визита я не нашел менее неудачного времени. В ответ я протянул ей только что полученную от медонского русского сапожника (до эмиграчества учителя латыни) пару башмаков Евграфа Петровича, которые сапожник, вероятно, тоже в нетрезвом состоянии, перепутал с моими.

На воскресенье 30-го в записной книжке нахожу, что свадьба еще не вышедшего из своего «катценяммера» Максима с Ириной Кедровой в соборе на rue Daru состоялась в 3 часа «*все come il faut*, народища тьма тьмушая, духовенства тоже». Помню, что в церкви я оказался перед, не пойму теперь, чем тогда мне неудобным князем Сергеем Михайловичем Волконским, памятным мне еще по Петербургу, где в 1913 году он приходил наблюдать за уроками ритмической гимнастики в гимназии моей бабушки Стоюниной и был одно время директором императорских театров, а в культурном мире эмиграции пользовался репутацией замечательного мемуариста и музыкального критика. Мне казалось, что мое стояние перед ним было ему досадно, и я даже (в чем признаюсь со стыдом) пережил что-то вроде злокачественного удовлетворения, когда, сделав нечаянно шаг назад, почувствовал, что слегка наступил ему на ногу. Был он, наверное, почетным гостем, как друг и литературный покровитель семьи Кедровых, на свадебном празднестве, справлявшемся в медонском жилище Ковалевских. Там же обращал на себя внимание видный притязательной наружностью и уже достаточно известный в музыкальном мире певец Александр Мозжухин, норовивший занять в квартете Николая Кедрова место его дышавшего на ладан брата Константина.

Летние каникулы Володя с забеременевшей в начале весны Магдалиной и я, променявший на три месяца русский Париж на русскую Прагу, провели с нашим старшим поколением, жившим тогда в Збраславе, как обычно в гостинице Велька Господа. Брат и свояченица покинули Францию 4 июля и по дороге, в целях культурного туризма, провели дня два в Нюрнберге. Подобным же образом две недели спустя поступил и я, растянув переезд на три дня и побродив 16 июля по Люневиллю, Версалю герцогов Лотарингии, 17-го — по Страсбургу, чтобы добраться до милого Збраслава к вечеру 18-го.

Там наша семья занимала, как и в 1927 году, когда я с нею расстался, две комнаты в верхнем этаже: самую большую, смотрящую окнами на двор и на улицу, и малую, выходящую через застекленную дверь на балкон над ресторанным садом. В большой жили бабушка, мать и Андрей, который на свой недавний двенадцатый день рождения получил увлекший его фотографический аппарат, а в малой — отец, которому в хорошую погоду рабочим кабинетом служил балкон, где вся семья, по крайней мере когда принимала гостей, пила с ним чай.

Сохранились две очень удачные, снятые Андреем на балконе фотографии, на одной из которых отец сидит как бы за письменным столом, а другая напоминает о многолюдном чаепитии 23 августа, приуроченном или случайно совпавшем с 24-м днем рождения Магдалины, сидящей на первом плане в левом углу снимка. За нею видны Володя, за ним я, севший на перила балюстрады, Иван Иванович Лапшин, будущий сподвижник и почитатель Л.П.Карсавина Кубарев, во главе стола чета родителей, а по его правую сторону графиня София Владимировна Панина, бабушка Мария Николаевна Стоюнина, недавно прибывший в Прагу постриженный на парижском Сергиевском подворье иеромонах, позже архимандрит Исаакий (в миру Виноградов), и археолог Н.П.Толль.

К сожалению, не сохранились фотографии с чаепития 31 августа, на которое София Владимировна привела и своего негласного мужа Николая Ивановича Астрова, бывшего московским головою, и свою мать, бабушкину товарку по гимназии, Анастасию Сергеевну, урожденную Мальцеву, во втором браке за известным глашатаем либеральной интеллигенции Иваном Ильичем Петрункевичем, тогда доживавшим вместе с нею свой век, не помню уж в каком селении на правом берегу Влтавы по другую сторону Праги. Дотоле известная мне только понаслышке Анастасия Сергеевна, называвшая бабушку, очевидно, как это делалось встарь, Marie, была одной из ее трех товарок по первой петербургской женской Мариинской гимназии, которые обращались к бабушке на «ты». Две другие, памятные мне, одна с 1913-го, другая с 1922 годов, — были вдова и сотрудница Достоевского Анна Григорьевна Сниткина и одна из дочерей громогласного Владимира Стасова, в замужестве Фортунато, при Советах хранительница памятников Кремля¹. Помню, что отец тогда показывал гостям должно быть только что фототипически переизданный капитальный труд о Павла Флоренского «Столп и утверждение истины», на что Анастасия Сергеевна реагировала в пренебрежительно-антирелигиозном

¹ См.: Минувшее. Вып.7. С.394; Вып.12. С.121.

тоне, противопоставляя христианскому менталитету свой спиритуализм. По поводу чего в моей записной книжке нахожу забавную запись: «характерная женщина, — ”дух побеждает“, говорит».

Зато проявляла себя большей поборницей служителей церкви недавно переселившаяся, не помню откуда, в Чехословакию другая довольно частая гостья наших чаепитий, Надежда Константиновна Ушинская, дочь известного предшественника моего деда В.Я.Стоюнина в области российской словесности и педагогики. С Флоренским, по ее рассказам, она дружила еще в петербургской Александро-Невской Лавре, что дало повод нашему пражскому владыке Сергию поддразнивать ее вопросом: «так вы уже тогда за монахами ухаживали?» — на что она оправдалась пояснением: «оттого что он был воспитанный». Распространяла она свое благочестие и на чешского архиепископа, монсиньора Кашпарека, возглашавшего в соборе святого Вита «Dominus Vobiscum», что, по ее понятию, значило «Dominus wo bist Du?».

Был нашим нередким гостем упомянутый в прежних очерках¹ Алексей Эйсер, поэт, занявший в конечном счете место в истории русской литературы, в память о котором хочу принести свой скромный вклад и я. К нам он приходил из какого-то не очень отдаленного от нас излюбленного россиянами местечка, вероятно, Черношиц, Вшенор или Мокропсов, купался с братом и со мной во Влтаве и был радушно принят в нашем семейном кругу. Помню, что с большим интересом познакомились мы с принесенными им, наверное, недавно вышедшими воспоминаниями только что покинувшего для репатриации свою сицилианскую дачу на Капри Максима Горького о его общении в молодые лета с корифеями русской литературы на рубеже столетий, главным образом с Львом Толстым и его младшими почитателями Чеховым и Андреевым. В разговорах со мною он смешным образом называл Володю «беднейшой» за его явно ничего романтического не обещающий образ жизни женатого человека, тогда как его собственная сердечная жизнь была ключом. В связи с этим вспоминаю о его появлении у нас в жаркий летний день с закрученными выше локтей рукавами рубашки и воткнутой в один из них аметистовой брошкой. Должно быть, брошка принадлежала властвовавшей уже несколько лет над его любовными помыслами сестре его товарищей по кадетскому корпусу Игоря и Олега Новосильцевых — Вере, которая в творениях Алексея величалась «моя самая милая, самая злая мечта» и стала вдохновительницей таких его стихов, как «Каждый

¹ Минувшее. Вып. 16. С. 63, 69.

день я всхожу по ступеням на высокий любви эшафот...» По поводу чего вспоминаю, как бы «в скобках», о его раннем литературном успехе и Наверное не слишком им оцененном комплименте престарелого лирика Даниила Ратгауза: «Так писали и мы в наше время». К лету же 29-го положение изменилось: Вера Новосильцева снизошла к всходящему на эшафот и стала проявлять известное благоволение к нему, чем затронула родовую спесь братьев. Не знаю, случилось ли им, как говорили, гоняться за дерзновенным поэтом по улицам Праги, но помню с его слов не без романтических прикрас, что будучи прижатым ими к стенке для рукопашной расправы, он «хватался за оружие», — хотелось бы знать, какое... Его рассказ о пережитом заключился сентенцией: «всесильно ли время», чтобы положить конец его, видимо, недалеко зашедшему роману с Новосильцевой. А из моей дальнейшей парижской корреспонденции с Прагой выяснилось, что для утешения «всесильной» Веры оказалась достаточной подаренная ей братьями собачка. Общение же наше с Эйсером продлилось в русском Париже и закончилось в первой половине 1930-х годов.

Для возвращения в Париж Володя и Магдалина покинули Прагу 1 октября, я же там остался еще на три недели, ознаменовавшиеся для жизни нашей семьи важным, издавна желанным событием: пришествием нашей очереди стать жителями русского «профессорского дома» в Бубенче, на Бучковой улице, 27-29.

В совершении переезда или, точнее, переправки мебели и багажа мне довелось принять прямое участие, присоединясь, 8 октября, к новосформировавшейся, не знаю, по чьей инициативе и на чей капитал, артели носильщиков и возчиков на грузовом автомобиле, артели, состоявшей главным образом из русских студентов, находящихся под угрозой безработицы.

Свое приобщение к русской Праге наша сжившаяся со Збрасловым семья смогла ощутить уже 14 октября, на бабушкины именины в день Покрова Богоматери, когда наша квартира наполнилась гостями из уже очень обрусевшего Бубенча. Также в моей записной книжке отмечено присутствие Наверное отслуживших заздравный молебен владыки Сергия и отца Исаакия и С.В.Паниной, пришедшей вместе с неожиданно приехавшей из Базеля Эльзой Эдуардовной Малер¹, обрусевшей уроженкой и гражданкой Швейцарии, — в петербургском университете ученицей, а позже отчасти сотрудницей известного археолога Михаила Ивановича Ростовцева, вместе с которой в августе 1914 года мы переплывали на борту шведского парохода минированный Ботнический за-

¹ Минувшее. Вып.11. С.132.

лив. Помнится, что на этом же бабушкином именованном чаепитии Б.А.Еврейнов эффектно прочел пришедшую из Петербурга телеграмму с поздравлением не забывавших о бабушке сотрудников и сотрудниц ее гимназии.

Встреча с Э.Э.Малер оказалась для меня весьма знаменательной, потому что, заинтересовавшись моим искусствоведением, она пригласила меня погостить будущей весной у нее в Базеле, что я, разумеется, принял с удовольствием и осуществил, положив, как увидим, основание нашей долголетней дружбе.

21 октября покинул в свою очередь Прагу и я, растянув свой обратный переезд в Париж сведением прямого знакомства с памятниками Шалона на Марне и Реймса.

Первая половина ноября прошла для меня в завершении подготовки и сдаче экзамена по средневековому искусству, в Сорбонне под эгидой преподававшего его «многогранного» Анри Фосийона. Письменная работа о XIII веке в архитектуре соборов Франции, устное испытание с ним же и, дополнительно, с Шарлем Пикаром и Ренэ Шнейдэром, его коллегами, ведшими курсы об искусстве классической древности и нового времени, начиная с Возрождения. Также пришлось отвечать и своенравному профессору эстетики, офранцузившемуся венгру Виктóру Башу, обреченному на гибель в пору нацистской оккупации начала 1940-х годов.

А 20 ноября произошло весьма значительное событие в жизни нашей семьи, теперь уже можно прибавить — и русского Парижа. В русском же, основанном одной из эмигрантских врачебных организаций родильном доме на avenue Mozart явился на свет Николай Владимирович Лосский, ныне дошедший до пенсионного возраста профессор шумного университета Нантэр, где он ведет сборный курс, охватываемый общим наименованием «Civilisation britannique», посвященный как религиозным, так и политическим аспектам культуры Великобритании, а также профессора Богословского института на Сергиевском подворье, где он преподает историю восточной и западной Церквей, а его сын Андрей — литургическое богословие. Он же сам, сверх того, является активным участником экуменического движения. В своей записной книжке нахожу за 21 ноября забавную запись: «Был у Магдалины в клинике. На племянника посмотреть не решился». Помню, что от этой нелепой боязни новорожденных младенцев я освободился к 1932 году, когда Магдалина произвела на свет моего племянника Ивана.

В записи за 26 декабря упоминается о ежегодном банкете в большом ресторане на 99, rue d'Alésia — для русских студентов-стипендиатов американского мецената Уиттмора. «Из начальства

только Сомиха и Ермолов». Удивляюсь на непочтительную деформацию фамилии директрисы комитета Сомовой, так как вспоминаю о ней как о заботливой и добродушной попечительнице иждивенцев, о которой в Праге дружески отзывалась С.В.Панина, и печалюсь при мысли о постигшем ее бедственном материальном положении, когда это учреждение прекратило свое существование в начале 1930-х годов. Если точны только что полученные мной сведения, она была родом из семьи Шуваловых или Воронцовых и провела последние годы жизни на юге Франции. Что же о Борисе Николаевиче Ермолове, прямом или косвенном потомке военачальника «священной памяти Двенадцатого года», то его сотрудничество с Уиттмором продолжалось, перейдя на научную сторону меценатства последнего. Как и на других ежегодных банкетах Уиттморовых иждивенцев, десерту сопутствовал дивертисмент с инструментальными, вокальными и декламаторскими номерами — исключительно талантами стипендиатов. Повелось, что ролью исполнительницы главным образом своих собственных песен и стихотворений неизменно завладевала недавно приехавшая из Финляндии сестра моего товарища по пражскому Техникуму Калабина (переименованная Володиным приятельским кружком в «Кулебякину»), поступившая, если не ошибаюсь, в Сорбонну и в русскую консерваторию. Но перейду лучше к соседям-застольникам 29-го года, которых упоминает записная книжка, первого тоже по прозвищу: «ханжа». Дело идет о Всеволоде Палашковском, выпускнике Богословского института, будущем священнике, о котором ближе вспомню в будущие годы. Соседкой с правой руки была очень симпатичная дочь о.Сергия Булгакова, Мария Сергеевна, которую узнаю в записной книжке под фамилией ее мужа К.Б.Родзевича, не по его вине слишком известного своей связью, в начале 20-х годов, с Мариной Цветаевой и ее ревностью, вдохновившей на обращенные к нему стихи: «После мраморов Каррары как живетесь вам с трухой гипсовой?..», на что Шура Адлер отзывался ехидно-скептической сентенцией: «насчет трухи согласен, насчет мрамора сомневаюсь». Про Родзевича могу прибавить, что во время Первой мировой и гражданской войн он подвизался морским офицером и отличался от сослуживцев тем, что если бы оказался в воде, был бы не способен пуститься вплавь — об этом я тоже слышал от Адлера.

Тому, что в этом году среди Уиттморовских стипендиатов не было Володи, причиной явилась мучившая его зубная боль с уродовавшим его лицо флюсом и, в перспективе, операция у известного в русском мире изобретателя биологической пасты Кострицкого, точнее — у его дочери и профессиональной наследницы.

Стоит упоминания и состоявшийся 28 декабря франко-русский митинг протеста против красного террора в СССР, в котором я счел своим национальным долгом принять не совсем пассивное участие, когда собравшимся на нем было предложено устроителями расписаться в своем согласии с ними под их воззванием к обществу. Об этой манифестации дает ценное уточнение упоминавшаяся книга «Русское зарубежье — хроника научной, культурной и общественной жизни» (т.1. С.628): «/.../ под пред[седательством] Эдуарда Сулье. С речами выступили депутаты французской палаты Эдуард Сулье и Пьер Тетенже, секретарь Лиги борьбы против III Интернационала Густав Готеро, А.В.Карташев, И.Г.Савченко, М.М.Федоров. Salle Wagram».

О русских ораторах уточню, что М.М.Федоров произнес речь по-французски в качестве возглавителя Комитета помощи русским студентам, а А.В.Карташев от имени православных россиян, отступив от представленного им устроителям перевода своей речи по-французски и извинившись, что будет говорить по-русски, — пустился в импровизацию на тему опасения преданного церкви россиянина перед сатанинской «нечистой силой» и обратился с призывом ко всем людям, будь они верующими христианами или неверующими поборниками добра, сомкнуться в дружный ряд воителей против воплощающей сатанинскую силу Советской власти. Помнится мне и третий русский участник, возглавитель какого-то объединения российских юристов, мэтр Тугаринов, блеснувший перлами пошлейшего ораторства, из которых в мою память запал, поначалу буквально, один фрагмент: «L'Océan Pacifique de la conscience humain», которому надлежало разбушеваться против бесчеловечных захватчиков власти над Россией.

Несколько дней спустя я похвалился своим участием во франко-русском митинге в присутствии Шуры Адлера, чем дал волю его скептическому с левацким загибом суждению: французских-де манифестантов-монархистов по крайней мере бьет полиция, а от тэтанжеровской клики, идущей с нею об руку, ожидать путного нечего.

Этим и закончу рассказ о 1929 годе.

ТРИДЦАТЫЙ ГОД

Приступая к этому году, доведу до сведения читателя, что, желая в известной мере гармонизировать свои воспоминания с их общей темой, дополню в большей степени, чем в предыдущих главах, повествование о русском Париже сообщением о наших семейных делах, пользуясь имеющейся и на этот год записной книж-

кой и теперь уже вторым томом справочника «Русское зарубежье...». С другой стороны, не желая слишком растягивать свой текст, и зная, что российскому читателю доступны теперь имеющиеся во многих библиотеках комплекты «Русской мысли», буду ссылаться — для более обширной информации — и на свои статьи в ней, извлекая из них только самое главное.

Начну с 1 января, озаменованного весьма значительным семейным событием: крещением Володиного сына Николая (на семейном жаргоне «Николки») на квартире молодоженов Ковалевских, так как крестным отцом новорожденного согласился быть Максим. Купелью служила привезенная отцом из дому детская ванночка, а обряд таинства совершал крестный отец матери, должно быть, крестивший и ее в свое время, владыка Евлогий. Помню, что, увидев обезображенное флюсом лицо Володи, он выкрикнул «как некрасиво», и что, окуная трижды младенца в теплую воду, очевидно боясь, что он захлебнется, произнес, задыхаясь от волнения: «Во имя Отца и Сына... и Святого Духа». Под конец, когда пришло время опустошить купель-ванночку, Володей овладело сомнение: куда сливать освященную таинством воду? — но делу помог находчивый Евграф Ковалевский, заявив, что вся святость воды перешла в окрещенного Николку и ее можно слить хоть в уборную, что и было сделано.

В среду 6-го на православной рождественской службе в Сергиевском подворье «геральдический лев» отец Иоанн напомнил прихожанам, что «по установившемуся обычаю» им подобало чествовать сочельник наподобие всенощной Страстного четверга и Пасхальной заутрени, с возженными свечами: «пусть эти свечи олицетворяют любовь, которая горит (в его малороссийском произношении "хорит") в наших сердцах». К чему следует прибавить, хоть и не без некоторого смущения, что главным акционером основанного им при подворье свечного завода был сам «геральдический лев».

День Рождества должным образом почтить не довелось, потому что оставившие, не помню по какой причине, свое медонское жилище Володя и Магдалина (тогда еще на сносях) с осени прошлого года поселились у матери и брата Магдалины, где христианский праздник не пришелся бы ко двору. Следовавшие же за ним недели прошли под знаком поисков на сей раз целой квартиры для Володиной семьи, ее в ней водворения (18 января) и обставления. Квартиру нашли в Монморанси: одноэтажное здание бывшей небольшой школы, тянувшееся вдоль длинного узкого двора, внутреннее пространство которого являла анфилада около шести помещений для классов. Самую отдаленную от входа в дом комнату

определила для своего в ней пребывания участвовавшая в расходах по найму Володина теща. Комната перед нею стала спальней брата, Магдалины и младенца Николки. Комнаты перед нею служили гостиной, столовой и прихожей, а направо от двери во двор была, если не ошибаюсь, кухня. В трех первых комнатах нередко случалось проживать гостям дома, а таких было множество, начиная с меня, пользовавшегося еженедельно раскладной постелью в гостиной. Вспомню, как провел в ней не очень спокойную ночь с «ханжой» Палашковским, который, когда пришла пора гасить свет и засыпать, затеял читать минут двадцать перед иконами, не довольствуясь огоньком горевшей перед ними лампадки, свои молитвы-«правила».

В салоне также не раз служил литургию только что появившийся, не помню откуда, среди парижского клира отец Димитрий Соболев и поначалу своим живым темпераментом и остроумием так завладевший симпатиями монморансийцев, что они даже узрели в нем «черты святости». Вскоре к нему присоединился и другой церковный гость, о котором первое анонимное упоминание словом «немец» в записной книжке приходится на субботу 8 февраля.

Дело шло о некоем Шисселе (Schissel), почти патологически страстно возжаждавшем получения духовного сана, чтобы совершать литургию («die Weiche bekommt um die Liturgie zu calebrien»). Помнится, что был он католиком из Мюнхена и что, по видимому, баварские церковные власти отказали ему по какой-то неизвестной нам причине в рукоположении, и он, решив испросить его у православного епископата, обратился к митрополиту Евлогию, который решил вверить его духовное воспитание Володе, за что и брат и владевшая немецким языком Магдалина взялись поначалу со всей готовностью. С более прозорливым скептицизмом отнесся к изуверству немца отец Димитрий. Помню даже речение отца Димитрия, когда раз чем-то не удовлетворенный Шиссель довольно демонстративно вышел во двор: «Исшед, удавился» — слова заимствовались из Евангелия и относились к Иуде. Кончилось тем, что около 20 марта и Володя отрицательно отозвался о немце владыке Евлогию. Покидая монморансийский дом, помнится, не простясь ни с кем за руку, немец поступил корректно, крикнув из выходной двери: «Magdalene, ich danke Ihnen für alles», и направился в Прагу, тщетно надеясь на свое поставление владыкой Сергием. Появившись с визитом в родительском доме, он страшно напугал бабушку Стоюнину, заорав в ответ на ее какой-то вопрос: «Aber ich muss Priester werden!» Куда он девался потом, осталось нам неизвестным.

Свое времяпровождение в Монморанси я любил украшать дальними прогулками в лес, радуясь пробуждению весны. Главным же для этой весны событием была первая, но далеко не последняя десятидневная (17-26 апреля) побывка в Базеле у Эльзы Эдуардовны Малер. По создавшейся привычке обогащать свои переезды с одного на другое место жительства остановками в значительных исторических городах, я, прежде чем добраться до Швейцарии, провел с большим увлечением день в Труа, знакомясь с церквями и другими памятниками столицы «Сухой Шампаньи». В стоящем особняке среди союза гельветских земель бывшем церковном княжестве Базеле у меня завязалась дружба не только с Эльзой Эдуардовной, но и со всем ее многочисленным и разнообразным приятельским кругом, состоялось и ценнейшее знакомство с памятниками и музеями города. Как не вспомнить о жутком шедевре Ганса Гольбейна младшего, как бы невоскресимо-мертвом теле Христа, при виде которого упал сраженный эпилептическим ударом Достоевский?! А на обратном пути я сделал 27 апреля остановку в расположенном на вершине холма и окруженном крепостной стеною городе Лангре с его романо-готическим собором, замечательным своими обещающими Возрождение, унаследованными от греко-римской древности классическими пилястрами и метеорологической станцией, которую примерно до 1950-х годов увенчивал крестообразный анемометр в виде четырех вращавшихся, похожих на ложки, лопастей.

Вернувшись в Ванв к Метальниковым и возобновив свои поездки в Монморанси, я встретил под Володиным кровом новых, небезынтересных обитателей и посетителей, среди которых, если не ошибаюсь, уже этой весной самым досточтимым был недавно принявший православие и иеромонашеский сан отец Лев Жилле (Gillet) — двоюродный брат носившего ту же фамилию чуть что не генерала доминиканского ордена. Он овладел в достаточной мере русским языком, чтобы служить литургию по-церковно-славянски, хоть и не без некоторых ошибок, примером каковых может служить речение: «Побиздную пизснь (за мягким знаком подобие "е muet") поиущэ, вопиущэ, *взвивающэ* и глаголющэ». Помню, раз, когда он вошел в столовую, где сидели за ужин, находившиеся там братья Ковалевские приветствовали его пением «Исполла э ти деспота», на что он реагировал словами «C'est un kochtchounstvo», после чего недавно объявившаяся среди друзей дома светская дама Лимонд-Иванова, именовавшая себя по-французски «Limond-de-Saint-Jean», заявила ему, что в нем явно хотят почтить не якобы епископа, а деспота в общеупотребительном смысле этого слова.

Появилась также между приятельниц дома деятельница Пастеровского института, как-то связанная с пользовавшимся в 1917 в интеллигентском Петербурге большой популярностью лактобактерином Мечникова, за что обрела от отца Димитрия прозвище «простоквашка». Если не ошибаюсь, она была одной из управительниц небольшого интерната для детей вместе с известной нам дотоле лишь по фамилии отца, Александра Ивановича Угримова (изгнанного с родными из Москвы в 1922 году) — Верой Угримовой, в замужестве Решиковой, матерью Нины и Ирины, несколько позже близко сошедшейся с нашей семьей.

Как и на памятное лето 1928 года, наши пражане, т.е. родители, бабушка Стоюнина и тринадцатилетний брат Андрей, приехали, кажется, в июне, провести каникулы во Франции. Мы с Володей их встретили 16 июня и водворили в Монморанси, где они увидели полугодовалого Николку и возобновили знакомство с братниной тещей. Оттуда моя мать и я предприняли поиски жилища для летних месяцев. С ее стороны попытки найти что-нибудь в Бретани не увенчались успехом, а мне удалось снять двухэтажный каменный домишко на южном берегу западного конца пролива Ламанш, в селе Plouha (департамент Côte du Nord, ныне d'Armor) между морскими курортами Saint-Quay-Portieux и Paimpol, где мы поселились 2 июля. Тоже, приходится признаться, не очень удачно, так как было не так весело добираться до морского купанья, провезя Николкину коляску два километра по небрежно мощенной дороге между двумя поднимающимися метра на два заросшими травой откосами. Главным событием этого лета для жизни российского православного зарубежья было начало его второго (после лета 1922 года) частичного откола от Патриаршей церкви, с созывом митрополитом Евлогием в Париж вверенного ему Московю православного клира всех стран Западной Европы и, если не ошибаюсь, других частей света. Из того, что мною опубликовано об этом в «Русской мысли» (№4062. 26 января — 1 февраля 1995), удержу сейчас воспоминание ставшего год спустя экзархом владыки Веньямина (в миру Ивана Афанасьевича Федченкова) о его общении с приехавшим на съезд из Праги епископом Сергием (в миру Королевым). Им случилось ехать куда-то вместе на автомобиле, и один напомнил другому о принятом ими вместе долге верности законной церковной власти. «И что же? — говорил первый о втором, — такси едет, а он молчит, такси едет, а он молчит». Обращалось и к самому митрополиту Евлогию испросившее его аудиенцию Фотиевское братство с почтительным увещанием не противоборствовать патриарху, на что владыка реагировал благодушно-уклончиво.

Теперь перенесемся в садик перед нашим домом в Плюа, перед подножьем (или «завалинкой») которого стоял стол, служивший нашей семье, когда не шел дождь, для раннего завтрака и обеда. 7 июля, когда мы пили за ним подобие кофе, от калитки донесся знакомый голос появившегося в ней дорогого владыки Сергия: «Ах, вот они, так сказать, где!», после чего мы провели с ним весьма живописные сутки под хмурым в то лето небом Бретани. По его желанию, не обедая дома, а, наверное, взяв с собою закуску, все мы (кроме, конечно, бабушки) пошли, как всегда с коляской Николки, на море, где купался и он, скрывшись от нас в излучине скалистого берега. После чего он сымпровизировал всеобщее чаепитие с помощью привезенного с собой термоса, на его языке «брата самовария», любуясь и приглашая всех любоваться на морскую ширь и восклицая, «какая, так сказать, паезия». Вечер провели сердечно и весело в доме за ужином, а наутро владыка покинул нас, чтобы снова окунуться в церковную смуту. Появление в Плюа православного епископа в рясе и высоком клобуке произвело впечатление на наших односельчан, и наш молочник даже поделился с нами испытанным утром удивлением при непривычном зрелище: «de quelque chose d'anormal».

Для ознакомления с природой и памятниками Бретани не только мы с Володей, но и Магдалина взяли у местной гаражистки напрокат велосипеды, но в моей памяти остались в преобладающей мере одиночные поездки. Среди них первая, в субботу 5 июля, на так называемый Grand Pardon в городке Quingamp, где совершалась ежегодная ночная процессия с одетой в одно из платьев своего богатого гардероба статуей XIV века Notre Dame de Bon Secours. В записной книжке отмечено участие в шествии трех епископов, из которых «один с бородой, точно Saint-Eloy». Много таких поездок, некоторые на сутки или на двое и трое, было мною проделано, главным образом, вдоль по берегу Ламанша со многими останковками, вплоть до Saint-Paul-de-Léon с его знаменитой готической колокольней «Kreisker», и селений, известных своими запоздало-наивными многофигурными сценами «Calvaires bretons». Тоже поездка на восток от Saint Brieuс (13-15 августа) в столицу северной Бретани Rennes и ее городки-спутники Dinard и Dinan. Все это до нашего отъезда из Плюа 29 августа и примерно двухнедельного пребывания наших пражан в Монморанси.

Осенние месяцы ознаменовались для меня началом последнего учебного года в École du Louvre, оказавшегося решающим для моей научной подготовки и даже, в конечном счете, для профессиональной деятельности. Дело в том, что перед столь же неожиданной переменой в характере деятельности оказался мой главный

прошлогодний учитель Робер Рей (Robert Rey), предметом преподавания которого были художники и теоретики живописи от Давида до Гогена. Со своего поста товарища хранителя (conservateur-adjoint) находившегося тогда рядом с Сенатом в зданиях Люксембургского дворца Musée National d'Art Moderne он был внезапно продвинут властями в хранители дворца-музея Фонтенбло, следующего по значительности за Лувром и Версальским замком сбиталища королей и императоров Франции, где мне было дано стать в будущем его вторым преемником, после историографа Франциска I Шарля Террасса, занимавшего этот пост от 1936 до 1964 года, и где завершилась моя музееведческая работа во Франции (1965—1970). Перемена поля деятельности Робера Рея повлекла за собой и полное изменение предмета его преподавания, каковым стала история замка Фонтенбло и творчества украшавших его художников. Так и началась моя ориентация на эту существенную часть искусствоведения. Но мысль о натурализации во Франции еще не приходила мне в голову, и все приобретаемые знания казались в ту пору полезными лишь для работы при каком-нибудь антиквариате, на розыски которого я было и пустился.

Были перемены и в Володиных делах, особенно если говорить о Фотиевском братстве. Его возглавитель (по моему прозвищу «Жупел») Алексей Ставровский был на хорошем месте в каком-то богатом учреждении, хорошо зарабатывал и вел тщеславно-показной образ жизни, выезжая на загородные экскурсии с женой (урожденной Чертковой) и младенцем-дочкой не на такси, а на престижной «voiture de location» кутить в известных ресторанах на лоне природы. На службе он состоял в ответственной должности казначея, что вовлекло его в досаднейшую авантюру. Желая, как он утверждал, облагодетельствовать свое братство, он направил со всей вверенной ему обществом суммой денег в Монте-Карло, где проигрался дотла в знаменитом герцогском Казино и вернулся в Париж чуть ли не благодаря материальной помощи братчиков. Что же до возглавления Фотиевского братства, то и самому ему представилось закономерным уступить его Володе, который и стал «Жупелом» до 1940 года.

Стоят также внимания и памятные для меня, прошедшие с большим успехом 7 декабря в Théâtre des Champs-Élysées гастролью не помню как сформировавшейся русской оперной труппы, исполнившей со своими певцами и декорациями «Царскую невесту» Римского-Корсакова и «Петрушку» Стравинского. Последнее к демонстративному негодованию клана ненавистников творца «Всны Священной», композитора, музыкального критика и, кажется, уже директора Русской консерватории Владимира Ивановича

Поля, его супруги Анны Михайловны Ян-Рубан и свояченицы Александры Михайловны Петрункевич.

Этим и закончу свое повествование о богатом рассказанными и не рассказанными общественными и семейными событиями 1930 года.

ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОД

Продолжу свой рассказ об Алексее Ставровском, поселившемся и громко проявлявшем свое присутствие с первых дней января под Володиным семейным кровом в Монморанси, сперва в единственном числе, а недели две спустя — с женой и дочуркой. Вечером 6-го все мы завершили благоволенно Сочельник на всенощной Рождества Христова в Сергиевском подворье и, как будто, там же вкусили кутьи. На обратном пути, идя по Монморанси, Алексей принялся крутить в воздухе как мельницей (навязывается французское выражение «faire le moulinet») своей тросточкой, под удар которой чуть не попала шедшая за нами незнакомая дама, выразившая опасение, на что Алексей не слишком учтиво посоветовал ей во избежание риска лучше смотреть перед собой. Поскольку в том же духе стали проходить и его разговоры с обитателями Володино дома, не удивительно, что находившая свою духовную пищу в патологически дурацкой обидчивости Володина теща очень скоро покинула безвозвратно Монморанси. Были причины и тому, что под предлогом вымышленного нездоровья сделал то же и я. А главное — чуть что не до конца января Володя с Магдалиной и Николкой сбежали к Екатерине Яковлевне на avenue Charles Floquet, чтобы оттуда предпринять поиски нового места жительства. Таковое нашлось примерно к середине марта, не без моего участия, в только что основанной в Кламаре Cité-Jardin с нововыстроенными, помнится, двухэтажными домиками и перед ними узенькими палисадниками со стороны улицы.

Здесь будет уместно отметить совершившийся 17 февраля окончательно (и, как тогда представлялось, безвозвратно) отпад митрополии владыки Евлогия от Московской патриархии. О нем я опубликовал что знал и помнил в трех статьях в «Русской мысли» (№4053, ноябрь 1994, с.1; №4062, январь-февраль 1995, с.10; №4063, февраль 1995, с.10). В связи с ним ограничусь сейчас сообщением, что как владыке Евлогию для ведения практических дел митрополии на rue Daru был необходим пронырливый главный секретарь, называвшийся прихожанами «Тишка Аметистов», так соответствующий «Тишка» понадобился и новопоставленному экзарху Московской патриархии, ковенскому владыке Елевферию, и

он считал разумным призвать к себе на исполнение этой роли Алексея Ставровского, который не замедлил перебраться с семьей в Литву.

24 марта я сопровождал Володю в Монморанси на предмет ликвидации их опустелого жилища, о чем запись в agenda гласит: «Мерзость запустения. За наши грехи всё зас...», скажем, «заплевано» вместо невоспроизводимого прилично глагола. Прибавлю, что обнаруженное нами там большое количество осушенных винных бутылок свидетельствовало, что сильное безденежье, которое, помнится, по словам Алексея, не позволяло ему справляться с квартирной платой, было не таким уж крайним, а долг оставался за Володей.

28 марта совершилась стараниями обоих братьев переправа русским грузовиком в два пробега туда и обратно всего движимого имущества Лосских из Монморанси на обставление кламарского домика.

В Cité-Jardin завязалось сразу же добрососедское общение с соотечественниками Лопухиными и оказавшимися там збраславянами-теософами Виктором Викторовичем Савинковым (братом Бориса) и, помнится, семьей Горбачевских, к чему скоро прибавилось интересное и приятное знакомство с жившими, кажется, в своем двухэтажном особняке князьями Путятинными. Хозяйка дома, красавица около 35 лет, урожденная Горчакова, внучка знаменитого дипломата, часто лежа поперек одного из подоконников верхнего этажа, привлекала внимание прохожих, в частности, завсегдаемая Володиной семьи отца Димитрия Соболева, который даже, если память мне не изменяет, снял у них комнату в нижнем этаже, перебравшись туда с новооснованного подворья Патриаршей церкви на rue Pétel, где попал под запрет в священнослужении следом за первой или одной из первых в серии авантюристов романического порядка. Не распространяясь о связанных с этим переселением живописных эпизодах, сообщу, что у князей были малолетние сын и дочка, ставшие несколько позже, когда немного подрос и наш Николка, его старшими товарищами в играх.

Самым же значительным кламарским соседством оказалось возобновление дружбы с семьей Карсавиных, с которой я, рассказав с Марианной, демонстративно раззнакомился при их отъезде из Понтайяка в августе 1928 года, с памятных «евразийских каникул». 14 мая появилась в Володином доме Ирина, а 15-го мне повстречалась на площади перед Медонским лесом Марианна и выразила, явно искренне-приветливо, свое удовольствие по этому случаю. С тех дней обе сестры и, главное, их мать, Лидия Николаевна оказали Володиной семье спасительную услугу, приняв

деятельное участие в уходе за полугодовалым Николкой, так как Магдалина в это время лежала по предписанию врачей дома или в больнице во избежание или вследствие преждевременных родов. С тех пор я стал на время снова карсавинским завсегдатаем, «quasi по-старому» — как стоит в моей записной книжке за 17 мая.

Мог бы рассказать еще обо многом, происшедшем за эту весну, начиная с основания, должно быть, в третью декаду февраля, экзархата и главного прихода Патриаршей церкви на rue Pétel и первых справленных там в ночь с 11 на 12 апреля Пасхальной заутрени и коллективного разговения, но об этом я уже сообщал в статье «Владыка Венямин в жизни» («Русская мысль», №4062, январь—февраль 1995).

Главным же делом для моего образования и позднее музееведческой деятельности (что уже предвиделось в рассказе о 1930 году) было завершение учебы и выпускные экзамены в École du Louvre 15 и 22 мая, в основном у Робера Рея, с его оценкой «très bien avec éloge». Но, как уже сообщалось, мысль о натурализации во Франции тогда еще не приходила в голову, и все приобретаемые знания казались мне в ту пору полезными лишь для работы при каком-нибудь антиквариате. В ноябре 1930 года, должно быть, по совету отца, я осмелился обратиться с просьбой о содействии к главному редактору периодического сборника «Современные записки» Бунакову-Фондаминскому, который мне его оказал так сердечно-участливо, что я проникся к нему симпатией. Это оправдывает мое желание дать читателю и собственное отражение этого замечательного деятеля русского Парижа. В связи с ним мне приходит в голову название одного из писаний Владимира Соловьева: «Новозаветный Израиль», потому что существенной чертой его духовной жизни была двойственность явно горячей веры. Так, я от кого-то слышал, что, потеряв кого-то из близких родственников, он посыпал голову пеплом и разорвал на себе одежду. Также, вспоминая о воскресных литургиях занимавшего в ту пору особняк на Монпарнасском бульваре Русского Студенческого Христианского Движения, вижу его фигуру, как бы в качестве «изшедшего оглашенного» с внешней стороны двери в помещение, где молились «верные». Таковым стал и он не очень задолго до гитлеровской оккупации, которая загнала его в лагерь смерти, где он, наверное, оказался в трудном моральном положении ренегата среди своих бывших единоверцев.

Благодаря Фондаминскому я вступил в знакомство и антикварное сотрудничество с известным в русском коммерческом мире дельцом по имени Сергей Даниель-Бек, армянином (скорее чем

грузином), говорившим без всякого анекдотического акцента, как подлинно русский светский человек, в прошлом блестящим офицером, вспоминая, «как много было выпито бокалов». Ограничусь упоминанием о нем, не распространяя своего повествования на его русских, довольно многочисленных союзников и соперников, начиная с его родного брата букиниста и кавказского одноклассника, будущего православного священника, Панчулидзева. Довольно будет сказать, что ни к каким удачам материального порядка это сотрудничество не привело, как оказались тщетными и совместные с перебравшимся весной из Праги в Париж пасынком Кондакова Сергеем Никодимовичем попытки принять участие русскоговорящими гидами в памятной выставке французских заморских территорий («de la France d'outre-mer») в соседнем с Парижем Венсенском лесу.

Вспомню еще о трех днях, проведенных в Нормандии, в соседнем с Руаном селении Saint-Etienne du Rouvray, куда привлекла многих русских работа на фабрике не то тканей, не то искусственного удобрения. Запомнилась поездка главным образом из-за одной сценки, наставившей меня на перемену жизненного пути. Мы пили в полном российском прекраснородии в саду выходцев из крупного московского купечества Софии Евгеньевны, урожденной Свешниковой¹, и ее мужа Алексея Лепешкина. Из разговора с ними, между прочим, выяснилось, что они недавно приняли французское гражданство. Пред лицом этого так контрастировавшего с их живописной российскостью акта и родилось во мне намерение поступить так же, за что я и принялся с ноября этого же года.

Наступавшие летние каникулы Володина семья и я захотели провести вместе с нашими пражанами в южной Чехии, в деревеньке Колодее на реке Лужнице, притоке Влтавы, где обрусевшая немка Клара Карловна Диль-Кречетова сдавала в своей усадьбе комнаты русским дачникам. Я свое путешествие скомбинировал со вторым, на сей раз десятидневным пребыванием в гостях у Э.Э.Малер в Базеле, куда добрался к вечеру 20 июня, знакомясь по пути с памятниками Chalons sur Marne, а 30-го пустился в дальнейший «искусствоведческий» путь через Цюрих и, главное, приведший меня в неопишное восхищение Иннсбрук. 1 июля едва ли не больший восторг в Зальцбурге и небезынтересный вечер в Линце, а после полночи на 2-е — въезд в Чехословакию, остановки в гуситском Таборе, живописном местечке Бехыне и оттуда — еще путешествие до Колодеи. Там наша объединившаяся семья прове-

¹ О ней рассказывает моя хроника «В русской Праге», см.: Минувшее. Вып. 16. С. 30, 53.

ла до 6 сентября комфортабельно и весело два летних месяца в приятном общении со старыми и новообретенными знакомцами-соотечественниками, после чего перебралась в Прагу, где Володя до отъезда своего в Кламар ратовал без большого успеха за Патриаршую церковь. Что же до меня, то со своего июньского пребывания в Базеле я принялся за изыскания в библиотеках материалов для диссертации на получение звания *ancien élève de l'École du Louvre*. При выборе темы во мне проснулся сформировавшийся в России искусствовед, осведомленный в монументальной истории Петербурга, и я решил посвятить ее жизни и творчеству работавшего на берегах Невы с весны 1717-го до своей безвременной смерти весной 1719 года «генерал-архитектора» Петра Великого Александра Леблона. В ходе работы я осознал невозможность совершить ее полностью без неосуществимого в ту пору путешествия в Россию и ограничил сюжет характеристикой его еще не достаточно известной и оцененной французскими искусствоведами наших дней деятельности на родине как архитектора и теоретика приспособленного к практике семейной жизни строительства и регулярной разбивки садов.

Не вдаваясь в подробности повествования автобиографического порядка, закончу эту главу сообщением о своем окончательном разрыве с плененной П.П.Сувчинским Марианной и временным расхождением со старшими Карсавиными.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОД

Отныне мое повествование не будет уточняться датировкой из записной книжки, отсутствующей за этот год. Пользоваться буду только своей, увы, сильно убывающей памятью, обращаясь для проверки ко 2-му тому «Русского зарубежья».

Новый год мы встретили у Володиной тещи на *rue Charles Floquet*, откуда она еще не переселилась в Кламар, а в вечер Сочельника, 6 января, была отслужена первая рождественская всеобщая на Трехсвятительском подворье Патриаршей церкви на *rue Pétel*.

В «Русском зарубежье» нахожу под датой 11 января (с.264) пробуждающее во мне небезынтересное воспоминание сообщение: «Sorbonne. Лекция П.Е.Ковалевского "Взаимоотношения Лескова с Достоевским и Влад.Соловьевым"». Речь идет о старшем и наименее талантливом из трех сыновей бывшего члена Государственного Совета, Евграфа (старшего) Ковалевского — Петре, по университетскому образованию историке и филологе, одном из русских интеллектуалов, допущенных читать лекции в аудиториях

Сорбонны не будучи ее профессорами. На одну из его лекций (их был целый цикл) о Лескове, о котором он, если не ошибаюсь, писал диссертацию, случилось попасть Володе, рассказывавшему о ней дома с чувством критического юмора сразу по отношению к лектору и к патронировавшей его выступление матери, норостой Инне Владимировне.

Отмечу также сообщение на 6 февраля: «Объединение поэтов и писателей. Доклад кн. С.А.Щербатова "Кризис искусства"». После доклада прения. 79, rue Denfert-Rochereau, 14e» (там же). Помню хорошо рослую фигуру речистого докладчика, притязавшего на чуть что не диктаторскую роль в кругу более и менее подлинных интеллектуалов русского Парижа. Знаю от жены, которая в ту пору готовилась на аттестат зрелости в Брюсселе, в возглавляемой католическими монахинями Institution Notre-Dame («Arbre Béni»), что в бельгийской столице проживали также супруга и три дочери парижского князя, тогда как четвертая, самая интересная и красивая, оставалась во Франции, служа в какой-то компании, связанной с «haute couture» манекенщицей для показа модной одежды, публиковавшейся в журнале «Vogue».

Возвращаясь к довольно многолюдному собранию Объединения, в котором принял безмолвное участие и я, вспоминаю, как после красноречивого вступления председателя — кого-то из видных врачей — докладчик заявил доверчивым слушателям, что собирается смутить их парадоксальными истинами, и пустился в рассуждения, представившиеся мне навеянными устарелым, ставшим почти банальным менталитетом прерафаэлитов и Джона Рэскина об обесмысливших изобразительное искусство Возрождения, Барокко и, по выражению князя, «восемнадцатом веке шаловливых развратников». И в заключение последовал поразивший многих, и во всяком случае председателя, своей глубокомысленной красотой образ плывущих (не по Лете или не по Стиксу ли?) на каком-то благородном судне трех антропоморфизированных символов добродетелей — того гляди, Истины, Добра и Красоты. Дело дошло до прений, и председатель предложил выразить свое мнение украшавшему своим присутствием зал всем известному живописцу и графику Ивану Яковлевичу Билибину, который предпочел от слова воздержаться. Зато помню живописное в своем роде выступление едва ли не главной деятельницы «Антропософского кружка», сестры Аси Тургеневой (жены Андрея Белого), оставшейся в швейцарском капище Рудольфа Штейнера. Говорила она на установившемся в их среде заумном диалекте, в который входило слово «подстановка», сопутствующее надуманными телодвижениями, жестами и мимикой. Наверное, выступал и Владимир

Васильевич Вейдле, тогда философствовавший на тему «смерти искусства». Но главным образом обратил на себя всеобщее внимание вошедший в зал с большим опозданием, величественно кивнув головой направо и налево, Борис Петрович Вышеславцев, увеличивший в том году свою парадоксально-противоречивую моральную репутацию авторством «Этики преображенного Эроса», и, в свою очередь, стал вещать что-то в этом духе, уже хорошо что без конкретизаций, — об интерпретации неприличных эпизодов в кинофильмах, причем слово «кинематограф» претворялось в его нелепо претенциозной речи в «синематограф».

Еще одно сообщение «Русского зарубежья» (т.2, с.323): 16 июня — Вечер, посвященный обсуждению романа Д.Г.Лоренса (Lowrence) «Любовник леди Чаттерлей». Вступительное слово — М.Л.Слоним. К участию в прениях приглашены Г.В.Адамович, Б.П.Вышеславцев, С.Л.Поляков-Литовцев, Г.О.Гершенкройн, В.С.Варшавский, Г.И.Газданов, Б.Ю.Поплавский, В.В.Вейдле, Н.Н.Берберова и др. Salle de la Mutualité. По этому поводу вспоминается прочитавший (как вскоре и я) этот нашумевший роман о.Димитрий Соболев, возмущенный какими-то нежно-циничными словами, обращенными к героине завладевшим ее сердцем садовником, заявлял, по его выражению, «как любивший человек», что такого рода речей у совокупляющейся пары влюбленных быть не могло. Этим рассказом и ограничу серию игривых анекдотов, связанных с отцом Димитрием. Вспомню разве о нашем с братом и его дружном зубоскальстве на озаренной рассветом rue Pétel, куда мы вышли втроем вдохнуть свежего воздуха с пасхального разговения, где молодой, благонамеренный мало сказать чудак, потомок обрусевших французских аристократов Отман де Вилье только что почтил владыку Веньямина уморительно нелепым панегириком, так раздражившим о.Димитрия, что он о нем выразился не повторимым здесь полностью глаголом: «на...л на мороженое».

Месяца за полтора до того в жизни кламарского города-сада совершилось знаменательное для Володиной семьи событие: появление на свет 21 апреля второго сына, нареченного Иваном. Звания крестных отца и матери приняли на себя Евграф Ковалевский и Лидия Николаевна Карсавина, с которой я был рад восстановить расторгнутое в прошлом году знакомство. По-видимому, она уже успела проникнуться неприязнью к входившему в роль ее зятя Петру Петровичу Сувчинскому, в то время оформлявшему развод со своей третьей женой, Верой Александровной Гучковой. Обряд таинства совершал, если память не изменяет, сам владыка Веньямин. Во всяком случае, не о.Димитрий, уже начавший входить в

серию отлучений от священнослужения за романтические художества. Помню, что рядом со мною стоял племянник Николка, которому уже перешло за два с половиной года. Как и взрослые, он держал в руке возженную свечу, что не обошлось благополучно, хотя из самолюбия он и возвестил мне о случившемся торжествующим тоном: «А я себе нос взял да и обжег».

В мае свершилось удручившее как французскую, так и русскую интеллигенцию убийство рукою тщеславного дурака Горгулова президента Поля Думера. А вскоре затем мне довелось подивиться, проводя вечер в семье Тесленко, и на другого зашедшего к ним подлинно талантливому русскому дураку, стяжавшего известность и в Европе живописца Филиппа Малявина. На выраженное ему хозяйкой дома испытываемое всеми приличными русскими чувства ответственности за мерзкое преступление соотечественника, он не нашел ничего лучшего, как заявить: «А мне что, я завтра уезжаю в Италию». Дальнейшие комментарии излишни.

В этом году летние каникулы Володина семья с нянчившей Николку графиней Ольгой Шуваловой провела в каком-то русском пансионе, обслуживавшемся тоже за что-то отлученным от церковнослужения дьячком Фимкой, где-то на западе Нормандии или в Бретани, а в Чехословакию к нашим в конце июня направился один я. Совсем не упомню, каким путем: прямо ли через Германию или после очередного пребывания у Э.Э.Малер в Базеле, и как я добрался, по приезде в Прагу, до их новоизбранного, ставшего постоянным летним местожительством имения трех сестер Иречковых, Винице, километрах в двух от городка *Vysoké Mýsto* на восточном краю Чехии, у ее границы с Моравией. Оно было унаследовано ими от отца, высокопоставленного администратора австро-венгерской империи, и годы их детства и юности протекли в Вене, где одна из них, Нозми, одаренная высоким музыкальным талантом, обрела большой успех в качестве профессиональной пианистки. Но из-за одолевшего ее недуга нервно-психического порядка, исходившего от патологически-обостренной эстетической чувствительности, которая выражалась в задыханиях и стогах во время игры, она удалась из имперской столицы в Винице, где занялась делами хозяйства, продолжая постоянно играть для себя, а летом — для приезжавших проводить в их имении каникулы друзей и платных, как мы, дачников. Но в эти, первые из шести или семи проведенных нашей семьей летних каникул в Винице, нам удалось снять для себя и наших гостей пустовавший зимою, выстроенный в изящном стиле начала века двухэтажный дом над регулярным палисадником с небольшим бассейном посередине. Оттуда наша семья совершала, по давно установившемуся обы-

чаю, послеобеденные пешие прогулки по окрестным лугам и рощам. Но вспоминается главным образом своего рода паломничество в довольно близкий городок Брандис на Орлице, — в память о лете 1906 года, проведенном в называвшемся тогда на австрийский лад Брандэйс, в пансионате рядом с виллой семьи приехавшей к родителям университетской коллеги отца и, лет пятнадцать спустя, наставницы старшего брата в медиевистике и палеографии Ольги Антоновны, тогда еще только Добиаш по рождению и еще не Рождественской по мужу¹. Володе тогда и, может быть, даже там, минуло три года, и родители вспоминали о том, что с ним нельзя было проходить по одной из дорог (что на сей раз мы сделали) — мимо барочного памятника-креста, так его пугало драматически интерпретированное выражение лица распятого Христа. Обо мне же, тогда 14-16-месячном карапузике, вспоминали, что мужскому населению брандэйского пансионата был хорошо известен «malý», отбравший «па», то есть «палки» у носителей тростей. Летом 32-го года моим главным занятием в Виннице была окончательная редакция луврской диссертации об Александре Леблоне и о заслуженном им месте в истории искусства Франции.

Не думаю, что ошибусь, если сообщу, что именно вторая половина этого года ознаменовалась для русской Праги значительнейшим событием: открытием второго нововыстроенного дома для соотечественников-квартирантов. Дом был построен по инициативе трех русских же дельцов и скоро стал известен под прозвищем «дом у трех жуликов». К сожалению, вселение было омрачено неприятным инцидентом, когда в доме поселилась чета старших Флоровских: дело в том, что друживший с ними милейший Иван Иванович Лапшин договорился с ними о совместном съеме квартиры и годами уделял им большую часть своей месячной поллучки, а когда пришло время въезжать в новый дом, оборотистая супруга Антония Васильевича Валентина Афанасьевна Флоровская² в конечном счете запретила Лапшину вселение в квартиру, и все потраченные на это деньги так никогда и не были ему возвращены.

Что же до моего существования, то по истечении трехлетних хлопот о получении французского гражданства, оно мне было даровано 27 ноября, с перспективой призыва через год на отбывание воинской повинности.

¹ См. главу о 1921 г.: Минувшее. Вып.12. С.74.

² См. упоминания о них: Минувшее. Вып.16. С.55.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТИЙ ГОД

Не помню, как и где я его встретил: вместе ли с Метальниковской семьей, у которой жил в Ванве, или с Володиной в Кламаре, у переехавшей в их соседство матери Магдалины.

Моей главной заботой первых месяцев был окончательный пересмотр с помощью старого французского друга нашей семьи моей луврской диссертации — в целях улучшения ее литературного стиля, вверение рукописи для перепечатки на машинке и хождение в *École du Louvre* для переговоров о предстоящей весной защите моей «тезы» перед научным советом под председательством самого компетентного в области французской архитектуры XVII-XVIII вв. Гастона Бриера, одного из хранителей Версальского замка.

Обычай поездок в Базель прервался года на два, зато памятна вторая экскурсия в Лондон (о прошлогодней забыл выше сообщить) в семью англиканского клерджимена Джона (почему-то прозывавшегося дома Джеком) Деддингтона, женившегося в 1912 году на бывшей ученице петербургской гимназии бабушки Стоюниной, а затем и ученицы моего отца — на Высших женских курсах, — Наталии Александровне Эртель, ставшей главной переводчицей работ отца на английский язык. Жили они в северном квартале Хайгете, в близком соседстве с парком и замечательной церковью, у стен которой были захоронены ее бывший в свое время настоятель Майкл Фарадей и, в порядке контраста, Карл Маркс. Как-то с этим местом связано и воспоминание о Кропоткине.

А в Кламаре жизнь шла своим чередом. В квартире Лосских (которую не могла убирать сама Магдалина) висело два передника: «княжеский» и «графский», поскольку уборкой занимались младшая дочь князя-перводумца Владимира Андреевича Оболенского «Наталя» и вышедшая замуж за петельского регента Серафима Родионова Ольга Шувалова. На стене главной комнаты красовалась оставшаяся в набросанных углем контурах «фреска», начатая, но так и не законченная Евграфом Ковалевским, все более вдававшимся в «распутинизм». Многофигурной темой ее была перестрелка всякого рода оружием «благочестивых» с «супротивными». Звание крестного отца Ивана, завершавшего первый год жизни, способствовало Евграфу в роли желанного завсегда-тая дома, где он засиживался до позднего вечера и подчас раздражался своим визгливым, подобным конскому ржанию, хохотом, сильно впечатлявшим уложенного спать в соседней комнате Николку, который, как это раз слышали родители, старался себя успокаивать объяснением: «это поосто Гаафцик смеется». Заняти-

ем же Магдалины был заработок в дополнение к тому, что доставалось Володе от его работ в комиссии по обогащению словаря средневековой латыни *du Cange du Fresne* новонайденными в латинских средневековых манускриптах словами. Работа эта досталась Володе по инициативе его учителя Фердинанда Лота. Что же до Магдалины, она поступила в какую-то богатую еврейскую семью воспитательницей единственного сына, избалованного мальчугана лет десяти, которому было нужно, между прочим, преподавать русский язык, что иногда давало повод для недоразумений. Раз, например, когда она в разговоре с учеником употребила слово «голоден», из приоткрытой в соседнюю комнату двери показалась голова возмущенного отца, провозгласившего: «И это русский язык? — голóден!» Не знаю, в какой мере закономерно, но для конечного успеха воспитания ученика Магдалине случилось извлекать пользу из недостатков его характера, в частности, его дурацкого тщеславия. Так, когда он раз высказал свое желание продолжать учиться русскому языку, она ему сказала: «Ну, представь себе, что ты когда-нибудь станешь президентом еврейской республики», — на что он ответил, что этого не хочет, а хочет быть «русским императором»...

Подобным же заработком пробавлялась и поселившаяся со своими двумя малолетними дочками где-то рядом, наверное, в том же городе-саде, Вера Александровна Угримова-Рещикова¹, ведя хозяйство в другой богатой еврейской семье. Там ей случалось слышать приказы тоже щеголявшей изысканным русским словоупотреблением патронши, вроде «Верка, лупи за салатом». Притязаниями же интеллектуального порядка отличалась скорее старая мать семейства, писавшая под заглавием «Воспоминания и переживания» труд о судьбах русского еврейства в начале нашего века. Были у нее и переживания литературного порядка, например, от чтения «Русалки» Пушкина, в частности, от посещения героем драмы, князем, берега омута перед запрудой, где утопилась с горя дочь мельника. По словам читательницы, он размышлял: «зачем я буду ходить на эти неприятные места?». Или, по поводу басни Крылова о «ларце с секретом» — неожиданное видоизменение ее концовки: «а ласточка просто открывался»... Все это Вера рассказывала Магдалине на их вечерних, иногда длительных посиделках в жилой комнате квартиры.

Среди гостей Володиного кламарского дома случалось видеть и Сергея Яковлевича Эфрона. Денег тогда ни у кого не было, и особенно у них. И вот в этих обстоятельствах я помню, как Сер-

¹ См. о ней: Минувшее. Вып. 12. С. 129. Прим. 184.

гей Яковлевич с поспешной готовностью вынул из бумажника, может быть, последний десятифранковый билет, чтобы одолжить его до известного срока Магдалине. Тогда же или году в 34-м — 36-м мы слышали, что их материальное положение стало совсем трагичным, вплоть до хождений Марины Цветаевой в Медонский лес за хворостом для растопки печей. Так же Адлер говорил о своей встрече с Эфроном и замечании, слышанном от него, явно в минуту депрессии: «Я вообще не могу себе представить, как Марина могла когда-то писать хорошие стихи».

Пасху мы праздновали 17 апреля, конечно, на Трехсвятительском подворье, последний год под возглавлением владыки Венямина, как-то особенно торжественно и оживленно. Светильник перед выходявшей из храма в начале заутрени процессией поднимал Володя, а мне в ней довелось нести артос, по выражению озадаченного его видом Адлера «пирог с иконой». Регентом хорошо спевшегося хора был, если не ошибаюсь, вышедший из студентов-богословов казак Серафим Родионов, только что женившийся на не слишком дорожившей своим графством Ольге Шуваловой. В хоре участвовала и Магдалина, и Вера Угримова-Решикова, и эффектно наряженные в светлый шелк Ирина Кедрова-Ковалевская, и жена ее брата «Колюна», заправская певица Наташа Вечор. Когда же к концу литургии, заключившейся чтением чудного слова Иоанна Златоуста, зовущего «постившегося и не постившегося» на пасхальное яствие, в воздухе церкви как-то стало ощущаться всеобщее предвкушение оногo в верхнем зале, Владыка проявил (смею ли сказать?) своего рода «пастырский садизм», объявив, что наше общее ликование следует выразить благодарственным молебном, каковой взалкавшей пастве надлежало выстоять прежде, чем насладиться разговением под веселым председательством любимого возглавителя, недавно возведенного в сан архиерея.

Оставлю, пожалуй, в стороне все, что рассказал в «Русской мысли» (№4063, 2—8 февраля 1995) о сложных отношениях вл. Венямина с Володей и возглавляемым им после Ставровского Фотиевском братством, ограничась моим последним воспоминанием об общении с ним незадолго до его отбытия в Америку. Едем с ним и еще с кем-то в веселом настроении с приятельской посиделки у кламарских Лосских, и он неожиданно, изменив своему обычаю обходиться с духовными чадами на «вы», треплет меня по носу билетом метро и спрашивает: «А ты отчего не женишься?» — и на мой ответ, что «мне и так хорошо» реагирует словами: «вижу, что хорошо, а ты крест возьми». На том и расстались.

Будет бесполезно для повествования, если вспомню об одном эпизоде в моем жизненном пути. Исходным пунктом был

разговор с Кириллом Катковым¹, в котором я случайно сказал что-то о франкмасонстве, вслед за чем он схватил меня за правую кисть и пожал ее несколько раз за края, на что я реагировал в шутку такого же рода рукопожатием, за чем последовал обмен заявлений: с его стороны — «вижу, что вы не масон», и с моей — «а я вижу, что масон — вы». Дня два спустя я получил от него письмо, убеждавшее и забавным образом убедившее меня, что, будучи историком, заинтересованным культурой XVIII века, я должен был бы приобщиться к свойственному эпохе франкмасонству. После чего я от него узнал, что в орден идеологических потомков строителей Соломонова храма он вступил по примеру и инициативе И.Я.Билибина, и пришла его очередь ввести в него нового члена. Согласившись быть его своего рода «крестником», я был направлен к «венераблю» одной из русских лож, Маргулису (или Маргулиесу), и между нами сразу создалось симпатизирующее общение. Из разговора с ним помню его уверение, что поступление в ложу никак не требует отречения от христианской веры, что ее соблюдал и его родной сын, тогда воевавший в Алжире волонтером *Bataillon d'Afrique*. Оформление моего посвящения он вверил другому русскому еврею, Гласбергу, который после разговора идеологического порядка воскликнул: «Да вы же готовый масон» и переслал меня к третьему заправиле, с французской, не помню какой фамилией. Справедливо упрекнув меня на чисто французском языке за явку с опозданием на его вызов, он неожиданно перешел на чистейший русский, чтобы исповедовать меня, не помню, в какого рода прегрешениях, что мне не помешало любоваться украшавшими его бюро произведениями русского искусства, особенно небольшою гуашью или темперой Серова, живописующей Петра Великого, опустошающего «кубок золотого орла» в горло провинившегося придворного, делающего императору церемонный реверанс, и с фигурой смеющейся на фоне композиции Екатерины. В конечном (оказавшемся в полном смысле таковым) счете мое посвящение в ложу было отложено до моей демобилизации с предстоящего отбывания воинской повинности, к которой меня обязывала прошлогодняя натурализация.

Напуганный еще не кончившей тяготеть над Европой безработицей, я решил было ангажироваться на три года волонтером в пехотную часть, обслуживавшую военную авиационную базу в соседнем с Марселем порту Истр, но, по-видимому, компетентные власти остерегались кандидатуры пришлеца-чужеземца, и недели через две после подачи мною прошения пришел от них отказ, и я

¹ См. о нем: Минувшее. Вып.16. С.9, 20, 39, 40.

перенес прошение на соседний с Лионом аэропорт Vron, с такою же неудачей, оказавшейся в конечном счете счастливой, потому что она фактически свела мне с трех на один год тяготу солдатчины. Ожидая начала ее, я приобщился, примерно со второй половины мая, к жизни родительской семьи в Чехии.

В этом году основанный графиней С.В.Паниной «День русской культуры», 8 июня¹, был посвящен 50-летию со дня смерти Тургенева и отпразднован в театральном зале общества «Slovaká Beseda», по инициативе графини и бывшего общественного деятеля и литератора В.Н.Челищева представлением, главной частью которого явилась составленная ими из фрагментов тургеневских романов пьеса, в которой сошлись за русской чашкой чая для обмена мнениями о судьбах отечества их действующие лица, между ними — оба поколения Кирсановых и Базаров из «Отцов и детей», Соломин из «Нови» и Потугин из «Дыма», какового довелось изображать мне. Похвалюсь, что с достаточным успехом, чтобы чуть не стать, если бы на то у меня имелось время, членом вскоре стяжавшей исключительный успех в русской Праге театральной труппы.

Той же весной произошло не лишенное живописности трагикомическое событие. Исходным пунктом была кончина в Чехословакии петербургского присяжного поверенного Константина Лосского, заделавшегося в изгнании идеологом украинской самостийности и суверенитета и даже ставшего «Лоським». Подписанный на правительственную, издававшуюся для интернациональной гласности газету «Prager Presse» отец был смущен вышедшим в ней сообщением об этой смерти, обогащенном биографическим уточнением о личности умершего не как диссидента Лоського, а как философа Лосского. Непосредственной реакцией отца было послать меня в дирекцию газеты, где принявший меня редактор уверил, рассмеявшись, что случившееся недоразумение сулит отцу еще многие годы жизни, действительно продлившейся еще почти на треть века, до 1965 года. Претворясь в газетную утку, известие о смерти отца распространилось на местную и международную прессу, и чуть что не в тот же день мне случилось открывать дверь нашей квартиры опечаленным пражанам, которых в столовой весело приветствовал отец. Вскоре стали приходиться письма с соболезнованиями, и своевременно информированный нами о недоразумении Володя сообщил нам из Парижа, что встреченный им тоже хорошо осведомленный отец Сергей Булгаков признался ему, что только что уничтожил рукопись уже посвященного им

¹ См.: Минувшее. Вып.16. С.51-52.

отцу некролога. А (если не деформирую действительности) пражский корреспондент «Последних новостей» получил от редакции нагоняй за несообщение о смерти отца, о которой уже извещала читателей враждебная правая газета «Возрождение», на что он ответил иронизирующим оправданием своего якобы проступка.

Как и в прошлом году (а впрямь еще пять лет), каникулы наша семья провела в полюбившейся ей Виннице, только уже не в доме родителей сестер Иречковых, где водворились их более старые, чем мы, друзья — супруги Стретти, а в двух или трех комнатах и на балконе их старого дома. С четой Стретти завелось очень для нас в будущем благоприятное общение, особенно у проникшейся уважением к бабушке супруги.

Помнится интересное путешествие по приглашению друзей с шестнадцатилетним братом Андреем километров за пятьдесят пять от Винницы, в Моравскую Тшебову (Moravská Třebová), где разместилась в бараках бывшего во время Первой мировой войны лагеря для русских военнопленных широко известная в эмигрантском мире русская средняя школа с пансионом.

Вскоре после возвращения, к сентябрю, нашей семьи в Прагу, струсаясь взволновавшая русскую интеллектуальную общину, моих родителей в частности, катастрофа, о которой ограничусь только сообщением в общих чертах: самоубийство бросившегося у Збраслава под поезд Василия Васильевича Водовозова, историографа русской общественности, сотрудника Масариковой Энциклопедии, бывшего революционера, изувеченного в начале века оглушившими его черносотенцами. А через несколько недель примеру мужа последовала, приняв излишнее количество снотворного, вдова Водовозова, Ольга Александровна, дочь философа Введенского, учителя моего отца по Петербургскому университету.

Лучшее воспоминание храню о своем втором и последнем выступлении в октябре с рождавшейся театральной труппой, на вечер, посвященном двум или трем комедиям Зошенко, в том же театре «Славянской Беседы». Мне на нем довелось играть две небольшие роли: спекулянта-перекупщика с окладистой черной бородой и молодого прощелыги, жене которого другие действующие лица говорили: «ваш муж, это штучка, это фигурка». Помню, что после представления, угостившись или собираясь угоститься, мы шли по улице в обществе двух приятелей с веселыми разговорами и даже напевая марш из «Фауста» Гуно, должно быть, в ознаменование конца моей свободной жизни, так как на следующий день моя семья с особенно опечаленной и озабоченной бабушкой провожала меня в Страсбург на отбывание воинской повинности, по счастью, сведенной в тот год к двенадцати месяцам.

Ехал я в 158-й пехотный полк, к которому меня приписал в Праге начальник военной миссии при французском посольстве. В эльзасскую столицу поезд прибыл незадолго до октябрьского рассвета, и на вокзале было нетрудно узнать по нарукавной повязке присланного для встречи с приезжими новобранцами военного, который направил меня и тоже представившегося ему парня на северную окраину города, в главную казарму полка «quinze-huit», именуемую Stirn, — на окончательный медицинский осмотр и прочие связанные со вступлением в полк формальности. Выяснилось, что, не пройдя до своей натурализации специальной подготовки, мне было трудно записаться в группу «*élèves officiers*», и я оказался, не прося об этом, автоматически зачислен в «*peloton des élèves sarogaux*».

Вместе с другими попавшими в эту категорию новичками, а нас набралось, помнится, на шесть рот (от 10-й до 15-й), нас в тот же день направили в соседний, находящийся метрах в двухстах направо, у самого канала от Илля к Рейну, Quartier Turenne. Там нас поначалу выстроили в шеренгу по росту и, взглянув направо от себя, я узнал с приятным удивлением знакомую фигуру сорбонского коллеги по искусствоведению, снискавшего себе на школьной скамье известность притязательными, не раз рождавшими смехотворные эпизоды из-за их, по выражению одного из профессоров, «*ton pontifical*», студенческими докладами Жана (не ручаюсь полностью за крестное имя) Морлэ (Morlet). Хотя я ему памятен ничем не был, явилась и для него благоприятной встреча с университетским товарищем среди в большинстве мало интеллигентных новобранцев. А мы оба скоро прослыли среди них забавными чудаками: я — «*le Morlet de la 10e*», он — «*le Lossky de la 15e Compagnie*». Что до меня, так в отбывании воинской повинности я видел своего рода посвящение во французское гражданство и предался ему по всем патриотическим рвением неопита. А Морлэ воспринимал службу только как излишнее препятствие на своем посвященном науке жизненном пути и выражал досаду с упрямством, из-за которого я его прозвал в своих мыслях «осликом Морлэ». С другими товарищами-солдатами у меня установились разнообразные, в общем хорошие отношения.

Главным предметом наших занятий, кроме шагистики, был пулемет Hotchkiss и всякие с ним манипуляции, маневры и упражнения в стрельбе, отчего наша квалификация «*élèves sarogaux*» уточнилась прозвищем «*mitrailleurs*». Иерархию нашего полкового начальства возглавляли полковник, кажется, граф de Verdillac и члены его генерального штаба в казарме Stirn: четверо майоров, начальников четырех батальонов. За ними шел, для моей 10-й ро-

ты в Quartier Turenne, поднявшийся на исходе Первой мировой войны из унтеров до офицерского чина капитан (не ручаюсь за орфографию фамилии) Oppainty. Несмотря на свои унтерские комплексы против интеллигентов, он не успел за остаток года полностью проникнуться ко мне неприязнью и гонений на меня во главе своры унтеров до получения мною капральского чина (весною 34-го) не начинал.

Сообшу в заключение этой главы об отрядных сторонах моего солдатского прозябания.

Главным и в конечном счете спасительным обстоятельством была профессура в страсбургском университете византиноведа Андрея Николаевича Грабара и пребывание в эльзасской столице его семьи: жены Юлии Николаевны (по рождению болгарки Ивановой) и двух малолетних сыновей, трех-четырёхлетнего Олика (Олега) и менее чем годовалого Коли. Сразу же завелся обычай быть их еженедельным гостем в атмосфере семейного уюта и веселых разговоров, по воскресеньям, не то за полуденным, не то за вечерним столом.

(Прибавлю к стати своего рода примечание, поскольку пишу в сентябре 1996 года, что в эти дни московский ученый мир справляет столетие со дня рождения Андрея Николаевича и принимает в качестве почетного гостя из Америки его старшего сына Олега Андреевича, стяжавшего известность в области исламоведения. Также выражу пожелание, чтобы нашла себе издателя автобиография Андрея Николаевича, рукопись которой хранится в семье Николая Андреевича).

Возвращаясь к своим досугам, вспомню, что воскресные дни я начинал с посещения стоящей в соседстве с живописным кварталом La Petite France готической церкви Saint Thomas, ставшей со времен Реформации протестантским храмом, абсиду которого украсил в 1777 году великолепный надгробный памятник маршала Maurice de Saxe. Туда меня привлекал, кроме шедевра Ж.-Б.Пигалля, никак не вид вереницы скучных лиц важных пасторов и администраторов, а сопровождавший начало службы музыкальный прелюд, почерпнутый приходским органистом в религиозном репертуаре Баха и других корифеев классической музыки. Ублажившись слушанием его, я шел за другими переживаниями художественного и исторического порядка в музей города, с самым интересным и активным хранителем которых, Хансом Хаугом, у меня завязалась многолетняя дружба.

На этой мажорной ноте и закончу главу о тридцать третьем годе.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД

Мой первый отпуск с отбывавшейся в Страсбурге воинской повинности пришелся на первую декаду этого года, и я провел его гостем Володиной семьи в Кламаре, в веселом общении с парижскими друзьями. Со многими из них на Трехсвятительском подворье, угощаясь после рождественской всенощной в зале над подземной церковью. Был рад приблизиться к заместителю удалившегося в Америку владыки Веньямина, иеромонаху Афанасию, в миру Нечаеву, в будущем героическому архимандриту-сопротивленцу — в пору нацистской оккупации. Подчиненными ему служителями были, хоть и не помню их присутствия в ту ночь, отец Димитрий Соболев (в одном из промежутков между очередными запретами за романические художества) и отец Димитрий, бывший Дэвид, лорд Бальфур. Зато помню о вернувшемся на rue Pétel из храма на rue Daug, не возведенном там в сан дьякона, дьячка Фимочку, который признавался нам в своей ненависти к принятому на жительство в подворье молодому, чающему пострижения в монашество, забыл как звавшемуся швейцарцу. О достаточности его религиозного сознания свидетельствовало между прочим то, что он считал помещение алтаря за иконостасом своего рода чуланом для ненужных вещей, вроде опустошенных винных бутылок. Не знаю, какова была его позднейшая судьба, кроме того, что его слишком неясная «жажда постнического жития» удовлетворения не обрела.

Что же до моего жития, то по возвращении в Страсбург оно возобновилось под знаком того же патриотического усердия. Что же до ослика Морлэ, то к концу зимы его приехали навестить родители. Отец был довольно видного ранга почтовым чиновником, и, помнится, по его рекомендации мой приятель был радушно принят директором страсбургского Hôtel des Postes, импозантного здания, выстроенного в неоготическом стиле эпохи немецкого владычества над Эльзасом. С семьей Морлэ мне довелось встретиться, помнится, случайно, не сговариваясь, на платформе-бельведере колокольни собора, и отец ослика заметил мне, несколько свысока, что я, наверное, не так продвинут в науках, как его сын, на что я с несколько деланно-скромным видом ответил, что весною мне предстоит защищать диссертацию на звание «Ancien élève de l'École du Louvre», а мамаша, заметив на моем рукаве не помню какой значок, аттестовавший категорию «élève-caporal», прибавила опечаленно, что и в воинских чинах я превзошел их сына. До моего повышения в этот мизерный чин (15 апреля) я провел в Париже весенний отпуск, совпавший с православной Пасхой.

К этому времени из-за непоседливости Магдалины Володина семья перебралась из Кламара в парижский 15-й округ, 38, rue Jeanne (ныне rue Georges Petard). По всей видимости, одной из причин выбора нового жилища было присутствие в этом доходном доме, этажом ниже, семьи известного художника Льва Васильевича Зака, которой я посвятил статью в сборнике «Евреи в культуре Русского Зарубежья» (т.3. С.120-131). В четвертом томе сборника страницу 249 украшает воспроизведение гуаши или темперы Зака «Мать и дитя», которая в моем воспоминании является сильно идеализированным изображением Магдалины и трехлетнего Николая, которые во время моего отпуска спускались позировать перед художником, возглавлявшим в ту пору движение «неогуманизма».

Как было сказано выше, 15 апреля я был произведен в несчастный капральский чин, вскоре после чего оправдалась полностью его для меня несчастьность, хоть и обрел я его после суливших благополучие экзаменов. В самом деле, на полсотни представившихся на них «*élèves caporaux*» нашего батальона я был принят среди самых преуспевших кандидатов, что, может быть, тоже в какой-то мере поспособствовало моим злоключениям. Также в известной, может быть, психологически даже значительной мере, сыграло роль и то, что меня знал и ко мне благоволил наш полковник, граф de Verdillac, а нашему ротному — штабс-капитану Onpainty с его унтерскими комплексами это нравиться не могло. Как-то случилось мне услышать от него такое заявление (попытаюсь передать его юго-западное произношение слова «*comme*»): «*Que vous soyez Lossky, commé vous l'êtes, que vous soyez le pape lui même, je suis votre capitaine*» (Будь вы Лосский, каковым являетесь, да будь вы хоть самым папой римским, — я ваш капитан). Это заявление полностью осознала идущая за капитаном и ротным поручиком, *lieutenant Blanc*, вся иерархия унтеров, напустившихся на меня, как свора собак. Тут, однако, следует признать, что совсем невинной жертвой своих гонителей я себя считать не могу, поскольку не всегда точно исполнял приказы начальства.

Возможно, повредил мне и необычным порядком предоставленный полковником краткосрочный отпуск в Париж на защиту диссертации (27 апреля) в *École du Louvre*. Темой диссертации, как я уже упоминал, была жизнь и творчество «генерал-архитектора» Петра Великого — Александра Леблона, до его прибытия в 1716 году в Петербург. Из совершенного Гастоном Бриером разбора моего труда можно было заключить, что он явился в известной степени бесполезным вкладом в искусствоведение. Среди немногочисленных слушателей присутствовали коллеги-приятель-

ницы, две сестры-полячки, пришедшие не столько из-за меня, сколько из-за Робера Рея, обожательницами которого они являлись. Были и русские, с *École du Louvre* ничего общего не имевшие посетители. Их было пятеро или шестеро: брат Владимир, если не ошибаюсь, Александра Михайловна Петрункевич¹, приехавшая из Базеля Эльза Эдуардовна Малер, видная деятельница культурного русского Парижа Жихарева и бывшая хранительница дворцов Петергофа (до ареста и ссылки на Соловки), пожавшая популярность в русском Париже своими воспоминаниями «Жена вредителя», печатавшимися в газете «Последние новости», Татьяна Сапжникова².

Мой обратный путь на службу, который я совершал, как было предписано моим начальством, день спустя на страсбургском экспрессе, не обошелся без досадного эпизода. Прикомандированный к вокзалу Нанси или одной из следующих станций «компетентный» военный чин, проявив усердие не по разуму, заставил меня покинуть экспресс и дожидаться обычного поезда, прибывшего в эльзасскую столицу в середине ночи, что осложнило, хотя и без карательных последствий, мое проникновение в казарму. И я вернулся к своему успевшему стать оскорбительным капральскому существованию.

К тому, что я писал в конце предыдущей главе о своих утешительных экскурсах в вольный мир, прибавлю, что мое общение с А.Н.Грабаром обогащалось хождением в вечерние, свободные от службы часы в его археологический семинарий, куда я был принят им (как по моему ходатайству и ослик Морлэ). Происходило это в монументальном здании *Palais du Rhin*, бывшей резиденции немецкого кайзера Вильгельма II, где находилась и специализированная археологическая библиотека. Особенно отрадным остался в памяти воскресный летний день, который мне довелось приятно провести в гостях у семей Андрея Николаевича и его брата Петра, женатого на Нине, сестре Юлии Николаевны. До горного селения в Вогезах, где они проводили каникулы, я добрался рано утром по железной дороге и от конечной станции — пешком.

На исходе лета я получил примерно недельный отпуск, который провел в интересной, довольно большой русской компании в местечке *Élincourt*, памятном пленением в мае 1430 года Жанны Д'Арк войском бургундских герцогов, ставших на сторону английских захватчиков. Там разместился в нескольких небольших зданиях земгоровский летний лагерь для детей и юношества, и при нем

¹ См.: Минувшее. Вып.11. С.160; Русская мысль. 1995. 5-11 января. №4059.

² См.: Минувшее. Вып.12. С.49.

общешитие для взрослых родственников, начальство над которым было вверено нашей дальней кузине Ирине Михайловне Шашелевой, урожденной Елачиц¹. Здесь проводила каникулы еще не дошедшая до своего полного состава Володина семья с еще трехлетним Николкой, полуторагодовалым Ванюшкой и новорожденной Машуткой, а также сдружившийся с ними семейный клан Угримовых-Решиковых: Вера Александровна с малолетними дочурками Ниной и Ириной и ее старший брат Александр, в приятельском кругу «Шушу», только что женившийся на красивой и высококультурной Ирине Николаевне Муравьевой. Все они, как и Шашелевы, и многие другие обитатели лагеря, были членами основанного в свое время известным Казем-Бекком объединения Младороссов. Проживали там также и Ковалевские, Максим с уже начавшей третировать его Ириной, которая заодно как-то обидела и Магдалину. Все это в известной мере сказывалось и в разговорах за столом, за которым мы с соседкой, «Веркой» Угримовой-Решиковой, зубоскалили и хихикали по адресу сотрапезников. По утрам мы забавлялись общими с Угримовыми-Решиковыми играми под остроумно-изобретательным верховодством Шушу, в них участвовали по-своему и наш Николка и Верины дочери, а послеобеденное и вечернее время проводили с Шашелевыми, Ковалевскими и новоявленными знакомцами-младороссами.

Возвращаясь к русскому Страсбургу, вспомню о своих хождениях в главное здание университета, где оформилось мое перешедшее в дружбу знакомство с преподавателем русского языка Дмитрием Николаевичем Стремоуховым, сыном старорежимного генерала и бывшим однокашником брата Володи по Уиттморовской стипендии. Там же, в значительной степени благодаря моему с ним общению, я узнал о десяти стипендиях по десяти тысяч франков, предназначенных влиятельным членом музейной администрации Давидом Вейлем для продвинутых студентов-гуманитариев. Одна из этих стипендий выпала на мою долю как свежего *diplômé de l'École du Louvre*, — в утешение нынешнему затравленному капралу-митраёру. Из моих последних злоключений в этой роли должно вспомнить о полковых маневрах в северном Эльзасе, кажется, в соседстве с фортом *Bitche*, где меня угораздило получить электрошок от надетого на голову телефона, следствием чего явилась флегмона за левым ухом и примерно двухнедельное пребывание в страсбургском военном госпитале с двумя операциями, в то время как мои товарищи по «классу» мобилизации радостно покинули казарму в первую неделю октября. Здесь удваивается в бла-

¹ См.: Минувшее. Вып.16. С.75-76.

годарности мое воспоминание об А.Н.Грабаре, который, вопреки обыкновению посвящать полностью свободное от профессуры время писанию ученых трудов, навещал меня чуть что не ежедневно, иногда вместе с братом Петром Николаевичем, и проводил со мною около часа в интересной и полезной для меня беседе на археологические и житейские темы. Косвенным, но немаловажным следствием этих бесед был мой с трудом сочиненный ответ на незадолго до того полученное из Парижа письмо от «венерабля» русских масонов Маргулиеса. Письмо кончалось словами «работаем, ждем вас», — на что я ответил, что мое желание сознать свою безоговорочную принадлежность к миру православной церкви не позволяет мне приобщиться даже к наследникам строителей Соломонова храма.

Здесь, когда мое повествование доходит до выхода из госпиталя, благодарность Андрею Николаевичу, распространяясь на Юлию Николаевну, уже не удваивается, а, пожалуй, удесятерится, если, забегая вперед — до зимы 1945-46 годов, подвести итог всему, чем моя семья обязана чете Грабаров. По их любезному приглашению, мне предстояло перебраться к ним и стать их гостем на несколько дней, до отъезда поездом в Прагу. Я поселился у них, но неожиданным образом не в настолько здоровом виде, в каком и они и я предполагали: сердечным больным, в какого-то я превратился за последнюю, оказавшуюся почти бессонной ночь в госпитале. Следствием этому было смущавшее меня и гораздо более тягостное для моих благодетелей, растянувшееся по меньшей мере дней на десять невольное гощение у Грабаров. Для Юлии Николаевны как хозяйки дома это обернулось увеличением числа хлебников, а как медсестры — уходом за хоть и не слишком в нем нуждавшимся пациенте. На Андрея же Николаевича, на Стремоухова и на обретенного мною через последнего нового русского приятеля Никитина — легли все хлопоты, связанные с ликвидацией моих страсбургских вневоенных дел. Помнится, что А.Н. раздобыл мне билет не третьего, как было бы для меня привычно, а второго класса, дающий возможность забронировать нижнюю кушетку в двухместном купе спального вагона в Ориент-Экспрессе, на который и посадил меня поздно вечером во второй половине октября. Не помню, как родители меня встретили на пражском Вильсоновом вокзале, с чего начался новый, в общей сложности трехлетний, период моего житья под семейным кровом в новообретенной русской Праге.

Здоровье, говоря о сердце, довольно скоро восстановилось, благодаря медицинскому надзору женщины-врача Нины Владимировны, дочери основателя геохимии академика Владимира Г за-

новича Вернадского и супруги моего друга-археолога Николая Петровича Толля¹. Она же помогла заживлению следов флегмоны за левым ухом и в борьбе с последовавшим за флегмоной фурункулезом.

Возобновилось, разумеется, и приятельское общение с кругом бывших сожителей Гранпансиона, своего рода клубом веселой, не всегда претендовавшей на ученость молодежи, образовавшемся под моральным покровительством княгини Яшвилль, как бы при Кондаковском семинарии². Утвердился также к этому времени и успех в русской Праге ставшей из любительской почти профессиональной театральной труппы, в которую я не смог снова войти, не считая себя в праве отвлекаться от своих занятий в качестве стипендиата Давида Вейля. К этому следует прибавить, что мои доходы больше чем удвоились с присуждением мне чехословацкой администрацией по делам культуры второй стипендии, основанной согласно договору с соответствующим учреждением Франции о содержании чешских студентов-стипендиатов. Были у Чехословакии подобные договоры и с другими странами, что оправдывало существование своего рода клуба иностранных иждивенцев, в который вошел и я. Появился в нем и другой, привлекавший своей наружностью и повадками русский из Австрии — ученик и будущий зять профессора венского университета князя Николая Сергеевича Трубецкого (родоначальника идеи и движения Евразии) — Исаченко, сын известного в свое время петербургского юриста. Его сестра (имя которой запомнил) была моей одноклассницей в гимназии бабушки Стоюниной в 1919/20 учебном году, на исходе которого их семья покинула голодный Петроград, после чего мать и сын приобщились к русской эмиграции в Австрии. В среде пражских соотечественников Исаченко сразу же занял видное место, став своим человеком как в широком и разнообразном кругу членов и друзей Кондаковского семинария, так и советником, почти возглавителем театральной труппы, года на два полностью завладев сердцем ее примадонны Татьяны Ратгауз³.

Пора наконец сообщить, что работа, на которую меня благословляли мои меценаты, состояла в розысках попавших с начала средневековья до наших дней на территорию Чехословакии произведений французского искусства и их систематическом изучении. Осуществление этой задачи должно было принять форму создания своего рода «воображаемого музея» (заимствую у Мальро

¹ См.: Минувшее. Вып.16. С.39.

² Там же. С.50, 54-55

³ См. о ней и ее отце: Минувшее. Вып.16. С.61 и 67.

его определение «*musée imaginaire*»), начиная, естественным образом, со скульптур, картин и рисунков Чехословацкой Национальной галереи, незадолго перед тем привольно разместившейся в залитом светом верхнем этаже нововыстроенной перед Манесовым мостом обширной и богатой Библиотеки города Праги. Первым плодом моих занятий в этом здании была вышедшая 15 марта 1935 года статья «*L'art français à la Galerie d'État à Prague*», с каталогом на последних 15-18 страницах пятидесяти двух произведений французского искусства XVII-XIX веков. К моим занятиям конца этого же года относятся и три страницы моей, вышедшей в 1938 году, к сожалению, только в переводе на чешский язык, статьи о французском искусстве в замках Чехословакии. Речь в ней идет о семейном гнезде князей Лобковиц в местечке Роуднице на Эльбе: великолепном дворце, выстроенном в конце XVII века в стиле классицизирующего барокко, для Фердинанда-Августа, преданного служителя Священной Римской Империи, заседавшего, как ее верховный комиссар, в 1690-х годах на собраниях Регенсбургского сейма. Зарегистрировав в богатейшей картинной галерее замка около сорока французских портретов, в преобладающем большинстве членов королевского дома и двора, я смог уже в своей публикации 1938 года внести в их иконографическую идентификацию и стилистическую атрибуцию далеко идущую уточняющую и критическую переоценку.

Возвращаясь к 1934 году, следует упомянуть, что к моему возвращению из Страсбурга завершилось окончательное вступление в культурную жизнь русской Праги Научно-исследовательского объединения при основанном и возглавлявшемся М.М.Новиковым Русском Свободном (поначалу Народном) Университете¹. Членам объединения предстояло деятельное участие как докладчиков в широко доступных для публики собраниях, а главное — в качестве авторов научных исследований в проектируемой серии томов «Записок научно-издательского объединения», на русском или одном из главных западноевропейских языков. Для снискания материальных средств к их публикации М.М.Новиков задумал, и, как оказалось, очень удачно, обычай ежегодных платных для их участников балов, приуроченных к Татьянину дню, бывшему праздничным для дореволюционного Московского университета.

С такого бала, проходившего 25 января (по новому стилю), и начну следующую главу.

¹ См.: Минувшее. Вып.16. С.12, 37-39, 55.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОД

Организация и обслуживание этих балов требовали добровольного участия всех сознательных членов Объединения. Первым их делом явилось составление списка имен и адресов проживавших на территории Чехословакии и даже за ее границами предполагаемых участников-пайщиков. По этому списку члены Объединения, часто с помощью членов своих семей, рассылали почтовые конверты с приглашениями и репертуаром бала. Нередко принимали деятельное участие в этом и родные ученых, главным образом, их жены (в их числе и моя мать Людмила Владимировна), они же помогали и в обслуживании жизни бала на разных «постах», в частности, за буфетом, где было ценно их тактичное обхождение с более или менее трезвыми и корректными «клиентами», любителями разливаемого ими кружона или родной водочки, заеданной «пыжами», то есть бутербродами с ветчиной, мастерицей по изготовлению которых была жена одного из ученых (кажется, филолога) Миловидова, полностью оправдывавшая вместе со своим супругом, по справедливому замечанию моего отца, смысл носимой ими фамилии. Для самих же членов Объединения было достаточно дела и в билетной кассе, и за книжным прилавком с публикациями Новиковского университета, и на других постах, вроде обслуживавшегося мною зала с рядами складных стульев для привилегированных гостей, перед подмостками, на которых разыгрывался предпосылавшийся балу театрально-концертный дивертисмент. Не буду распространяться о составителях общей программы, ни о ее исполнителях, ограничусь лишь воспоминанием об интермедии несколько иного порядка: ни один из Татьянинных балов не обходился без требующего мускульного усилия коллективного «качания», то есть подбрасывания в воздух после пения «Гаудеамуса» заслуженного ректора Московского университета (и, кстати, последнего — не назначенного, а коллегиально избранного) Михаила Михайловича Новикова. Это действие мне доводилось организовывать с первого года деятельности Объединения до января рокового 1939 года.

Что же до моих начатых в конце прошлого года занятий по розыску и систематическому изучению осевших на чехословацкой земле произведений французского искусства, как и влияния его на постройку и украшение находящихся здесь храмов и дворцов, то они продолжались. Главными этапами моих странствий этого года были, удаляясь на юго-восток от Праги (не очень задерживаясь в чешских городках и местечках), поначалу Моравия с находками в богатых музеях ее столицы Брно и особенно в замках его

окрестностей. Назову в первую голову все еще принадлежавший своим законным владельцам, уже не князьям Кауницам, а их наследникам графам Пальфи, замок в селении Славкове, вошедшем в историю под своим более известным австрийским наименованием Аустерлиц. Назову также интересный уже своей архитектурой замок в селении Жидлоховице, по-австрийски Seelowitz, построенный в начале XVII века для Филиппа-Людвига Цинцендорфа, посланника Священной Римской Империи в Париже, возможно, что по рисунку Робера Декотта, перешедшего в конце концов в собственность австрийской короны. Его залы и часовня украшались эмигрировавшими из Брюсселя от войн Французской революции последними австрийскими властителями католических Нидерландов — дочерью императрицы Марии-Терезии, эрцгерцогиней Христиной, и ее принцем-консортом Альбертом Саксен-Тэшенским, которые привезли из своих резиденций в Брюсселе и Кобленце произведения искусства, сыгравшие очень видную роль в моих дальнейших исследованиях. Наконец также много интересного французского материала ждало меня в моравском замке князей Лихтенштейнов у самой австрийской границы — в Вальтице, по-австрийски Фельдсберге, полностью перестроенном в 1720-х годах, возможно, с участием знаменитого венского архитектора И.Б.Фишера фон Эрлаха, наверное, для князя Иозефа-Венцеля, блестящего посла Священной Римской Империи в Берлине (1735-1737) и Париже (1737-1741), где он приобрел немало картин и позировал перед несколькими художниками.

Следующим за Брно этапом моего странствия явилась столица Словакии Братислава. Там я часто был гостем, а может быть (память мне здесь изменяет) даже жильцом у наших, недавно перебравшихся туда пражских друзей, Георгия Николаевича и Анны Николаевны Михайловских, у которых я уже снимал в октябре 1926 года комнату в Профессорском доме¹. Надо сказать, что на сей раз наше с ними общение проходило в печальной домашней атмосфере. Дело в том, что с 1931 года Анна Николаевна потеряла душевное равновесие, что отражалось пагубно на ее разговорах и поступках. По великому счастью, это психическое расстройство оказалось преходящим, и мне хорошо помнится ее приезд, в продолжение 70-х годов, на несколько дней из Братиславы в Париж с полностью вернувшимся рассудком и, что небезынтересно, оставшимся совершенно вне сознания воспоминанием о первых порах их жизни в Словакии. Интересный для Франции материал встретился мне как в словацком национальном, так и в братиславском муни-

¹ См.: Минувшее. Вып.16. С.71-72.

ципальном музеех. Также полезным было и посещение управления историческими памятниками Словакии, с приятной встречей там с бывшим товарищем по пражскому Техникуму Вацлавом Менцлем, служившим там в должности помощника директора. А в одном из больших ресторанов меня ждала, по предварительному сговору, встреча для сведения знакомства с проживавшим в соседстве с Братиславой французом по имени Шоллэ, членом и местным представителем известной культурно-просветительской организации Alliance Française, что оказалось весьма ценным для моей дальнейшей деятельности.

Самым же интересным обстоятельством была близость находящейся километрах в пятидесяти на запад от Вены, куда было легко добираться, перейдя на правый берег Дуная в историческое предместье Девин, соединенное автобусом с еще мною не виденной австрийской столицей. Очутившись в ней и поселившись в очень скромном отельчике, кажется, рядом с верхним Бельведером, я, должно быть, первым делом заявился в Institut français к возглавлявшему его, как и в 1910-х годах в Петербурге, Луи Рэо¹, с которым я завел знакомство в начале 30-х, когда принимался за луврскую диссертацию об архитекторе Петра Великого Александре Леблоне. В своем венском институте, по удачному случаю, Рэо принимал также старшего принца Лихтенштейна, хозяина только что заинтересовавшего меня имения Вальтице-Фельдсберг.

Возвращаясь от искусствоведчества к основному предмету моей хроники — русскому зарубежью, — вспомню о своем приходе на поклон к принявшему меня в своем кабинете профессору Венского университета князю Николаю Сергеевичу Трубецкому, отцу евразийской идеи и, как упоминалось, будущему тестю блиставшего на берегах Влтавы Александра Исаченко. «Его красным денькам приходит конец», — сказал мне Н.С., имея в виду ожидаемое прекращение стипендий и невозможность испрашивать для него продления их. Не помню, было ли мне тогда уже ясно, что прозванный на берегах Влтавы русскими дамами и девицами (скорее поощрительно, чем отрицательно) «пройдохой», освоившийся с чешской столицей Шура успел найти себе там, без большого затруднения (как говорил мне сам), достаточно средств для пополнения своего бюджета и, прибавлю, расположения к себе женских сердец (о чем я, естественно, не сообщил его будущему тестю). Не помню, случилось ли мне за это пребывание в Вене быть гостем князей Трубецких и иметь дело с высокомерной матерью семейства и общаться с кем-либо из других соотечественников.

¹ См.: Минувшее. Вып.16. С.14.

Вернувшись в Прагу, я возобновил обыкновение посещать для своей исследовательской работы библиотеку «осеяемого» княгиней Яшвиль Кондаковского семинария и — уже для развлечения — собиравшиеся под ее покровительством вечеринки кружка родственников и друзей участников семинария, в большинстве своем дам и девиц; приобрелся к нему и ставший добрым знакомым княгини друг русской культуры, довольно хорошо усвоивший русский язык молодой австрийский принц Карл Шварценберг, потомок Карла-Филиппа, соратника Александра I и Блюхера. Он же, как и его, если не ошибаюсь, брат Франц, стали верными участниками Татьянинных балов.

Большим событием весенних месяцев явилась осуществленная по инициативе, кажется, Славянской Беседы выставка произведений французского искусства XIX-XX веков (не помню присутствия на ней экспонатов предыдущих эпох), богатая по количеству представленного и эффектно экспонированная в великолепном архитектурном пространстве Королевского Бельведера — бывшей резиденции пражских мэров («бургграфов»), выстроенной в 1555 году Джованни Вентурой почти по образцу Палладиевой Базилики в Виченце.

По случаю этой выставки приехали из Парижа Александр Бенуа и скульптор Осип Цадкин, а из Вены — Луи Рэо. Его я был рад познакомиться ближе с памятниками чешской столицы, как (по его желанию) и с археологом Николаем Петровичем Толлем, возглавителем с княгиней Яшвиль Кондаковского семинария, а также с его пражским коллегой — директором Institut français Альфредом Фишелем. Последний совершил с нами, а также со своими супругой и малолетним сынишкой автомобильную экскурсию километров за пятьдесят на север — для посещения, по моему совету, величественного средневекового замка Кшивовклата, великолепно отреставрированного и содержавшегося его тогдашними обладателями графами Штернбергами. Помню об оживленно проведенном в искусствоведческих и житейских пересудах вечере у друзей, на котором Рэо возобновил общение с Александром Бенуа и познакомился с Осипом Цадкиным, озабоченным своим завтрашним выступлением, не помню, от имени какого объединения, на вернисаже выставки в Бельведере. На вернисаже он произнес похвальное слово о французском искусстве в его хронологическом целом, потому что в мою память запало воздаяние оратором должного «à l'art des *cathédraux*»... Сам он был представлен на выставке характеризующей его «негативную» скульптуру группой женских тел с их выпуклостями, замененными впадинами.

Не прошла незамеченной и состоявшаяся в театральном зале Умелецкой Беседы выставка произведений русского искусства из частных коллекций Западной Европы и Северной Америки, едва ли уступавшая по богатству той, что пожалала в 1932 году успех в русском Париже. И на ней я побывал с Луи Рэо.

Также немаловажным для русской Праги событием были гастролы в одном из театров на окраине сформировавшейся, кажется, в Монте-Карло, большой балетной труппы Базили, давшей около десятка спектаклей, к сожалению, почти не объявленных — для привлечения широкой публики — чешской прессой. Чтобы не играть перед почти пустым залом, организаторы снизили значительно цены на билеты, что приняли с восторгом многие россияне, наполнившие залу и ярусы и полностью оценившие, как они этого заслуживали, балетные номера строго классического и живописно-романтического характера. Кордебалет труппы состоял в большинстве из русских участников обоего пола, но главными солистками явились восемнадцатилетняя француженка Лисэт Дарсонваль, уже известная как классическая балерина, продвинутая успехом турне с Сергеем Лифарем по Северной Америке, и ее более-менее ровесница, талантливая американка, выступавшая под дурацким псевдонимом «Душа Лесприлова», в связи со своим эзотерическим убеждением, что в нее вселился гений Анны Павловой. Помню, что со многими пражскими соотечественниками провожал на Вильсоновом вокзале труппу Базили, садившуюся, кажется, на парижский поезд для продолжения своих европейских гастролей. Я же сам направлялся, благодаря стипендии Давида Вейля, знакомиться воочию с памятниками «Католических Нидерландов».

Первым этапом моего весеннего паломничества был Кельн во всем его величии, за чем последовали Льеж, Брюссель, должно быть, Гент и Турнэй, во всяком случае Брюгге и Намюр, и безынтересный для меня Шарлеруа между кучами дымящегося шлака. В Брюсселе возобновились и завязались новые знакомства с россиянами, — там мне даже довелось жить не в отеле, а в русской семье.

Летние каникулы уже в четвертый раз наша семья проводила в Виннице у Иречковых, в этом году с присутствием в ней приехавшего из Соединенных Штатов недавно там объявившегося почитателя философии отца, профессора Джона Маршала, «знакомство с которым, — как пишет отец в своих воспоминаниях (с.224), — оказалось провиденциальным событием, оказавшим существенное влияние на судьбу нашей семьи». Незадолго до своего прилета в Европу (в парижский аэропорт) Маршал написал отцу о своем

желании познакомиться во Франции с Бердяевым, о чем отец известил брата Владимира, а тот самого кламарского оракула, который на это ответил, что готов принять своего американского коллегу, но, не владея английским языком, может сделать это лишь в том случае, если тот будет говорить с ним по-немецки, и пригласил его к себе, назначив какую-то дату и полуденный час, что казалось соответствующим приглашению к обеду. Здесь будет уместно вспомнить и внести уточнения в то, что было мною сказано в «Минувшем» (вып.12. с.127-129, 163, прим.177 и с.164, прим.178) о Бердяеве и членах его семьи, начиная по старшинству с тещи, но, главное, о его духовно возвышенных и начитанных супруге и свояченице. Первая из них, Лидия, наградила себя явно вымышленным отчеством «Юдифовна», о чем удивленные москвичи говорили «добро бы Олоферновна», а у Л.П.Карсавина, уделявшего бердяевскому клану особое место в своем издевательском репертуаре, оно претворялось в «Иудовну». Не знаю, почему ей захотелось принять католическую веру, чтобы творить по ней молитвы, посвящая им, возвышенным размышлениям и умному чтению все свое время, предоставляя ведение домашнего хозяйства всецело сестре Евгении. В посещениях ею рынка постоянным, можно сказать, рыцарственным помощником был сам Николай Александрович, который в условленное время присоединялся к ней, чтобы брать у нее и относить домой первую половину ее покупок. Отсюда у кламарских россиян могло создаться подозрение в слишком далеко зашедшей интимности между свояком и свояченицей, что мне представилось бы естественно оправданным фактом, так как супружеское общение четы Бердяевых проходило под знаком «*mariage blanc*», потому что жена решила соблюсти для Бога свою девственную чистоту.

Не сохранилось в памяти, как я встретил Джона Маршала на аэродроме, но стоит в ней, как мы вдвоем мокнем под дождем у калитки перед двориком дома кламарского мудреца, как за ней не сразу появляется на наш звонок свояченица Бердяева и на мое заявление, что мы приходим к ним по уговору в гости, недоуменно, чуть надменно прищуриив глаза, отвечает, что поднимется спросить у свояка, примет ли он наш визит, и только после нашего дополнительного стояния под душем впускает нас в дом. Войдя в его нижний этаж, я заметил через ведущую в столовую дверь, что там уже был накрыт обед — только на четыре прибора, ровно по количеству членов семьи. Когда Маршал уже начал подниматься по лестнице, с верхней ее площадки послышался голос вышедшего на нее из своего кабинета мудреца, разрешившего придти к нему и мне. Проходя мимо открытой двери в проблематически-

супружескую спальню, можно было видеть позади постели молитвенно коленапреклоненную хозяйку дома. В кабинете диалог на более-менее немецком языке между двумя философами прошел, по-видимому, к обоюдному удовлетворению, и даже у меня Н.А. осведомился по-русски о здоровье и занятиях отца, после чего мы откланялись и вышли «несолоно хлебавши», и не помнится, чтобы кем-нибудь провожаемые на улицу, где я объяснил удивленному спутнику, что обедать или вообще как-то закусить придется в каком-нибудь скромном ресторане. Таковой нашелся где-то поблизости, и мы в нем «заморили червячка». Только неприятно удивило Маршала, когда подали счет, который начинался с какого-то росчерка и обозначения соответствующей ему небольшой платы за «couvert», то есть за «накрытие стола», что вызвало его обличительное замечание «expensive type of restaurant». Абсолютно не помню, как он перебрался из Парижа к нашей семье в Прагу или уже в Виницу, тем более, что сам я присоединился к нашим вряд ли раньше середины июля, потому что до того мне довелось совершить интереснейшую экскурсию в Савойю к известному искусствоведу Луи Димье (Dimier), которому я вызвался показать для его ознакомления и критического суждения фотографии найденных в Чехословакии французских портретов XVI и XVII веков. Его на это реакцией было приглашение провести несколько дней в качестве гостя его семьи, вне Парижа проживавшей на их старинной вилле в Saint Paul sur Isère. Предпочитая не удаляться от мира русского зарубежья, воздержусь от рассказа о завязавшемся обоюдно полезном интеллектуальном и житейском общении с дорогим мне с Луврской школьной скамьи корифеем художественной истории «Школы Фонтенбло», наших разговорах, прогулках и поездках по савойскому краю Tarentaise. Путь туда из Парижа я проделал по железной дороге, начиная с Лиона, где на вокзале дождался экспресса из Парижа, на котором Володина семья вместе с товарищами игр ее детей — малолетними сынишкой и дочкой князей Путятиных — направлялась в один из русских лагерей на средиземноморском побережье. После Лиона первыми увлекательными этапами моего странствования явились Шамбери и Альбертвиль, а обратный извилистый маршрут прошел с памятными остановками в Аннеси, потом, если не ошибаюсь, в Bourg en Bresse, а там — по железной дороге, живописно пересекающей с востока на запад Центральный массив со знаменитым первым по времени шедевром Гюстава Эйфеля — его виадуком Гараби. Потом, кажется, Невер и, наконец, после Парижа, приезд в Виницу.

Едва ли не самыми чудными месяцами года явились сентябрь и октябрь — с искусствоведческим паломничеством, благодаря

милостям Давида Вейля, по Италии. И о нем поведаю, не забывая мысли о российском зарубежье. Начну с возобновившегося за зиму общения с товаркой по петербургской гимназии бабушки Стоюниной, на два года меня младшей Галей Федоровой, вышедшей замуж за итальянского картинного коммерсанта Эдуардо Моратилло-Полидори, который направил меня в венецианский, сравнительно скромный отель Cavaletto, — первый этап моего странствия. Следующими этапами были Падуя, Феррара, Болонья и так много интересного обещавшая Флоренция. И там меня ждала встреча со старыми петербургскими друзьями в лице семьи Лоховых, главное — матери, Марии Митрофановны, особенно дорожившей памятью о времени своей службы в бабушкиной гимназии, до 1912 года, не помню учительницей или воспитательницей в младших классах. Ее муж, с которым мне так и не довелось свести знакомство, был живописцем, которому в 1912 году профессор Иван Владимирович Цветаев (отец Марины) заказал для своего только что достроенного музея копий произведений западноевропейского искусства (ныне музей им.Пушкина) воспроизведение в натуральную величину около десятка характерных образцов стеной живописи флорентийских мастеров XIV и XV веков, вслед за чем он со всей семьей покинул берега Невы для длительного пребывания на берегах Арно. Там, наряду со своей работой, он вошел в общение с братией искусствоведов и принимал в их дискуссиях активное участие на своем формировавшемся итальянском языке, образцом чему может послужить перевод выражения «в итоге» на «nel itogo». Младшим поколением семьи являлись мой тезка и ровесник, в пору переезда в Италию семилетний Боря и его совсем малолетняя сестра Лидочка. Сын удивлял родителей своим оригинальным мышлением, склонным к постоянному, можно сказать «принципиальному» протесту во имя равноправия и добра. Он выражал его, осуждая Бога-отца за страдания Сына, проявляя симпатию к туркам, когда их было принято порицать во время балканской войны 1912 года, и, наконец, что еще значительнее, симпатией к Абиссинии, когда состоял офицером итальянского флота в 1935 году, ознаменовавшемся агрессией Муссолини (к этому вернусь позже). После моего первого пребывания во Флоренции, продлившегося много если двое-трое суток, я устремился к Риму, не помню точно, с какими остановками, кроме как в много давшей мне Перудже. А в Вечном городе, где я поселился в скромном Pensione Monini рядом с церковью Sant Ignazio, первым актом моего общения с его многочисленными русскими обывателями была дружеская встреча с Галей Федоровой в римском, весьма представительном интересе семьи Моратилла-Полидори, которая, как

мне показалось, вызвала удивленно-скандализованную реакцию родственников Эдуардо, постаравшегося поправить дело объяснением «*relazioni artistiche*». Среди прочих римских россиян видное место занимали Ферзены (должно быть, графы, из семьи Ханса Акселя, рыцаря Марии-Антуанетты), с которыми мне познакомиться не случилось. Зато довелось очутиться в обществе со многими соотечественниками в не помню как найденном русском ресторане, разместившемся в помещении, служившем в пору Наполеонова владычества мастерской и, вероятно, жилищем прославленному Антонио Канове. Было интересно прислушиваться к застольным разговорам пребывавших для меня в анонимате клиентов ресторана. Хозяин заведения, разговорившись со мною о римских русских, сообщил, что в Граде-Ватикане «работает в четыре руки» русская чета живописцев Браиловских, что меня заинтересовало, особенно в связи с тем, что о характере их деятельности меня из Праги просила конфиденциально сообщить ей графиня С.В.Панина, с которой они пытались войти в общение. Осуществил общение с ними и я, обнаружив, что он считал себя идеалистом «не от мира сего», а она служила ему верной союзницей, и причислив их к того рода смертным, о которых говорят «на небо поглядывают, по земле пошаривают». Он изготовлял для музея много рисунков, относящихся к религиозному искусству, главным образом — архитектуре русского средневековья, в большинстве негласно скопированных с иллюстраций первого издания «Истории русского искусства» Игоря Грабаря. Она же намалевала несколько картин, идущих навстречу ложному представлению западных иностранцев о жизни россиян, «в тени развесистой клюквы» Александра Дюма-старшего.

Были, к счастью, встречи и с двумя несравнимо более достойными соотечественниками. Начну с художника Андрея Белобородова, который показал мне несколько листов исполняемого им проекта роскошной виллы для хранящих интерес и любовь ко всему, связанному с Россией, потомков Наполеонова генерала, маркиза Armand de Caulincourt, служившего в 1807-1811 годах французским послом у восторженно им полюбившегося Александра I. И Белобородов пожаловался мне на какие-то перенесенные им невзгоды из-за умеренно талантливого живописца и не всегда деликатного собрата в искусстве и искусствоведении Георгия Лукомского.

Вторым, самым дорогим, для меня воспоминанием о встречах с римскими соотечественниками остается мое явление на поклон к Вячеславу Иванову и несколько посещений его семейного гнезда на Тарпейской скале. В первый раз я застал там только преданную

секретаршу поэта. Самого же Вячеслава я сподобился узреть на свой второй приход. За моим импровизированным приветом от отца последовал его изысканно стилизованный вопрос: «здравствует?», и за моим утвердительным ответом — воспоминание о свойстве Лосских и Стоюниных и тот же глагол в применении к моей бабушке Марии Николаевне. Первое, что мне представилось уместным, как и оказалось, был ретроспективный взгляд, в связи с религиозной ориентацией собеседника, на католизацию российской интеллигенции, начиная с Чаадаева и возведенной в сан блаженных блистательной Зинаиды Волконской. Зашел между прочим и разговор о культуре древней Эллады и ее географическом охвате, послуживший мне наставлением для лучшего восприятия памятников южной Италии в ее аспекте Великой Греции, не подвергнувшейся отуречению, постигшему земли Балканского полуострова. Был также разговор филологического, точнее лингвистического характера, в котором я не без известного успеха оседлал своего конька — тему о международной миграции французского слова *val* (долина), во множественном *vaux*, вошедшего в имя нормандского соратника Вильгельма Завоевателя и, как я думал, в название *Vauxhall*, принадлежавшего его потомству окруженного парком замка на окраине Лондона, который в XVIII веке стал местом народных гуляний и послужил примером для возникновения подобных заведений во многих странах Европы и Америки под перешедшим из имени собственного в нарицательное — «вокзал» или «вокзал». Был устроен незадолго до 1820 в Петербурге, в подражание своему французскому оригиналу, на петербургской окраине прославившийся народными гуляньями Екатерингофский вокзал, а в 1837 году, когда прокладывалась Царскосельская, первая в России железная дорога, возжаждала продления ее на несколько верст городская управа Павловска и выстроила в качестве приманки на краю парка свой вокзал с большим монументальным залом, привлекавшим не только местных жителей и дачников, но и многочисленную, приезжавшую в «музыкальный Павловск» столичную публику. По поводу чего необходимо заметить, что в этом здании названии «вокзал», отойдя от исходного *val* или, во множественном, *vaux*, стало означать для россиян лишь большую железнодорожную станцию... Приближаясь к концу воспоминания об общении с Вячеславом Ивановым, сочту уместным сообщить, что об извращенном соблюдении девства «Иудовной» Бердяевой мне довелось слышать из уст обитателя Тарпейской скалы непринятую мною похвалу ее парадоксальной добродетели. Прибавлю, что наши разговоры проходили с участием в них детей поэта: музыкантши Лидии, только что дирижировавшей вати-

канским оркестром, и Димитрия, будущего возглавителя посвященных его отцу международных симпозиумов. Также, что В.И. вручил мне для пересылки отцу несколько оттисков своих статей и что на одном из них была дарственная надпись с изъявлением удовлетворения сведенным со мною знакомством. И более того: как подлинный представитель светскости старого века, он счел приличным реагировать на мои гощения в его доме ответным посещением моего Pensione Monini, где меня не оказалось. Скажу «по счастью», так как он оставил там визитную карточку с загнутым краем: «Prof. Dott. Venceslao Ivanoff» и с карандашной припиской «per il Sig. Boris Losski», которую я берегу среди семейных реликвий. Последним актом моего с ним общения была посылка ему в ноябре письма из Праги, где мы с родителями и бабушкой беспокойно переживали тягостный раздор, бушевавший в православном церковном Париже в связи с писаниями отца Сергия Булгакова о Святой Софии.

Мое же странствие, после экскурсий в Тиволи и на Villa Adriana, продлилось, начиная с Via Appia через Compagna Romana, с легким подъемом к Albano Laziale, где мой французский паспорт вызвал недоверчивое любопытство жандармов, и прервалось дня на три в восхитившем меня своим великолепием Неаполе с его памятниками, музеями и окружающей природой. Конечно, отдал должную дань Помпеям, побывал в Геркулануме и поднялся на Везувий, как было возможно ближе к дымящемуся кратеру. Следующими этапами странствия явились Салерно и — торжествующим заключением — Пестум с его великогреческими храмами.

Главным этапом моего обратного пути явилось второе пребывание во Флоренции и общение с Лоховыми, в конце сентября и начале октября. На сей раз Мария Митрофановна сводила меня в мастерскую мужа, который в ту пору находился в венецианской области, в местечке Мазер, где изучал и реставрировал на свой лад исполненную Паоло Веронезе роспись стен и сводов Палладиевой виллы Барбаро. В ателье я полюбовался на копии в натуральную величину с произведений монументальной живописи тосканских мастеров XIII-XVI веков. На эти полотна заявлялись американские покупатели, но Лохов, сознавая, что писал их по заказу командировавшего его в Италию цветаевского музея, ответил им категорическим отказом, чем вызвал насмешливое недоумение «идеалиста» Браиловского его непрактичностью. Прибавлю к этому, что, по всей вероятности, Лоховские факсимиле поступили после войны в фонды нынешнего музея имени Пушкина. Бориса Лохова я и на сей раз еще не встретил из-за его пребывания на флоте, зато познакомился с Лидочкой, помнится, уже выпуск-

ницей флорентийского университета, готовящей что-то вроде доктората. Она тогда заканчивала каникулярный отдых, живя на второй Лоховской квартире-мастерской в Ассизи, прирабатывая для материального участия в жизни родительской семьи службой в какой-то туристической организации гидом по многочисленным и богатейшим историческими воспоминаниями памятникам городка, в частности, двухэтажной базилики Святого Франциска и монастыря Святой Клары. Я провел там дня два, первый вечер ее гостем, которому она доставила удовольствие чем-то мастерски приправленными макаронами и юмористическим рассказом о незадолго перед тем ее посещавшем чудачковатом кузене моей свояченицы Мироне Жирмунском, прилетевшем из Парижа. Я же постарался ее развлечь, сыграв на рояле, не вспомню, какой тональности, ноктюрн Шопена и *Sonetto del Petrarca* Листа. Наутро я ее встретил в компании тогда семидесятилетнего законодателя итальянского искусствоведения (как выяснилось позже, изобретательного дельца-оппортуниста) Бернгарда Беренсона, оказавшегося ее добрым знакомым.

На следующий день я пошел углублять свое знакомство с памятниками Флоренции. Часа в три я стоял перед Баптистерием, и мое внимание было так занято вглядыванием в десять барельефов Райских ворот Гиберти, что его не сразу прошиб внезапно поднявшийся пронзительный вой сирен, кажется, колокольный набат и грохот спускавшихся перед витринами железных занавесей. Услышав приказ флорентийцам, разносившийся с башни Palazzo Vecchio, перешел и я, хоть только в роли любопытствующего туриста, на Piazza della Signoria, пробрался через быстро густевшую толпу послушных обывателей к Loggia dei Lanzi и взобрался на плитус подножья Персея Бенвенуто Челлини. Из моего кармана торчал бедкерровский путеводитель, чего оказалось уже довольно, чтобы привлечь недружелюбное любопытство верноподанных, но на своем посту я удержался достаточно долго, чтобы оценить по-своему исходящую от башни рекомендацию осознать «*la gravità del momento*», после чего, между прочим, раздались с башни звуки марша египтян из «Аиды» Верди. Выбор музыкальной цитаты был «в самый раз». Раздались возгласы в честь реального главы государства — «*Viva il Duce*» и, после него, в честь соломленного короля. Играли, конечно, и фашистский гимн «*Giovi-pezza*», напоминавший мне русскую студенческую песенку «через тумбу-тумбу раз, через тумбу-тумбу два», и другие приличествовавшие случаю, кажется, даже издевательские над Эфиопией и ее чернокожим населением песни. Какой-то видный чиновник произнес речь об уместности подчинения Эфиопии Италии под эгидой

Муссолини. Что же до самого властителя, то его рычащий голос стал раздаваться напоследок, и его я слышал из уличных громкоговорителей, когда удалялся от главной площади, направляясь к отдаленной улице, где жили Лоховы, чтобы провести с ними, как было уговорено, вечер. К ним пришло в гости несколько дам, и одна из них, кажется, итальянка, говорила о неизбежности войны и участия в ней во исполнение долга всех верных граждан. Состоявшей, по-видимому, в силу житейской необходимости, в каком-то союзе молодежи Лидочке надлежало быть готовой в любую минуту дня или ночи, услышав зов сирены, явиться на сборный пункт в распоряжение партийных властей для получения инструкций по исполнению своего гражданского долга. Тут разразилась сильная гроза, и при ударе грома одна из русских гостей, дама преклонного возраста, в сознании которой, по-видимому, все российское превосходило иностранное, заявила, что нигде не переживала более сильных гроз, чем в Тамбовской губернии. Может быть, через сутки, когда наступила вторая «воробьиная ночь», а я, уже лежа в постели, благодарил судьбу за то еще, что находился далеко от Тамбовской губернии, — раздался оглушительный удар грома, и сразу за ним пронзительно завывла сирена. На следующий день я узнал, что Лида поспешила на сборный пункт, но там ей и ее товарищам объяснили, что тревога оказалась ложной — сирена запустилась из-за ударившей в нее молнии. Как прошла действительная тревога, я не помню, ибо к тому времени уже покинул Тоскану для продолжения обратного странствия.

Следует вернуться еще в круг Лоховских друзей-соотечественников, хотя и надлежит произнести фамилию скорее чешского созвучия. Речь пойдет о бывшем профессоре Петербургского университета Оттокаре, эмигрировавшем во флорентийские высшие школы, где он преподавал, кажется, русские предметы. В 1928 году, когда брат Владимир и Магдалина совершали свое свадебное путешествие и были в гостях у Лоховых, Оттокар всех изрядно рассмешил, воспроизведя фрагмент первого перевода на русский либретто в стихах «Сомнамбулы» Винченцо Беллини, что осмелюсь сделать и я:

В мире люди есть, — бывают,
Спят и делают во сне
И того не замечают,
Что лунатики оне.

Общим явлением на всех остановках в моем дальнейшем странствии было устрашающе-навязчивое присутствие прорисованного через трафарет на всех уличных стенах черепа в солдатской каске с кинжалом поперек сомкнутых челюстей и под ним

надписью «Me ne freggo». Одним из ближайших этапов моего обратного пути была Болонья, где я примирился в Пинакотеке с академизмом школы Караччи (хочется, вслед за Гоголем, сказать «Караччей») и поклонился во дворе Palazzo del Podesta фасадам XV века работы Аристотеля Фиораванте, строителя Успенского собора в Кремле. Потом, если не путаю, пошли города, давшие мне богатую пищу для личных наблюдений и соображений: Феррара, Мантуя, Верона и в особенности Виченца, которую в разговоре со мною год спустя сверхизобильный писатель Немирович-Данченко удачно назвал «маленький город больших дворцов». Там я, конечно, не забыл своего почти тезку времени Возрождения, гуманиста Antonio Loschi, имя которого носит одна из улиц, но главным для меня приобретением было сведение знакомства «воочию» с архитектурой Андреа Палладио и внедрение «палладианизма» в мои эстетические воззрения, о чем не буду здесь распространяться. Последними этапами моего первого итальянского путешествия были прощальные остановки в Падуе и Венеции и, после Триеста, граница Югославии и остановка в столице Словении, Любляне. Здесь я провел дня два-три в общении с бывшими пражскими соотечественниками, последним выборным ректором киевского университета Евгением Васильевичем Спекторским и профессором-юристом и русским филологом А.В.Маклецовым. Затем провел несколько дней в Вене, где меня застало 1 ноября, католический праздник «Всех Святых», посвященный памяти усопших. По этому случаю мне посчастливилось побывать на исключительно торжественной мессе, отслуженной высшим духовенством с участием венской филармонии вместе со знаменитым детским хором Wiener Sängerknaben в капелле рядом с так называемой Geistliche Schatzkammer императорского дворца, причем церковной службе сопутствовал, помнится, «Реквием» Моцарта. Среди молящихся было нетрудно узнать возглавившего с прошлого года государственную власть рейхсканцлера Курта фон Шушнига вместе, помнится, с двумя малолетними детьми, как мне потом разъяснили, от его покойной супруги, и с их воспитательницей, в недалеком будущем его второй жены.

Перейдя у Братиславы границу Чехословакии, я направился к востоку, познакомиться с Лихтенштейновским доменом Леднице (по-австрийски Eisgrub) и его перестроенным век назад в неоготическом стиле замком, рекомендуемым путеводителями как «перл южной Моравии». После чего счел полезным провести несколько дней в Брно, чтобы улучшить свое знакомство с его музеями и окрестными замками, и только во второй половине ноября вернулся в Прагу.

Дома я разделил не только общее беспокойство о парижских церковных делах, но и удовольствие в связи с появлением новых знакомых: семьи переведенного из бельгийской в чехословацкую столицу чиновника болгарского министерства иностранных дел и к тому же талантливому литератору Константину Георгиевичу Георгиеву, проживавшего до войны 1914 года в России и женившегося на русской Марии Николаевне Некрасовой. С супругами Георгиевыми приехали из Бельгии учившиеся там дети: 23-летний Жорж и 21-летняя Надя, дипломированная выпускница возглавляемого монахинями Lycée Notre-Dame, которой предстояло стать через год моей невестой и через два — в 1937-м — моей женой.

Ю.М.Каган
О МОЕЙ МАТЕРИ¹

Мне советуют записать то, что я рассказываю о своей матери. Никакого сколько-нибудь складного последовательного повествования, воспоминаний у меня получиться не может. Главным образом из-за того, что не хочу и боюсь начать что-нибудь выстраивать по-своему, боюсь лжи какой-нибудь невольной в толковании сложного и не такого уж сложного нашего советского контекста. Боюсь, что и мои записи при всем моем старании уподобятся тем, о которых сказано у Анненского:

И чья-то бледная рука уже писала
Святую ложь воспоминаний.

Пусть лучше будут какие-то эпизоды, «случаи», отрывки из обрывков. Их последовательность, порядок, может быть, и не очень важны, а «знакомство», впечатление от встречи у каждого прочитавшего эти страницы окажется своим собственным. Вероятно, неизменным при этом знакомстве окажется представление о такой личности, на которую, конечно же, влияли события, влияла среда, но это не определяло ее, не ломало, не искажало, не изменяло ее до неузнаваемости.

Для начала — вот такие рассказы.

В начале двадцатых годов моя мать — тогда еще совсем молодая, на редкость доверчивая, застенчивая девушка, кончившая гимназию и начавшая учиться в Таврическом университете, — приехала из Симферополя в Москву и остановилась у сестры своего крымского знакомого Давида Исааковича Рейтынбарга. Лия Исаковна жила в полупустой квартире недалеко от Никитских ворот.

¹ Софья Исаковна Каган (7.12.1902—24.12.1994).

Вскоре произошел случай, который определил всю дальнейшую девяностодвухлетнюю жизнь моей будущей матери.

В комнате, где не было никакой мебели и стояло только большое зеркало, мама (тогда, конечно, никакой меня и в помине не было) перед этим зеркалом читала наизусть сама себе вслух стихи своего любимого Иннокентия Анненского и рассуждала о смысле, красоте и тайне его строк и слов, о том, чего не может, но очень хочет понять. Увлеченная, она не заметила, как кто-то вошел в квартиру и остановился у приоткрытой двери, любуясь тем, что слышал и видел. Вскоре мама получила письмо — объяснение в любви. Ни имени в конце письма, ни почерка она не знала. Удивленная, показала странный листок приютившей ее приятельнице. Выяснилось, что письмо — от друга этой приятельницы. Им был мой будущий отец — Матвей Исаевич Каган.

За три года до этого он приехал в Россию из Германии, где много лет в Лейпциге, а потом в Берлине и Марбурге изучал философию у прославленных неокантианцев Германа Когена, Пауля Наторпа, Эрнста Кассирера. Не только изучал тогда, но и всю последующую жизнь считал основной своей задачей постижение философии истории. Родом он был из маленького города Невеля в черте еврейской оседлости. Гимназию Матвей Исаевич закончил экстерном. Экзамены сдавал при Петербургском учебном округе. Инспектором там был автор любимых стихов — поэт Анненский. Он же и принимал экзамен по латинскому языку.

Стихи Анненского я знала с самого раннего детства. От мамы слыхала, что «Кипарисовый ларец» — это не только просто шкатулка из кипарисового дерева, в которой хранились стихи, составившие книгу под таким названием. Мама говорила мне, что, может быть, для Анненского — знатока и любителя античности — в этом названии скрывалось и то, что вечнозеленый кипарис — дерево смерти, и «Кипарисовый ларец» хранил память об этом.

Мы никогда дома не рассуждали о том, за что любим эти стихи, как никогда не говорили вообще о том, за что любим. Мама, совершенно чуждая какой-либо высокопарности и красоты, говорила только, что хорошие стихи, музыка, вообще искусство — это язык, на котором Бог с людьми разговаривает. И люди с Ним.

Боясь что-нибудь не так истолковать, думаю, что в стихах Анненского она любила таинственность творчества, недосказанность, сострадание к людям, тоску, любовь к нематериальному в материальном — к душе вещей, созвучность этих стихов ее собственному поэтическому, активному и в то же время очень камер-

ному отношению к жизни, которое было присуще ей и никогда ее не покидало. Она соглашалась с Ахматовой, писавшей:

Он был преддверием, предзнаменованием
Всего, что с нами позже совершилось...

Помню, как через много лет после папиной смерти мы с мамой предположили, что папина мысль о мотивах трагического недоумения у Пушкина была близка строкам Анненского в стихотворении «Моя тоска», а может быть и навеяна ими:

Я выдумал ее — и все ж она виденье,
Я не люблю ее — и мне она близка,
Недоумелая, мое недоуменье,
Всегда веселая, она моя Тоска.

Многие стихи Анненского сопровождали маму всю жизнь. Маленькая серая книжечка, изданная в 1939 году, лежала у нее на столе всегда. Была и «вакхическая драма» «Фамира-кифаред»: в красивом кожаном переплете. Сороковой номер из 100 экземпляров, появившихся в 1913 году. Когда стали продаваться другие издания стихов Анненского, мы, несмотря на безденежье, копили, высчитывали — старались не пропускать их, сравнивали, читали и читали вновь. Последним приобретением были «Книги отражений». Но именно в маленькой книжечке 1939 г. осталась закладка на «Трилистнике вагонном». Именно в этой книге отмечено стихотворение «Тоска мимолетности», и в нем отчеркнута строфа:

Сейчас наступит ночь. Так черны облака...
Мне жаль последнего вечернего мгновенья:
Там все, что прожито — желанье и тоска,
Там все, что близится — унылость и забвенья.

Отмечены стихотворения «Свечку внесли», «Смычок и струны», «Старая шарманка» с отчеркнутыми последними строфами:

И никак, цепляясь, не поймет
Этот вал, что не к чему работа,
Что обида старости растет
На шипах от муки поворота.
Но когда б и понял старый вал,
Что такая им с шарманкой участь,
Разве б петь, кружась, он перестал
Оттого, что петь нельзя, не мучась?..

Последняя строфа не только отчеркнута сбоку, но в ней подчеркнута каждая строка. Такого нет ни в одном другом стихотворении, и вообще мама никогда так не подчеркивала.

Знаю, как читала, как любила «Прелюдию». Может быть, больше всех других:

Я жизни не боюсь. Своим бодрящим шумом
Она дает гореть, дает светиться думам.
Тревога, а не мысль растет в безлюдной мгле,
И холодно цветам ночами в хрустале.
Но в праздности моей рассеяны мгновенья,
Когда мучительно душе прикосновенье,
И я дрожу средь вас, дрожу за свой покой,
Как спичку на ветру загоревшей рукой...
Пусть это только миг... В тот миг меня не трогай,
Я ощупью иду тогда своей дорогой...
Мой взгляд рассеянный в молчанье заприметь
И не мешай другим вокруг меня шуметь.
Так лучше. Только бы меня не замечали
В тумане, может быть, и творческой печали....

Но, возможно, еще больше и не это, а «Свечку внесли»...

Повторять на память с ее голоса я могу многое.

Не зная, что болезнь, после которой ее не стало, была последней, я, сидя у изголовья, тихонько проговаривала ей вслух ее любимое:

«Я на дне, я — печальный обломок...»

Когда через много десятков лет после маминого переезда из Симферополя в Москву мы смотрели в кино фильм «Бег», в котором трагический герой Хлудов с тоской глядел туда, где осталась покинутая им Россия (кстати, авторы картины ошиблись: Россия была не в той стороне, на которую глядел изображающий страдающего актер), мама сказала, что она никак не может сочувствовать этому Хлудову, прототипом которого был вполне реально существовавший Слашев, потому что никогда не забудет пятнадцатилетних подростков, повешенных чувствительным генералом на трамвайных столбах от вокзала до центра города. Среди них были и знакомые ей по «Обществу любителей библиотек». Я запомнила, что кого-то, кто очень много значил для них, звали Лука Гой. Училась мама в гимназии Станишевской. Арсений Рогинский, мать которого тоже из Симферополя, узнав, что моя мама из гимназии Станишевской, сказал: «А мы учились в гимназии Оливер...»

Когда мама ехала из Симферополя в Москву, в Белгороде почему-то состав отвели на другой путь, а всех людей высадили. В незнакомом городе пришлось ночевать на улице. Мама выбрала, как ей казалось, самое безопасное место: на пороге ЧК. Чемодан положила около головы и заснула, держась за его ручку. Проснулась — чемодана нет, но ручка крепко зажата в руке. День провела с какими-то евангелистами, продававшими яблоки. Читала им по их просьбе Евангелие. Потом пошла к начальнику станции. Он, узнав, что у нее все украли — в том числе и рекомендательное письмо к другу известного партийного начальника Зиновьева (дедушка мой учил математике этого друга — расстрелянного позднее Исаака Семеновича Эстермана), начальник станции посадил ее на какой-то поезд, идущий в Москву. Через несколько дней Эстерман застал свою молодую гостью за писанием письма домой и почему-то прочел те строки, в которых мама возмущалась роскошью обстановки и стиля жизни этой вполне, как ей казалось, обуржуазившейся семьи на фоне разоренности, бед и несчастий страны, которую она любила и успела узнать за свою жизнь. Быть у Эстерманов мама больше не захотела. Через тридцать лет после этого, отыскав маму, бездомная и почти нищая вдова Исаака Семеновича — Эсфирь Семеновна — приехала из ссылки хлопотать о реабилитации. Жила сколько-то времени у нас. Дочь ее Лида с маленьким сыном бывала у нас, но поселились они где-то еще.

В конце декабря 1937 года на похороны моего отца, нарушив запрет паспортного режима, приехал М.М.Бахтин. Мама запомнила, что он сразу, не сняв пальто, бросился к письменному столу, с которого еще не были убраны папины бумаги. Перед смертью папа вновь вернулся к своей работе о Пушкине. Через много-много лет, уже в начале семидесятых, Михаил Михайлович просил меня внимательно прочитать все до единого сохраненные мамой папины листочки: он помнил, что была какая-то очень глубокая мысль об «Онегине». Сокрушался: «Неужели Матвей Исаевич не записал этого? Какая жалость!» Про «Онегина» я так ничего и не отыскала.

29 декабря 1937 г. Над папиным гробом в крематории что-то говорили его бывшие сослуживцы. Один из них, Тэд Золотарев, в печали закончил словами: «Спи с миром, дорогой Матвей Исае-

вич...» Мама, не расслышав, громко: «И тут смирно?!» Все испугались.

После смерти моего отца в декабре 1937 мама пошла в Дом ученых попросить тогдашнего директора Марию Федоровну Андрееву — бывшую жену Горького — разрешить нам (маме и мне) продолжать пользоваться библиотекой. Мы жили поблизости, привыкли к этой библиотеке, где можно было самим отыскивать и брать нужные книги с полки. Разрешение было получено. Больше мама с Андреевой не виделась. В самом начале войны из Дома ученых, из библиотеки, пришла к нам домой какая-то сотрудница с просьбой Марии Федоровны, чтобы мама зашла к ней (телефона у нас тогда не было). Мама пошла. Оказалось, что Мария Федоровна запомнила ее с тех пор и теперь вот предлагает присоединиться к ней и ехать вместе в эвакуацию. Мама поблагодарила за память и доброту, но отказалась. В войну мы были в Москве. Когда немцы приблизились к Москве и все вокруг стали говорить о возможности сдачи города, о насилиях, издевательствах над евреями, мама как-то утром села возле меня и заговорила о том, как нам быть, если это произойдет. Она была очень спокойна. Обняла меня, сказала, что решила тогда сама убить сначала меня, а потом сразу же себя. Очень немногословно, очень ясно, очень спокойно просила меня не пугаться неизбежности, верить в любовь, верить, что жизнь не кончается, не прекращается. Я навсегда запомнила ее, нас обеих в те минуты. Надеюсь, что навсегда. К счастью, то, к чему были почти готовы, не свершилось.

И снова о женах Горького. Когда-то, еще в 1929, мама вместе с Марией Вениаминовной Юдиной несколько раз ходили к другой бывшей жене Горького — к Екатерине Павловне Пешковой: говорили, хлопотали об арестованном М.М.Бахтине. И отхлопотали: его, тяжело больного, отправили не в Соловки, а в ссылку в Кустанай. Мария Вениаминовна считала, что маму Екатерина Павловна слушала лучше, чем ее. Вот если бы там был рояль — тогда было бы другое дело...

Когда в конце декабря 1937 умер мой отец, мама заканчивала дипломную работу по геологии нефтяных месторождений в Нефтяном институте имени Губкина и в то же время была зачислена научной сотрудницей в Институт горючих ископаемых Академии наук (ИГИ). Но так случилось, что в самом начале 1938 она совершенно перестала спать и ее положили в санаторное отделение

психиатрической больницы на Донской улице. Главным врачом там был очень известный психиатр Василий Алексеевич Гиляровский, с которым когда-то, еще в начале двадцатых годов, мама познакомилась на своей первой московской службе — в детском отделении этой же больницы. Знакомые устроили ее туда воспитательницей. Дети ее полюбили, работа ей была интересна. Позднее она мне рассказывала разные запомнившиеся ей случаи. Гиляровскому она нравилась, он ухаживал за нею, познакомил со своею матерью. У нас до сих пор сохранилось какое-то его вполне неделовое письмо к ней. Потом мама работала в Марфине в детской колонии (там через много-много лет была «шарашка», о которой у Солженицына в «Круге первом»). В 1938 мама провела в больнице больше месяца. Я ходила туда почти каждый день. Больные там были самые разные — беды чуть ли не во всех семьях. Помню какую-то молодую женщину, которую держали, а она кричала: «Идите к нам! У нас все по конституции! У нас, только у нас свобода слова! Спешите, потом станет поздно! Торопитесь! Сюда, сюда!!» А другая — я запомнила, что ее звали Мария Исааковна, — объясняла мне, как по-разному люди с ума сходят. «У одних, как в "Красном цветке" у Гаршина, а другие — хрюкают! И не надо никакого волшебства Кирки-Цирцеи, чтобы превратить людей в свиней...» А когда после больницы мама вернулась на работу, ей некоторые завидовали. Был такой замечательный ученый Владимир Алексеевич Сулин, он говорил маме: «Как прекрасно даже только знать, что можешь кому хочешь сказать "болван", "вон отсюда", а то и просто плюнуть на него! Наслаждение! Освобождение!» Но была и явная польза от маминого пребывания в психиатрической больнице: ей разрешили не посещать политзанятия. Очень радовался за нее работавший прежде в Персии большой знаток геологии нефтяных месторождений Чернобров, вскоре исчезнувший. Я забыла, как его звали, но помню жест презрения, с каким он отодвигал от себя со стола газеты.

У папы был младший брат Юрий. Это русифицированное имя. По-еврейски он — Лейба-Иуда. Но все звали его Юрий. Мама к нему и к его жене красавице Басе относилась по-родственному хорошо. Но потом эти отношения совершенно разладились. Анастасия Ивановна Цветаева несколько раз поправляла меня: «Не говорите о человеке, что он плохой. Если уж очень надо, скажите, что он совершает плохие поступки». Еще при жизни папы маму возмущало, что, приезжая к нам из Казани, где он жил, сидя за

одним с нами столом, Юра добавлял себе купленные им только для одного себя какие-то лучшие продукты, на которые мы тратиться не могли. Возмущение свое она сдерживала, ничего не говорила из жалости к папе. Однажды папа был очень рад, что смог купить маме в подарок красивую материю на платье. Когда папы не было дома, Юрий упросил маму отдать этот отрез ему — он хотел привезти такую материю Басе, но не видел такой в магазине. Просьба была столь настоятельная, что мама отдала и потом уговаривала папу не сердиться на «детский эгоизм». Тогда же Юрий выпросил у папы свитер, который мама подарила папе. Я до сих пор помню и ту материю, и тот серый свитер. Каждую вещь помню — их было мало, все штопали, перешивали, донашивали, как только было можно. После папиной смерти Юрий с семьей жил в Александрове. Я знала только двух людей, которые в советское время до войны ездили за границу. Анастасия Ивановна в 1927 была у Горького в Италии и несколько дней у сестры во Франции. И еще наш Юрий — в командировке в Париже.

В начале войны мы с мамой поехали к Юрию в Александров посоветоваться насчет эвакуации — завод, на котором он работал, уезжал в Ижевск. В этот же день мы вернулись домой — нас ни о чем не спрашивали, ничего нам не советовали, не предлагали никакой помощи, а мама так надеялась хотя бы на какое-то словесное, сердечное участие. Она была совершенно одна. Нет, конечно, не одна — мы с нею всегда все вместе обсуждали или просто сидели рядом, прижавшись друг к другу.

Энергетический институт АН СССР, в котором работал папа, выдал нам с мамой после его кончины единовременное пособие. Не знаю, сколько это было, но знаю, что эти деньги тут же взяла в долг Мария Вениаминовна. Мама лежала на кровати в маленькой комнате, Мария Вениаминовна села возле нее и написала, что ей необходимо кому-то срочно помочь — как удачно получается, что есть, у кого взять... Мама тотчас же отдала лежащие рядом на столике, никуда еще не переложенные, ни на что еще не предназначенные деньги. Насколько я знаю, Мария Вениаминовна так никогда их и не вернула. Не со зла, а просто по первому своему порыву она перераспределяла те скудные суммы, которые попадались ей на глаза. Об этом «единовременном пособии» знаю, что муж одной давней ученицы Марии Вениаминовны сказал ей про мою маму, про нашу бедность, про то, что надо отдать хоть

сколько-нибудь, а в ответ услышал: «У нее еще есть буфет, она должна попытаться его продать!» Он рассказывал это с возмущением, а мама только махнула рукой — ну что с таким человеком поделаешь!

С Марией Вениаминовной многое у мамы было связано. Во время войны, после первой голодной зимы, она привезла к нам из Ленинграда Елену Михайловну Сосновскую с пятилетней дочкой Машей. Муж Елены Михайловны — психиатр, музыкант, друг А.А.Мейера из «Воскресения», друг священника Федора Константиновича Андреева, брат поэтессы Марии Шкапской — Иван Михайлович Андреевский работал в Новгороде, и семья не имела тогда от него вестей. Ближайшая подруга Елены Михайловны иранистка Александра Никитична Макарова, отдавая свой паек детям Елены Михайловны Маше и совсем крошечной Лелеше, умерла от голода. Вслед за ней скончалась и отданная в больницу Лелеша. Ее съели крысы. Жива ли, мертва была тогда девочка — этого никто не знал. Выехать из Ленинграда было очень трудно. Мария Вениаминовна добилась разрешения на выезд через Маршака. Узнав, что Елена Михайловна — крестница писателя Короленко, он решил заменить слово «крестница» словом «племянница», написал какое-то письмо могущественным людям, и Елена Михайловна с Машей оказались в Москве. У нас. Без хлебных и каких-нибудь других карточек, без всяких средств для жизни. Мария Вениаминовна исчезла. Ринулась спасать еще кого-то. Мама металась, чтобы добыть всем нам какую-нибудь еду. Все лучшее — смешно сейчас и называть это лучшим — отдавалось Маше. Стало легче, когда Елену Михайловну ее старые друзья устроили художницей в задуманный еще до войны, но так и не открывшийся, по-моему, тогда палеонтологический музей. Но тут же испортились их отношения с мамой, которая не смогла многого принять в ней. Того, например, что Елена Михайловна не боролась со вшами у Маши, что Елена Михайловна даже не говорила дома (т.е. нам) о мерзлой картошке, которую выдавали у нее на службе. Конечно, тяжело, конечно, это нищенская еда, но мы брали, тащили на себе, варили, терли, подсаливали, пекли, посыпали залежавшимся перцем... Мама понимала горе Елены Михайловны, понимала, что в полной мере не в состоянии его понять, видела, что она — Мария, а не Марфа, видела, потому что сама была такой Марией, но все время трудилась, старалась, все время брала на себя обязательства... Когда же она узнала, что Елена Михайловна не пошла за письмом, которое ей через кого-то переслал Иван Михайлович, то попросила Елену Михайловну переселиться от нас к одной из дочерей Короленко — к Ольге Владими-

ровне или к Наталье Владимировне Короленко. Они жили недалеко от нас — на Зубовском бульваре. Это был разрыв отношений. С той поры мама и Елена Михайловна не встречались. Маша дружила с девочкой из того дома, где они поселились. Девочка эта — Лена Косыгина. Племянница маминогo сослуживца — будущего академика геолога-нефтяника Юрия Александровича Косыгина, у которого был расстрелян отец... Он был очень талантлив. Потом совершенно спился. Зоя Александровна Косыгина — мать Юрия Александровича и бабушка Лены — очень хорошо относилась к моей маме. Я ходила к Елене Михайловне и Маше, а мама в том доме, кажется, вообще больше не была. Зоя Александровна, Юрий Александрович приходили к нам в Молочный переулок. А Лена Косыгина потом, когда я стала учительницей латинского языка в 29-й школе, оказалась моей ученицей. Помню почему-то, как Елена Михайловна пылко отчитывала меня за то, что я вступила в профсоюз — для нее это было знаком приспособленчества. Конечно, не только это я помню, а гораздо больше — чтение Лескова вслух у затухающей буржуйки. Разговоры о прочитанном. Мама, возвращаясь с работы, таща на себе то картошку, то капусту или просто два-три полена, заставляя нас за таким занятием, была совершенно счастлива, что мы можем так жить, что она в такое трудное время может поддерживать такую жизнь.

Через много лет я была на похоронах Елены Михайловны. А потом и на Машиных похоронах. Уже после того, как я прочитала в воспоминаниях Н.О.Лосского об Иване Михайловиче Андреевском и когда после доклада Аверинцева в университетской библиотеке рассказала Маше о том, что узнала об ее отце. Мама очень жалела и Елену Михайловну, и Машу. Всегда с большим участием слушала, когда я или кто-нибудь еще хоть что-то говорил о них.

Когда во время войны в Москву стали привозить раненых, мама увидела как-то черновик текста, написанного мною:

Никто не просил, чтобы была победа
Родине начертана:
Безрукому огрызку кровавого обеда
На черта она?!

Владимир Маяковский

И под этими строками знаменитые слова Сталина о том, что Маяковский — лучший и талантливейший.

Такая была моя листовка. Узнав, что две таких я уже наклеила на улице, мама бросилась передо мною на колени, просила не

делать этого больше, говорила, что уничтожат и замучают не одну меня, но и всех вокруг меня. Ужасно ее было жалко. Со мною тогда ничего не произошло. Бог миловал. Знаю случай, когда такой порыв (не мой и не с такой листовкой) кончился гораздо хуже.

В начале войны, нет, кажется, на второй год ее, у нас неожиданно появился старый, еще симферопольский, мамин знакомый Борис Маркович Семерницкий. Тогда он с женой и сыном уже некоторое время жил в Ташкенте. В Москву он попал, т.к. был мобилизован и как раз в Москве должен был получить назначение на фронт. Он был очень добрый и очень доброжелательный человек, убежденный толстовец, но вовсе не храбрец. На улице он случайно встретил своего старого ленинградского друга, который был ранен и освобожден от военной службы. Обладая острейшим чувством чести и желая непременно быть как-то полезным фронту, он добился разрешения работать в военкомате. Это был известный теперь человек — вольно или невольно оболганный Надеждой Яковлевной Мандельштам — Сергей Борисович Рудаков. Его жена — Лина Самойловна Финкельштейн и жена Бориса Марковича — Фрида Мироновна Семерницкая были подругами — обе учились у Марии Вениаминовны Юдиной. Борис Маркович с радостью предположил, что именно военкоматский служащий сумеет ему помочь задержаться в Москве и получить какое-нибудь не слишком опасное назначение. Эта встреча имела очень плохое продолжение. Сергей Борисович — инструктор «всеобуча» достал ему увольнительную. Не помню, на сколько дней. Все московские их вечера проходили у нас. Они приводили с собой знакомых. Помню молоденькую служащую из военкомата на Сретенке. Ее звали Валя, она восхищалась каждым словом Сергея Борисовича. Помню старого человека со странным именем Левкий. Левкий Иванович Жевержеев — известнейший ленинградский библиофил. Очень боюсь, что вдруг не его так звали, а кого-то отсутствующего, кого гости часто упоминали. Это очень важно, кто это был. Из наших друзей были Валя Файман и сестра моего школьного друга — моя подруга Маруся Моро. Да еще, конечно, спасенная Марией Вениаминовной и привезенная к нам из голодающего Ленинграда Елена Михайловна Сосновская с пятилетней своей дочкой Машей Андреевской.

Сергей Борисович читал стихи. Главным образом Мандельштама. Еще Гумилева. «Поэму конца» Цветаевой. Но не всю, а какие-то части. Очень мало своих стихов. Я была потрясена. Ма-

ма радовалась за меня, за себя, за всех нас. Такие стихи! В моей жизни Сергей Борисович был первый живой поэт! Мандельштам — его кумир. Он его хорошо знал по Воронежу. Не только помнил наизусть, но рассказывал о том, что из чего получалось в стихах, как они писались — сочинялись... Тогда я не знала, что это надо называть словом «ключ». Рассказывал о своей прозе под названием «Калинин» — в память о главе «Тверь» у Радищева. Читал куски из нее.

Все закончилось очень быстро. Однажды днем пришел встревоженный Сергей Борисович, спросил у меня, давно ли был у нас Борис. Предположил, что вряд ли теперь придет. Но все-таки просил меня запомнить, куда он (Сергей Борисович) положит очередную нужную Борису бумажку. Мы спрятали эту увольнительную в одну из многих книг на этажерке. При выходе из дома в Коробейниковом переулке Сергея Борисовича арестовали. Гости по вечерам больше не приходили. Через несколько месяцев утром к нам постучал какой-то человек в сапогах и ватнике, сказал маме, что Борис Маркович просит ее принести ему какую-нибудь еду: работает тут поблизости на строительстве Дворца Советов. Мама бросилась собирать все, что было в доме съестного: маленький кулечек яичного порошка, какие-то кусочки колотого сахара, крошечный кусочек сала — жутко мало всего. За хлебом не ходили, т.к. сегодняшнюю норму взяли и съели уже накануне. С этой нищенской поклажей мама побежала за тем вестником в ватнике. Возвратившись, она рассказала, как он указал ей жестом положить сверточек на заснеженную ступеньку фургона и велел отойти в сторону. Она положила и отошла, через несколько минут туда пригнали группу работающих — погреться и передохнуть. Вестник наш взял сверток и отдал кому-то. Сказал маме, чтобы она тоже вошла в фургон. Там были скамейки. Она вошла и села. Все молчали. Она молча смотрела на сидящих. Никого не узнавала. Вдруг человек, сидящий около нее, бросился к ней и обнял ее — это был Борис Семерницкий. Она сначала его не узнала. А он все время повторял: «Я все время вижу глаза Сережи! Все время вижу глаза Сережи!» В руках у Бориса мама заметила наш нищенский сверточек — верный вестник отдал ему. Борис успел рассказать, что арестовали его и Сергея Борисовича по наводу Жевержеева, которого когда-то тоже забирали, но выпустили с условием сообщать о нужных им людях. Говорил, что ему (Борису) показывали фотографии всех нас, что он чувствует себя безумно виноватым. Потом в дверях фургона появилась голова вестника — он велел маме немедленно убраться оттуда. Мама была ужасно взбудоражена. Главным образом, из-за того, что так мало еды отнесла,

что сидела рядом и не узнала сама. Мы потом обсуждали, что это за странный рассказ о наших фотографиях, но так как вся история для нас никакого продолжения — слава Богу — не имела, то и тему эту вытеснили другие. Потом приезжала Фрида — говорила, что Сергей Борисович сам выбрал свою участь: на суде предложили либо 10 лет — либо штрафную роту. О такой возможности выбора мы никогда больше не слышали. 15 мая 1944 г. в первом же бою Сергей Борисович Рудаков погиб на реке Проне в Белоруссии. Мама не могла простить Фриде тех ее слов: «Сам выбрал...»

С Линой Самойловной у мамы потом была забавная случайная встреча. Мама по своей работе в «Нефтегазосъемке» была в командировке в Свердловске. Оказалось, что семья Лины жила там в эвакуации. Мама встретила Лину на рынке: мама хотела купить какой-то еды, а Лина продавала картошку, потому что они уже возвращались в Ленинград и не могли взять столько картошки с собой. Лина попросила маму поторговать за нее полчаса — ей надо было зачем-то отойти. Первой же покупательнице — какой-то голодной женщине с грудным ребенком мама продала несколько кило за половину цены. Вернувшаяся Лина была в ярости. Помоему, это была их последняя встреча.

Вот такой «добавочный» житейский фон у истории с мандельштамовским и гумилевским архивами. Сергей Борисович Рудаков нисколько на этом фоне не выглядит запятнанным. В каком-то письме к жене он писал, что Мандельштам во всем видел «фабульность» своей судьбы. Мы с мамой ужасно горевали.

Как-то в конце войны мама, вернувшись с работы, рассказывала мне, как прошел день. Тогда в учреждениях раздавали «американские подарки» — одежду, обувь. Что-то вроде теперешней гуманитарной помощи. Мама работала в Геологическом музее Нефтяного института имени Губкина. Ей сказали, что надо подняться на такой-то этаж, в такую-то аудиторию и выбрать из имеющегося там то, что ей подойдет. Она пошла, остановилась у открытых дверей, увидала, как профессора, преподаватели взволнованно перебирают вещи, срезают красивые пуговицы, отбрасывают не очень понравившуюся одежду.

— А ты что взяла?

— Ничего. Постояла немного и ушла. Потом плакала.

— Почему плакала?

— Потому что не имею права на такой жест. Ведь я — нищая. Больше никогда об этом не вспоминали.

Не помню, когда наш любимый Толя Шайкевич принес нам только что вышедшую книжку Н.Пирумовой о Бакуanine. Мы с Толей о чем-то говорили, а мама стала листать книжку. Вдруг она встrepенулась и бросилась к шкафу, вытащила коробку из-под киевского сухого варенья и взволнованно прервала наш разговор. Все это из-за того, что опубликованный в книге портрет Бакунина очень напомнил ей разбитый негатив, осколки которого она бережно сохраняла много лет. Дело в том, что наша бывшая домработница Анна Николаевна Слабова — она жила у нас еще при папе — раскулаченная из села Вышгород под Рязанью — после войны в надежде получить комнату стала жить в соседнем доме, у старой, очень больной, учившей меня в детстве немецкому языку совершенно замечательной женщины Дарьи Васильевны Бээр и ухаживать за ней. Дарья Васильевна умерла, Анна Николаевна раздраженно расправлялась с оставшимися вещами, выбрасывала их, швыряла. Особенно доставалось книгам. Все книги, кроме Евангелия, были у нее «про Бову-королевича». Мама старалась уберечь хотя бы некоторые. Когда Анна Николаевна бросила в мусор какое-то темное стекло, оно разбилось, но мама подобрала осколки, а дома завернула каждый отдельно и положила в пустую коробку. Комнату Анне Николаевне так и не отхлопотали. И вот: в книге Пирумовой то же лицо, которое складывалось из наших осколков. Но на негативе есть посвятельная надпись, виден и вполне читается текст на портрете, перед которым сидит изображенный, как мы теперь узнали, — Михаил Бакунин. Текст был по-немецки. Переиначенный Гете. Вместо: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой» там было «любви и свободы...» И надпись: «Как я не докончен, так и портрет мой не докончен». Я позвонила в издательство, мне дали телефон автора, я позвонила, спросила, есть ли у нее оригинал. Оказалось, что это снимок с какого-то снимка. Через полчаса Пирумова была уже у нас в Молочном переулке, мы дали ей наши осколки, она сделала фотографию, опубликовала ее в своей статье в «Прометее».

О публикации я узнала случайно, купила альманах, позвонила Пирумовой, попросила вернуть осколки, посетовала, что она ни словом не обмолвилась в статье о том, что узнала о существовании другого изображения от моей мамы. Мама попросила у меня трубку и сказала: «Ах, Наталья Михайловна, мне так хотелось еще много рассказать Вам, показать... Но теперь понимаю, что Бог со всем этим. Не надо». В ответ через какое-то время

пришла бандероль с осколками в нашей же коробке и крошечная записочка с извинениями.

В 1972 г. при переезде из Молочного переулка в теперешнюю квартиру нам очень помогала молодой друг — библиофил Юра Горохов. Как-то он сказал маме: «О книгах не беспокойтесь. Книжки перевожу вам я». Мама, обсуждая со мной: «Нет, нет! Книжки — дело интимное. Вот белье, одежду — пожалуйста, если сможет». Просто смешной такой случай.

В 1990 г. в Монреале у Жени Соколова. Мама устала, ушла наверх прилечь. Мы внизу говорили о стихах Бахыта Кенжеева, с которым познакомилась в день приезда. Женя рассказал о погибшем друге Бахыта — поэте Александре Сопровском. Включил запись. Сидим, слушаем. Дверь в комнату открыта. Вдруг вижу: на лестнице стоит мама. Слушает. Оказывается, легла, потом прислушалась, встала. Тихо спустилась на несколько ступенек, остановилась и слушала. Усталость прошла. Стихи понравились.

В конце шестидесятых годов летом в любимой нашей эстонской деревне Кясму. (Снова Анненский — «Старые эстонки...»). Сидим на террасе. Неожиданно приехали Фейнберги (Маэль и Илья Львович). Они жили в шести километрах от нас — в Высу. Взволнованно спрашивают нас с мамой, знаем ли мы уже, что Аркадий Белинков с женой остался за границей, — по западному радио передали.

— Знаем. Слышали.

— Что теперь с нами будет?! О нас они не подумали!

Мама:

— Вы — близкие друзья? Вы много о нем думали?

— Нет. Но вы представляете себе, что сейчас начнется! О нас они не подумали!

Мама:

— Когда из тюрьмы бегут, в тюрьме режим ужесточается. Что же — и не бежать?!— Встала и ушла что-то делать по хозяйству.

О любимой эстонской деревне Кясму. В предпоследнее лето, когда мы там жили, пришла как-то Анастасия Ивановна Цветаева и почти сразу же, с порога — маме:

— Сонечка! Мне кажется, вы меня стали меньше любить!

Мама:

— Любить?! Я вас вообще никогда не любила, я всегда вас жалела! Очень жалела!

Анастасия Ивановна была поражена, обескуражена, очень огорчена.

Я закричала:

— Не верьте ей, Анастасия Ивановна! Она устала и в раздражении почему-то на себя наговаривает! Она так не думает! Она так не чувствует!

Мама, не ожидая таких моих слов, резко осудив меня, сказала сухо:

— Приспособленка!

Такие долгие отношения: с 1922 года. Очень трудно сказать, любовь ли это была, жалость, невозможность поступать иначе, чем она — мама — поступала всегда. Во всех обстоятельствах (в лагеря и в ссылки) писала ей. Когда сын Анастасии Ивановны Андрей впервые после многолетнего отсутствия приехал в Москву и пришел к нам в Молочный переулок, мама сразу же предложила ему передать Анастасии Ивановне, чтобы она приехала к нам жить, начать хлопоты о реабилитации. Он сказал, что родственники (Валерия Ивановна, Ариадна Сергеевна) писали, будто это опасно: без прописки можно не более трех дней, а потом возможны всякие осложнения. Мама сказала, что теперь — она уверена — не так строго. И действительно, в нашей коммунальной, очень беспокойной квартире со стукачами, при том, что все соседи знали, откуда приехала Анастасия Ивановна и о чем она хлопочет (телефон в коридоре, все разговоры совершенно понятны), — никто не донес ни на нас, ни на нее. И это несмотря на то, что им — соседям — прибавилось неудобств: очень много людей стало приходить, телефон постоянно занят и прочее...

В 1958-м или в 1959-м году мы познакомились с Геной Айги. Вечером позвонил Юра Айхенвальд, спрашивает меня, можно ли Генке Айги переночевать у нас. Я тут же, стоя у телефона в коридоре, передаю маме его просьбу.

— Нет, нельзя: у меня нет чистых простынь.

Я повторяю этот ответ Юре. Он:

— Ему не нужны чистые простыни!

Я: «Мам, ему не нужны чистые простыни!»

Мама: «Мне нужно, чтобы у него были чистые простыни».

Юра: «Скажи ей, что его очень Пастернак ценит...»

Я: «Мам, его очень Пастернак ценит...»

Она мне: «И прекрасно! Пусть он у Пастернака ночует!»

Юра: «Что делать? Он уже к вам поехал!»

Я сказала ей. Она неодобрительно: «Твои друзья...»

Через несколько минут пришел Гена. Мама вежливо, но сухо поздоровалась. Я пошла на кухню ставить чайник, чтобы напоить и накормить гостя. Когда через минуту я вернулась в комнату, они разговаривали, как ближайшие друзья. На следующее утро мама с Геной отправились в милицию: узнав, что он живет в Москве без прописки, она сразу же решила попытаться его прописать. Начальник милиции ей отказал. Гена предложил, что сам попробует отдать мамино заявление начальнику. Спустя минут пять он вышел из кабинета, получив разрешение на прописку. Вернувшись домой, мама растерянно мне об этом рассказала. Вчерашнее и сегодняшнее утреннее расположение ее к новому знакомому сменилось сомнением в нем и недоверием к нему. Это отношение не изменилось до конца ее дней.

После войны у мамы была командировка в Баку, она взяла меня с собой. Когда-то она была на студенческой практике в Азербайджане, в Баку познакомилась с очаровательной женщиной — Елизаветой Петровной Ушаковой. Она была то ли чертежница, то ли лаборантка, мужа ее арестовали еще в тридцать седьмом, жила она с младшим братом. Кажется, он был геолог. Кроме маминых командировочных дел, у нас в те дни основной заботой было доставание газет с публикацией материалов сессии ВАСХНИЛ. Мама и Ушаковых захватила этим своим волнением. Никого из генетиков мама не знала, но у нее был живейший интерес ко всем вопросам, обсуждавшимся на той ужасной сессии, и, конечно, сострадание к тем, на кого обрушивались тупые злые невежды. С тех пор запомнились многие имена. Одному из ошельмованных — замечательному Иосифу Абрамовичу Рапопорту мама случайно потом смогла помочь. Его труды очень ценили во всем научном мире, говорили о нобелевской премии, а у нас в СССР после сессии ВАСХНИЛ лишили всяких званий, уволили с работы. Однаж-

ды он пришел в Геологический музей Нефтяного института в надежде, что там найдется для него хоть как-то оплачиваемая работа. Но трусоватый директор этого музея Владимир Абрамович Долицкий, очень дороживший своим местом, побоялся взять обеславленного Рапопорта даже лаборантом. Потому что, конечно, накинутся, станут попрекать за то, что еврей принял на работу еврея, да еще и неугодного властям. Тогда мама, не знакомая лично с просителем, отозвала его в сторону и посоветовала пойти в Московский геологический трест к Ивану Афанасенко — она слышала, что там нужен палеонтолог, и была уверена, что Афанасенко поймет, кто перед ним, кто такой Рапопорт, а если не поймет, то она ему расскажет. Так и вышло. Работу Рапопорт получил. Мы потом узнали, что он и в палеонтологии добился каких-то небывалых научных результатов. Больше мама его не видела. Важно было попытаться помочь.

В самом конце февраля 1956-го мама, простуженная, лежала в маленькой комнате. Неожиданно пришла моя школьная еще подруга Галя Шестопал — она была первой вестницей: Хрущев прочитал свой секретный «закрытый» доклад делегатам XX съезда. Потом последовали «читки» перед обычными людьми. У мамы в институте любимая ею сослуживица — Надежда Николаевна Сорокина — во время такого собрания потеряла сознание. Ее привели в чувство и вывели из зала под руки. Отца ее расстреляли, она была в ужасе от своего «поведения», боялась последствий — на ней держалась семья: мать, дети. Это она когда-то кинулась к моей маме, когда та отказалась подписаться на заем в двойном размере: «Я вам помогу, мы как-нибудь вместе... Они погубят, они уничтожат... Ради Бога, не говорите, что отказываетесь...» На чтении текста доклада мама пыталась записать какие-то цифры для меня. Партийные начальники шикали, одергивали, шептали, что делать записи запрещено.

14 марта меня приняли лаборанткой на кафедру классических языков. В первый же день я попала на чтение этого самого доклада. Потом мы узнали, что читали сокращенный текст. Содержание мне было известно от Гали Шестопал, от мамы. Смотрела, как слушали студентки. Кто как, конечно. Очень многие совершенно равнодушно. Загораживались сумками, портфелями, пудрились, прихорашивались, красили губы. Когда произнесли последнюю фразу, что доклад был встречен бурными аплодисментами, Ида Ароновна Лифшиц громко сказала: «Они всегда все

встречали бурными аплодисментами». По реакции зала ни о чем судить нельзя было: со времени самого доклада прошло уже больше полумесяца. Дома мы с нетерпением ждали, какой будет первый указ, первый приказ правительственный. Кажется, что-то о чистоте в «местах общественного питания», о необходимости чистоты. Мама сказала, что, по-видимому, сами испугались того, что рассказали людям. Но не думала, что будет так, как было. Польша, Венгрия.

Во второй половине шестидесятых годов мы как-то возвращались от Димы и Наташи (Янковых). Ехали на электричке. В вагоне почти все места были заняты, но никакой тесноты, никакой толпы не было: люди читали, дремали — было тихо. Мама смотрела в окно. Вдруг она спросила меня: «Что это такое? Все время одни и те же буквы! Смотри! К... П... Сейчас будет С, потом снова ...С! Что это может обозначать?» Тишины в вагоне больше не было: все (или почти все) задвигались, заговорили, зашептали... Я сказала маме шепотом: «Что с тобой? Это же первые буквы названия "Коммунистическая партия Советского Союза"!» Она возмутилась. «Не знаю. Всегда было ВКПб!» Вагон дружно засмеялся. Мама была смущена вниманием, которое она невольно к себе привлекла, а вовсе не своей ошибкой. Все эти «ВКПб», «КПСС» для нее были одним и тем же. Парторганизацию всегда называла партячейкой. Но слово это у нее редкое — до двадцатого съезда вообще этой темы у нас в доме так, впрямую, кажется, и не существовала.

Примерно в то же время в начале ноября перед праздниками мы с нею оказались у Белорусского вокзала, здание которого украшали плакатами и портретами членов правительства. Посмотрев на их лица, мама спросила меня: «Зачем это все они к нам приехали?» Я объяснила, что это за портреты. Она в ответ: «Все новые какие-то люди! Почти как прежде, но никого не знаю».

В дни революционных праздников мы обычно устраивали уборку. Не перед праздниками, а как раз в эти дни.

Уже на этой квартире в Тропареве, значит, в начале 70-х годов к нам пришел недавний знакомый (теперь уже покойный...) художник Юра Селиверстов. У нас был детский деревянный диванчик, купленный когда-то еще для меня в Леонтьевском переулке, мы хотели отдать его Юриной дочке. Сидели, пили чай. Он за-

говорил о том, что нам с мамой необходимо креститься. Такого рода разговоры время от времени вокруг нас возникали, мы к ним относились вполне спокойно, переходить в православие не собирались. Юра стал рассказывать о чудесах всяких, о том, что Богородица являлась кому-то трижды, а в последний раз даже плакала. Мама в течение всего долгого рассказа молчала, но тут встала и сказала: «Вот какие вы верующие! Вам надо, чтобы Божья Мать явилась вам. Да мало одного раза, надо, чтобы трижды! Да чтоб она перед вами еще и плакала!» Извинилась и ушла к себе в комнату.

Свой отпуск мама использовала для добавочного заработка: проводила студенческую геологическую практику на Военно-грузинской дороге. В этом ей помог Василий Павлович Флоренский. Он очень хорошо к ней относился. Я ездила с нею. Грузию мама очень любила еще со своих студенческих поездок, со времен своего первого начальника геологической партии, замечательного грузинского интеллигента Ноя Ильича Кебадзе, с того времени, когда пришлось спастись от разбойничьей погони в горах, когда мама скакала верхом на почту за денежным переводом от папы, и тот же Ной Ильич — слава Богу — не отпустил ее одну, а отправил с нею сопровождающего, который увидел перебежавшего им дорогу человека с ножом и зашипел маме: «Поняй, поняй!», и она, не зная этого слова, поняла, что надо скакать как можно быстрее... Про это, про людей, про красавицу-грузинку Ирину Георгиевну Семенову, ее мать, ее теток-фрейлин, про историю народа, про храмы разные, про грузинские стихи мама много рассказывала.

Работа со студентами, несмотря на все трудности, была ей в радость. А трудности были разные. Среди них главное — беспокойство за студентов, и особенно за студенток, которые весело кокетничали с местными молодыми людьми. Как-то раз один пастух предложил продать ему какую-нибудь девушку, сказал, что даст за нее хорошего барана. Студенты-товарищи возмутились: «Одного барана за такую девушку! Ни в коем случае не отдадим!» Прошло около часа, тот со своей небольшой отарой возвращается и говорит: «Берите трех!» Все обошлось, ребята поверили в серьезность маминых предостережений. Ночевали как-то у подножия Казбека. Ночью, когда только-только стало светать, мама стала будить своих подопечных, она хотела, чтобы они увидели эту непередаваемую красоту — рассвет в горах, силуэт монастыря... Девочки недовольно ворчали: «То не отпускает от себя больше,

чем на пять метров, то среди ночи поднимает...» Мама ничего не стала объяснять, только посмотрела туда, на небо. И они, замороженные, затихли. Некоторое время так и стояли. Потом, через много лет, говорили, что при упоминании Грузии в их душах полная тишина, поразившая их тогда важность покоя, а перед глазами — горы и черный монастырь в сиянии зари.

Во время войны после эвакуации Нефтяного института в Уфу мы остались в Москве. Шили маскировочные халаты для солдат-лыжников (выкроенные части мы получали в Зачатьевском монастыре поблизости от нашего дома). Потом мама поступила на работу в контору «Нефтегазосъемка». Там она и познакомилась с Валей Файман. Только что окончившая химический факультет МГУ, она оказалась маминой начальницей. Мама вошла в комнату, а там на столе вверх ногами и вниз головой стояла эта начальница, показывая сотрудницам что-то, что надо было уметь делать балерине, — она в детстве училась в училище Большого театра. Это я просто о первом дне мамы в «Нефтегазосъемке». Потом там много чего было, но сейчас я хочу рассказать о том, как мама поехала в командировку в Красноуфимск и взяла меня с собой. Мы жили в марийской деревне Бардым. Возле села Манчаж, в котором велись геологоразведочные работы, были деревни Верхний Бардым и Нижний. Однажды мы возвращались к себе домой под сильным дождем, промокли ужасно, плащей у нас никаких, ноги в туфлях едва можно было вытащить — столько на них грязи налипало... Так мы и плелись. А мама стала говорить мне начало «Илиады». Она знала, что это Гомер, «Илиада», но не помнила, чей перевод:

Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный, который ахеянам тысячи бедствий содеял:
Многие души могучие славных героев низринул
В мрачный Аид, а самих распростер их в корысть плотоядным
Птицам окрестным и псам (совершалася воля Зевеса)...

Она говорила, а я за ней повторяла. Потом она вспоминала, «как приятно было переключать в твою голову из моей...» Идти по грязи было уже не очень трудно: ритм одолевал дорогу. (Позднее я уже увидела, что не «содеял», а «соделал», не «воля Зевеса», а «Зевсова воля»). А тогда на грязной дороге под дождем вслед за Гомером шел Эсхилл в пересказе Зелинского и стихи:

Нет, нет, постойте, дайте досказать!
Чем кончится все это, право, я не знаю.
Вне колен унесся конь ретивый
Души моей; поводья ускользают
Из рук, умом не в силах управлять я.
Я слышу: ужас песнь свою играет
И сердце пляшет под его напев...

Приехав через несколько дней в Москву, я очень радовалась, что могу теперь все это прочитать. По-русски, конечно. Хотя наизусть сама больше, к сожалению, не заучивала. То, что потом мне захотелось поступить на классическое отделение, возможно, началось тогда под мамино чтение в военную бардымскую слякоть. С тех же пор и хоэфоры — «приносительницы возлияний» (именно «приносительницы», а не «приносящие»), и «евмениды» — такие слова, отличающиеся от всего на свете. Много лет спустя своим студентам я советовала учить стихи в пути, куда бы этот путь их ни вел. Буквально скандировать, отбивать такт — у меня сохранился тот мой (не мой, конечно, а мамин) бардымский опыт.

Кажется, там же, на какой-то дороге читали мы с мамой «Художника» Блока и стихотворение «Девушка пела в церковном хоре». И опять она «перекладывала из своей головы в мою...» Никогда нигде не слышала я потом столь глубокого толкования стихотворения «Художник». Что искусство даруется свыше. Но свободную птицу художник замыкает в клетку — устанавливает свои пределы ее свободе. Предел же — и убийство: «творческий разум осилил: убил». Творческому разуму человека иное недоступно. Искусство никакое не отражение; то, что не имеет предела, нельзя определить. Стараясь вспомнить, я очень беспомощно пересказываю сейчас. Мама Блока любила. Но все-таки, по-моему, не больше Анненского.

Совершенно непрактичная, но очень старавшаяся преодолеть это свое свойство, мама радовалась каждой своей микроудаче. И даже гордилась ею. Однажды пришли какие-то рабочие, сказали, что они — кровельщики и завтра начинают латать нашу дырявую крышу. Дом двухэтажный, мы на втором этаже, крыша протекает. Рабочие сказали, что железа мало, на всю крышу не хватит. Если мы дадим им денег, то они начнут с того конца, который над нами. Денег не было. Мама бросилась к ящику, в котором лежали продовольственные карточки, догнала рабочих, вернулась сияющая: «Я все устроила, отдала им карточки, они на-

чнут с нас!» Больше мы этих рабочих не видели. Несколько дней пришлось поголодать.

Под Новый год мы играли: кому какие строчки достанутся. Мама вытащила: «Ты здоровым хвалишься умом своим бесстыдно, Но здорового ума в делах твоих не видно!» Она очень огорчилась. Я уговаривала, что это — шутка, что горжусь ее доверчивостью.

В Нефтяном институте у мамы была сослуживица, с которой она была ближе, чем с другими, — Павла Сергеевна Котляревская. Крупная такая, большая. Она к нам заходила, мы несколько раз были у нее — она недалеко от нас жила. Трое детей, старая мать, муж, домашними делами заниматься некогда. Посуду не мыли до тех пор, пока не останется ничего, из чего можно было бы есть. Тогда-то я и запомнила мамино наставление: «Одни моют посуду после обеда, другие — перед обедом. Хорошие хозяйки моют посуду после обеда». — «А у Котляревских?» — «Так мы вообще не можем: у нас нет столько посуды».

Павла Сергеевна любила маму, помню, что она подарила ей книжечку стихов Всеволода Рождественского с какой-то очень хорошей надписью. Но работала она халтурно. Не от непонимания дела, а из-за торопливости — надо было зарабатывать больше денег на все семейство. Мама же, увлеченная своей работой, старалась до всего докопаться, понять, разобраться и показать, растолковать это студентам.

Насчет студентов. Один из них никак не мог сдать зачет. Почему-то сдавать его надо было в музее, и как раз маме. Ей казалось, что этот студент подготовлен, но от волнения не может показать свои знания. Она поступила так: назначила ему время зачета и перед этим выложила на стол все, что находилось в витринах. Сказала, что не успела вовремя убрать и просит его ей помочь. Сама стала заниматься каким-то другим своим делом. Студент безо всякого ее участия расклассифицировал и разложил все минералы совершенно правильно. Вот он и сдал свой зачет.

Вообще-то на преподавательскую работу маму не брали. То не было штатной единицы, то еще кто-то оказывался, по мнению начальства, более подходящим для этой должности. К ней посылали для консультаций. Она этому очень радовалась. Но то, что ее постоянно обходили, ее обижало, ранило. Знала об этом только я.

Мама не верила в органическое происхождение нефти. Не понимала, откуда могло взяться столько органики. Ходила в библиотеки, выписывала разные журналы, бесконечно подчитывала, рассказывала мне. Не одной мне, конечно. Твердо убеждена была

в происхождении неорганическом. Однажды пришла домой расстроенная. Была на докладе Милицы Александровны Месиневой (бывшей жены Юрия Александровича Косыгина). Та в своем докладе изложила все мамины рассуждения и подсчеты, не назвав маминого имени. После выступления подошла к маме и сказала: «Я не могла сослаться на вас, потому что ваши материалы нигде не опубликованы». Эта Месинева вообще странно себя вела: как-то она зашла к нам рассказать, что была на спиритическом сеансе: «Это так интересно, так необычно!» Мама заулыбалась: «Куда уж необычней!» У нас в доме никогда таких соблазнов не было. Через несколько дней узнаем, что Милица Александровна сокрушенно говорила своему бывшему мужу: «Вот до чего Софья Исааковна дошла! Они с Юдей столоверчением занимаются!» Тот с удивлением к маме. Мы — тоже удивились. Бог с нею!

При переезде в Тропарево приношу домой в Молочный план новой квартиры. Говорю: «Вот это холл». Мама отвечает: «Вижу, прихожая».

Несмотря на то, что почти ничего не покупали, вещи все старые взяли с собою, уходила уйма денег. Я охала. Мама успокаивала: «Все, что можно купить за деньги, дешево!»

Я плохо привыкала к новому жилью. Мама же радовалась, что не надо стоять на кухне в Молочном и слышать: «Вонючая Сарра, вонючая Сарра!» Я счастлива была, что смогла хоть в 70 лет ее от этого избавить. Мы переехали на эту квартиру восьмого декабря, а седьмого маме исполнилось семьдесят лет. Помню, как она ушла с той кухни, сказала мне, какие гадости непрестанно говорит ей соседка, а я идиотически успокаивала: «Не обращай внимания! Не обращай внимания!» Отправилась сама на кухню доваривать. Возвращаюсь, капаю валерианку. Мама: «Что с тобой?» — «Я не обращала внимания!» Так смеялись потом обе! А здесь — тихо, спокойно. Соседи сверху, снизу, по лестничной площадке — все так ненавязчиво. Настоящий отдых. Прихожу с работы, мама рассказывает, что верхняя соседка прибежала, общала, как в родильных домах врачи-евреи заражают русских детей. Мама ей: «Что вы говорите!? Вот я — еврейка!» — «Но я не про вас! Ведь вы и не врач!» Я опять: «Не обращай внимания! Не обращай внимания!» Вспомнили кухню в Молочном. Смеялись. Такой почти неизбежный российский сюжет: смех сквозь слезы. И не злая женщина. Учительница английского языка. Все просила посоветовать, как ей еще украсить, усовершенствовать

эту новую квартиру? Мама ей сказала: «А вы оклейте стены де-нежными купюрами...» — «Сейчас так делают?»

Начало пятьдесят третьего года. У мамы в музее все ужасно напряженно, почти все сотрудники открыто «обсуждают» дело врачей, предсказывают окончательное решение еврейского вопроса. Владислав Адрианович Кожухов (кажется, его так звали) сказал маме как бы сочувственно: «Что? Прижимают вашего брата?!» Мама ему в еврейской манере — вопросом на вопрос: «Когда же вы, наци, велите мне надеть желтую повязку?» Но сама на себя рассердилась, что ее задевают такого рода слова. Тогда и решила поступить совсем по-иному: ничего не отвечать на такие реплики, а просто... перестать курить. «Пусть меня тревожит, изводит то, что я не курю, а не то, что они стараются меня уколоть и унижить тем, что я — еврейка. Их мнения, суждения на этот счет мне теперь известны и совершенно не должны меня интересовать. Я не смею на них обращать внимания». Она стала класть перед собой папиросы, спички, к ней подходили, просили дать закурить, никто не замечал, что она не курит. Замечали, что не реагирует на их речи, и постепенно тема эта исчезла из их разговоров. Но как только стало возможно уйти на пенсию, она сделала это в первый же день. Забыть поведение большинства своих музейных сослуживцев она не смогла.

Однажды — не помню, когда: кажется, при Хрущеве еще — мы с мамой были в кино. На Добрынинской площади, в «Буревестнике». Не помню, какой фильм смотрели, ничего не помню, кроме того, что было перед началом сеанса. В фойе толпились люди в ожидании, когда их пустят в зал. Вдруг на некотором возвышении появился человек среднего возраста и сказал, что он был священником, а теперь понял, какая ложь религия, какой это обман! И т.д., и т.п. Люди перестали разговаривать друг с другом, прислушиваясь к нему. Мама, стоявшая рядом со мной, неожиданно исчезла и оказалась около говорившего. Всегда молчаливая и сдержанная, она перебила его речь и сказала, что она по образованию естественник, но никогда не станет отвергать силу веры, могущества Божьего и очень надеется, что недавний священник устыдится этого своего поступка, своих речей, которыми он соблазняет людей, забитых повседневными заботами и мало думавших о жизни. Сказала, что важна вера, а перегородки между ре-

лигиями не доходят до неба... Она бы и продолжала возмущаться, но тут открыли двери в зал и без всякого киножурнала начали показывать фильм. Поступка, подобного этому, я в маминой жизни не знаю.

Еще про кино. Только совсем другое. Кинотеатр на набережной. Называется «Фитиль». Фильм «Тереза Ракен». Погасили свет. Сидящий перед нами человек поворачивается и спрашивает маму: «Штопор есть?» — «Нет». — «Так и знал! Какая картина?» — «Тереза Ракен». — «Крючков играет?» — «Нет. Симона Сильоре». — «Так и знал». Шумно встал и пошел к выходу.

Когда Толя Шайкевич еще жил не в Строгине, а здесь, в Тропареве, и была еще жива его мама Клавдия Наумовна, к ним в гости пришла приехавшая в Москву на кинофестиваль весьма немолодая уже Наталья Александровна Трейл (Гучкова). Толя привел ее с их десятого этажа к нам на седьмой. Она кого только не знала, кого только не видала. Мама сказала мне: «Ну, вот. История в гости зашла». Я спросила, знала ли Наталья Александровна жившего потом в Москве Штранге, который говорил, что вербовал в НКВД Сергея Яковлевича Эфрона. Она вежливо, но не без легкого раздражения ответила: «Какое это имеет значение, кто кого куда вербовал! Я вербовала, меня вербовали!..» Мама в разговор не вступала. Молчала. Наталья Александровна рассказывала, как она, беременная, была у Ежова, который был «как статуэтка, как статуэтка!» и помог ей уехать из СССР, а в Париже ее задержали в связи с расследованием дела об убийстве Игнатия Рейсса, но она показала паспорт, в котором были печати, свидетельствующие о том, что ее во время убийства не было во Франции, и все обошлось. Тут моя мама произнесла единственную за весь вечер фразу: «Ну, с печатями-то у таких людей всегда все в порядке!» И опять замолчала.

Когда мы впервые услышали имя Солженицына и прочитали «Один день Ивана Денисовича», на маму самое большое впечатление произвел тот герой, который во всех тамошних обстоятельствах ел на стираной-застираной тряпочке-салфетке, по возможности соблюдая подобие прежней жизни.

Об исчезнувших письмах

Мои родители были знакомы с Марией Вениаминовной Юдиной давно. Папа — раньше, еще со стародавних невельских времен знал не только Марию Вениаминовну, но и всю ее семью. Оба — и папа, и мама считали Марию Вениаминовну замечательной, очень глубокой пианисткой, лучшей исполнительницей Баха. Помню рассказ моей матери, как во время ответственных, трудных хлопот об изменении страдальческой участи М.М.Бахтина Мария Вениаминовна говорила ей сокрушенно, что на Кузнецком, 24, нет рояля, и она не может там сыграть так, чтобы те, от кого зависел исход стольких дел, жизнь и смерть, услышали ее музыку, поняли, почувствовали, что есть высшие силы, которые им не подвластны. К ее исполнительскому дару и отец, и мать мои относились с огромным уважением, зная также и об ее повседневной неординарности, которой она нередко их не только восхищала, но и озадачивала.

Мама моя Марию Вениаминовну очень любила. С отцом отношения были более сложные. Он — человек глубокой религиозности, как я сейчас себе это представляю, считал, что при всей ее искренности и силе чувств, при всей музыкальной одаренности и исполнительской самобытности ее православно-славянофильские взгляды были лишены подобающей серьезности. Помню, как уже после кончины моего отца, в самом конце войны, когда евреям трудно было устроиться на работу, маму изумили ее слова об антисемитизме: «Что делать! Распяли Христа — надо расплачиваться!» Мама тогда только руками развела. При этом Мария Вениаминовна пыталась помочь мне достать какую-то работу у ее друга археолога Павла Николаевича Шульца в Неаполе скифском, кажется. Мы ходили на многие ее концерты, билеты она присылала с кем-нибудь или оставляла в условленном месте. Просила деньги. Суммы небольшие — знала, что большие не у нас надо просить: у нас не было. «Дай профессору 50 рублей. Ну, дай 10...» Только после папиной смерти, когда нам дали сколько-то из Академии Наук, была настоящая сумма. Никогда, по-моему, не брала для себя, всегда для кого-нибудь. Не помню, чтобы возвращала.

Помню, на вечере памяти Ю.Н.Тынянова, когда И.Л.Андроников сказал что-то о том, как Тынянов отказался от формализма, а в ответ на это поднялся В.Б.Шкловский со словами: «Ты сначала съешь пуд соли в искусстве, потом выплать эту соль сле-

зами, а потом уж решай, кто когда от чего отказывается!» В это время поднялась величественная Мария Вениаминовна и прошла к роялю в каких-то мокрых опорках, оставляя на полу следы грязи и воды.

В Музее Пушкина на Кропоткинской на вечере памяти В.А.Фаворского уже у рояля она сказала, что будет играть Моцарта: «Великий русский философ Флоренский говорил, что Моцарт — это тот мир, в который Бах только входит...» Кто-то громко переспросил: «Белинский?» Она не ответила. Стала играть. К сожалению, не помню, что именно. Зато помню, как поразили меня аплодисменты на другом ее концерте: музыка совершенно не сочталась ни с чем в этом мире. Это была музыка, а не концертный зал, не благодарная восхищенная публика. И не мне писать об этом. Мне подобает сейчас только не забывать.

Но вот совсем о другом.

В самом начале семидесятых годов зимой большая часть писем Марии Вениаминовны Юдиной к моей матери погибла при обстоятельствах, самый краткий рассказ о которых не соответствует жанру панегирических воспоминаний: моя мать в раздражении сожгла их. Было так. Мария Вениаминовна позвонила мне и пригласила поехать с нею церковь накануне праздника Крещения. Мы договорились, что я в шесть часов вечера буду у нее в Ростовском переулке. В том же доме, в том же подъезде, но на другом этаже жила моя старая преподавательница — ученица и близкий друг известнейшего в свое время литературоведа В.Ф.Переверзева Дебора Израилевна Бернштейн. Сначала я зашла к ней, предупредив, что без пяти шесть уйду от нее на девятый этаж к Марии Вениаминовне. В назначенное время попрощалась с Деборой Израилевной, поднялась на лифте, позвонила. Никто мне не открыл. Сквозь закрытую дверь был слышен шум льющейся воды. Из соседней квартиры вышла женщина и сказала, что Мария Вениаминовна уехала, не дождав меня. Я объяснила, что это какое-то недоразумение — мы договорились на шесть. Вместе с соседкой мы вошли в квартиру, которая не была заперта, закрыли кран в ванной комнате, потушили свет, и я отправилась домой. Спустя некоторое время, вечером позвонила Марии Вениаминовне, но не застала ее. На следующий день в первой половине дня она сама позвонила мне: кричала, что я ее обманула. Я пыталась ей ответить, объяснить, но она не хотела ничего слышать, спешила говорить всякий обидный вздор. Запомнилось ужасное: «Пусть с тобой случится что-нибудь самое плохое!» Я, сказав: «Всего доброго!», кинулась в комнату — к маме: «Защити ты меня от нее, я не знаю, что делать, как с ней разговаривать!» Мама: «А я

знаю!» Бросилась к столу, достала пачку писем Марии Вениаминовны и бросила в топившуюся печку!

Через несколько дней звонок. Тихий голос: «Это я. Прости меня, пожалуйста... Что у вас? Как мама себя чувствует?» — «Она болеет». — «Грипп?» — «Нет. Сердце». — «Ну, слава Богу, что не грипп!»... Что тут скажешь! Но писем уже не было.

Рукописи не горят? Еще как горят! Остались только случайно выпавшие из пачки и обрывки каких-то двух разорванных мамой открыток. Судя по штемпелю, они были написаны в 1940 г.

[Написанный карандашом листок из блокнота. Без даты]

Дорогая С.И. Так вот все же хорошо прогуляться, куда мы говорили, и сказать все, что нужно побольше. И о необходимости *скорого* вмешательства. Целую всех и хочу видеть, авось через [нрзб.] поиграю. Какой однако комический случай с 1 р. 45 к.!!! Не сердитесь, дорогая. Я безнадежно беспорядочный ч[елове]к. Что сказала бы Юдя! Однако, надеюсь, что со свойственной Вам добротой и это неважно. Простите, простите. Привет всем. Ваше ответьте мне на К-ю, Театр. пл. Вот еще бумажка.

М.В.

[Открытка из Ленинграда. По штемпелю: 3 октября 1929]

Милая Софья Исааковна!

Для Вас будет в контроле или кассе на моем концерте оставлены 2 билета (2, ибо, насколько я знаю, М[атвей] Ис[аевич] в отъезде, значит, пойдете Вы с Татой¹). Я пробуду в М[оскв]е очень недолго и до концерта к Вам не попаду, а после, конечно, попаду, если останусь. Ищите меня (если хотите) где-ниб[удь] в консерватории, где остановлюсь — еще не знаю. Наконец-то отдам долг, по приезде, и так уж за него совесть мучает! Шлю сердечный привет Вам, Тате, Юде и прочим. Какой Вы молодец, что явились моей преемницей в известном деле²! Эта медлительность — ужасна. Посмотрим. Всего лучшего.

М.Юдина

¹ *Tata* Степанова — приехавшая из Симферополя подруга сестры С.И.Каган Розалии Исааковны Каган (художницы — ученицы В.А.Фаворского). Тата была дочерью царского генерала, в 1920-е годы ее нигде не принимали ни учиться, ни работать. Жила она некоторое время у нас, потом уехала из Москвы в надежде найти работу и пристанище. Спустя некоторое время мы узнали, что она покончила с собой. Такая незаметная и совершенно несчастная судьба. И наша семья, и Мария Вениаминовна старались хоть чем-либо помочь Тате, но вот как все вышло.

² Намек на хлопоты об облегчении участи репрессированного М.М. Бахтина.

[Исписанные карандашом с обеих сторон два маленьких листочка. Без даты]

Дорогая Софья Исааковна!

Заходила вчера — раньше не могла. Что у вас? Очень хочу видеть. Дайте о себе знать — 12-го ночью уезжаю — позвоните мне 12-го утром пораньше, если не дозвонитесь — приходите в 9 часов вечера ко мне. Мих[аил] Мих[айлович] Б[ахтин] очень просил 2 книги из библиотеки Матвея Исаевича Kassirer'a 2 тома «Sprache» и «Mythen». М[ожет] б[ыть] успеете сегодня принести на вокзал Савеловский к поезду.

Я буду Вас смотреть в окно. Или занесите, пожалуйста, в *ближайшие дни* Бор[ису] Влад[имировичу] — он потом уедет, а так — переправит или завезет М[ихаилу] Мих[айловичу] сам. Я Вам должна еще 40 р. Постараюсь непременно отдать до отъезда — или в крайнем случае в первых числах сентября. Я бы очень хотела Вас вытянуть туда — поэтому необходимо повидаваться. Целую. Мар. Вен. Юдина.

P.S. Я бешено замучилась с делами родственников, потому не приходила к Вам это время. —

[По штемпелю — апрель 1949]

Дорогая Софья Исааковна!

Я была бы Вам крайне признательна, если бы Вы сочли возможным отложить нашу встречу до конца месяца. Вы *отдаленно* не представляете себе размера моей занятости, моего переутомления и собственного тяжелого физического состояния (желудок, сердце, плохой сон) — а лечиться мне некогда. Каждая «внеплановая» встреча меня нагружает до изнеможения... Я скоро еду в Лгрд и вернусь в конце месяца — вот тогда многое с меня спадет. Если же необходимо — приходите в четверг 10-го в консерваторию. Не сердитесь на меня. Целую Вас.

М.В.Юдина

[Без даты]

Дорогие Софья Исааковна и Юдя!

Пишу кратко и *случайно* (имела в виду написать *большое* письмо, комментирующее всю мою ситуацию сейчас). Но неожиданно пришли монтеры, и при них не могу ни звонить вам, ни писать обстоятельно.

Простите!

Серафима Александровна — мой секретарь и очень верный друг — вам все расскажет обо мне. *Мне пришлось переехать*, заплатив за *спасение жизни* дико дорого... Мой тел. Г-4-74-74, адрес (около Вас!!) Ростовская набережная д.3, кв.153. 9-й этаж, вход со 2-го Ростовского или с 6-ого.

Прошу денег займа до 16-го мая, т.е. *3 недели!*

Больше пока писать не могу абсолютно!

Целую очень сердечно.

Ваш — древний, замученный и бодрый друг — МВЮ.

[Надпись на подаренной мне книге о Франце Кафке]

Милой Юде Каган от старого друга Марии Вениаминовы Юдиной на память обо всем Прекрасном, что соединяло всех нас, живущих еще теперь на земле сей и отошедших в Вечность.

Москва, Рождество Христово 1967-68.

Владимир Аллой
ЗАПИСКИ АУТСАЙДЕРА

Я строю, строю, строю,
Но все не Рим, а Трою,
И Шлиман на холме
С лопатой и с лоханью,
Дрожа от ожидания,
Сидит лицом ко мне.

Н. Горбаневская

I

Среди накопившихся за неделю отпуска писем я обнаружил приглашение на почту. Подобная бумага ничего хорошего не сулит — заказное, да еще с уведомлением о вручении отправляет или судебный исполнитель, требуя уплаты штрафов за неправильную парковку, или налоговое ведомство, или другая официальная инстанция. В любом случае предстоит трата времени, денег и изматывающая беготня по присутственным местам... Но делать нечего, я отправился на бульвар Вольтер. Оказалось, я ошибся, по крайней мере в отношении отправителя. На почте меня ждало письмо из «Русской мысли». Мадам Боже, редакционный бухгалтер, сообщала, что собрание акционеров решило прекратить издательскую деятельность из-за ее убыточности, в связи с чем издательство «Presse Libre» уже закрыто, а я уволен по экономическим мотивам. Разумеется, мне предоставлены три оплачиваемых ме-

Эти воспоминания писались для последнего выпуска альманаха, который было решено составить из мемуаров людей, имевших прямое отношение к «Памяти» и «Минувшему». Опасаясь «перебора», мы хотели было остановиться на 21-м томе. Однако вышел двадцатый выпуск — и стало ясно, что отказаться от альманаха мы пока не в состоянии. Он будет продолжаться. Что же до воспоминаний, то они неожиданно разрослись, и потому я решил, не меняя первоначального плана, поместить в настоящем томе первые главы; следующие увидят свет в других выпусках «Минувшего».

сяца, предусмотренные законом, но, понимая, что поиск новой работы требует времени, дирекция готова выдать мне деньги вперед и избавить от необходимости являться на службу. Чек на причитающуюся мне сумму прилагается. За сим следовали уверения в совершеннейшем почтении и дружеских чувствах.

На службу я все-таки отправился, как-то не осознав до конца, что ее, собственно, уже нет и идти некуда. Дверь редакции оказалась запертой, и, сунув ключ в замочную скважину, я обнаружил, что за шесть дней моего отсутствия замки поменяли. На звонок появилась Ниночка Прихненко — редакторский секретарь и по совместительству заведующая персоналом, милейшая, несколько запуганная женщина, дорабатывавшая в газете до пенсии и явно тяготившаяся своей обер-фискальной ролью и унижительной необходимостью постоянно врать по телефону. Ключи от входной двери имелись у нее, у главного редактора и у меня, поскольку кроме будних дней я работал по субботам и воскресеньям.

— Здравствуйте, Нина Константиновна.

— Володенька... — она была явно смущена.

— У нас поменяли замки?

— Да, вот, сломался...

— Ирина Алексеевна здесь?

— Нет... то есть она у мадам Боже и, кажется, надолго.

Я прошел в кабинет. Собственно назвать это помещение кабинетом можно было лишь с определенной натяжкой. Мы делили с Кириллом Померанцевым один стол в семиметровой комнатке, некогда служившей ванной. Стол был огромен, занимал все пространство, носил кличку «бегемот» и принадлежал Сергею Константиновичу Маковскому, а по его смерти водворился в «Русской мысли». Стоял он в самой дальней комнате, где и помещались ведущие журналисты. Однако полгода назад ее освободили под некий компьютерный центр, дверь заперли, журналистов пересадили в общий салон, а престарелого Кирилла задвинули в ванную, каким-то чудом втиснув туда еще и «бегемота». Поскольку у меня вообще не было своего места в редакции, исключая разве что закуток с наборной машиной, Кирилл благородно предложил разделить его новую резиденцию. Так мы оказались вместе.

Кирилл Дмитриевич Померанцев был существом замечательным. Ученик и друг Георгия Иванова, завсегдагой русского Монпарнасса, поэт и антропософ, в свои без малого восемьдесят он сохранял удивительную душевную чистоту и живость восприятия. Длинный, неуклюжий, вечно забывающий что-нибудь, готовый спорить по любому поводу и помогать всем на свете, он напоминал вдруг постаревшего мальчика из сказки Шварца и никак

не мог смириться с грузом накопившихся лет. К тому же он плохо видел и отчаянно переживал этот вполне естественный для его возраста дефект, стесняясь слепоты, глуховатости и прочих непреходящих атрибутов старения. В редакции Кирилл казался странным анахронизмом, осколком прежнего баснословного Парижа, не слишком уместным в нынешней газете. Сотрудники его любили, начальство терпело, держа на длинном поводке и оказывая внешние знаки внимания, вроде участия в заседаниях редколлегии, столь же непреходящих, сколь и бессмысленных. Так что по средам Кирилл являлся в газету с утра и в ожидании ареопага коротал время в ванной, болтая с кем-либо из журналистов или просматривая бумаги. В остальные дни он был на свободном расписании.

Жил он в двухкомнатной холостяцкой квартирке на рю Эрланже в одном из некогда знаменитых «русских» домов. Когда-то окраина Отей считалась довольно дешевым районом, и эмигранты, обладавшие хоть небольшим достатком, селились здесь во множестве, создав целый русский анклав со своими магазинами, школой, непреходящей церковью на бульваре Экзельманс и даже небольшим музеем былой воинской славы. Более обеспеченные предпочитали жить ближе к центру — в Пасси, менее — на окраинах южных районов, четырнадцатого и пятнадцатого, совсем бедные — в Бианкуре. В соседнем с Кириллом доме жила Екатерина Андреевна — мать Никиты Струве, приютившая меня на первые месяцы, когда я только появился в Париже и, не имея ни работы, ни даже вида на жительство, скитался по знакомым. Квартирка Кирилла была крошечной, с тем особым налетом запустения и неухоженности, который сопровождает одинокую старость. Жил он довольно замкнуто, в гости приглашал редко, но тем сильнее радовался всякому, нежданно зашедшему на огонек. Откупоривалась бутылка вина и начинались бесконечные разговоры, чаще всего о России и о политике, перемежаемые воспоминаниями. Вспоминать Кирилл любил, правда, рассказы его были довольно своеобразны — не законченные и многократно опробованные на слушателях новеллы, как у большинства мемуаристов, а какие-то растерзанные, клочковатые обрывки былых встреч, разговоров, событий — беспорядочных, никак не связанных, отстоящих друг от друга иногда на целые десятилетия, — но из всего этого крошева непостижимым образом возникала живая атмосфера эмигрантского быта, проступали моментальные фотографии живых и ушедших людей... Он корил себя за то, что не вел дневников, не собирал документов, а теперь память ослабела и прошлого уже не восстановить... — и тут же начинал вытаскивать, а часто и раздаривать книги с автографами, редкие издания парижских поэ-

тов, старые журналы, фотографии... Как-то, уже через несколько лет, он подарил и мне синюю школьную тетрадку — рукопись стихов Георгия Иванова...

Мы сошлись на мемуарах Одоевцевой. Тогда я только что появился в газете, издательство существовало лишь формально, а я занимался собственно «Русской мыслью» и готовил первые книги. Среди них были воспоминания Андрея Белого о Штейнере, и Кирилл как старый штейнерианец, друг Аси Тургеневой и участник антропософского кружка в Париже постоянно интересовался работой и ворчал на Фредерика Козлика — комментатора текстов, обвиняя его в излишней академичности. Сам Козлик тоже был антропософом, к тому же еще профессиональным математиком и филологом, и было забавно наблюдать неискоренимую разницу в восприятии — славянский поэтический темперамент никак не мог смириться с сухим картезианским мышлением француза.

Как-то Кирилл прибежал взъерошенный и решительный.

— Володя, надо срочно издавать мемуары Одоевцевой, иначе старуха может не дотянуть до их появления.

— Очень плоха?

— Да, и на этот раз, кажется, серьезно.

Мы поехали к Ирине Владимировне на рю Касабланка. Она была, и правда, не в лучшей форме: съехавший на бок паричок, блуждающий взгляд, явно затрудненный контакт с окружающим и столь же явная утрата памяти: вы могли выйти из комнаты на десять минут и, возвратившись, должны были вновь представляться ей, ибо она вас уже не узнавала. «Сенильность», — ворчал Кирилл на обратном пути, вспоминая, какой ослепительной была Одоевцева в прежние годы.

Рукопись, переданная нам, представляла собой неполный свод статей из «Русской мысли» и несколько разрозненных мемуарных фрагментов. Кирилл на чем свет ругал Рене Герра, который давно обещал издать воспоминания и без толку продержал у себя материалы. Мы договорились дополнить рукопись мемуарными очерками, появлявшимися в других газетах и журналах. К сожалению, делалось это уже без участия Ирины Владимировны: недели через три она попала в больницу с переломом шейки бедра и пролежала там несколько месяцев, так что к появлению ее дома книга была практически закончена. Обложку работы Голлербаха отдал мне Герра, явно обиженный тем, что мемуары выходят не у него и без его участия. Это, по-видимому, и сыграло основную роль в дальнейшем развитии сюжета, испортившего наши отношения с Одоевцевой. Книгой она осталась довольна, однако ее убедили в том, что «На берегах Сены» станет бестселлером и из-

дательство наживет миллионы за счет бедного автора. Никакие попытки воззвать к простой логике или к ее собственному опыту эмиграции и объяснить, что практически ни одно русское издание при тираже в тысячу-полторы экземпляров не может даже окупиться, не привели ни к чему. Ирина Владимировна, крайне чувствительная в этом вопросе, оставалась глуха к любым доводам и жаждала мифических миллионов. Остается надеяться, что она дождалась их, когда вернулась в Россию, а книга через семь лет вышла пятисоттысячным тиражом в «Худлите». Кирилл, который чувствовал себя невольным виновником случившегося, еще долго кипятился, проклинал старческий маразм, произносил филиппики по адресу «интриганов», но после бутылки «Божоле» и неприменной рюмки «Амбасадора» — любимого аперитива Георгия Иванова — философски замечал: несмотря ни на что все-таки замечательно, что книга увидела свет...

Когда я вошел в ванную, Кирилл спорил с Димой Рыбаковым. Спор как всегда касался политики, на этот раз французской. В сущности, Дима, Арина Гинзбург да Нина Прихненко, с которой Кирилла связывала многолетняя дружба, были едва не единственными сотрудниками газеты, с кем он мог легко и доверительно общаться. О закрытии издательства ни один из них не знал, и сообщенная мною новость вызвала поистине гоголевскую немую сцену. Продолжать после нее политические баталии казалось неуместным. Мы договорились позавтракать вместе, и Дима, чувствовавший себя неловко, ретировался, а я попробовал разобраться в издательских бумагах, хранившихся тут же, на необъятной спине «бегемота». Их было не так уж много. Почти все новые рукописи лежали дома, равно как и шестой том «Памяти» вместе с версткой — по ней делался именной. Забирать разрозненные тома «Воли России», по которым составлялся двухтомник Газданова, было бессмысленно: первый том полностью завершен и находится в типографии, а второй едва ли увидит свет в нынешних обстоятельствах. Фаине Дмитриевне — вдове Газданова, давшей мне часть книжек, — можно было их не возвращать, поскольку это был подарок. Аскольдов также целиком отработан и отдан типографу. Этот том статей и писем философа год назад подготовил с комментариями и вступительной статьей Борис Андреевич Филиппов. Что же до рукописи Поплавского, то она необъяснимым образом исчезла, равно как и «Потерянная драхма» отца Дмитрия Дудко... Оставались бумаги. Я разобрал договоры, забрал папку переписки...

Зазвонил телефон. Это был Ив Флок, типограф, он находился в Париже и обязательно хотел встретиться со мной. Мы назначи-

ли свидание на вокзале Монпарнас, откуда Флок уезжал к себе в Майен.

Делать, в сущности, было больше нечего. Иловойская по-прежнему пропадала у бухгалтера и ждать ее появления становилось бессмысленно. Кирилл, который в необычных обстоятельствах всегда чувствовал себя крайне дискомфортно, помалкивал. Арина еще не появлялась. Я отправился выпить чашку кофе и в коридоре столкнулся с Александром Моисеевичем Некричем. Он только что прилетел из Бостона выпускать очередной номер «Обозрения» и, как всегда в начале своей парижской жизни, лучился довольством и благожелательностью. Обычно к выходу журнала настроение кардинально менялось: переругавшись со всеми по поводу бесконечных задержек, ошибок, неуплаты гонораров за предыдущие номера, Некрич мрачнел и ностальгически вспоминал спокойный Кембридж и свой кабинет в Русском исследовательском центре. Но до этого оставалось еще две недели, пока же Александр Моисеевич состоял из сплошной фарфоровой улыбки, морщинок вокруг глаз и ласкового голоса. Он бросился ко мне с объятиями. Вероятно, моя перевернутая физиономия была достаточно красноречива, поскольку после первых же приветственных фраз он вдруг осекся и осторожно спросил, здоров ли я. В ответ я предложил ему отправиться вместе попить кофе. Мы вышли из редакции.

Кафе «Бокур», расположенное на углу Фобур Сент Оноре и авеню Ош, было настоящей штаб-квартирой сотрудников газеты и приходящих в нее авторов. Здесь обсуждались все новости и сплетни, изливались накопленные обиды, завязывались и рвались отношения. В углу у стойки почти всегда можно было увидеть Наташу Горбаневскую или Юру Николаева, остервенело доламывающих потрепанный флиппер. За столиком обычно сидел кто-либо из сотрудников, а в день сдачи номера число вечерних посетителей многократно возрастало.

Мы устроились на закрытой террасе, заказали кофе, и после нескольких дежурных фраз и расспросов об общих знакомых в Штатах я сообщил Некричу свои новости. Реакция его была столь же лапидарна, сколь и неожиданна. Александр Моисеевич побледнел, потом покраснел и после долгого молчания произнес всего лишь одну фразу:

— Ну что ж, Володя, значит, вы не смогли найти правильной линии поведения.

Раскрывать смысл несколько загадочного определения «правильная» он не счел нужным, впрочем, я и не настаивал. Было ясно, что мысли его ушли в иную область: он лихорадочно обдумывал, каким образом закрытие издательства может отразиться

на судьбе «Обозрения» и что за всем этим стоит: локальный конфликт или общее изменение американской политики в отношении газеты. Бедный Александр Моисеевич, его единственно верная и предельно эластичная «линия поведения» все же не спасла журнал: через полтора года «Обозрение» было закрыто в одночасье, а Некричу даже не удосужились об этом сообщить, и лишь прилетев из Бостона выпускать очередной номер, он узнал о судьбе своего детища. Впрочем, «правильная линия поведения» в конце концов устояла и тут: после скандалов, разрывов отношений и жалоб по инстанциям Александр Моисеевич счел за благо вернуться в «Русскую мысль» и до самой кончины усердно присылал в газету редакционные статьи...

Мы допили кофе и расстались: Некрич заторопился в редакцию. Я заказал еще чашку и, поглядывая в окно — не идет ли Арина, безрезультатно пытался собрать мысли. Арины не было. Пора идти завтракать с Димой и Кириллом. Завтраки эти носили ритуальный характер: в день появления Кирилла в газете он вместе с кем-либо из близких сотрудников отправлялся на авеню Ваграм в брассри «Савойя», где в продолжение многих лет заказывал одно и то же блюдо: жареную форель с миндалем. Трапеза сопровождалась кувшинчиком вина и обсуждением редакционных новостей. На сей раз тема была очевидна, и потому завтрак прошел довольно вяло. В ситуациях деликатных Кирилл прибегал к обычной тактике: разносил американцев, ничего не понимающих в русской культуре и политике, — это давало возможность излить раздражение, не слишком углубляясь в детали и не касаясь болезненных точек. Димка же за прошедшие три часа уже нарисовал себе точную картину происшедшего, и переубедить его не имело смысла (интересно, что и через десять лет, когда мы встретились в Москве, он, сидя за столиком в «Пекине» и углубившись в воспоминания, повторил ту же первоначальную версию — слово в слово). Высказанная мною мысль, что закрытие издательства — видимо, всего лишь отложенный на время финал моего ухода из ИМКИ, — вызвала удивленное молчание обоих. Я понял, что совершил бестактность, и пускаться в дальнейшие объяснения не стал...

До встречи с Флоком оставалось еще почти два часа. Возвращаться в редакцию не хотелось. Я дошел с Димой и Кириллом до зала Плейель, распрощался, свернул на рю Дарю, прошел мимо русской церкви, чертыхнулся по поводу очередной квитанции на штраф, торчащей из-за дворников моей машины, запаркованной возле храма, и, не слишком понимая, что делать, отправился в парк Монсо: надо было хоть как-то сосредоточиться и попытаться обдумать положение.

Сказать, что все это случилось совершенно неожиданно, я не мог. Какая-то развязка должна была наступить. Последние четыре месяца были мучительны: я оказался в некоей полосе отчуждения — Иловайская со мной практически не разговаривала, редакционные дамы, тонко чувствовавшие погоду, шарахались, как от прокаженного, Инка Ракузина — моя наборщица — нервничала и молчала. С маниакальным упорством я гнал новые книги, уповая в душе на то, что скандал никому не нужен и после очередной партии хороших книг справиться с издательством будет труднее. Весь вопрос лишь в выигрыше времени. В какой-то мере успокоил меня Серафим Милорадович. В октябре 83-го мы участвовали с ним во Франкфуртской книжной ярмарке, выставялись вместе. Продукция «Presse Libre» пользовалась успехом, главным образом, у славистов и представителей ВААПа. Для последних я каждую ночь оставлял на стенде стопку книг, к утру регулярно исчезающих. Однажды, придя пораньше на выставку, я застучал вааповцев, уносивших свою добычу в полиэтиленовых мешках... Так вот, на мой прямой вопрос о возможности редакционных переимен Милорадович уверил, что издательство уже сделало себе имя и беспокоиться мне не о чем. Серафим Николаевич был «хорошо осведомленным источником». Его называли комиссаром при Шаховской, а с приходом в газету Иловайской, совместившей и редакторские, и комиссарские обязанности, американцы передвинули Милорадовича в Лондон, отдав ему «Оверсиз» — небольшое издательство, раньше специализировавшееся на выпуске польской литературы, а теперь осиротевшее за смертью директора (в дальнейшем повествовании мне часто придется употреблять этот термин — американцы, и я сразу хотел бы оговорить, что он означает отнюдь не только ЦРУ, но и Русский отдел Госдепартамента, и Совет по национальной безопасности, и вообще все службы, занимающиеся Россией и впрямую связанные с администрацией Соединенных Штатов). Тем не менее, Серафим Николаевич и его супруга оставались акционерами «Русской мысли», обладая к тому же контрольным пакетом акций. Разумеется, все это было только юридической игрой: газета полностью существовала на американские субсидии — при тираже в три с половиной тысячи экземпляров, из которых продавалось менее полутора тысяч, она могла бы выпустить на собственные, заработанные ею деньги лишь три-четыре номера в год. Но Милорадович по-прежнему оставался доверенным лицом деньгодателей, и если он искренен...

Так прошло еще три месяца. Лишь в январе 84-го, сдав типографу все оригинал-макеты, кроме одного — шестой «Памяти», именинник к которой еще не закончила Наташа Горбаневская, — я

решился прервать гонку: отправил в отпуск Инну, а сам на неделю уехал с женой в Ниццу. И вот...

Все надежды на нежелательность скандала оказались беспочвенными, чтобы не сказать просто детскими. Скандала не произошло. Приговор был вынесен и немедленно приведен в исполнение, только и делов. По-видимому, именно эта быстрота, анонимность и окончательная бесповоротность случившегося угнетали больше всего. Правда, впоследствии, раскапывая эту историю, я узнал, что приговор был вынесен еще в октябре, а в ноябре Никита Струве обратился к Филиппову с предложением передать в ИМКУ рукопись сочинений Аскольдова, поскольку «*Presse Libre*» все равно закрывается, а Аллой «*est un homme mort*». О последнем рассказал мне сам Борис Андреевич, когда в феврале я приехал в Вашингтон. Весной Иловойская действительно отдала оригинал-макет Аскольдова в ИМКУ, где, пролежав несколько лет, он благополучно сгнил, а книга так и не вышла в свет. Что же до «Потерянной драхмы», она вышла у Милорадовича...

В половине пятого я был на Монпарнасском вокзале. Флок прибежал как всегда взмыленный, с неизменным чемоданом, набитым рукописями, в сбившемся галстуке и расхристанном плаще. Мы работали с ним вот уже восемь лет, с имковских времен, и довольно хорошо знали друг друга. Начинал я еще при его отце, Жозефе, возглавлявшем крупное семейное дело. Ив, которому уже тогда было за сорок, еженедельно мотался в Париж, обегая клиентов и привозя новые заказы. После смерти родителя он возглавил типографию, но по-прежнему сам ездил в столицу, тратя по семь часов на дорогу в оба конца, но упорно не желая отдавать кому-либо из подчиненных столь деликатную вещь, как общение с клиентами...

Мы зашли в бар, сели за столик. Ив вынул из чемодана папку, из нее письмо и протянул мне. Письмо было из «Русской мысли». В нем Флоку запрещалось выдавать мне оригинал-макеты или фильмы находящихся в производстве книг под угрозой невыплаты денег, причитавшихся за уже исполненные работы.

Помолчали.

— Поверьте, мсье Аллой, я чрезвычайно смущен, такое случается впервые в моей практике... но они должны мне больше ста тысяч...

— Конечно, вы абсолютно правы.

Все было ясно. У Флока находилось четыре книги. По счастью, я не успел передать ему «Память» — мы затащили с именинником. На остальном можно было поставить крест...

Домой я добрался в совершенной истерике и тут же сел за письмо акционерам. Я доказывал, что мотивировка закрытия издательства не выдерживает никакой критики, что книжное дело было единственным, приносящим хоть минимальный доход, в то время как газета и бесплатно распространяемое приложение к ней — аналитический журнал «Обозрение» — действительно убыточны, что решение акционеров обрекает на гибель восемь книг, четыре из которых созданы в России... В общем я много чего доказывал, ломясь в открытые двери и пытаюсь убедить пайщиков в том, что они прекрасно знали сами. Через неделю, когда небожители согласились все-таки принять меня, адвокат «Русской мысли» Пастухов спокойно и холодно объяснил мне, что мотивировка закрытия издательства не играет никакой роли, она может быть любой, важно лишь решение юридических владельцев, оно принято, и мои lamentации на моральные темы неуместны. В сущности, вся эта странная встреча исчерпывалась монологом Пастухова. Ни Иловайская, ни находившийся тут же Серафим Милорадович не проронили ни слова. Первая сидела с каменным лицом, второй упорно смотрел в пол, избегая встречаться со мной взглядом...

И все же мои конвульсивные попытки вернуть стрелки часов назад продолжались. Арина в тот же вечер позвонила Алику, который ездил по Америке с очередным туром лекций. Наташа Горбаневская, как и следовало ожидать, немедленно заявила: «Надо идти к Володе». Мы пошли к Максиму.

На рю Лористон я попал в первый же день своего приезда в Париж. Знакомых в городе почти не было, я оставил вещи в камере хранения Лионского вокзала и позвонил по едва ли не единственному имевшемуся у меня телефону — Володе Марамзину. Он жил на той же рю Лористон, в двух шагах от Максимова и «Континента». Небольшую двухкомнатную квартиру нашли ему Ниссены, опекавшие Максимовых, — служба для последних переводчиками и ведя все финансово-юридические дела журнала. Что до Марамзина, он зарабатывал хлеб на «Свободе», писал в «Русской мысли» и занимался делами «Ассоциации друзей "Континента"». В Париж он приехал месяцев девять назад и был в том смешанном состоянии эйфории и подавленности, которое сопровождает эмигранта в начале «новой жизни»: первое чувство вызывается новизной впечатлений, второе — отсутствием языка, неуверенностью в завтрашнем дне и острой нехваткой средств. Со временем

эйфория проходит, а нехватка денег становится хронической и не воспринимается столь болезненно... Вероятно, желая пресечь любые поползновения на свое жилище, буде таковые с моей стороны последуют, Марамзин с порога заявил, что ночевать у них негде, а потому мне придется найти на первое время какой-нибудь отельчик. Видит Бог, я и не собирался навязываться гостем, тем более, что жили они с Татьяной действительно крайне стесненно. В «Русской мысли» у меня лежал какой-то гонорар, около полутора тысяч франков, что по тем временам давало некоторую свободу маневра, а дальше... — что будет дальше, я не загадывал. От Марамзина я ждал скорее информации, объяснения элементарных реалий парижской жизни и того эмигрантского пятачка, на котором обречен толкаться некоторое время любой неопит. Володя сделал беглый обзор русского Парижа, сказал, что отведет меня в газету, но прежде всего надо, конечно, идти в «Континент». И мы пошли...

С Максимовым я познакомился в Риме, куда он приезжал с Женей Терновским на какую-то конференцию. Встретились мы на виа Лютетция, где находилась контора Международного литературного центра, которую возглавляла тогда... Ирина Алексеевна Иловайская-Альберти. Впрочем, возможно, я ошибаюсь, и начальницей конторы была американка Кэрол, — в те времена я был слишком глуп и восторжен и мало вникал в тонкости чиновничьей субординации подобных учреждений, правда, и в дальнейшем жизнь научила меня этому лишь отчасти. Во всяком случае, она там работала и была явно на особом положении: через ее кабинет проходили все хоть чем-то интересные эмигранты, оказавшиеся в Риме. Отбор осуществляла она сама, по каким-то только ей ведомым критериям: некоторые появлялись лишь однажды, другие заходили постоянно — поболтать и отправить в Союз посылки с художественными альбомами и книгами, третьи — становились предметом постоянной заботы и опеки. Впоследствии для меня несколько прояснились критерии отбора: когда через шесть лет Иловайская сообщила, что издательство «Presse Libre» создано и я назначен его директором, — в ответ на мой недоуменный вопрос, как такое могло произойти без единого разговора или даже простого контакта со мной, Ирина Алексеевна возмущенно выпалила: «Неужели вы не понимаете, Володя, — это я была вашим контактом?» Впрочем, последнее обстоятельство ничего не меняет в сказанном выше: для тех, кто в 70-е прошел через Рим, она была «крестной матерью». Здесь нет никакой иронии и уж тем более недоброжелательства: Ирина Алексеевна действительно стала для многих десятков, если не сотен людей, потерянных в

новой реальности, — настоящим ангелом-хранителем. По каким-то соображениям в третью категорию — опекаемых — попали и мы с женой: если в продолжение всей дальнейшей жизни мы вспоминали те месяцы как «римские каникулы», то в огромной степени было это благодаря Ирине Алексеевне. Именно она устроила нас в крохотный католический пансион «Про фамилия», находившийся при небольшой женской общине в двух шагах от пьядца Навона. И в то время как подавляющее большинство эмигрантов вынуждено было ежедневно совершать поездки Остия—Рим, мы с Радой провели четыре месяца в самом сердце средневекового города, на берегу Тибра, прямо напротив замка Сан Анджело, к тому же избавленные от всех бытовых хлопот, составлявших основу эмигрантской жизни. О пьядца Навона и Кампо де Фиори, о виа делла Скрофа и пьядца Сан Панталео, где находилась тогда Гоголевская библиотека, — обо всем этом дивном районе можно написать целую поэму, но стыдно пытаться делать это после Муратова и Вейдле. Именно там я навсегда влюбился в Вечный Город, который и сегодня представляется мне лучшим из городов мира, с кем соперничает лишь Венеция... Все та же Иловайская помогла мне получить документы — Титуло ди виаджо пер страньери — временный паспорт для иностранца, дававший право на пересечение границы и въезд во Францию. Ей обязан я знакомством с отцом Нилом Кадонна и маленьким братством «Руссия кристиана», состоявшим из нескольких священников и журналистов католической ориентации, увлекавшихся Россией и выпускавших на итальянском книги русских философов начала века. Резиденция их находилась в Сериато — пригороде Бергамо, в небольшом поместье, некогда принадлежавшем русской семье, видимо, в память о России засадившей березами весь крохотный парк, примыкающий к огромному сырому и обветшалому двухэтажному дому. С отцом Нилом мы настолько сблизились, что к концу нашего пребывания в Риме он предложил мне остаться в Италии и возглавить римский филиал «Руссия кристиана», который братство собиралось открыть. Но было уже поздно: меня тянуло на север, в Париж. О возможности осесть во Франции впервые сказал мне еще в Вене Ефим Григорьевич Эткинд, развивая глобальные и, конечно же, неосуществимые планы создания русского университета, куда можно было бы стянуть все эмигрантские силы, — нечто вроде пражского Русского института. Была забыта лишь одна деталь: для создания Русского института в Праге нужен был Томаш Масарик и его давние связи с Россией и русскими. Президентом Франции был Валери Жискар д'Эстен, социалистов не любивший и особых чувств к России не питавший,

да и находились мы в 1975, а не в 1921 году. И все-таки мысль о Париже застряла тогда в моей голове, превратившись со временем в твердое убеждение — ехать во Францию. Иловайская его поддерживала. Рада была категорически против: сворачивать с проторенной уже американской тропы и бросаться в неизвестное место, без знания языка, без друзей, которых было полно в Штатах, без каких-либо реальных перспектив в стране, уже давно уставшей от эмигрантов со всего света... — она считала безумием и блажью. Она, конечно же, была права, но это ничего не меняло. В результате Рада отправилась в Филадельфию к Алику Мильштейну, жившему там уже два года, а я, как только была получена виза в Штаты, — сел в поезд и уехал в Париж...

Максимов принял нас с Володей в своей квартире на втором этаже. Редакция журнала находилась на пятом, но большинство неформальных встреч происходило именно здесь — в гостиной его трехкомнатной уютной квартирки. В сущности, разговор был абсолютно бесплоден: Максимов повторил приблизительно то, что часом раньше говорил Марамзин, присовокупив несколько общих фраз типа: да, мы рассчитывали на Запад, но никому здесь Россия не нужна, или: эмиграция — штука жестокая, непредсказуемая, это — море, но если ты решился — прыгай и барахтайся, и коли Бог даст, выплывешь. Он любил широкие обобщения... Меня не покидало чувство нелепости и униженности всего происходящего. Зачем я здесь сижу, сотый или пятисотый проситель, от которых он давно и смертельно устал, и если тратит время на очередного Растиньяка, то лишь потому, что не может в силу своего положения да и из простого человеколюбия не поддержать соотечественника, хотя бы морально. Казалось, он сейчас вынет из кармана десятку и предложит мне — в знак понимания и сочувствия... Наконец и Марамзин осознал полную исчерпанность ситуации, мы откланялись...

И вот теперь мы с Наташей снова шли к Максиму. За эти годы отношения переживали разные периоды: мы то сближались, то отдалялись. Эта волнообразность абсолютно точно соответствовала моему, так сказать, социальному положению. После той первой встречи на рю Лористон мы долгое время виделись лишь эпизодически, затем, когда я стал директором ИМКИ, у Володи начался прилив дружеских чувств, выражавшихся в разговорах исповедального характера и затевании всевозможных совместных проектов. Но стоило мне подать в отставку — отношения мгновенно похолодали. Новый прилив любви точно совпал с началом работы в газете и пиком нашего «романа» с Иловайской, закономерно сменившись отчуждением последних месяцев. Владимир

Емельянович всегда ощущал себя генералом и мыслил исключительно тактико-стратегическими схемами. Помню, как поразила меня его реакция, когда мы с Наташей зашли к нему летом 81-го года, и в разговоре я сообщил, что подал в отставку из ИМКИ. Первое, что произнес Володя, был обращенный к себе самому вопрос: «Кого же они ищут в союзники?» — имелись в виду Струве и Солженицын.

Памятуя все это, я не слишком надеялся на успех нашего похода. Но Наталья настаивала, свято веря, что Володя может все разрешить. Он был для нее одновременно и Богом и пророком Магометом. Я всегда удивлялся, насколько сильно это влияние, при том, что Горбаневская обладала очень тонким нравственным чутьем, словно в душе у нее был некий камертон, дававший чистый правильный звук. Но здесь он почему-то молчал, и что бы ни происходило, Наташа готова была драться и грызть кого угодно, защищая любые максимовские выходки, находя оправдание всему и убеждая оппонентов, а, возможно, и саму себя в его правоте.

Володя, конечно, уже был в курсе происходящего. Он сказал, что готов ввязаться в эту историю, но лишь на определенных условиях: создается издательский совет, в который войдут, скажем, он сам, Володя Буковский, Михаил Яковлевич Геллер, Некрич, Иловайская, ну, и, допустим, Милорадович. Совет обладает всей полнотой власти в вопросах административных и творческих и осуществляет внешнее прикрытие издательства.

Из предложенной персоналии было очевидно, что Максимов все обдумал заранее. Он решал очередную стратегическую задачу: укрепление собственных позиций в отношениях с американцами и создание нового фронта, который мог бы успешно противостоять давлению солженицынской армии... Мне предлагалось подтянуть ремень и занять место в строю: Отставить разговоры! Смирно! Шагом-арш!.. Но причем здесь «говнюшка» (так в закрытых письмах именовалась «Память»), причем здесь ребята, которые ждали и надеялись там, за бугром, и которых, что было яснее ясного, также попытаются затянуть в эту возню и использовать помимо их воли в добывании очередных кусков?..

Изложенная схема обсуждению не подлежала, это подразумевалось само собой. Единственная возможность корректировки была скрыта в персоналии. И тут я повел себя как слон в посудной лавке. Это несчастное качество, стоившее мне бесчисленных шишек, потери множества друзей и создавшее репутацию человека с дурным характером, — я протащил, как горб, через всю жизнь. Я спросил Володю, почему состав предполагаемого Совета имен-

но таков, если мы проектируем литературно-историческое издательство довольно широкого профиля, почему, скажем, не Бродский вместо Буковского или не Серман вместо Геллера... После упоминания имени Ильи Захаровича Сермана началось нечто невообразимое: Максимов кричал, дергался, бегал по гостиной, размахивая руками и произнося нечленораздельные обвинения в адрес толкущихся в передней у Синявских людишек, всех этих профессоров и отставной козы барабанщиков, которым тщеславие не дает спокойно умереть или тихо доживать свой век, и они все лезут, лезут, лезут... Такую страсть я видел, пожалуй, еще только раз — в Бергамо. Там Нина Каухчишвили устроила в университете международный конгресс по Флоренскому. И вот, во время вполне заурядного выступления Долгополова, сидевший рядом со мной Палиевский шептал мне в ухо: «Вот они, наши либералы, наши демократы!..» Мы находились среди ученой благопристойной публики, и он вынужден был шептать, но страсти в этом шепоте было столько, что он буквально задыхался... Сейчас то же самое происходило с Максимовым: он вошел в режим самовозбуждения и абсолютно не владел собой. Кажется, я тоже перешел на крик. Наталья сидела бледная и испуганная, переводя взгляд с одного безумствующего мужика на другого и не зная, как прекратить ссору.

Баталия закончилась без постороннего вмешательства — просто за отсутствием противника, поскольку через десять или пятнадцать минут обоюдного крика я хлопнул дверью и покинул квартиру на рю Лористон, чтобы уже никогда больше в ней не появиться...

Вечером мы сидели у Арины и «раскидывали картишки». Ситуация была пиковая, на кого рассчитывать — неизвестно. Ясно, что никто не захочет ввязываться в склоку, где на одном краю сосредоточена вся тяжелая артиллерия: Солженицины, Струве, Иловайская, а на другом... на другом, собственно, не было ничего, кроме некой группы молодых историков из России, общих рассуждений о морали, культуре, объективности научного исследования... и еще — странного типа, почему-то претендующего на представительство этой группы, не желавшего играть по общепринятым правилам и уже заработавшего себе твердую репутацию troublemaker'a.

Непонятно было даже, чего хотел этот тип. Разумеется, он хотел справедливости, но справедливости в его собственном понимании... Ну, как же, уничтожено великолепное издательское

дело, под фиктивным предлогом, в результате грязной интриги, гибнут книги, присланные из России... Все так очевидно: необходимо восстановить разрушенное... Он жаждал третейского суда.

Когда-то, уходя из ИМКИ, я написал совету акционеров, что, наученный горьким опытом, не хочу никаких разбирательств между мной и Никитой, а просто выхожу в отставку и возвращаю свои акции. Но в разговоре с самим Никитой признался, что существуя некий третейский суд, состоящий, скажем, из отца Александра Шмемана, Иоанна Мейендорфа и Владыки Сильвестра, — я был бы готов предстать перед ним, защищать свою точку зрения и полностью принять любой его приговор. Никита пристально на меня посмотрел и жестко произнес: «Не надейтесь. Третейского суда не будет»...

Теперь я добивался именно его, вопреки всякой логике и здравому смыслу. Ведь очевидно, что ни один чиновник не отменит собственного решения, ибо не захочет дезавуировать себя. Кроме того, если в ИМКЕ я обращался к конкретным людям, то теперь передо мной была гигантская абсолютно анонимная машина, этакий черный ящик, подходов к которому не было никаких. Ведь не игрушечные же акционеры «Русской мысли» принимали решение о закрытии издательства. Ясно было одно: пытаться сделать что-то из Парижа — бессмысленно. Надо ехать в Штаты. Но появляться там без предварительных разговоров, без минимального выяснения обстоятельств — невозможно. Алик Гинзбург должен был добраться до Вашингтона только недели через две. Тогда и надо лететь. А пока — запастись всевозможными письмами, экспертными записками, заявлениями в поддержку и прочим...

Пожалуй, лишь моей невменяемостью в те дни можно объяснить столь наивный ход мыслей и поступков. Никого не интересовали детали, содержательная часть моих претензий, да и вообще суть дела. Замечательная сталинская фраза: «А сколько у папы римского дивизий?» — полностью описывает ситуацию, давая алгоритм действий государственной машины, будь то американской, советской, французской или любой иной. Дивизий у меня не было, а значит — не о чем и говорить...

На следующий день я написал Пайпсу, рассказав ему всю историю. В душе я рассчитывал на Дика едва ли не больше, чем на Алика: он всегда относился чрезвычайно заинтересованно и благожелательно к тому, что мы делали. Само знакомство наше началось с его письма в редакцию «Памяти». В четвертом выпуске сборника появилась рецензия Шанецкого на книгу «Россия при

старом режиме», за которую Солженицын объявил Пайпса «руссофобом». Под псевдонимом «Шанецкий» скрывались четверо: Яков Соломонович Лурье и молодые ленинградские историки: Сеня Рогинский, Лева Лурье и Саня Добкин — фактические редакторы сборника. И Пайпс, никогда не вступавший в полемику с эмигрантскими публицистами, неожиданно откликнулся и попросил разрешения ответить на рецензию. Разумеется, все были только рады, и в пятом номере статья Пайпса появилась, сопровождаемая кратким редакционным послесловием. С тех пор мы поддерживали связь, я посылал ему выходявшие книги, а бывая в Кембридже, всегда заходил в его гарвардский кабинет. На сей раз я просил его выяснить обстоятельства закрытия «*Presse Libre*» и степень, так сказать, «закопанности» всего дела. У него было для этого достаточно каналов и связей даже после ухода с поста советника Рейгана по национальной безопасности. Пайпс откликнулся мгновенно, выражая возмущение по поводу происшедшего и обещая при первой же возможности узнать все, что сможет.

Мои попытки получить хоть какие-то письма в поддержку издательства потерпели полное фиаско: ни Эдик Кузнецов, возглавлявший тогда русскую редакцию новостей на «Свободе», ни Володя Буковский, ни Эткинд, ни Некрич, да и вообще никто из эмигрантских деятелей, к которым я обращался, влезать в историю не захотел: слишком неравны были силы и результат заранее ясен. Единственным человеком, который сразу и без всяких разговоров составил нужную бумагу, оказался, к моему величайшему изумлению, Джордж Минден. Это было уже в Нью-Йорке.

Джордж руководил тем самым Международным литературным центром, о котором я упоминал. Эта контора была создана американцами и занималась отправкой литературы в Россию. Одновременно это был способ поддержки эмигрантских издательств, у которых Джордж покупал книги. Цены он назначал бросовые, едва превышающие себестоимость, но для нищих эмигрантских издателей это была весомая помощь, особенно для тех, кто умудрялся продать Джорджу большое число книг. Наконец, контора была едва ли не самым крупным отстойником информации, поскольку, кроме эмигрантов, желающих отправить книги в Союз, ее украдкой посещали почти все приезжающие на Запад советские визитеры, запасаясь перед отбытием на родину редким и, что еще существеннее, — бесплатным тамиздатом. Короче — одна из многочисленных контор, созданных американцами в целях контрпропаганды, с тою оговоркой, что она стала едва ли не самой успешной и действительно делала серьезную работу. Литературный центр имел филиалы в Париже, Риме, Лондоне

и нескольких других городах, главное же его бюро находилось на Парк-авеню в «мидлтауне» Нью-Йорка. Стоит ли говорить о том, какую роль в социальной жизни эмиграции играли начальники местных отделений. В неписаной табели о рангах руководитель филиала Литературного центра занимал одно из первых мест, а могущество его ограничивалось лишь размерами бюджета, спускаемого из главной конторы. Парижский филиал возглавляла Анита Рутченко, и имя Анны Анатольевны с уважением или открытым подобоострастием произносилось буквально всеми — от безвестных эмигрантов до главных редакторов. Оно было одним из первых, услышанных мною от Марамзина в его обзоре русского Парижа. Увы, и в этом случае я повел себя как слон в посудной лавке...

С Минденом я познакомился где-то через полгода по своему появлению в ИМКЕ: он приезжал с инспекционными целями в парижский филиал, мы встретились, довольно долго проговорили и расстались, кажется, довольные друг другом. После этого мы виделись постоянно: когда я приезжал в Нью-Йорк, то непременно заходил к нему раза два-три решить дела и просто поболтать, а когда он появлялся в Париже, мы завтракали в ресторане или «файв-о-клокчиали» в его любимом чайном салоне на рю Риволи. На первый взгляд Джордж напоминал хрестоматийного голландского шпиона в исполнении Питера О'Тулла: мягкая шляпа-панамы, твидовый пиджак, туфли на толстой подошве, длинная поджарая фигура... Он любил говорить о вещах, никакого отношения к делу не имеющих: о философии истории, о литературе, о национальном характере, о политической или финансовой ситуации; любил вкусно поесть и знал толк в парижских и нью-Йоркских ресторанах; наконец, в отличие от той же Аниты или римской Кэрол, — знал и любил книгу и выбирал покупаемое не только на основании политической конъюнктуры и личных симпатий или антипатий к предлагавшему товар, но и по более глубоким мотивам. Это не мешало ему срезать цены до неприличия, и когда я начинал жаловаться на то, что он хочет нас разорить, Джордж философски замечал, что банкротство — лишь стиль жизни, и лично он существует так всегда. Как-то во второй или третий мой проезд в Нью-Йорк я предложил ему изменить систему закупок: сделать ее централизованной — и ему проще, и нам лучше. Джордж внимательно на меня посмотрел, помолчал — и принял предложение. С тех пор он сам делал заказы на имковские, а позже и на все последующие мои книги, оставляя на долю местных отделений лишь прием и распространение. Боже, куда я влез! Там, где все ходили на пуантах, я обязательно должен был вло-

миться в кирзовых сапогах... Предложение свое я сделал Джорджу без всякой задней мысли, просто из рассуждений о пользе дела: у нас был хороший контакт, и логичнее было общаться с одним начальником, чем с пятью его подчиненными. Я даже не подумал, что этим замахнулся на святая святых: самые основы могущества руководителей местных отделений. При этом удар пришелся в особенно болезненную точку — финансовую: если центральное бюро само делает заказы и само оплачивает их, то местный бюджет урезается именно на такую сумму. Кроме того, я создал прецедент, и, естественно, все издатели, бывшие по тем или иным причинам не в ладах с местными бюро, — бросились по моим следам... Думаю, что в Париже у меня не было более непримиримого врага, чем Анита Рутченко, при том, что лично мы виделись с нею за все годы лишь пять-шесть раз и никаких размолвок между нами не возникало...

Когда я попросил Джорджа составить отзыв о работе издательства, качестве выпускаемых книг и спросе на эти книги из России, он без всяких разговоров написал нужное письмо. Для человека, напрямую связанного с «черным ящиком», куда я пытался проникнуть, бывшего, как минимум, тем, что в России принято называть офицер действующего резерва, человека очень умного и прекрасно знающего положение, — это был довольно необычный поступок. И каковы бы ни были его мотивы, я до сих пор ему чрезвычайно признателен. Забегая вперед, отмечу, что в продолжение всех последующих лет лишь два человека безусловно поддерживали меня во всех ситуациях: Ричард Пайпс и Джордж Минден...

После Джорджа я зашел к Веронике, которая пригласила меня вечером к ним поужинать. Вероника Штейн, Вероня, как ласково ее называли, работала у Джорджа, кажется, с начала эмиграции и была всеобщей мамой, снабжавшей книгами появлявшихся в Нью-Йорке новичков, опекавшей кучу эмигрантов и, главное, советских визитеров. Собственно, все, что происходило в Международном литературном центре и вокруг него, — совершалось в ее кабинете. Здесь почти всегда толпились люди, кто-то звонил по телефону, кто-то рассказывал последние новости и сплетни, а Вероника, сидя за своим столом и заполняя какие-нибудь бумаги, ласково ворчала, что ей не дают работать, но при этом вставляла в разговоры вполне точные реплики. Она всегда была в курсе любых событий и новостей, не только нью-йоркских, но и парижских, и мюнхенских, и московских, всегда имела о них свое мнение, которое могло не полностью совпадать с мнением Вермонта. И она, и Юра, ее муж, были «без лесты преданы»

Солженицыным — здесь играли роль и родственные отношения, и вся предыдущая, да и нынешняя жизнь, но если Юра и вправду походил на Аракчеева, то Вероника была много тоньше, изящнее, наконец, просто умнее. Вероятно, именно поэтому она и занимала кабинет на Парк-авеню — место «ока и уха государева»...

Была она всегда какая-то чистенькая, уютная, прямо сдобная, ни дать ни взять — попадья. Ну, если не попадья, то староста церкви на 72-й улице, где служил отец Михаил Мейерсон-Аксенов, а настоятельством Иоанн Мейендорф и куда стекалось множество новых эмигрантов. По воскресеньям все многочисленное семейство отправлялось в храм, а застольные разговоры на их огромной кухне с одинаковой легкостью касались и глобальных тем, и чисто бытовых, общинных сплетен.

Наши отношения были несколько странными: теплыми и я бы даже сказал дружескими, но с примесью какой-то легкой фальши. Видимо, это было связано с двойственностью моего положения. Впервые я появился в ее кабинете и в их доме осенью 1977-го, будучи директором ИМКИ и воспринимаемый как alter ego Никиты, а следовательно, как «однопольчанин». В тот раз я и остановился у них. Они жили в собственном доме в Джерси-сити, городке, находящемся в пятистах метрах от нижней части Манхеттена — на другом берегу Гудзона.

В те годы там обосновалось довольно много эмигрантов, и городок даже называли «Маленький Ленинград», в противоположность «Маленькой Одессе», как окрестили район Брайтон Бич. Правда, столь лестно называли его лишь те, кто там жил. Вообще топография расселения выходцев из России в семидесятые годы была довольно пестрой. Большинство селилось на южной окраине Бруклина, на бесчисленных авеню, помеченных буквами алфавита, вплоть до самого океана — до Брайтон Бич. Чуть более престижным считался район Куинза, куда стремилась интеллигенция. Еще более преуспевающим был Верхний Манхеттен, и попасть туда удавалось далеко не всем. Ну и, наконец, особые счастливчики, вроде Аркаши Львова или Саши Сумеркина, обосновались в даун-тауне — нижней части Манхеттена (я не беру людей, уже составивших себе имя в Штатах, таких, как Иосиф Бродский или Михаил Шемякин, также живших в даун-тауне, речь идет об общей массе выходцев из России). Кроме того, существовала довольно большая группа эмигрантов, селившихся в Нью-Джерси, по другую сторону Гудзона, в небольших городках, разбросанных в полчасе или часе езды от Нью-Йорка. Что же касается Джерси-сити, то его население было смешанным, городок только осваивался. Власти были рады притоку русских, которые

могли изменить расовую ситуацию: раньше да и теперь в большинстве районов город заселен черными и латиноамериканцами, с соответствующими особенностями любого гетто: разрухой, грязью, нищетой, наркотиками, насилием... Появление «russian born jews», вполне активно входивших в жизнь и стремившихся к обретению респектабельности, — обещало изменить положение. А потому и муниципальные власти, и даже некоторые зажиточные горожане, типа банковского маклера Арье Голдберга, — всячески поддерживали русскую общину, участвуя в ее жизни, помогая организовать русский культурный центр и музей неофициального искусства в Джерси-сити, наконец, сдавая эмигрантам квартиры и способствуя в получении государственного жилья.

В таком полугосударственном доме обосновался и Саша Се-ребренников, мой приятель еще по римским временам, историк и архивист, друг Вероники и Юры, денно и нощно пахавший на Сол-женицына, накачивая фактами его «колеса». Жил он в небольшой двухкомнатной квартирке, заполненной аппаратурой и книгами. Аппаратура была особого свойства: конечно, у Саши имелись и телевизор и стереоустановка, но главным достижением был, например, аппарат для чтения микрофильмов. По стенам стояли справочные издания, типа «Всей Москвы» и «Всего Петербурга», эмигрантская периодика и историческая литература. Когда бы я ни появлялся в Нью-Йорке, первый, к кому я заезжал, был Саша: там всегда ждал меня крепкий, сваренный в джезве кофе, французский коньяк, до которого хозяин был большой охотник, и нью-йоркские новости...

От ужина у Вероники я отказался, сославшись на то, что сегодня уезжаю в Бостон, а уж по возвращении — всенепременно. Уезжал я, правда, не в Бостон, а в Вашингтон. Прилетев прошлым вечером, я сразу позвонил Пайпсу, но его не оказалось дома — он отдыхал на своей нью-хемпширской даче. Терять время было невозможно: Алик уже третий день находился в Вашингтоне и скоро должен был отправляться в продолжение своего лекционного турне. И потому, не дожидаясь предварительного разговора с Диком, я решил ехать. Веронике об этом лучше было не сообщать, — скорее всего, через пару часов новость стала бы известна в Вермонте, а уж это совершенно ни к чему...

Спустившись с 21-го этажа небоскреба на Парк-авеню, я забрал со стоянки машину и отправился к Канал-стрит, где был въезд в туннель, пересекавший Гудзон и выведивший в Нью-Джерси. Дальше — Торнпайк и 95-я национальная дорога — напрямик до Вашингтона, часов за пять-шесть буду на месте. Путь известен, это был главный маршрут моих поездок в Штаты: Нью-

Йорк—Бостон—Нью-Йорк—Филадельфия—Вашингтон—Нью-Йорк. Ездил я довольно регулярно, в то время раз в год, позднее — дважды в год: встречи с авторами и «нужными людьми», поиск новых материалов, если хватало времени и сил — архивные штудии. Правда, хватало его редко: приезжал я обычно дней на десять, почти все время проводил за рулем и в разговорах, выматывался предельно и часто валился спать там, где заставлял меня последний разговор. Наличие машины давало свободу передвижения, что при таком плотном графике и полном незнании городского транспорта было крайне существенным. Наем машины входил в стоимость авиабилета: лет пять назад эту формулу — самолет плюс машина — подсказал мне приятель из Штатов, удивленный дремучестью европейца. С тех пор я регулярно ею пользовался, это было очень удобно: прилетаешь в аэропорт Кеннеди, автобус отвозит тебя на стоянку одной из компаний, где ждет автомобиль, возвращаешь его там же за два часа до отлета в Европу...

На сей раз дорога заняла почти восемь часов. Я забыл, что на дворе февраль, и погода может быть не лучшей. Стоило мне выехать на Торнпайк, как хлынул буквально тропический ливень, сопровождавший меня почти до Делаварского моста, т.е. верст двести. Дворники не справлялись, видимость была нулевая, оставалось встать где-нибудь на обочине или ехать в сплошном молоке, молясь, чтобы не врезаться в любую из идущих где-то рядом невидимых машин. Я выбрал второе, но старался не гнать — автомобиль и без того несло по водному слою на шоссе. В Вашингтон я добрался лишь к позднему вечеру. Позвонил Маркишам, у которых обычно останавливался Алик. Подошел Юра — Алик отсутствовал. По словам Маркиша, они с Юрой Геричем должны быть у отца Виктора. Делать нечего — я отправился на Пайн-роад к Потаповым...

С отцом Виктором Потаповым и его женой Машей я познакомился в один из приездов в Вашингтон. Виктор был настоятелем русского храма, принадлежавшего синодальной церкви. Поскольку храм был единственным в городе, прихожане составляли большую и довольно пеструю группу, а сам Виктор, являясь центром общинной жизни, нес еще и массу иных обязанностей: кроме священнических на него ложились и разнообразные социально-общественные функции — он участвовал во всевозможных образовательных программах, занимался помощью малоимущим русским, в том числе и верующим в России, вел свою передачу на «Голосе Америки» и т.д. Был он чуть моложе меня, русоволосый, высокий, статный, очень спокойный и уверенный в себе.

Об отце Викторе я слышал буквально ото всех: с усмешкой от Никиты, вздохом от Арины и Алика, которые часто останавливались у них в Вашингтоне, с нежностью от Вероники, называвшей его ласково Витя и вспоминаявшей времена, когда он работал у Джорджа, наконец, от Маши Хананье, в девичестве Струве, — Никитиной племянницы, старой подруги Маши Потаповой... Дом их — я имею в виду быт, уклад, очаг — производил впечатление устойчивости, основательности, какой-то налаженной, осмысленной жизни, заполненной ежедневным трудом и сознанием приносимой пользы. В нем было тепло и уютно, и если сегодня мне не слишком хотелось туда ехать, то лишь потому, что нынешняя моя ситуация вносила явный диссонанс в этот добропорядочный мир. Но выбора не было...

Алик и Юра Герич действительно сидели у Маши, отец Виктор еще не вернулся. Появление мое было не вполне неожиданным, — я все же предварительно позвонил из какого-то бара. Маша немедленно принялась меня кормить, на столе появилась даже бутылка «Красного Патриарха» — любимого вина хозяев, что было большой редкостью, учитывая пребывание в доме Алика, чья слабость к спиртному была всем известна. Разговор естественным образом крутился вокруг истории с издательством. Маша била крыльями, возмущалась, строила планы немедленных наступательных действий, называла массу каких-то имен — людей, которых надо подключить... Вот только вернется Виктор... Алик спокойно слушал, задавая вопросы и дорисовывая картину, сложившуюся из телефонного разговора с Ариной. Он явно оценивал ситуацию гораздо трезвее. Юра удивленно молчал, не слишком понимая суть происходящего. Он вообще был далек от эмигрантских дел. Безработный музыкант, кормившийся редкими уроками, сын эмигрантов «второй волны», он выполнял роль переводчика при Алике во время его лекционного турне — это давало возможность хорошо подработать и заодно поездить по Штатам. Мы решили, что утром Алик обзвонит всех, кого возможно, — пока он еще ничего не предпринимал. Маша между тем посоветуется с отцом Виктором, тогда и надо будет решать, как и куда обращаться. Пока же отправились спать к Геричам. Юра жил с матерью в Silver Spring, на северо-западе, за кольцевой дорогой в небольшом двухэтажном стандартном доме...

Первое, что я увидел, проснувшись утром, были белки, сидевшие на подоконнике и прыгавшие по деревьям в саду. Ночью шел дождь, но сейчас небо очистилось, и все вокруг было мокрым и блестящим от солнца. И за окном, и в доме царила полная тишина. Я встал и отправился искать ванную. Алик и Юра, види-

мо, еще спали. На первом этаже я натолкнулся на пожилую женщину: надо полагать, это была Юрина мама. Мое появление ее не удивило, значит, Юра успел предупредить ее о нашем вторжении. Она показала цель моих поисков. Пока я мылся, она исчезла — уехала на работу, зато поднялись ребята. Мы попили кофе на кухне. Юра отправился совершать утреннюю пробежку, а мы с Аликом уселись в гостиной. По размышлению он назвал лишь три адреса, где можно было произвести разведку и попытаться выяснять ситуацию: Совет по национальной безопасности, некий ЦРУшный знакомый по фамилии Капастс и третий — кажется, сенатор Мойнихен, с секретаршей которого Алик был в хороших отношениях, правда, гарантий, что ее шеф нас примет, не было никаких. Он позвонил по всем местам, договорился о встречах, и мы отправились...

Все, что происходило потом, до сих пор вызывает у меня тягостные воспоминания. Целый день мы бегали с Аликом по приемным: из Совета по национальной безопасности в здание Конгресса, оттуда — опять в Совет. Везде — вежливые улыбки, рассказы о том, какие программы для России проводят их отделы и подотделы, участливые расспросы, обещания навести справки и приглашения завтра или послезавтра позвонить... Вечером мы отправились домой к Капастсу, оказавшемуся при ближайшем рассмотрении Капустой. Все повторилось, но уже в более непригодной обстановке — стакан виски, показ русских коллекций хозяина дома, расспросы, обещания в ближайшие же дни навести все справки... Со следующего дня — полный провал. Утром я позвонил Маше, и она, смущенная и растерянная, сообщила, что отец Виктор очень твердо заявил ей: этот случай выше его компетенции, он ничего не сможет сделать и не хочет, чтобы она сама предпринимала какие бы то ни было шаги. К вечеру Алик, дозвонившись наконец до Капусты, после недолгого разговора повесил трубку, помолчал и сказал: этот номер телефона можно забыть. В остальных местах отвечали только секретари: соединиться с начальниками было нельзя, нас вежливо просили оставить номер телефона, нам отзвонят при первой же возможности. Была пятница. В воскресенье Алик с Юрой улетали в очередной университет для продолжения своего лекционного тура. Я оставался в Вашингтоне...

Следующая неделя прошла мучительно: бесконечное ожидание у телефона, заранее обреченные на неудачу звонки и попытки пробиться хоть к кому-то, — словом, полный вакуум. Целыми днями я болтался по дому Геричей, наблюдая за пируэтами белок в саду и прислушиваясь — не зазвонит ли телефон, вечерами

беседовал с Юриной мамой, слушая ее рассказы о жизни эмигрантов в сороковые-пятидесятые годы... Иногда выбирался к кому-либо из знакомых, но видеть никого не хотелось, кроме, пожалуй, Филиппова. Воскресным вечером я отправился к нему.

Мы познакомились лет за пять до того в ИМКЕ: Борис Андреевич привез рукопись первого тома собрания стихов Волошина. Помню, как поразило меня несоответствие образа, составленного еще в Союзе — при чтении тамиздатских собраний Гумилева, Мандельштама, Ахматовой, Клюева, на титуле которых стояло «Под редакцией Г.П.Струве и Б.А.Филиппова», — с тем, что я увидел: в кабинет вошел, даже не вошел, а буквально ворвался низенький плотный человечек, в клетчатых брюках, в бобочке, с коротким седым ежиком волос на голове, волосатыми руками и огромным портфелем в них. Не знаю я, кто это, я принял бы его, ей-Богу, за коммивояжера. Он плюхнулся в кресло, вытащил из портфеля толстенный фолиант и грохнул его на стол. Говорил он громко, смеялся и рассказывал старые анекдоты. В Париж он приехал с женой — Евгенией Жиглевич, мелодраматической чтицей и сочинительницей совершенно невозможных литературных эссе. Одно из них — «Три Александра: Пушкин, Блок, Солженицын» — она прочла с придыханиями и всхлипами на следующий день в Зале инженеров, где был устроен, не помню уж по какому поводу, может быть, в связи со столосьюдесятилетием со дня рождения Пушкина, литературный вечер. Борис Андреевич был от жены без ума и все, что она делала, включая ее литературное творчество и манеру исполнения, считал вершиной таланта и вкуса...

Жили они в уютном домике в юго-западном предместье Вашингтона. Поскольку я приехал на машине, мы отправились ужинать в ближайший итальянский ресторанчик, а затем, уже у них, пили чай и беседовали в его кабинете. Филиппов выслушал мой рассказ о том, что произошло в Париже, и о том, как развиваются события здесь, вздохнул и произнес: «Да, уж если царь-жопа на кого садится, то плотно — не продохнешь». Имелась в виду Иловайская. Борис Андреевич любил сильные выражения и рискованные метафоры... Сам он, увы, помочь не мог, не смог даже сказать, к кому следовало обратиться: «Года два-три назад, я бы, конечно, сделал все, а теперь... я ведь больше даже не эксперт, там все новые люди... Конечно, жалко, дело шло прекрасно... Но, вы знаете, я ведь и сам несколько раз переживал подобное, и, поверьте моему опыту, здесь сразу ничего изменить нельзя, нужно дли-инное дыхание...» Филиппов был первым, кто сказал мне, что вся эта история долго готовилась и затянется тоже надолго.

Где-то через пару дней я видел Буковского. Встретился с ним случайно: отправился к Эдику Лозанскому и налетел на Володю, приехавшего из Калифорнии по каким-то своим делам. Лозанский был его лобби в столице, фиксировал рандеву, обзванивал нужных Буковскому людей, выполнял всевозможные поручения. У них с Татьяной, в квартире чрезвычайно respectable дома на Мас-сачусетс авеню, Володя обычно и останавливался, появляясь в Вашингтоне. Он, естественно, был полностью в курсе дела, и на мой вопрос, захочет ли он помочь, ответил односложно: «Помирился с Максимовым». Попытка объяснить, что в основе ссоры находится предложенный Максимовым вариант, который только усугубляет ситуацию, не вызвала у Буковского никакой реакции, он лишь повторил все ту же фразу...

Прошло еще несколько бесплодных и мучительных дней. Вакуум рос, ответы секретарей в телефонной трубке становились все более односложными, надежды выйти хоть на кого-либо из тех, с кем мы говорили с Аликом в первый день, полностью иссякли. Я чувствовал, что Никита, сообщая Филиппову о моей гражданской смерти, был не так уж далек от истины... Делать в Вашингтоне становилось решительно нечего. В конце недели я распрощался с Юриной мамой, поблагодарил ее за гостеприимство, сел в машину и поехал в Кембридж.

Пайпс жил в собственном доме на Беркли Стрит — тихой зеленой улочке в десяти минутах ходьбы от Гарвард Ярд. Сидя в его гостиной и попивая апельсиновый сок, я вторично услышал, что дело это имело довольно длинную предысторию и было лишь побочной ветвью более сложной и разветвленной интриги, главным героем и жертвой которой должна была стать сама Иловайская, а одним из условий ее спасения в редакторском кресле — закрытие «*Presse Libre*», что издательство, как и я сам, не просто закопано, но над ним двухметровый слой земли, что раскопки могут вообще ни к чему не привести и, возможно, придется искать новую форму продолжения дела. В любом случае процесс будет долгим, и мне надо запастись терпением, если я действительно хочу продолжать... «Правда, вы и сами виноваты», — закончил Дик с ухмылкой заговорщика. Что он имел в виду — так и осталось для меня тайной. В тот раз я был слишком подавлен, чтобы задавать вопросы, а когда через несколько лет я напомнил Пайпсу этот разговор, он уже не смог восстановить его деталей. Он был чрезвычайно мил, пытался всячески поддержать и ободрить меня, убеждая в том, что при твердом отстаивании своих взглядов подобные камуфлеты неизбежны и не надо падать духом, что есть множество более тяжелых ситуаций, например, случай Миши

Михайлова, который после статьи «Возвращение Великого Инквизитора», чью роль он отвел Александру Исаевичу, — несколько лет вообще ходил без работы, занесенный в черные списки. В целом же он уверил меня, что не бросит этого дела и как только прорежется хоть какая-то возможность...

В Париж я возвращался совершенно разбитый. Кроме отчаяния по поводу вашингтонского фиаско и мучительного чувства бессилия перед совершившейся подлостью, меня терзала мысль о «Памяти». Куда я тащу ребят? Как слепой поводырь, я завел их в тупик, из которого нет выхода. И это в ситуации, когда Сенька гниет в лагере, а все остальные ждут появления книги со дня на день — ведь они знают, что работа практически завершена и оригинал-макет уходит к типографу...

Через несколько дней я написал в Питер подробное письмо, в котором излагал положение, определяя его как катастрофическое и предлагая ребятам самим сделать выбор: гарантировать быстрого выхода книг я не могу, вообще не могу больше ничего гарантировать, знаю лишь, что не брошу этого дела ни за что на свете и когда-то, как-то, не знаю как и когда, но начну заново издавать. Если при всем изложенном они готовы на такую неопределенность и согласны ждать туманного и проблематичного возобновления дела — я буду счастлив. Если нет, что было бы вполне понятно и оправданно, — я готов немедленно передать рукописи туда, куда они укажут.

Ответ пришел месяца через полтора. Ребята писали, что согласны ждать, ситуация, конечно, ужасная, но в конце концов она не первая в нашей жизни, раньше вылезали, как-нибудь пробьемся и теперь, уж если мы и создали что-либо за эти годы, то именно команду, и менять ее из-за внешних, пусть даже тяжелых обстоятельств, — было бы последним делом... Стиль был Сани Добкина, несомненно, он весь в этом: спокойный, рассудительный, мягкий в обращении и совершенно стальной внутри. Я ведь понимал, чего стоит это решение, какое давление оказывалось на них отсюда, какие истерические письма шли в Питер и в Москву... Впрочем, об этом когда-нибудь расскажет он сам, я ведь только догадывался обо всем творившемся вокруг или слышал отголоски из уст Арины.

Наташа Горбаневская после нашей ссоры с Максимовым делиться со мной новостями практически перестала. Вернувшись из Штатов, я узнал, что она написала очень резкое письмо в Вермонт,

открыто обвинив Наталью Солженицыну, ее мужа и Никиту Струве в уничтожении «Памяти». Само письмо она показать мне отказалась, равно как и ответ Солженицыной, хотя и рассказала содержание обоих. Разумеется, та оправдывалась, с преувеличенным пафосом заявляя, что никогда бы ее рука не поднялась на сборник, созданный в России... Впрочем, все это напоминало уже «разбор полетов». Дело было сделано, и теперь прения сторон приобретали лишь академический интерес. Некоторое время Наталья пыталась строить фантастические проекты, например, обращение к соотечественникам с призывом собрать нужные средства на издание сборника и еще что-то в этом роде. Здесь уже пришлось проявлять жесткость мне, и на этом наши отношения, увы, сломались. Тем более, что Наташу сознательно откалывали от меня, откровенно покупая, к тому же на самую тонкую из наживок: творческое честолюбие. Ей внушалось, что именно она делает и должна делать газету. И, поначалу уйдя из «Русской мысли» в знак протеста против закрытия издательства, Горбаневская со временем вернулась туда, и все вошло в нормальную, внешне вполне благопристойную колею...

Мне до сих пор чрезвычайно жаль потери Натальи: я любил ее как человека, любил и люблю ее стихи. Мы славно дружили, и до сих пор с нежностью вспоминаются наши бесконечные прогулки по Парижу, с чтением стихов и обсуждением всевозможных планов, с ритуальными заходами на пляс Фюрстенберг, или в «Мэй-флауэр» — ее любимое кафе неподалеку от пляс Контрескарп, или к «Дьюри» — в маленький ресторанчик у Сен Сюльпис, где можно было даже не ужинать, а просто посидеть и выпить в тесном и дымном подвальчике, в углу которого на импровизированной эстраде хозяин-венгр целыми вечерами пел под гитару всевозможные песни, в том числе и русские... Однако сердцевиной этих теплых отношений являлось, по-видимому, все-таки дело, которое объединяло нас в продолжение почти десятилетия. И когда дело разрушили, из этой дружбы выпал стержень, и она рассыпалась. Мы никогда не ссорились, не рвали отношений, да и формального даже повода к этому не возникало, не говоря уж о чем-либо реальном и серьезном. Мы просто отдалились, а со временем со стороны Наташи отдаление переросло без всяких объяснений в какую-то холодную отчужденность. Думаю, произошло это в значительной мере под влиянием ее окружения — и в «Русской мысли», и в «Континенте»...*

* Этот выпуск уже был сверстан, когда мне показали статью Натальи Горбаневской в «Русской мысли» (Примечание к примечаниям. — РМ, 6-12 февр. 1997).

Как-то после панихиды, не помню уже по кому отслуженной на рю Дарю при стечении парижского бомонда, мы сидели с Ариной в кафе на Фобур Сент Оноре. Арина вдруг сказала: «А ведь к тебе на похороны никто не придет». Это было настолько неожиданно, что внутренне я вздрогнул. Вероятно, она была права, не так конкретно, конечно, но определенный смысл в этой фразе был очевиден и соответствовал моим собственным ощущениям: я неотвратимо вываливался из социума — отпадали люди, исчезали —

Ответы на ее вопросы давались неоднократно во многих изданиях, но сделаю это еще раз. Что касается «анонимности» Арсения Рогинского и его, якобы, «прямо высказанного желания» называться редактором «Памяти», то напомним, что Рогинский был арестован и проходил по уголовной статье («подделка документов») с возможным сроком от 2 до 5 лет. Разумеется, истинные мотивы процесса были секретом полишинеля, такие методы использовались властью постоянно (дела М.Мейлаха, К.Азадовского и др.), — и мы все время говорили о них, бегая по редакциям французских газет и журналов в те месяцы. Но открытое объявление Рогинского редактором сборника означало перевод его в другую — куда более тяжелую категорию «политического преступника», с другим сроком и последствиями. Да, Н.Горбаневская и С.Дедюлин требовали объявления, я же был против этого, не разделяя их убеждения, что «дело свято, когда под ним струится кровь», особенно кровь чужая. Но окончательные решения принимались не нами, а внутрисоюзной редакцией, которая, по счастью, сама приняла позицию неразглашения, о чем Рогинскому сообщил на свидании адвокат и получил ответ: «решает редакция». Почему шестой том «Памяти» не вышел в 84-м году, подробно рассказывается в этих воспоминаниях. Причины невыхода его в следующем — 85-м изложены в предисловии к 11-му тому «Минувшего» и в ряде других публикаций, они же являются темой одной из следующих глав мемуаров. Здесь же могу повторить: том был полностью готов (в украинской типографии на рю دو Сабо — со старого линотипа, а не с мифических «дискет») летом 85-го, когда союзную редакцию вызвали в УКГБ и дали понять, что если он появится, срок Рогинскому будет продлен. Поэтому редакция в июле запретила выход тома и отказалась от дальнейшего продолжения сборника. Готовый том по договоренности с редакцией был переделан в третий раз (в той же типографии), и его материалы легли в основу первого выпуска «Минувшего», вышедшего в свет к Рождеству. Надеюсь, я ответил на заданные в статье вопросы.

Не могу не сказать о странности самой статьи, о катастрофическом числе нелепостей и ошибок в ней, просто невообразимых в здравом уме и трезвой памяти. Не буду разбирать ее подробно, тем более — делить объем производимой тогда работы. Отмечу лишь две нелепицы: а) 6-й том «Памяти» не вышел в свет вовсе не из-за «увольнения Владимира Аллоя», а из-за закрытия *по экономическим мотивам* издательства «Presse Libre». По французским законам это означает, что «Русская мысль» могла возобновить издательскую деятельность не ранее, чем через два года, и то — лишь предложив пост директора тому же Владимиру Аллою, что, естественно, даже не рассматривалось; б) вопреки утверждению Горбаневской, в «Presse Libre» вышло не 4, а всего один — 5-й том «Памяти»; 1-й вышел в Нью-Йорке, а 2, 3 и 4-й — в «ИМКА-Пресс», где Аллой тогда директорствовал. Официальному зарубежному представителю *исторического* сборника, кем была Горбаневская, стоит помнить хотя бы такие вещи. Впрочем, не сомневаюсь, что она их прекрасно помнит, как знает и ответы на свои риторические вопросы. Статья-то явно «заказная», что уж тут заботиться об «исторической истине»...

не разрывались, а именно исчезали без всяких видимых причин многолетние связи... Я становился неудобен, словно нес в себе какую-то неотчетливую опасность для окружающих, создавая напряженность и ощущение дискомфорта одним фактом своего присутствия или даже существования. На память снова приходили слова Никиты...

И все же я сделал еще две попытки восстановить дело. Первую — в начале лета, обратившись к Эткинду, а затем к Синявским с предложением о создании совместного кооперативного издательства. Идея была проста: сложить паи, купить наборную машину и — попутного ветра. Готовить книги брался я сам, разумеется, бесплатно, и поскольку накладные расходы сводились до минимума, книги должны были окупаться. Подобный опыт у меня уже был еще с имковских времен, когда, приобретя компокарт и переведя издательство на собственное изготовление оригинал-макетов, я сам набирал первые рукописи. Так что от «кооператоров» требовалось лишь внести первоначальный пай. Ефим Григорьевич сразу же заявил, что денег у него нет, а потому при всем сочувствии самой идее он никак не может принять в ней конкретного участия. На том все и кончилось: на нет и суда нет. Я отправился к Синявским. Правда, на сей раз, учтя неудачу с Эткиндом, несколько изменил суть проекта: Синявским предлагалось купить в складчину наборную машину и использовать ее совместно, по времени, соответствующему внесенному паю. Когда-то Мария Васильевна, собиравшаяся строить собственное издательство, подолгу просиживала у меня в ИМКЕ, наблюдая за работой наборной машины, а затем приобрела точно такую же. Старенький компокарт по прозвищу Марфуша до сих пор стоял у нее на первом этаже. Он давно уже требовал замены, и, казалось, мое предложение должно было ее устроить. Предварительный разговор внушал некоторый оптимизм: Маша не просто заинтересовалась, а вроде даже загорелась. Условились встретиться через неделю для обсуждения конкретных деталей. Когда я приехал в Фонтене-о-Роз, то сразу почувствовал, что обстановка изменилась. Вместо жены говорил Андрей Донатович, что само по себе было крайне необычным. Он заявил, что покупать машину на паях не хочет, что деньги у них есть и у самих и они готовы приобрести машину, но на одном условии: я беру на себя дела издательства «Синтаксис». Фактически я приглашался к ним на работу. Меня не покидало ощущение, что я вернулся на полгода назад и сижу

на рю Лористон в квартире Максимова: все тот же зов боевой трубы, то же непереносимое требование занять место на баррикадах, правда, уже с противоположной стороны... По счастью, мне хватило ума просто отклонить оказанную честь, не вступая в словесные баталии, и тем самым не разрушить нормальных отношений. Правда, Мария Васильевна все-таки сделала пробный выстрел: «Мы должны быть уверены, Аллой, что вы не переметнетесь», — как будто я предлагал им не простую коммерческую сделку, а создание некоего Священного Союза против Солженицына. Выстрел остался без ответа, но было ясно, что и эта попытка окончилась провалом. Оставалось лишь откланяться...

Второй заход был предпринят в августе—сентябре. Тогда в Париж приезжали сначала Мелик Агурский, а затем Дима Сегал. К тому времени я был уже на грани нервного срыва: время шло, Пайпс молчал, из чего следовало, что никакого движения в деле нет, а соответственно — никаких перспектив. Мои собственные попытки хоть как-то сдвинуть все с мертвой точки были безрезультатны. Я уже готов был продать или заложить нашу с Радой квартиру и купить сам наборную машину. Но на одном этом издательство не построишь: необходимо ее куда-то поставить — мы жили на четвертом этаже и поднимать ее к нам домой не представлялось возможным. Помню, как в «Русской мысли» моего мастодонта втаскивали через окно редакционной квартиры на второй этаж с помощью подъемного крана — при том, что в доме была прекрасная широкая лестница. Значит, надо снимать квартиру на первом... Однако это было отнюдь не все: необходимо достать денег на типографские расходы хотя бы на первые две-три книги. Я крутил и так и сяк, высчитывая все до франка. Даже при самых благоприятных обстоятельствах, если Флок согласится ждать оплаты месяца три-четыре, а Джордж поможет, купив полтиража, для начала необходимо было 70-75 тысяч долларов, меньше не выкрутиться. И тут появились ребята...

С Меликом мы познакомились в 76-м, когда, будучи в Париже, он пришел в ИМКУ предлагать для издания свой «Национал-большевизм». В то время он работал над Устряловым, защищая по этой теме докторскую диссертацию, и был готов переделать ее в более обширную книгу, основанную на архивном материале. Через пару лет книга действительно вышла у нас. С Димой я встретился полугодом позже, когда впервые приехал в Израиль. И тот и другой преподавали в Иерусалимском университете. Отношения были прекрасные, историко-архивная направленность наших книг была обоим близка, оба восторгались «Памятью»...

При Иерусалимском университете существовало небольшое издательство, часть продукции которого составляла руссика. Мы договорились о создании совместного проекта: парижское издательство «Atheneum» готовит оригинал-макеты своих и университетских рукописей, а иерусалимское — берет на себя печать и распространение готовых книг. Это давало возможность обойти проблему начального капитала — на мою долю оставалось лишь приобретение наборной машины и, естественно, дальнейшая работа.

Что касается «Atheneum'a», я создал его еще летом, используя тот самый чек, что предусмотрительно вложила в письмо об увольнении мадам Боже. После вашингтонского фиаско и слов Пайпса о том, что, возможно, придется искать другую формулу для продолжения дела, ничего иного просто не оставалось. Я отправился к Ширман, которая согласилась помочь в составлении бумаг, необходимых для открытия новой издательской фирмы. Любовь Абрамовна Ширман была очаровательной женщиной и довольно известным адвокатом, имела кабинет в очень respectableм доме на рю Леон Делиб в шестнадцатом районе и, кроме основных своих обязанностей, вела дела многих эмигрантов. Не думаю, чтобы они приносили ей какой-либо доход, занималась она этим скорее из дружеских чувств, интереса к русскому Парижу и определенной привычки: вышла она из культурной еврейской семьи, активно участвовавшей в жизни эмигрантской общины первой волны, и эти семейные и дружеские связи сохраняла в продолжение десятилетий, распространив их со временем на новых переселенцев из России. Среди прочих, Ширман вела юридические дела семьи Набоковых и Зинаиды Алексеевны Шаховской. На вполне анекдотическом происшествии, связанном с Набоковыми, мы и сошлись ближе, до того знакомство носило светский характер. Когда скончался Владимир Владимирович, я поместил в «Вестнике РХД» некролог, написанный Шаховской, и рассказ «Истребление тирана». Недели через две после выхода номера в свет я получил рассерженное письмо от Зинаиды Алексеевны и телефонный звонок от Ширман: Любовь Абрамовна просила зайти к ней. Оказалось, что Вера Евсеевна Набокова, крайне чувствительная к самой возможности проявления антисемитизма, заподозрила некий подвох в том, что рассказ Набокова был опубликован на страницах православного журнала, да еще в сопровождении статьи Шаховской, сожалеющей об арелигиозности писателя. Любовь Абрамовна объяснила ей, что поместивший этот материал Владимир Аллой — сам еврей, хоть и крещеный, и об антисемитизме не может быть и речи. Вера Евсеевна свои претен-

зии сняла, а впоследствии вместе с Дмитрием Владимировичем даже предоставляла мне для публикации набоковские письма. Что же до Ширман, то после той забавной истории я часто заходил к Любови Абрамовне, пользуясь ее советами и по имковским и по более поздним делам. Чтобы закончить сюжет, — два слова о Шаховской. Зинаида Алексеевна тогда писала книгу «В поисках Набокова» и в качестве некролога дала в журнал практически не переработанный фрагмент рукописи, в котором было больше о ней самой, нежели о покойном. Поскольку жанр некролога предполагал обратное, мне пришлось несколько подчистить текст, удалив значительную часть местоимений первого лица и некоторые пассажи. В письме Шаховская возмущалась тем, что ее, носителя нескольких культур, подвергают редакторской правке, и желала мне «освоить хотя бы французскую культуру». Правда, в дальнейшем она включила в книгу именно журнальный вариант текста, подарив мне экземпляр с надписью: «Надеюсь, вы откроете здесь нечто новое и для себя»... Отмечу, что подобные литературно-издательские *qui-pro-quo* принесли мне немало замечательных встреч, в частности, многолетние теплые отношения с Ниной Николаевной Берберовой и длящуюся по сей день дружбу с ее учеником — профессором Джоном Мальмстадом...

Создание «*Atheneum*'а» было лишь юридической формальностью, необходимой, конечно, но проблемы не решавшей. Это была всего только крыша, наполнить реальным содержанием административные бумаги могла лишь производственная деятельность, т.е. выпуск книг. Договор с Димой и Меликом мог, наконец, сдвинуть все с мертвой точки. Увы, после трехмесячных ожиданий, бесконечных перезвонов с Иерусалимом и писем этот проект так же, как и все остальные, пошел ко дну.

Осенью в Израиль отправился Володя Максимов. Среди прочего, ему устроили встречу с преподавателями и студентами Иерусалимского университета. И когда на коктейле после встречи ему задали вопрос о том, что же все-таки случилось с «*Presse Libre*», Володя не нашел ничего лучшего, как с видом осведомленного человека заявить, что в это дело он не суется сам и не советует лезть никому, ибо за конфликтом стоят такие силы, что можно с легкостью сломать себе шею... Разумеется, после столь авторитетных разъяснений никаких разговоров о совместном издательском деле с Иерусалимским университетом, да и вообще о реальной работе с Израилем — вести уже было нельзя.

Провал последнего проекта, который вот-вот должен был осуществиться, тем более провал из-за ничтожной случайности — нескольких фраз, сказанных главным редактором «Континен-

та», да и сказанных-то просто так, походя, из желания показать свою причастность к «большой политике», — меня окончательно доконал. Узнав от Мелика о случившемся, я в буквальном смысле выпал в осадок: в ноябре у меня началась жесточайшая депрессия, длившаяся более полугода, а когда я наконец выбрался из нее, все было уже по-другому...

II

В России, по крайней мере в последние полвека, депрессию считали не столько болезнью, сколько неким моральным пороком, признаком душевной распушенности, невоспитанности воли, предпочитая трактовать ее не в медицинских, а в нравственных категориях. Собственно болезнь начиналась лишь с неврозов. И потому профессия психотерапевтов была в загоне, не говоря уже о психоаналитиках, каковых просто считали шарлатанами... Так объяснял мне еще в 81-м году нью-йоркский знакомый, бывший до эмиграции неплохим психиатром и вынужденный, по прибытии в Штаты, переучиваться, пройти квалификационные экзамены по своей профессии, а теперь работавший ординатором в Лонг-Айлендском госпитале. Валера рассказывал, как в конце 70-х, в самый отъездной пик, все нервные отделения нью-йоркских клиник были забиты выходцами из России, ломавшимися от колоссального стресса первых лет эмиграции. Подавляющее большинство его пациентов страдало именно депрессией. Теория Валеры была проста, или, вернее, он упрощал ее для наглядности, беседа с полным профаном в сфере медицины, каким я всегда был, да и остался по сию пору. По его мнению, депрессия — это перегоревший предохранитель, выключающий определенные цепи человеческого организма. Она следует за серией более или менее серьезных нервных срывов, из которых каждый обычно выбирается своим способом: один — работой, другой — алкоголем, третий — еще каким-либо анестезирующим средством. Но все это лишь паллиативы: волевой принцип не лечит, а скорее усугубляет ситуацию, оттягивая короткое замыкание. Оно все равно происходит, когда накапливается избыточное напряжение в сети и волевые методы перестают давать эффект. С той же разницей, что при коротком замыкании может вылететь не только предохранитель, но и вся цепь. Именно поэтому американцы предпочитают постоянно общаться с психоаналитиком, это не блажь, а обычная профилактическая мера, такая же, как визиты к стоматологу... У эмигрантов такой привычки нет, нет языка общения, да и лишних денег тоже, а непрерывная изматывающая гонка, особенно в пер-

вые наиболее трудные годы, заставляет их все время держать себя в шенкелях. И потому даже при самом благоприятном стечении обстоятельств психика эмигранта неизбежно исковеркана, надломлена, и опасность депрессии подстерегает его в любое время...

В тот раз я беседовал с Валерой вовсе не о себе: консультация требовалась по поводу Алика Гинзбурга, который страшно пил, не находил себе места, мучался сам и мучал других, полагая, что высылка из России для него смертельна, а потому — уж коли жечь свечу, так с двух концов...

Теперь, вспоминая лекцию, прочитанную в госпитальном парке, я пытался приложить ее к самому себе. Общаться я почти ни с кем не мог — любой контакт причинял буквально физическую боль. Так что к телефону старался не подходить, почти все время лежал на диване у себя в кабинете или бродил как лунатик по Венсенскому лесу, благо тот был рядом.

Правда, надо было еще и зарабатывать на жизнь. От пособия по безработице я отказался почти сразу. В мае, когда истекли три месяца, оплаченные «Русской мыслью», — я отправился в Агентство по занятости. Принявший меня инспектор, узнав мою профессию и прошлую должность — директор издательства, — покчал головой и заметил, что вряд ли я скоро смогу найти подобный пост. Это был вежливый эвфемизм: очевидно, что найти такой пост через Агентство просто невозможно. Поэтому инспектор дал мне рекламку, где рассказывалось о том, как государство помогает желающим основать свое дело, на случай, если...

По закону мне полагалось полное пособие по безработице в течение полутора лет. Ежемесячно необходимо было отмечаться в районном агентстве. Придя туда пару раз и простояв в длиннейшей очереди перед окошком, я испытал столь острое отвращение к этому месту и к самому себе, что на третий раз просто не явился. Впоследствии система была изменена: безработные должны теперь отправлять заполненные бумаги по почте, это не так унижительно. Но в 84-м году личная явка еще была обязательна: если вы не приходили, компьютер автоматически вычеркивал вас из списка — со всеми неизбежными в таком случае последствиями: вы лишались пособия, бесплатного социального страхования и прочих благ — одним словом, окончательно выпадали из социума...

Самой безработицы я не слишком боялся: после десятилетия жизни на Западе при определенной активности становишься в некотором смысле непотопляемым, т.е. в любой ситуации понимаешь, что надо делать, где и как можно заработать на жизнь.

Тем более, что последние четверть века я получал фиксированную заработную плату не более четырех с небольшим лет: последние два года в ИМКЕ и недолгую жизнь в «Русской мысли». Все остальное время был «вольным стрелком». В это привычное состояние я и вернулся: продолжал преподавать в Институте политических наук и работать парижским корреспондентом Би-Би-Си, начал сотрудничать на Французском международном радио и писал бесчисленные статьи в «Новое русское слово», где Яков Моисеевич Цвибак (он же Андрей Седых) предложил мне вести особую рубрику «Письма из Парижа». До того сотрудничество в нью-йоркской газете было лишь эпизодическим, но Седых относился ко мне хорошо, материалы для заполнения ежедневных восьми полос нужны были позарез, и постоянные корреспонденции из Европы пришлось как нельзя более кстати. Яков Моисеевич настолько расщедрился, что даже дал мне высшую ставку за статью, присовокупив в качестве поощрения, что платит столько лишь Некрасову... В общем получалось ничуть не меньше, чем в «*Presse Libre*», так что хотя бы с этой стороны можно было не паниковать. К тому же Рада по-прежнему работала в ИМКЕ, Никита уволил ее лишь через два года, откровенно заявив, что «новые акционеры, и в частности Наталия Дмитриевна Солженицына, не понимают, как можно продолжать сотрудничество с женой конкурента». Но об этом несколько позже...

И все-таки материальные вопросы были отнюдь не главными. Мне никогда не удавалось просто жить частной жизнью, зарабатывая на хлеб насущный и деля время между службой и досугом. По-видимому, я относился к той категории людей, которую в России называют фанатиками дела, а на Западе — «*workoholics*» и которые из дилеммы «работать, чтобы жить, или жить, чтобы работать» — не задумываясь выбирают второе. Сегодня я вряд ли мог бы с уверенностью утверждать правильность подобного выбора. Но тогда...

Как-то раз, еще в имковские времена, отец Александр Шмеман после обсуждения издательских дел лукаво на меня посмотрел и вдруг спросил: «А знаете, Володя, кто первым окажется в аду? — и сам же, посмеиваясь, ответил: — Активисты»... Не знаю про ад, но в том, что касается моей характеристики, он безусловно был прав. На такое определение я наталкивался несколько раз, искренне удивляясь, почему активность в работе может восприниматься как отрицательное или, в лучшем случае, неудобное качество. Помню, как поражала меня способность Никиты заниматься верховой ездой и игрой в теннис в то самое время, когда ИМКА была на грани банкротства и мне казалось естест-

венным вкалывать по двадцать четыре часа. А Никита спокойно отвечал, что я слишком драматизирую ситуацию, и чрезмерная активность еще никогда не приводила к решению проблем. То же самое повторилось, когда мы стали выпускать не по восемь-десять книг в год, как раньше, а по восемнадцать-двадцать: несмотря на то, что издательство наконец вылезало из финансовой дыры, Никита вновь заметил, что я слишком быстро гоню коней и что столь напряженная деятельность мешает жизненному уюту... «Героем труда» называла меня в начале нашего знакомства Нина Николаевна Берберова, что даже вызывало во мне некоторую обиду, по-видимому, из-за нелюбви к Брюсову... Как-то Саша Тимофеев, мой приятель еще с римских времен, один из старейших и влиятельных посеовцев, рассказал, что когда умер Горачек и в «Посеве» стоял вопрос о выборе нового директора издательства, кем-то была предложена и моя кандидатура. Отверг ее Евгений Романович Романов, в качестве главного довода опять же сославшись на мою «гиперактивность» (личный момент в его позиции Саша исключал, полагая, что «Романыч» относился ко мне хорошо).

Вероятно, иначе вести себя я просто не умел. Конечно, все это справедливо лишь с одной, но крайне важной оговоркой: в продолжение этих десяти лет мне колоссально везло — я занимался делом, которое не просто любил, но ощущал судьбой, смыслом жизни и, вполне естественно, уходил в него целиком. Все остальное воспринималось как неизбежные издержки: плата за любовь.

Сегодня такого дела больше не стало.

Помню, как в школе на уроках физкультуры мы совершали какие-то марафонские забеги по аллеям находившегося рядом Соловьевского садика. Где-то на четвертом или пятом круге приходило второе дыхание, бег становился автоматическим, и казалось, что ты можешь двигаться часами. Как-то раз во время такого автоматического бега я влетел в фонарный столб, упал, на какое-то мгновение, видимо, потерял сознание, а придя в себя, долгое время не мог подняться и тупо сидел на земле под фонарем: все тело сделалось ватным, ноги не слушались, в голове гудела пустота, из глаз текли слезы...

Нечто подобное испытывал я теперь. Лежа зубами к стенке, я, словно киноленту на монтажном столе, бесконечно прокручивал последние десять лет жизни, пытаюсь осознать, что же произошло, какой органический дефект, сидящий, по-видимому, во мне самом, неизменно приводил к развалу то, что я строил, к разрыву с теми, кто мне дорог, к потере того, что я любил, в чем

видел смысл и оправдание своих действий. Ответа, увы, не находилось. Я лежал на диване и тупо глядел в пространство. Со стены, где были приколоты фотографии, грустно улыбались ребята — Витька и Яков, Жанночка и Валерка, Наташка и Кузя, Сенька и Толя...

Это были отъездные фотографии, прощальные снимки, сделанные в аэропорту перед тем, как мы ушли за стеклянные двери таможни, 29 октября 1975 года. В то утро в Ленинграде впервые пошел снег, он падал обильно и ровно, и последний кадр, навсегда врезавшийся мне в память, был связан именно с ним: в белых хлопьях мы с Радой и Юркой Щеценым поднимаемся с летного поля по трапу в самолет, а на эстакаде у здания аэровокзала засыпанная снегом толпа провожающих нас друзей машет руками...

Отъезд решился как-то сразу и неожиданно. В те годы вопрос «ехать — не ехать» обсуждался в каждом интеллигентном доме, а новенький Пулковский аэропорт сделался столь же привычным и обжитым, как кофейня на Малой Садовой или курилка в Публичной библиотеке. Проводы происходили постоянно, и помню, как таможенная дама, которой я, по-видимому, смертельно намозолил глаза, как-то раз бросила мне со злостью: «Когда же вы сами-то наконец уедете?» Жизнь между Боковым и Набоковым, — шутили отъезжанты: генерал Боков возглавлял тогда ленинградский ОВИР, ардисовские книжки Набокова читал весь город. Знакомые все больше делились на ожидающих, отъезжающих и отказников. Последние пользовались особым авторитетом и статусом борцов с режимом. Журнал «Евреи в СССР» переходил из рук в руки, наряду с «Хроникой» и другим «горячим» самиздатом. Письма из Иерусалима или Нью-Йорка читались вслух при большом стечении людей, разумеется, «своих». Правилom хорошего тона считалось иметь на руках вызов из Израиля, каковой служил страховым полисом — на случай, если власти начнут слишком уж прижимать...

При постоянных разговорах об эмиграции ехать мы с Радой в общем не собирались, разделяя известное утверждение Эткин-да, что шепот здесь важнее крика там, и галичевские слова: «Уезжайте, а я останусь: кто-то ж должен, презрев усталость, наших мертвых беречь покой». Правда, и Ефим Григорьевич, и Александр Аркадьевич уже находились на Западе... Но в целом все это было немножко литературой, игрой. Об отъезде мы думали и рассуждали скорее отвлеченно, как о чем-то происходящем с другими, очень близкими, но все же другими людьми.

Перелом произошел в декабре 74-го, перед судом над Володей Марамзиным. Его взяли, кажется, в августе, когда он вернулся из Москвы, чтобы зарегистрировать брак с Татьяной перед отъездом на Запад. В Москву он отправлялся из нашей квартиры. Мы жили тогда в коммуналке на Гончарной, 13, проходной двор выводил к платформам Московского вокзала, и Володя, за которым уже давно ходили топтуны, воспользовался нашей комнатой, чтобы уйти от слежки. Ушел он, правда, не надолго: по возвращении его ждали. Тогда-то я впервые ощутил реальность собственного отъезда и неразрешимость личной дилеммы, ранее воспринимавшейся скорее как логическая задача. Помню, как Яша Виньковецкий убеждал меня в неверности самой постановки вопроса: ехать — не ехать. Он предлагал другую оппозицию: куда или откуда. Если важен вопрос «куда» — ехать вообще не имеет смысла. Если же вопрос «откуда», то он решается однозначно: куда угодно, лишь бы можно было дышать — в России это становилось все менее реально, а режим казался вечным. Милый, несчастный Яков — через десяток лет он покончит с собой в Хьюстоне, штат Техас, где дышать, по-видимому, станет еще менее возможно. Но это будет еще не скоро. Тогда же, в 74-м, его доводы казались довольно убедительными, особенно на фоне происходящего. Все вокруг двигалось, ощущение незаполненных пустот росло неимоверно, создавая иллюзию того, что абсолютно весь круг общения и знакомств, «свой круг» — перемещается на Запад и переместится неизбежно, вопрос лишь во времени. Любимой темой застольных разговоров становился подсчет, кого среди нас уже нет по сравнению с прошлым годом, или рассказы об ошеломляющих успехах новых эмигрантов. Ко всему прочему действовал и «эффект воронки»: начиная интересоваться чем-либо, поневоле втягиваешься в проблему все глубже, а ее размеры и значимость приобретают все более гипертрофированный характер...

Как бы то ни было, в декабре я попросил приятеля-американца Виктора Родвина сделать нам с Радой израильский визов, а потом написал Тэду — двоюродному брату со стороны матери, нью-йоркскому врачу-онкологу. Один из маминых братьев уехал из России еще в начале двадцатых и осел в Америке. Три его сына жили там и сейчас. Никаких связей ни в тридцатые, ни после войны семьи не поддерживали. Но в 65-м году братья Тэд и Майкл приезжали в Ленинград в поисках родственников и встречались с нашими. Я служил тогда в армии, никого из них не видел, но впоследствии получал иногда от братьев приветы через одну из общих знакомых — американку Лизу де Коско, изучавшую рус-

ский язык и часто бывавшую в Питере, вначале студенткой-слависткой, затем стажеркой и руководительницей студенческих групп. Тэду я сообщил, что, по всей видимости, скоро покину страну...

В январе состоялся суд над Марамзиным: ему дали условный срок и освободили прямо в зале, а кураторы из Большого дома были столь внимательны, что предложили не отказываться от идеи отъезда и даже обещали поддержку и содействие в преодолении неизбежных бюрократических формальностей. В мае он улетел с Татьяной в Вену... В том же мае нам позвонил еще один американец — Джерри Пэнкхарст, который привез письмо от Виктора, о чем и сообщил с уморительными «мерами предосторожности». Это был вызов от нашей «израильской тетки».

Далее события развивались по известной схеме (схему эту в виде «Памятки для отъезжающих» раздавали активисты из отказников, постоянно дежурившие на втором этаже дома на улице Желябова перед входной дверью в ОВИР): уход с работы по собственному желанию, дабы избежать «пятиминутки ненависти» — неизбежной в те годы процедуры ритуального оплевывания сослуживцами «ренегата» перед выдачей ему характеристики, которая была необходима для представления документов; сбор бесчисленных бумажек, также указанных в «памятке»; визит к инспектору ОВИРа — один, второй, третий (каждый раз вас заворачивали за отсутствием или неправильным оформлением бумаг)... Затем — ожидание. Оно могло длиться сколь угодно долго, это была передышка, своеобразный «глаз циклона», где вы отсиживались до вердикта властей, нарушавшего хрупкое равновесие. В случае запрета на выезд вы становились «отказником» с автоматическими «оргвыводами» системы: визитами участкового с требованием устроиться на службу при полном запрете на работу по специальности; вызовами к районному оперу или на Литейный, если вы проявляли излишнюю, с точки зрения властей, активность; наконец, разнообразными «мерами физического воздействия», если не помогали душевные разговоры. В том случае, когда разрешение давалось, вы попадали в иную категорию — уже не враг, а просто отрезанный ломоть, обращение «товарищ» или «гражданин» исчезало, вы становились «лицом без гражданства», и игра шла по другим правилам: виза была действительна в продолжение месяца-двух — начиналась последняя гонка: перевод и легализация документов, отправка наиболее важных бумаг через иностранных дипломатов и стажеров, посещение голландского консульства в Москве, представлявшего интересы Израиля, приобретение билетов, арьергардные стычки с местными чиновниками и, конечно, — прощания, прощания, прощания...

Большинства унижений, сопряженных с «финишной» прямой, мы с Радой, к счастью, избежали. Документы прошли через ОВИР на редкость быстро: после подачи мы ждали ответа всего три месяца и получили разрешение на выезд. Об этом сообщал уже не инспектор, а лично один из заместителей Бокова. В нашем случае это был Суворов. Вся сцена была предельно нелепой: подполковник КГБ напутствует навсегда выезжающих из страны людей, уже не граждан, уже не подчиненных ни ему, ни системе, — так, как если бы они собирались в обычную туристическую поездку... Неприятностей с таможенной я не опасался: единственное, что мы везли, были книги. Что же до кассет с песнями бардов, то, памятуя происшедшее с Володей Фрумкиным, у которого на таможне просто стерли записи, — я переслал всю коллекцию заранее с Виктором и Джерри. Они же перевезли и нашу копию самиздатского собрания стихов Бродского, за подготовку которого был арестован Марамзин, а позже осужден Михаил Хейфец. Да еще папку с подлинниками документов, некоторыми фотографиями и несколькими черновиками рукописей Бродского мы передали голландскому консулу (последнее оказалось наименее удачной затеей, и папку эту в совершенно расхристанном виде мы получили в израильском посольстве в Париже лишь через три года). Вот, собственно, и все. Вещей у нас не было: решая, что взять с собой, мы остановились лишь на том, без чего не обойтись: книги и магнитофонные записи. Помню, как в самый день отъезда, брезгливо копаясь в наших чемоданах и оглядывая сложенные в них пожитки, таможенный чин глубокомысленно изрек: «Кто здесь ничего не нажил, тот и там не разбогатеет». Он был, вероятно, прав, если только считать это целью отъезда...

Гораздо мучительнее оказались прощания. Легко было расставаться лишь с теми, кто собирался ехать: традиционное «В следующем году в Иерусалиме» звучало как обещание встречи — земля кругла и воспринималась как нечто единое за пределами «одной шестой», потому и расстояние от Тель-Авива до Сан-Франциско, Нью-Йорка или Парижа казалось несравнимо меньшим, нежели от Москвы до Ленинграда, а братство «Новых Робинзонов» — почти нерушимым (наивность такого взгляда обнаружилась совсем скоро — уже в Риме).

С теми, кто уезжать не собирался, расставание было совсем иным: рвалось по живому и, вероятно, навсегда. Только суматоха и безумие последних недель притупляли ощущение утраты и легкий привкус вины перед остающимися. Этот привкус оказался чрезвычайно стойким, и отбить его не смогли ни логические рассуждения о свободе выбора и личной ответственности за этот вы-

бор, ни лихорадочные действия по налаживанию материальной помощи «оттуда» — «сюда», ни даже многолетняя совместная работа. Он мог слабеть в обычное время, мог становиться нестерпимым, когда что-нибудь случалось с оставшимися друзьями и близкими, но полностью не исчезал никогда. Не исчез он и сегодня, после десятка лет «второй жизни» в России, — сколь странным и даже нелепым ни покажется такое утверждение...

Всю предотъездную неделю двери нашей квартиры не закрылись — друзья шли постоянно, а в последний день пришлось даже вынести часть мебели, оставив лишь столы, стулья и рояль. Это сильно расшатывало представление о том, что «свой круг» переместился на Запад... Кажется, Яше Назарову пришла в голову идея прощальных фотографий: мы с Радой сидели за столом, а справа и слева менялись люди. Целый ящик таких снимков сопровождал нас все последующие годы. Он и сегодня стоит в парижской квартире.

Последние дни я и сам бегал по знакомым прощаться и записывать бесчисленные поручения на Запад. Придя к Эре Коробовой, я налетел на Наташу Горбаневскую — она, в свою очередь, тоже приехала прощаться с Ленинградом: до 5-го декабря, дня Советской Конституции, ей предложено было покинуть страну. Наталья, одна из очень немногих, твердо знала не только «откуда», но и «куда» едет: в Париже ждал Максимов и место секретаря редакции «Континента». В тот последний ее приезд и состоялся разговор об издании «Памяти» на Западе. Впрочем, я в нем участия не принимал: в это время мы были уже в Вене...

Самолет коснулся посадочной полосы, кто-то произнес: «Лица еврейской национальности без гражданства поздравляют с благополучным прибытием в свободную Австрию». Шутка... Народ заплодировал. Основную массу пассажиров составляли именно «лица без гражданства». Прилетели мы на день позже срока. В те годы маршрут следования был определен очень жестко: «Аэрофлотом» до Будапешта, там почти сразу пересадка на немецкий боинг — и до Вены. Наш рейс оказался нестандартным, словно предвосхищая нестандартность всей дальнейшей эмигрантской жизни: в Будапеште был снегопад, аэропорт закрыли, и наш ТУ-134 отправили в Варшаву. Там мы застряли на сутки. Пассажиров немедленно разделили: полноценные граждане — обладатели паспортов — отправились в гостиницу. «Лица без гражданства» были отведены на балкон второго этажа международного

зала. Спуститься вниз было невозможно: на последней ступеньке лестницы занял место польский пограничник с автоматом. Его фигура в куцей шинели и шапке-ушанке вполне точно определяла границы нашей свободы. «Нормальные» пассажиры внизу с удивлением посматривали на нашу странную группу. Ночь мы провели в креслах на этом балконе, лишь нескольких женщин с младенцами поселили в аэропортовской гостинице. Наутро пограничника сняли, видимо, дикость ситуации стала очевидна даже полякам. Долго велись какие-то переговоры между представителями «Аэрофлота» и местными властями, наконец, уже к вечеру, нас посадили в польский самолет и отправили в Австрию.

Машина подрулила к стоянке, нас выгрузили на поле и под усиленной охраной полицейских с автоматами повели к зданию аэропорта — не в главные, а в какие-то боковые двери. Около них стоял смешной, очень домашнего вида человек лет шестидесяти с длинными седыми волосами, тонкой полоской усов над верхней губой, в теплой куртке, с кипой бумаг под мышкой. «Дети, не бойтесь, ничего дурного с вами больше не случится. Сейчас мы пойдем получать багаж, а затем отправимся в гостиницу», — человек говорил с сильным польско-еврейским акцентом, и это усиливало ощущение домашности происходящего. Устроили перекличку, после которой всю группу — нас было человек тридцать пять — отвели в багажный зал, затем к автобусам. Было около восьми вечера, совершенно темно, полное безлюдье, изморозь и холодный пронизывающий туман. В этом молоке мы часа полтора какими-то закоулками добирались до «отеля».

В те годы система венской «пересылки» состояла из трех гостиниц («Беттина», «Цум Тюркен» и еще одна, названия которой я уже не помню), принадлежавших некой мадам Беттине и превращенных в общежития для беженцев. Впоследствии структура была изменена, и когда в конце семидесятых — начале восьмидесятых я неоднократно приезжал в Вену «вызволить» друзей и знакомых, всех эмигрантов уже селили в едином центре для беженцев Международного Красного Креста, сильно напоминавшем родную «зону»: вокруг колючая проволока, на каждом углу полицейские с автоматами, вход в здание запрещен... В середине семидесятых эмиграция только набирала силу, палестинцы еще не осознали ее угрозы для себя и не начали шантажировать австрийские власти, а потому и порядки были гораздо либеральней: мы пользовались полной свободой, а наша «воронья слободка» при всех прелестях общаги выглядела много симпатичней и уютней, нежели грязно-кирпичное тюремного вида здание Красного Креста.

В Вене народ не задерживался. Здесь происходила лишь сортировка эмигрантов и их багажа: отправлявшиеся в Израиль почти сразу покидали Австрию; тех же, кто собирался в другие страны (в те годы беженцев из Советского Союза принимали Штаты, Канада, Австралия и Новая Зеландия), перебрасывали в Рим, где уже и шло собственно оформление документов, поиски гарантов на местах и прочее. Эта процедура длилась месяцами, а в некоторых случаях (как у Фимы Славинского) годами, и жизнь в Италии приобретала для эмигрантов какие-то черты оседлости — с наймом жилья, налаживанием элементарного быта, созданием более или менее постоянного круга общения... Венский же этап все стремились проскочить как можно быстрее. Мы с Радой не спешили, да и обстоятельства сложились так, что мы прожили в Австрии больше месяца, о чем совершенно не жалели.

На следующий по приезде день эмигрантам предлагалось с утра прибыть в Еврейское агентство, где их распределяли между «Сохнутом» — для едущих в Израиль, и «Хиасом» — для тех, кто, минуя «родину предков», отправлялся за океан. Последних называли «прямыми», и число их неуклонно росло. В нашей группе в Израиль ехало, кажется, всего две или три семьи. Мотивацию своего решения необходимо было изложить чиновнику «Сохнута». Процедура была вполне формальной, однако в нашем случае вышло по-иному. Кроме сохнутовца, в кабинете оказался еще один человек, поначалу участия в разговоре не принимавший. Наш довод считался «железобетонным»: наличие близких родственников в Штатах и отсутствие таковых в Израиле. Однако во время беседы черт дернул то ли меня, то ли Радю упомянуть имена нескольких израильских знакомых, в том числе Борю Рубинштейна. И здесь в разговор вмешался молчаливый интеллигентного вида господин, сидевший в противоположном конце кабинета: «Так что же мне сказать Боре по возвращении? Я увижу его через три дня». — Вопрос был настолько неожиданным, что беседа сломалась, сразу выйдя в неформальное русло, от чего нас пуше огня предупреждали «опытные прямые». В результате сорок минут нам рассказывали, как нужны в Израиле именно такие люди, как мы, и насколько разочарованы наши друзья, видя, что советские евреи, особенно интеллигенция, предпочитают сытую жизнь в Штатах работе на «исторической родине»... Я лепетал что-то жалкое о моральных обязательствах перед оставшимися в России, о желании заниматься русской историей и культурой... В конце концов мы «устояли», но, выходя из кабинета, я испытывал на редкость гнусное чувство — словно совершил некую подлость или предательство израильских друзей. Впоследствии мне часто

доводилось присутствовать на подобных коллективных беседах или просто общаться со знакомыми, приезжавшими от израильского министерства абсорбции с такою же пропагандной целью, правда, угрызений совести я больше не испытывал.

После «Сохнута» мы отправились к хасовцам, где нас ожидал новый сюрприз: оказалось, что в моем деле лежало прямое приглашение из Нью-Йорка от Тэда, так что мы могли вообще не ехать в Рим, а получить американскую визу здесь же, в Вене, что «Хиас» брался сделать довольно быстро. Нам дали заполнить анкеты. В графе «вероисповедание» я отметил: «православный». Принимавший нас мистер Томпсон, чрезвычайно элегантный господин в белоснежной сорочке с бабочкой и с безукоризненным пробором седеющих волос, дойдя до этой записи, поперхнулся и почти закричал: «Зачем? Зачем вы мне это сообщаете?» — ощущение было такое, что ему нанесено личное оскорбление. Я попытался объяснить, что не хотел бы начинать со лжи свои отношения с западными властями, но он ничего не желал слушать. «Вы не должны были этого делать, ни в коем случае не должны», — он явно был огорчен гораздо больше нас с Радой, и объяснил, что теперь «Хиас» не может взять нас под свое покровительство, поскольку в его функции не входит поддержка инверцев, а посему нам придется обращаться в какую-либо иную из находящихся в Вене гуманитарных организаций — скорее всего, в Международный комитет по беженцам или в Толстовский фонд. Он чрезвычайно сожалеет о таком повороте дела, наш случай был на редкость простым и удачным, но теперь... Мистер Томпсон дал нам визитные карточки упомянутых организаций и обещал лично туда позвонить. На этом беседа закончилась, мы поблагодарили и откланялись, навсегда расставшись с ним и с еврейскими благотворительными фондами...

В «Цум Тюркене» моя эскапада вызвала единодушное осуждение: выбиваться из стада, да еще с самого начала путешествия, было признано, мягко говоря, неосторожным. Нас откровенно жалели. Сколько раз впоследствии мне приходилось становиться объектом подобной жалости, и сколько раз действия, совершенно неразумные с точки зрения обычной житейской логики, определяли мою судьбу, приводя к непредсказуемым результатам...

История с «Хиасом» подарила мне многолетнее знакомство с замечательным человеком, тонким, интеллигентным, добросердечным, чьей помощи обязано нынешнее благополучие по крайней мере полутора десятков русских французов, американцев, канадцев — говорю лишь о тех, кого знаю лично и кого в разные годы приводил к нему в Париже и Вене...

На карточке Международного комитета по беженцам стояло: «Doctor Faust». Очевидно, что после такого имени никаких разговоров о Толстовском фонде быть уже не могло. На следующее утро мы с Радой отправились по указанному адресу, где минут через сорок ожидания и были приняты самим «магом и волшебником». Марсель Фауст возглавлял одновременно венское и парижское бюро Комитета по беженцам при Организации Объединенных Наций. С героем Марлоу и Гете его роднила разве что фамилия, да еще легкий и, по-видимому, неизбежный скептицизм человека, умудренного возрастом и многолетним опытом общения с людьми в предельно нестандартных ситуациях. Был он бельгийцем по происхождению, и мягкое фламандское «f» его английского языка, равно как и грустная извиняющаяся улыбка — усиливали впечатление какой-то застенчивости и хрупкости, исходившее от всего его облика. Невысокого роста, сухощавый, одетый совершенно «по-домашнему» — в свитере и твидовом пиджаке поверх него, в полукруглых очках, сидевших на кончике носа, со спокойным умным взглядом, тихим голосом и тихим смехом, с неизменной сигаретой в пальцах маленькой руки, — он удивительно отличался от всех виденных нами прежде западных чиновников и подходил больше к петербургской гостиниой или даже московской кухне, чем к международному офису. Уже одно это располагало к нормальному человеческому разговору. Рассказ о причинах нашего визита и об истории с анкетами его позабавил, а решение отказаться от прямого оформления американской визы в Вене — немного удивило, однако наш довод: желание хоть немного пожить в Италии, неизвестно, когда представится подобный случай, — он признал вполне разумным. (Решили мы это с Радой накануне, шатаясь по городу после столь «неудачного» посещения «Хиаса»). Фауст расспросил нас о жизни в России, о перипетиях отъезда и дальнейших планах, сказал, что берет нас к себе, и отправил к секретарше заполнять очередную кучу бумаг. Через пару часов мы покинули Комитет, обретя вполне легальный статус — беженцев в поисках страны проживания, находящихся под защитой ООН.

Описывать впечатления от первого западного города, увиденного нами в жизни, да еще если этот город — Вена, крайне сложно. В основном они касались бытовых сторон. Конечно, мы сразу помчались в Национальную галерею и в художественный музей, где совершенно ошалели от Кранаха, почти отсутствующего в Эрмитаже, от Босха и раннеитальянской живописи. Конечно, мы

облазали все венские достопримечательности — от Святого Штефана до Гринцига и от голубого Дуная до Оперы и Венского леса... Но главным было все же не это, а именно быт: сам город, его архитектура, его воздух, его повседневный пульс, его цветовая гамма, столь резко отличавшаяся от привычной грязноватой однотонности российских городов. Целыми днями шатался я по Вене, упиваясь ее красотой и удивительно спокойным ритмом жизни, при том, что эта была нормальная будничная жизнь старой европейской столицы: бесконечные автомобильные пробки на Грабене, толпы людей на центральных улицах, постоянно ремонтируемые дороги в районе Ринга. Но при этом поражала чистота и полное отсутствие суетливости, столь характерной для питерской или московской толпы. Потом наша австрийская знакомая скажет, что это все черты «мертвого города», каковым для нее и является Вена. Тогда я даже не понял, о чем она говорит, и лишь много лет спустя, в спокойной, сытой и чистой французской провинции до меня дошел смысл ее слов. Но в те первые недели западной жизни Вена казалась удивительно живой, полнокровной и уверенной в себе — что, по-видимому, и создавало ощущение несуетности. Суеты не было даже на рынке. Вообще «наш-маркт», находившийся неподалеку от Еврейского агентства и ставший местом паломничества новоприбывших, потрясал воображение советского человека неслыханным изобилием продуктов и почти хирургической чистотой — не только каждый фрукт или овощ, названия которых по большей части мы просто не знали, но и каждая продаваемая картофелина была завернута в отдельную гофрированную бумажку — белую или голубую... Главные темы разговоров в «Цум Тюркене», помимо оформления документов, сроков отъезда в Рим и обменного курса, касались именно изобилия и чистоты. Ошалевший от всего этого народ ходил на рынок и в супермаркеты, как в музеи, — в прямом смысле, поскольку купить что-либо на наши куцые деньги было крайне трудно...

Почти все пособие я тратил на кофе: погода стояла ужасная — мокрый с утренней изморозью пронизывающий ноябрь, на мне был единственный и первый в жизни джинсовый костюм и плащ, полученный месяца за два до отъезда в «гуманитарной» посылке, пришедшей с Запада, почему-то от А.Синявского (полагаю, что Андрей Донатович об этом не подозревал, — использование любых имен отправителей считалось правилом, и столь необычный обратный адрес был, вероятно, проделкой какого-либо шутника из чиновников, занимавшихся помощью). Окончательно посинев от холода, я заходил в какое-нибудь из бесчисленных венских кафе,

просил «айне-кляйне-шварце-кофе», брал подшивку «International Herald Tribune» и полчаса, а то и больше грелся за столиком, потягивая горьковатый напиток и просматривая единственную газету, которую мог читать (немецкого я не знал). Потом снова шатался по городу — до следующего захода в кафе. Другим местом, где можно было согреться, являлись книжные магазины. Я обшаривал полки с литературой на английском и русском языках, просматривая десятки книг и радуясь, что никто мною не интересуется и не ставит в безвыходное положение, поскольку объяснить ся по-немецки я бы не смог. Эта ненавязчивость продавцов и официантов была столь же непривычна и поражала не меньше продуктового изобилия и окружающей чистоты.

Несмотря ни на какой холод, город был поистине сказочен, особенно сильным ощущение это сделалось к концу месяца, когда венцы стали готовиться к Рождеству. Сказочным хотел казаться и Зальцбург, куда нам с Радой тоже удалось выбраться, но он был совсем иным: каким-то парфюмерно-кондитерским, приторно сладким — этаким рай для туриста в городе Моцарта. Вена же оставалась собой, употребляя праздничную косметику в очень умеренных дозах: расцветали лишь витрины магазинов, да на площади перед Святым Штефаном выросла громадная елка... Кроме бесконечных блужданий по улицам, было у нас и несколько чудных прогулок со знатоками. «Настоящую» Вену показала нам молодая пара австрийских филологов, адрес которых дали мне друзья еще в Питере, и Лева Квачевский, к которому мы с Радой наведались по поручению Сени Рогинского. Лева жил здесь уже несколько лет, занимался химией и шахматами, растил дочерей и, по его словам, сильно отошел от русских дел. Тем не менее, он постоянно общался с новоприбывшими, поскольку был едва не единственным крупным правозащитником, осевшим в Вене, и его адрес имелся у массы отъезжантов. В маленькой квартирке Квачевских мы познакомились с Ирой и Вадиком Делоне, только что прилетевшими из Москвы и ожидавшими французской визы. От Левы же узнал я телефон Эткинда, приехавшего в Вену на какую-то конференцию. Он остановился с Екатериной Федоровной в гостинице квартирному типу. Именно в этой квартире Ефим Григорьевич и поколебал мои американские планы, заявив, что ехать в Штаты — безумие, что там я задохнусь, и вообще пора создавать большой центр и университет в Париже, где издавна существует русская традиция, а сегодня скапливается все больше людей, нужных для такого дела...

Эмигранты первой волны, с коими нам довелось познакомиться в Вене, держались иного мнения: по-видимому, перипетии

десятилетий европейской истории, невольными участниками которой им привелось стать, сильно подточили любовь к Старому Свету. Пожилой инженер Дерюгин убеждал нас в том, что только Америка дает возможность полнокровной жизни и работы, нормальных человеческих условий, что лишь там можно реализовать себя, в Европе же все будет гораздо труднее. Не столь категорично, но также склонялись к американскому варианту и родители Маши Разумовской, милейшей сорокалетней женщины, русистики, которая работала в венской Публичной библиотеке и активно общалась с новоприбывшими, с удивлением наблюдая абсолютно незнакомое ей племя советских интеллигентов. До той поры она имела дело в основном с чешской эмиграцией, заполнившей Вену после событий 68-го года. С Машей, сотрудничавшей в «Wiener Slavistischer Almanach», мы эпизодически общались и в дальнейшем, когда я уже осел в Париже и занимался редакторско-издательскими делами. Что же до ее матери, с которой Маша познакомила нас, пригласив на «семейный обед», то она стала первой моей западной «любовью». В эту старуху просто нельзя было не влюбиться, до того она была очаровательна — спокойна, естественна, открыта, дружелюбна и при этом удивительно жива и остроумна, а ее рассказы о довоенной русской Праге, о немецкой, а затем и советской оккупации были столь колоритны, что я помню их и через четверть века...

Как ни затягивали мы отъезд, в начале декабря документы были оформлены, и нам все же пришлось покинуть Вену. Погрузив на Хаупт-Банхофф свои пожитки в поезд, идущий на Рим, мы с Радой всю ночь заморожено смотрели на снежные Альпы, а утром проснулись от шума и криков в коридоре, от хлопанья дверей, от мелодичной речи новых пассажиров, а главное — от ослепительного солнца, заливавшего купе и все пространство за окном: мы ехали по Италии...

***МЕХАНИЗМЫ
ВЛАСТИ***

В.С.Измозик
**ПЕРВЫЕ СОВЕТСКИЕ ИНСТРУКЦИИ
ПО ПЕРЛЮСТРАЦИИ**

Перлюстрация (от латинского «perlustro» — обозрение), то есть вскрытие писем без ведома и согласия корреспондента, возникла в Европе в XVII в. прежде всего как инструмент внешней политики. Особо доверенные почтовые чиновники вскрывали переписку дипломатических представителей иностранных держав, чтобы проникнуть в их планы и намерения. В тесной связи с перлюстрацией оказалось выражение «черный кабинет». Его возникновение относят к 1628, когда кардинал Ришелье велел создать в помещении парижского почтамта специальную комнату («черный кабинет») для тайного просмотра писем. В России начало регулярной перлюстрации связывают с Екатериной II. В 1779 просвещенная государыня повелела доставлять ей вскрытую секретно на почтамте корреспонденцию.

Постепенно в условиях самодержавия перлюстрация все больше распространялась на частную переписку подданных, причем не только зарубежную, но и внутреннюю. В первой четверти XIX в. в российском образованном обществе нарицательным становится имя московского почт-директора А.Я.Булгакова, занимавшегося перлюстрацией не только по долгу службы, но и из любви к оной. В октябре 1823 министр двора князь П.М.Волконский писал из Парижа графу А.А.Закревскому: «Прощайте, любезный друг, пишите ко мне почаще, через Булгакова, или по оказии, ибо, наверно, наши письма распечатывают на почте, хотя Булгаков нам и приятель, но обязанность его и, вероятно, приказание сие делать заставляют»¹.

Эта практика продолжалась многие десятилетия, вплоть до 1917. Министр внутренних дел И.Н.Дурново в январе 1895 докладывал Николаю II, что в результате перлюстрации происходит «извлечение из частной корреспонденции таких сведений о государственных событиях, таких заявлений общественного мнения относительно хода дел в империи и такой оценки действий правительственных лиц, какие официальным пу-

¹ Великий Князь Николай Михайлович. Император Александр I: Опыт исторического исследования. Т.1. СПб., 1912. С.305.

тем почти никогда не могли быть высказываемы»². Объем перлюстрированной корреспонденции постоянно рос. Если в 1882 было вскрыто 38 тыс. писем и сделано 3600 выписок, то в 1900 количество выписок выросло до 5431, а в 1904 — до 14221³. На основе перлюстрированной корреспонденции готовились специальные тематические подборки.

Тайна перлюстрации тщательно охранялась в Российской империи. Письма вскрывались в нарушение законов, предусматривавших тюремное заключение от 4 до 8 месяцев за нарушение тайны корреспонденции без ведома судебных органов. Поэтому для конспирации «черные кабинеты» к началу XX в. скрывались под вывеской цензуры иностранных газет и журналов. К 1914 пункты перлюстрации имелись в семи городах империи: Санкт-Петербурге, Москве, Варшаве, Киеве, Одессе, Харькове и Тифлисе. Личный состав насчитывал около 50 человек, владевших, как правило, несколькими иностранными языками каждый и нередко совмещавших эту деятельность с другой службой. На все обвинения после 1905 в оппозиционной печати и в Государственной Думе в существовании перлюстрации правительственные чиновники лгали, уверяя, что ничего подобного не имеется⁴.

С началом Первой мировой войны, 20 июля 1914, было официально утверждено «Временное положение о военной цензуре», предусматривавшее цензуру печати и почтово-телеграфных отправок: в полном объеме «на театре военных действий» и «частичную» — в других районах⁵. Сотрудники «черных кабинетов» получили звания «военных цензоров», но продолжали трудиться в своих структурах⁶.

После Февральской революции Временное правительство попыталось поставить перлюстрацию на законную основу. Многолетние профессионалы перлюстрации — цензоры иностранных газет и журналов — приказом от 10 июля 1917 в количестве 38 человек были уволены в отставку с 16 марта 1917⁷. В постановлении «О неприкосновенности личности и жилища и ограждения тайны почтовой корреспонденции» указывалось, что «в местностях, объявленных на военном положении, действие сего закона применяется лишь в тех пределах, в коих постановления эти не противоречат закону о военном положении и правилам о военной цензуре»⁸. Но эта тяга к законности просуществовала в России недолго.

² Рууд Ч., Степанов С. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М., 1993. С.110.

³ Там же. С.113.

⁴ Свод законов Российской империи. Т.XV. Пг., 1916. С.242-245; Государственная дума. Стенографический отчет: Третий созыв: Сессия I. Ч.2. Заседание 48-е. Стлб.1723; Перегудова З.И. Методы борьбы Департамента полиции с революционным движением (кадры, курсы, программы) // Факел: Историко-революционный альманах. М., 1990. С.203.

⁵ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. За 1914 год. Пг., 1915. Отдел первый. Ст.2057.

⁶ РГИА. Ф.1289. Оп.4. Д.151. Л.5об.-6; Д.1113. Л.5об.-6; Д.2874. Л.7об.-8.

⁷ Приказ по Министерству почт и телеграфов №7 от 10 июля 1917 г. // Почтово-телеграфный журнал. 1917. №28/29. Отдел официальный. С.272.

⁸ ГА РФ. Ф.3. Оп.1. Д.4. Л.2об.

Большевики, придя к власти, быстро стали приспосабливать механизмы полицейского государства для своих нужд. Это проявилось и в отношении к перлюстрации. Действительно, в первые месяцы сохранялась перлюстрация только международной переписки⁹. В апреле 1918 появился декрет Совнаркома «О тайне почтовой переписки», подписанный В.И. Лениным. В нем, в частности, говорилось: «Уполномоченным каких бы то ни было организаций, учреждений и должностных лиц, не исключая и советских, воспрещается конфискация, реквизиция и вообще задержание /.../ почтовой и телеграфной корреспонденции вообще, без согласия Народного Комиссариата почт и телеграфов или определенного в каждом частном случае постановления судебной или следственной власти»¹⁰. Но уже 22 июня 1918 Управление делами Совнаркома направило официальное письмо в Петроград Управлению военного контроля, осуществлявшему цензуру переписки: «Свидетельствуя получение Ваших отношений /.../ имею честь по поручению Председателя Совета Народных Комиссаров Владимира Ильича Ульянова просить Вас энергично продолжать Вашу деятельность по содействию в борьбе со спекуляцией, шпионажем и контрреволюцией и доставлять соответствующие сведения секретными пакетами на мое имя, а также широко информировать и завязать отношения с Всероссийской Чрезвычайной Комиссией по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности /.../ Секретаря Совета Народных Комиссаров Н.Горбунов»¹¹. Таким образом, перлюстрация стала одним из каналов формировавшейся системы политического контроля.

6 октября 1918 при Полевом Штабе Реввоенсовета Республики был создан военно-цензурный отдел, входивший в состав Регистрационного управления (первоначальное название Разведывательного управления) Красной Армии. Приказом РВСР от 27 ноября 1919 он стал самостоятельным отделом при РВСР, подчиняясь непосредственно комиссару Полевого Штаба¹². 23 декабря 1918 РВСР утвердил «Положение о военной цензуре», вводившее контроль над всей печатной продукцией, радио, телеграфом и телефоном, а также просмотр международной и «по мере надобности внутренней почтово-телеграфной корреспонденции» и «контроль над переговорами по иногороднему телефону»¹³. В подготовленной одновременно краткой инструкции «контролерам военной почтово-телеграфной цензуры» устанавливались сроки просмотра корреспонденции: открытки на русском языке — «два дня со времени поступления в Военный контроль», открытки «на иных языках» и письма — три дня, телеграммы — 4 часа. При вскрытии заказных отправок требовалось составлять акт, а на «оболочках простых писем и на телеграммах» делать отметку «Просмотрено военным контролем»¹⁴.

⁹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф.1. Оп.2. Д.171. Л.1.

¹⁰ Почтово-телеграфный журнал. 1918. №11/13. 30 апреля. С.106.

¹¹ РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2484. Л.15.

¹² РГВА. Ф.6. Оп.3. Д.2а. Л.223а.

¹³ Там же. Л.2об.

¹⁴ Там же. Л.6об.

По нашему мнению, это еще не было перлюстрацией. Военная цензура во время войны в стране, когда о ней извещено население, дело логичное и законное. Каждый пишущий знает о ее существовании, а штамп военной цензуры ставится на корреспонденции. Переход же от законной военной цензуры именно к перлюстрации завершило издание новых инструкций, подготовленных в феврале — марте 1919. В них подчеркивалось, что «цензура корреспонденции, идущей из Красной Армии и в Красную Армию, производится секретно, вскрывается осторожно, тщательно заклеивается, никаких цензурных штампов на ней не ставится и в тексте ничего не вычеркивается», а цензорам напоминалось, что «военная цензура корреспонденции из Красной Армии есть учреждение совершенно секретное»¹⁵.

Это и были первые советские инструкции по перлюстрации. В этой связи встает вопрос об исходном материале для создания этих инструкций. По мнению известного специалиста З.И.Перегудовой, поскольку работа по перлюстрации держалась до 1917 в строгом секрете, то ни Министерством внутренних дел, ни старшим цензором не было издано никаких письменных циркуляров и правил о ведении этой работы¹⁶. Однако публикуемые ниже документы наводят на мысль, что при их написании использовались не только «Положения о военной цензуре» 1914 и 1917 гг., но и оставшиеся нам неизвестными дореволюционные инструкции по перлюстрации.

В дальнейшем, приказом РВСР от 10 августа 1920, органы почтово-телеграфного контроля были переданы Особым отделам, став составной частью структуры ВЧК¹⁷. Через год, 9 августа 1921, приказом РВСР и ВЧК №1708/293 Управление военной цензуры Штаба РККА также было передано в ведение ВЧК и стало подотделом военной цензуры Информационного отдела ВЧК¹⁸. В 1920-е перлюстрация была сосредоточена в отделе Политического контроля (Политконтроль) ОГПУ. Ее масштабы непрерывно росли. Например, за один год, с октября 1923 по октябрь 1924, было просмотрено более 5 млн. писем и более 8 млн. телеграмм¹⁹. Судя по докладной начальника отдела Политконтроля И.З.Сурта от 12 декабря 1924 на имя Ф.Э.Дзержинского, его подчиненные трудились крайне напряженно: «никаких праздников и выходных сотрудники не имеют», «один сотрудник на телеграфе просматривает в сутки 2500 телеграмм», а «полная обработка писем доведена до 250 штук в день на одного человека»²⁰.

¹⁵ РГВА. Ф.6. Оп.12. Д.10. Л.285, 292.

¹⁶ Перегудова З.И. Указ. изд. С.203.

¹⁷ РГВА. Ф.6. Оп.12. Д.29. Л.21.

¹⁸ Там же. Ф.7. Оп.1. Д.200. Л.44, 47.

¹⁹ РЦХИДНИ. Ф.76. Оп.3. Д.307. Л.188.

²⁰ Там же. Д.306. Л.35. *Сурта* Иван Захарович (1893-1937). Родился в семье крестьянина-белоруса. Окончил фельдшерскую школу. С 1914 на военной службе: рядовой, лекарский помощник, делопроизводитель. Был связан с группой анархистов-коммунистов. С марта 1918 член РКП(б). В 1918-1920 на партийной и советской работе в Белоруссии: председатель Клиновичского уездного исполкома, зам. председателя Могилевского губисполкома, председатель Гомельского губис-

Постоянное внимание делу перлюстрации уделяли высшие партийные органы: Политбюро и ЦКК²¹.

В последующие годы перлюстрации также принадлежало важное место в осуществлении тотального политического контроля. Масштабы царской России в этом отношении были многократно превзойдены. К сожалению, относительно этого периода мы располагаем лишь отрывочными сведениями²². Охраняемая секретными инструкциями и решениями высшего партийного руководства, перлюстрация во все годы советской власти оставалась строго секретным институтом. Само ее существование формально было нарушением советского законодательства, которое и в Почтовом уставе 1929, и в Конституциях 1936 и 1977 гг. провозглашало охрану «тайны переписки» и грозило тюремным заключением за ее нарушение²³.

Документы публикуются в соответствии с машинописными текстами с подписями-автографами, хранящимися в Российском государственном военном архиве (РГВА. Ф.6. Оп.12. Д.10. Л.284-300). В публикации сохранены орфография и пунктуация подлинника, очевидные опечатки устранены, подчеркивания в документах переданы курсивом. Добавления публикатора помещены в квадратные скобки.

1

ИНСТРУКЦИЯ ДЛЯ ПОЧТОВО-ТЕЛЕГРАФНЫХ ВОЕННО-ЦЕНЗУРНЫХ ОТДЕЛЕНИЙ (Кроме Москвы и Петрограда)

Цензуре подлежат: 1) письма из Красной Армии. 2) письма в Красную Армию. 3) все заказные письма. 4) все телеграммы.

полкома. После конфликта с другими руководителями был отозван в Москву. С ноября 1920 в ВЧК: зам. начальника Секретного отдела, начальник Оперативного отдела, с мая 1923 — начальник отдела Политконтроля ОГПУ. В 1926-1930 секретарь парторганизации ОГПУ. В 1928 заочно окончил медицинский факультет 2-го МГУ по специальности «врач-невропатолог». В 1930-1932 учился в Институте красной профессуры, одновременно преподавал в 1-м Московском медицинском институте философию. В 1932-1933 вице-президент АН Белоруссии, профессор Мединститута; в 1933 зам. наркома просвещения БССР, в 1933-1936 нарком здравоохранения БССР, с февраля 1936 президент АН БССР и кандидат в члены Бюро ЦК КП(б) Белоруссии. Арестован 27 августа 1937. Расстрелян 20 декабря 1937 в Минске. Реабилитирован Военной коллегией Верховного суда СССР 28 апреля 1956.

²¹ См.: Измозик В.С. Перлюстрация в первые годы советской власти // Вопросы истории. 1995. №8. С.26-35.

²² См.: Авзегер Л. Я вскрывал ваши письма: Из воспоминаний бывшего тайного цензора МГБ // Время и мы (Нью-Йорк; Тель-Авив; Париж). 1980. №55-56. Сожженный вариант его воспоминаний: Источник. 1993. №1.

²³ Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик (СУ СССР). 1929. №22. Ст.194.

Примечание: не цензуются письма и телеграммы, адресованные в Москву и Петроград, или на пути своем проходящие через эти города. /.../

[5.] Телеграммы и письма Правительственных учреждений и лиц, если они имеют соответствующие описи и печати, не подлежат цензуре. Частная корреспонденция, адресованная на имя Членов Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов, Совета Народных Комиссаров, Членов Коллегии Народных Комиссаров и Центрального Комитета Российской Коммунистической Партии, также не подлежат цензуре.

[6.] Письма берутся из Почтовой Конторы только в том количестве, которое Отделение в состоянии просмотреть в один рабочий день.

Цензура корреспонденции, идущей из Красной Армии и в Красную Армию, производится секретно, вскрывается осторожно, тщательно заклеивается, никаких цензурных штемпелей на ней не ставится и в тексте ничего не вычеркивается.

Вскрытие заказной корреспонденции и регистрация писем, в которых найдены какие-либо ценности (деньги, ценные бумаги, переводы, векселя, марки и т.д.), производится по особым правилам (приложение №2).

[7.] Перечисленная ниже корреспонденция задерживается цензурой:

- а) Шпионского характера,
- б) Контр-революционного,
- в) Обличающая преступления по должности,
- г) Спекулятивные,
- д) Непонятного смысла,
- е) Условного смысла,
- ж) Шифрованные,
- з) По секретным спискам Особ. Отделов или Ч.К.

Корреспонденция, перечисленная в §7, направляется в ближайшее учреждение Особого Отдела, если содержание ее военного характера, и в Чрезвычайную Комиссию, если содержание корреспонденции частного характера. С такими телеграммами и письмами Отделение поступает согласно сообщению того учреждения, куда они посланы.

Письма, задержанные по п[ункту] 3, присылаются в указанные учреждения нераспечатанными. Секретные списки могут быть доверены только сотрудникам-коммунистам.

8. Конфискуются письма и телеграммы из Красной Армии, когда содержание корреспонденции является нарушением военной тайны.

9. Конфискуются письма в Красную Армию:

когда сообщаются сведения из дому явно сенсационного характера о действиях и распоряжениях Советской власти.

Корреспонденция, указанная в §8 и 9, конфискуется исключительно по распоряжению Начальника данного военно-цензурного органа.

10. На все задержанные и конфискованные письма составляются меморандумы.

Меморандум должен содержать в себе: 1) фамилию и адрес адресата; 2) фамилию и адрес (если есть) отправителя; 3) дату письма; 4) краткое и точное содержание того места письма, которое послужило причиной конфискации и задержанию его; 5) подпись контролера, составлявшего меморандум и 6) подпись руководителя или старшего контролера, проверившего меморандум.

На обороте меморандума впоследствии отмечается, куда направлено письмо Отделением, и сообщения того учреждения, куда послано письмо.

Меморандумы и копии телеграмм с теми же пометками, как и меморандумы писем, хранятся в Отделении. Копии меморандумов тех писем, в коих красноармейцы указывают адресатам способы вызова их с фронта (напр.: просят прислать телеграмму о болезни или смерти близкого лица), посылаются Политическому Комиссару соответствующей части (полка, дивизиона и т.д.). При сообщении таких меморандумов необходимо указывать, что цензура писем из Красной Армии является секретной, ввиду чего Комиссарам предлагается не указывать красноармейцам, каким способом добыты указанные выше сведения.

11. Все сведения, касающиеся внутренней жизни Красной Армии и ее морального и политического состояния, заносятся контролером на особые именные отчетные листы, где и группируются по соответствующим частям. Если какое-либо сведение подтверждается более, чем одним письмом, то за таким сведением ставится количество подтверждающих его писем. Напр.: 1-й Стрелковый Советский Полк — пища хорошая (2 письма), нет обуви, мало патронов, строгая дисциплина (3 письма), настроение бодрое, есть случаи тифа (4 письма).

Если нельзя указать название части, указывается место ее расположения. Сведения без указания части и места на отчетный лист не заносятся.

Отчетные листы должны ежедневно проверяться руководителями, которые ставят на них свою подпись.

Примечание: сведения о дефектах Красной Армии посылаются в Политотдел той армии или Политкому дивизии, которой

принадлежит данная часть. Если часть находится в тылу, то сведения посылаются в соответствующий штаб Округа по месту расположения данной части.

12. Поддерживая постоянную связь с Отделом, Отделение общает Отделу следующие сведения:

а) при учреждении Отделения: по чьей инициативе оно возникло и когда начало действовать. Одновременно Отделение представляет списки сотрудников, распределение между ними работы, и их анкеты, снабженные фотографическими карточками.

б) затем Отделение обязано представлять в Отдел периодически следующие сведения: 1) о переменах в личном составе (копии приказов) и 2) отчеты работы Отделения в конце каждого месяца. В отчете должно быть указано [1]) количество просмотренных телеграмм и писем, количество конфискованных, задержанных «к сведению», с указанием куда именно и сколько послано. 2) Сводку сведений о Красной Армии (2 раза в месяц).

Примечание: 1) Кроме отсылки упомянутой в п.2 сводки в Отдел, таковая должна посылаться 2 раза в месяц в Политический Отдел Реввоенсовета Армии, в районе действия коей расположено Отделение.

Подписали:

Начальник Отдела Военной цензуры Я.Грейер¹

Уполномоченный: В.Пряхин

С подлинным верно: Начальник Канцелярии [подпись]

¹ *Грейер* Яков Андреевич был назначен приказом по отделу военной цензуры Регистрационного управления РВСР №1 от 24 декабря 1918 временно исполняющим дела начальника отдела. Затем стал начальником отдела военной цензуры. С 27 ноября 1919 был назначен помощником начальника отдела военной цензуры.

2

ИНСТРУКЦИЯ №2 ДЛЯ ЦЕНЗУРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

Копия
Секретно

1. Все письма международной корреспонденции, входящие и исходящие — должны быть просмотрены полностью.

Примечание: Не подлежат просмотру и отметке какими бы то ни было штемпелями: а) переписка наших правительственных

лиц и учреждений, если на конвертах обозначено соответствующее учреждение и письмо запечатано его печатью, б) письма дипломатических агентов нейтральных и дружественных нам государств при тех же условиях, в) частная переписка правительственных лиц Р.С.Ф.С.Р. по особому списку.

2. Все письма шифрованные, имеющие условный смысл или непонятные по своему содержанию — конфискуются.

3. Письма на непонятных языках задерживаются в Подотделении до перевода.

4. Письма, содержащие в себе сообщение каких-либо военных тайн Сов. Республики (Согласно «Перечню») — конфискуются.

5. Письма, возбуждающие какое-либо сомнение о причастности к шпионажу или контр-революции — задерживаются.

6. Письма, исходящие из России, с тенденциозным изложением событий внутри страны, искажающие действия и мероприятия Советской власти, задерживаются контролером на усмотрение начальника Подотделения.

7. Письма, содержащие явно преступные сведения об экономическом положении страны, задерживаются контролером на усмотрение Начальника Подотделения.

8. Конфискуются для направления в соответствующее Сов. Учреждение письма, содержащие в себе указания о деяниях, караемых уголовными законами.

9. Письма, содержащие в себе военные тайны *врагов* Сов. Республики — задерживаются.

10. Исключительно по порнографическому содержанию конфискуются только открытые письма.

11. Сверх того все письма тщательно цензуруются и соответственно требованиям и инструкциям Комиссариатов: Финансов, Иностранных и Внутренних Дел и других Сов. Учреждений.

12. Одно отсутствие или недостаточность адреса не может служить причиной конфискации или задержания письма.

13. На самой корреспонденции не ставится никаких штампов.

14. Штемпель контролера ставится только на адресе письма.

15. До заключения Отдела Военной Цензуры штемпель о конфискации не ставится.

16. На все конфискованные и задержанные письма составляются в двух экземплярах меморандумы, скрепленные подписью контролера и обязательно проверенные руководителем.

17. Меморандумы должны заключать в себе: а) от кого и откуда письма; б) кому и куда; в) краткое содержание тех мест письма, на которое обращено внимание; г) п[орядковый] п[ункт] инструкции, по которым предполагается конфискации или задерж-

ка письма; д) штемпель контролера и руководителя; е) время составления меморандума.

18. Все предполагаемые к конфискации и задержанию письма — простые и заказные пересылаются в Отдел цензуры при одном экземпляре меморандума.

19. Конфискованные письма, по возвращении их Отделом, хранятся в Подотделении в порядке поступления писем из Почтамта.

Подписали:

Начальник Отдела Военной Цензуры Я.Грейер

Пом. Нач. Отдела по П.-Т. Контролю С.Алмазов¹

С подлинным верно:

Контролер И.Померанцев

¹ Алмазов Сергей Борисович зачислен цензором 10 января 1919.

3

СХЕМА ДВИЖЕНИЯ ПИСЕМ В ОТДЕЛЕНИИ ВОЕННОЙ ЦЕНЗУРЫ ПОЧТ И ТЕЛЕГР[АФОВ]

Секретно
Приложение №1

I

Заказные письма

Корреспонденция приносится из экспедиции почтово-телеграфной конторы и сдается в стол приема и распределения (стол №1 чертежа) под расписку (в расписке вся корреспонденция перечисляется по номерам).

Стол №1

Стол №1 (стол №1 составляется из сотрудников, прикомандированных из Почтово-Телеграфной Конторы) распределяет всю корреспонденцию по следующим группам:

1) красноармейская, 2) официальная, 3) международная и 4) частная. Вся корреспонденция, по распределении на указанные группы, передается на секретный стол (Стол №2 чертежа).

Стол №2

Вся корреспонденция, поступившая на секретный стол, просматривается по адресам. Письма,

адресованные на имя лиц, значащихся в секретных списках, передаются Начальнику Секретного Стола причем переданным письмам составляется список с указанием номеров писем (без указания адресов и фамилий), каковой вместе со всей остальной корреспонденцией возвращается в стол №1.

Примечание: международная корреспонденция, а также корреспонденция на тех языках, кои неизвестны цензорам данного Отделения, пересылаются в Московское Отделение Военной Цензуры Почт и Телеграфов в тот же день.

Стол №2а

Начальник Секретного Стола все письма адресатов, значащихся в поименованных выше списках, в тот же день пересылает *нераспечатанными* в то учреждение, по спискам которого они задержаны (препроводительные к ним бумаги заносятся в особый исходящий журнал секретных бумаг), и докладывает о них Начальнику Отделения.

Стол №1 всю вернувшуюся с секретного стола корреспонденцию, распределенную по группам, распределяет по столам «Заказной корреспонденции», по числу цензоров в каждом столе и передает их под расписки цензорам-руководителям соответствующих столов.

Стол №3

Цензора-руководители передают полученную корреспонденцию цензорам (оставив себе для прочтения не менее половины того количества, каковое получает каждый цензор).

На обязанности цензоров-руководителей, кроме обычной работы по чтению писем, лежит контроль за работой своего стола, проверка составленных цензорами меморандумов (выписки из заслуживающих внимания писем) и составление сводки из меморандумов (ежедневной).

Стол №4

Цензора обязаны внимательно прочитывать полученную ими корреспонденцию, вынося все заслуживающее внимание в особые списки (меморандумы), составленные в 2-х экземплярах каждый.

Стол №7

Все письма, на которые составлены меморандумы, передаются цензорами-руководителями (вместе с меморандумами) на осведомительный стол (стол №7 чертежа).

Функции осведомительного стола состоят в пересылке задержанных писем или меморандумов с тех писем, которые будут признаны Начальником Отделения подлежащими отсылке адресатам, в соответствующие учреждения, а также в составлении общей сводки по данным, полученным от цензоров-руководителей.

Кроме того, осведомительный стол пересылает заинтересованным учреждениям копии задержанных телеграфным столом телеграмм, а также и копии тех телеграмм, кои будут признаны Начальником Отделения подлежащими отсылке адресатам, но содержат в себе что-либо могущее интересовать соответствующие учреждения.

Стол №5

Часть просмотренных цензорами писем (на выдержку) поступает на стол контроля работы сотрудников (Стол №5 чертежа). Работа стола №5 состоит, как это видно из самого названия, в повторном чтении писем для проверки работы цензоров.

Стол №6

Вся прочитанная корреспонденция, за исключением писем, признанных подлежащими конфискации или пересылке в соответствующие учреждения, поступает на стол заклейщик (Стол №6 чертежа), которые приводят конверты в первоначальный, по возможности, вид, тщательно их заклеивая, и затем передают всю корреспонденцию обратно на стол №1, который сдает таковую в Почтовую Телеграфную Контору под расписку.

На обязанности прикомандированных из Почтово-Телеграфного Ведомства сотрудников (Стол №1) лежит, кроме вышеуказанного, составление актов о конфискации или задержании писем, а также и о вскрытии всех писем со сложением [вложением?] в таковые денег или документов.

Конфискованные письма хранятся Начальником Отделения в надежном месте (по возможности в негораемых шкафах).

Работа секретного стола должна быть фактически секретной — списков никто, кроме сотрудников *стола* и Начальника Отделения, видеть не должен.

II

Простые письма

Простая корреспонденция непосредственно из Почтово-Телеграфной Конторы поступает на секретный стол, затем вся корреспонденция (за исключением задержанной) идет на распределительный стол и дальнейшее ее движение ничем не отличается от движения заказной корреспонденции.

III

Телеграммы

Все поступающие в Почтово-Телеграфную Контору телеграммы передаются непосредственно из аппаратной цензорам, цензора просматривают все телеграммы (за исключением официальных).

Телеграммы, подлежащие задержанию по секретным спискам, а также те телеграммы, содержание коих возбуждает сомнения цензоров, передаются цензору-руководителю телеграфного стола.

Цензор-руководитель просматривает все полученные от цензоров телеграммы и те из них, кои задержаны, по его мнению, правильно, передает в секретный стол (Стол №2 чертежа), (в трех экземплярах каждая), а остальные возвращаются цензорам для отправки адресатам.

Начальник Отделения просматривает ежедневно все задержанные телеграммы и решает, какие подлежат конфискации, какие — дальнейшему направлению адресатам (после снятия с них копий для заинтересованных учреждений).

В Отделениях группы Б и В¹ штатов №3, ввиду небольшого числа сотрудников, число столов сокращается следующим образом: 1) функции стола контроля работ поручаются цензорам-руководителям и 2) обязанности сотрудников осведомительного стола передаются секретному столу, который в таких случаях носит название «секретно-осведомительного стола».

Начальник Отдела Грейер
Уполномоченный Пряхин
С подлин[ным] в[ерно] Нач. Канцелярии

¹ Согласно штатному расписанию почтово-телеграфной цензуры количество работников зависело от объема корреспонденции, обрабатывав-

шейся на каждом почтамте. Поэтому все почтово-телеграфные конторы, за исключением почтамтов Москвы и Петрограда, делились на три группы: А, Б и В. К группе «А» относились почтово-телеграфные конторы, пропускавшие в сутки более 10 тыс. почтовых отправлений, к группе «Б» — конторы, пропускавшие в сутки от 5 до 10 тыс. почтовых отправлений, к группе «В» — конторы, пропускавшие в сутки менее 5 тыс. почтовых отправлений.

4

ПРАВИЛА ПРОСМОТРА ЗАКАЗНОЙ, ДЕНЕЖНОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ И ПРОСТЫХ ПИСЕМ СО ВЛОЖЕНИЕМ ЦЕННОСТЕЙ

Приложение №2

Заказные письма получают и сдают Отделением под росписку, о них составляется акт (в 2-х экземплярах — один хранится в Отделении, другой сдается Почтовому Ведомству), на котором отмечается и дальнейшее отправление письма: задержание его, конфискация или направление по адресу.

Примечание: конфискуемые письма хранятся в Отделении 2 года и потом сдаются для уничтожения в соответствующие почтовые учреждения.

Денежные письма вскрываются представителем Почтового Ведомства, цензор просматривает вложение, после чего представитель Почтового Ведомства вкладывает вложение в конверт и запечатывает его. О каждом вскрытии денежного письма составляется акт (в 2-х экземплярах).

В акте отмечается: послано ли денежное письмо полностью адресату, задержано ли оно в целом или частично, куда послано для заключения, заключение соответствующего учреждения и окончательное направление письма.

Ценные вложения, точно перечисленные в акте, если это денежные знаки, передаются на почту с соответственной пометкой принимавшего их почтового сотрудника, если же это денежные бумаги, то они направляются в Кредитную Канцелярию. Все отмечается в акте.

Если, при вскрытии простой корреспонденции, в ней найдены будут ценности, письмо вносится в особую книгу с указанием: времени вскрытия, даты письма, адресат и его адрес, фамилия и адрес отправителя (по возможности), точное описание находившихся в ней ценностей, подпись вскрывавшего цензора.

Деньги передаются почтовому ведомству под роспиську в книге, а ценные бумаги посылаются в Кредитную Канцелярию с соответствующей пометкой в книге.

Начальник Отдела Грейер
С подлинным верно Нач. Канцелярии

5

ПРАВИЛА ДЛЯ ЦЕНЗУРОВАНИЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ИЗ КРАСНОЙ АРМИИ

Секретно
Приложение №3

1. Военная цензура корреспонденции из Красной Армии есть учреждение совершенно секретное.

2. Примечание. Разглашение сотрудником Военной Цензуры каких бы то ни было сведений о цензуре, сокрытие корреспонденции или умышленное незанесение данных письма на отчетную карточку влечет за собой отрешение сотрудника от службы и привлечение его к ответственности по всей строгости Революционных законов.

3. Цензура не должна задерживать письма более 24 часов, почему ограничивается цензурование только того количества писем, которое в состоянии просмотреть в течение 7 рабочих часов; выбрать письма обязательно из всех армий.

4. В виду секретности цензуры необходимо особенно осторожно вскрывать конверты и тщательно их заклеивать.

5. В тексте писем ничего не вычеркивается. В случае чисто шпионского характера письма конфискуются и в тот же день доставляются: в копиях — в Отдел Военной Цензуры и в подлинниках — в Особый Отдел В.Ч.К. Если же письма содержат в себе военную тайну, они конфискуются и направляются в Отдел Военной Цензуры.

6. Каждый контролер получает образцовую карточку с вопросными пунктами и чистые карточки, разграфленные на 12 частей, соответствующих 12 графам образцовой карточки.

7. Заполнение статистической карточки производится следующим способом:

а) на чистой карточке с левого края контролером перенумеровываются все 12 граф.

б) в правом верхнем углу карточки ставятся буквы, соответствующие роду оружия корреспонденции:

- П. — пехота
- К. — кавалерия
- А. — артиллерия
- Ш. — штабы
- Ав. — авиация
- Авт. — автомобильные части
- М. — мотоциклисты
- С. — саперы
- Ж. — железнодорожные части
- М. — медицинская часть
- В. — ветеринарная часть
- П.Л. — посторонние лица на фронте

в) В первой графе ставится порядковый номер писем, просмотренных контролером за текущий день работы, отмечая тот же номер слегка карандашом на соответствующем письме. Номер этот, при проверке работы контролера руководителем, стирается с конверта.

г) В случае ненахождения в письме данных для графы 3, военная часть, в которой служит корреспондент, ставится по возможности, хотя бы название более крупного соединения частей (бригада, дивизия, корпус, армия), откуда письмо отправлено.

д) На место графы 12 в левом нижнем углу карточки ставится штампель контролера, просматривавшего письма, в нижнем же правом углу ставится штампель руководителя при просмотре им карточки. Между этими двумя штампелями ставится дата составления карточки.

е) Графы, которые не могут быть заполнены сведениями из текста письма, прочеркиваются.

ж) по окончании дневной работы, контролер группирует карточки по роду оружия корреспондентов.

з) На другой день по составлении карточек они приводятся в порядок и подбираются по частям войск, к которым принадлежат корреспонденты.

Подписали:

Начальник Отдела военной цензуры

Я.Грейер

Пом. Нач. по почтово-телеграфному контролю

С.Алмазов

18/II 1919 г.

С подлинным верно:

Нач. Канцелярии

**ПРАВИЛА ЦЕНЗУРОВАНИЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ,
ИДУЩЕЙ В КРАСНУЮ АРМИЮ**

Сов. секретно
Приложение №4

1. При просмотре корреспонденции, идущей в Красную Армию, контролеры должны особенное внимание обратить на письма:

- а) шпионского характера,
- б) непонятного и условного содержания,
- в) шифрованные,
- г) со слухами сенсационного и панического характера,
- д) содержащие в себе пропаганду антимилитаризма.

2. Материал, полученный из писем и телеграмм, классифицируется и к каждому 15-му и 1-му числу препровождается в Отдел.

3. Разработка и использование найденных в письмах сведений указанных в п[ункте] 1, производится согласно указаний общей инструкции по П/Т. военно-цензурным отделениям.

Начальник Отдела военной цензуры Грейер
Пом. начальника Отдела С.Алмазов

26/II 1919 г.

С подлинным верно: Начальник Канцелярии

**ПРАВИЛА ДЛЯ КОНТРОЛЕРОВ-РУКОВОДИТЕЛЕЙ
ВОЕННОГО ПОЧТОВОГО КОНТРОЛЯ**

Секретно
Приложение №5

1. На обязанности Контролера-Руководителя лежит руководство группой контролеров, за работу которых он несет самую строгую ответственность.

2. Контролер-Руководитель обязан знать в совершенстве все существующие правила контролирования корреспонденции и своевременно знакомиться с правилами, вводимыми вновь.

3. Контролер-Руководитель обязан следить за работой своей группы и принимать меры к возможному повышению ее.

4. Контролер-Руководитель обязан наблюдать в своей группе за правильным применением существующих правил контролиро-

вания корреспонденции, в особенности цензуруемой совершенно секретно, и внимательно следить за задержкой контролерами писем.

5. На обязанности Контролера-Руководителя лежит инструктирование вновь поступающих и наблюдение за их работой в течение всего испытательного периода.

6. Контролер-Руководитель обязан периодически проверять работу каждого из контролеров своей группы, как самостоятельно, так и через посредство стола проверки работ.

7. В случае обнаружения ошибки, допущенной контролером при просмотре корреспонденции, Контролер-Руководитель обязан лично объяснить ошибку и следить, чтобы таковые не повторились.

8. В случае обнаружения пропуска контролером корреспонденции, подлежащей задержанию, Контролер-Руководитель обязан выяснить причину такового пропуска и, если ошибка совершена Контролером намеренно, а не по простому недосмотру, — обязан немедленно доложить Начальнику п/т. контроля или его заместителю.

9. Контролер-Руководитель обязан следить за составлением меморандумов, которые должны быть кратки, ясны и точны, и передавать их на осведомительный стол для дальнейшего направления.

10. Во всех случаях сомнения или обнаружения в корреспонденции сведений, особенно интересных или требующих срочной передачи их соответствующему учреждению, — контролер-руководитель обязан тотчас же обращаться к Начальнику п/т. Контроля или его заместителю.

11. Контролер-руководитель должен выдавать корреспонденцию подчиненным ему контролерам по счету, отмечая количество прочитанных писем на именном списке контролеров.

12. Если контролеру попадают письма на языках, ему не понятных, контролер-руководитель принимает такие письма обратно и передает соответствующему контролеру или другому руководителю.

13. Ведомости о работе подчиненных контролеров контролер-руководитель ежедневно, по окончании рабочего дня, сдает в канцелярию п/т. Контроля.

Подлинный подписал:

Начальник Отдела военной цензуры Я.Грейер
Военный контролер: Померанцев
С подлинным верно: Контролер

ПРАВИЛА ДЛЯ КОНТРОЛЕРОВ
ВОЕННО-ПОЧТОВОГО КОНТРОЛЯ

Секретно
Приложение №6

1. Непосредственный просмотр проходящей через Военно-Почтовый Контроль корреспонденции лежит на обязанности контролеров.

2. Контролеры не имеют права разглашать секретных сведений, полученных ими по службе, и обязаны сохранять тайну частной корреспонденции.

3. Контролеры обязаны относиться к корреспонденции самым бережливым образом: а) вскрывать письма, не повреждая их оболочки; б) не делать на письмах и на оболочках никаких надписей, кроме предусмотренных правилами просмотра; в) тщательно следить за вложениями, не теряя таковых и вкладывая в соответствующую оболочку.

4. Контролеры обязаны получать выдаваемую им на просмотр корреспонденцию от своего руководителя по счету, сдавая по счету руководителю же по прочтении.

5. При просмотре контролеры обязаны самым внимательным образом относиться к содержанию писем, как в отношении цензурирования их, извлекая из них сведения, предусмотренные правилами просмотра, так и в целях собирания соответствующих сведений.

6. Извлекаемые из корреспонденции сведения представляются контролерами в виде меморандумов, которые должны составляться по указанной форме кратко, но ясно рисуя самое важное.

7. Составленные меморандумы передаются контролерами своим руководителям, которые проверяют и направляют их дальше.

8. Контролеры обязаны знать все существующие правила просмотра, своевременно знакомясь с правилами, вводимыми вновь, и расписываясь в их прочтении.

9. Для достижения правильного и единообразного применения правил просмотра все необходимые разъяснения контролеры получают от своего руководителя.

10. При всяком сомнении, возникающем при просмотре корреспонденции, контролеры обязаны обращаться к своему руководителю.

11. Каждый контролер получает соответствующий номер, который выдается ему на все время службы и за сохранность которого он отвечает.

12. Правила просмотра, инструкции, приказы и все, касающееся контролирования, составляют служебную тайну, за разглашение коей контролеры несут ответственность по всей строгости Революционных законов.

Подлинный подписал:

Начальник Отдела военной цензуры Я.Грейер

Военный контролер: Померанцев И.

С подлинным верно: Контролер

20 марта 1919 г.

9

АНКЕТА

1. Фамилия
2. Имя и отчество
3. Год рождения
4. На какую должность назначены
5. С какого времени
6. Кто рекомендовал Вас
7. Какую должность занимаете в настоящее время
8. Образовательный ценз
9. Специальность и род занятий
10. Участвовали ли в войне и в качестве кого
11. Где служили во время войны и до войны
12. Где служили в промежуток времени между 1 марта и 25 октября 1917 г.
13. Где служили с 25 октября 1917 г. (перечислить все занимаемые должности за этот период).
14. Состоите ли в Профессиональном Союзе
15. Занимались ли общественной деятельностью где, когда и какой
16. К какой партии принадлежите или какой сочувствуете
17. С какого времени состоите в партии
18. Состояли ли в друг. партиях и в каких
19. Адрес

(подпись)

” “ 1919 г.

ССЫЛКА В 1920-е ГОДЫ¹

Публикация С.А.Красильникова

В арсенале репрессивных мер царского, а затем и советского режимов высылка (удаление из пределов страны или данной местности с запрещением проживания в тех или иных местах или без такового запрещения) и ссылка (удаление из пределов данной местности с обязательным поселением в иных местностях) всегда занимали особое место, делясь на две разновидности: а) наказание по суду и б) наказание во внесудебном (административном) порядке. В дореволюционный период административная высылка и ссылка широко использовались для изоляции или перемещения из одних местностей в другие так называемых неблагожелательных в социальном или политическом отношении элементов. О ее распространенности можно было судить уже по тому, что численность административно-высланных и ссылных значительно превышала численность осужденных к аналогичному наказанию в судебном порядке.

После 1917 и вплоть до 1922 высылка и ссылка временно выпали из арсенала карательной политики государства. Однако уже к концу гражданской войны места заключения были переполнены «казрами» и социалистами различных толков, арестованными в превентивном порядке и не могущими быть осужденными по суду за неимением улик. Впервые вопрос о «применении административной ссылки по отношению к антисоветским политическим партиям» возник на Политбюро ЦК РКП(б) 14 декабря 1921: тогда по докладу зам. председателя ВЧК И.Уншлихта было принято решение о «выдаче административно-ссылным, на первое время до приискания ими занятий, поддержки из кредитов ВЧК». На следующий день постановлением Президиума ВЦИК была образована комиссия по обеспечению административно-ссылных, которую возглавил Ю.Лутовинов². Тем самым был заложен порядок, согласно которому политическим ссылным определялось пособие. Поначалу численность этой категории была незначительной — по РСФСР на весну 1922 политссылных насчитывалось до 500 чел.

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации исследовательского проекта «Маргиналы в послереволюционной России: поддержанного Международным научным фондом.

² АП РФ. Ф.3. Оп.58. Д.174. Л.1-3.

Примечательно, что карательная практика опережала законодательство: высылка «антисоветских элементов» осуществлялась с начала 1922, а первый нормативный акт о применении высылки и ссылки в административном порядке был принят ВЦИК лишь 10 августа 1922. Далее медлить с этим постановлением было неловко, поскольку завершалась подготовка массовых операций ГПУ по высылке значительной группы интеллигенции за границу («философский пароход») и еще большего числа социалистов (меньшевиков и эсеров) в отдаленные местности республики.

Практика административной высылки и ссылки постоянно требовала все новых и новых изменений постановления ВЦИК. С образованием СССР и изменением статуса ГПУ (превращением его в ОГПУ при СНК СССР) со всей очевидностью выявляется стремление этой организации к монополизации и расширению всех форм внесудебных репрессий. В созданной 14 декабря 1923 под председательством М.Калинина Комиссии ЦИК СССР по выработке нового положения об административной высылке ключевую роль играл зам. председателя ОГПУ В.Менжинский. К весне 1924 Комиссия свою работу завершила, и 28 марта 1924 Президиум ЦИК СССР принял «Положение о правах ОГПУ в части административных высылки и ссылки и заключения в концентрационный лагерь», которое приобрело тем самым характер общесоюзного закона, хотя оно, в отличие от предыдущего постановления ВЦИК, открыто не публиковалось, а воспроизводилось лишь по ведомственным каналам в форме секретного приказа по ОГПУ №172 от 2 апреля 1924.

С этого времени начинается длительная глухая междуведомственная борьба между НКВД РСФСР и ОГПУ с участием Наркомюста РСФСР. Предметом спора выступало разграничение полномочий этих органов в сфере обеих категорий высылки и ссылки — административной и судебной. Руководство НКВД требовало как минимум оставить за ним право на административную высылку и ссылку уголовного элемента, сохранив за ОГПУ право высылки главным образом «политиков», шпионов и контрабандистов. Настойчивость НКВД усилилась после принятия в 1926 нового Уголовного Кодекса, в котором появились специальные статьи (ст.ст. 35 и 36), узаконившие практику применения высылки и ссылки в судебном порядке (в прежнем УК имелась лишь ст. 49, допускавшая высылку). Пользуясь поддержкой Наркомюста, руководство НКВД настаивало на том, что в новых условиях требуется точное соотношение судебных акций по высылке и ссылке с акциями внесудебными, а в перспективе необходимо и вовсе отменить внесудебные репрессии. Однако ОГПУ успешно отбивало предлагаемые новации: 30 апреля 1928 секретным постановлением СНК СССР и СТО была подтверждена монополярная компетенция ОГПУ определять места жительства для административно-высланных, а также местности, где лицам этой категории проживание воспрещалось³.

Борьба за право определять местности для высылки и ссылки не только демонстрировала влияние того или иного органа, но имела на

³ ГА РФ. Ф.3316. Оп.2. Д.659. Л.16.

местах далеко не второстепенное значение. Поскольку существовала практика «зачистки» одних местностей от «социально опасных элементов» и, соответственно, концентрации последних в других местностях, то руководство большинства регионов стремилось к тому, чтобы если и не избежать полностью направления к ним уголовной ссылки, то сократить ее до минимума. Вопросы же такого рода требовали предварительного согласования с руководством ОГПУ, НКВД и НКЮ.

Постепенно на протяжении 1920-х складывалась практика так называемых минусов, то есть запрещение для административно или судебно высланных в течение определенного срока проживать в определенных местах — «минус 1», «минус 6», «минус 12» и т.д. В первом случае высланным запрещалось проживание лишь в том месте, откуда те выслались. Во втором речь шла о запрещении проживать в шести крупнейших городах страны — Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону. В число так называемых 12 пунктов, запрещенных для проживания административно высланным, входили: «1) погранокруга, 2) Московская обл., 3) Ленинградская обл., 4) Северный Кавказ и Дагестан, 5) все центральные округа областей, краев, автономных и союзных республик, 6) вся Украина, 7) вся Белоруссия и Белорусский военный округ, 8) вся Закавказская Федеративная республика, 9) Ашхабад, Каркаралинск, Мерв и их округа, 10) Красноводск, 11) Узбекская ССР, 12) Таджикская ССР»⁴.

Рассмотрим теперь правовое положение лиц, подвергавшихся упомянутым репрессиям. Первое из очевидных ограничений касалось права проживания в тех или иных местностях. Лицо, приговоренное к так называемой «простой высылке», должно было дать подписку с обязательством покинуть местность, проживание в которой ему запрещалось, и не возвращаться туда в течение определенного срока. В случае так называемой «квалифицированной высылки» от высылаемого требовалось обязательство не проживать во всех оговоренных в судебном или административном решении местах. Гораздо более жестко регламентировалось проживание и передвижение ссыльных. В места ссылки они отправлялись, как правило, маршрутным порядком, а конкретный пункт их проживания определялся органами ОГПУ (для административно-ссыльных) и НКВД (для сосланных по суду). Более того, многие ссыльные, как уголовные, так и политические, прежде, чем попасть на место отбывания ссылки, проводили в пересыльных тюрьмах и других местах лишения свободы от нескольких месяцев до года и более (и это — при максимальном сроке административной ссылки не более трех лет), что вызывало недоумение и протесты даже у «видавшего виды» прокурорского надзора.

Другое ограничение для ссыльных касалось рода занятий. Отбывающие ссылку, если только она не была соединена по решению суда с принудительными работами, формально имели право избрать для себя любое занятие. Однако при устройстве на работу любого ссыльного решающее слово оказывалось за местным органом ОГПУ или НКВД, мнение которых руководители учреждений и предприятий исправно запрашивали.

⁴ ГА РФ. Ф.Р-393. Оп.2. Д.1049. Л.1-2.

Важнейшим же пунктом, определявшим правовое положение высланных и ссыльных, являлось лишение их избирательных прав или их сохранение. По законодательству, если в приговорах судов «поражение в правах» специально не оговаривалось, то избирательное право за высланным или ссыльным сохранялось. Однако так было только до 1926. По новой избирательной инструкции избирательных прав лишались все высланные и ссыльные на весь период действия репрессии. «Лишенство» усугубляло и без того сложное положение высланных и ссыльных: они оказывались вдвойне уязвимы во время «чисток» крупных городов. По тем же основаниям им нередко отказывали в приеме на работу, не ставили на учет на биржах труда и т.д. Так на протяжении 1920-х высланные и ссыльные все более опутывались паутиной ограничительно-дискриминационных мер и все менее отличались уже от лиц, лишенных свободы.

В эти же годы происходило и общее ужесточение режима высылки и ссылки, связанное с увеличением сроков наказания. Так, если в нормативных документах 1922-1924 предельный срок определялся в 3 года, то по УК РСФСР 1926 г. этот срок возрос до 5 лет. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 10 января 1930 высылка по судебным приговорам назначалась на срок от 1 до 5 лет, а ссылка от 3 до 10 лет. Тогда же ссылку по суду стали соединять с принудительными работами.

В предлагаемой ниже документальной подборке центральное место занимают материалы о сибирской ссылке 1920-х и, главным образом, политической ее части.

Сибирь традиционно относилась к местностям, наиболее предпочтительным властью для размещения ссыльных (политических, в первую очередь). Так, еще до окончания процесса над лидерами правых эсеров, шедшего в рамках общей операции по разгрому социалистических партий и изоляции их наиболее активных представителей, и в преддверии еще не принятого тогда ВЦИК Постановления о высылке и ссылке в административном порядке, центральный аппарат ГПУ 14 июля 1922 запросил у ПП ГПУ по Сибири сообщения о местах возможного расселения для высылаемых в скором времени эсеров и меньшевиков. В ответе сибирских органов таковыми были в первую очередь определены Тобольск, Нарым и Туруханск.

Регулярные высылки социалистов в Сибирь, осуществлявшиеся в течение последующих двух лет, вызвали вскоре неодобрение местных партийных органов, усмотревших опасность в концентрации политссыльных (эсеров, в первую очередь). 27 ноября 1924 Сибкрайком РКП(б) постановил: «Обратить внимание ЦК партии на отрицательные политические последствия, угрожающие Сибири, вследствие неизбежной смычки между с.-р-ской ссылкой и хозяйственно крепким крестьянством и просить о прекращении высылки с. р. в Сибирь»⁵.

«Новогодним» подарком Сталина секретарю Сибкрайкома Косиору стало полученное в Новосибирске 31 декабря 1924 сообщение помощника

⁵ ГАНО. Ф.2-П. Оп.2. Д.16. Л.129-130.

генсека Мехлиса о том, что высылка эсеров в Сибирь прекращается. В приложенной к письму справке ОГПУ сообщалось, что в распоряжение ПП ОГПУ по Сибири для отбывания ссылки поступило 30 эсеров — 16 правых и 14 левых, и далее отмечалось: «Высылка с. р. в Сибирь прекращена ОГПУ по тем же соображениям, какие указаны в протоколе Сибкрайкома»⁶.

Действительно, на протяжении 1920-х эсеровский «элемент» оставался численно самым незначительным в составе политической части ссыльных Сибири (см. ниже, в частности, обзор Нарымской ссылки). Опасения же сибирской партбюрократии по поводу способности эсеров влиять на местное, преимущественно крестьянское население оказались преувеличенными. Источники этих страхов коренились главным образом в прошлом (большой авторитет эсеровских организаций в годы революции, в борьбе с колчаковщиной и в ходе вооруженных выступлений против большевистского режима в 1920-1921), а также в ощущении шаткости и неустойчивости тогдашних собственных позиций в сибирской деревне. И хотя ни самой эсеровской партии, ни ее идеологии как реального явления общественной жизни после 1922-1923 уже не существовало, ссылка — самим фактом наличия в ней таких легендарных личностей, как Д.Донской, А.Гоц, Е.Тимофеев и др., — заставляла большевиков считаться с моральным авторитетом несломленных оппонентов. И одним только «нэповским либерализмом» трудно объяснить, например, то, что А.Сольц в 1924 активно добивался, вопреки сопротивлению ОГПУ, скорейшей отправки Д.Донского из тюремного заключения в ссылку, а нарком здравоохранения Н.Семашко отдавал распоряжения о снабжении всем необходимым участковой больницы в Нарымском крае, где последующие 12 лет, вплоть до своей смерти в 1936, Д.Донской работал врачом, пользуясь громадным уважением местного населения. Примечательно, что многие так называемые бывшие (книга А.Луначарского, вышедшая к процессу над лидерами ПСР, так и называлась — «Бывшие люди»), а здесь наряду с эсерами и другими «политиками» должно упомянуть и священнослужителей, достаточно органично входили в местную среду, принимались и почитались ею.

Культуртрегерский (в широком смысле) аспект воздействия политической части ссылки на местное сибирское население в 1920-е сомнению не подлежит, и надзорные органы, особенно опасавшиеся «политической» смычки ссыльных с местными жителями, весьма скоро успокоились. Из двух линий поведения — культурничество и политический активизм — политссылка до появления ссыльных троцкистов предпочитала первую из названных. Местные отделы ГПУ смотрели сквозь пальцы на элементы самоорганизации политссыльных, реагируя лишь на факты их коллективного протеста в отстаивании ими своих, пусть и немногочисленных, прав. Чекисты с удовлетворением констатировали в отчетах раздробленность ссылки по политическим, религиозно-конфессиональным и другим признакам, равно как и любые проявления недоверия или недовольства ссыль-

⁶ ГАНО. Ф.2-П. Оп.2. Д.17. Л.563, 564.

ными со стороны местных жителей (в частности, антисемитизма по отношению к ссыльным социал-демократам и сионистам).

Политическая, а точнее было бы сказать «неуголовная» часть ссылки и до революции не отличалась однородностью и единством. Тем более это справедливо, если говорить о ссылке послереволюционной, 1920-х. К оппозиционерам социалистических толков прибавились многочисленные «бывшие» — от крупных царских сановников до священнослужителей различных конфессий, а также активисты национальных движений — от сионистов до даشناков. Не могло быть и речи о какой-либо солидарности между социалистами и националистами, или между ними и коммунистической оппозицией в лице сторонников Троцкого, Зиновьева и Каменева. Пособия, платившиеся ссыльным троцкистам, в несколько раз превышали нищенские выплаты ссыльным социалистам. В троцкистских колониях демонстративно праздновалось 7 ноября, тогда как другая часть ссыльных оценивала Октябрь резко негативно. Составлявшая предмет известного беспокойства местных сибирских властей борьба ссыльных троцкистов против лишения их избирательных прав и протесты, петиции и голодовки с целью добиться участия в перевыборах Советов, дабы публично отстаивать свои политические взгляды, не находили какого-либо отклика со стороны других политссыльных, социалистов или монархистов. Этот активизм троцкистов не встречал поддержки и в среде местного населения и лишь по инерции оставался предметом внимания со стороны партийно-советских и карательных органов.

1920-е в истории российской политической ссылки явились своего рода переходным, промежуточным этапом от ссылки царской начала века к ссылке 1930-х. По отзывам самих ссыльных, проникавшим на страницы эмигрантских изданий, послереволюционная ссылка стала «другой», более жесткой. Вместе с тем, по сравнению с 1930-ми годами, ссылка 1920-х выглядела едва ли не «либеральной». Действительно, в это время и в режиме пребывания ссыльных, их социальном положении, способах самоорганизации, связях с внешним миром, в том числе с заграницей, сохранялось много того общего с дореволюционными годами, что впоследствии было утрачено.

В сохранении многих атрибутов дореволюционной политической ссылки в 1920-е большую роль играл опыт самих большевистских лидеров, которые знали карательную систему «изнутри» и предпочитали не ломать эффективно действовавшие ее звенья — ссылку, в частности. Отсюда — сохранение в основном мест дислокации ссылки (ужесточены были только процедуры отправки и контроля за ссыльными на местах). Отсюда — пособие, которое выплачивалось неработающим «политикам», разрешение последним иметь заработок, вплоть до службы в местных советских учреждениях, заниматься репетиторством, сотрудничать с научными учреждениями и т.д.

На территории России, как и до революции, продолжал действовать Политический Красный Крест (с 1922 — «Помощь политзаключенным») во главе с Е.П.Пешковой, на счет которого поступали средства как изнутри страны, так и из-за рубежа. Разрешалось ссыльным и индивидуально

получать от родственников и знакомых из-за границы посылки, денежные переводы, корреспонденцию (правда, все это облагалось немалыми таможенными сборами). Шла интенсивная переписка ссыльных с эмиграцией, разумеется, под цензурным контролем. Ссылным разрешалось получать из-за границы не только нейтральную литературу (словари, учебные пособия, научные издания, художественную литературу), но и издания политического характера (газеты и журналы различных направлений, кроме эмигрантских). Причины подобного «либерализма» властей следует искать в сфере практических соображений: помощь ссыльным со стороны частных лиц и общественных организаций снимала с властей весьма значительную часть расходов на содержание ссыльных; кроме того, благодаря этой помощи все связи ссылки подвергались более эффективному контролю.

Необходимо отметить и то обстоятельство, что в 1920-е действовал прокурорский надзор над органами ГПУ, каким бы слабым и малоэффективным он ни был на практике. Система прокуратуры оказалась единственным правовым противовесом настойчивым попыткам ГПУ расширить применение внесудебных репрессий. По своему положению прокуратура обладала полномочиями опротестовывать решения местных органов ГПУ, принимать и проверять жалобы ссыльных на действия работников этих органов, проводить обследования с целью выяснения состояния ссыльных на местах и т.д. Сотрудники прокуратуры, осуществляя надзор за исполнением законодательных актов, не могли не видеть того, как не подкрепленная нормативными актами высылка и ссылка во внесудебном порядке давала органам ГПУ широкий простор для произвола. И хотя разумные аргументы отдельных работников прокуратуры тонули во внутри или межведомственной переписке, прокурорский надзор над органами ГПУ способен был еще в то время выявить наиболее грубые нарушения в сфере карательной практики, дать им правовую оценку.

Свою важную роль в «сохранении традиций» политссылки в 1920-е сыграл и субъективный фактор — «человеческое наполнение». Ядро политссылки на этом этапе составляли социалисты всех оттенков — от анархистов до энесов. Обладая весьма значительным опытом и навыками пребывания в дореволюционной ссылке, они естественно сыграли ключевую роль в становлении структур самоорганизации ссылки: их усилиями создавались колонии, формировались принципы поддержки и взаимопомощи, разрешались конфликтные ситуации, организовывались коллективные действия и т.д.

Все это позволяет констатировать, что политическая ссылка 1920-х, особенно в ее социалистической, преимущественно интеллигентской части, пребывала как бы в особом социальном времени, воспроизводя в новых условиях нормы поведения и быта дореволюционной ссыльной жизни. Несомненным тому подтверждением служит и переписка ссыльных тех лет. Меньшевик В.Коробков, ведший активную переписку с семьей эмигрантов, сообщал, что он усиленно работает «зимним темпом» над изучением иностранных языков и разработкой темы «пролетариат и куль-

тура», следит за развитием событий в европейском рабочем движении, высказывает свое отношение к личности Троцкого и т.д.

Инерционности политссылки 1920-х способствовала и слабая подвижность общественной психологии местного населения. Для ссылки избирались, как уже отмечалось, традиционные места изоляции — глухие и малонаселенные места Нарымского и Туруханского краев и других, преимущественно северных территорий, жители которых с трудом воспринимали послереволюционные изменения. На ссыльных они смотрели как на факт обыденности («при царе Нарым и при соввласти Нарым») и относились к ним прагматично, всецело в зависимости от поведения последних — к уголовным и полууголовным элементам отношение было неизменно отрицательным.

Однако постепенно ситуация изменялась. Уже со второй половины 1920-х административная ссылка стала терять свой первоначально политический облик. Расширив после 1924 свои полномочия по изоляции во внесудебном порядке «социально опасных» и «социально вредных» элементов, ОГПУ принялось активно «чистить» крупные города и пограничные зоны от нежелательных и подозрительных лиц, в том числе откровенных рецидивистов, отправляя их преимущественно в северные и восточные регионы. Осуществляемая же по линии НКВД высылка и ссылка по суду после введения в 1926 нового УК велась практически в те же районы, что и внесудебная. Все это полностью и окончательно изменило лицо ссылки — последняя в своей массе стала уголовной. Так, в конце 1920-х на пять тысяч ссыльных в Нарымском крае приходилось около 300 политссыльных, остальные были уголовниками. Поскольку в 1929 Сибирский край был объявлен территорией, «неблагополучной по бандитизму», то в конце августа 1929 руководство края направило срочное обращение в СНК РСФСР: «Участившиеся последнее время случаи несогласованной [с] нами посылки больших партий преступного элемента [в] Сибкрай [по] линии ГПУ и ГУМЗ ставят нас [в] чрезвычайно затруднительное положение тчк Имея [в] Сибкрае [по] неполным данным 6000 административно и судебно высланных [и] 3000 беспризорных[,] терроризирующих мирное население[,] категорически настаиваем [на] прекращении посылки новых партий преступного элемента [в] Сибкрай без предварительного согласования [с] нами о возможности их размещения тчк»⁷.

Таким образом, с конца 1920-х усилия сибирских властей в рассматриваемой сфере были направлены на то, чтобы не допустить «перегрузки» региона уголовной ссылкой, ставшей в ряде мест прямым фактором дестабилизации обстановки. Если же к этому прибавить, что уже с начала 1930 Сибирь стала одной из ключевых территорий для размещения репрессированного крестьянства («кулацкой ссылки»), то станет очевидным, насколько в 1930-е изменилась сама конфигурация института высылки и ссылки и значение в нем «политического» элемента. А это уже особая и требующая специального рассмотрения тема.

Основу публикации составили документы, извлеченные из фондов трех архивов — Гуверовского архива (США, Стэнфорд), Государствен-

⁷ ГАНО. Ф.Р-47. Оп.5. Д.30. Л.35.

ного архива Российской Федерации (Россия, Москва) и Государственного архива Новосибирской области. При подготовке вводной статьи использовались, помимо перечисленных выше архивов, документы Архива президента Российской Федерации и Центрального архива Федеральной службы безопасности России. Заголовки документов (кроме нормативных) даны публикатором. При публикации пунктуация и орфография источников приближены к современным нормам, индивидуальные и узусные особенности сохранены. Очевидные опечатки исправлены. Раскрыты сокращения, а также необходимые смысловые добавления публикатора даются в квадратных скобках. Ряд документов печатается в сокращении, что отмечено знаком купюры /.../.

1. НОРМАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

1.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ВЫСЫЛКЕ¹

10 августа 1922 г.

1. В целях изоляции лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям, в отношении которых испрашивается у Президиума ВЦИК разрешение на изоляцию свыше двух месяцев, в тех случаях, когда имеется возможность не прибегать к аресту, установить высылку за границу или в определенные местности РСФСР в административном порядке.

2. Рассмотрение вопросов о высылке отдельных лиц возложить на особую комиссию при Народном Комиссариате внутренних дел, действующую под председательством Народного Комиссара внутренних дел и представителей от Народного Комиссариата внутренних дел и Народного Комиссариата юстиции, утверждаемых Президиумом ВЦИК².

3. Постановления о высылке каждого отдельного лица должны сопровождаться подробным указанием причин высылки.

4. В постановлении о высылке должен указываться район высылки и время ее.

5. Список районов высылки утверждается Президиумом по представлению комиссии.

6. Срок административной высылки не может превышать трех лет.

7. Лица, в отношении которых применена административная высылка, лишаются на время высылки активного и пассивного избирательного права.

8. Высланные в известный район поступают под надзор местного органа Государственного политического управления, определяющего место жительства высланного в районе высылки.

9. Побег с места высылки или с пути следования к нему карается по суду согласно ст.95 Уголовного кодекса.

На основе настоящего постановления НКВД издает подробную инструкцию местным органам³.

Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1922. №51. Ст.646.

¹ Директива о выработке законодательного акта, позволяющего применять административную высылку в отношении «контрреволюционных элементов», была дана Политбюро ЦК РКП(б) 8 июня 1922 при обсуждении вопроса «Об антисоветских группировках среди интеллигенции»: «Предложить ВЦИК издать постановление о создании особого совещания из представителей НКВД и НКЮ, которому предоставить право, в тех случаях, когда имеется возможность не прибегать к более суровому наказанию, заменять его высылкой за границу или в определенные пункты РСФСР». Свои проекты были предложены ГПУ и Наркомюстом. Они несколько различались. Так, в проекте ГПУ предельный срок высылки определялся в пять лет (в проекте НКЮ — три года). Высылка же за границу, по мнению ГПУ, могла быть «без указания срока, то есть впредь до постановления об отмене ее». ВЦИК принял более мягкую редакцию — Наркомюста. Кроме того, ВЦИК изменил предложенное ГПУ название специального органа «Особое Совещание» на «особую комиссию», дабы не создавать аналогий с дореволюционным периодом.

Само постановление вскоре было дополнено декретом ВЦИК от 16 октября 1922, в котором говорилось: «В дополнение и развитие постановления ВЦИК о порядке высылки лиц, признаваемых социально опасными (СУ 1922, №51, ст.646), предоставить образованной согласно декрета о высылке комиссии при НКВД право высылать и заключать в лагерь принудительных работ на месте высылки на тот же срок (не свыше трех лет):

а) деятелей антисоветских политических партий (ст.ст.60, 61, 62 Уголовного Кодекса);

б) лиц, дважды судившихся за преступления, предусмотренные ст.ст.76, 85, 93, 140, 170, 171, 176, 180, 182, 184, 189, 190, 191 и 220 Уголовного Кодекса» (СУ. 1922. №65. Ст.844. П.2). Фактически здесь имело место серьезное расширение полномочий ГПУ на внесудебные репрессии: объектом репрессий вместо «лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям» (постановление от 10 августа), становился более обширный круг «лиц, признаваемых социально опасными».

² Особая комиссия по административным высылкам при НКВД не имела своего постоянного аппарата. В аппарате НКВД оформление документов на высылку готовил административный отдел (подотдел ад-

министративного надзора), затем — адморгуправление, в компетенцию которого входило оформление высылки опасных уголовников-рецидивистов. В аппарате ГПУ аналогичной работой занимались отделы — контрразведывательный и др. Комиссия, как правило, придерживалась линии раздела между адмотделом (управлением) НКВД и ГПУ. Если в нее поступали жалобы или ходатайства от административно-высланных или их родственников, то комиссия отправляла документы на рассмотрение соответствующих отделов НКВД или ГПУ. Так продолжалось до апреля 1924, когда согласно «Положению о правах ОГПУ...» были созданы Особые Совещания при объединенном и республиканских ГПУ со своими аппаратами и функциями.

³ Инструкция по применению постановления ВЦИК об административной высылке была принята НКВД РСФСР 3 января 1923. Помимо этого, вскоре НКВД была принята еще одна инструкция №299/с от 10 февраля 1923 «О порядке административной высылки уголовных рецидивистов».

2

ПОЛОЖЕНИЕ О ПРАВАХ ОБЪЕДИНЕННОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В ЧАСТИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ВЫСЫЛОК, ССЫЛОК И ЗАКЛЮЧЕНИЯ В КОНЦЕНТРАЦИОННЫЙ ЛАГЕРЬ¹

8 марта 1924 г.

В целях борьбы с преступной деятельностью лиц, признаваемых в порядке, установленном ниже, социально-опасными, Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР *постановляет*:

1. Предоставить Объединенному Государственному Политическому Управлению право в отношении лиц, признаваемых ими на основании нижеперечисленных признаков социально-опасными:

а) высылать таковых из местностей, где они проживают, с запрещением дальнейшего проживания в этих местностях на срок не свыше *трех* лет;

б) высылать таковых из тех же местностей с запрещением проживания, сверх того, в ряде местностей или губерний, согласно списка, устанавливаемого Объединенным ГПУ, на тот же срок;

в) высылать с обязательством проживания в определенных местностях по специальному указанию Объединенного ГПУ и обязательным в этих случаях гласным надзором местного отдела ГПУ на тот же срок;

г) заключать в концентрационный лагерь сроком до *трех* лет;

д) высылать за пределы государственной границы Союза ССР на тот же срок.

2. Вынесение постановлений о высылке возложить на Особое С совещание в составе трех членов Коллегии Объединенного ГПУ по назначению председателя ОГПУ, с обязательным участием Прокурорского надзора, коему предоставить право приостанавливать постановления Совещания при ОГПУ и опротестовывать таковые в Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР.

3. При Союзных Респуб ликах вынесение постановления возлагается на такие же совещания в составе членов Коллегии ГПУ при Союзных Респуб ликах под председательством Уполномоченного Объединенного ГПУ, с предоставлением Особому Совещанию при Объединенном ГПУ права пересмотра и изменений любого постановления Особого Совещания ГПУ при Союзных Респуб ликах.

4. Исключительному ведению Особого Совещания при ОГПУ по высылкам, ссылкам и заключению в концентрационный лагерь принадлежит разрешение вопросов о применении этих мер в отношении лиц:

а) причастных к контрреволюционной деятельности, шпионажу и другим видам государственных преступлений применительно к ст.ст.57-73 Уголовного Кодекса РСФСР;

б) подозреваемых в контрабандной деятельности по ввозу или вывозу товаров или переходу границы без соответствующего на то разрешения, или способствованию такому переходу;

в) по подозрению в подделке денежных знаков и государственных бумаг, при отсутствии достаточных оснований для направления дел о них в судебном порядке;

г) спекулирующих золотой монетой, иностранной валютой, драгоценными металлами и сырой платиной и связанных в своей деятельности с иностранными организациями, не имеющими торгового характера.

5. В применении этих мер Особое Совещание Объединенного ГПУ не связано границами Союзных Респуб лик.

Право высылки за границу Союза ССР и заключения в концентрационный лагерь принадлежит исключительно Особому совещанию при Объединенном ГПУ.

6. Особым Совещаниям ГПУ Союзных Респуб лик предоста вить исключительное право высылки лишь в пределах территории данной Респуб лики, причем только в отношении следующих лиц:

а) подозреваемых в совершении бандитских налетов, грабежей, разбоев, а также их пособников и укрывателей применительно соответствующим статьям Уголовного Кодекса данной Союзной Респуб лики, в случае отсутствия достаточных данных для направления дел о них в порядке судебного преследования;

б) не имеющих определенных занятий и не занятых производительным трудом, а именно: 1) профессиональных игроков на бегах, скачках и игорных домах; 2) шуллеров и аферистов; 3) держателей всякого рода притонов и домов терпимости; 4) торговцев кокаином, морфием, сантонином, спиртом, самогоном и другими спиртосодержащими веществами без соответствующего на то разрешения; 5) спекулянтов черной биржи, в отношении коих имеются данные об их особой злостности или связи с социально-преступной средой; 6) лиц социально-опасных по своей прошлой деятельности, а именно: имеющих в прошлом не менее двух обвинительных приговоров или четырех приводов по подозрению в имущественных преступлениях или посягательствах против личности и ее достоинств (хулиганство, вовлечение в проституцию, сводничество и т.п.).

Категории лиц, на которых подлежит распространение указанных прав, не могут быть расширяемы без особой санкции каждый раз Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР².

7. При признании Особым Совещанием ГПУ Союзной Республики необходимости выслать кого-либо из лиц данной категории за пределы данной Республики или заключить их в концентрационный лагерь, таковое постановление получает силу лишь по утверждению Особым Совещанием при ОГПУ. Равным образом, при признании Особым Совещанием ГПУ Союзной Республики о необходимости выслать кого-либо из лиц, подпадающих под категорию лиц, перечисленных в ст.4 настоящего Положения, — последнее может лишь возбудить ходатайство о таковой высылке перед Центральным Особым Совещанием при ОГПУ.

8. При вынесении постановления по высылкам обязательно участие Прокурорского надзора данной Союзной Республики, с предоставлением последнему права протеста, как в Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союзной Республики, так и непосредственно в Центральную Прокуратуру, наблюдающую за деятельностью Объединенного ГПУ.

9. Постановление о высылке каждого отдельного лица должно сопровождаться мотивированным указанием причины высылки, района и срока ее, причем предварительное выяснение поводов к ссылке должно обязательно сопровождаться личным вызовом и допросом высылаемого лица.

Представление же о высылке, исходящее от местных отделов Объединенного ГПУ, должно, сверх того, сопровождаться прилагаемым к ходатайству заключением местного Прокурорского надзора.

10. Лица, в отношении коих постановления о высылке сопровождаются указанием со стороны Совещания места их обязательного проживания, лишаются на время высылки активных и пассивных избирательных прав, права членства в общественных организациях и права свободного передвижения в районе высылки.

Никаким иным ограничениям в правах, кроме указанных выше, высылаемые не подвергаются. На Объединенное ГПУ и Прокурорский надзор возлагается обязанность выработать инструкцию о порядке и способах гласного надзора со стороны органов ГПУ в отношении различных категорий высылаемых лиц.

11. Правила, изложенные в ст.ст. 8, 9 и 10 настоящего постановления, относятся одинаково, как к Особому Совещанию при ОГПУ, так и к Особым Совещаниям ГПУ Союзных Республик.

12. Особое Совещание при ОГПУ отчитывается в своей деятельности перед Президиумом Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР. Особые Совещания ГПУ Союзных Республик — перед Президиумами Центральных Исполнительных Комитетов Союзных Республик и Особым Совещанием при ОГПУ.

Председатель ЦИК Союза ССР

Нариманов

Секретарь [ЦИК] Союза ССР

А.Енукидзе

ГАНО. Ф.Р-20. Оп.2. Д.3. Л.47-48. Типографский экземпляр.

¹ «Положение», утвержденное постановлением Президиума ЦИК СССР от 28 марта 1924 и получившее тем самым статус общесоюзного закона, не публиковалось в открытой печати, а было оформлено в виде приказа ОГПУ №172 от 2 апреля 1924. «Положение» явилось результатом деятельности ОГПУ по расширению своих полномочий в сфере внесудебных репрессий, важной частью которых были высылки и ссылки в административном порядке. Так, 17 ноября 1923 секретным постановлением Президиума ЦИК СССР ОГПУ было наделено правом адмвысылок «спекулянтов черной биржи» и других «социально-опасных элементов» из крупных городов. Одновременно руководство ОГПУ представило в ЦИК проект изменения «Положения» в части состава и функций центральной и местных комиссий по адмвысылкам, с передачей их из ведения НКВД в ведение ОГПУ и ГПУ союзных республик. 14 декабря Президиум ЦИК СССР признал подготовленный документ неудовлетворительным, и для его окончательной подготовки была создана комиссия под председательством Калинина, а членами стали Менжинский, Крыленко, Солыц, Кон и Хлопьянкин (ГА РФ. Ф.Р-3316. Оп.1. Д.18. Л.1-5). Появившееся в итоге «Положение о правах ОГПУ...» окончательно закрепило монополию ОГПУ на осуществление адмвысылок и ссылок. Нарком внутренних дел Белобородов сделал попытку сохранить прежний порядок осуществления высылки через особую комиссию при НКВД, мотивируя это тем, что на местах возникла путаница при осуществлении высылки преступных

элементов, ибо сосредоточение всех прав на репрессии в административном порядке в руках ОГПУ было произведено без отмены действовавших до этого постановлений ВЦИК от 10 августа и 16 октября 1922. На письменное обращение к Сталину 6 декабря 1924, в котором Белобородов обращал внимание на возникший на местах хаос и бессистемность в осуществлении высылки и ссылок, он получил от помощника Сталина Мехлиса подтверждение в том, что Политбюро одобрило расширение полномочий ОГПУ в этой области. (ГА РФ. Р-393. Оп.1. Д.76. Л.2-4).

² Такого рода прецедент возник уже несколько месяцев спустя. По представлению ОГПУ Президиум ЦИК СССР 1 октября 1924 принял постановление, расширяющее права ОГПУ, данные в постановлении от 28 марта 1924 «в отношении лиц, занимающихся скупкой, сокрытием и злостным повышением цен на хлебные продукты в целях спекуляции, а также борьбы с кулацким элементом, заключающим кабальные сделки с беднейшим крестьянством». ОГПУ получило право на внесудебные репрессии «временно, на шесть месяцев, вплоть до ликвидации особого периода в неурожайных районах» (ГАНУ. Ф.Р-20. Оп.2. Д.3. Л.118). В дальнейшем полномочия ОГПУ расширились: сначала в его ведении оказались лица, «признанные социально опасными» и потому высылаемые из крупных городов (начало 1925), затем «перебежчики» (1927) и т.д.

3

ЦИРКУЛЯР НАРКОМАТА ЮСТИЦИИ РСФСР №24с
ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ ПРОКУРАТУРЫ В СВЯЗИ С НОВЫМ
ПОРЯДКОМ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ
ВЫСЫЛОК И ССЫЛОК

16 апреля 1924 г.

*Секретно
Циркулярно*

Всем областным и губернским прокурорам

Постановлением Ц.И.К. СССР от 28-го марта с.г. взамен Комиссии НКВД по административным высылкам учреждаются особые Совещания в составе 3-х членов Коллегии ГПУ с обязательным участием Прокурорского надзора, причем Прокурорскому надзору дано право протеста и приостановления постановлений Особого Совещания.

Указанное постановление Ц.И.К. СССР значительно расширило контингент лиц социально-опасных, в отношении коих допускается применение административных взысканий. Это обстоятельство возлагает на краевую и губернскую Прокуратуру обязанность усиления наблюдения по делам, направляемым в ОГПУ для рассмотрения в административном порядке. Поэтому вновь напоминаю вам о необходимости участия в местных административных Комиссиях по высылкам, причем в такого рода комиссиях за Прокурорским надзором по аналогии с правами Центральной

Прокуратуры должно оставаться право *совещательного*, но не решающего голоса. Особое внимание должно быть обращено: на а) раздел 6 Положения (п.б — последний абзац) о недопустимости распространительного толкования категорий лиц, на которых распространяют высылки, при нарушении точного смысла этого пункта Прокурорский надзор приносит в Центральную Прокуратуру протест и б) раздел 9 Положения, в котором указывается на необходимость дачи мотивированного заключения и личного вызова и допроса вызываемого лица. На местную прокуратуру возлагается наблюдение за правильностью дачи заключения в смысле соответствия заключения обстоятельствам дела и на обязательность личного допроса в присутствии всей Комиссии, причем в протоколе допроса должен быть отмечен факт присутствия всей Комиссии в целом при допросе. Мотивировка не должна носить характера общих формулировок, в виде, например, «имеет связь с преступной средой», а должна быть конкретизирована. Только при таких условиях может быть допущена высылка, а тем более ссылка, при наличии двух судимостей или четырех приводов. Необходимо на эту сторону дела обратить самое серьезное внимание, иначе мы рискуем создать кадры лиц, осужденных на пожизненную ссылку, ибо достаточно будет при отбытии срока ограничений вернуться на прежнее местожительство, как старые приводы будут служить основанием для дальнейшей ссылки. Помимо этого необходимо, чтобы была введена в Уголовном Рыске конкретизация причин привода, дабы таким образом было бы возможно случайный привод при массовой облаве отличить от привода обоснованного. Необходимо при вынесении постановления об административной высылке помнить, что при нашей карательной политике и тенденциях к снижению наказания (см. Резолюцию V Съезда деятелей юстиции), ссылка и заключение в концентрационный лагерь очень часто является наказанием более тяжелым, чем лишение свободы. Это обстоятельство побуждает весь Прокурорский надзор относиться особенно внимательно к такого рода наказаниям. При подаче протеста копия протеста должна быть направлена в Центральную Прокуратуру Пом. Прокурора Республики, наблюдающему за Г.П.У.

Подлинный подписали:

Зам. Наркомюст и старший помощник
Прокурора республики Крыленко
Младший помощник Прокурора Республики
и Прокурор при ОГПУ Катаньян

ГАНУ. Ф.Р-20. Оп.2. Д.3. Л.61-62. Машинописная копия, заверенная зав. секретным отделом НКЮ РСФСР Морозовым.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА №14 ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА ЦИК СССР
ОБ УСТАНОВЛЕНИИ МЕСТНОСТЕЙ, ЯВЛЯЮЩИХСЯ МЕСТАМИ ССЫЛКИ

6 июня 1924 г.

Совершенно секретно

Слушали: 28. Об установлении местностей, являющихся местами ссылки (внесено ОГПУ)¹.

Постановили: 28. Установить нижеследующие места ссылки:

- 1) Архангельская губ. (Печерский край)
- 2) Северо-Двинская губ.
- 3) Вологодская губ. (уезды не на жел. дороге)
- 4) Уральская обл.
- 5) Вятская обл. (уезды не на жел. дороге)
- 6) Вотская авт. область (сев. часть Глазовского уезда)
- 7) Киргизская авт. ССР (не на линии жел. дороги)
- 8) Марийская авт. область
- 9) Туркестанская авт. ССР
- 10) Сибирь (из нее главным образом Нарымский, Туруханский край и северные уезды Иркутской губ.)

Предоставить ОГПУ право, в случае необходимости высылки вне пределов вышеуказанной территории, входить каждый раз с особым представлением в Президиум ЦИК Союза ССР на предмет разрешения.

Секретарь ЦИК Союза ССР А.Енукидзе

ГА РФ. Ф.3316. Оп.16а. Д.68. Л.1. Машинописный подлинник. Подпись — факсимиле Енукидзе.

¹ Президиум ЦИК СССР с незначительными поправками принял предложения Особого Совещания при Коллегии ОГПУ, выработанные 23 мая 1924. Из списка местностей были исключены Пермская губерния и Якутская область. — ГА РФ. Ф.3316. Оп.16а. Д.68. Л.3.

ЦИРКУЛЯРНОЕ ПИСЬМО НАРКОМАТА ЮСТИЦИИ РСФСР №42с
О ПРАВИЛАХ РЕГИСТРАЦИИ И ПЕРЕДВИЖЕНИЯ
ВЫСЫЛАЕМЫХ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПОРЯДКЕ ЛИЦ

14 июля 1924 г.

Совершенно секретно

Циркулярно. Всем губ. и облпрокурорам

Дорогие товарищи!

Из получаемых за последнее время сведений и запросов видно, что выселяемые из Москвы в административном порядке гражда-

не на местах подвергаются различным ограничениям в виде воспрещения выездов, периодической явки на регистрацию и т.п. Все это дает основание полагать, что разъясняющий постановление ЦИК СССР от 2/IV с.г.¹ циркуляр НКЮ №35с² не всеми товарищами достаточно уяснен. По распоряжению т.Крыленко обращаюсь к Вам с настоящим письмом, прошу обратить внимание Ваших помощников на срочное проведение в жизнь указанного циркуляра, со своей стороны даю следующее разъяснение.

Всех выселяемых в административном порядке граждан можно разделить на три категории:

1. Лица, коим воспрещено проживать в 6 центральных городах и пограничной полосе.

2. Лица, коим воспрещено проживать во всех губернских городах (72 пункта) и особо оговоренных в постановлении о выселении местностях.

3. Лица, коим при выселении Комиссией указывается определенный пункт поселения. Первые две категории избирают место высылки по своему усмотрению, по прибытии на какое-либо обязательной явкой в органы ГПУ. Указанные лица пользуются всеми правами граждан (если нет особого указания в постановлении о высылке), имеют право беспрепятственного передвижения по всей территории РСФСР (кроме запрещенных пунктов), не испрашивая на то особого разрешения органов ГПУ, и только при перемене места своего жительства, связанного с переездом в другую губернию, ставят о том в известность местный отдел ГПУ.

Третьей категории — место ссылки определяется Комиссией, постановлением которой они высылаются. Лица указанной категории не имеют права без разрешения органов ГПУ отлучаться из определенного им для жительства пункта или района и могут быть обязаны периодической явкой на регистрацию.

В отношении граждан, выселяемых из Ленинграда и пограничной полосы, должен быть применяем тот же самый порядок, так как выселение из указанных мест производится, как и из Москвы, с разрешения особого совещания при ОГПУ.

Изданный по этому вопросу циркуляр НКЮ необходимо в точности разъяснить органам ГПУ, дабы впредь избежать с их стороны допущения неправильных действий в отношении выселяемых.

Подлинный подписал:

С товарищеским приветом

Помощник Прокурора Республики Траскович

ГАНО. Ф.Р-20. Оп.2. Д.3. Л.100-101. Машинописная копия, заверенная зав. секретным отделом Наркомюста Кольцовым.

¹ В документе дана ошибочная датировка постановления Президиума ЦИК СССР. «Положение о правах ОГПУ...» было принято Президиумом 28 марта 1924, а 2 апреля 1924 оно объявлялось в виде приказа ОГПУ №172.

² В циркуляре НКЮ РСФСР №35с от 19 июня 1924 разъяснялся порядок распространения ограничений в правах и установления гласного надзора ОГПУ применительно к различным категориям лиц, подвергнутым высылкам.

6

ИЗ ЦИРКУЛЯРА НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РСФСР И НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ЮСТИЦИИ РСФСР
«О ПОРЯДКЕ ПОЛЬЗОВАНИЯ СПИСКАМИ МЕСТНОСТЕЙ
ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ПОСЕЛЕНИЯ, А ТАКЖЕ МЕСТНОСТЕЙ,
ЗАПРЕЩЕННЫХ ДЛЯ ПРОЖИВАНИЯ ВЫСЫЛАЕМЫМ
В ПОРЯДКЕ СТ.35 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА»¹

19 октября 1927 г.

Секретно

/.../ 1. В тех случаях, когда в приговоре суда содержится постановление об обязательном поселении (ссылка), административные отделы самостоятельно назначают осужденному местность для проживания, руководствуясь списком местностей №1.

2. В тех же случаях, когда в приговоре суда содержится постановление о высылке, то есть об удалении из определенной местности с запрещением проживания в иных местностях, установленных НКВД и НКЮ, административные отделы предлагают осужденному избрать местность, в которой он желает проживать, руководствуясь списком местностей №2, в которых высылаемым запрещается выбирать место жительства. Фактически этот список приводит к тому, что осужденные к высылке могут избирать самостоятельно любую местность, но лишь исключительно в пределах местностей, установленных для осужденных к ссылке, то есть в пределах перечня местностей списка №1, так как все остальные местности запрещены для проживания.

3. В целях упорядочения вопроса о правильном распределении лиц, осужденных к ссылке, когда административные отделы самостоятельно назначают осужденному местность для проживания, и для устранения непроизводительной траты средств для пересылки ссылаемых на место ссылки, необходимо руководствоваться прилагаемым списком №3, устанавливающим минимальную отдаленность района ссылки от высылающих административных единиц и, помимо этого, устанавливающим распределение категории осужденных соответственно тяжести преступления.

Поэтому все преступления, перечисленные в ст.35 У.К., по которым может производиться ссылка, разбиты на три группы: «А», «Б» и «В». При этом к группе «А» отнесены наиболее тяжкие преступники: контрреволюционеры, бандиты, фальшивомонетчики, разбойники, казнокрады и т.д., для которых назначены наиболее отдаленные места. К группе «Б» относятся воров, грабители, квалифицированные хулиганы и т.п., для которых назначаются отдаленные местности, и, наконец, группу «В» составляют наименее опасные преступники, для которых назначены и наименее отдаленные районы.

4. К обязанности органов прокуратуры относится надзор как за порядком приведения административными органами приговоров судов в исполнение, так и за порядком пользования списками местностей на основании настоящего циркуляра.

5. Всякое последующее изменение прилагаемых к настоящему циркуляру списков местностей производится Наркомвнуделом по согласованию с Наркомюстом как по тем или иным соображениям НКВД и НКЮ, так и на основании ходатайств местных административных органов и прокуратуры.

Местные административные органы возбуждают ходатайства через краевые, областные и губернские административные отделы в случаях перенаселения осужденными тех или иных местностей, в случаях постигших ту или иную местность стихийных бедствий, развития преступности и т.д.

Во всех таких случаях ходатайства направляются в НКВД с приложением постановления соответствующего исполкома (краевого, областного, губернского) и заключения прокурора².

Зам. наркома внутренних дел РСФСР В.Егоров
Зам. наркома юстиции и ст. помощник
Прокурора Республики Крыленко
Врид. Нач. Центрального Административного
Управления НКВД Кацва

ГАНО. Ф.Р-20. Оп.2. Д.123. Л.82-83. Машинописная копия, заверенная зав. секретной частью НКЮ РСФСР Корольковым. Приложение к циркуляру (списки №1-3) на 8 листах (Л.84-91) в публикации опущено.

¹ Данный циркуляр был разработан после появления в Уголовном кодексе 1926 г. специальных статей (ст.ст.35 и 36). Наряду с этим существовал аналогичный перечень местностей для осуществления репрессий во внесудебном порядке аппаратом ОГПУ. На этой почве возобновились межведомственные трения между НКВД РСФСР и ОГПУ: приводя факты многочисленных протестов по поводу практики «бессистемных

административных высылки», НКВД неоднократно обращался во ВЦИК и СНК РСФСР с предложением поручить наркомату выработать документ с перечнем списка местностей для осуществления обоих видов высылки. В перспективе же НКВД высказывал необходимость полной отмены административной высылки и ссылки и перехода к применению этих наказаний только по приговорам судов (ГА РФ. Ф.Р-393. Оп.2. Д.1576. Л.17-17об.). Однако ни тогда, ни позднее полномочия ОГПУ в данном вопросе не были урезаны. Сам же публикуемый циркуляр НКВД и НКЮ РСФСР действовал вплоть до его отмены 12 февраля 1930 (Бюллетень НКВД РСФСР. 1930. №5. Ст.73).

² Такого рода ходатайства поступали в НКВД регулярно. Так, уже 6 ноября 1927 председатель Тамбовского губисполкома Прядченко направил в наркомат письмо с предложением постановления губисполкома от 19 октября 1927 с просьбой о прекращении высылки уголовного элемента и о внесении губернии в список местностей, где запрещается проживание лиц, высылаемых по ст.35 УК РСФСР. В ответном письме от 1 декабря 1927 и.о. наркома Егоров уведомлял Тамбовский губисполком о том, что «НКВД, учитывая состояние преступности в Тамбовской губ., внес полностью всю Тамбовскую губ. в число местностей, запрещенных для проживания осужденным в порядке ст.35 УК, как к высылке, так и к ссылке» (ГА РФ. Ф.Р-393. Оп.2. Д.1576. Л.59-60). Несколько ранее, летом 1927, аналогичные ходатайства поступили в НКВД от исполкомов Иваново-Вознесенской, Рязанской, Астраханской губерний и Северо-Кавказского края.

7

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА №36 ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИУМА ВЦИК
ОБ ОДОБРЕНИИ ПРОЕКТА ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЦИК И СНК СССР «ОБ
УТВЕРЖДЕНИИ СПИСКА МЕСТНОСТЕЙ, В КАКОВЫХ ВОСПРЕЩАЕТСЯ
ПРОЖИВАНИЕ ЛИЦ, ВЫСЛАННЫХ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПОРЯДКЕ
ОРГАНАМИ ОГПУ»

27 декабря 1927 г.

Секретно

Слушали: 40. Проект постановления ЦИК и СНК Союза СССР «Об утверждении списка местностей Союза ССР, в каковых воспрещается проживание лиц, высланных в административном порядке органами ОГПУ» (внесено СНК РСФСР).

Постановили: 40. Проект постановления одобрить и внести на утверждение Президиума ЦИК Союза ССР через СНК СССР в следующей редакции СНК РСФСР:

«Постановление ЦИК и СНК СССР

”Об утверждении списка местностей Союза ССР, в каковых воспрещается проживание лиц, высланных в административном порядке органами ОГПУ“

ЦИК и СНК Союза ССР *постановляют:*

1. Утвердить нижеследующий список местностей СССР, в каких воспрещается проживание лиц, высланных в административном порядке органами ОГПУ:

- 1) Пограничные губернии и округа Союза ССР;
- 2) Московская, Иваново-Вознесенская, Тульская, Тверская и Ярославская губернии;
- 3) Ленинградский военный округ, за исключением Вологодской и Северо-Двинской губернии и Автономной Области Коми (Зырян);
- 4) Западный военный округ;
- 5) Крымская Автономная Республика;
- 6) Северо-Кавказский Край;
- 7) Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика;
- 8) Ижевский уезд Вотской Автономной Области;
- 9) Белорецк Тальяно-Катайского кантона Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики;
- 10) Казань и Казанский район Татарской Автономной Социалистической Советской Республики;
- 11) г.Оренбург и Оренбургский уезд той же губернии;
- 12) г.Ульяновск и Ульяновский уезд той же губернии;
- 13) г.Самара и Самарский уезд той же губернии;
- 14) г.Саратов и Саратовский уезд той же губернии;
- 15) г.Пенза и Пензенский уезд той же губернии;
- 16) г.Сталинград и Сталинградский уезд той же губернии;
- 17) г.Астрахань и прилегающие к нему районы Астраханской губернии;
- 18) Автономная Советская Социалистическая Республика Немцев Поволжья;
- 19) г.Свердловск Уральской области;
- 20) г.Новосибирск Сибирского края;
- 21) г.Ташкент Узбекской Социалистической Советской Республики;
- 22) Дальне-Восточный Край.

2. По постановлению Особого Совещания ОГПУ при высылке отдельных лиц таковым, в виде изъятия, может быть воспрещено проживание не во всех местностях Союза ССР, перечисленных в ст.1 настоящего постановления, а лишь в некоторых из них».

Секретарь ВЦИКа А.Киселев

ГА РФ. Ф.393. Оп.2. Д.1554. Л.66-66об. Машинописная заверенная копия.

II. ОТЧЕТЫ, ДОКЛАДЫ, ИНФОРМАЦИЯ О СОСТОЯНИИ ССЫЛКИ В СИБИРИ

1

РАСПОРЯЖЕНИЕ ОТДЕЛА ПРОКУРАТУРЫ НАРКОМАТА ЮСТИЦИИ РСФСР ПРОКУРОРУ СИБИРИ О СБОРЕ ИНФОРМАЦИИ О ВЫСЫЛКЕ И ССЫЛКЕ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПОРЯДКЕ В ГУБЕРНИЯХ И ОБЛАСТЯХ СИБИРИ

14 ноября 1923 г.

Секретно

Значительное число дел, как о государственных преступлениях, направляемых на разрешение и разрешаемых в административном порядке (Комиссия при НКВД), так и рассматриваемых судами в порядке ст. 49 УК, ставит перед прокурорским надзором необходимость внимательного отношения к вопросу осуществления и действительности надзора над лицами, высланными в административном порядке.

Для изучения вопроса и суммирования опыта данных мест, Отдел Прокуратуры НКЮ предлагает дать освещение этого вопроса по Вашей губернии, затронув, между прочим, интересующие его следующие частности:

1. Какие методы надзора практикуются над высланными.
2. В каких местах главным образом сосредоточиваются ссыльные — городе или деревне — и мотивы существующего распределения ссыльных.
3. В каких местах губернии проживают ссыльные (назвать города, села, населенные пункты) и приблизительное количество ссыльных.
4. Какие части губернии служили местами ссылки при дореволюционном режиме.
5. Желательно ли направление ссыльных в типичные места дореволюционной ссылки.
6. Какие места губернии, по Вашему мнению, являются наиболее пригодными для поселения ссыльных и почему.
7. Чем занимаются ссыльные (советская и частная служба, профсоюзы, литературная работа, уроки, физический труд, ремесленники, промышленность, торговля).
8. Пособие ссыльным от казны (размер, время и точность выдач, достаточность или недостаточность пособия и проч.).
9. Бывали ли случаи недопущения администрацией ссыльных на ту или иную отрасль работы, а если бывали [указать] мотивы.
10. Имеются ли какие-либо объединения ссыльных, организации их, наблюдается ли сплоченность в их рядах и проч. Не на-

блюдалось ли случаев подачи коллективных просьб, требований и жалоб.

11. Сказывается ли влияние ссыльных (нэпманы) на развитие торговли, промышленности и отдельных промыслов.

12. Отношение к ссыльным рабочим и крестьян.

Отнюдь не замыкая освещение вопроса в узкую рамку намеченного, Отдел Прокуратуры предлагает дать эти сведения в возможно скором времени.

Помощник прокурора Республики
и Прокурор ГПУ Катаньян
Прокурор при НКЮ Тоболин

ГАНО. Ф.Р-20. Оп.3. Д.10. Л.1-1об. Машинописный подлинник. Подписи — автографы. При написании адресата «губернскому прокурору» исправлено на «областному». На листе 1 сверху указан входящий номер 463с и дата — 24 ноября 1923. Ниже — резолюция прокурора Сибири Алимова: «Предложить доставить сведения от губпрокуроров и запросить ПП ГПУ».

2

СООБЩЕНИЕ ТОМСКОГО ГУБЕРНСКОГО ПРОКУРОРА ПРОКУРОРУ СИБИРИ О ПОЛОЖЕНИИ ССЫЛЬНЫХ В ГУБЕРНИИ

4 января 1924 г.

Срочно. Секретно

Вследствие Вашего отношения от 29/XI-23 г. №376с, основанного на отношении Отдела Прокуратуры от 14/XI-23 г., сообщаю, что все ссыльные по прибытии как в гор. Томск, так и на место водворения Нарымского края, они поступают под гласный надзор органов ГПУ. Гласный надзор осуществляется путем еженедельных регистраций у представителей ГПУ, а в отдаленных пунктах техника регистрации возлагается на сель и волсоветы по усмотрению уполномоченного Г[убернского] О[тдела] ГПУ по Нарымскому краю. Независимо от сего, ссыльные проверяются периодически представителем ГПУ. Параллельно с сим осуществляется негласный надзор. Сосредотачиваются ссыльные преимущественно по населенным местам, где бы было возможно ссыльному достать средства пропитания, удобнее осуществить наблюдение за ними.

В исключительных случаях особенно видное реакционное духовенство направляется в Юрты, с населением 5-6 домов (слишком редко). Территорию Нарымского края нельзя строго разграничить на города и деревни, ибо уездный город Колпашево есть

по своей сущности крупная деревня и Колпашево мало учитываются как особый пункт водворения ссыльных. Но здесь оставляется элемент малоактивный, не смогуший влиять на настроение сгущенного населения. По настоящее число в Нарымский край направлено 113 человек ссыльных. Точных цифр, в какие пункты распределено это количество ссыльных, не получено за дальностью расстояния.

Нарымский край служил местом ссылки в дореволюционное время¹. Принципиально возражать на применение Нарыма как места ссылки теперь не приходится, ибо как изоляционный пункт Нарымкрай вполне подходящий, психологического влияния на состояние населения ссылка при теперешних условиях не произведет, залог сему безразличное отношение к ссыльным населения, местами даже враждебное, как к обременяющим элементам отдельного хозяина. В частности, необходимо отметить как нежелательное явление направление в ссылку в Нарым бывших ссыльных Нарымкрая при царизме, таковые случаи были. Эта категория ссыльных мало того, что быстро ориентируется в условиях Нарымской действительности, в то же время действует на психологию слушателей, говоря: «При царе Нарым и при Соввласти Нарым». В другие места губернии, кроме Нарыма, посылать ссыльных нельзя, как [в] уезды с промышленным пролетариатом.

Точной статистики занятий ссыльных не получено еще с места, но в общих чертах можно отметить, что ссыльные свой труд применяют во всех областях государственной и частной службы, как обладающие различными специальностями. Пособие высылается той части политических ссыльных, которая не имеет заработка. Размер пособия определяется госминимумом, высылается из центра аккуратно в смысле получения, но не всегда на полное наличное число. Запоздание в высылке пособия на места и выдаче такового бывают в силу дальности расстояния, перерывом связи с Нарымским краем весной и осенью. Размер пособия по госмаксимуму до сего времени был недостаточен в силу того, что такое высылалось в совзнаках, а не в червонцах, и благодаря затяжности его переотправки [пособие] сильно теряло ценность с падением курса рубля. Точного размера пособия в червонном исчислении пока не получено, на что запрошен Центр.

Случаи, ограничивающие продвижение ссыльных на штатные должности со стороны Нарымского райисполкома, были вследствие следующих обстоятельств. С последним пароходным рейсом переотправка их по району была невозможна чисто по условиям того края, где передвижение происходит на облоках (лодках), и заморозки застали их в Колпашеве. Переотправка их по району

намечалась по зимнему пути, но этого сделать так скоро не удалось, за несвоевременной высылкой средств Центром. Таким образом, скопившиеся ссыльные в Колпашеве стали поступать на службу в различные учреждения, и являясь элементом, обладающим общим развитием, имеющим специальные знания, ссыльные создали конкуренцию с местными служащими, усилили безработицу местного населения.

В целях пресечения дальнейшей конкуренции и захвата ссыльными ответственных должностей, Нарымский уисполком вынес постановление, ограничивающее продвижение ссыльных на штатные должности. Означенное мероприятие Нарымского уисполкома вызвало протест со стороны ссыльных и обжалование в Центр, после чего телеграммой Пом. Прокурора Республики при ГПУ от 20/XI №114ш предложено это обстоятельство проверить, в ответ коего предложения Пом. Прокурора Республики при ГПУ было послано отношение от 29/XII №303с².

Влияние ссыльных на торговлю, промышленность и пр. пока не чувствуется, ибо руководящим элементом они не являются. Идею влияния на руководителей учреждений также не замечено.

Крестьянство Нарымского края относится к ссыльным в большинстве своем безразлично, бывают даже случаи отдельных недовольств на почве обременения пребыванием ссыльных в квартире. Сочувственное отношение со стороны крестьянства вызывает духовенство, особенно заместитель патриарха Тихона «Агафангел»³, к которому крестьянство ходило на поклонение в бытность Агафангела вблизи Колпашево.

По всем пунктам Вашего отношения более подробных, точных сведений дать пока не представляется возможным, по получении таковых из Нарыма [они] будут высланы дополнительно.

Губпрокурор Гурович

Зав. Секретной частью помпрокурора при ГПУ Нилов

ГАНО. Ф.Р-20. Оп.3. Д.10. Л.15-15об. Машинописный подлинник. Подписи — автографы.

¹ Нарымская ссылка была одним из главных мест административной ссылки, особенно в межреволюционные годы (1906-1916). В разные годы количество нарымских административно-ссыльных составляло от трети до половины данной категории репрессированных в сибирском регионе и от одной десятой до трети всех административно-ссыльных в отдаленные губернии России. На начало 1916 здесь размещалось более 2,6 тыс. адм-ссыльных, главным образом, политических. См.: Хазиахметов Э.Н. Сибирская политическая ссылка. 1905-1917 гг. Томск., 1978. Приложение 1.

² Расследованием обстоятельств коллективной жалобы во ВЦИК ссыльных из Колпашева занимались зам. Томского губернского прокурора Старостин и пом. губпрокурора при ГПУ Нилов. По их мнению, приведенные в телеграмме ссыльных факты были «искажены и преувеличены». Вместе с тем проверкой были установлены нарушения местными исполнительными органами и отдельными функционерами нормативных актов, регулировавших положение и права ссыльных. Ошибочными признавались решения местных органов, ограничивавшие возможность устройства на службу и продвижения по ней ссыльных. Были выявлены факты угроз в адрес ссыльных. Одновременно с этим оправдывались действия властей по «разгрузке» Колпашева как административного центра Нарымского края от ссыльных (переброски в отдаленные пункты) «с целью того, чтобы рассеять создавшуюся среди них спайку». (ГАНУ. Ф.Р-20. Оп.3. Д.10. Л.27-27об.).

³ *Агафангел* (Преображенский Александр Лаврентьевич, 1854-1928) — с 1917 — митрополит Ярославский и Ростовский. В 1917-1918 — член Предсоборного присутствия, Поместного собора. С 1918 — член Высшего Церковного Управления при патриархе Тихоне и Священном Синоде. В 1922 — патриарший заместитель. В 1922-1926 — в ссылке в Нарымском крае. С 1925 — по завещанию патриарха Тихона — второй кандидат на должность Местоблюстителя Патриаршего престола. Скончался в Ярославле.

3

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО ПРОКУРОРА СИБИРИ
В ОТДЕЛ ПРОКУРАТУРЫ НАРКОМАТА ЮСТИЦИИ РСФСР О СОСТОЯНИИ
АДМИНИСТРАТИВНОЙ ССЫЛКИ В СИБИРИ

[Не ранее нач. февраля 1924]

С[овершенно] секретно

По получении мной распоряжения Отдела Прокуратуры НКЮ от 14 ноября п[рошлого] г[ода] за №2216с мной немедленно же было предложено всем Губернским Прокурорам на территории Сибири, подведомственной Сибревкому и ПП ГПУ по Сибири собрать и препроводить мне материал по затронутому Отделом Прокуратуры вопросу об административной ссылке.

Материалы всех запрошенных мной Прокуроров и органов ГПУ удалось получить лишь на днях и, как видно из данных материалов, административная ссылка обрисовывается в следующем виде.

При дореволюционном режиме местами политической ссылки были: в Омской губернии Тарский уезд, главным образом в его северной части, и отчасти Тюкалинский уезд, в Томской губернии так называемый Нарымский край и частично прилегающие к

г.Кузнецку и Мариинску районы, в Енисейской губернии Туруханский край и Приангарский край, г.Енисейск и его уезд, Минусинский уезд и частично Канский и Ачинский уезды, в Иркутской губ[ернии] Бодайбинский, Верхоленский, Балаганский, Киренский уезды. Преимущественно ссыльные направлялись в Нарымский край и северные части Енисейской и Иркутской губерний (Туруханский, Приангарский края, Енисейский, Верхоленский, Бодайбинский и Балаганский уезды).

Высылка в административном порядке разного рода аферистов и других лиц за деяния, граничащие с преступлением, имела место в незначительном количестве, и все эти высылаемые направлялись преимущественно в Нарымский, Туруханский и Приангарский края. С возникновением империалистической войны сначала преимущественно в Нарымский край, а затем в северные части Томской и Енисейской губ[ернии] в административном порядке высылается разного рода элемент, преимущественно по подозрению в шпионаже с территории, прилегавшей к театру военных действий.

В настоящее время в Сибири административно-высланные водворены в Омской губ., в г.Омске — 25 чел., в г.Таре — 19 чел. и в Славгороде — 3 чел., в Новониколаевской губ. — г.Новониколаевск — 2 чел., в Алтайской губ. в г.Барнауле — 5 чел., в Енисейской губ. — 8 чел. и в г.Красноярске — 12 чел., в Иркутской губ. число ссыльных очень незначительно — около 5 чел. и находятся они в г.Иркутске, в Томской губ. — 113 чел. и поселены они в Нарымском крае, в Ойротской области — 20 чел., которые размещены в г.Улале. Ссыльные, находящиеся в Красноярске, в ближайшем будущем расселяются по отдельным местам Енисейской губ.

Как видно из изложенного, во всех губерниях, кроме Енисейской и Томской, административно-ссыльные распределены в городах, в Енисейской же и Томской губерниях, где находится большая часть ссыльных, они расселены по отдаленным районам в более или менее населенных пунктах.

Место поселения ссыльных на жительство определяется обычно постановлением Комиссии НКВД, когда же оно не указано, устанавливается органами ГПУ, определяющими его в зависимости от имеющихся в их распоряжении данных. При этом высланные преимущественно направляются по населенным местам, где было бы возможно достать средства пропитания и где можно установить за ними наблюдение. В исключительных случаях ссыльные направляются в юрты с населением в 5-6 домов. Так это имело место в Нарымском крае в отношении видного реакци-

онного духовенства, ввиду встреченного сочувственного отношения среди крестьян.

Надзор за ссыльными осуществлялся регулярной явкой в органы ГПУ, а где нет таковых — в сель и волисполкомы, периодически наружным наблюдением, подсобным наблюдением за ссыльными как по месту службы, так и на квартирах таковых, а также обысками у ссыльных и перлюстрацией всей переписки ссыльных, как получаемой, так и отправляемой. Независимо от этого ссыльные периодически проверяются представителями ГПУ. Енисейским Губпрокурором выдвинут вопрос о возложении надзора за высланными в порядке 49 ст. УК¹ на органы милиции. Такого рода ссыльных в Сибири еще пока нет, но в случае их появления сосредоточение надзора за ними в органах милиции несомненно является более свойственным задачам милиции, нежели ГПУ. Однако в таком случае я считаю необходимым отметить, что порядок осуществления надзора милицией должен быть урегулирован надлежащей инструкцией.

Ссыльные, проживающие в городах, занимаются преимущественно службой в Советских учреждениях и у частных лиц и ремеслами, частично литературной работой и уроками. Часть ссыльных, особенно из вновь прибывших, находится без работы. Торговлей и промышленностью ссыльные не занимаются, по-видимому, вследствие того, что большинство их до последнего времени состояло из лиц, никогда этим не занимавшихся. В селах и деревнях высланные также, поскольку представляется к тому возможность, занимаются преимущественно службой и в меньшей мере ремеслами и физическим трудом. По отдельным губерниям занятия ссыльных характеризуются так: в Омской губернии ссыльные занимаются уроками и вообще преподавательской деятельностью и небольшая часть физическим трудом, на службе никто не состоит. В Томской губ. довольно значительное количество ссыльных занимается службой. Этому благоприятствует то, что большинство из ссыльных являются элементом, обладающим развитием и имеющим специальные познания. В дальнейшем при увеличении количества ссыльных возможность приложения труда для ссыльных в этой области почти прекратится, так как Нарымский край, где сосредоточены ссыльные, может дать работу лишь весьма небольшому количеству. В Иркутской губ. большинство ссыльных находится без работы, лишь часть занимается физическим трудом. Службы никто не имеет в силу отрицательного отношения ГОГПУ, не допускающего их на службу в силу неясности их политической физиономии. В Ойротской области ссыльные, прибыв еще недавно, не смогли устроиться на работу и служ-

бу, препятствий к получению службы им не чинится. В Енисейской губернии ссыльные, кроме 4-х безработных, занимаются службой в Советских учреждениях. Получение службы в Советских учреждениях и даже у частных лиц в общем для ссыльных затруднительно, в виду значительной безработицы в Сибири. Потому имеют возможность применения труда лица, являющиеся квалифицированными работниками.

Пособием от казны пользуются лишь те ссыльные, которые не имеют службы, и то не во всех губерниях. Наиболее благополучно обстоит дело в Енисейской губернии, где пособие получают 4 безработных в пределах госминимума, выдаваемого им в золотом исчислении вперед². В Алтайской губернии пособие выдавалось аккуратно, но без учета курсовой разницы в тех суммах, которые были отпущены центром и в очень мизерных суммах, до мая 1923 г. около 100 руб., с мая же ссыльные перестали обращаться за пособием. В Томской губ. пособие выдавалось в пределах госминимума аккуратно, но высылалось не всегда на полное наличное число. В Омской и Иркутской губерниях пособие не выдавалось за неоткрытием кредитов. В общем пособие даже там, где оно выдается в золотом исчислении, явно недостаточно, и в тех случаях, когда ссыльные не имеют заработка и личных средств, просуществовать на него весьма и весьма трудно.

За исключением Омской, Алтайской и Иркутской губ., где ссыльные живут разрозненно и объединений между ними нет, в остальных местностях они представляют собой более или менее сплоченную группу. Это отмечено по отношению к ссыльным в Ойротской Области, где они представляют, по выражению Прокурора Области, «тесную группу». В г.Красноярске среди группы ссыльных в 11 человек из левых эсеров отмечена сильная сплоченность и был даже случай подачи ими коллективного заявления об освобождении одного арестованного из них на поруки группы. Спайка ссыльных по данным органов ГПУ отмечена в Нарымском Крае, где имела место подача [коллективного заявления] и протест в Президиум ВЦИК в ноябре 1923 г. по поводу постановления Нарымского Уисполкома, ограничившего продвижение ссыльных по штатным должностям в виду создавшейся безработицы в местном населении. Объединение ссыльных в организацию замечены [так в тексте. — С.К.] лишь в одном случае, именно в г.Томске, где была создана организация ссыльным эс-ером Волкштокким.

Влияние ссыльных на торговлю, промышленность и промыслы не чувствуется, во-первых, вследствие их малочисленности в большинстве мест поселения, а затем и в силу их малой связан-

ности с этим. Не оказывается ими и идейного воздействия на те соворганы, где они приняты на работу. Последнее, по-видимому, объясняется тем, что за ссыльными имеется наблюдение, и что они допускаются на службу в тот или иной соворган лишь только после тщательного выяснения, насколько они могут быть полезны в аппарате. Отношение трудового населения к ссыльным в большинстве случаев безразличное. В больших городах они даже не знают о наличии в них ссыльных. В деревнях и селах даже иногда замечается недовольство на почве обременения пребыванием ссыльных в квартире. Сочувственное отношение со стороны крестьянства встретило лишь духовенство, особенно Заместитель патриарха Тихона «Агафангел», к которому крестьянство ходило на поклонение в бытность Агафангела вблизи Колпашево.

Наиболее пригодным местом для ссылки как по данным органов ГПУ, так и прокуратуры, является Нарымский Край. Последний удален от линии железной дороги на 300 верст, имеет ряд сел: Васюганское, Парабельское, Томское и г.Колпашево, весьма пригодных для расселения в них ссыльных. Весной и осенью край является совершенно отрезанным от населенной части Томской губернии, население в крае редкое, побег возможен лишь летом, но и то весьма затруднителен. Существовать в крае ссыльные в большей своей массе могут лишь на пособие. Томской Горпрокуратурой отмечается лишь нежелательность направления в этот район тех ссыльных из политических, которые уже были в этом районе при царизме, так как такие ссыльные быстро ориентируются в крае, принимаются воздействовать на население, указывая «при царе Нарым и при совласти Нарым». Не менее пригодным для ссылки затем является Туруханский Край и Приангарский, также удаленные от населенных мест. Из них Туруханский район является весьма суровым, заработка здесь ссыльные иметь не могут. Условия жизни в Приангарском районе (Енисейский уезд) [легче], но ссыльные также вряд ли будут иметь возможность получать заработок.

В двух районах, Нарымском и Туруханском, и частично в Енисейском может быть сосредоточен наиболее активный элемент из ссыльных. Менее активный элемент может быть поселен в остальной части Енисейского уезда, Тарском уезде и Нижне-Илимском районе Иркутской губ. Остальные места прежней ссылки мало пригодны для ссылки в настоящее время. Минусинский и Кузнецкий районы расположены близко к границе и имеют сравнительно хорошую связь с остальными частями губерний. Ачинский и Канский уезды расположены по железной дороге, имеют крестьянское население и для ссылки непригодны в виду легкости

побега и связи. Удобные географически Бодайбинский, Верхоненский, Балаганский и Киренский районы признаются органами ГПУ в виду обширности территории и неблагополучия по бандитизму непригодными для ссылки.

Прокурор Сибири [Алимов]

ГАНО. Ф.Р-20. Оп.3. Д.10. Л.2-4. Машинопись. Черновой вариант.

¹ Согласно ст.49 УК РСФСР, действовавшего с 1922 по 1926, судам предоставлялось лишь право простой высылки (запрещение проживания в отдельных местностях на определенный срок), и данная мера применялась в отношении уголовных элементов, проходивших по линии административных отделов (милиции).

² Т.н. госминимум существовал с конца 1921 в связи с введением 17-разрядной тарифной сетки оплаты труда с соотношением первого и последнего разрядов как 1:5. Госминимум соответствовал одному прожиточному минимуму. В 1922 выплаты производились в денежных знаках 1922 г. Наряду с этим в 1923 в качестве твердой единицы измерения использовался т.н. товарный рубль. И только с конца 1923 выплаты стали производиться в червонном исчислении. На 1923 год пришлось сосуществование нескольких различных денежных единиц, особенно были подвержены девальвации дензнаки. В этой обстановке любые задержки пособий для ссыльных приводили к их обесценению.

4

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА РАБОТНИКА КРАЕВОЙ ПРОКУРАТУРЫ СИБИРИ
А.М.ПАЧКОЛИНА КРАЕВОМУ ПРОКУРОРУ СИБИРИ АЛИМОВУ О
СОСТОЯНИИ ССЫЛКИ В СИБИРИ

8 марта 1926 г.

Секретно

Об административной ссылке
и ссыльных

Докладная записка

Обследование Канского ИТД и Красноярского Изолятора С[пециального] Н[азначения] дает основание поднять вопрос о ссылке и адмссылке.

В этом вопросе следует констатировать следующее:

а) ссылка в ее теперешнем виде представляет вопиющее противоречие с общими началами Уголовного и Исправительно-Трудового Кодексов;

б) положения о ссылке или ведомственных циркуляров, охватывающих жизнь ссылки, на местах нет;

в) порядок высылки в административном порядке настолько несовершенен, что на практике порождает грубейшие ошибки;

г) переброска ссыльных в места поселения организована плохо и содержание под стражей в пути следования часто доходит до половины срока высылки;

д) жизнь ссыльных в местах поселения на трудовых началах не организована;

е) на местах нет ясного определения функций прокуратуры по надзору за ссылкой и действиями органов, администрирующих ссылку.

а) Ссылка [находится] в противоречии с Угол[овным] и Испр[авительно]-Труд[овым] Кодексами

Ссылка должна преследовать изоляцию преступника из данной местности, если он по связи с преступной средой представляет социальную опасность (ст.49 УК). Таким образом, она является одной из мер социальной защиты.

В силу ст.8 УК она должна преследовать цели: а) общего предупреждения новых нарушений со стороны самого нарушителя и др[угих] неустойчивых элементов; б) приспособления нарушителя к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия и в) лишения преступника возможности совершения дальнейших преступлений. В развитие этих статей УК наш ИТК определяет систему воздействия на преступника с целью его исправления.

Настоящее положение ссылки противоречит не только 8 ст. УК, но и вообще Уголовному и Исправительно-Трудовому Кодексам. Если еще отчасти можно согласиться с положением, что ссылка является *мерой устрашения* (п.«а» ст.8 УК), то ни о каком исправлении преступника или лишении его возможности совершать преступления речи быть не может.

Напротив, предоставленные самим себе в таких суровых местах, как Туруханский или Приангарский край, ссыльные самой обстановкой и условиями толкаются на преступления или побег. В обследованных домах лишения свободы есть ссыльные, уже осужденные за новые преступления. Мотив этих преступлений — голод. Кроме того, в вопросе о ссыльных, несущих в среду местного населения туберкулез, сифилис и другие инфекционные болезни, причиняющих ущерб преступлениями хозяйству местного населения, по мере проведения в жизнь нашей национальной политики неминусом встанет перед органами власти в недалеком будущем¹.

Имевшие место самосуды над ссыльными со стороны забытых северных инородцев — остяков и тунгусов — показательны в том отношении, что, очевидно, ссыльные настолько вредили, что вывели из себя смиренных туземцев. Показателен в отношении уяснения — чем живет ссылка, рассказ нач. Канского Окротдела [ОГПУ] о том, что Тасеевский район (близкий к Приангарью) наводнен фальшивой монетой (серебряной и казначейскими билетами). Привезенные им фальшивки сделаны весьма искусно. Таким образом ссылка — ни исправление, ни лишение возможности совершать преступление.

Прежде ссылка на долгие сроки или вечное поселение имела смысл. Ссыльные превращались в колонистов того же Туруханского или Минусинского края. Они знали, что им здесь жить долгие годы или вечно и потому устраивались оседло, обзаводились хозяйством. Последнее их засасывало, и постепенно превращались в мирных хлеборобов, скотоводов, рыбаков и охотников. Наши ссыльные чувствуют себя в ссылке временно-проживающими. Высланные на 2-3 года, прошедшие в пути следования к ссылке полгода и больше и имеющие надежды на досрочное освобождение или амнистию, они перебиваются кое-как в ожидании освобождения из ссылки. Конечно, никакого наблюдения за тем, чем они живут, никаких мер трудового воздействия — нет. Их только (не всегда удачно) стерегут, чтобы не сбежали.

Такое положение со ссылкой, при наличии того, что большинство ссыльных — рабочие и крестьяне, или фактически не уличенные в преступлениях, или осужденные — отбывшие срок наказания и, может быть, пытавшиеся после этого встать на честный трудовой путь — является поистине вопиющим противоречием с точки зрения советского права.

б) Нет закона о ссылке

Упорядочению жизни ссылки много вредит отсутствие на местах положения о ней. Нет и ведомственных циркуляров, охватывающих всесторонне вопрос о ссылке. Имеющиеся циркуляры, как, например, циркуляр НКЮ от 16 апреля за №24с², не проводятся полностью в жизнь. Отсюда широкое поле для административного усмотрения.

Ссылный Чеботкевич жил в Канске — бесплатно лечил сотрудников ГПУ и их жен. Первая неприятность чисто обывательского свойства, и Чеботкевич усаживается в тюрьму на 1 1/2 мес. По освобождении ссылается за 350 верст от Канска и лишается мина 6³.

Почему, например, слепой Морозов (кстати, страдающий идиотизмом) ссылается в Туруханск? Почему больные инвалиды Баклетов (слепнувший и безрукий), Поляковский (старик, хранилище всяческих болезней), Никифоров (безногий), ряд сифилитиков и туберкулезных отправляют туда же?

Почему, например, из 650 ссыльных в Красноярске несколько человек получили по 5 руб. пособия от ГПУ, а другие (и более нуждающиеся) — нет?

Почему, например, ГПУ, имея деньги на ссыльных в Красноярске (около 8000 руб.), только после моего приезда решило дать одежду для совершенно голых ссыльных?

Почему, например, московские рецидивисты и крестьяне — чеченцы или сибиряки направляются в одни пункты?

Этих недоуменных вопросов возникает много и удовлетворительного ответа на них не удастся получить даже от самих администрирующих. Видны случайность и усмотрение. Отсутствие закона о ссылке приводит на практике к явлениям совершенно недопустимым в 1925-1926 гг.

в) Ссылка в административном порядке противоречит требованиям закона

Самый порядок высылки в административном порядке несовершенен и находится в большом противоречии с курсом на укрепление революционной законности. Высылка инвалидов (слепых, безруких, безногих), больных (сифилитиков, венериков, туберкулезных) в Туруханский край, грозящая неминуемой гибелью для высылаемых и представляющая неудобства (инвалидов надо кормить) и заразу для местного населения — возможна только в административном порядке при заочном слушании дела.

В числе ссыльных Красноярского Изолятора оказались высланные, например, из Москвы как лица без определенных занятий крестьяне, приехавшие на заработки в Москву. Этим крестьян, а также указанных выше инвалидов, камера ссыльных демонстрировала передо мной, как абсурд, до которого скатилась административная высылка.

Показательна судьба ссыльного Василевского (рассказ и личность внушают большое доверие). Он польский рабочий, ему 20 лет. За участие в Краковской забастовке 1923 г. до сентября 1924 сидел в тюрьме. После освобождения бежал в СССР. За переход границы сослан вначале в Астрахань, а потом в Орел. Из Орла уехал в Москву в польскую секцию Коминтерна за помощью

(побег с места высылки). В Коминтерне ему оказали материальную помощь и попросили зайти через неделю, пока наведут справки о его участии в рабочем движении в Польше. Василевский, наслышавшись ранее о Москве, пошел ее осматривать. На одном из бульваров он показался подозрительным милиционеру, и тот свел его в МУР. Там его заподозрили в вооруженном ограблении (важный привод), но, допросив, немедленно освободили. Подоспела как раз очередная очистка Москвы, Василевский арестовывается и ссылается на 3 года в Сибирь. Здесь ему определили Туруханский край.

Во время проведения трехмесячника в Сибири по показаниям целого ряда ссыльных сексоты УР заработали большие деньги за то, что не создавали приводов. Вообще привод — не показатель преступности данного лица. Здесь играют большую роль и личные счеты в уголовном мире (оговор, стукачи и сексоты из уголовников), и неопытность агентов УР, бросающихся к приводам всех, кто кажется так или иначе подозрительным или судился за какое-либо преступление, иногда свидетельствовал по какому-либо делу. А, между тем, привод по приказу №172 считается основанием для высылки⁴.

Особое внимание обращает высылка за переход границы. Здесь также встает ряд недоуменных вопросов, на которые ответом является также только административное усмотрение. Большинство перебежчиков — рабочие и крестьяне. Они рвутся в СССР и ждут от него отнюдь не того, что им уготовано. Ссылка, следование и содержание под стражей совместно с уголовными преступниками, которые их обворовывают и чинят издевательства, 5-6-8 месячное мотание по тюрьмам, ссылка в Туруханский край и т.д. Может быть, часть из них и надо убрать подальше от крупных городов и иностранных миссий, но почему длительное содержание под стражей, почему именно Туруханский край из просторной Сибири?

Таким образом, определение ссылки административным органом, выносящим решение заочно и без тщательной проверки материалов, не гарантирует охраны прав подвергающихся высылке вопреки требованиям процессуального закона.

г) Переброска ссыльных не организована

Наличие такого незакономерного явления, как то, что высылаемый на 3 года, например, в Туруханский край содержится под стражей от 4-5 мес. до 1 1/2 лет по пересыльным тюрьмам, свидетельствует о неорганизованности переброски ссыльных. Как ни

затруднительна вообще перевозка арестованных, все же можно внести порядок в следование ссыльных к месту поселения. Настоящее же состояние вопроса с перевозкой ссыльных таково, что ссылка, говоря словами циркуляра НКЮ от 16 IV-24 г. за №24с, «является наказанием более тяжелым, чем лишение свободы».

Ссыльные Канского ИТД и Красноярского изолятора встречали меня вопросами: «Зачтется ли им, приговоренным к вольному поселению, сидение под стражей в течение полгода и даже свыше года? Неужели зачет будет день за день?» При наличии того, что 2 рабочих дня по ИТК засчитываются за 3, их ожидание зачета пребывания под стражей во всяком случае не день за день соответствует общему духу действующих законов.

Попутно возникает ряд вопросов о переброске ссыльных. Ссыльные Красноярского Изолятора сидят уже 2 мес. в Красноярске. Отправка их предвидится в начале июля (с открытием навигации до Туруханска). Итого они просидят в Изоляторе 5 м-цев. Паяк стоит на одного человека 11 коп. в день. Таким образом расходы только на питание за 5 м-цев выразятся в 16 р. 50 коп. Отправка же в Енисейск (куда предполагается поместить до 300 ссыльных) стоит 11 руб. на человека. Спрашивается, не выгоднее ли было немедленно отправлять их, попутно избавив ссыльных от 5 месячного сидения под стражей?

Ответ ясен. Кормит их Изолятор, отправляет ГПУ. Последнему, очевидно, дела нет, что происходит ненужная трата средств и без нужды сидят под стражей 300-650 чел. Изолятор тоже ждет, когда ГПУ отправит ссыльных, а пока тратит на их питание ежемесячно по 2145 р., помимо других расходов по их обслуживанию. Группы крестьян просят выехать на своих лошадях с семьями к месту высылки. Берут на свой счет содержание конвоя. Им до сего времени отказывали. Причина — неудачная попытка отправки за свой счет партии уголовников-одиночек, разбежавшихся по ресторанам и другим городам.

Из всего этого явствует, что переправка ссыльных поставлена отменно плохо.

д) Жизнь в ссылке

Если государство применяет меры социальной защиты, если оно водворяет на новое место жительства нарушителей, то само собой разумеется, оно должно проследить, чтобы определенная им мера социальной защиты достигла результатов. Иначе говоря, ссылка должна рядом мер трудового воздействия способствовать

исправлению нарушителя, или, наконец, лишить его возможности совершать преступления.

Ничего этого нет в теперешней ссылке. Ссылные предоставляют сами себе. Являясь в определенные сроки на регистрацию в сельсовет или к уполн[омоченному] ОГПУ и живи — кормись, как знаешь. В особо тяжелых случаях, по заверению местного ГПУ, им дается небольшое пособие.

Ясно, что при таком положении дела возможны для не имеющих помощи от родных следующие случаи:

а) ссылные за кусок хлеба эксплуатируются местным населением (лучший исход!);

б) ссылные бегут с определенных им мест в другие, где можно прокормиться, или предпочитают тюрьму;

в) ссылные пускаются на новые преступления;

г) ссылные вымирают от голода и болезней.

Вопрос с организацией из них артелей, вопрос о предоставлении им работы в каких-либо предприятиях пока не поднимается. Между тем, без этого ссылка действительно хуже лишения свободы.

Все это, равно как и то, что говорилось выше, не относится к политссылным и высланным спекулянтам. Положение первых более или менее сносное, вторых чаще всего хорошее. Речь идет о рабочих и крестьянах, высланных в порядке приказа №172.

е) Неясно, что должен делать прокурор

Имеющиеся циркуляры НКЮ №24с-24 г., 35с-24 г., 42с-24 г. не вносят определенности в вопрос, какое участие должен принимать прокурор в устройении ссылки, в определении мест ссылки, в наблюдении за закономерностью действий ГПУ в местах ссылки и т. п. Эти циркуляры определяют, какое участие должен принимать прокурор до постановления о высылке и в момент вынесения постановления о высылке. Относительно наблюдения за проведением постановления о высылке в жизнь, относительно наблюдения за порядком отбытия ссылки в них не говорится ни слова, если не считать указаний, кто лишается некоторых гражданских прав.

Эта неясность и неопределенность на практике приводит к устранению прокурора от наблюдения за ссылкой и затрудняет разрешение жалоб ссылных. Кроме этого, недоговоренность в этом вопросе логически ничем не оправдывается. Наблюдение за исполнением приговоров (а всякое назначение меры социальной защиты по существу есть приговор) неотъемлемое право прокурора, предоставленное ему законом.

Суммируя все выше изложенное, прихожу к следующим выводам:

1. Целесообразно и своевременно поставить перед НКЮ вопрос о полезности существования ссылки в том ее виде, как она существует.

2. Если в данный момент по целому ряду объективных причин НКЮ не найдет возможным поставить вопрос об упразднении ссылки, то необходимо разработать положение о ней в строгом соответствии с требованиями Уголовного, Уголовно-Процессуального и Исправительно-Трудового Кодексов.

3. Целесообразно и своевременно вновь поднять вопрос о назначении к высылке исключительно судом по представлению прокурора, ограничив права ОГПУ в этом отношении и предоставив ему право высылки только по делам о преступлениях, предусмотренных 57-73 ст. УК, 85 и 97 ст. УК, и, при объявлении местности, неблагополучной по бандитизму, по 76-184 ст. УК.

4. Целесообразно поставить перед НКЮ вопрос о необходимости урегулирования вопроса с перевозками ссыльных в места поселения и вопроса о зачете им времени, проведенного в содержании под стражей двух дней за три.

5. Войти с представлением в НКЮ о необходимости исключения из постановления ЦИК Союза ССР от 28 марта 1924 г. (раздел 6, параграф «б» п.6) слов: «или четырех приводов по подозрению» (и до конца пункта).

6. Впредь до разрешения этих вопросов необходимо немедленное издание циркуляра, регулирующего взаимоотношения органов ГПУ и Прокуратуры в части, касающейся ссылки.

7. Необходимо издание циркуляра, регулирующего вопрос о выдаче пособия ссыльным и снабжения их необходимой одеждой.

8. Необходимо дача на места Окротделам [ОГПУ] и ст. Помпрокурора указаний о необходимости учитывать состояние здоровья ссыльных при определении им срока ссылки.

9. Необходимо дать более или менее ясные указания местным Распредкомиссиям о линии поведения в части досрочного освобождения ссыльных.

Зам. Краевого Прокурора Сибири А.Пачколин

ГАНУ. Ф.Р-20. Оп.2. Д.97. Л.82-84об. Рукописный подлинник. На первом листе документа резолюция краевого прокурора: «Спецчасть. Собрать материалы и написать доклад Прокурору Республики. 19/III».

¹ Аналогичная этой аргументация в пользу резкого сокращения, а в перспективе и отмены административной высылки приводилась руко-

водством НКВД РСФСР в январе 1926: «Помимо того, неожиданно воскресший метод высылки и ссылки в более отдаленные местности, практиковавшийся в былое время и практикующийся в данное время, явился моментом, идущим вразрез с мероприятиями по нац. вопросу, в особенности [в связи] с развитием нац. автономных образований. Неокрепшие новые государственные объединения, обеспокоенные этим явлением, принявшим характер стихийного наплыва социально-опасного элемента, категорически протестовали и протестуют против административной высылки». — ГА РФ. Ф.Р-393. Оп.1а. Д.213. Л.9об.

² Упомянутый циркуляр публикуется в разделе I («Нормативные документы»).

³ «Минус б» — см. об этом в предисловии.

⁴ В данном приказе («Положение о правах ОГПУ...») речь шла о лицах, «социально-опасных по своей прошлой деятельности», определяемых таковыми на основании наличия в прошлом двух обвинительных приговоров или четырех приводов.

5

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА СОТРУДНИКОВ ТОМСКОГО ОКРОТДЕЛА ОГПУ
ПО НАРЫМСКОМУ КРАЮ В ТОМСКУЮ ОКРУЖНУЮ ПРОКУРАТУРУ
О СОСТОЯНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ССЫЛКИ В КРАЕ

10 февраля 1927 г.

Совершенно секретно

Жизнь и деятельность политссылки в Нарымском крае

Самым наиактивнейшим и в то же время буйным элементом политической ссылки являются — *Анархисты* (34 человека).

Из агентурных материалов видно, что анархисты и в условиях ссылки не только активизируются сами, но и стараются активизировать в анархическом духе и окружающие их крестьянские массы, даже деревенские ячейки комсомола.

Отдельным членам комсомола Чигаринская группа анархистов дает читать анархическую литературу, и даже часто собирает у себя на квартирах деревенскую молодежь, напичкивая таковую идеями анархизма.

Анархист Артеменко только недавно бросил «подпольное» учительство в деревне Голубец, где как «деревенский» учитель преподавал не только чтение центральных газет, но и своеобразную политграмоту, т.е. разъясняя крестьянам советское законодательство, безусловно извращал толкование такового с анархической «точки зрения».

Анархисты Широков и Власов при каждом удобном и неудобном случае ведут среди населения критику мероприятий Соввласти и партии ВКП(б), безусловно отмечая случайные ошибки местной власти, чем играя на руку неразвитого крестьянина и данной критикой поднимая перед массой свой авторитет.

Лидеры анархистов, как-то: *Володарский, Немерицкий*, любимцы *Д.Д.Донского*¹ заняты организационной работой и стяжают себе лавры в «четырех стенах», организуя своеобразные кружки по подготовке будущих «работников анархического строя», идя вразрез с желанием своих рядовых членов, что привело к расколу и образованию в Нарымской ссылке 3-х анархических группировок: 1-я — Чигаринская группа, ищущая самозабвения в яркой агитации против существующего строя и не отрицающая даже индивидуальный террор — во главе с инвалидом Мясниковым.

2-я — Б.Нестеровская во главе с *Рысс* Самуилом, занимающаяся самовоспитанием и воспитанием будущих анархических «вождей».

3-я — Парабельская в составе — *Володарского, Немерицкого* и *Рейдман*, отрицающие существование первых двух групп и живущие мышлениями *Д.Д.Донского*.

По поводу поведения 3-й группы, 1-я группа в лице Мясникова говорит «что это буржуазные анархисты по типу портфельных комиссаров и первая возможность им даст первую бомбу».

Но как бы ни была разделена между собою анархическая группа, все же в лице местного населения она имеет большой авторитет, в особенности Чигаринская, благодаря своим резким выпадам против существующего строя. Это объясняется тем, что и Нарымский крестьянин также своеобразно настроен анархически, чему способствует Е.С.Х.Н.², билеты на право охоты, рыбная ловля и проч. Так как в свое время этого Нарымский крестьянин не знал, т.к. Нарымский край от налогов освобождался, и плюс — чрезмерная отсталость Нарымского населения в политическом отношении.

Второй наиболее активной и мощной является группа с.-д. (70 человек).

Группа с.-д. главным образом сконцентрирована в наисамых крупных центрах Нарымского края и делится на следующие колонии:

- а) Колпашевская
 - б) Тогурская
 - в) Инкинская
- } одно целое

г) Парабельская и последняя объединяет — Костаревò, Ала-таево, Б.Нестерово и Чигара.

- д) Нарымская
- е) Каргасокская

Группа с.-д. по колониям имеет свои библиотеки, столовые, кассы взаимопомощи, в которых в своем большинстве проводит всю организационную и внутрипартийную работу.

Основными вопросами, разрабатываемыми группой с.-д., являются вопросы «Оппозиционный момент внутри партии ВКП(б)», «Рабочее движение от Морозовской стачки до последних дней», «Экономика Советской России» и ряд других экономических и политических вопросов, которые в конечном итоге с.-д. сводит к тому «Что нас большевики пригласят для совместной работы».

Лидером группы с.-д. является *Цейтлин Семен Соломонович*³ (с. Каргасок), последний распространяет свое влияние на всех с.-д. Нарымской ссылки.

С.-д. по колониям управляется старостатами и в зависимости [от] могущности колонии, выдвигается и мощный старостат, как например: Колпашевская колония (28 человек) имеет старостат из 3-х человек, который и ставит жизнь и деятельность с.-д. Колпашево-Тогурской колонии.

Сплоченной работы среди с.-д. нет, что объясняется делением группы на *два* лагеря — «старых и молодых», расхождение которых в основном возникает на почве совместной работы всех полит. группировок Нарымского Края.

С.-д. молодежь стремится к общей работе совместно с с.-р., анархистами и другими фракциями, организовали в Колпашевской колонии общую библиотеку, а «Старики» с.-д. тянут назад и категорически протестуют против данного положения. От организации общей библиотеки старики отказались и в таковую не вошли.

Среди населения группа с.-д. работы никакой не ведет и считает ее нецелесообразной. Среди местного населения группа с.-д. авторитетом не пользуется, что главным образом объясняется тем, что на с.-д. население смотрит, как на «интеллигентиков», не умеющих работать физически и плюс живущих за счет «присылаемых им откуда-то денежных переводов», также некоторую роль играет и антисемитизм, так как большинство с.-д. по национальности евреи.

В отличие от с.-д. и анархистов, более сплоченной является группа с.-р. (8 чел.). Главным центром группы с.-р. является село Колпашево, группа в составе 5 чел. и управляется старостатом. Лидером с.-р. и вообще всей политической ссылки является Д.Д.Донской. Группа с.-р. замкнута и работу ведет только внутри

себя. Пользуется частичным авторитетом исключительно среди зажиточного слоя местного населения.

Старостат фракции с.-р. авторитетен, и имеются случаи, когда старостат с.-д. и остальные члены фракции с.-д. обращаются за советом или помощью в старостат с.-р.

Необходимо отметить, что с.-р. Донской Д.Д. среди местного населения, главным образом, в Парабельском районе, пользуется большим авторитетом, что не отрицают даже прочие политические группировки, как-то: с.-д., анархисты и др.

Авторитетность среди населения Донского не отрицается и местными представителями власти, как-то Райисполкомом и Райкомом с.Парабель.

Авторитетность Донского главным образом возросла за счет его умения работать среди крестьян, как старого земца, умение ставить больничное и лечебное дело, и плюс непосредственная связь с центром, в частности, с Наркомздравом Семашко, от которого Донской непосредственно получал денежные переводы и медикаменты для Парабельской больницы⁴.

Группа сионистов всех оттенков (36 человек) разбросана на территории Каргасок—Ильино—Нарым, Вялово—Парабель и Колпашево. Группа тесно замкнута внутри своей фракции, авторитетом как среди местного населения, так и в прочих политических партиях совершенно не пользуется и живет обособленно.

В своем большинстве сионисты имеют замену ссылки Палестиной.

Последняя категория полит. ссылки, так называемая «прочая», проходящая по учету С[екретного] О[тдела], как-то: духовенство, сектанство, и «статейники» (55 человек)⁵.

Данная группа рассеяна по всему Нарымскому краю. Из всех прочих политических ссыльных можно только и отметить, что церковников и сектантов (церк. 19, сект. 6). Как первые, так и последние, если и не ведут какой-либо вредной работы среди окружающих масс, то во всяком случае пользуются со стороны местного населения сочувствием как «страдальцев за Христа», а отсюда вывод, что все эти «духовники» живут за счет того, что им дает из жалости само религиозное население.

В прошлом отмечались даже факты влияния ссыльного духовенства на местные религиозные общины, результатом чего в Каргасоке обновленчество заменено «Тихоновщиной». Кратко суммируя вышеприведенное, необходимо сказать, что взаимоотношения отдельных полит. группировок между собою — крайне ненормальные, и если среди политических и говорят о «едином фронте», так это только и остается в разговорах, ни-

какого единения между группами нет и не будет. Последние агентурные данные говорят за то, что среди политических за последнее время сильно развивается фракционность и недоверие не только к инакомыслящим группам, но и своим однопартийцам. В каждом новоприбывшем политическом «старые ссыльные» видят «шпика ГПУ», в особенности это наблюдается за Д.Д.Донским.

Упол[номоченный] Том[ского] Окро[тдела] ОГПУ
по Нар[ымскому] краю Перминов
Пом. уполномоченного Гурьянов

ГАНО. Ф.Р-20. Оп.2. Д.4. Л.124-128. Машинописный подлинник. Подпись — автограф Гурьянова. Подпись Перминова под документом отсутствует. На первой странице документа резолюция о его принадлежности к «сов[ершенно] секр[етной] переписке». Документ адресован зам. Томского окружного прокурора Малинину.

¹ *Донской* Дмитрий Дмитриевич (1881-1936) — профессиональный революционер, член ЦК партии социалистов-революционеров. Подвергался репрессиям с начала века, находился в тюрьмах и трижды отбывал ссылку в Сибири, в Тобольской губ., общей сложностью более 6 лет. Обучался медицине в России, затем, после выезда в 1907 за границу, в Мюнхенском университете, получив в 1911 звание доктора медицины. В эти же годы являлся секретарем Мюнхенской эсеровской группы, активно сотрудничал с эсеровской Боевой организацией Б.Савинкова. После 1917 стоял на позициях активной борьбы с большевизмом. С марта 1919 находился в советских тюрьмах. На московском процессе над лидерами ПСР (июнь — август 1922) был одним из главных обвиняемых и в числе 12-ти был приговорен к смертной казни, замененной впоследствии ссылкой на 3 года в Нарымский край (с июля 1924). Директивой Политбюро от 30 июня 1927 срок административной ссылки Донскому, а также Гоцу и Тимофееву, был продлен на 1 год, а затем еще. Нарымская ссылка оказалась для Донского пожизненной. Он умер, будучи врачом Парабельской больницы, обстоятельства смерти до конца не прояснены. Существует версия о самоубийстве в преддверии возможного ареста.

² 10 мая 1923 взамен множественных налогов (единого натурального, трудгужналога, подворно-денежного и др.) декретом ВЦИК и СНК был введен единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН). В последующие годы постепенно усиливалась прогрессия обложения: маломощные хозяйства получали льготы, а в отношении зажиточных вводилось индивидуальное налогообложение. Жители Нарымского края на протяжении первой половины 1920-х имели определенные льготы, в том числе право на бесплатную охоту и промысел. В последующем эти льготы были отменены, к неудовольствию населения.

³ *Цейтлин* Семен Соломонович (1888-?) — социал-демократ, меньшевик. В советский период неоднократно подвергался репрессиям.

После ареста в 1923 отбывал 2 года на Соловках, затем в 1925 (по другим данным — в 1926) был выслан на 3 года в Нарымский край.

⁴ Д.Д.Донской прибыл в Нарымскую ссылку (с.Парабель) летом 1924. Уже осенью—зимой 1924 возник серьезный конфликт Донского, получившего работу врача в Парабельской больнице, с местной партийной и советской бюрократией. Пользуясь своими связями в Москве, Донской добился перевода из Наркомздрава для больницы денежных средств и медикаментов. Местные органы усмотрели в этом подрыв собственных позиций в среде коренного населения и произвели перераспределение полученных средств и лекарств среди остальных больниц Нарымского края, а Томский губком РКП(б) 12 февраля 1925 принял решение признать «непосредственное сношение наркоматов с адм[инистративно]-ссылъными (используемы[ми] нами по специальности по особым условиям Нарымского края) совершенно недопустимым, как подрывающим авторитет местных парт[ийных] и соворганов». Губком РКП(б) 2 марта 1925 обратился в ЦК с просьбой принять по этому факту соответствующие меры. (ГАНУ. Ф.2-П. Оп.2. Д.103. Л.14).

⁵ Секретный отдел (СО) ГПУ—ОГПУ в 1920-е состоял из следующих отделений: 1-е занималось анархистами, 2-е — меньшевиками, 3-е — правыми эсерами, 4-е — правыми (несоциалистическими) партиями, 5-е — левыми эсерами, 6-е — духовенством и сектантами, 7-е — студенчеством, 8-е — спецотделение, 9-е — кооператорами, 10-е — сионистами.

6

ИЗ ДОКЛАДОВ ОКРУЖНЫХ ПРОКУРОРОВ КРАЕВОМУ ПРОКУРОРУ
СИБИРИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО НАДЗОРУ ЗА ОРГАНАМИ ОГПУ
ВО ВТОРОМ ПОЛУГОДИИ 1927 г.
(РАЗДЕЛ «АДМИНИСТРАТИВНАЯ ССЫЛКА И ПЕРЕБЕЖЧИКИ»)

Январь—февраль 1928 г.

Секретно

Канский округ

К отчетному периоду Административно-ссылных было 783 челов[ека]. Вопрос о ссылке охарактеризовать исчерпывающим образом нет возможности. Ссылные распределяются в северных районах округа, причем большинство их сосредоточено в Приангарском районе, ссылные по категориям являются: Перебегички, Валютчики, Контрабандиты, Политические и по другим видам преступления.

В материальном отношении обеспечиваются в полной мере своими средствами. Пособие выдается нерегулярно и не превышает 5, 10 и 15 рублей.

Отношение населения к ссылным в некоторых местах враждебное, т.к. таковые влияют на развитие преступности, в особенности в отдельных [так в тексте. — С.К.] районах от Округ

ного центра. Дальнейшее направление ссыльных в Канский Округ необходимо ограничить.

Врид Канского Окружного прокурора Троицкий
16 января 1928 г.

Каменский округ

Адмссыльных в Каменском округе по состоянию на 1/VII-27 г. было 160 чел., состоит на 1-е января 1928 г. 140 чел., расселены по округу, по категориям преступлений распределяются так: меньшевиков 8 чел., участников контр-революции 3 чел., заподозренных в шпионаже 7 чел., социально-вред[ного] элемента 21 чел., и высланы по прочим преступлениям 101 чел.

В большинстве адмссыльные 75% материально обеспечены, а нуждающимся Окротдел ОГПУ выдает пособие.

Перебежчиков на 1/VII-27 г. было 29 ч[ел.], на 1/I-28 г. 74 ч[ел.], расселены по преимуществу в те районы, где ссыльные занимаются большинством работой у крестьян.

Отношение населения к ссыльным различное, некоторые кр[естья]не относятся с сочувствием, но большинство безразлично и рассматривают ссыльных, как «доходную статью», коих можно эксплуатировать и т.д.

Влияния перебежчиков на политическое настроение деревни, как массового явления, не замечается. Влияния на рост преступности нет.

Прокурор Каменского Округа Фриш
24 января 1928 г.

Барабинский округ

Адм. ссыльных на 1 июля 1927 г. было 165 человек, а на 1 января 1928 г. осталось 149 чел., по категориям они распределяются так:

1) Духовенства.	4
2) Контрреволюционеров.	12
3) Шпионов.	20
4) Социально-вредного элемента.	45
5) Прочих.	68

Надо отметить, что большинство из группы социально-вредного элемента и прочих надо отнести за счет валютчиков, контрабандистов и вообще черной биржи. Перебежчиков на 1 июля 1927 г. было 78, а на 1 января 1928 г. стало 104. Расселены они большей частью в 2-х районах округа, это Биазинском и Ново-Троицком.

Переходя к материально-бытовым условиям существования ссыльных и перебежчиков, надо сказать, что, поскольку большинство ссыльных из числа черной биржи, то они обладают достаточными средствами для существования — получая таковые и от родственников, остальные ссыльные и перебежчики существуют за счет получаемого пайка, работы у крестьян и кустарного ремесла.

Отношение к ним населения можно считать нормальным, т.к. категория ссыльных не из числа преступников, вредящих деревне в имущественном отношении и преступности среди них не наблюдается, за исключением единичных случаев, но нельзя сказать, что ссыльные не влияют на полит. настроение населения, это положение есть, но в скрытой форме, и случаев привлечения за это пока не было, а поэтому против дальнейшего направления их в округ возражать не приходится.

Особых мероприятий по надзору за ссыльными Прокуратурой не проводилось. В дополнительных указаниях в части надзора за органами ОГПУ необходимости пока нет.

Врид Окружного Прокурора Евдокимов
18 января 1928 г.

Ойротская область

За отчетное время имелись два адмссыльных: один подвергнут 3 годам ссылки за пособничество переходу границы, по амнистии последний освобожден; второй — валютчик подвергнут 3 годам, по амнистии срок сокращен на 1/4, проживает в Улале, работает в аптеке на должности провизора.

Как относится к нему население и сказывается ли его влияние на политнастроение местного населения? Можно определенно сказать, что он совершенно никакого влияния не оказывает и население об нем не знает.

Что же касается целесообразности дальнейшего направления в нашу область ссыльных, то считаю, что в условиях Ойратии некоторые из них могли бы даже принести кое-какую пользу, как, например, в 25 году группа ссыльных составила довольно приличную труппу артистов во главе с профессионалами, впоследствии они были переброшены в Новосибирск, как например, Петровский, Генералов и др.

Перебежчиков за это время не было.

Облпрокурор Садовский
7 февраля 1928 г.

Барнаульский округ

Статистические сведения адмссылных и перебежчиков гос-
границы в Барнаульском округе представляются:

анархистов.	1
меньшевиков.	2
духовенство.	2
участников контрреволюционных организаций.	7
шпионаж.	6
соц. вредный элемент.	25
прочих преступников.	188
общее кол-во адмссылных.	230
в т.ч. в г.Барнауле.	73
в районах.	157
перебежчиков.	359
общее кол-во перебежчиков и адмссылных.	589

За текущий период полугодия прибывающие ссыльные рассеиваются исключительно в районе. Данных в распоряжение Окр. Прокуратуры о влиянии ссылки на развитие преступности в округе не поступало. Полагаю, что при указанном количестве ссылки в округе особых пока опасений быть не может.

Материальная обеспеченность как ссыльных, так и перебежчиков, безусловно, не вполне положительная, большинство находят источник существования, а часть бродят месяцами в подыскании работы. Случаев уголовных преступлений не наблюдалось.

Надзор за ссылкой выражается в проверке жалоб, которые сводятся к ходатайствам о выдаче единовременного пособия, о местах прикрепления, об оставлении для работ в промышленных районах и т.д.

Дальнейшее направление ссылки в округ за счет количества считаю нецелесообразным и означенное число, имеющееся на территории округа как адмссылных, также и перебежчиков вполне нормально. Наводнить численностью мы рискнули бы поставить под угрозу отдельные районы, в области развития преступлений и в части обслуживания.

Врид. Окр. Прокурора Попов
7 февраля 1928 г.

Минусинский округ

Состояние адмссылки и перебежчиков по Минусинскому округу на 1 января 1928 г. характеризуется следующими цифрами (по данным Мин. Окр. Отдела ОГПУ):

имелось на 1/VII-1927 г.	
адмссылных в городе.	61
адмссылных в округе.	275
<i>Итого.</i>	336
имеется на 1/I-1928 г.	
адмссылных в городе.	58
адмссылных в округе.	264
<i>Итого.</i>	322
имеется на 1/I-1928 г.	
перебежчиков в округе.	2
привлечено к уголовной ответственности	
адмссылных в городе.	8

Таким образом видим снижение количества адмссылных в городе на 3 человека или на 4,9% и в округе на 9 человек или на 3,2%. В общем количество адмссылных в округе уменьшилось на 12 человек или на 3,2% (процентное отношение исчислено к количеству адмссылных по состоянию на 1/VII 1927 г.). При этом нужно оговориться, что в число выбывших а/с из округа не полностью вошли адмссылные, освобожденные от отбывания срока ссылки по амнистии², т.к. работа по применению к ним амнистии к концу отчетного полугодия не была полностью закончена.

Заметен рост преступности среди административно-ссылных. За отчетное полугодие мы имеем повышение преступности среди административно-ссылных на 5 человек или на 62,5%, причем часть этих дел падает на антисоветскую деятельность адмссылных. На развитие обще-уголовной преступности адмссылные не влияют ввиду незначительности совершенных ими преступлений. Нельзя сказать также, что адмссылные особенно влияют на развитие контрреволюционной преступности. Имеют место отдельные контрреволюционные выступления. Кроме таких выступлений, имеются среди адмссылных «разговорчики» антисоветского характера; распространяются ложные слухи о войне и скором падении Сов. Власти с целью возбудить среди населения недоверие к Советской Власти. Разговоры эти, правда, не имеют никаких организационных, в смысле антисоветских выступлений, форм, но все же имеют некоторое влияние на население. Особенно легко под влияние ссыльных попадает зажиточная часть деревни и обывательское население города. Следствием этого мы имеем ряд выступлений со стороны населения на выборах, так или иначе отражающих влияние антисоветского элемента, скупку населением товаров в торг. учреждениях и кооперации (запасы на случай

войны), недостаточный выброс сырья на рынок и т.п. Под всем этим, несомненно, кроется влияние адмссельных на население, и все имеет подкладку недоверия к Сов. Власти.

Помимо этого, ссельные попытались распространить свое влияние на молодежь, и в частности, на отдельных комсомольцев. Результатом этого мы имеем два определенно отмеченных случая исключения из Комсомола в городе за связь со ссельными. Таким образом вопрос о влиянии ссельных на население в смысле политической устойчивости в настоящее время становится острее.

Материально бытовые условия жизни адмссельных в общем за отчетное полугодие не изменились. Был один случай обращения адмссельного в Прокуратуру с жалобой на то, что ему из Окр. Отдела ОГПУ [не выдали] гос. миним. пособия. Жалобу эту разрешить на месте не представилось возможным, и поэтому она была направлена на разрешение Краевому Прокурору.

Никаких конфликтов между населением и ссельными за отчетный период не было, но опять же нужно отметить — бедняки, служащие, рабочие и лучш[ая] часть середнячества — смотрят на ссельных недоброжелательно. Среди кулаков и обывателей ссельные наоборот находят поддержку.

Расселение адмссельных нужно признать целесообразным по районным центрам и в городе, где их агитация может быть дан более решительный отпор, чем в сельских селениях. В дальнейшем направление в Минусинский округ адмссельных, имеющих отношение к контрреволюционной деятельности, — считаю нецелесообразным.

За отчетный период в Окр. Прокуратуру поступило всего 5 жалоб от адмссельных на действия органов ОГПУ (помимо а/с, которые были заключены под стражу как следств[енные] по делам). Одна жалоба а/с Фрейверт на невыдачу пособия из О[кругного] О[тдела] ОГПУ и 4 жалобы а/с о неправильном исчислении окончания им срока ссылки со стороны Окр. Отдела ОГПУ, в связи с амнистией. Первая жалоба, как уже сообщалось выше, была направлена на разрешение Краевого Прокурора, 4 жалобы переданы Нач. Окр. Отдела ОГПУ для проверки, т.к. в жалобах указывалось, что неправильность исчисления срока происходит, возможно, вследствие технической ошибки. В результате проверки по двум жалобам оказалось, что срок окончания ссылки [определен] правильно, и 2 жалобы оставлены без последствий. По двум жалобам о неправильности применения амнистии X-й годовщины Октябрьской Революции результат проверки еще не известен.

За отчетное полугодие Минусинским Окр. Отделом ОГПУ совместно с Минусинской Окр. Прокуратурой проведена работа

по применению к адмсссылным амнистии в ознаменование 10-летия Октябрьской Революции. Освобождено от отбывания назначенного срока ссылки совершенно 17 человек.

Зам. Прокурора Минусинского Округа Лесковский
4 февраля 1928 г.

Иркутский округ

С первого полугодия на второе 1927 года состояло адмсссылных 36 человек, которые по категориям распределяются следующим образом: меньшевиков — 1, духовенство — 1, участников контрреволюционных организаций — 1, социально-вредный элемент — 4, прочих преступлений — 29, сюда входят валютчики, контрабандисты, нарушители торговых операций, преступления по должности. И имеющих 6 п. — 53 чел., из них: анархистов — 1, меньшевиков — 1, левых соц. революционеров — 1, участников контрреволюционных организаций — 13, шпионов — 1, социально-вредный элемент — 6, сюда относятся воришки, рецидивисты, прочих 30, тех же категорий, что и выше упомянутые.

До 1 января 1928 г. за II полугодие 1927 г. адмсссылных прибыло 27 человек, поднадзорных, имеющих 6 п. — 32 человека (тех же самых категорий). Поднадзорные живут преимущественно в г.Иркутске и только небольшая часть их расселена по районам, адмсссылные — также большая часть их проживает в гор. Иркутске, почти половина проживающих здесь адмсссылных оставлена временно до навигации по реке Лене в 1928 году. ОГПУ обращается [внимание], главным образом, при назначении места проживания адмсссылного на категорию преступности, к которой относится адмсссылный, контрреволюционеров и наиболее социально-опасных изолирует от промышленных районов. Средства к жизни адмсссылные получают по 5 руб. в месяц из фонда адмсссылных, причем получают не все, а только те, которые безработные и не имеют материальной поддержки из дома от родителей и вообще. Исчерпывающих данных о влиянии адмсссылных на политическое состояние населения в ОГПУ не имеется, безусловно, до некоторой степени они влияют с отрицательной стороны. Зафиксировано несколько преступлений адмсссылных экономического характера, а именно злостная спекуляция, скупка золота (дело *Дриц*), нарушение правил торговых операций и др. Исходя из этих актов, нужно сказать, что адмсссылные частично влияют на рост преступности. По вопросу дальнейшего их направления, как и в первом полугодии скажу — нецелесообразно, главным образом, в г.Иркутск и промрайоны, а направлять их, адм-

ссылных, в более отдаленные районы: Качуг, Жигалово и др., а также и имеющих п.б. Иркутским ОГПУ ведется должный учет и тщательное наблюдение за их политической жизнью на месте ссылки. При наличии отклонений от нормы поведения адмссылного, конечно, политического характера, ОГПУ принимаются соответствующие меры.

Перебежчиков на 1 января состоит 93 чел., по национальности из них: русских — 14 чел. из разных государств: из Франции, Китая, Польши и др., эстонцев — 3, немцев — 1, поляков — 13 (все из Польши), латышей — 1, мадьяр — 1. Они также состоят на учете ОГПУ, проживают, преимущественно, в сельских местностях и небольшая часть в городе, занимаются разного рода работами, кустарным производством, в сельских районах работают у крестьян, за ними то же самое, как и за адмссылными, ведется соответствующее наблюдение органами ОГПУ. Прокуратурой по наблюдению за адмссылными работы в области надзора не ведется.

Окр. прокурор Абрамов
14 февраля 1928 г.

Тарский округ

Наличие адмссылных и перебежчиков в округе таково:

адмссылных на 1/VII-27 г. сведений нет,

на 1/I-28 г. — 257 [чел.]

перебежчиков на 1/VII-27 г. — 45,

на 1/I-28 г. — 69

Обе категории расселены преимущественно в северных и урманных районах округа, в южные районы (Евгацинский, Б-Речьё, Муромцевский) посылать избегаем. Расселение преследует цель пресечь возможность побега (отдаленные районы), возможность преступной агитации (инородческие селения). Главную массу а/с составляют контрабандисты и валютчики, последняя партия дала уголовников-рецидивистов (соц. вреды), политических незначительное количество. Валютчики и контрабандисты, как наиболее обеспеченная категория, устраиваются и в ссылке сносно. Спецы и ремесленники обычно находят работу по своей профессии. Значительно тяжелее положение перебежчиков: они не имеют собственных средств, не получают пособий. Неимущие а/с получают 5 рублей в месяц, политссылные 6 р. 25 коп. и 2 р. 50 коп. в квартал на обмундирование. Те и другие не имеют квалификации и иногда не знают русского языка. Отношение населения к а/с и к перебежчикам отрицательное: в первых видят жуликов, во вторых

— шпионов. Всяким их рассказам и агитации не верят, так что заметного отрицательного влияния на политнастроение местного населения не сказывается. Рост преступности, особенно в связи с увеличением среди а/с уголовного элемента, имеется. Возрастают, главным образом, преступления имущественные, совершаемые а/с и перебежчиками, находящимися в тяжелых материальных условиях. Преступлений, где бы вместе с высланными участвовали и местные жители, не замечается. Дальнейшее направление а/с и перебежчиков в округ не целесообразно: с/х и особенно промышленная емкость округа низки. Найти заработок трудно. Следовательно, не сумев устроиться, эта публика будет совершать преступления. Можно, пожалуй, не возражать против высылки лиц со специальным образованием: врачей, акушеров, ветеринаров, агрономов, инженеров, бухгалтеров, радистов. Хорошие плотники и каменщики также могут рассчитывать найти работу. Перебежчиков же, которым трудно устроиться, посылать не годится.

Характер ссыльных по категориям преступлений разбивается в следующей таблице:

контр-революционеры.	73
должностные и др. преступления.	11
бандитизм.	46
соцвредов.	40

Сведения даны на 170 человек. На остальных же 187 человек в момент составления отчета [данных] не имелось.

Прокурор Тарского округа Фрей
11 февраля 1928 г.

ГАНО. Ф.Р-20. Оп.2. Д.178. Л.3-3об., 7 об., 17-17об., 21-22, 33-34об., 39, 48-50, 52, 56об.-57. Машинописные подлинники. Подписи-автографы работников прокуратур.

¹ Согласно принятой схеме полугодового отчета окружных прокуроров в части надзора над органами ОГПУ раздел 6 содержал следующие данные об административно-ссыльных и перебежчиках: «Количество тех и других к началу и концу отчетного периода; преимущественные места расселения и целесообразность их (мест); характер ссыльных по категориям преступлений; общие материально-бытовые условия существования ссыльных и перебежчиков; отношение к ним населения, не сказывается ли влияние их на политнастроение местного населения, а также не влияют ли они на рост преступности; насколько целесообразно дальнейшее направление ссыльных в Ваш округ; в чем конкретно выразился Ваш надзор за ссылкой» (ГАНО. Ф.Р-20. Оп.1. Д.145. Л.96об.). В кате-

горию перебежчиков включали «лиц, прибывших в Союз ССР с нарушением правил въезда, а равно лиц, покушавшихся на переход границы из Союза ССР на территорию иностранного государства». К ним применялись меры, близкие к тем, что испытывали на себе административно-высланные или ссыльные. Их расселение («рассеивание») и надзор над ними находились в ведении ОГПУ. Существовал перечень районов и местностей, проживание в которых перебежчикам воспрещалось. Данный перечень практически совпадал с перечнем местностей, где запрещалось проживание административно-высланных. Ограничения снимались только для тех из них, кто добивался принятия советского гражданства.

² Во исполнение манифеста ЦИК СССР и объявленной 6 ноября 1927 амнистии к 10-летию Октябрьской революции, ОГПУ разослало на места согласованный с прокуратурой циркуляр от 17 ноября о правилах применения амнистии по отношению к сосланным и высланным. В нем, в частности, указывалось, что все дела сосланных по всем пунктам ст.58, 116, 117 и 193, п.16 должны рассматриваться только в центральном аппарате ОГПУ. В отношении лиц, сосланных по всем пунктам ст.59 и 167, местным органам ГПУ разрешалось самим сокращать сроки на четверть, а сосланным по прочим ст. УК РСФСР срок сокращался на треть. При этом особо отмечалось, что для ссыльных, подпавших под действие амнистии, сохранялось правило о запрещении проживания в течение трех лет после окончания ссылки «в губернии Московской, округах Ленинградском и Харьковском и погрангуберниях». На перебежчиков, имеющих «запретную зону», т.е. места, запрещенные для проживания, действие амнистии не распространялось (ГАНУ. Ф.Р-20. Оп.2. Д.123. Л.80).

III. ПИСЬМА, ЗАЯВЛЕНИЯ, ПРОТЕСТЫ ССЫЛЬНЫХ

1

ИЗ ПИСЕМ С.О.ЦЕДЕРБАУМА-ЕЖОВА¹ И ЕГО ЖЕНЫ
К.И.ЗАХАРОВОЙ-ЦЕДЕРБАУМ ИЗ МИНУСИНСКОЙ ССЫЛКИ
К Л.Я.ЭСТРИНОЙ (БЕРЛИН)

Минусинск
25 марта 1926 г.

/.../ Имел открытку от Ив. Григ. [Рашковского] в ответ на мое письмо. Писали они мне, что получают немецкие и английские газеты. Андрей много и серьезно работает, пишет теперь работу о Дантонизме. Сем. Солом. [Цетлин], Боря Сапир, Паша [Дмитриева] и др. в Кеми, ждут еще до мая разъезда²... К 30/III уедут еще семеро и т.д., всего человек до 30. Пишут мне и из других мест — песня почти везде одна и та же. Из Березова и Тобольска возвратились Левитин и Гутман, другие движутся в обратном направлении.

Скоро и мы снимемся с места — но куда? Аллах ведает. Наш богоспасаемый град скоро будет разжалован из уездного центра в районный, исчезнут учреждения и тут еще меньше людей можно встретить на улицах. /.../

Недавно минуло 4 года, как начались наши общие мытарства. Как недавно это и вместе с тем, как много с этого времени произошло. Но что значат каких-нибудь 4 года в перипетиях революции! И все же за это время прошла такая глубокая борозда, движение по наклону обозначилось уже так определенно, движение совершается по физическому закону, с все большим ускорением, и в предстоящие 4 года мы увидим еще много, очень много интересного и поучительного. Хорошо тем, кто уцелеет.

Сергей

Гуверовский архив. Коллекция Б.Николаевского. Вох 59. Fold.2. Машинописная копия.

¹ *Ежов (Цедербаум) Сергей Осипович (1879-1939)* — социал-демократ, брат Ю.О.Мартова. Один из руководителей Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Неоднократно подвергался репрессиям при царизме. Избирался членом ЦК РСДРП. После Февральской революции — меньшевик-интернационалист, один из руководителей движения рабочей кооперации. С начала 1920-х вновь арестовывался. Был в числе первых политических ссыльных советской России. 8 декабря 1921 на заседании Политбюро ЦК РКП(б) при принятии решения о применении административной высылки в отношении группы известных меньшевиков, отдельным пунктом отмечалось: «Не возражать против предложения ВЧК об административной высылке Ежова и Дана» (АП РФ. Ф.3. Оп.59. Д.2. Л.55). Вернувшись к этому вопросу 5 января 1922, Политбюро поручило И.Уншлихту «выбрать для поселения меньшевиков 2-3 уездных города», не возражая против их выезда (при их добровольном согласии) за границу вместо ссылки в глубь России (Там же. Л.61). 16 января 1922 8 человек из числа 43-х освобожденных накануне из Бутырской тюрьмы меньшевиков (Дан, Николаевский, Аронсон и др.) изъявили желание выехать за границу, в Берлин. С.О.Ежов, будучи принципиальным противником эмиграции, был отправлен в ссылку в г.Кашин Тверской губернии, затем в Сибирь, в Минусинск, далее в Саратов. Расстрелян.

² Речь идет о «старых» социал-демократах, — И.Г.Рашковском, С.С.ЦейтLINE и «молодых», — Б.М.Сапире и П.С.Дмитриевой, арестованных в ходе проведенных ГПУ массовых операций 1922 и начала 1923 в Москве и отбывавших в 1923-1926 заключение на Соловках.

Дорогая Леля, как же вы обрадовали меня своей открыткой. Я уже пропела Вам отходную, думала, что и не получу больше ничего.

За это время писала Вам много, наконец написала С.Е., но от него не было ответа. Интересно, он-то получил мою писульку? Вот дожили мы до последних месяцев своей командировки и ждем со дня на день, когда выедем. Как это ни покажется Вам странным, едем, наверное, в Саратов¹, так как в другие большие города нам не попасть. Не любила я этот город, но все же он лучше Самары или Казани, хотя лето пугает меня своей пылью, жарышей и пр. Но библиотека, величина города — привлекают. Льщу себя надеждой, что смогу найти там заработок на месте². Это очень важно. Зависимость этих лет от других по приисканию работы меня сильно угнетала. Вот с июля ни я, ни С[ергей] не имели никакого заказа. С[ергей] решил писать о колониях, подобрал материал, но кое-каких источников все еще не достал. Я же и того не могу написать, а переводов нема. Юлик тоже с июля не имеет службы, пробавляется уроками, которых временами в избытке, а то и вовсе не бывает. Дело в том, что все уроки по математике — подтягивать неуспевающих или готовить к зачетам. Скучно, хотя и веселее того, что было на службе, где атмосфера его тяготила.

Веруха поступила было в 9-летку, но вот уже месяц, как должна была ее покинуть. Причина? Можете себе представить, как глупо вышло, но тут уже ничего не поделаешь: было набрано свыше нормы и, несмотря на то, что она училась лучше других, и по общему отзыву Совета, развитее всех, ее сократили как дочь родителей, не имеющих избирательного права. Другой 9-летки нет, ехать в другой город одной девочке невымыслимо. Придется экстерничать. Видите, как много у нас изменений. Живем тем, что читаем, читаем и читаем, благо литературы теперь хоть отбавляй.

Много интересных книг выходит. Вот только что закончила. Л.Соснина. История одной школьной колонии. Автор — Лидия Мариановна. Интересный опыт школьной колонии 19-21 года. Я ее обязательно пошлю Л[идии] О[сиповне] и тогда, если поинтересуетесь этим вопросом, прочтите.

Ошеломляющее впечатление произвели на меня воспоминания Л.Тихомирова³. Злодеяния никаких выдуманных типов Достоевского, никакие психологические ужасы его или Андреева — ничто перед этими реальными переживаниями низкой, мелкой, мелочной, завистливой, злобной личности. Страшно порой становится,

перечитывая его исповедь, в которой так просто, так незаметно и в то же время жутко рассказывается о душевном разложении человека, желающего найти себе оправдание и не верящего самому себе ни в чем. По-моему, это страшнее Азевовщины, страшнее любого предательства за деньги.

Что Вы делаете? Служите ли? Как дела С.Е.? Как Фоля? Он ведь в этом году кончает, да?

Одновременно с Вашим письмом получила письмо от Л[идии] О[сиповны], из которого видно, что она совсем плохо себя чувствует. Не знаю, сможет ли она поехать на юг. Это, кажется, единственное, что может подправить ее.

Имеете ли письма от Вл. Алекс.? Он, как поехал в Симбирск, так точно в воду канул. Молчит. Или, может быть, очень занят.

О родных напишу в следующий раз, когда узнаю, что пишу не впустую. Пишите почаще. Борису⁴ большое спасибо за статьи. Они очень интересны и в них много нового, о чем я не знала.

Я рада за него, что он сумел найти себе работу по душе и в то же время имеющую большое значение. Эпоха «Искры», разбор архивов теперь в особенности нужен, так как личные воспоминания черезчур субъективны.

Жду от Вас писем и пока крепко обнимаю. Мой привет всем, всем.

С[ергей] О[сипович] и ребята кланяются.

К[онкордия]

Гуверовский архив. Коллекция Б. Николаевского. Вох 59. Fold.1. Машинописная копия.

¹ В коллекции Б. Николаевского хранится более десятка писем К.И. Захаровой-Цедербаум Л.Я. Эстриной из Саратова, датированных 1928-1935.

² Этим надеждам не суждено было сбыться. Как и в Сибири, в Саратове ссыльные подвергались дискриминации. Уже 2 марта 1928 К.И. Захарова писала: «Наша жизнь здесь, кроме внешнего, ничем по существу не изменится, так же будем без работы, так же будем регулярно посещать канцелярии, так же будем на роли отщепенцев... Я уже написала по этому поводу Н.К. [Крупской. — прим. Б. Николаевского], но что она ответит, неизвестно, пока». 29 апреля 1930 она сообщала Эстриной: «Сегодня иду объясняться на биржу. Спрос на работников громадный, стаж у меня почтенный, отзывы с работ хорошие. Пусть скажут, если могут. С.О. надо мной смеется, уверяя меня, что я напрасно рыпаюсь, но... С работой так застопорилось, что беда».

³ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М.; Л., 1927.

⁴ Речь идет о *Борисе* Ивановиче Николаевском (1887-1966). В 1922 после годичного пребывания в тюрьме он был выслан из РСФСР за границу,

в Берлин, где, помимо активных занятий журналистикой в «Социалистическом Вестнике», собирал материалы по истории социал-демократии и революционного движения в России, сотрудничал с Институтом Маркса-Энгельса в Москве (1924-1931).

2

ИЗ ПИСЕМ НАРЫМСКОГО ССЫЛЬНОГО В.КОРОБКОВА К
С.С.ГАРВИ-БРАУНШТЕЙН И П.А.ГАРВИ (БЕРЛИН)¹

Тогур
5 апреля 1929 г.

/.../ Последние дни я стал себя физически чувствовать значительно хуже. Никакой орган, в частности, особо не беспокоит, но общее состояние очень пакостное. Возможно, что немного простудился, хотя и не наблюдается усиления кашля, но боли участились. Так вот, несмотря на ухудшение физического состояния, психически чувствую себя неплохо. По-прежнему обгладываю от корки до корки печатный материал и корплю над писучим. /.../ В конце марта от Пешковой получил 60 р.² И это могло бы значительно улучшить мое положение, если б не злосчастная мысль себя экипировать. Приобрел кепку, ботинки, сдал в починку чемоданы, уплатил 50 р. долга. В общем, развил какую-то кипучую «деятельность», что хоть святых уноси. Во всяком случае, эти деньги были далеко не лишние и огромная благодарность пославшему их. Жаль только, что я не получил обычного за февраль и март.

С осени (с октября месяца) «Berliner Tageblatt» стал получаться в полном объеме, что не относится к иллюстрированным приложениям /.../ Один раз вместо «Berliner Tageblatt» получил пачку «Vossische Zeitung». И мне показалось, что «Berliner Tageblatt» все же интереснее. Между прочим, немцы, очевидно, мало интересуются Россией, ибо уделяют ей очень мало места. Троцкий в немецких газетах занимает больше места или столько же, сколько и Россия. Очевидно, редакторы забывают, что страна всегда больше отдельного человека. Кстати, совершенно не могу понять, почему дряхлеющий и с обрезанными когтями лев не может найти себе спокойной пещеры? Здорово «судьба играет человеком»! Я могу ненавидеть противников, но мне всегда хочется, чтобы они были лучше, чище. Как жаль, что противники и в этом отношении не хотят считаться с моими желаниями /.../

Ваш В.Коробков

Гуверовский архив. Коллекция Б.Николаевского. Вох 59. Fold. 7. Рукописный подлинник.

¹ Данные о В.Коробкове не найдены. Гарви Петр Абрамович (1861-1944) — социал-демократ. В годы советской власти неоднократно арестовывался. В 1922 был выслан в Сибирь, затем получил разрешение на выезд за границу. Посмертно вышли его мемуары: Воспоминания социал-демократа. Нью-Йорк, 1946.

Колпашево
10 октября 1929 г.

/.../ Теперь о себе. С 1 сентября стал заниматься «зимним темпом». Встаю и убираюсь, пью чай, сажусь заниматься. Сначала вторая часть английского учебника, затем чтение «A Sale of two cities» Диккенса. Затем 2 1/2 часа на 2-х томник (Каутский, «Panzerkreuzerban») и полтора часа на чтение книг по экономике. Обед и прогулка, занимающие в среднем часа два с половиной. После этого чтение газет и журналов 2-3 часа. Вечерний чай и после него 3-4, а иногда и 5 часов на чтение книг, имеющих хотя бы самое отдаленное отношение к интересующей меня теме (культура и пролетариат), выписки из оных и систематизация уже собранных по этому вопросу материалов. После всего этого получается прогулка, и я «go to bed». Это мой нормальный рабочий день, колеблющийся между 12 и 9 часами. Во всех тех случаях, когда на протяжении недели какие-либо «визиты» в рабочие часы отняли у меня возможность выполнить дневную пятилетку, она выполняется в воскресный день, и посему с 1 сентября ни один из таковых не был проведен в праздности.

Как видите, работаю немало, но нужно неизмеримо больше. У меня масса прорех, и все они должны быть заделаны, а под руками нужных книг маловато, либо нет совсем. Несмотря на то, что заметно сдаю физически, жажда — тяга к книге не уменьшается. Я сейчас смахиваю на горчайшего пьяницу: книга и больше ничего... Весь сентябрь и сейчас снова стал усиливаться кашель, в особенности по ночам, мешающий спать. Встаю обычно вялый и злой, как черт. Здорово подводит и недостаток и качество питания, вызывающие перманентное недовольство желудка...

За лето сделал значительные успехи в немецком. По присланному Вами словарю пытался исправить свое английское произношение. Но пока похвастаться результатами не могу, ибо и сам чувствую, что произношение мое «курам на смех». Все же собою доволен, ибо пока голова работает неплохо и жаль, что под руками нет хорошей библиотеки...

25 сентября Ной Петрович закончил свой срок Нар[ымского] края, но выехать пока не может из-за отсутствия бумаг, но, вероятно, на днях распрощаемся с ним...

/.../ В сентябре я получил от Вас восемь №№ «Die Rote Fahne» — большое спасибо. Некоторые номера оказались очень интересны, и я очень жалею, что Вы по рассеянности, очевидно, не прислали мне №№ 193 и 194, в которых, очевидно, были помещены корреспонденции из Бельгии по интересующему меня вопросу /.../

Кстати, нет ли у Вас под руками протоколов последних съездов и конгрессов? «Berliner Tageblatt» я от Вас перестал получать еще в июле и должен сказать, что судя по восьми полученным мною №№ «Die Rote Fahne» оказалась более интересным, хотя и таким же беспардонным, как и «Правда». Информация «Die Rote Fahne» (что, может быть, объясняется просто тем, что «подскочили» интересные события) оказалась значительно интереснее Tageblatt'овской. Здорово немецкие ком'ы использовали panzerkreuzеровскую историю! Но не тошнит ли немецких рабочих от помощи такой информации?

Я очень-очень прошу Вас, Софья Самойловна, и тебя, Петя, все же писать чаще и не уклоняться от дележки бельгийскими и немецкими впечатлениями. Через пару недель я побеседую с Вами о диалектике и очень бы попросил Вас не отмалчиваться и сообщить мне свое мнение по этому вопросу. Пока же я крепко-крепко обнимаю Вас всех и горячо целую.

Горячий привет всем родным и знакомым. Эх, с каким бы удовольствием я повидал бы всех Вас и потолковал бы. Подумайте, миллион тем, и каких! Привет Вам всем от Германа и Ноя.

Ваш В.Коробков

Гуверовский архив. Коллекция Б.Николаевского. Вох.59. Fold.7. Рукописный подлинник.

3

ПРОТЕСТ ССЫЛЬНЫХ ТРОЦКИСТОВ В ГОРОДСКУЮ И ОКРУЖНУЮ ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ КОМИССИИ г.АЧИНСКА ПО ПОВОДУ ЛИШЕНИЯ ИХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ¹

20 декабря 1928 г.

В годы все усиливающейся классовой борьбы, когда все чаще и чаще раздаются кулацкие выстрелы, когда усиливается наступление международной буржуазии на нашу страну — партийное руководство творит неслыханные расправы над пролетарским кры-

лом нашей партии, над большевиками-ленинцами. Сотнями они ссылаются в отдаленные места Сибири, Казахстана, в годы гражданской войны которые они отвоевали в борьбе с царской контр-революцией.

И здесь в Ачинске вот уже год живет ряд наших товарищей, насильственно вырванных из партии и пролетарских рядов, где вели работу по строительству советского государства. Все эти товарищи лишаются избирательных прав, валяются в общую кучу контр-революции, когда окулачившимся «коммунистам», «не видящим классов в деревне», извращающим на каждом шагу пролетарскую линию — обеспечены не только избирательные права, но и участие в проведении всей избирательной кампании.

В чем же наша контр-революционность? Разве в том, что мы выставили лозунг — «огонь направо против кулака, нэпмана и бюрократа», лозунг, который на словах выкинуло нынешнее руководство теперь. Разве в том, что мы требуем четкой ленинской политики в деревне: «уметь достигать соглашения со средним крестьянством — ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь на бедноту» (по платформе большевиков-ленинцев). Разве в том, что мы требуем в условиях развивающегося хозяйства улучшения экономического положения рабочего класса, повышения зарплат и т.д.

Лишая нас избирательных прав, вы усиливаете враждебные пролетариату и Советам классы; восстановление нас — удар по этим классам.

Мы требуем восстановить нас в избирательных правах.

Мы требуем четкой классовой линии в избирательной кампании.

По башке кулаку, белогвардейцу, пролезавшему в Советы.

За диктатуру пролетариата!

За Власть Советам!

г. Ачинск 20 декабря 1928 г.

Ссылные большевики-Ленинцы —

1. Иосиф Баркин	4. Козлов	7. Мильман	10. Р.Юдин ²
2. М.Волковыская	5. Л.И.Левин	8. Я.Черняк	
3. М.Голодец	6. К.Мелнайс	9. Шафиков	

ГАНУ. Ф.2-П. Оп.2. Д.294. Л.12-13. Машинописная копия, заверенная зав. секретной частью Ачинского окрисполкома Земсковым. На документе пометка о том, что троцкистами были отправлены копии в следующие адреса: «Окружком ВКП(б), Окрисполком, Сибкрайком ВКП(б), Сибкрайсполком, Краевой Избирком, ЦК ВКП(б), ЦИК СССР. В редакцию

газет: "Ачинский крестьянин", "Советская Сибирь", "Правда", "Известия" и другие».

¹ Действия ссыльных троцкистов Сибири с протестами против лишения их избирательных прав носили массовый и скоординированный характер. В период между концом 1928 и началом 1929 с аналогичными по своему содержанию заявлениями выступили троцкистские группы в городах Камень, Славгород, Канск, Каинск и др. На резонанс от своих акций ссыльные троцкисты рассчитывали потому, что в большинстве своем, находясь в ссылке, работали в советских, кооперативных и хозяйственных учреждениях и оставались членами профсоюзов. Это позволяло им использовать трибуны профсоюзных собраний для распространения своих взглядов. В дальнейшем власти стали лишать ссыльных троцкистов также и членства в профсоюзах.

² До ссылки большинство из них являлось номенклатурными работниками, а также командирами Красной армии и чекистами: Голодец работал в аппарате ЦК ВКП(б), Волковская — в ЦК КП(б)У, Баркин — секретарем Витебского, затем Астраханского губкома комсомола и т.д.

4

ТЕЛЕГРАММА ССЫЛЬНЫХ ТРОЦКИСТОВ ОРДЖОНИКИДЗЕ
И КАЛИНИНУ С ПРОТЕСТОМ ПРОТИВ ДЕЙСТВИЙ АЧИНСКОГО
ОКРУЖНОГО ОТДЕЛА ОГПУ¹

23 декабря 1928 г.

Москва ЦКК Орджоникидзе

Копия ЦИК Калинин

Незаконно арестованы ОГПУ Ачинска за желание выступить [на] профактиве как члены Союза [по] поводу основной классовой линии избирательной кампании [в] Советы

23 объявили голодовку[,] требуем освобождения

Ссыльные большевики-ленинцы

Голодец
Левин

[Обратный адрес:] Ачинск подвал ОГПУ

ГАНУ. Ф.2-П. Оп.2. Д.294. Л.17. Машинописная копия, заверенная зав. информационно-статистическим подотделом Ачинского окружкома ВКП(б) Песневым.

¹ Аресту двух ссыльных предшествовало их появление на собрании местного профактива, где они огласили текст протеста по поводу лишения их избирательных прав. Вызванным милиционерам они оказали «отчаянное сопротивление», после чего были посажены в окротдел ГПУ под арест. Одновременно на квартирах ссыльных троцкистов Ачинска

были произведены обыски, позволившие обнаружить «печатные прокламации и разную оппозиционную переписку». Местные партийные органы обращали внимание Сибкрайкома ВКП(б) на непоследовательность распоряжений ПП ОГПУ по Сибкраю по поводу ареста активных оппозиционеров: «Первое, немедленно освободить, и, второе, задержать вплоть до особого распоряжения». «Мы, со своей стороны, считаем произведенный арест правильным, изоляция их необходима» (Там же. Л.11). Активность Голодца и Левина находит объяснение в их предшествующей ссылке деятельности. М.Г.Голодец состоял в большевистской партии с 1917, был активным участником революции и гражданской войны. Затем работал в СНК и СТО (уполномоченным) и ЦК ВКП(б) (инструктором). Л.И.Левин работал в комсомоле, а с 1922 по 1927 — в ОГПУ.

5

ПРОТЕСТ ССЫЛЬНЫХ ТРОЦКИСТОВ В ГОРОДСКУЮ ИЗБИРАТЕЛЬНУЮ КОМИССИЮ г.КАНСКА ПО ПОВОДУ ЛИШЕНИЯ ИХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ

[Начало января 1929]

К всеобщему сведению по всему городу расклеен список лишенных прав голоса к предстоящим перевыборам советов. В списке перечислены торговцы, частные хозяйчики, белогвардейские офицеры, ссыльные спекулянты и валютчики, шпионы и перебежчики, б[ывшие] жандармы и полицейские.

Однако в этом же списке, в сообщничестве с белой сволочью, торговцами и жандармами значатся имена большевиков-ленинцев, под графой «адм.-ссыльные».

Пять большевиков руками тупоголовых бюрократов занесены в перечень носителей капитализма и реставрации.

Мы выражаем по этому поводу самый решительный протест, оцениваем это как циничное издевательство над партией и рабочим классом.

Только окончательно потерявшие разум бюрократы могут рассчитывать на то, что эти грязные приемы могут опорочить нас, могут нас действительно смешать с бандой негодяев. Каждый честный пролетарий, каждый честный большевик с отвращением отвернется от подобных приемов.

Вместе со всем рабочим классом, в рядах нашей партии, к которой неотъемлемо принадлежим — мы боролись за утверждение власти рабочего класса, за лишение политических прав буржуазии и врагов рабочего класса.

В рядах партии мы боролись против перерожденцев, пытавшихся изменением «избирательной инструкции» в 1925 г. рас-

ширить политические права чуждых нам классов, носителей реставрации.

Право выборов в советы мы получили не от вас, а завоевали вместе со всем рабочим классом, и это право вы не смеете отнять никакими средствами до тех пор, пока власть еще будет в руках рабочего класса. Тем более обречены на позорную неудачу попытки смешать большевиков-ленинцев в одну кучу с белой сволочью.

Конечно, один этот изолированный факт бледнеет перед теми репрессиями, которым подвергаются в настоящий момент все левое крыло партии большевики-ленинцы (оппозиция). Осмелившись тюрьмами и ссылками душить предостережение и борьбу большевиков-ленинцев против сползания, чиновники и бюрократы хотят всеми мерами изолировать нас от общей борьбы рабочего класса.

Тем более показательны эти приемы в свете того факта, что лишенные в прошлых выборах права голоса — многочисленные осколки белогвардейщины [и] капиталистических слоев — в нынешнем году имеют право избирать и быть избранными в Органы пролетарской диктатуры. Из 37 лишенцев, работающих в Окргу, почти все в нынешнем году получили право голоса, тоже самое и в Окрфо и т.д.

Все это маскируется громогласными призывами к наступлению на капиталистические элементы, при одновременном лишении голоса большевиков-ленинцев и даче избирательных прав носителям контрреволюции, заполняющим в огромном количестве на ответственных местах важнейшие хозяйственные и советские органы.

На основании изложенного мы категорически требуем:

1. Немедленно исключить нас из списков лишенцев, как неправильно и незаконно туда внесенных.

2. Пересмотреть списки восстановленных в праве голоса белогвардейцев и хозяйчиков, лишив всех, незаконно получивших его.

Одновременно с этим мы заявляем, что в свое время рабочий класс даст соответствующую оценку всей той работе и всем тем унижениям, которым подвергается в данный момент весь рабочий класс и вся партия и честно обещаем приложить все наши силы к тому, чтобы приблизить этот час.

По поручению ссыльных большевиков-ленинцев:

1. Динчельштеда 2. Аграновского 3. Михайлова 4. Советкиной 5. Шмидта 6. Китайнера

Динченшельд²
Аграновский
Шмидт

ГАО. Ф.2-П. Оп.2. Д.294. Л.38. Машинописная копия, заверенная зав. информационным подотделом Канского окружкома ВКП(б) Соколовым. В верхнем правом углу пометы «с. секретно» и «копия с копии».

¹ В срочном донесении Сибкрайкому о деятельности ссыльных троцкистов в Канске в период кампании по перевыборам местных Советов окружком ВКП(б) сообщал, что протест ссыльных был намеренно политизирован и содержал требования не только восстановления их в правах, но и лишения этих прав «белогвардейцев и хозяйчиков». Далее указывалось, что «поданный протест не давал никаких оснований к его удовлетворению». Местные власти информировали краевой центр о том, что оппозиционеры оперируют недостоверными данными о реальном ходе предвыборной кампании в городе. Здесь число «лишенцев» и их удельный вес в 1927-1928 не снижался, составляя 11,7 и 11,9%, что было на уровне общекраевых показателей. Факт массового восстановления в правах местных бывших белых офицеров признавался (в течение последнего года из 300 человек 75% были действительно восстановлены в правах), но при этом отмечалось, что восстановлены они были краевым органом — Сибкрайизбиркомом (ГАО. Ф.2-П. Оп.2. Д.294. Л.37-37об.).

² Разночтение в фамилии — в документе.

А.Г.Тепляков

ПЕРСОНАЛ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ НОВОСИБИРСКОГО УНКВД В 1936-1946

Хронологические рамки этой работы охватывают ключевые эпохи «большого террора», бериевского «наведения порядка», войны и первых послевоенных лет. В связи с крайне отрицательным отношением наследников ВЧК—КГБ к попыткам исследователей заняться изучением личного состава органов госбезопасности СССР, фонды местных ФСБ и УВД использованы, к сожалению, довольно скромно. Тем не менее, документы обкома ВКП(б) — протоколы, переписка с УНКВД, личные партийные дела гебистов, фонд парторганизации Управления НКВД — и Облсполкома (сведения о награждениях и персональных пенсиях) в сочетании с архивами суда и прокуратуры, довоенного фонда фельдсвязи УНКВД и опубликованными работами дали обширный и разнообразный материал.

Органы ОГПУ—НКВД Западно-Сибирского края в 1930-е возглавляли известные чекисты Л.М.Заковский, Н.Н.Алексеев, В.А.Каруцкий¹. В середине десятилетия Управление НКВД в Новосибирске насчитывало примерно 500 человек. В результате партийной чистки к февралю 1935 из 514 чел. были уволены 62 (12%). Оперсостав пострадал несколько меньше: из 270 оперативников исключили 27. Из них 12 чел. были признаны «социально чуждыми», 10 — «морально разложившимися», 3 — «нарушителями партдисциплины», 1 — «буржуазным перерожденцем», 1 — «обюрократившимся». Среди остальных работников УНКВД вычищенных за неподходящее происхождение было в полтора раза больше.

Характеризуя оперсостав, партком отмечал, что 42% его — коммунисты с невысоким стажем (после 1928), а рабочих среди

них всего 33%. Остальные по происхождению относились к служащим (55%) и крестьянам (12%). Представление о соотношении чекистов ведущих отделов — особого, секретно-политического и экономического — по происхождению, профессиональному и партийному стажу дает таблица 1*.

	по происхождению				по чекистскому стажу			по партийному стажу		
	раб.крест.служ.				1918-20	21-29	30-34	до 1919	20-24	25-34
всего о/со-става, чел.	270	89	32	143	32	114	124	38	66	166
Особый	41	12	3	26	6	23	12	4	15	22
СПО	45	12	4	29	8	24	13	6	10	29
ЭКО	33	7	3	23	3	13	17	2	5	26

Из таблицы видно, что по всем показателям особый и секретно-политический отделы чрезвычайно близки между собой, а экономический значительно уступает им и по квалификации работников, и по величине их партийного стажа. Примерно таким же по численности был и транспортный отдел, но его парторганизация тогда существовала обособленно. Учтя также сотрудников городских и районных отделений края (больше 120) и считая, что в рядовом райотделе было по три-четыре оперативника, получим общую численность оперсостава УНКВД по Западно-Сибирскому краю — примерно 700 человек. В структуре же краевого аппарата, помимо четырех названных отделов, существовали: управление пограничной и внутренней охраны (56 коммунистов), отдел кадров (28 партийцев, включая аппарат особоуполномоченного, следившего за благонадежностью чекистов и ведшего следствие по их проступкам), инспекция резервов, контролировавшая состояние мобилизационных резервов (18 партийцев), оперативный, ведавший охраной и наружным негласным наблюдением (12 чел.), учетно-статистический, концентрировавший информацию о всех гражданах, по тем или иным причинам попавших в поле зрения НКВД (9 чел.), и комендатура — 28 членов партии², занимавшихся «обслуживанием внутренней тюрьмы» и периодически расстреливавших осужденных. Свои уполномоченные имелись в каждом из многочисленных лагерных отделений Сиблага, как неофициально после 1934 называлось Управление исправительно-трудовых лагерей и колоний, — они подчинялись Третьему (оперативно-чекистскому) отделу Сиблага.

* Составлена по данным: ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.18. Л.1, 3, 60.

Чрезвычайно мало известно о так называемых негласных уполномоченных, или резидентах, которые обязывались контролировать окрестную агентурную сеть, выполняя роль передающего звена между рядовым сексотом и штатным гебистом. Один из них — бывший член компартии Китая Сойкин, сосланный на 5 лет в Сибирь за «троцкизм». До 1936 он фактически возглавлял интернациональный полк в Прокопьевске, состоявший из тысячи с лишним интернированных китайцев. Из них лишь двое знали русский язык, поэтому Сойкин, ведя по поручению Особого отдела агентурную работу среди китайцев, быстро превратился во внештатного уполномоченного и «пользовался правом вести в здании горотдела следствие по китайцам». В апреле 1937 прокопьевских особистов клеймили на партсобрании за совместное пьянство со злейшим врагом — «троцкистом»³...

Большинство чекистов имело начальное образование, дополненное одно-двухгодичным обучением в Центральной школе НКВД или непродолжительными оперкурсами на местах — с середины 1930-х заработала крупная межкраевая школа (МКШ) НКВД в Новосибирске. Образовательный уровень чекистов был очень низким. В апреле 1936 один из кадровиков сетовал на то, что следователи очень слабы в математике и порой ухитряются сделать по 50-60 ошибок «на 140 слов диктанта». Секретарь парткома УНКВД Н.М.Терентьев свидетельствовал, что ряд его коллег за 1935 ни разу не были в кино, зато «играют в преферанс многие и даже парторги и не умевшие играть научились... Таковую картину, как "Чапаев", не посмотреть — это большое упущение».

За 1934 чекисты Западной Сибири получили 680 путевок на курорты, не считая 200 путевок для членов семей. Доставались им и иные материальные блага — так, многие новосибирцы позавидовали бы молодому особисту Н.И.Таныгину, жившему вместе с тремя домочадцами в одной комнате: о его «трагическом положении» партбюро сообщало начальнику УНКВД Каруцкому, жалуюсь при этом на «преступное и издевательское отношение» к Таныгину со стороны работников административно-хозяйственного отдела⁴.

Впрочем, быт людей «искореняющей профессии» не был вполне обеспечен. Чекисты постоянно жаловались на скверное отношение со стороны собственных вспомогательных служб. Работник сферы распределения чувствовал такую безнаказанность, что, не особенно боясь потерять теплое место, с удовольствием хамил грозным оперативникам и обсчитывал их при любой возможности, а последние, как правило, терпели. К спецзалу столовой №1 было прикреплено 200 чекистов, а реально пользовались услугами

столовой 365 чел., включая заключенных и ссыльных⁵. Получить в столовой вовремя порцию приличной еды было для чекистов не просто и десятилетие спустя.

Характерной чертой жизни чекистов было их повальное и ничем не удержимое пьянство. С одной стороны, начальство пыталось бороться с этим злом, особенно когда оно отражалось на оперработе, с другой — раздобыть дешевый алкоголь чекисту никогда не стоило большого труда. Наказания для пьяниц не были слишком суровы, а многие уволенные за эту слабость очень часто вскоре возвращались в органы, как, например, будущие зам. начальника Секретно-политического отдела Г.Д.Погодаев и начальник водного отдела А.В.Баталин⁶. Другого способа «снимать стресс» у них не было, а «моральных перегрузок» было предостаточно: только в первые месяцы 1930 сибирские чекисты расстреляли более тысячи крестьян, а сохранившиеся в фонде краевого суда акты о приведении расстрельных приговоров в исполнение за 1933-1938 говорят о том, что на местах в казнях как уголовников, так и политзаключенных участвовали начальники городских и районных отделов НКВД и милиции, а также народные судьи и прокуроры. Вообще-то для этих целей имелись штатные единицы: начальники тюрем, их заместители, дежурные коменданты и вахтеры, но — по-видимому — привлечение к «свадьбам» (так на чекистском жаргоне именовались казни) оперсостава НКВД имело целью дать необходимую закалку «бойцу передового вооруженного отряда партии».

Новые времена для чекистов края настали летом 1936, когда за неумеренное пьянство Г.Ягода снял с поста начальника УНКВД ЗСК Каруцкого и на его место в первых числах августа прибыл с Северного Кавказа В.М.Курский⁷. Тот прекрасно понял, что после процесса над Г.Е.Зиновьевым, Л.Б.Каменевым, И.Н.Смирновым и другими бывшими оппозиционерами Центру нужен аналогичный эффектный местный процесс.

Еще в начале 1936 в помощь Каруцкому был прислан А.И.Успенский⁸. В июне он и Каруцкий добились ареста члена бюро Запсибкрайкома ВКП(б), старейшего большевика Сибири В.Д.Вегмана, вскоре погибшего в тюрьме. На первом допросе Каруцкий заявил Вегману: «Мы знаем, что вы не троцкист, но вы должны признаться в том, что вы двурушничали, обманывали партию, передавали для Троцкого деньги»⁹. Тот отказался давать показания. Тогда помощник начальника Особого отдела СибВО А.П.Невский и заместитель начальника СПО УНКВД С.П.Попов¹⁰ решили связать Вегмана с арестованным еще в апреле 1936 Н.И.Мураловым — бывшим начальником Московского военного

округа, давно сосланным в Сибирь и работавшим в системе треста «Кузбассуголь».

В марте 1937 на партсобрании в СПО С. Попов жаловался на то, что Каруцкий и тогдашний начальник СПО И. А. Жабрев¹¹ около года не давали хода подготовленной 1-м отделением агентурной разработке «Военный». Около десятка томов этого материала якобы свидетельствовали о существовании контрреволюционной организации во главе с Мураловым. Начальники долго отвечали Попову, что «никакой организации нет, а есть [просто] окружение Муралова»¹². Арест Вегмана выручил Попова, поскольку Муралов почти 8 месяцев не давал показаний и сломить его волю удалось только в Москве, перед самым процессом. Попов и Невский быстро добились от старика Вегмана показаний о существовании разветвленного троцкистского террористического центра.

В руководство этого «центра» чекисты записали и других ответственных работников края, в том числе М. И. Сумецкого и Н. Н. Ходорозе. От одного из арестованных они добились показаний о том, что по указанию Муралова и Ходорозе еще в 1932 в Москву был послан террорист Иванов с заданием убить Сталина, позже поселившийся в Сочи, чтобы подстеречь вождя во время отдыха. Заместитель Каруцкого А. К. Залпетер¹³ предложил подчиненным подождать с докладом об этом «факте» в наркомат, осторожно сказав: «Если мы этот протокол пошлем, то наделаем много шума. А вдруг Иванов не будет разыскан, и мы с этим делом сядем».

Вскоре Залпетер убыл в Красноярск, а Курский как раз и стремился к наибольшему «шуму». Иванова обнаружили, и тот, конечно, «признался в том, что охотился за тов. Сталиным». Другим террористом был объявлен заведующий гаражом «Шахтостроя» В. В. Арнольд, по чьей неосторожности в сентябре 1934 машина, в которой он вез в Прокопьевск В. М. Молотова, съехала в кювет. Через два года Арнольда арестовали за попытку теракта над главой правительства.

23 сентября 1936 на кемеровской шахте «Центральная» в результате взрыва газа погибло 10 человек. Комиссия, расследовавшая причины аварии, два месяца сидела в здании горотдела НКВД (его начальник И. А. Врублевский сразу после процесса был снят и отправлен командовать пожарной охраной края) и под диктовку чекистов сочинила необходимый для громкого процесса акт. «Кемеровское дело» было рассмотрено в Новосибирске 19-22 ноября под руководством знаменитого В. В. Ульриха, и все 9 обвиняемых были признаны виновными в диверсионной и шпионской деятель-

ности. Роль шпиона была отведена германскому подданному инженеру Эмилю Штиклингу. Шестеро руководителей шахты были немедленно расстреляны, а три человека (включая Штиклинга) получили от Президиума ЦИК СССР помилование в виде 10-летнего тюремного срока¹⁴.

В отдельное производство было выделено дело по обвинению начальника кемеровского «Химкобинатстроя» Б.О.Норкина, его заместителя Я.Н.Дробниса, начальника Сибмашстроя М.С.Богуславского, управляющего Салаирским цинковым рудником А.А.Шестова, главного инженера треста «Кузбассуголь» М.С.Строилова — их, наряду с Мураловым, Ходорозе, Арнольдом и многими другими, включили в состав т.н. «Западно-Сибирского троцкистского центра», якобы занимавшегося террором и диверсиями. Через несколько месяцев в Москве на процессе «Параллельного центра» из 17 обвиняемых — 7 будут представлять Сибирь.

Объем деятельности УНКВД резко возрос. С 20 октября 1936 приказом Успенского «до особого распоряжения» были отменены отпуска сотрудников. Курский и Успенский спешно готовили «дела» о подготовке терактов против секретаря Крайкома и кандидата в члены Политбюро Р.И.Эйхе во всех местах, где тот бывал. Могущественный сталинский наместник в Сибири Эйхе активно поддерживает начинание Курского. (Полтора года спустя Успенский на Украине будет охотиться на «покушавшихся» на Хрущева: сотни людей будут уничтожены).

По заданию Успенского заместитель начальника Дорожно-транспортного отдела (ДТО) Г.М.Вяткин ловко «оформил» дела на почти тысячу «врагов». За это его похвалил сам нарком Ежов. Руководство УНКВД лично участвовало в допросах наиболее «перспективных» обвиняемых и давало конкретные указания вносить в протоколы нужные следствию исправления и добавления¹⁵.

Ежов был доволен энергичной деятельностью Курского, в том числе и «наведением порядка» в рядах самого УНКВД. До 1936 в органы еще зачастую принимали без тотальной проверки всех родственных связей: теперь у многих обнаружались подозрительные в том или ином смысле родственники и свойственники. Кроме того, в разгар террора знакомство с репрессированным перестало быть редкостью. Наконец, у руководства УНКВД края имелись и «исторические» мотивы для сомнений в политической благонадежности своего оперсостава.

Всем надолго запомнился беспрецедентный эпизод марта 1930, когда райуполномоченный ОГПУ в Уч-Пристаньском районе Ф.Г.Добытин, по-видимому, из сочувствия к алтайским кре-

ствиям, арестовал 80 чел. совпартактива и, застрелив еще девятерых, освободил сидевших в каталажной камере райцентра «кулаков». Захватив полторы сотни винтовок, он возглавил тогда повстанческий отряд в 400 человек. Имелось на репутации управления и еще одно пятно — т.н. дело «изменника» Клейменова: о нем невинтно и глухо упоминали на партсобрании в феврале 1935. Один из выступавших упрекал отдел кадров, куда на Клейменова «поступали сигналы» еще в 1932, в утрате бдительности. Настороженно отмечались на том же собрании и высказывания отдельных работников о «руководящей роли Троцкого, Зиновьева, Каменева в гражданской войне»¹⁶.

Через полтора года тональность работы с кадрами резко изменилась. Командир полка войск НКВД С.П.Гречкин отделался легко: получил строгий выговор с предупреждением за пятнадцатилетней давности симпатии к взглядам Троцкого на профсоюзы. Пытаясь оправдаться, он неосторожно ляпнул о популярности Троцкого среди армейцев, но тут же «поправился, заявив, что он хотел сказать, что Троцкий в то время пользовался некоторым авторитетом среди некоторой части военных, получивших от Троцкого лично подарки». А вот оперативника Особого отдела П.С.Шиманского в том же августе 1936 взяли под стражу: он поддерживал знакомство с мужем своей сестры, а того арестовали.

Тогда же был арестован начальник оперпункта НКВД станции Мариинск Д.И.Чухманенко — за то, что в 1932-1933, работая в Ачинске, помогал Александру Каменеву (1906 - 15 июля 1939) «установить связь» с сосланным отцом, а самого Л.Б.Каменева, когда тот возвращался в Москву, принимал у себя. Та же участь постигла политрука ВОХР Сиблага Н.Г.Черникова: сопровождая заключенных «троцкистов» из Мариинска в Архангельск, он разрешал им свидания с родственниками и прогулки на станциях. Своим подчиненным, попытавшимся было умерить его «либерализм», Черников заявил: «...Троцкистов опасаться нечего, они бывшие коммунисты, занимавшие раньше ответственные посты»¹⁷.

Осенью 1936 за создание «привилегированного положения контрреволюционерам-троцкистам» был арестован и начальник Мариинского отделения Сиблага Ф.В.Забелин, а руководитель Суловского лагпункта А.П.Чухиль снят с должности и исключен из партии. В октябре арестовали начальника Беловского райотдела НКВД Г.Г.Кузнецова — за невыполнение задания по «чекистскому обслуживанию активного троцкиста-террориста Леонова», затем за решеткой оказался помоперуполномоченного

Усть-Калманского РО НКВД Е.А.Васильев, который имел неосторожность вспомнить, что Г.Е.Зиновьев был когда-то главой Коминтерна. Начальник АХО УНКВД В.С.Григорьев поплатился свободой за свой конфликт с Успенским: назвал какие-то его действия «вредительскими»¹⁸.

А вот 30-летний оперативник ЭКО¹⁹ А.С.Князев-Ветошкин по неизвестной нам причине 13 ноября 1936 направил парторгу свой партбилет, а начальнику управления — служебное удостоверение. Он был тут же арестован и обвинен в самых разнообразных проступках: от связи с троцкистами до избияния жены и растраты 800 рублей²⁰. К сожалению, не имея доступа к его делу, не можем разобраться в мотивах его необычного поступка.

Фемида была поначалу к чекистам снисходительна. Председатель военного трибунала войск пограничной и внутренней охраны НКВД Западно-Сибирского округа военюрист 1 ранга А.З.Суслов и военный прокурор, также военюрист 1 ранга А.К.Апанович вынесли в начале 1937 несколько оправдательных приговоров: Кузнецову, Максимову, Григорьеву, а также освободили из-под стражи начальника особого отделения Оперчекистского отдела Сиблага С.М.Новицкого (обвинявшегося, впрочем, в создании липового дела на шестерых «шпионов»). В начале марта Суслов получил строгий партийный выговор и вскоре был заменен менее сентиментальным военюристом 1 ранга Чимало. Тогда же Москва по сигналу из УНКВД уволила Апановича из военной прокуратуры, что, по всей видимости, произвело должное впечатление на его помощников — И.А.Паперно и Л.В.Зонненберга²¹...

В декабре 1936 Курский был отозван на повышение в Москву, а новым начальником краевого УНКВД стал другой пришелец из так называемого «евдокимовского» гнезда — бывший начальник УНКВД по Днепропетровской области С.Н.Миронов. Долгое время возглавлявший органы ОГПУ Северо-Кавказского края Е.Г.Евдокимов пользовался особым доверием Ежова, поэтому его бывшие подчиненные сделали в 1936-1937 прекрасные карьеры как на местах, так и в центральном аппарате. Управление НКВД Новосибирской и Омской областей до 1938 возглавляли именно «евдокимовцы»: Курский, Миронов, Г.Ф.Горбач и К.Н.Валухин.

Миронов регулярно направлял Р.Эйхе протоколы допросов со своими подробными комментариями. После создания тройки НКВД из Эйхе, Миронова и краевого прокурора И.И.Баркова именно всесильный первый секретарь фактически председательствовал на ее заседаниях. Миронов обстоятельно сообщал ему, кто из арестованных «упорно отрицает» или «продолжает сильно путать», кто «капитально передопрошен [и] дает весьма

правдоподобные показания», а кто «раскис» и готов «в ближайшие дни прекратить сопротивление»²²...

Миронов информировал Эйхе и о том, что проект реорганизации структуры УНКВД путем образования нескольких межрайонных оперативных секторов с центрами в крупных городах (Барнаульский оперсектор, к примеру, объединял целых 14 райотделов НКВД) в наркомате одобрен, что его помощник М.М. Подольский будет произведен в майоры госбезопасности (это звание соответствовало генерал-майору РККА), а Д.Д. Гречухин останется начальником Контрразведывательного отдела... 11 января 1937 он писал, что уже через несколько дней в Москве начнется процесс «параллельного центра», на котором предстанут и арестованные «по нашей группе», т.е. бывшие хозяйственные руководители края, «разоблаченные» с самой активной помощью Эйхе.

Тесные контакты за год совместной работы сложились у Эйхе и с Успенским. Тот в марте получил пост начальника Оренбургского УНКВД, откуда не забыл по случаю Первомая послать «моему учителю от всей души самый теплый большевистский привет» и порадовать его своими новыми успехами: «мне удалось в течение нескольких дней вскрыть троцкистско-фашистскую организацию на Орских новостройках»²³ (имелся в виду крекинг-завод).

К апрелю 1937 численность оперсостава краевого аппарата УНКВД составляла по-прежнему 270 человек, но произошли большие изменения в структуре. Почти вдвое уменьшилась численность Особого отдела (до 22 коммунистов), «похудел» Секретно-политический (до 35), а также Транспортный (26), зато Контрразведывательный насчитывал 60 членов партии²⁴ (обильный приток в НКВД комсомольцев начнется немного позже). Именно КРО был призван сыграть ведущую роль в грядущих массовых операциях. Весной 1937 руководящий состав управления был полностью подготовлен к проведению «большого террора». Помимо С.Н. Миронова, его заместителя Г.Ф. Горбача и помощника И.А. Мальцева, в состав репрессивного ядра входили: начальник КРО Д.Д. Гречухин (заместитель — М.И. Голубчик), начальник СПО С.П. Попов (заместитель Г.Д. Погодаев, затем — К.К. Пастаногов), начальник ДТО А.П. Невский (заместители Г.М. Вяткин, А.В. Шамарин), особоуполномоченный — В.Д. Монтримович, начальники отдела кадров — Г.И. Орлов и И.Н. Ольшанских²⁵. Особый отдел, как правило, возглавлялся заместителем начальника управления; весной — летом 1937 им руководили — по совместительству — Попов и Гречухин.

Из руководителей местных органов НКВД особым рвением выделялись И.В.Овчинников (Томск), С.С.Мартон (Нарым), Монтримович (Кемерово), И.Ф.Золотарь (Ленинск-Кузнецкий), И.Я.Бочаров (Ойротия, ныне — Горно-Алтайская АО), А.С.Ровинский (Сталинск, ныне — Новокузнецк), Д.Ф.Аболмасов (Мариинск), М.М.Портнягин (Барабинск)²⁶, Л.И.Лихачевский (Куйбышев) и многие другие. В руководстве оперчекотдела Сиблага находились А.Б.Данцигер, В.О.Моисеев, И.А.Писклин²⁷. Управление Сиблага возглавлял Шишмарев, отдел трудовых поселений — И.И.Долгих, краевое управление милиции — А.К.Альтберг²⁸.

Высшие чины союзного НКВД заранее позаботились о кадровом обеспечении грядущих репрессий. Начальник ГУГБ НКВД Я.С.Агранов²⁹ и руководитель отдела кадров наркомата М.И.Литвин³⁰ 3 февраля 1937 сообщали Миронову, что для устранения имеющегося дефицита оперсостава в 97 человек его управление может забрать 40 выпускников Новосибирской МКШ, а оставшийся комплект пополнить проверенными коммунистами и комсомольцами. О состоянии дел с пополнением предписывалось сообщать в наркомат каждую декаду. Сохранившийся список 61 кандидата в МКШ, досрочно выпущенных в ноябре 1937, показывает, что среди курсантов нового призыва преобладали лица с неполным средним образованием, а студентов насчитывалось всего 7 человек. Зато социальный состав был на высоте — к классу «гегемону» относилось 39 человек. Возраст большинства будущих чекистов колебался от 23 до 26 лет (не ниже 20 и не выше 29)³¹.

Массовых репрессий в отношении работников УНКВД в первой половине 1937 не было, но чистка затрагивала среднее звено аппарата, все больше и больше выбрасывая из органов (хотя это и не всегда сопровождалось арестом) тех, у кого что-то было «не в порядке». Так, в январе были исключены из ВКП(б) и сняты с работы начальник оперпункта ДТО станции Белово М.М.Галушкин и начальник Белоголовского РО НКВД Л.С.Михайликов — первый за беспорядное пьянство, второй — как «пробравшийся враг», скрывший родственника-попа. Весной были арестованы бывший начальник Новосибирского домзака А.И.Вишнер, начальник Венгеровского РО НКВД Д.И.Надеев (его подчиненные В.Ф.Коротков и М.Ф.Филимонов донесли о его неуважительных высказываниях в адрес Микояна, сомнениях в надежности облигаций, «проповедовании фашистских теорий» и т.д.), начальник Барзасского РО С.М.Вакуров. После 13 «сигналов» Ежову о троцкистских симпатиях в 1920-е помощника начальника II отделения СПО Б.И.Сойфера, тот был 9 февраля арестован (заодно его обвинили во вредительском ведении дела о гибели 20 детей при пожа-

ре в детском саду, из которого чекисты потом сделали расстрельный политический процесс); в тот же день был арестован оперативник Особого отдела Г.Л.Кацен³².

Сохранялась и видимость контроля за состоянием законности в УНКВД, периодически наказывали тех сотрудников, кто «нарушал». Работник оперпункта ст. Болотное П.К.Клоков в марте 1937 с трудом избежал уголовной ответственности за принуждение свидетелей к нужным ему показаниям, отделавшись переводом в Кемерово. В мае начальник Каргатского РО НКВД М.П.Тетерин жаловался в письме Миронову на 10-суточный арест: без согласования с УНКВД он взял под стражу зоотехника Ларищева, а тот покончил с собой. Обиженный Тетерин просил уволить его из органов, на что получил резкий ответ начальника управления, который, впрочем, пообещал: «Исправьте недочеты, и я отменю взыскание»³³.

Бывал Миронов и построже: начальника Рубцовского оперпункта ДТО УНКВД Н.Ф.Паршина сняли с должности, а его подчиненного И.И.Кокшарова арестовали на 15 суток и сняли с оперработы (правда, на время) — они провинились в том, что в конце апреля без санкции прокурора арестовали пятерых коммунистов вагонного участка. А начальник Шипуновского РО М.С.Панкратьев «за грубое отношение к подчиненным», в результате чего один из них покончил с собой, был осужден в апреле на 3 года лагерей³⁴.

В то же время Миронов подчас брал под защиту некоторых своих подчиненных, призывая не слишком увлекаться «разоблачениями» бытового свойства. Весьма своеобразно он заступился за Пастаногова, на которого было несколько доносов, сообщавших, что в 1930 тот уклонился от участия в наряде, который должен был расстрелять его родного дядю. Еще в 1934 Пастаногов во время партийной чистки отрешивался от своих дядей по отцу — фельдфебеля и урядника: «я содействовал вычистить одного дядю из профсоюза». Однако его сослуживец Луньков³⁵ настойчиво сигнализировал о былом малодушии коллеги, всякий раз подчеркивая, что приговор над Пастаноговым-дядей в исполнение «приводил лично я». В 1937 из этих препирательств возникло «дело»...

Миронов заявил следующее: «Приводить в исполнение приговор может не всякий чекист — просто иногда по состоянию здоровья, поэтому выдвигать его как мотив прямого политического обвинения будет не совсем правильно, особенно имея в виду, что Пастаногов не был назначен в этот наряд. На его дядю первые материалы о контрреволюционной деятельности поступили от

тов. Пастаногова. И если бы даже Пастаногов заявил, что ему неудобно идти расстреливать дядю, здесь, мне кажется, не было бы нарушения партийной этики». Разъяснение было принято, и собрание постановило считать своего товарища «реабилитированным», отметив, что по отношению к нему не была проявлена должная «партийная чуткость»³⁶. А вот начальнику КРО Ленинск-Кузнецкого ГО НКВД Э.А.Фельдбаху, несмотря на исправное участие в казнях, в том апреле пришлось расстаться с партийным билетом — за происхождение из «белогвардейской семьи».

Весной 1937 Миронов поделил отделы своего УНКВД на передовые и отстающие. К первым были отнесены Секретно-политический и КРО, ко вторым — Особый и Транспортный. Новое руководство Транспортного отдела — Невский и Вяткин — усиленно «раскачивало» своих нерасторопных подопечных. В феврале один из работников ТО жаловался на Вяткина, обозвавшего подчиненных сугубо гражданской и оттого вдвойне обидной кличкой «губтратомотвцами». Коллеги же их «на всех почти проходивших совещаниях называли не чекистами, а недоразумением». Конкретные обвинения предъявлялись 14 февраля 1937 сотрудникам оперпункта ст. Новосибирск, занимавшимся лишь борьбой с хищениями грузов и фиксацией аварий и крушений и допустившим «провал в оперативной работе». 13 мая Миронов и Горбач посетили Транспортный отдел и остались, по словам последнего, очень недовольны: «в 12 часов ночи мы не встретили не только сотрудников, но не нашли даже и ключей от комнат... в самом аппарате, как заявил т.Миронов, неразбериха». Вяткин в ответ сокрушенно признал, что «наши 22 протокола на 30 следователей за месяц», полученные от массы арестованных, конечно же, совершенно недостаточный результат и что транспортники «самоуспокоились после троцкистского дела»³⁷.

Еще большее недовольство руководства вызвало положение в Особом отделе. На партсобраниях у особистов Миронов констатировал: «...Вы своими силами оказались неспособными к вскрытию серьезных троцкистских проявлений в СибВО. /.../ Вы меньше повинны, чем мы, руководители. Беспомощным оказался [и] т.Барковский, и т.Подольский»³⁸. /.../ Барковского я знаю по Казахстану, он там был другим, он работал в КРО и проводил неплохие комбинации. Эта работа убила его способности». Обвинив особистов и транспортников в нацеленности на «информационную профилактику», начальник управления постановил передать дело по «троцкистскому заговору» в СибВО Секретно-политическому отделу, С.П.Попова назначить врио начальника Особого отдела, а группу особистов — «в ущерб их самолюбию» — на-

править стажироваться в СПО. Миронов выразил надежду, что «дней через десять каждый из вас будет вскрывать троцкистов» не хуже, чем коллеги в СПО, но предупредил: «Борьба будет напряженной. У вас будет минимум времени на обед. А когда арестованных будет 50-100 человек, вам придется сидеть день и ночь, забросить все семейное, личное... Люди, которым, может быть, нервы не позволят сделать этого, здесь будут видны все». Закончил свое выступление он на мрачной ноте: «Я уверен, что у нас пара шпионов все же имеется» и указал, что «колебания того или иного сотрудника равносильны измене»³⁹.

Месяц спустя новый куратор Особого отдела Гречухин на партийном собрании ругал начальника отделения П.И.Циунчика за то, что у него «не сознаются арестованные», и прямо спрашивал, сколько в течение года тот арестовал и «заставил признаться». Циунчик смог назвать только «два человека троцкистов и одного шпиона». Оперативник Л.И.Цыганов, по словам Барковского, не имел результатов в следствии, «в агентурной работе у него развал, контрреволюционного троцкистского подполья в обслуживаемом им танковом батальоне он до сих пор не вскрыл». Зато П.А.Егоров⁴⁰, «работая с трудно-поддающимися арестованными, почти от всех их добился хороших результатов»⁴¹.

Даже опытные, набившие руку на фабрикации дел в прошлые годы, следователи не избегали обвинений в «слабой борьбе с врагами». Пришлось каяться работнику КРО А.В.Кузнецову, который пытался сообщать начальству о приписках в протоколах и других незаконных действиях. Отбиваясь от обвинений в саботаже, Кузнецов признал, что не смог добиться признаний только у одного «шпиона», но от «других арестованных я добился признания о созданных ими повстанческо-диверсионных группах на транспорте, в Бийске, в Ойротии, на Чуйском тракте. Все трое они мне дали показания больше чем на 40 человек. Все же сделал я по сравнению с другими меньше». 5 августа Миронов грозно отметил, что у «отдельных следователей проявляется неверие в проводимые дела», а Кузнецов, ранее успешно проведший «целый ряд серьезных дел», «оказался рупором у засоренной части работников»⁴².

В это время начинаются репрессии и в отношении руководящих работников УНКВД: Барковского, Данцигера, начальника Прокопьевского ГО НКВД Г.П.Корытова. Обвиненный в сокрытии эсеровского прошлого, застрелился Погодаев. Были и другие самоубийцы: работник КРО Смирнов, сотрудник МКШ Удалов, следователь СПО К.Г.Селедчиков... Селедчикова характеризовали как «неплохого работника», который в 1937 показал себя

примиренцем: «смазал» одно дело, в другом не нашел состава преступления, а третье просто бросил на стол начальнику, отказавшись его вести. Пылко разоблачавший покойного А.Н.Печенкин (замнач. КРО) не преминул сообщить попутно и такую актуальную для коллег информацию: «В нашей столовой продолжает работать террорист. В такой обстановке, товарищи, можно неприятно покушаться»⁴³.

Были единичные случаи открытого отказа участвовать в проведении террора. Е.А.Смоленников в 1936 прекратил дело на семерых финнов, обвиненных в шпионаже особистами Сталинска. В 1937 он заявил о своей несогласии с фабрикацией дел начальнику КРО Сталинского горотдела И.Б.Почкаю и в конце апреля был арестован, а позже осужден на 8 лет лагерей⁴⁴. В августе на общем партсобрании преступления Смоленникова перечислялись в таком порядке: «На негласную работу в аппарат НКВД он тащил врагов народа. Ряд дел, которые он вел, сводил на нет. /.../ Говорил, что следователи не должны требовать признания от врагов»⁴⁵.

В Кривошеинском районе Нарымского округа был «разоблачен» оперуполномоченный Н.А.Черных, «активно помогавший ссыльным с подысканием жилья и работы». Он пытался «освободить врагов народа как якобы ошибочно арестованных», а попав за решетку, знакомил заключенных с методами следствия и уговаривал их отказываться от показаний. Черных получил 15 лет, дальнейшая судьба его неизвестна...

Сменивший Барковского на посту замначальника Особого отдела капитан госбезопасности П.Ф.Коломиец, несмотря на большой чекистский стаж и, соответственно, опыт «в разоблачении врагов», осмелился рапортовать правительству 7 декабря 1937, что в «практике следственной работы УНКВД и Особого отдела СибВО, наряду с успехами в разоблачении врагов народа, извращаются директивы ЦК, имеют место преступные явления. Наличествует фабрикация протоколов допросов...», и просил «командировать сюда ответственного товарища, способного вскрыть имеющиеся извращения». Через несколько дней Коломиец за сопротивление аресту группы военнослужащих-немцев был арестован и через полгода, после пыток, осужден на 20 лет (освобожден в 1940)⁴⁶.

В 1939 Б.Сойфер писал Сталину о своем «деле» и преступлениях руководящих работников УНКВД. Не выдержав истязаний, он выбросился из кабинета следователя, расположенного на 4-м этаже, на мостовую, чудом остался жив и оставшиеся 17 месяцев заключения провел в тюремной больнице. Там он узнал исто-

рию работника Оперчекотдела Сиблага Садовского, мобилизованного в НКВД в 1937 и отказавшегося создавать дела на «липовые контрреволюционные организации». В начале 1938 Садовский был уволен из органов и вскоре арестован. В августе — октябре он 105 дней держал голодовку, протестуя против избиений (после 20-суточного конвейерного допроса Садовский потерял сознание, и протокол оказался подписанным следователем, который вложил ручку в неподвижную кисть арестованного и ею «нарисовал» подпись). 25 октября 1938 за ним пришли, чтобы увести на «суд». Не имевший иллюзий относительно своей судьбы, Садовский, прощаясь, сказал Сойферу: «Меня везут к корыту стрелять, если ты останешься живым, я прошу тебя, напиши все то, что я тебе рассказал, в ЦК ВКП(б) и наркомую...»⁴⁷.

Однако приведенные примеры, скорее, были исключением. Как вспоминал работник КРО В.Д. Качуровский⁴⁸, настроение на партсобраниях, когда чекистам сообщили, что по успехам в разгроме «вражеского подполья» Новосибирская область стоит на втором месте по стране, что лично Ежов одобрил работу управления, «доходило до экстаза». По его словам, массовые аресты начались в начале августа 1937, после того как Миронов на совещании начальников горрайотделов и оперсостава управления сообщил о секретнейшем решении ЦК ВКП(б) «разгромить основные гнезда контрреволюции»⁴⁹. Соответствующий приказ НКВД СССР предписывал в рамках установленных лимитов в короткие сроки расстрелять и отправить в лагеря весь тот контингент, который учитывался чекистами как подозрительный и потому подлежал «разработке».

Первоначальный лимит на расстрел по краю — 5000 кулаков, шпионов и бандитов — был быстро и многократно превышен. Если за август местная тройка НКВД приговорила 4734 человека, в том числе 3230 — к расстрелу, то уже к 4 октября 1937 в Западно-Сибирском крае числилось 25 413 арестованных (кулаков 10 541, по РОВСу — 9689, уголовников 3436, прочих — 1747 чел.), из которых на этот момент было осуждено тройкой к расстрелу 13 679 чел., в том числе кулаков — 4256, по РОВСу — 6437, уголовных — 1294, прочих — 889 и заключенных Сиблага — 803⁵⁰. Всего в период 1930-1953 на территории современных Новосибирской, Кемеровской, Томской областей и Алтайского края, входивших в состав Запсибкрая, было репрессировано по политическим обвинениям 145 тыс. человек, большая часть которых осуждена в 1937-1938.

«Белым пятном» в истории репрессий остается роль милиции. В мемуарах М.Шрейдера⁵¹, бывшего начальником Новосибир-

ской областной милиции в начале 1938, указывается, что с осени 1937 весь ее состав был мобилизован на аресты «врагов народа», а начальник угрозыска Карасик участвовал в казнях. Существовала и тройка при областном управлении милиции, которая чехом приговаривала к небольшим лагерным срокам по 300 человек за раз, включая тех, кто обращался в милицию с заявлением об утере документов или просто не имел их при тогдашних постоянных проверках. Только в Новосибирске за январь — ноябрь 1937 было «изъято» почти 7000 чел. «социально-вредного и уголовно-преступного элемента», 70% которых были к началу декабря осуждены тройкой УНКВД⁵². Естественно, что в 460-тысячном Новосибирске, где милиция днем и ночью хватала людей по политическим обвинениям, уголовники попадались в ее дырявые сети в последнюю очередь. Гораздо проще во время облавы было арестовать ранее судимых, неработающих и прочих так называемый «социально-вредный элемент». Сводки в обком также свидетельствуют о том, что милиция в сельских районах активно выявляла «вредительство» в колхозах, МТС, элеваторах и ссыпных пунктах⁵³.

К тому времени аресты самих чекистов стали массовыми, особенно в системе Сиблага. Примерно в конце года исчез и формально самый высокопоставленный чекист области — комиссар госбезопасности 2 ранга К.М.Карлсон, не позднее октября 1937 прибывший с поста начальника Харьковского УНКВД в предарестную ссылку на должность руководителя Томско-Асиновского лагеря. Сменившие Миронова Г.Горбач и И.Мальцев были по званию ниже Карлсона на 2-3 ступени.

В конце 1937 был объявлен врагом Д.Аболмасов, хотя к 4 октября тройка НКВД осудила к расстрелу 784 жителя подведомственного ему Мариинского района. В январе 1938 арестовали начальника Нарымского окротдела С.С.Мартона, его заместителя Н.А.Сурова и начальника СПО М.Г.Галдилина⁵⁴, хотя их усилиями количество осужденных к смертной казни в Нарыме достигло к 4 октября 1937 1017 чел. Были репрессированы начальник Тюремного отдела А.А.Мануйлов, бывший замначальника СПО А.Р.Горский, помощник начальника Томского ГО К.Г.Веледерский⁵⁵, начальник особого отдела 78-й стрелковой дивизии в Томске П.А.Егоров, многие начальники райотделов и станционных оперпунктов.

19 сентября 1937 Горбач сообщал Эйхе, что в результате «очистки аппарата» и откомандирования «ряда лучших работников» в другие области в Новосибирске и на периферии образовался некомплект оперсостава в 130 человек. К тому же в ближай-

шее время по компрометирующим материалам подлежало увольнению еще 44 сотрудника. Начальник УНКВД просил мобилизовать 100 чел. из учебных заведений и административно-хозяйственных учреждений. Крайком выделил 75 активистов, а в остальном помог Ежов. По свидетельству Качуровского, в период так называемых массовых операций в области «работало около 50-60 курсантов из Московской школы, почти все — члены партии. Не будучи никогда ранее следователями, они в течение нескольких месяцев работали такими же темпами, как и постоянный состав. /.../ Никогда не было слышно, чтобы они где-либо поставили вопрос о неправильном ведении следствия...»⁵⁶

Следствие активно вели и неоперативные отделы, вроде Учетно-архивного; на проведение арестов и допросов привлекались работники Отдела связи... В декабре 1937 И. Мальцев, укоряя своих подчиненных за неразворотливость, утверждал, что «у нас в Сталинске и Новосибирске шофера дают в день по 12-15 дел», и требовал тратить на оформление каждого дела не более 40 минут. С 1 декабря 1936 по 1 сентября 1937 по служебной лестнице было продвинуто 98 оперативников, к апрелю 1938 было изгнано почти 30% старых кадров и продвинуто на высшие должности 33%⁵⁷.

В течение 1938 с фальсификаторами пытался бороться и.о. прокурора войск НКВД ЗСО М.М.Ишов. Он стремился не только привлечь к ответственности наиболее рьяных палачей, но и освободить их жертвы. Бомбардируя вышестоящие инстанции докладами, пытался ставить вопрос о работе начальника УНКВД Мальцева на бюро обкома. В сентябре 1938 члены обкома отвергли его материалы о преступлениях НКВД в Томске как полученные от осужденных «врагов народа». Все четверо начальников управлений НКВД, входивших в состав округа, просили разрешить им арестовать Ишова. Работник Особого отдела В.А.Гинкен был отправлен в командировку по стране, чтобы добиться нужных показаний от арестованного брата Ишова и бывших коллег прокурора. Показания были выбиты, и 24 сентября 1938 «странный» прокурор был арестован и доставлен в управление НКВД, где первым его ударил сам Мальцев⁵⁸...

В конце 1938 партийные организации Новосибирска и на местах, опираясь на ноябрьскую директиву ЦК ВКП(б), стали осторожно «ставить вопрос» о наказании начальников райотделов, «нарушавших законность». Тому, по-видимому, способствовала и очередная смена партийного руководства области: только что был снят преемник свирепого Р.Эйхе — И.И.Алексеев⁵⁹. Так, 8 декабря 1938 райпартсобрание в Парабельском районе Нарымского

округа исключило из партии начальника РО НКВД А.К.Артюха (в его отсутствие, кстати), но не за «желание судить в массовом порядке руководителей колхозов», а под предлогом, что у него один дядя — кулак, другой — арестован как враг народа, а брат осужден за растрату⁶⁰.

Новосибирский обком ВКП(б) 27 декабря 1938 осудил ряд чекистов, имевших отношение к скандальному «детскому делу» в Ленинск-Кузнецком, где были созданы дела на подростков, преимущественно из семей репрессированных. Обком отдал под суд начальство горотдела — А.Г.Лунькова и А.И.Савкина (заодно с прокурором Р.М.Клиппом), уволил из НКВД оперуполномоченного А.И.Белоусова, а также дал строгие взыскания Пастаночову и его бывшему заместителю по СПО Е.Ф.Дымнову⁶¹. Начальнику управления Мальцеву было указано на «совершенно неправильную» установку «о политизации дела»⁶².

Но ситуацию после постановления ЦК от 17 ноября 1938 Мальцев, похоже, оценил неверно. Видимо, ему было трудно отвыкнуть от положения, когда подчас даже *тройка* НКВД заседала в составе единственного представителя — начальника управления. На собрании 13 декабря 1938 он заявил, что «на постановление партии надо ответить не дополнительными допросами старых арестованных, а суметь от вновь арестованных добиться признания. /.../ На 15 декабря нам предстоит закончить 100 с лишним дел на 210 человек. /.../ Когда мы приступали к разгрому врагов народа, мы показывали людей, которые хорошо работали. А сейчас начальники отделов говорят так, чтобы волки были сыты и овцы целы».

Отметив «шарахание и перестраховку» у «многих товарищей», Мальцев посетовал, что арестованные «по-своему рассматривают освобождение т.Ежова от обязанностей наркомвнудела... рассуждают: освободили, значит, тут что-то такое есть. /.../ Кто сказал, что с арестованными надо говорить шепотом? Говорят лишь о несвойственных методах ведения следствия, и если такие случаи будут, то такие товарищи будут немедленно отдаваться под суд. Чего предосудительного в том, если следователь будет решительно требовать от арестованного показаний? С арестованным можно сидеть с 9 и до 23 часов. А сейчас они допрашиваются в течение только двух часов».

Особенно негодовал Мальцев на то, что «многие следователи — "шляпы" самые настоящие», отчего в тюрьме «арестованные знают все новости». Назывались и конкретные источники утечки информации: «...следователь дает арестованному читать газеты. Это преступление. /.../ У т.Черепанова, например, абажур сделан

из газеты, а в ней говорится о слете стахановцев. /.../ Теперь — ходят арестованные в уборную, где в ящиках не только бумага, а иногда и агентурные донесения, которые без разбора бросаются сотрудниками».

Сам зачастую ездивший на охоту в шумной пьяной компании наиболее близких ему Пастаногова и Шамарина, Мальцев на собрании резко обрушился на допросы нетрезвыми следователями. По его словам, в выходные дни «наша столовая превращается в кабачок. Там вы увидите почтенных работников, которые раком ходят, у них стоят батареи пива на столе и под столом»⁶³. Подчиненные Мальцева также критиковали работу управления, приводя подчас весьма колоритный материал.

В течение всего 1937-1938 чекисты всех подразделений УНКВД жаловались на недостаточное внимание к агентуре и плохое качество последней. В период «особых операций» были проведены массовые аресты по так называемым «выходам», т.е. по выбитым показаниям. Но правила хорошего чекистского тона требовали сопровождать каждый арест солидным агентурным обоснованием, чтобы избежать упреков во вскрытии только верхушки очередной «повстанческой организации». Старая агентура была арестована заодно с теми, на кого доносил, так как вербовалась преимущественно из «подучетного элемента», который и подлежал массовым изъятиям. Новую приобретали с трудом и формально, работали с ней бестолково.

Например, ведущее подразделение — КРО — за 1938 приобрело всего 35 сексотов, а «подучетного элемента» находилось в разработке лишь 38%. Заместитель Мальцева А.Ровинский, классифицируя негласное пополнение КРО по степени важности, установил, что из 35 завербованных лишь трое агентов, а остальные — заурядные стукачи: «спрашивается, зачем им осведомители? Им нужно иметь исключительно агентов». Седьмой отдел завербовал за год 72 осведомителя и трех резидентов, но не имел самостоятельных разработок. Начальнику II экономотдела Н.Х.Мелехину⁶⁴, где были завербованы 4 осведомителя и один агент, Ровинский указал: «Вам нужно иметь маршрутную агентуру. Ценность вашего работника будет определяться по тому, сколько он имеет маршрутников и как он с ними работает». Тот сокрушенно пожаловался на неработоспособность агентуры, на то, что в разработке находится 40% «наших учетников», а «по женам врагов народа мы имеем в проработке не более 5%». Также Мелехин сообщил коллегам, что часто «работники, принимающие агентуру, не могут реализовать в рапорт получаемые ими агентурные сведения», а оперативник С.М.Заяринов⁶⁵ недавно «встречал

ценного агента на улице, и от этого качество агентурного материала невысокое. Есть факты срыва явок по вине оперуполномоченных... Нет ни одного факта, чтобы работник проверил агента путем направления на [его] проработку /.../ другого агента».

Впрочем, нашелся у Мелехина и положительный эпизод, когда начальник отделения II ЭКО В.С.Максимкин⁶⁶ «завербовал одну заявительницу; в результате правильного ее использования вскрыта контрреволюционная группа». Такой же факт имелся и в соседнем отделении. Но вот неосторожная фраза о том, что «привычка сочинения показаний в отсутствие обвиняемых трудно изживается», вызвала резкую реплику Мальцева с требованием внести ясность. Выкручиваясь, Мелехин ответил, что просто «хотел сказать, [что] протоколы составлялись по шаблону» и такими же шаблонами были вопросы следователей⁶⁷.

Во всех отделах не изучались на предмет надежности новые агенты, а в формулярах, заведенных на учитываемый контингент, содержалось обычно не более 1-2 агентурных сводок, что свидетельствовало, по мнению начальства, о формальности работы оперативников.

Современный официальный источник свидетельствует, что в описываемое время в Новосибирске была вскрыта агентура японской разведки и действовала германская (о ликвидации агентуры последней сведений нет). Вплоть до начала 1938 в Новосибирске, благодаря наличию германского и японского консульств, действительно имелись условия для работы разведслужб этих стран под дипломатическим прикрытием. Для слежки за автомобилем японского консульства в 1935 за Особым отделом СибВО была закреплена отдельная легковая автомашина. В 1937 новосибирские чекисты задержали одного из сотрудников германского консульства (известна только его кличка — «Спортсмен») и, прежде чем выслать, добились от него показаний о связи ряда руководящих работников области с немецкой разведкой.

В декабре 1937 секретарь обкома И.Алексеев сообщал Сталину и Ежову, что германский консул Г.Гросскопф якобы создал на территории области подпольную фашистскую организацию (1644 арестованных!) и попутно руководил работой 42 резидентур немецкой разведки. Японское консульство (упраздненное задолго с немецким через месяц) якобы создало 13 «вскрытых» чекистами резидентур, руководивших 123 диверсионными группами, в которые записали бывших работников КВЖД⁶⁸.

Вряд ли за этими внушительными цифрами стояло сколько-нибудь реальное содержание. О слабости наружного наблюдения за немецкими дипломатами в феврале 1938 говорили сами чеки-

сты, сетуя на то, что «разведывательный аппарат почти весь расконспирирован». В результате секретарь германского консульства «некий "К" /.../ буквально знал каждого разведчика, ходил мимо них, снимал головной убор и кланялся, приговаривая, что "можете сегодня за мной не ходить, т.к. я иди сегодня никуда не намерен"»⁶⁹. По всей вероятности, иностранная разведка имела подробные сведения о гигантских заводах по производству снарядов и истребителей в Новосибирске, порохов и отравляющих веществ — в Кемерове.

В начале ноября 1938 в Новосибирск — снимать с должности первого секретаря обкома И.И.Алексеева — прибыл член КПК при ЦК ВКП(б) М.Ф.Шкирятов. Хотя начальство и запретило чекистам упоминать в разговоре с ним о «несвойственных методах следствия», судьба и Алексеева, и Мальцева была уже решена. Провал следствия по делу М.Ишова, которого не удалось сломать ни в Новосибирске, ни в Москве, также, по-видимому, способствовал аресту Мальцева, последовавшему в конце января 1939. Однако заместитель Мальцева — Ровинский и все остальные руководители УНКВД остались на местах. Они всемерно тормозили работу прокуратуры области, начавшей массовую «проверку следственных дел». Заметая следы, Ровинский изъясил из Облсуда еще не рассмотренные там 56 дел, которые были в УНКВД либо прекращены совсем, либо с политических статей переквалифицированы на другие⁷⁰.

Весной 1939 Ровинского откомандировали в систему Дальлага, еще раньше туда отправили начальника Томского горотдела Овчинникова. В феврале — мае прошли массовые увольнения чекистов из органов. Из начальников отделов были изгнаны (часто с исключением из партии) Пастаногов, Дымнов, Баталин, начальник отдела кадров Н.С.Кравчинский⁷¹, особоуполномоченный М.А.Иванов. Узнав о возбуждении против него уголовного дела, застрелился Мелехин. Распрошались с органами начальники отделений КРО Качуровский и А.В.Малозовский, бывший парторг Н.Терентьев⁷², один из руководителей СПО М.И.Носов, начальник КРО в Томске А.А.Романов, начальник Тегульдетского РО НКВД Н.Т.Большаков⁷³ и немало других. Позже Пастаногов, Овчинников и Романов были осуждены. Были арестованы также: работник КРО УНКВД П.Т.Трубецкой, начальник Парабельского РО — Артюх, Туганского РО — Я.Ф.Адуев, Коченевского — Салов, начальник Асиновского РОМ — С.И.Софроненко. В это же время (или несколькими месяцами ранее) были осуждены начальники городских и районных отделов НКВД И.А.Попов (Александровское), С.И.Мельников⁷⁴ (Мошково), Лихачевский (Куйбы-

шев). Под судом оказалось и немалое количество других начальников и оперуполномоченных, впрочем, получивших зачастую вполне умеренные сроки. В самом конце 1939 дошла очередь и до замначальника Особого отдела СибВО В.Т.Егорова⁷⁵.

В начале февраля 1939 областное управление НКВД возглавили бывшие партийные работники Г.И.Кудрявцев и Ф.М.Медведев⁷⁶. Особый отдел возглавил майор ГБ А.П.Можин, СПО — И.Почкай, Отдел кадров — А.С.Киселев, Водный отдел — А.Д.Белкин, 1-й спецотдел (бывший Учетно-архивный) — В.С.Судаков, Транспортный — В.Е.Киселевич⁷⁷. И только Отдел контрразведки остался за его прежним начальником Ф.Н.Ивановым⁷⁸.

Новое начальство не особенно долго занималось очисткой кадров от «наиболее скомпрометировавших себя работников». Да и их старались увольнять не за фальсификацию дел, а за пьянство (А.Баталин, В.Егоров), «зажим критики» (А.Малозовский) и т.п. Например, 5 мая 1939 обком утвердил решение УНКВД о переводе в запас одного из крупных томских чекистов Г.И.Горбенко⁷⁹. Поводом послужил донос о наличии у его жены (на беду, дочери священника) арестованного двоюродного брата, а также встреча нового 1938 года, где Горбенко «танцевал и гулял с агентом "Фиалка", чем способствовал расконспирации агенты»⁸⁰.

В аппарате Сиблага появились бывшие крупные работники НКВД, переведенные туда из других регионов «на исправление». Отдел кадров Сиблага возглавил бывший начальник СПО НКВД Татарии (и будущий глава КГБ Латвии) Я.Я.Веверс⁸¹, Оперативно-чекистский отдел — крупный украинский чекист Е.Г.Сквирский, управление Томасинлага — бывший начальник Таганрогского ГО НКВД Ф.И.Автономов, по иронии судьбы занимавший пост начальника СПО в Татарии до Веверса... В систему лагерей были переправлены и многие сибиряки: работник КРО УНКВД О.Ю.Эденберг⁸² оказался на заурядной должности в колонии «Чекист», начальник Правобережного РО НКВД в Кемерово И.Т.Ягодкин дорос к началу войны до начальника Тайгинского отделения УИТЛК, начальнику Чистоозерного РО М.Ф.Матросову доверили руководство тюрьмой в г.Барабинске.

Новый начальник УНКВД Кудрявцев хоть и не был кадровым чекистом, но быстро сыскную науку усвоил и все так же требовал от подчиненных «вскрывать остатки недобитого правотроцкистского подполья». Попутно он старался, чтобы настырная прокуратура во главе с А.В.Захаровым поменьше занималась делами 1937-1938. Туда за 1939 поступило 31473 жалобы от осужденных «тройкой» и Особым совещанием при НКВД СССР. Чекисты просто не высылали в Отдел по спецделам запрашиваемые

материалы, а к январю 1940 якобы не могли отыскать дел на более чем 400 осужденных. За 1939 прокуратура опротестовала решения «троек» и ОСО по 179 делам, а 771 дело направила на следствие. Несмотря на установленный Берией 10-дневный срок для рассмотрения подобных дел, они лежали у чекистов без движения месяцами.

За 1939 прокуратура области дала санкцию на арест по 58-й статье в отношении 126 человек (из них 81 был арестован на территории современной Томской области, до 1944 входившей в состав Новосибирской), в том числе в первом квартале было арестовано 9 человек. Подавляющее большинство дел 1939 касалось обвинений в антисоветской агитации (на 105 чел.). Та же тенденция сохранилась в 1940: за первые пять месяцев было дано 75 санкций, в том числе 63 — по ст.58 п.10. За это же время было опротестовано 402 дела, а 850 — отправлено на проверку в УНКВД. Но и количество дел, которые чекисты «не могли отыскать» в своем архиве, стремительно росло: к маю 1940 их было уже 815. Из 225 запросов, направленных в УНКВД в начале года, к маю в прокуратуре были получены лишь несколько ответов. В гор-отделах Томска и Кемерова (их возглавляли Я.А.Пасынков и В.Г.Трындин⁸³) не были следованы даже те дела, «где были специальные предложения прокурора СССР по заданиям ЦК ВКП(б)». Приводя в докладе секретарю обкома Г.Н.Пуговкину многочисленные факты фабрикации дел, по которым были расстреляны по 40-70 человек, прокурор Захаров просил поставить в обкоме вопрос «хотя бы о партийной ответственности лиц, создавших эти возмутительные дела»⁸⁴.

В упреждение возможных мер обкома у Кудрявцева были предусмотрены встречные ходы: либо временно перевести следователя на нижестоящую должность (как А.Шамарина), либо откомандировать его в другой регион. Так убыл на Западную Украину начальник Колыванского РО И.В.Захаров, а начальник отделения ДТО Л.А.Малинин⁸⁵ уехал в Киев, на пост начальника ДТО НКВД Юго-Западной железной дороги (три года спустя он с триумфом вернется в Новосибирск, став очередным руководителем областного УНКВД).

За 1939-1940 аппарат управления капитально обновился и заметно вырос по численности. К исходу 1939 в аппарате УНКВД, семи городских и 66 районных отделах работали 513 оперработников, в том числе 281 коммунист, 149 кандидатов ВКП(б), 78 комсомольцев и 5 беспартийных. Через год оперсостав за счет организации четырех новых городских и районных отделов вырос до 524 чел., из которых членами ВКП(б) были 365, кандидатами —

121, комсомольцами — 35, беспартийными — 3 чел. Вырос за этот год и образовательный уровень. Количество чекистов с высшим и незаконченным высшим образованием увеличилось с 19 до 38, средним — со 115 до 146, незаконченным средним — с 30 до 140, начальным — уменьшилось с 349 до 200 (не исключено, что за счет весьма формального их «перетягивания» в число имевших незаконченное среднее образование). К исходу 1940 только 51 оперработник имел за плечами бывшую Центральную школу ОГПУ, 2-ю Ленинградскую и Центральную транспортную. Выпускников Новосибирской МКШ ГУГБ НКВД насчитывалось 71, остальные могли похвастаться только курсами подготовки и переподготовки оперсостава при УНКВД НСО (152 чел.), а также 100-часовой программой чекисткой учебы и 17-дневными семинарами при УНКВД (212 чел.). Еще 38 оперативников никакой специальной подготовки не имели.

Из 524 чел. — 366 были в возрасте 25-35 лет, а 66 — моложе 25 лет. Только 181 из них имел стаж работы в НКВД свыше 6 лет. От 3 до 6 лет стажа было у 111 чел., менее 3 лет — у 232 чел. 17 сотрудников были орденосносцами, семеро — имели очень ценившийся в их среде знак почетного чекиста. Оперсостав управления насчитывал порядка 250 чел. (остальные работали на периферии), сосредоточенных преимущественно в Особом отделе (56), СПО (30), КРО (21), I ЭКО (17), II ЭКО (9), III ЭКО (17) и следственной части (17).

Транспортный отдел имел собственную парторганизацию из 39 коммунистов, в МКШ работало 43 чел. Негласный оперсостав, занимавшийся разведкой и контролем переписки, насчитывал 85 человек⁸⁶ и вместе с работниками МКШ не входил в объявленную цифру в 524 чел. (так же, как и транспортники). Оперативные поручения выполнялись и, казалось бы, чисто техническими службами: сообразительности шифровального отделения (насчитывало 7 коммунистов и в переписке именовалось без названия, под седьмым номером) в 1941 включали такие пункты, как недопущение «срыва явок с агентурой без уважительных причин» и обещание за май 1941 «закрыть осведомлением не менее трех объектов»⁸⁷.

В течение 1939 сбавившая было обороты репрессивная машина постепенно разгонялась, хотя низкий уровень профподготовки объективно мешал палаческим функциям. Бывали сбои даже в таких «выигрышных» делах, как августовское расследование факта «подачи вместо боржома уксусной эссенции 3-му секретарю обкома тов. Аксенову», отчего тот «получил легкие ожоги во рту» — злого умысла в ошибке повара чекисты не усмотрели. Качуровский, жалуясь обкому на «политику недоверия к старым кадрам»

со стороны помощника начальника УНКВД Ф.Медведева, писал о растерянности следователей в связи с массовым отказом арестованных от прежних показаний; о том, что сотрудники «для самозабвения потянулись к водке, к обсуждению всяких и всяческих вопросов». В сентябре 1939 циркуляр НКВД СССР отмечал очень низкое качество сводок по экономическим вопросам, поступавших из регионов (в том числе из Новосибирска и Барнаула). В этих записках не было аналитических выводов, а сообщаемая информация зачастую основывалась на «непроверенных донесениях малоквалифицированной агентуры»⁸⁸.

Определенное оживление деятельности чекистов началось «обслуживанием выборной кампании» декабря 1939. 26 декабря Ф.Медведев и И.Почкай сообщали в обком об аресте в Новосибирске четырех монахинь из «контрреволюционной церковно-монархической организации», якобы собиравшихся организованно выступить против выборов. В с. Тогучине на вокзале один из жителей собрал вокруг себя толпу, призывая «не голосовать за Советскую власть», в с. Киселевке Куйбышевского района колхозник Мельников «нецензурно ругался, указывая на портрет тов. Сталина и высказывал террористические намерения». В Барабинске на телеграфном столбе была обнаружена листовка «с призывом голосовать за "идеи" Троцкого и Бухарина», в ряде избирательных участков изъяты бюллетени с «надписями контрреволюционного содержания», а в Новосибирске в одной из кабин для голосования было обнаружено письмо «с гнусной клеветой на тов. Сталина»⁸⁹.

Выполняя указание Берии, который в письме от 26 октября 1939, отосланном после доклада начальника УНКВД, распорядился мобилизовать новосибирцев «по-большевистски организовать борьбу по разгрому контрреволюционных формирований» в области, чекисты особенно постарались. Среди наиболее крупных дел 1940 они числили «троцкистскую группу» (агентурное название «Блуждающие»), «вскрытую» аппаратом СПО, «повстанческие организации» в Нарыме («Часовники»), Чаинском районе («Интервенты») и Кемерове («Ветер»). В Сталинске была ликвидирована «эсеро-сектантская организация "Паутина"», а в Томске — «эсеровская группа "Пчеловоды"» и сектантская, проходившая у чекистов под названием «Богословцы». За эти и другие дела среди лучших в управлении были названы начальник СПО И.Почкай, начальник следственной части УНКВД Б.В.Панчуринов, руководство Сталинского ГО НКВД: С.И.Плесцов, Л.К.Соловьев, начальник Нарымского окротдела Н.А.Ульянов⁹⁰ и несколько руководителей райотделов. В резерве на выдвижение значилось

47 оперативников, из которых шестеро представляли особенно отличившийся Сталинский горотдел, а 18 — аппарат областного УНКВД. Десять самых отстающих были переведены на неоперативную работу, в том числе 4 начальника райотделов⁹¹. Деятельность же подавляющего большинства чекистов руководство УНКВД вполне устраивала.

Но многие дела, которые велись в это время, были настолько грубо слеплены, что не устраивали даже коллег-передовиков. Старший следователь следственной части М.Р.Собачевский (бывший на хорошем счету у начальства, парторг отдела) и замнач следчасти П.С.Кошелев возмутились приемами следователя И.М.Трифонов⁹². Тот не начинал вести протокол допроса, пока арестованный не даст признательных показаний; вымогал показания угрозами сгноить в тюрьме и уничтожить семью. Собачевский пожаловался на незаконные своему начальнику Панчурину. Тот резко заявил Собачевскому, что сам отдал распоряжение не вести протоколов допросов «по оперативным соображениям». От следователя С.П.Карпова⁹³ парторг узнал, что Панчурин в присутствии двух своих подчиненных дал приказ внутрикамерному агенту избить арестованного за отказ давать показания. Такое использование камерной агентуры было весьма распространено.

Панчурин посадил в карцер заключенного за отказ того рассказать агенту «о наличии антисоветской организации». Собачевский упоминал и попытку самоубийства одного из арестованных после избияния на допросе. Парторг УНКВД А.П.Зотов и начальник управления Кудрявцев никаких мер по заявлению Собачевского принимать не собирались, и в конце января 1941 тот обратился в обком. Через полтора месяца секретарь по кадрам В.Бабич доложил «первому», что «некоторые факты подтвердились» и Панчурин снят с должности⁹⁴.

Ряд сигналов о методах следствия дошел до Москвы. В апреле 1941 Кудрявцева и Медведева сняли с работы, их заменили М.Ф.Ковшук-Бекман и Г.П.Кудинов⁹⁵. 21-22 апреля на собрании коммунистов УНКВД Почкай туманно признавал: «мы констатировали события, которые нас опережали, и на эти события заводили дела». П.Кошелев был более откровенен: «Надо было покрасоваться с вскрытием контрреволюционной организации на [весь] Советский Союз... и Кудрявцеву за это дело попало как следует». По словам Кошелева, «недоброкачественная работа» СПО, КРО, I и III ЭКО привела к провалу ряда дел. Чекисты жаловались, что в одном из экономотделов пришлось освободить около 20 арестованных — половину от числящихся за ним, в других — многим заключенным следователи смогли «в лучшем слу-

чае что-либо наскрести» по 58-10, «а в худшем» — их пришлось освободить. Начальство изо всех сил пыталось помешать расследованию фальсификаций, вплоть до заявлений о том, что разбирательство следственных беззаконий на партбюро есть «разглашение государственной тайны»⁹⁶.

Смена руководства УНКВД привела к некоторым кадровым перестановкам. По материалам Особой инспекции Наркомата был арестован начальник КРО Ф.Н.Иванов, которого сменил Л.К.Соловьев; на пост заместителя начальника УНКГБ был назначен С.Плесцов. Но следователи и руководители отделов, непосредственные участники фальсификаций, чья вина была установлена, не получили сколько-нибудь ощутимых взысканий: Панчурин, уволенный было из органов, вернулся в «систему» сразу после отбытия 30-суточного ареста; начальник III ЭКО П.П.Плотников был переведен на руководство Нарымским окротделом; его заместитель Д.И.Денисенко стал замначальника Кемеровского горотдела; начальник отделения в КРО В.М.Ломов стал замначальника отделения; С.В.Патракеев с руководства II отделением КРО через несколько месяцев, напротив, перешел на должность замначальника КРО. Впоследствии отмечались как «передовики» оперативники СПО и КРО К.И.Исаков и А.Т.Алексеев.

По-прежнему руководство УНКВД⁹⁷ было озабочено неистребимым пьянством работников всех уровней. Так, секретарю Особого отдела Н.А.Маракушеву было указано на недостойное поведение после того, как он в нетрезвом виде свалился в угольную яму и сломал ногу, а начальник отделения С.И.Бураков был уволен за систематическое пьянство и прогул. Оперативники-особисты Ю.И.Бенн и В.И.Ерохин получили выговоры: первый — за пьянство в служебной командировке и утерю пистолета, второй — за избиение жены и ребенка. Начальник внутренней тюрьмы Г.И.Ершов, награжденный в 1937 за усердие при массовых расстрелах орденом «Знак Почета», весной 1940 письменно обещал жене (и партбюро) больше не пить и не скандалить. Осенью того же года оперативник СПО П.П.Бровин спьяну ранил себя из табельного оружия, а начальник I ЭКО И.М.Киреев⁹⁸ был изгнан ненадолго из органов за пьяный дебош на курорте. Случались казусы и иного рода: секретарь парткома УНКВД и депутат горсовета А.П.Зотов был изобличен как расхититель⁹⁹...

В 1940 чекисты «выявили» группу студентов Новосибирского института военных инженеров железнодорожного транспорта, возмущавшихся введением платы за обучение в вузах, «высказывавших симпатии к анархизму», критиковавших армейские порядки и войну с Финляндией: было арестовано семеро юношей.

Между тем вполне реальный, по всей видимости, поджог строящейся трикотажной фабрики в Новосибирске (30 мая 1940; ущерб от пожара составил 700 тыс. руб.) предотвратить не удалось. 23 декабря 1940 по обвинению в организации этого поджога Военным трибуналом СибВО был приговорен к расстрелу «агент атамана Г.Семенова» С.Т.Паршин. Трудно судить, так ли было на самом деле. Зато в посланном в Наркомат отчете о работе управления в 1940 японской разведке приписывалось создание в области «разветвленных повстанческо-диверсионных формирований из кулацкого, белогвардейского и прочего антисоветского элемента». Что касается немецкой разведки, то ее деятельность протекала «по линии широкого проведения германофильской пропаганды /.../ и внедрения среди населения симпатий к фашистской Германии. Как устанавливается агентурой, германская разведка сохранила на территории области кадры своей старой законспирированной агентуры из числа бывших служащих различных торговых германских фирм в бывшей царской России и связей германского консульства...»¹⁰⁰.

Весной 1941 во многих районах области от голода, вызванного неурожаем и грабительскими хлебозаготовками, люди умирали десятками. За первые три месяца года за антисоветскую агитацию в связи с массовым недоеданием в Чановском районе было арестовано 6 человек. По сообщению начальника Убинского РО НКВД А.М.Пугачева¹⁰¹ колхозник А.Петухов в «провокационных целях о якобы создавшемся голоде с отвальной ямы принес в свою квартиру падаль от павшей коровы. Фактически же это является провокацией со стороны Петухова, так как он хлебом обеспечивается более лучше, чем остальные...» Пугачев просил обком дать санкцию на арест троих «провокаторов». Своим чередом шло и создание новых *групповых* дел, вроде раскрытой в Купинском районе «контрреволюционной группы»¹⁰²...

Начальники райотделов посылали в управление списки лиц, находящихся в агентурной разработке, — в виде отчета о проделанной работе. Отвечая на запрос М.Ковшука-Бекмана, начальник Доволенского межрайонного отделения НКГБ (курировало Доволенский, Здвинский и Кочковский районы) Г.К.Попов¹⁰³ представил список 66 руководителей сельского хозяйства с указанием конкретных компрометирующих материалов, полученных в основном от 73 сексотов, агентов и резидентов, а также путем перлюстрации переписки, сбора анонимок и открытых доносов. К примеру, агентурные сообщения «Котова» и «Кларнета» в отношении заведующего Доволенской райбольницей А.И.Каца гласили: «Высказывает диверсионные настроения по уничтожению колхозного

ската. Подозрителен в умышленном распространении заразных болезней среди населения». На одного из председателей колхоза были собраны доносы сразу от пяти информаторов¹⁰⁴, что свидетельствовало о плотности осведомительной сети, ориентированной на сбор данных о вредительстве. В период посадочной и уборочной кампаний чекисты из «подучетного элемента» фабриковали групповые — самые, с точки зрения руководства, выигрышные — дела на «вредительские» организации, а при наличии «качественного» материала — и на повстанческие.

Начало войны повлекло за собой новую волну арестов. Имеющаяся статистика по территории нынешней Томской области дает следующую их динамику: 1940 — 168 чел. (осуждено 113), 1941 — 427 (осуждено 225), 1942 — 507 (осуждено 421), 1943 — 331 (осуждено 425), 1944 — 237 (осуждено 279), 1945 — 221 (осуждено 191), 1946 — 221 (осуждено 216), 1947 — 95 (осуждено 122). Расстреляно политзаключенных: в 1941 — 38, в 1942 — 40, в 1943 — 2¹⁰⁵.

Уже 13 июля 1941 С.Плесцов сообщал обкому о вскрытии «двух диверсионных групп, готовивших взрывы на Кемеровском пороховом комбинате №392», а также группы, «собиравшейся взрывать шахты и поджигать хлеб в колхозах»... Десятками арестовывали не только в Кузбассе, хотя этот важнейший стратегический регион оставался под особым надзором. В списке уничтоженных спецсообщений НКВД, отправленных в обком, значатся и информации М.Ковшука-Бекмана от 21 августа — «О вскрытии диверсионной группы на комбинате №392» и от 22 августа — «О вскрытии антисоветско-террористической молодежной группы в г.Прокопьевске»¹⁰⁶. Тогда же были арестованы руководители строительства комбината №179 по производству боеприпасов в Новосибирске во главе с начальником строительства С.К.Полухиным: из восьми человек четверо были расстреляны. За «антисоветскую агитацию и намерение изменить родине» в августе 1942 был казнен начальник отделения дезинфекции Облздравотдела Л.М.Сырнев, а проходившие с ним по одному делу преподаватель Новосибирского мединститута С.Д.Зацепин и завсектором Облплана А.М.Рукавицын осуждены на 10 и 8 лет лагерей.

Осенью 1941 зоотехник облсвиноводтреста В.М.Привалихин получил 8 лет за «антисоветскую агитацию и допущение падежа свиней». Такой же срок за «агитацию» достался в апреле 1942 начальнику планового сектора Главмясокомбината С.А.Меньшину... «Десятый пункт» 58-й статьи надежно выручал следователей, но подчас даже для такого верного обвинения не доставало улик, и, например, в сентябре 1941 чекисты сами изготовили «письмо контрреволюционного содержания», подбросив его малогра-

мотной работнице главпочтамта Е.Ф.Малининой, отсидевшей за это восемь лет, а затем отправленной в ссылку. Был найден и враг в собственных рядах: комендант Транспортного отдела НКВД Томской железной дороги В.Е.Сабо, отправленный в лагерь за «пораженческие настроения и восхваление немцев как людей высокой культуры». В период реабилитации все выжившие репрессированные жаловались на пытки и психологический шантаж¹⁰⁷.

Война колоссально изменила состав УНКВД НСО. С 1 августа по 20 октября 1941 через партийно-комсомольские организации было принято на оперативную работу 59 человек, переведено с неоперативных должностей — 56, прибыло из других областей (Ростовской, Тамбовской, Тульской, Воронежской, из Москвы, Латвии, Белоруссии, Украины) — 69. В конце октября, несмотря на призыв в армию 32 оперативников, некомплект оперсостава (включая милицию) был довольно умеренным — 61 чел. (вдвое меньше, чем в начале августа). За этот же период резко выросли штаты Особого отдела СибВО, который получил 64 оперативника из УНКВД, а еще 200 человек — из так называемого «резерва пополнения». Также ряды особистов пополнили 32 чекиста запаса, среди которых, надо полагать, преобладали уволенные после 1938 отъявленные палачи. Увеличился и штат негласных работников — на 24 человека¹⁰⁸. Часть осужденных в 1939-1940 чекистов (А.Луньков, К.Пастаногов и др.) была амнистирована и направлена во фронтовые особые отделы.

В феврале 1942 новый начальник СПО капитан госбезопасности Д.К.Вишневский констатировал: «Глубокого вскрытия корня контрреволюционного ядра нет, сшибаем только верхушки». Ему вторил партком, принявший специальное решение по работе СПО: «Разработка антисоветского элемента проходит поверхностно, шаблонно и старыми методами /.../ [мало] приобретает квалификацию агентуры, способной вскрывать глубокое контрреволюционное подполье», отчего «до сего времени вскрываются только отдельные антисоветские группы и одиночки-антисоветчики».

Парторг 1-го отделения СПО А.Ф.Рычков распекал своих подчиненных И.П.Губанищева и Волоцкого — первый не имел агентуры и вербовок, вдобавок «пошел на конспиративную квартиру в форме, чего делать ни в коем случае нельзя», второй, имея «объект очень серьезный — троцкистов», не работал с агентурой и, хоть и был замначальника отделения, «не провел ни одного дела». За равнодушие к агентурной работе критиковались и другие оперативники. Вместе с тем отмечалось и наличие за отделом

арестованных, на которых «прокурор разобрал следственные дела, а люди еще сидят». Но были и передовики: В.М.Кондратьев, В.В.Астахов, В.К.Лушпей, В.М.Вольнов и другие, которые «пополнили агентурно-осведомительную сеть, активизировали разработку антисоветского элемента, увеличили репрессии к враждебному элементу»¹⁰⁹.

В годы войны СПО, насчитывавший 60 человек, и Следственный отдел (около 20 человек) были, наряду с бывшим Особым отделом, который, будучи весной 1943 слит с аппаратом КРО, получил название СМЕРШ, ведущими репрессивными подразделениями. Следующий начальник СПО, С.И.Дрибинский (вскоре потом возглавивший Следственный отдел) 23 января 1943 вновь сетовал на «недостаточно глубокое проникновение во вражеский лагерь», но вместе с тем удовлетворенно отмечал отсутствие «активных проявлений» в области — ибо по готовившимся диверсиям и восстаниям был нанесен «своевременный удар».

В марте 1944 один из отличников Следственного отдела В.И.Тулупов в доказательство успешной деятельности своих коллег против «недобитых остатков право-троцкистской банды, а также прямых агентов противника, засылаемых в наш тыл», приводил признание арестованными своей вины «в среднем на 60-70%». Старший следователь А.И.Шойдин, например, «разоблачил диверсанта, антисоветскую молодежную группу, ряд одиночек-антисоветчиков», начальник отделения М.А.Вещнер «разоблачил три группы террористов», провел «ряд дел по шпионажу», следователи Н.А.Панов и Н.Д.Чернов «закончили ряд дел на антисоветские группы». Но начальник отдела Дрибинский был недоволен. Отсутствие 100% признаний арестованных он расценивал как «брак в работе» и указывал на «недооценку ряда дел из-за потери бдительности некоторыми сотрудниками», а также сетовал на низкую культуру и «невнимательность» следователей¹¹⁰.

Незадолго до того партбюро разбирало дело «прекрасного оперативника» Д.Еремина, укравшего у своего подследственного, главного инженера одного из оборонных заводов, Дроботова, дорогие часы, авторучку и портсигар. Еремину не удалось подвести Дроботова под расстрельную статью, инженера передали другому следователю, после чего факт воровства обнаружился. Выяснилось также, что Еремин хранил у себя конфискованный патефон, был замечен в мелких кражах у сослуживцев и даже стащил из стола начальника бумагу особого качества. Он отделался выговором, а В.Тулупов заявил: «Признаюсь, что факты, когда вещи арестованных хранились у следователей, мне известны, но это происходило без санкции на то начальника».

Это происходило в декабре 1943, а через несколько недель Еремина снова разбирали на партбюро — на этот раз за избивание заключенного. Оправдывался он так: «Я допрашивал арестованного. Его антисоветские высказывания возбудили меня и вынудили ударить его». Дрибинский, сказав, что и раньше Еремин занимался рукоприкладством, предложил исключить его из партии, но оказался в меньшинстве. Еремин лишился только поста парторга отдела¹¹¹ и впоследствии не раз поощрялся за высокие оперативные показатели.

Другое отношение у начальства было к «неуспевающим» работникам. В марте 1944 был «сурово наказан» начальник Туганского РО НКГБ Аникин, который за 5 месяцев «не провел ни одного серьезного дела и /.../ пытался ввести в заблуждение руководство управления», оперируя в феврале 1944 данными за октябрь 1943. Критиковалась деятельность и других райотделов, а также подразделений УНКГБ, занимавшихся оперативной статистикой, цензурой писем и телеграмм, наружным наблюдением. Похвалы удостоилось руководимое Н.И.Дёшиным¹¹² отделение СПО — «за большую работу по руководству периферийными органами УНКГБ»¹¹³.

В архиве парторганизации УНКВД—УКГБ сохранились и материалы, касающиеся деятельности небольшого (около 10 человек) подразделения контрразведки СМЕРШ, «обслуживавшего» войска НКВД Новосибирской области. Постоянно повторяя свою излюбленную мысль о «засоренности войск НКВД политически сомнительным элементом», чекисты тщательно просеивали пополнение, прибывшее с оккупированных территорий. Начальник отдела майор А.П.Борисов зачастую отмечал незнание офицерами следственной работы. Старшие офицеры почти не появлялись в войсках и не помогали еще более неумелым оперативникам, работавшим в частях.

В самом же СМЕРШе даже в 1947 оперативная учеба не велась, методы иностранной разведки не изучались, зато на высоте стояла политическая подготовка, изучение книг Сталина. Вместе с тем по пьянству оперсостава СМЕРШ не уступал другим подразделениям: на бюро разбирались только самые вопиющие дела, вроде драк со стрельбой или утери в нетрезвом виде партбилета. Это, впрочем, не особенно мешало «смершевцам» продвигаться по служебной лестнице, повышаться в звании и получать медали «За боевые заслуги», а то и ордена.

В конце войны СМЕРШ был переориентирован на борьбу с коррупцией в милиции и прокуратуре, разоблачив немало должностных лиц, связанных с преступным миром. Конечно, продол-

жали следить и за политической благонадежностью подразделений УМВД: например, обнаружили в Отделе пожарной охраны сразу двух антисоветчиков. Один офицер «позволил себе распространять гнусные измышления» по адресу «руководителей советского государства», другой — к ужасу чекистов, парторг подразделения в Управлении пожарной охраны — «сочинил анонимный пасквиль против одного из руководителей нашего советского государства»¹¹⁴.

Руководство УНКВД—УНКГБ не раз было отмечено правительственными наградами за умелое использование труда заключенных на строительстве оборонных предприятий. Огромная смертность узников волновала начальство лишь постольку, поскольку отражалась на выполнении плана. С 20 декабря 1942 по 1 марта 1943 количество заключенных УИТЛК Новосибирской области сократилось с 53 392 до 47 502, а в марте погибло еще 1253 человека (2,6% численности) — преимущественно от пеллагры. В этот же период из-за ухудшения снабжения прогрессировала смертность заключенных Сиблага — сельскохозяйственного лагеря на территории нынешней Кемеровской области, выделенного из УИТЛК НСО в 1942 (за это в апреле 1943 его начальник Филимонов даже получил строгий выговор с предупреждением).

В 1944 в Новосибирске был образован крупный лагерь №199, в котором содержалось в среднем 15 тысяч военнопленных немцев. За четыре года его существования в нем умерло более 2900 человек, в том числе 2127 — в первую зиму — с ноября 1944 по май 1945¹¹⁵. Начальник лагеря Я.А.Пасынков за «успешную организацию антифашистской работы» среди немцев в июне 1945 получил орден Красной Звезды, одновременно с ним такие же награды получили начальник 2-го лаготделения Н.М.Плотников и начальник 5-го лаготделения А.И.Старостин — оба лейтенанты госбезопасности. Особо жестоким режимом на весь Гулаг прославился Искитимский штрафной лагерь, известный в 1940-е как ОЛП-4.

Послевоенное время не принесло облегчения лагерного режима. Летом 1946 за «либеральное отношение к политзаключенным» было снято руководство УИТЛК, причем его начальник майор госбезопасности М.А.Моргунов, успевший получить два ордена «за успешное выполнение заданий правительства по производству боеприпасов», был лишен обкомом права занимать ответственные должности. Начальнику Новосибирского отделения УИТЛК И.Л.Шварцу, помимо служебных злоупотреблений, инкриминировалось разрешение 56 свиданий так называемым «кадрам». Возглавлявший в 1943-1950 УНКВД—УМВД области гене-

рал-майор Ф.П.Петровский 31 июля 1946 сообщал подчиненным о снятии Моргунова, начальника политотдела УИТЛК Великанова, начальников 1-го и Кривошековского ОЛП за отсутствие изоляции политзаключенных от остальных (якобы «казры» использовали это «во враждебных целях»). По словам Петровского, он «вчера на бюро обкома приводил пример, когда из среды заключенных были вскрыты контрреволюционные и террористические группирования»¹¹⁶.

За годы войны численность гебистов заметно выросла, причем окончание военных действий только стимулировало рост штатов. Если в 1945 в УНКГБ насчитывалось 270 коммунистов, то к маю 1946 штат управления состоял из 320, а к марту 1947 — из 440 коммунистов. Почти четыре пятых всего состава имели партийный стаж менее 5 лет¹¹⁷. За период с 1941 по 1946 число партийцев с высшим и средним образованием увеличилось немало, зато почти вдвое стало меньше тех, кто имел начальное. Аппарат УНКГБ (не считая многих десятков оперативников в системе лагерей, тюрем и спецпоселений УНКВД) одной Новосибирской области к началу 1947 был примерно равен аппарату УНКВД Запсибкрая десятью годами ранее, хотя с тех пор из него выделились два областных и одно краевое управление.

Некоторое повышение образовательного уровня никак не повлияло на удручающе низкий моральный уровень чекистов. Сменивший Л.Малинина П.П.Кондаков¹¹⁸ в мае 1946, выслушав традиционные жалобы на пьянство и дебоширство, усиленные на этот раз фактами детского хулиганства, подытожил: «Проходя мимо стоквартирного дома [самое большое тогда здание Новосибирска. — А.Т.], можно получить камень в затылок или палками быть сбитым с ног. На зданиях наших домов пишутся фашистские знаки, малыши — мальчики и девочки — ругаются матом. А ведь в этом доме живет в основном наш личный состав, живут коммунисты /.../ Плохо, когда дети пойдут не по той дороге /.../ не будут брать хороших примеров с отцов, которые являются неплохими работниками»¹¹⁹.

Беспокоило Кондакова распространявшееся среди его подчиненных «мнение, что за годы Отечественной войны в области не было существенных происшествий, угрожающих обеспечению государственной безопасности, отсюда вывод — значит, все в порядке. Это, товарищи, неправильно, это вредно...» О том же тревожился в ноябре 1945 член парткома УНКГБ, полковник С.И.Тимофеев, приводя соображения иных сотрудников: раз враг повержен, то заброшенная им в тыл агентура «оказалась беспочвенной /.../ и, дескать [ей] не имеет смысла производить какие-либо дивер-

сионные акты», а раз так, то «теперь органы НКГБ [могут] и отдохнуть».

Отвергнув такую точку зрения как «жестокое заблуждение», Тимофеев призвал «выявить все потуги вражеских элементов помешать этой [1946 г. — А. Т.] избирательной кампании, навредить на промышленных предприятиях, в учреждениях, в сельском хозяйстве...» Чуть раньше И.Почкай обрушился на СПО за то, что этот отдел, имея «серьезные сигналы о наличии лиц, подозрительных в саботажнической, подрывной деятельности» на ряде оборонных заводов, не обнаружил достаточных «способностей, умения /.../ чтобы эти сигналы быстро реализовать /.../ и при подтверждении своевременно эти саботажнические элементы ликвидировать»...

В то же время начальник Чулымского РО НКГБ В.Е.Компанистов жаловался на недооценку самим Почкаем вредительства в сельском хозяйстве: «Он грубо меня обругал и просто сказал: "Товарищ Компанистов, ищите шпионов, а не занимайтесь хозяйственными делами"». Дегradировавшее за годы войны сельское хозяйство предоставляло чекистам обширные возможности для поисков всевозможных диверсантов и вредителей, «агентуры японской и германской». Поскольку дела на селе не улучшались, то из года в год велась борьба за «коренное улучшение» работы райотделов МГБ «в деле четкого и своевременного выполнения ими приказов и указаний руководства управления МГБ по борьбе с антисоветским элементом в сельском хозяйстве». С точки зрения УМГБ, после войны изменение ситуации могло выразиться лишь в том, что враги, якобы ранее действовавшие открыто и нагло, теперь «ушли в подполье и будут действовать более тонкими методами»¹²⁰.

Менялся со временем состав карательных органов, изменялись масштаб и ориентация политических репрессий, ужесточались требования соблюдать «букву закона», однако характерные черты репрессивного аппарата воспроизводились с поразительным постоянством. Приписки и фальсификации, бытовая распущенность, взаимное недоверие и подсиживание в противоречивом сочетании с корпоративной солидарностью («своих не выдавать»), наконец, примат институциональных интересов над государственными, экономическими и даже простым здравым смыслом — все это не только успешно сохранялось в военные и послевоенные годы, но пережило и 1953 год — смерть Сталина и расстрел Берии. Впрочем, послесталинская история новосибирских органов — тема уже другого исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

Все упомянутые в сносках документы относятся к фондам Государственного архива Новосибирской области (ГАО). Лица общеизвестные и те, о которых развернутая информация у автора отсутствует, в примечаниях не комментируются. За помощь в работе приношу искреннюю признательность к.и.н. С.А.Папкову и д.и.н. С.А.Красильникову.

¹ *Заковский* Леонид Михайлович (1894- 29 августа 1938; наст. фам. и имя Штубис Генрих Эрнестович) — уроженец Латвии, сын лесничего, образование начальное, латыш. Член РСДРП(б) с 1913, тогда же сослан в Олонекскую губернию. С 1917 сотрудник по особым поручениям ВЧК, участвовал в разгроме анархистов и левых эсеров, подавлении мятежей в Саратовской губернии, Астрахани и Рязани, с 1920 зампред Одесской губчека, с 1921 председатель Подольской губчека, с 7 марта 1923 начальник Одесского губотдела ОГПУ, с февраля 1926 полпред ОГПУ по Сибирскому (с 1930 — Западно-Сибирскому) краю, начальник Особого отдела СибВО. С апреля 1932 полпред ОГПУ в Белоруссии, с 11 декабря 1934 — начальник УНКВД по Ленинградской области, с 21 января 1938 — первый зам. наркома ВД СССР. Комиссар ГБ 1 ранга (1935), делегат XVI-XVII съездов ВКП(б), депутат Верховного Совета СССР. Награжден орденом Ленина, двумя — Красного Знамени и орденом Красной Звезды. Арестован 28 или 29 апреля 1938, расстрелян.

Алексеев Николай Николаевич (1.11.1893-?) — уроженец Ржева, сын агронома, учился два с половиной года в Московском и Харьковском университетах, русский. С 1910 эсер, затем — левый эсер, с мая 1919 в РКП(б). В 1915 провел год в тюрьме, затем сослан. С 1917 — замнаркома земледелия РСФСР, с марта 1918 — командир отряда левых эсеров в армии К.Ворошилова, начштаба боевого участка, с 1920 — член Одесского губревкома, заорг Харьковского губкома РКП(б). В 1921-1922 — на разведработе во Франции, с 1922 — особоуполномоченный по важнейшим делам секретно-оперативного управления ОГПУ, с 1924 — в Англии, с 1925 — помнач, с 1926 — начальник ИНФО ОГПУ, с февраля 1930 — полпред ОГПУ по Центрально-Черноземной области (Воронеж), с 28 апреля 1932 — полпред ОГПУ по Запсибкраю, до 28 января 1935. С 16 февраля 1935 — помнач Гулага, с 7 декабря 1935 — замначальника Волжского ИТЛ и строительства Рыбинского и Угличского гидротехнических узлов. По всей видимости, репрессирован, а позднее реабилитирован.

Каруцкий Василий Абрамович — член РКП(б) с 1929, комиссар ГБ 3 ранга (1935). В 1922 — замначальника Особого отдела Восточно-Сибирского военокруга, с 27 октября 1922 — начальник Приморского губотдела ОГПУ, затем работал в Амурской области, Узбекистане, на 1932-1933 — полпред ОГПУ по Казахстану, с 28 января 1935 по 15 июля 1936 — начальник УНКВД Запсибкрая, снят «за моральное разложение», работал начальником отделения и замначальника СПО ГУГБ НКВД, в 1938 — начальник УНКВД по Московской области. Делегат XVI съезда ВКП(б), награжден орденом Ленина (20 декабря 1937). Застрелился летом 1938.

² ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.18. Л.1-3, 60.

³ Там же. Ф.П-460. Оп.1. Д.2. Л.6, 7.

⁴ Там же. Ф.П-1204. Д.7. Л.171, 101; Д.18. Л.52; Д.10. Л.181об. *Таныгин* Николай Иванович — родился в Томске в 1907, образование начальное, член ВКП(б) с 1938. С 1934 — в Особом отделе СибВО, полковой оперуполномоченный, сержант ГБ. Активный участник репрессий. В 1955 уволен с поста замначальника Октябрьского горотдела КГБ Башкирской АССР «по служебному несоответствию».

⁵ Ф.П-1204. Д.10. Л.201.

⁶ *Погодаев* (в ряде документов Погадаев) Георгий Дмитриевич (1900-июль 1937) — из крестьян, образование начальное, в ЧК с 1920, член РКП(б) с 1921. В 1920-е — уполномоченный по политическим партиям Иркутского губотдела ОГПУ, затем в СПО полпредства ОГПУ Запсибкрая. В 1930 исключен из партии и арестован на 30 суток «за исключительно антиморальное поведение». С 1931 — начотделения СПО, замначальника СПО УНКВД ЗСК, старший лейтенант ГБ. Застрелился между 26 и 31 июля 1937.

Баталин Александр Викторович (1903-?) — сын дьякона, кандидат в члены ВКП(б) с 1932. В 1922 за дебош уволен из ВЧК, с 1932 в ОГПУ — оперуполномоченный СПО, транспортного отдела, врио начальника Водного отдела УНКВД НСО. Лейтенант госбезопасности, в 1938 за пьянство находился под следствием и арестовывался. Лично пытал арестованных. В феврале 1939 уволен из НКВД.

⁷ *Курский* Владимир Михайлович — член РСДРП(б) с февраля 1917, в 1928 — один из руководителей следствия по «Шахтинскому делу», впоследствии на руководящих постах в ОГПУ—НКВД Северо-Кавказского края. В августе—декабре 1936 — начальник УНКВД ЗСК, старший майор ГБ, затем возглавил СПО ГУГБ, с 15 апреля 1937 — замначальника ГУГБ НКВД СССР. Награжден двумя знаками почетного чекиста, орденом Красного Знамени, орденом Ленина (2 июля 1937). Застрелился 8 июня 1937.

⁸ *Успенский* Александр Иванович (февраль 1902 - 28 января 1940) — уроженец Тульской области, сын служашего, образование неполное среднее, русский, член РКП(б) с 1920. С 1918 — секретарь комбеда, с 1919 — начальник раймилиции, с июля 1920 — начальник информации, уездный уполномоченный, начальник ЭКО Тульского губотдела ВЧК—ОГПУ, с марта 1927 начальник ЭКО полпредства ОГПУ по Уралу, с сентября 1931 — начальник ЭКО, с июня 1934 — замначальника УНКВД по Московской области, с февраля 1935 — замкоменданта Московского Кремля, с февраля 1936 — замначальника УНКВД ЗСК, старший майор ГБ. С марта 1937 — начальник УНКВД по Оренбургской области, депутат ВС СССР, награжден орденом Ленина (2 июля 1937). С января 1938 нарком НКВД Украины, последнее звание — комиссар ГБ 3 ранга. Скрылся из Киева 14 ноября 1938, арестован в Челябинске 16 апреля 1939. Расстрелян.

⁹ Ф.П-1204. Оп.1. Д.138. Л.42.

¹⁰ *Невский* Александр Павлович (1898- 10 марта 1939) — с 1919 член компартии Югославии, с 1922 — в РКП(б) и Иностранном отделе ОГПУ. В середине 1930-х — в Москве и Иванове, с 1936 — помначальника Особотдела СибВО, с 1937 — начальник Транспортного отдела УНКВД ЗСК—НСО, капитан ГБ. Награжден орденом Красной Звезды (2 июля 1937), арестован 17 июля 1938, расстрелян.

Полов Серафим Павлович (январь 1904 - январь 1940) — уроженец с. Усмань Воронежской области, из крестьян, образование начальное, русский, член ВКП(б) с 1928. С января 1918 в Воронежской губчека, с 1919 — в ВЧК (Москва), затем в РККА. С 1920 — в системе связи, с марта 1930 — мобилизован в ОГПУ (Воронеж), с мая 1932 — в СПО УНКВД ЗСК — начальник I отделения, помначальника (1935-1936), начальник отдела. Почетный чекист (1933), орден Ленина (2 июля 1937). С октября 1937 — начальник УНКВД по Алтайскому краю, капитан ГБ. Депутат ВС СССР. Арестован в начале января 1939, приговорен к расстрелу 28 января 1940.

¹¹ *Жабров* Иван Андреевич (26 апреля 1898 - январь 1940) — уроженец г. Устюжны Вологодской области, из рабочих, образование начальное, русский. Член РКП(б) с 1918. Телефонист, с 1919 — в РККА, с января 1921 — в ЧК. С 1922 — уполномоченный по политпартиям, начальник агентурного и секретного отделов Новониколаевского губотдела ОГПУ, в марте 1922 арестован и осужден на 4 месяца «за должностное преступление», работал в Черепановском политбюро, с конца 1923 — начальник ИНФО и КРО в Новониколаевске, с октября 1925 — замначальника Омского окротдела ОГПУ, с 16 декабря 1926 — начальник Бийского окротдела, с 1 октября 1930 — во главе Барнаульского оперсектора, со 2 июня 1933 — начальник СПО УНКВД ЗСК, майор ГБ. С осени 1936 — начальник УНКВД по Каменец-Подольской области УССР. Депутат ВС СССР, награжден орденом Красной Звезды (19 декабря 1937), уволен из НКВД в 1938, 28 января 1940 приговорен к расстрелу.

¹² Ф.П-1204. Оп.1. Д.138. Л.41, 42.

¹³ *Залптер* Анс Карлович (24 августа 1899 - 1940?) — из безземельных крестьян Паневежского уезда Ковенской губернии, 4 класса гимназии, латыш. Член РКП(б) с 1919, в РККА с 1918, в Петргубчека с 1920, в Закавказской ЧК с 1922: помначальника Осведомительного отдела и КРО, замначальника Особотдела, начальник КРО. С конца 1928 — начальник КРО, замначальника Особотдела СибВО, с апреля 1932 начальник Особотдела и замнаркома НКВД Белоруссии, с декабря 1934 — начальник Особотдела ЛенВО, с августа 1935 — замначальника УНКВД ЗСК, с сентября 1936 — начальник УНКВД Красноярского края. В 1937 — начальник Отдела правительственной охраны ГУГБ, старший майор ГБ. Награжден двумя знаками почетного чекиста, орденом Ленина (22 июля 1937), в 1938 — замначальника строительства Куйбышевского гидроузла и управления Самарлага, арестован. Расстрелян, реабилитирован.

¹⁴ Ф.П-1204. Оп.1. Д.138. Л.41; Известия ЦК КПСС. 1989. №9. С.32-47; Правда. 1936. 20-26 ноября.

¹⁵ Ф.911. Оп.1. Д.275. Л.323; Уйманов В.Н. Репрессии: Как это было... Томск, 1995. С.301.

¹⁶ Спецпереселенцы в Западной Сибири: 1930 — весна 1931 гг. Новосибирск, 1992. С.59; Ф.П-1204. Оп.1. Д.8. Л.68.

¹⁷ Там же. Д.24. Л.88, 86, 102; Ф.П-3. Оп.1. Д.751. Л.293.

¹⁸ Сержант госбезопасности С.Я.Труш, сфабриковавший по приказу Успенского дело о должностных преступлениях Григорьева, был досрочно повышен в звании, сам же Григорьев получил трехлетний лагерный срок.

¹⁹ В октябре Экономотдел был расформирован, усилен опытными особистами и получил название контрразведывательного (КРО); в переписке именовался Третым.

²⁰ Ф.П-4. Оп.34. Д.28. Л.3, 1; Д.74. Л.162, 169; Ф.П-3. Оп.1. Д.866. Л.33; Ф.П-1204. Оп.1. Д.93. Л.262.

²¹ Одновременно с Апановичем и Суловым попал под удар прокурор Сиблага В.Н.Минин, в декабре 1936 освободивший 46 инвалидов (в том числе 26 — осужденных по 58-й статье), а также прекративший 4 дела о «контрреволюционных преступлениях». К тому же на профсобрании Минин заявил, что в СССР существует эксплуатация, и привел в качестве примера факт использования женами ответработников труда домработниц. Парторганизация Сиблага исключила своего прокурора из рядов ВКП(б), но партком УНКВД удовлетворился покаянным заявлением Минина и восстановил его в партии. (Ф.П-1204. Оп.1. Д.24. Л.156-162; Д.104. Л.260б.).

²² Ф.П-4. Оп.34. Д.19. Л.65, 66.

²³ Там же. Л.68, 71.

²⁴ Ф.П-1204. Оп.1. Д.24. Л.166.

²⁵ *Миронов* (Король) Сергей Наумович (1894-1940) — уроженец Киева, сын торговца, образование незаконченное высшее, еврей. С 1915 на фронте, прапорщик, с декабря 1918 в РККА, с апреля 1920 — сексот Особотдела 12-й армии, с декабря 1920 — начальник активного отделения Особотдела 1-й Конной армии Особотдела Северо-Кавказского военокруга, зампреда Черноморской ЧК, с апреля 1922 — начальник Горской ЧК, Восточного отдела полпреда ОГПУ по Северному Кавказу, с октября 1925 — начальник Горского объединенного отдела ОГПУ, с апреля 1928 во главе Кубанского окротдела, с августа 1931 — замполпреда ОГПУ по Казахстану, с октября 1933 — начальник УНКВД по Днепропетровской области. С 8 декабря 1936 — во главе УНКВД ЗСК, комиссар ГБ 3 ранга (1937), с 15 августа 1937 — в действующем резерве ГУГБ. С октября 1937 по апрель 1938 — полпред СССР в Монголии. В конце 1938 — заведующий II Восточным отделом НКВД. Почетный чекист, награжден двумя орденами Красного Знамени (1926, 1930), орденом Ленина (2 июля 1937). Арестован не позднее января 1939, расстрелян.

Горбач Григорий Федорович (1898 - 7 марта 1939) — из бедных крестьян Прилуцкого района Черниговской области, образование начальное, украинец. Член РСДРП(б) с декабря 1916, с января 1918 — в Красной гвардии, командовал штабом партизанского отряда, с марта 1919 — член коллегии уездной ЧК, с февраля 1920 — в руководстве особотделов ВЧК 5-й армии и 9-й Кубанской армии, с сентября 1923 — начальник КРО, замначальника Терского губотдела, с октября 1928 — замначальника Кубанского окротдела ОГПУ, с января 1931 — во главе Шахтинско-Донецкого оперсектора, Терского оперсектора, с января 1934 — помначальника УНКВД по Северо-Кавказскому краю, с апреля 1937 — замначальника УНКВД ЗСК, в конце июля и августе возглавлял УНКВД по Омской области, не позднее 22 августа 1937 стал начальником УНКВД ЗСК—НСО старший майор ГБ. С июня 1938 — начальник УНКВД ДВК, депутат ВС СССР, награжден двумя знаками почетного чекиста, орденом Ленина (июль 1937). Арестован 18 ноября 1938, расстрелян.

Мальцев Иван Александрович (1898 - 24 августа 1940) — уроженец завода Билимбай Первоуральского района Свердловской области, из рабочих, литейщик, образование начальное, русский. С 1916 — в армии, дезертировал, член РСДРП(б) с октября 1917, красногвардеец, помначальника карательного отряда, затем в РККА, с 1921 — в ЧК. С 1923 — начальник Нижнетагильского, Челябинского, Пермского окротделов ОГПУ, с декабря 1928 — во главе Томского окротдела, с середины 1930 — начальник админоруправления полпреда ОГПУ по Уралу, Оренбургского оперсектора, с марта 1934 — помполпреда ОГПУ по Средневожскому краю (Куйбышев), с апреля 1935 — замначальника УНКВД по Киргизии, с января 1936 — во главе УНКВД по Адыгейской АО, майор ГБ. С апреля 1937 — помощник, с июля 1937 — заместитель начальника УНКВД ЗСК—НСО, с мая 1938 — начальник УНКВД НСО. Арестован 25 или 26 января 1939, осужден на 8 лет ИТЛ (8 августа 1940 — приговор опротестован как излишне мягкий пленумом Верховного Суда СССР), погиб при невыясненных обстоятельствах.

Гречухин Дмитрий Дмитриевич (июнь 1903 — февраль 1939) — из рабочих Ивановской области, образование начальное, русский, член РКП(б) с 1919. В ЧК с сентября 1921, с октября 1929 — начальник ИНФО Костромского окротдела, с сентября 1930 — помначальника ЭКО ОГПУ по Ивановской области. С июля 1935 — начальник, замначальника ЭКО УНКВД ЗСК, с конца 1936 — начальник КРО, старший лейтенант ГБ. Со второй половины 1937 — начальник УНКВД по Красноярскому краю, в 1938 — во главе УНКВД по Ростовской области. Депутат ВС СССР, награжден орденом Красной Звезды (2 июля 1937). Арестован 1 декабря 1938, приговорен к расстрелу 22 февраля 1939.

Голубчик Михаил Иосифович (1906-?) — рабочий, еврей, член ВКП(б) с 1930, с 1931 — в Центральной школе ОГПУ, с 1932 — в ЭКО УНКВД ЗСК, в 1935-1936 — начальник Сталинского горотдела НКВД, с марта 1936 — начальник отделения, помначальника ЭКО—КРО УНКВД ЗСК. В августе 1937 откомандирован, работал полпредом СССР в Монголии. Орден Красной Звезды (2 июля 1937). По всей видимости, репрессирован.

Пастаногов (во многих документах ошибочно Постоногов, Пастоногов) Константин Константинович (январь 1907-?) — уроженец Красноярска, сын инженера, конторщик, образование — курсы киномехаников, русский, член ВКП(б) с 1931. С 1925 — сексот Барнаульского окротдела ОГПУ, с 1930 — райуполномоченный, затем в СПО УНКВД, с 1937 — помощник, замначальника, в 1938-1939 — начальник СПО УНКВД НСО, исключен из ВКП(б) в мае 1939, был на хозяйственной работе. 22 ноября 1940 осужден «за нарушение законности» на 8 лет, использовался в качестве старосты лагпункта в Новосибирске. В 1941 освобожден и отправлен к белорусским партизанам. В 1944-1945 помначальника УИТЛК НСО, до 1946 — во главе отдела СМЕРШ УМВД НСО по обслуживанию милиции и пожарной охраны, затем на оперативной работе во Владивостоке. Награжден орденом «Знак Почета» (2 июля 1937) и Красной Звезды (26 декабря 1943). Вторично исключен из КПСС «за доносительство» (Анжеро-Судженск, 1954).

Вяткин Григорий Матвеевич (1900- февраль 1939) — уроженец Тобольской губернии, с 1919 мобилизован в колчаковскую милицию, с 1920 — в РККА. В 1930-е — на руководящих постах в Транспортном отделе УНКВД ЗСК, в 1937 переброшен в Омск, затем в Москву. 19 декабря 1937 награжден орденом «Знак Почета», 16 ноября 1938 арестован в должности начальника УНКВД по Житомирской области. 23 февраля 1939 приговорен к расстрелу.

Шамарин Андрей Васильевич (1904-?) — с 1920-х в ОГПУ Сибири, член ВКП(б) с 1925, на 1932 — оперуполномоченный Особотдела Омского оперсектора. С марта 1937 — начальник оперпункта ДТО НКВД ст. Тайга, в 1938-1939 — замначальника ДТО УНКВД НСО, старший лейтенант ГБ. 21 апреля 1939 снят обкомом с руководящей работы в ДТО. В 1941 — начальник секретариата УНКВД НСО, с августа 1941 — начальник КРО, в 1942-1943 — замначальника УНКВД НСО, капитан ГБ. С февраля 1943 во главе УНКВД—УМВД Кемеровской области, комиссар ГБ, с декабря 1947

— депутат Кемеровского облсовета.

Монтримович Владимир Дмитриевич — в середине 1920-х работал в Иркутском губотделе ОГПУ, затем в ЭКО ПП ОГПУ Сибири. В 1934 начальник Бийского горотдела, в 1935-1936 — начальник VI отделения ЭКО УНКВД ЗСК, с 1936 — особоуполномоченный, в 1937-1938 во главе Кемеровского ГО НКВД, затем осужден. На 1956 — инспектор по кадрам на кирпичном заводе в Кемерове.

Ольшанских Иван Николаевич (1893-?) — из крестьян, образование начальное, член РКП(б) с 1919. В ОГПУ с 1919 по 1926 (разведчик, следователь), затем в запасе по инвалидности, с 1928 — снова в ОГПУ, работал в отделе кадров УНКВД ЗСК, лейтенант ГБ. В 1937 — начальник ОК УНКВД НСО. На февраль 1943 — в РККА.

²⁶ *Овчинников* Иван Васильевич (1898- 19 мая 1941) — из крестьян, образование начальное, русский, член ВКП(б) с 1921. С 1917 — в царской армии, с 1919 — в РККА, с 1922 — продинспектор, с 1923 — в Алтайском губотделе ОГПУ. С 1927 — замначальника Рубцовского окротдела, старший уполномоченный ЭКО, в Рубцовске и Кузнецке, начальник ЭКО

Рубцовского окротдела ОГПУ. С апреля 1930 — уполномоченный, начальник I отделения ЭКО ПП ОГПУ ЗСК, с 1933 — во главе Прокопьевского горотдела, с 16 октября 1936 по август 1938 — начальник Томского ГО НКВД, капитан ГБ. С октября 1938 — начальник УСВИТЛ (Магадан), в 1939 арестован, 2 декабря 1940 осужден «за антисоветскую агитацию» на 10 лет ИТЛ, 24 марта 1941 осужден «за злоупотребление служебным положением» к расстрелу.

Мартон Степан Степанович (Иштван Иштванович; 25 октября 1897-1959) — родился в Венгрии, сын банковского служащего, образование среднее. С 1915 — в австро-венгерской армии, с июля 1916 в российском плену, с марта 1918 в партизанском отряде Лаврова (Иркутск), участвовал в 1920 в подавлении Баргузинского восстания, затем служил фармацевтом. С июля 1922 — в ОГПУ Баргузина, Верхнеудинска, Томска, Барнаула, с мая 1931 — старший уполномоченный СПО ПП ОГПУ ЗСК, с мая 1932 — начальник СПО Омского оперсектора, с августа 1934 — начальник Нарымского окротдела НКВД, старший лейтенант ГБ. Арестован в 1938, освобожден в июле 1939. С 1944 в системе ИТЛ Южного Кузбасса, восстановлен в звании (майор ГБ) и ВКП(б).

Золотарь Иван Федорович (1905-?) — рабочий, образование начальное, русский, член ВКП(б) с 1927. С 1920 в РККА, с 1922 в ОГПУ Кубани, с 1932 — оперуполномоченный ЭКО Брянского оперсектора, с 1933 — начальник Славгородского, с 1934 — Каменского райотделов ОГПУ, с ноября 1936 во главе Ленинск-Кузнецкого горотдела НКВД, старший лейтенант ГБ. Арестован не позднее 20 марта 1938 «за дискредитацию органов и нарушение революционной законности».

Бочаров Иван Яковлевич (1906-1940?) — рабочий, образование начальное, русский, член ВКП(б) с 1928. С 1927 — секретарь райкома ВЛКСМ, с 1928 в РККА, с 1931 в ОГПУ Томского оперсектора, затем — начальник V, VIII отделений ЭКО, помначальника ЭКО УНКВД ЗСК, с апреля 1937 — начальник Ойротского ОблНКВД, с июня 1937 откомандирован. В 1938 — во главе УНКВД по Куйбышевской области, старший майор ГБ. Награжден орденом «Знак Почета» (2 июля 1937). Расстрелян.

Ровинский Александр Самойлович (10 мая 1899-?) — рабочий-электромонтер, образование начальное, еврей, член ВКП(б) с 1926. С 1917 в Красной гвардии и РККА, с 1920 в Особотделе 12-й армии, с 1923 в ОГПУ Крыма, с 1933 — начальник Симферопольского РО ОГПУ, начальник II отделения СПО и I отделения ЭКО УНКВД Крымской АССР. С 1936 — начальник II отделения и помначальника ЭКО УНКВД ЗСК, с ноября 1936 — начальник Сталинского ГО НКВД, с весны 1938 — помощник и замначальника УНКВД НСО, капитан ГБ. Весной 1939 откомандирован в Дальлаг НКВД, затем уволен. 19 ноября 1937 был награжден орденом Красной Звезды. В 1956 — директор кинотеатра в Симферополе.

Аболмасов Дмитрий Фатеевич (1895-?) — из бедных крестьян, образование среднее, русский, член РКП(б) с 1918. С 1918 в ЧК—ГПУ Воронежской области, Владимире и Иванове, Татарии. С 1933 начальник Ленинского ГО ОГПУ, в 1934 снят и исключен из партии «за потерю классово-бдительности и морально-бытовое разложение», работал в милиции,

СПО, с сентября 1936 — начальник Мариинского ГО НКВД. 25 ноября 1937 исключен из ВКП(б) как «враг народа».

Портнягин Михаил Максимович (12 октября 1903-?) — уроженец г. Тары, сын плотника, образование начальное, русский. С 1928 в ОГПУ, с июля 1936 — начальник Барабинского РО НКВД, с января 1938 — начальник II отделения СПО УНКВД НСО, с мая 1938 во главе Беловского, с июля 1939 — Прокопьевского горотделов, с октября 1940 — начальник I ЭКО, с июня 1941 — замначальника III (Особого) отдела СибВО, капитан ГБ (1942).

²⁷ *Данцигер* Анатолий Борисович (1903-?) — кадровый чекист, в 1930-е работал в комендатуре Кремля, в 1937 — начальник Оперативно-чекистского отдела Сиблага, старший лейтенант ГБ. Арестован, 5 августа 1937 исключен из ВКП(б) «за связь с шпионом и предательство», осужден на 10 лет ИТЛ.

Моисеев Вячеслав Осипович (1896-?) — уроженец С.-Петербурга, из рабочих, русский, член ВКП(б) с 1931. Работал помначальника Ленинградского изолятора («Кресты»), с декабря 1933 в Новосибирске, с июля 1936 — помощник, с февраля 1940 — замначальника УИТЛК УНКВД НСО (и на июнь 1943).

Писклин Иван Александрович (1901-?) — образование начальное, русский, канцелярист, член РКП(б) с 1920. В ОГПУ с 1922, работал в окрестках Красноярска, Новокузнецка, Омска. С 26 апреля 1931 — оперуполномоченный СПО ПП ОГПУ, с января 1933 в Минусинске, в 1934-1935 — начальник Ленинск-Кузнецкого ГО НКВД, на 1937 — замначальника оперчекотдела Сиблага. В конце 1938 командирован в Ухтижемлаг Коми АССР в составе карательной группы Е.И.Кашкетина. Репрессирован.

²⁸ *Долгих* Иван Иванович (1896-1956) — уроженец Барнаула, сын чернорабочего, образование начальное, русский, с 1918 — левый эсер, член РКП(б) с 1920. С 1915 в армии, с 1918 — партизан, с 1921 — в ЧОН Алтая, активный участник подавления крестьянских мятежей. С декабря 1926 — начальник тюрьмы в Барнауле, снят с должности 1 сентября 1928. Не раз привлекался к ответственности за пьянство. С марта 1931 — начальник Комендантского отдела Запсибкрайисполкома, помначальника Сиблага, с весны 1933 — во главе Отдела трудпоселений ОГПУ ЗСК. С февраля 1938 — откомандирован в Краслаг, затем начальник оперотдела ДТО НКВД Амурской железной дороги, с 1941 — начальник Хабаровского ОблУНКВД. В 1953 — начальник Гулага МВД, ГУИТУ Минобороны СССР, генерал-лейтенант. Отец парт. деятеля В.И.Долгих.

Альтберг Александр Карлович (апрель 1895-?) — уроженец Риги, окончил 6 классов реального училища, рабочий-электромеханик, латыш, член РКП(б) с 1918. С июня 1919 в ЧК—ГПУ Ирбита, Свердловска. Почетный чекист (1925), почетный работник милиции (1936). С 1934 — начальник УРКМ Северного края, капитан милиции, с 20 февраля 1937 — начальник УРКМ УНКВД ЗСК и помначальника УНКВД, майор милиции. Арестован в конце 1937.

²⁹ *Агранов* (Сорендзон) Яков Саулович (1893- 1 августа 1938) — комиссар ГБ 1 ранга (1935), в ЧК—ОГПУ с 1919. С 1934 — первый замнаркома НКВД СССР. С 1 июня по 16 июля 1937 — начальник УНКВД по Саратовской области, затем арестован и расстрелян.

³⁰ *Литвин* Михаил Иосифович (1892- 12 ноября 1938) — член РСДРП(б) с марта 1917, участник Гражданской войны, начальник Агентурного отдела Дальневосточного фронта, с 1922 — секретарь Дальбюро ВЦСПС, затем на партийной работе. С 1936 — начальник ОК НКВД СССР, с 17 мая 1937 — начальник СПО ГУГБ, с 20 января 1938 во главе УНКВД по Ленинградской области, комиссар ГБ 3 ранга. Застрелился.

³¹ Ф.П-3. Оп.1. Д.794. Л.34; Д.767. Л.124-153.

³² Там же. Оп.10. Д.648. Л.988; Оп.1. Д.798. Л.82-85; Д.837. Л.90; Ф.П-1204. Оп.1. Д.138. Л.33; Д.25. Л.30; Ф.П-460. Оп.1. Д.2. Л.58.

³³ Ф.П-4. Оп.18. Д.5201. Л.1-4; Оп.34. Д.20. Л.114.

³⁴ Ф.П-3. Оп.1. Д.822. Л.5; Д.860. Л.63.

³⁵ *Лушков* Алексей Григорьевич (22 августа 1903-?) — уроженец Новосибирска, сын каменщика, образование начальное, чернорабочий, член РКП(б) с 1920. С 1919 в РККА, командир эскадрона ЧОН, с 1924 — нар-судья, участковый прокурор в Барабинском округе, с ноября 1929 в ОГПУ, райуполномоченный, с 1935 — оперуполномоченный ЭКО УНКВД ЗСК, с 1937 — в VI отделении КРО и начальник IV отделения КРО УНКВД НСО. С 19 февраля 1938 — начальник Ленинск-Кузнецкого ГО НКВД, почетный чекист (5 мая 1938). В 1935 был под следствием («за неправильные оперативные мероприятия по вскрытию контрреволюционной группы»), дело прекращено. Арестован в феврале 1939 и 22 февраля 1939 осужден на 7 лет ИТЛ. 20 сентября 1943 за «образцовое выполнение заданий правительства по охране госбезопасности в условиях военного времени» награжден орденом Отечественной войны II степени, капитан ГБ. На 1944 — в Томске.

³⁶ Ф.П-460. Оп.1. Д.2. Л.27, 65; Ф.П-1204. Оп.1. Д.28. Л.76.

³⁷ Там же. Л.89; Д.326. Л.25, 41, 43.

³⁸ *Барковский* Александр Николаевич (1895-?) — поляк, с 1915 рядовой, юнкер, подпоручик, с декабря 1917 — комбат, с августа 1918 в Военконтроле, с мая 1923 — начсектора в Разведотделе штаба 5-й Краснознаменной армии. Кандидат в члены ВКП(б) с 1931. С февраля 1924 по июнь 1925 в разведкомандировке в Китае (Цицикар, Хэйхэ), затем в ОГПУ ДВК и Туркмении, начальник Особотдела. С февраля 1933 — помначальника Особотдела ПП ОГПУ по Казахстану, с апреля 1935 — замначальника особотдела УНКВД ЗСК, старший лейтенант ГБ. Арестован в августе 1937.

Подольский Матвей Миронович (1894-1940?) — уроженец Бердянска, из мещан, образование домашнее, еврей, член РКП(б) с 1919. Приказчик в магазине, с 1915 в армии, с 1919 — в РККА, одновременно — сексот Особотдела Юго-Восточного фронта, с 1920 — уполномоченный по аген-

туре, начальник отделения Особотдела Кавказского фронта, в КРО Закавказской ЧК. С января 1927 — помначальника, начальник КРО ОГПУ Азербайджана, с 25 августа 1929 — начальник II отделения КРО ПП ОГПУ по Сибири, с 1930 — начотделения Особотдела СибВО. С октября 1932 во главе Томского горотдела ОГПУ и Особотдела 78-й стрелковой дивизии, с ноября 1936 — помначальника, с 1937 — замначальника УНКВД ЗСК. Почетный чекист (1934), майор ГБ (1937), в середине 1937 убыл из Новосибирска. Награжден орденом Красной Звезды (19 декабря 1937). Осужден.

³⁹ Ф.П-460. Оп.1. Д.123. Л.22-25.

⁴⁰ *Егоров Павел Андрианович* (1904-?) — в ОГПУ Сибири с 1922, с 1936 — начальник II и V отделений Особотдела СибВО, начальник Особотдела Томского ГО НКВД, старший лейтенант ГБ. Уволен 25 января 1938 «за должностное преступление». 11 апреля 1938 осужден на 5 лет ИТЛ, позднее за письмо Сталину с «рассказом о беззакониях» осужден еще на 10 лет.

⁴¹ Ф.П-460. Оп.1. Д.123. Л.46, 47.

⁴² Там же. Д.2. Л.141, 142; Д.1. Л.37, 54-56.

⁴³ Там же. Д.2. Л.98, 99, 101; Д.224. Л.36.

⁴⁴ *Почкай Илья Борисович* (1910-?) — член ВКП(б) с 1936, образование среднее. В 1932 — уполномоченный ЭКО Ачинского РО ОГПУ, награжден пистолетом за участие в изъятии валюты, на 1936-1939 — начальник ЭКО—КРО и замначальника Сталинского ГО НКВД. С 1939 — начальник СПО, с августа 1941 — ЭКО УНКВД НСО, с марта 1943 — вновь во главе СПО УНКГБ НСО, подполковник ГБ. В середине 1945 уехал из Новосибирска, работал в НКГБ Литвы, затем в одном из управлений КГБ СССР (1956), полковник. 24 декабря 1942 был награжден орденом Красной Звезды за «образцовое выполнение заданий правительства по производству боеприпасов».

⁴⁵ Разыскания: Историко-краеведческий альманах. Вып.2. Кемерово, 1992. С.57-67; Ф.П-460. Оп.1. Д.2. Л.99.

Смоленников Евгений Алексеевич (1903-?) — уроженец Томска, из крестьян, образование начальное, член ВЛКСМ с 1919. С 1920 — в Кузнецкой уездной ЧК, Щегловском домзаке, член ВКП(б) с 1924. Участковый уполномоченный при Кузнецком окротделе ОГПУ Сибири, с 24 июля по 17 августа 1927 был под арестом «за развал информационной сети и агентуры», пьянство, затем уволен, работал в стройорганизациях Томской железной дороги. Мобилизован в НКВД 7 декабря 1935 Запсибкрайкомом ВКП(б), работал оперуполномоченным Особотдела, КРО Сталинского ГО. Осужден, реабилитирован 30 июля 1957, работал начальником отдела в Краснобродском стройуправлении Кузбасса.

⁴⁶ Маскина Н. Заложники у времени // Красное Знамя (Томск). 1989. 2, 9 августа; Расправа: Прокурорские судьбы. М., 1990. С.144.

⁴⁷ Ф.П-4. Оп.34. Д.74. Л.144, 166, 167.

⁴⁸ *Качуровский* Владимир Дмитриевич (5 апреля 1905-?) — уроженец г. Жмеринки Винницкой области, из бедных крестьян, образование начальное, украинец. В 1923-1927 — член бюро уездного и окружного комитетов ВЛКСМ, с 1927 в РККА, член ВКП(б) с 1928, с 1929 — в ОГПУ Камня, Барнаула, Новосибирска. В 1937 — начальник Киселевского горотдела НКВД, в 1938-1939 — замначальника и начотделения КРО УНКВД НСО. В мае 1939 уволен за «перегибы» в следствии и связь с репрессированными родственниками, затем был замначальника речпорта в Новосибирске, с октября 1941 — помдиректора комбината №179 по ПВО и охране.

⁴⁹ Ф.П-4. Оп.34. Д.80. Л.2,3.

⁵⁰ Там же. Д.26. Л.10-14.

⁵¹ *Шрейдер* Михаил Павлович (1902-1978). В 1920-е работал в Секретном отделе ОГПУ СССР, в 1932 — начальник ЭКО ОГПУ Татарии, в 1933 — начальник VI отделения ЭКО ПП ОГПУ по Московской области, помначальника Московского УГРО, с 1934 — во главе УРКМ Ивановской области, капитан милиции. С 21 января 1938 — начальник УРКМ и помначальника УНКВД НСО; самовольно оставил должность после конфликта с Г.Горбачом и 18 февраля 1938 прибыл в Москву. Назначен начальником милиции и замначальника УНКВД Казахстана. Награжден знаком почетного чекиста, орденом Красной Звезды. Арестован 16 июня 1938, в начале 1940-х освобожден, воевал. После войны работал в Мосгортрощнабе.

⁵² Шрейдер М. НКВД изнутри. М., 1995. С.89-91; Ф.П-4. Оп.34. Д.78. Л.5; Ф.1020. Оп.4а. Д.5. Л.290.

⁵³ Ф.П-4. Оп.34. Д.4. Л.4; Д.63. Л.4, 7.

⁵⁴ *Сузов* Николай Андреевич (1900- июнь 1938) — из крестьян-средняков, образование среднее, русский, член РКП(б) с 1920. С мая 1919 мобилизован в армию Колчака, в конце 1919 участвовал в восстании 12-го Томского полка. С 1922 в ГПУ, в первой половине 1930-х — оперуполномоченный Особотдела УНКВД ЗСК, имел 6 наград. С мая 1936 — врио начальника Ойротского облотдела НКВД, с осени 1936 — помначальника Нарымского окротдела, старший лейтенант ГБ. Расстрелян. Реабилитирован.

Галдилин Михаил Григорьевич (1899-?) — из крестьян, образование начальное, русский, член ВКП(б) с 1920. С июня 1931 — начальник Чаинского, с октября 1932 — Каргасокского РО ОГПУ, с ноября 1937 — начальник СПО Нарымского окротдела НКВД, лейтенант ГБ. Арестован 2 января 1938, освобожден в сентябре 1939. С февраля 1940 — председатель правления Нарымского окрлесхимпромсоюза.

⁵⁵ *Горский* Аркадий Романович (1900-?) — уроженец Одессы, рабочий, образование среднее, еврей, член РКП(б) в 1919-1921 (исключен «за связь с обывательщиной»), кандидат ВКП(б) с 1930. Воевал в Красной гвардии и РККА, в ЧК с 1920 по 1925 и с 1928. В 1930-е — в СПО УНКВД ЗСК, начальник V отделения, в 1936-1937 — помначальника СПО, старший

лейтенант ГБ, затем замначальника I отдела УНКВД НСО, арестован 9 октября 1937, в феврале 1938 осужден на 8 лет ИТЛ по ст. 58-8, освобожден постановлением пленума Верховного Суда СССР от 29 января 1940. В 1941 — начальник Асиновского отделения УИТЛК НСО, на 1942-1943 — во главе Новосибирского отделения УИТЛК, майор ГБ. На 1946 в системе УИТЛК НСО.

Веледерский Константин Григорьевич (Эрделевский Исаак; 1898-22 декабря 1937) — уроженец Одессы, еврей, член РСДРП(б) с апреля 1917 (исключался в 1921), в ОГПУ с 1923. С мая 1926 в Сибири: уполномоченный ЭКО полпредства ОГПУ, в середине 1933 — врио начальника Омского оперсектора ОГПУ, с февраля 1937 — начальник I отделения ДТО НКВД Томской железной дороги, помначальника Томского горотдела НКВД, исключен из ВКП(б) 31 октября 1937 как враг народа, расстрелян. Реабилитирован в 1957.

⁵⁶ Ф.П-3. Оп.1. Д.869. Л.79; Ф.П-4. Оп.34. Д.17.

⁵⁷ Красное Знамя (Томск). 1989. 9 августа; Ф.П-460. Оп.1. Д.2. Л.177.

⁵⁸ Ф.П-4. Оп.34. Д.51. Л.56-58; Ишов М. Годы потрясений // Расправа: Прокурорские судьбы. М., 1990. С.193-306. Ишов успел арестовать начальника Шегарского РО НКВД И.Н.Пучкина, начальника Шегарского РОМ Вавриша, милиционера Свешникова. Видимо, не без его содействия тогда же, летом 1938, арестовали преемника Аболмасова в Мариинске — В.Д.Василевича — за «организацию составления неверных протоколов арестованных и подделку их подписей», а в начале года — начальника Ленинск-Кузнецкого ГО И.Ф.Золотаря. Попал в тюрьму и начальник Кемеровского ГО НКВД Монтримович.

⁵⁹ *Эйхе* Роберт Индрикович (1895- 4 февраля 1940) — член РСДРП(б) с 1905, с 1922 в Сибири: продкомиссар, зампред Сибревкома, председатель Сибкрайисполкома, 1-й секретарь Сибкрайкома и Запсибкрайкома ВКП(б). С октября 1937 нарком земледелия СССР. Арестован 29 апреля 1938. Расстрелян. Реабилитирован.

Алексеев Иван Иванович (1895- февраль 1939) — рабочий-путиловец, красногвардеец, политработник РККА, с 1928 секретарь парткома Путиловского завода, секретарь Кировского РК ВКП(б) в Ленинграде, награжден орденом Ленина. С августа 1937 — председатель Свердловского облисполкома, с 25 октября 1937 — 2-й, с 10 ноября 1937 — и.о. 1-го секретаря Новосибирского обкома ВКП(б), член тройки НКВД. Снят 3 ноября 1938, расстрелян.

⁶⁰ Ф.П-4. Оп.18. Д.463. Л.6-16.

⁶¹ *Дымнов* Ефим Федорович (1905-?) — из крестьян, образование среднее, русский, член ВКП(б) с 1928. В ОГПУ с 1927, в 1930-е работал в СПО УНКВД ЗСК, в 1938 — замначальника СПО, с августа 1938 врио начальника IX спецотдела, в 1939 — врио начальника III отдела ЭКУ УНКВД НСО, старший лейтенант ГБ. 17 мая 1939 снят с должности, уволен из НКВД.

⁶² Ф.П-4. Оп.33. Д.67а. Л.28, 29.

⁶³ Ф.П-460. Оп.1. Д.6. Л.65-68.

⁶⁴ *Мелехин Назар Харлампович* (20 октября 1906 - 6 апреля 1939) — из крестьян Панкрушихинского района Алтайского края, образование начальное, русский, член ВКП(б) с 1925. В ОГПУ с октября 1930, с октября 1936 — начальник отделения КРО, с июня 1937 — помощник и замначальника Особого отдела СибВО, с августа 1938 — начальник II экономотдела УНКВД НСО. Застрелился.

⁶⁵ *Заяринов Сергей Михайлович* (1907-?) — из бедных крестьян, образование начальное, русский, член ВКП(б) с 1930. В ОГПУ с декабря 1931, работал в Омской области, с декабря 1934 в Прокопьевске (врио начальника КРО), с марта 1938 — в УНКВД, с 15 июня 1938 — замначальника VII отделения КРО, начальник II отделения II ЭКО, лейтенант ГБ. С мая 1941 во главе Осинниковского РО НКВД, затем в УНКВД по Кемеровской области. На 1950 — замначальника отдела УМГБ НСО, подполковник.

⁶⁶ *Максимкин Василий Семенович* (1 января 1905-?) — из крестьян Пронского района Рязанской области, образование начальное, русский, член ВКП(б) с 1926, в ОГПУ с ноября 1930. С марта 1936 — начальник Болотнинского РО НКВД, с апреля 1938 — начальник отделения II ЭКО УНКВД НСО, с июля 1939 во главе Маслянинского РО, с мая 1941 — утвержден начальником Киселевского ГО НКВД.

⁶⁷ Ф.П-460. Оп.1. Д.6. Л.56-61, 70.

⁶⁸ Ф.911. Оп.1. Д.275. Л.205; Красное Знамя (Томск). 1989. 9 августа; Ф.П-4. Оп.34. Д.5. Л.34.

⁶⁹ Ф.П-460. Оп.1. Д.176. Л.55.

⁷⁰ Там же. Д.7. Л.35; Ф.20. Оп.1. Д.259. Л.24.

⁷¹ *Кравчинский Николай Сергеевич* — до июня 1935 второй секретарь Оренбургского обкома ВЛКСМ, затем в НКВД СССР. С 1937 — начальник ОК УНКВД по Оренбургской, а с января 1938 — Новосибирской области, старший лейтенант ГБ. В марте 1939 «за антипартийную практику» исключен из ВКП(б).

⁷² *Малозовский* (Молозовский) *Анисим Вульфович* (1898-?) — столяр, образование начальное, еврей, член РКП(б) с 1920, в ОГПУ с 1922. Работал в Особотделе СибВО, на 1938-1939 в КРО УНКВД НСО, лейтенант ГБ. С 1939 — завспецчастью Сиботделения треста «Электромонтаж». На 1943 в СПО УНКГБ, в 1945 награжден орденом Красного Знамени за выслугу, майор ГБ. На 1946 — начотдела исправтрудаб УИТЛК НСО.

Терентьев Никита Максимович (май 1899-?) — из крестьян Омской области, окончил 2 курса рабфака, член РКП(б) с 1920. Работал в Омском окротделе ОГПУ, с 1930 в Новосибирске, начальник отделения ЭКО УНКВД ЗСК, с 1936 — замначальника ОК УНКВД, с 1937 — во главе Прокопьевского ГО НКВД, в 1938-1939 — помначальника Нарымского окротдела НКВД, в 1942 снят с поста начальника ОК Кемеровского азотно-тукового завода «за попытку изнасилования девушки-комсомолки».

В 1943 — начальник I отделения ЭКО УНКВД НСО, с мая 1943 — нач. отдела по борьбе с бандитизмом УНКВД. В 1945 награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды, подполковник. До июня 1948 — замначальника УНКВД НСО.

⁷³ *Большаков* Николай Тимофеевич (22 мая 1903-?) — из крестьян, образование начальное, русский, член ВКП(б) с 1927. С февраля 1936 утвержден начальником Тегульдского РО НКВД, лейтенант ГБ. «Применял пытки». 30 апреля 1939 уволен из НКВД «за незаконный арест 25 человек», с июня 1939 заведующий Тегульдским райземотделом.

⁷⁴ *Мельников* Сергей Ипполитович (октябрь 1888-?) — из крестьян Иркутской области, образование среднее, шахтер, член РКП(б), с июня 1920 — в ЧК—ОГПУ Бодайбо и Иркутска, с сентября 1929 — начальник ЭКО Омского окротдела, с июня 1931 — начальник Беловского РО ОГПУ, снят с понижением «за недосмотр за следствием по групповому делу», с декабря 1934 во главе Мошковского РО НКВД. Арестован в 1938, осужден.

⁷⁵ *Егоров* Виктор Тимофеевич (1902-?) с 1919 в РККА, член РКП(б) с 1920, в ОГПУ с 1929. До 1937 работал в Особотделе СибВО, затем в Красноярске, лейтенант ГБ. Награжден орденом Красной Звезды (19 декабря 1937), с 1938 — замначальника Особотдела СибВО. Арестован в Новосибирске 28 декабря 1939, осужден на 7 лет ИТЛ.

⁷⁶ *Кудрявцев* Григорий Иванович (8 сентября 1905-?) — уроженец Воронежа, из крестьян, машинист паровоза, образование среднее, русский, член ВКП(б) с 1929. С 1934 на партработе, с августа 1937 — второй, с мая 1938 — первый секретарь Красногвардейского РК ВКП(б) в Днепрпетровске, с февраля 1939 — начальник УНКГБ—УНКВД НСО, майор ГБ (1939), награжден орденом Красной Звезды. Решением ЦК ВКП(б) снят 22 апреля 1941.

Медведев Федор Михайлович (1909-?) — уроженец Тереховского района Гомельской области, сын кассира, электрик, белорус, член ВКП(б) с 1932, образование среднее. С 1935 на партработе, с февраля 1938 — секретарь парткома Нижнеднепровского вагоноремонтного завода, с августа 1938 — ответственный организатор отдела руководящих парторганов ЦК КП(б)У, с декабря 1938 — слушатель ВШПО при ЦК ВКП(б), с января 1939 — слушатель ЦШ НКВД, с февраля 1939 — помощник, замначальника УНКВД НСО, старший лейтенант ГБ. С февраля 1941 — начальник УНКВД НСО, снят решением ЦК ВКП(б) 26 апреля 1941 как «не справившийся с работой».

⁷⁷ *Киселевич* Валентин Евгеньевич (15 июня 1900-?) — уроженец Брянска, сын судебного чиновника, рабочий, образование начальное, русский, член ВКП(б) с 1928. С сентября 1921 в ЧК—НКВД железнодорожного транспорта, с апреля 1935 — начальник ЭКО ДТО УНКВД по Воронежской области, с августа 1937 — начальник КРО, помощник и замначальника ДТО НКВД Юго-Восточной железной дороги. С конца июня 1939 — начальник ДТО НКВД Томской железной дороги (и на 1941), старший лейтенант ГБ.

⁷⁸ *Иванов Федор Николаевич* (1905-?) — член ВКП(б) с 1930, образование среднее, с 1 октября 1931 мобилизован Запсибкрайкомом в ОГПУ, работал в ЭКО УНКВД НСО, с 1936 — в Сталинске, с 1937 — помначальника, с 1938 — начальник КРО УНКВД. В январе 1941 снят, арестован, освобожден не позднее июля 1941. В 1942 награжден орденом Красного Знамени «за доблесть и мужество, проявленные на фронте», на январь 1943 — в Томске, капитан ГБ. Уволен из МГБ в 1952 за «нарушение законности».

⁷⁹ *Горбенко Георгий Иванович* (1903-1972) — член ВКП(б) с 1925, с 1928 в ОГПУ, работал в Особотделах (Омск, Новосибирск), с 1935 — оперуполномоченный и врио начальника КРО Томского ГО НКВД. Допрашивал поэта Н.А.Клюева. С 1939 — в КРО Ленинск-Кузнецкого ГО, следователь следственной части УНКВД НСО. Решением обкома в 1939 отправлен на учебу. В 1950-е директор Томского строительного техникума, в 1957 ненадолго был исключен из КПСС «за участие в репрессиях».

⁸⁰ Ф.П-4. Оп.18. Д.2431. Л.1-3.

⁸¹ *Веверс Ян Янович* (1899- после 1970) — уроженец Латвии, латыш, с 1919 в РККА, с 1922 в ОГПУ Енисейской губернии, начальник ЭКО Омского окротдела, с сентября 1928 — начальник Канского окротдела ОГПУ, после 1930 — в Ростове-на-Дону, начальник СПО и член тройки УНКВД Татарии, переведен в Хабаровский край, в 1939 — начальник ОК Сиблага, с 1940 в Латвии, с 1941 — в Кировской области, с 1942 — в Москве. Замначальника опергруппы НКГБ Латвии с 1944, был замнаркомом и замминистра НКГБ—МГБ Латвии, с 1952 — начальник УМГБ по Рижской области, с 1953 — замминистра МВД, с 1954 — председатель КГБ Латвии, уволен 12 марта 1963 в отставку по состоянию здоровья, генерал-майор. Умер в Риге.

⁸² *Эденберг Отто Юганович* (11 июня 1903-?) — из бедных крестьян Лифляндской губернии, слесарь, образование среднее, эстонец, член ВКП(б) с 1926. С 1921 — в РККА, с 1934 — в НКВД, работал в Особом отделе, в 1937-1938 в КРО УНКВД НСО, руководил репрессиями против латышей и эстонцев. С 1938 — замначальника Томской трудколони (с 1940 — начальник), с 17 октября 1941 — замначальника Новосибирского отделения УИТЛК, с 7 апреля 1942 — замначальника Асиновского отделения Сиблага, уволен 26 августа 1942 «по ст.47, п.3». Работал в системе Кузбассугля, в 1946-1949 — во главе президиума Обллесхимпросоюза, снят за «личные злоупотребления», затем — начотдела в спецуправлении новосибирского треста «Союзстеклострой». 16 августа 1954 исключен из КПСС за «незаконное получение премиальных, халатность и участие в репрессиях 1937-1938», затем «привлечен к уголовной ответственности».

⁸³ *Пасынков Яков Андреевич* (31 марта 1900 - после 1972) — уроженец Уржумского уезда Вятской губернии, образование начальное, колбасник, русский, член РКП(б) с 1920, (с перерывом в 1923-1930). С 1920 в Бийской ЧК, в 1923 осужден на 2 года за «уничтожение группы пленных

бандитов» и «незаконную реализацию трофейного имущества» в Горном Алтае (отбыл 8 месяцев). С 1922 — на «негласной работе», затем райуполномоченный, сотрудник ИНФО—СПО, с 1933 — в Особотделе СибВО, с 1936 — начальник Особотдела Ойротского облНКВД, с 1937 — начальник КРО Анжеро-Судженского ГО, с 1938 — во главе СПО Томского ГО НКВД, с 1939 — врио начальника и начальник Томского ГО, с 1942 — начальник КРО УНКВД НСО, капитан ГБ, в 1944 — начальник Оперотдела УНКВД, затем руководил лагерем военнопленных №199 и отделом «В» УМГБ НСО, уволен в 1950 «по болезни». Почетный чекист, награжден орденом Ленина, орденами Красной Звезды, Красного Знамени, «Знак Почета». В 1954 подвергался уголовному преследованию за участие в массовых репрессиях, но избежал наказания. В 1960-е писал доносы на уцелевших репрессированных, а также мемуары.

Трынди́н Валентин Григорьевич (август 1909-?) — уроженец Самары, из рабочих, токарь, образование начальное, русский, член ВКП(б) с 1929. В ОГПУ с марта 1932, с июля 1936 — в Особотделе СибВО, в 1938 — начальник II отделения КРО УНКВД НСО, с мая 1938 по 1940 — начальник Кемеровского ГО НКВД, лейтенант ГБ.

⁸⁴ Ф.20. Оп.1. Д.259. Л.1, 3, 5, 22, 30-32, 37.

⁸⁵ *Малинин* Леонид Андреевич (октябрь 1907-?) — уроженец Новосибирска, сын железнодорожного служащего, ремонтный рабочий, образование незаконченное высшее, член ВКП(б) с 1931. С IV курса Томского института инженеров транспорта мобилизован в ОГПУ в январе 1933, с сентября 1935 — слушатель ЦШ НКВД СССР, с 1 января 1937 — начальник I отделения ДТО НКВД Томской железной дороги, лично пытал арестованных. С 1 апреля 1939 — начальник Юго-Западной железной дороги. С середины января 1942 — начальник УНКВД—УНКГБ НСО, комиссар ГБ, с 9 октября 1944 — во главе УНКГБ Тернопольской области УССР.

⁸⁶ Ф.П-4. Оп.34. Д.104. Л.6-9, 12, 27.

⁸⁷ Ф.П-1204. Оп.1. Д.31. Л.109, 110.

⁸⁸ Ф.П-4. Оп.34. Д.75. Л.280; Д.80. Л.20, 21; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов / Академия ФСК РФ [Сост. В.П.Ямпольский и др.] Т.1: Накануне. Кн.1: Ноябрь 1938 г. — декабрь 1940 г. М., 1995. С.99-100.

⁸⁹ Ф.П-4. Оп.34. Д.75. Л.356-365.

⁹⁰ *Панчу́рин* Борис Васильевич (июль 1916-?) — уроженец Саратова, сын врача, образование среднее, теплотехник, русский, член ВКП(б) с 1939. С января 1937 — в Новосибирской МКШ ГУГБ, с ноября 1937 в УНКВД НСО: помоперуполномоченного СПО, с июня 1939 — старший следователь, помначальника следственной части, с января 1940 — врио начальника и начальник следчасти УНКВД. 13 мая 1941 — арестован на 30 суток и уволен из органов, с июня 1941 — уполномоченный Особотдела СибВО (Барнаул, Кемерово), с 17 ноября 1941 — замначальника следчасти Особотдела СибВО. Почетный чекист (апрель 1940).

Плесцов Сергей Иннокентьевич (5 ноября 1906-?) — уроженец Иркутска, из рабочих, переплетчик, образование начальное, русский, член ВКП(б) с 1926. С августа 1928 — в ОГПУ Томска, уполномоченный КРО, начальник Особотдела, с мая 1935 — в УНКВД ЗСК: начальник отделения в Особотделе и КРО, с июля 1937 помначальника СПО УНКВД НСО, с апреля 1938 — во главе Сталинского ГО НКВД. С 11 марта 1941 — замначальника УНКГБ НСО, 15 июля 1942 утвержден ЦК ВКП(б) замначальника УНКВД по Архангельской области. Почетный чекист (1938), награжден медалью «За отвагу» (1940). Лично пытал арестованных.

Соловьев Леонид Кузьмич (30 марта 1910-?) — из крестьян-середняков Шипуновского района Алтайского края, образование среднее, учитель начальной школы, русский, член ВКП(б) с 1939. С 1929 — нарследотель, с января 1933 в ОГПУ Алтая, с декабря 1936 — начальник КРО Ленинск-Кузнецкого ГО НКВД, с 1939 — замначальника КРО УНКВД НСО, с 1940 — замначальника Сталинского ГО НКВД, с 20 января по август 1941 — начальник КРО УНКВД НСО, до 7 июня 1944 замначальника СПО УНКВД СПО, лейтенант ГБ. Почетный чекист (август 1937).

Ульянов Николай Алексеевич (1897-?) — из бедных крестьян Поспелихинского района Алтайского края, образование начальное, батрак, русский, член РКП(б) с 1924. С 1917 — в армии, с 1919 — партизан в армии Е.М.Мамонтова, с 1923 — предсельсовета, позже — инструктор РК ВКП(б), с сентября 1928 в ОГПУ Алтая, с февраля 1933 — начальник ЭКО Барнаульского оперсектора ОГПУ, с февраля 1936 — оперуполномоченный, начальник VII отделения КРО УНКВД НСО, с февраля 1938 — начальник Нарымского окротдела НКВД, с 1940 — Кемеровского ГО НКВД—НКГБ. Почетный чекист (1937).

⁹¹ Ф.П-4. Оп.34. Д.104. Л.1, 10, 55-58.

⁹² *Трифонов* Иван Михайлович (1914-?) — член ВКП(б) с 1939. С конца 1937 — в СПО УНКВД НСО. Из характеристики 20 сентября 1938: «В борьбе с врагами народа беспощаден, напорист, злой. Хороший человек во всех отношениях»; по словам К.Пастаногова 27 сентября 1938: «У нас в отделе ходит такая легенда, что нет такого лица, которого бы т.Трифонов не заставил разоружиться». С 1940 — в Следственной части, весной 1941 отстранен от следственной работы. На октябрь 1941 — в действующей армии.

⁹³ *Карпов* Сафрон Петрович (1912 - после 1991) — уроженец с. Яндобы Чувашской АССР. С декабря 1935 в Новосибирской МКШ ГУГБ, с 30 мая 1937 — в Нарымском окротделе НКВД: практикант, уполномоченный, начальник Следственной части; с 1940 — старший следователь, начальник II отделения, с июля 1941 — утвержден помначальника Следственной части УНКГБ НСО. 20 сентября 1943 награжден орденом «Знак Почета», старший лейтенант ГБ. В 1956 уволен из КГБ, жил в Томске-7.

⁹⁴ Ф.П-4. Оп.1. Д.125. Л.43-47.

⁹⁵ *Ковшук-Бекман* Михаил Фомич (1898-?) — член РКП(б) с 1919, образование начальное. В 1929 — начотделения Иркутского окротдела ОГПУ. В 1941 — начальник V отдела III управления НКГБ СССР, капитан ГБ,

с апреля 1941 — начальник УНКГБ—УНКВД НСО. Убыл из Новосибирска в январе 1942.

Кудинов Георгий Петрович — член РКП(б) с 1918, начальник ДТО НКВД Орждоникидзевской железной дороги, 26 апреля 1941 утвержден начальником УНКВД НСО (до июля 1941), майор ГБ.

⁹⁶ Ф.П-460. Оп.1. Д.17. Л.29, 30, 99, 140.

⁹⁷ В начале 1941 произошло разделение карательного ведомства на НКГБ, куда перешел основной оперсостав, и НКВД, которому было поручено, в основном, руководство лагерями, тюрьмами, а также милицией; другим новшеством стала передача Особого отдела в ведение Наркомата обороны.

⁹⁸ *Киреев* Иван Михайлович (февраль 1905-?) — член ВКП(б) с 1928, образование среднее, в ОГПУ с января 1930, с 1932 — в СПО УНКВД (Свердловск, Челябинск), в 1939 — начальник КРО УНКВД по Челябинской области, с июля 1939 на ДВК, с марта 1940 — начальник I ЭКО УНКВД НСО, старший лейтенант ГБ. Награжден орденом Красного Знамени (апрель 1939). 19 октября 1940 снят обкомом за пьяный дебош, арестован на 20 суток с последующим увольнением из НКВД. На 1941 — начальник Кривошековского отделения УИТЛК УНКВД НСО (около 10000 заключенных), «резко улучшил работу лагеря». На 1950 — в УМГБ НСО.

⁹⁹ Ф.П-1204. Оп.1. Д.31. Л.65, 106; Ф.П-460. Оп.1. Д.13. Л.92-93; Д.17. Л.85, 105.

¹⁰⁰ Ф.П-4. Оп.34. Д.102. Л.145-155; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Указ. изд. Т.1. Кн.2: 1 янв. - 21 июня 1941 г. С.39-40.

¹⁰¹ *Пугачев* Афанасий Макарович (апрель 1913-?) — уроженец Кемерово, из рабочих, образование неполное среднее, член ВКП(б) с 1932, в ОГПУ с мая 1934. Работал в Кемерове, Искитиме, с 1938 — начальник Доволенского РО НКВД, с 15 сентября 1939 — начальник Убинского РО НКВД, младший лейтенант ГБ. В 1955 в Томске, замполит батальона в в/ч 11012. В мае 1957 привлекался к уголовной ответственности по обвинению в уничтожении 225 человек.

¹⁰² Ф.П-4. Оп.34. Д.125. Л.95-96, 146-152.

¹⁰³ *Полов* Георгий Константинович (1903-?) — из крестьян, образование начальное, русский, член ВКП(б) с 1927. С декабря 1931 в ОГПУ Бийска, затем в Барнауле и Новосибирске. С июля 1939 — замначальника II отделения СПО УНКВД НСО, с октября 1939 — начальник Колыванского, с 1940 — Куйбышевского РО НКВД, с мая 1941 во главе Доволенского МРО НКГБ, младший лейтенант ГБ.

¹⁰⁴ Ф.П-4. Оп.34. Д.125. Л.153-160.

¹⁰⁵ Уйманов В.Н. Репрессии: Как это было... Томск, 1995. С.99, 126.

¹⁰⁶ Ф.П-4. Оп.34. Д.67. Л.267-269; Д.125. Л.34.

¹⁰⁷ Ф.20. Оп.1. Д.570. Л.9-14; Ф.1027. Оп.9. Д.71. Л.77, 129, 133, 152, 162.

¹⁰⁸ Ф.П-1204. Оп.1. Д.29. Л.88-92.

¹⁰⁹ Там же. Д.32. Л.48, 47, 50.

¹¹⁰ Например, в протоколах, ведшихся Д.Ф.Ереминым, значилось: «поэт Шевченко — националист», а у передовика Панова упоминался некто «папа римский из Японии». Ф.П-460. Оп.1. Д.19. Л.10; Д.21. Л.75, 77.

¹¹¹ Там же. Д.18. Л.39, 39об., 40, 41об.; Д.21. Л.65, 65об.

¹¹² *Дёшин* Николай Иванович (24 апреля 1916-?) — уроженец с.Сокольское Липецкого уезда Воронежской области, из рабочих, образование незаконченное высшее, русский, член ВКП(б) с 1939. С апреля 1938 из Новосибирского института военных инженеров транспорта направлен в МКШ ГУГБ НКВД, с марта 1939 — в КРО УНКВД НСО, с 1942 — начальник отделения ЭКО, СПО, с июня 1944 — замначальника, начальник областного СПО УНКВД, майор, с сентября 1946 — начальник оперотдела УМГБ НСО, преподавал в МКШ. 22 сентября 1950 переведен в другую область.

¹¹³ Ф.П-460. Оп.1. Д.23. Л.55.

¹¹⁴ Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне: Материалы Всероссийской научной конференции. Омск, 1995. С.39-43; ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.51. Л.256.

¹¹⁵ Ф.П-4. Оп.34. Д.171. Л.176, 177, 283; Гвоздкова Л.И. Сталинские лагеря на территории Кузбасса (30-40-е гг.). Кемерово, 1994. С.55, 77; Сибирь: Вклад в победу... Указ. изд. С.258, 259.

¹¹⁶ Ф.20. Оп.1. Д.348. Л.7, 14, 27, 51; Ф.П-1204. Оп.1. Д.45. Л.216.

¹¹⁷ Ф.П-460. Оп.1. Д.45. Л.11.

¹¹⁸ *Кондаков* Петр Павлович (1902-?) — уроженец с. Людиново Калужской области, из рабочих, электромонтер, образование среднее, член РКП(б) с 1920. С 1923 — в погранвойсках, в 1938 окончил школу усовершенствования командного состава войск НКВД. С декабря 1938 — начальник УНКВД по Вологодской области, затем во главе УНКВД Ярославской и Смоленской областей. С ноября 1944 — начальник УНКГБ НСО, генерал-майор, в марте 1948 перемещен на Северный Кавказ. Почетный чекист, награжден многими орденами, депутат ВС РСФСР.

¹¹⁹ Ф.П-460. Оп.1. Д.39. Л.82, 83.

¹²⁰ Там же. Д.33. Л.85, 97, 67-70.

**ИЗ ИСТОРИИ
ЛИТЕРАТУРНОЙ
ЖИЗНИ**

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН В ПЕТЕРБУРГЕ: ОСЕНЬ 1906

Письма к М.В.Сабашниковой

Публикация В.П.Купченко

Впервые М.А.Волошин побывал в северной столице в 1903. Приехав из Парижа с рекомендациями К.Д.Бальмонта и Е.С.Кругликовой, он в течение января познакомился с А.Н.Бенуа, А.А.Блоком, В.Я.Брюсовым, С.А.Венгеровым, И.Э.Грабарем, С.П.Дягилевым, Н.М.Минским, В.А.Серовым, П.С.Соловьевой, К.А.Сомовым и другими писателями и художниками¹. Еще более щедрым на людей стал Петербург для поэта осенью 1906. Приехав туда из Москвы «на разведку» (прежде всего — о положении газеты «Русь», сотрудничество с которой давало ему тогда основной заработок), Волошин попадает на «башню» В.И.Иванова. И мгновенно принимает решение: жить надо здесь! Письма к молодой жене (их брак состоялся 12 апреля 1906), ждавшей его на квартире родителей в Москве, рисуют кипучую, духовно насыщенную жизнь. Это письма 1-6 нашей публикации, с 21 по 25 сентября 1906.

28 сентября Волошин приезжает в Москву, а около 10 октября состоялся переезд супругов в Петербург, на Таврическую улицу (угол Тверской). Попробуем составить хронику последующего месяца их жизни под «башней» Вячеслава Иванова (этажом ниже):

11 октября (?) — они на репетиции трагедии Иванова «Тантал» в театре-студии В.Ф.Коммиссаржевской. Затем — посещение А.М.Ремизова².

14 октября — на чтении Блоком (у Коммиссаржевской же) драмы «Король на площади». Присутствуют: Е.В.Аничков, И.Я.Билибин, С.М.Городецкий, В.И.Иванов, М.А.Кузмин, А.П.Нурок, Н.Н.Сапунов, Ф.Сологуб, К.А.Сомов, С.Ю.Судейкин, К.А.Сюннерберг, Г.И.Чулков³.

¹ Письма М.Волошина к А.В.Гольштейн от 3 и 18 января 1903 (Частн. собр., Нью-Йорк) и к Е.С.Кругликовой от 2 февраля 1903 (Копия в собр. В.А.Мануйлова).

² Волошина (Сабашникова) М. Зеленая змея. М., 1993. С.146-147.

³ Дневник М.А.Кузмина (РГАЛИ. Ф.232. Оп.1. Ед.хр.51). Именно этот дневник дает большую часть сведений для настоящей хроники — поэтому далее приводятся лишь дополнительные источники упомянутых в ней событий.

15 октября в студию Е.Н.Званцевой (у которой Волошин с женой снимали комнаты) приходят В.И.Иванов с женой, Л.Д.Зиновьевой-Аннибал, М.А.Кузмин, К.А.Сомов.

18 октября Волошины — на диспуте об Эрозе в квартире Иванова (где практически бывает ежедневно). Выступают Е.В.Аничков, Н.А.Бердяев, А.В.Карташев, А.В.Луначарский; присутствуют: Л.С.Бакст, Л.Н.Вилькина, В.М.Волькенштейн, С.М.Городецкий, М.Л.Гофман, Б.А.Леман, К.А.Сомов, А.Н.Чеботаревская, Г.И.Чулков, режиссеры, издатели...⁴

19 октября — у К.А.Сомова, на чтении Кузминым пьесы «Опасная предосторожность». Присутствовал М.В.Добужинский.

21 октября — на чтении В.И.Ивановым, в театре Коммиссаржевской, дифирамба «Огненосцы». Выступали Блок, Волошин, Кузмин, Ремизов; среди слушателей — Л.Д.Зиновьева-Аннибал, А.П.Нурок, А.М.Ремизов, Н.Н.Сапунов, К.А.Сомов.

24 октября — на чтении Л.Д.Зиновьевой-Аннибал (на «башне») повести «Тридцать три уroda». Потом были у М.А.Кузмина⁵.

26 октября — на генеральной репетиции поставленных В.Э.Мейерхольдом пьес: «Балаганчик» Блока и «Чудо святого Антония» Метерлинка. Присутствовали Блок, Иванов, Сологуб⁶.

28 октября — на чтении Ф.Сологубом (у Коммиссаржевской) пьесы «Дар мудрых пчел». Среди слушателей — В.Я.Брюсов, С.А.Венгеров, Ю.Н.Верховский, Л.Н.Вилькина, М.А.Кузмин, В.Ф.Нувель, композитор В.А.Сенилов, К.А.Сомов, С.Ю.Судейкин, Н.П.Феофилактов.

29 октября — чтения на «башне». Были Городецкий, Зиновьева-Аннибал, Иванов, Кузмин, Чулков.

1 ноября — на чтении — у Г.С.Петрова — драматургом А.И.Косоротовым пьесы «Коринфское чудо»⁷.

2 ноября — у М.А.Кузмина. Были Ю.Н.Верховский, А.М. и С.П.Ремизовы, К.А.Сомов, С.Ю.Судейкин, А.А.Тамашев, Н.П.Феофилактов.

5 ноября — на чтении Ф.Сологубом (на его квартире) мистерии «Литургия Мне»⁸.

7 ноября — у Кузмина, на чтении А.М.Ремизовым притчи «О безумии Иродиадином». Был В.И.Иванов.

Вконец утомленная этой перенасыщенной жизнью, Сабашникова уезжает 9 ноября на курорт Мустамяки в Финляндии, — благодаря чему возникает новый, небольшой цикл писем Волошина к ней (№7-9, с 10 по 12 ноября). Затем в Петербург приезжает теософка А.Р.Миншлова, тогдашняя наставница молодой четы, — и уже 14 ноября Сабашникова возвращается на Таврическую.

⁴ Дневник М.Кузмина; Волошина М. Зеленая змея. Указ. изд. С.151.

⁵ Дневник М.Кузмина; Волошин М. Венок из фиговых листьев (1907) (ИРЛИ. Ф.562. Оп.1. Ед.хр.207).

⁶ Музей-квартира А.А.Блока. Экспозиция. XXII. Л.36-37.

⁷ Письма А.И.Косоротова и Г.С.Петрова к Волошину от 30 октября 1906 с приглашением (ИРЛИ. Ф.562. Оп.3. Ед.хр.694 и 947).

⁸ Приглашение Ф.Сологуба (без даты) на адрес А.И.Орловой (Там же. Ед.хр.1132).

19 ноября у Волошиных собрались: В.И.Иванов, М.А.Кузмин, А.Р.Минцлова, К.А.Сомов.

23 ноября Волошины — на собрании в университете вместе с Е.В.Аничковым, К.В.Бравичем, А.Л.Волыньским, Ф.Ф.Зелинским, М.А.Кузминым, В.Э.Мейерхольдом, архиепископом Михаилом, Г.С.Петровым, Ф.Сологубом, Г.И.Чулковым.

28 ноября у Волошиных — Иванов, Кузмин, Минцлова, Сомов. Потом — визит к М.Л.Гофману, где уже были Б.А.Леман, Н.Я.Мясковский, П.П.Потемкин, В.А.Пяст, Ремизов. Кузмин играл и пел «Куранты любви».

30 ноября — визит Блока⁹.

В тот же день Сабашникова уезжает в свой пансион в Мустамяках — и начинается третий этап переписки Волошина с ней: с 1 по 20 декабря 1906, письма 10-24. Они значительно дополняют приведенную здесь пунктирную хронику пребывания поэта в Петербурге в ту осень и зиму, — запечатлев не только его труды и встречи, но и всю тогдашнюю культурную атмосферу города.

Следует обратить внимание на струю оккультных переживаний и поисков Волошина в эти месяцы: возникнув в Париже в 1904 и получив в 1905 мощный толчок от знакомства сначала с А.Р.Минцловой, а затем с Р.Штейнером, они явно слабеют, вытесненные творческими и человеческими импульсами.

В дальнейшем отношении Волошина к Петербургу омрачается пережитой там драмой: взаимная влюбленность В.Иванова и М.Сабашниковой приводит весной 1907 семейную жизнь Волошиных к краху¹⁰. Покинув Петербург 17 марта 1907, Волошин возвращается туда лишь в начале декабря, уже одиноким. Он еще подолгу живет в Петербурге (декабрь 1907 — апрель 1908, февраль — апрель 1909, сентябрь 1909 — январь 1910), принимает участие в различных литературных начинаниях (альманах «Цветник Ор», журналы «Остров» и «Аполлон») — но постепенно все больше отдаляется от северной столицы. Мистификация с Черубиной де Габриак (недаром завершением ее была дуэль!) стала выражением противостояния Волошина литературному Петербургу — и знаменовала разрыв поэта с ним¹¹. Местами жительство Волошина отныне становятся Москва, Париж, Коктебель — и лишь трижды он навещает берега Невы: в 1916 (с 5 по 16 апреля, по пути из Европы), в 1924 (с 6 апреля по 10 мая) и в 1927 (с 31 марта по 18 апреля).

В творчестве Волошина Петербург оставил куда менее заметный след, чем Коктебель и Париж, но все-таки вдохновил его на ряд замечательных строф и образов. Град Петра служит фоном в профетических «Предвестиях» (1905) и «Ангеле мщения» (1906), ему целиком посвящены «Петербург» (1915) и «Петроград» (1917), «петербургский период исто-

⁹ Письма А.А.Блока к родным. Л.: Academia, 1927. С.160.

¹⁰ См.: Волошин М. Автобиографическая проза; Дневники. М., 1991. С.261-266; Волошина М. Зеленая змея. Указ. изд. С.156-165.

¹¹ См.: Купченко В. История одной дуэли // Ленинградская панорама. Л., 1988. С.388-400.

рии» страны прослежен в поэме «Россия» (1924). Точные слова о «самом фантастическом и призрачном» городе поэт нашел также в рецензии на повесть А.П.Иванова «Стереоскоп» (1909)¹².

Думается при этом, что самые глубокие и сильные впечатления от Петербурга Волошин получил в первые свои приезды в город — в 1903, 1905 и особенно в конце 1906, когда он был здесь, пусть недолго, по-настоящему счастлив...

Публикуемые письма Волошина хранятся в рукописном отделе ИРЛИ (Ф.562. Оп.3. Ед.хр.111 и 112). Пользуюсь случаем поблагодарить за отдельные справки Е.Н.Будагову, Л.Н.Иванову, А.С.Конвиссера, А.В.Лаврова, Р.П.Хрулеву.

1

[21 сентября 1906. СПб.]
17. Симбирская, кв[артира] Орловой¹

Аморя, милая... Столько впечатлений за эти сутки в Петербурге, что их не уместить на этом клочке бумаги за час времени. Я приехал вчера утром. Пришел к Орлишке. Говорил [?] видел мельком.

В 10 час[ов] утра ушел — в контору, к Суворину². Суворина застал: из разговора ясно — мною очень дорожит и боится потерять. Суворин говорит: «Мне одинаково приятно, если Вы будете жить в Париже или в России. Ваши последние статьи произвели здесь большое впечатление³, и если Вы будете жить в России, то темы Ваши расширятся. Давайте нам больше стихов». Наш разговор — несколько минут. Затем m-те Суворина⁴ подтвердила мне тоже, что мои статьи читались нарасхват и были, как необычные оазисы в газете. Вопрос о деньгах сам Суворин замолчал. Потом я был в редакции. Там настроение подавленное. Все верят в то, что газету удастся открыть через несколько дней, и в то же время у всех тайная уверенность, что правительство решило покончить с ними⁵. Словом, о Париже нечего и думать, и я сегодня телеграфирую Ек[атерине] Алек[сеевне]⁶, что мы не едем.

Относительно денег: между сотрудниками состоялось соглашение, по которому они отказывались от 25% гонорара. Так что во всяком случае теперь я получаю не все 700 р[ублей], но часть их. Об этом надо поговорить с заведующей конторой, а я еще не видел ее — увижу сегодня.

В редакции видел много людей — и знакомых, и новых, которые мне говорили о том, какое впечатление произвела на всех моя

¹² Лица: Биографический альманах. Вып.3. М.; СПб., 1993. С.3-16.

статья о справедливости⁷ и как все почувствовали, что об этом надо говорить.

Потом был в «Стране» у Ковалевского⁸. Он принял меня очень радушно и любезно и просил прислать для опыта статью и какой-нибудь уже напечатанный фельетон. Словом, там можно будет иметь работу, но надо еще зарекомендовать себя и завоевать себе место.

Потом пошел к Косоротову⁹. Я рассчитал, что если он узнает раньше о моем приезде, то он, согласно психологии мнительного человека, найдет время припомнить все мои обиды и совсем разобидится. Если же я приду к нему прямо и неожиданно, то ему обидеться не будет времени. Так и случилось. Он только через пять минут после радостной встречи и ошеломления неожиданности вспомнил, что я его обидел, но было уже поздно и дело было кончено. От него я узнал, что Вяч[еслав] Иванов уже в Петербурге, и мы сейчас же помчались туда¹⁰. Тут... тут... О! моя голова разрывается от впечатлений и чувств... Я вернулся домой в 5 часов утра. Наша встреча была очень радостна и очень сердечна. В[ячеслав] И[ванович] сказал: «Я рад потому, что вместе с Вами приехала сама чуткость, само понимание... В вас есть та особенная нервность... Ваше пребывание в Женеве и наши беседы произвели на меня неизгладимое впечатление, я их всегда вспоминаю с большим чувством». Затем стали приходиться молодые поэты: Городецкий¹¹, Кузмин¹², Линденбаум¹³, Леман¹⁴. Наконец пришел Сомов¹⁵. И он мне был так мил и так обходителен со мной... Ах, да! Внизу как раз под Ивановыми я прочел на дощечке: «Художественная школа под руководством Бакста»¹⁶... и с ужасом отпрянул от роковой двери.

Но самое сильное из всех впечатлений — это стихи молодых поэтов: Городецкого и Кузмина. У меня нет возможности описать их. Но я почувствовал, что это целое художественное событие в моей жизни. Я так почувствовал затхлость и ложность Москвы и моск[овских] поэтов¹⁷. Надо жить в Петербурге. В Петербурге... Слышишь, Аморя? Я через неделю вернусь в Москву, и мы поедем вместе в Петербург. Только здесь можно работать. Аморя, милая.

Милая девочка, как хорошо... как хорошо все на свете. Как я здесь буду писать...

Аморя...

Макс

¹ Александра Иосифовна Орлова (1876-?, урожд. Бедункевич, во 2-м браке Лукьянчикова), преподавательница женского городского начально-го училища. Отдыхала в Коктебеле в 1902, 1903 и 1907, — получив у мате-

ри Волошина прозвище «Орлишка». Была безответно влюблена в Волошина; в его архиве сохранилось 28 ее писем к нему (ИРЛИ. Ф.562. Оп.3. Ед.хр.916).

² Алексей Алексеевич *Суворин* (1862-1937) — издатель и журналист (псевдоним Алексей Порошин), старший сын издателя А.С.Суворина. Умер в Париже. Знакомство Волошина с ним состоялось в 1903.

³ По-видимому, имеются в виду статьи Волошина, напечатанные в газете «Око»: «Революционный Париж» (8 августа), «Во времена революции» (11 августа), «Тайная доктрина средневекового искусства» (22 августа) — где, рецензируя разные французские книги, Волошин завуалированно проводил аналогии с тогдашней ситуацией в России.

⁴ Ева Константиновна *Суворина*, жена А.А.Суворина.

⁵ Редакция газеты «Русь» находилась в доме 32 на Мойке. Газета в 1905-1906 подвергалась цензурным преследованиям, не раз меняя названия («Око», «XX век»). В 1906-1908 издателем-редактором числился М.М.Крамалей.

⁶ Екатерина Алексеевна Бальмонт (урожд. Андреева, 1867-1950) — жена К.Д.Бальмонта, переводчица, тетка М.В.Сабашниковой.

⁷ Имеется в виду вышеупомянутая статья «Во времена революции».

⁸ «*Страна*» — «ежедневная газета партии демократических свобод», выходившая в Петербурге в 1906-1907. (См.: Русская периодическая печать 1895-1917. М., 1957). Редактором значился Ю.С.Гамбаров, фактически же руководил изданием Максим Максимович *Ковалевский* (1851-1916) — историк, правовед, публицист, профессор Московского и Петербургского университетов. Волошин познакомился с ним в 1901 в Париже; сотрудничество его в «Стране» не состоялось.

⁹ Александр Иванович *Косоротов* (1868-1912) — драматург, публицист. Знакомство Волошина с ним состоялось в 1901 в Париже, в 1902 они вместе путешествовали по Италии. Косоротов вывел Волошина в пьесе «Весенний поток» (1904). В Петербурге жил на Преображенской улице, д. 13, кв. 15. Болел туберкулезом и в 1912 покончил с собой.

¹⁰ Волошин познакомился с В.И.Ивановым (1866-1949) в Женеве летом 1904 (см.: Волошин М. Автобиографическая проза; Дневники / Сост. З.Давыдов и В.Купченко. М., 1991. С.200-205). Квартира В.И.Иванова на углу Таврической и Тверской улиц («башня») была центром культурной жизни Петербурга ряд лет, особенно в 1905-1907.

¹¹ Свое отношение к поэзии С.М.Городецкого Волошин выразил в статье из цикла «Лики творчества»: «'Ярь'». Стихотворения Сергея Городецкого» (Русь. 1906. 19 декабря). Эта первая книга молодого поэта вызвала общий энтузиазм критики.

¹² Волошин называет М.А.Кузмина молодым в смысле «начинающий», — цикл его стихотворений «Александрийские песни», появившийся в «Весах» в 1906 (№7), был всего вторым появлением Кузмина в печати;

Волошин отозвался на публикацию восторженной рецензией (Русь. 1906. 22 декабря).

¹³ Владимир *Линденбаум* в 1905 выпустил в Ярославле сборник стихов «Уклоны» (тиражом 100 экз., «не для продажи»), в 1906 субсидировал московский журнал «Перевал».

¹⁴ Борис Алексеевич *Леман* (1882-1945) — поэт, критик, искусствовед (псевдоним Б.Дикс). Теософ, затем антропософ.

¹⁵ Константин Андреевич *Сомов* (1869-1939) — художник круга «Мира искусства», знакомый Волошина с января 1903.

¹⁶ Лев Самойлович *Бакст* (1866-1924) — художник «Мира искусства», руководитель школы Е.Н.Званцевой. В 1915 выполнил рисунок обложки сборника стихов Волошина «Anno Mundi Ardentis 1915». Негативная реакция на его имя объясняется, видимо, тогдашним отношением к Баксту М.Сабашниковой, познакомившейся с ним еще в 1898.

¹⁷ Имеются в виду В.Я.Брюсов и поэты, сотрудничавшие в руководимом им журнале «Весы».

2

[22 сентября 1906]

Пятница. Утро.

17. Симбирская, кв.2

Милая моя девочка... Я только по утрам, когда встаю, могу беседовать с тобой, потому что не возвращаюсь домой до ночи. Орлишка живет на краю города — на Выборгской стороне. И хотя среди дня много свободных минут, но негде писать. Я жду от тебя ответа — согласна ли ты жить в Петербурге? Когда получу, то сейчас же начну хлопотать об комнатах. Потом надо будет написать и попросить Ньюшу¹, чтобы она выслала сейчас же *большой скоростью* наше платье и белье, и пальто, и художеств[енные] ящики. Что тебе сейчас будет надо из Парижа? Я думаю, что все можно будет выслать в твоём сундуке и на адрес Орлишки. А потом надо теперь же просить, чтобы сюда малой скоростью отправили мой энциклопедич[еский] словарь², ковры, столик Чуйко³ и др. вещи, которые ты найдешь необходимым иметь здесь в Петербурге.

Мои соображения, почему надо устроиться в Петербурге, а не в Москве, таковы: хотя в Москве жизнь дешевле, удобнее и устроиться проще, но в Петербурге у меня будет гораздо больше работы и материала для работы, и главное, я буду в непосредственном общении, крайне необходимом с редакциями. Это практически.

Духовно же: здесь В.Иванов. Я тебе не могу сказать, как меня поразила и потрясла вся художественная атмосфера, и какое впе-

чатление на меня произвели стихи Городецкого и Кузмина. После того мертвого впечатления, которое производит Брюсов и «Скорпион», — это как ключ живой воды. Это новый родник поэзии — самобытной, простой, лишенной всяких вычур...

Я буду искать комнаты неподалеку от В.Ив[анова]. Одно только страшно, что у этого царства блаженных есть своя преисподняя в лице Ел[ены] Ив[ановны]⁴, сторожащей вход на нижней площадке лестницы, — страж порога⁵.

Туда поднимаются на подъемной машине, и надо из нее выходить прямо перед дверью Школы и после уже подниматься в следующий этаж по лестнице.

Я сейчас иду к Вяч. Иванову в 12 час[ов], а вечером буду у Манасиных, которые уже приехали⁶.

Вчера я имел собеседование в конторе газеты о деньгах, и мне сказали, что через 3-4 дня они мне уплатят часть суммы, должной мне. Все теперь зависит от того, будет ли выходить газета. Раз она начнет выходить, этого ожидают на воскресенье, сейчас же явятся и деньги.

Относительно устройства в Петерб[урге]: самое лучшее было бы, если бы можно было нанять комнаты у кого-нибудь из знакомых. Я буду искать. Может, тебе что-нибудь такое придет в голову. Как относятся Мар[гарита] Алекс[еевна] и Вас[илий] Мих[айлович]⁷ к этому проекту житья в Петербурге? Может, Марг[арита] Алекс[еевна] может посоветовать, как устроиться?

Отчего от тебя до сих пор нет письма?

Милая моя девочка... как ты живешь без меня? Мне так жаль, так досадно, что тебя нету со мной. Во вторник вечером у Вяч. Ив[анова] будет специально для меня вечер, на котором Кузмин будет петь свои стихи под свою музыку.

Прочти внимательно, очень внимательно его «Александрийские песни» в «Весах»⁸. У меня лежит этот номер в Москве. А в среду я выеду в Москву и буду в четверг утром.

Вчера я отправил телеграмму Ек[атерине] Алек[сеевне] (*Restores Russie prenez appartement**) и открытки и Ньюше, и Ек[атерине] Ал[ексеевне]. Напиши им. И сию же минуту напиши мне об вещах, какие тебе здесь будут нужны сейчас же и немного погода.

Отправка их не составит большой трудности и хлопот, т[ак] к[ак] я попрошу обратиться к транспортной конторе Michel et Knebel, которая сама уложит, и запакует, и отвезет, и доставит с наложенным платежом. Так что все хлопоты Ньюши будут пойти в эту контору и отобрать наши вещи. Больше ничего.

* Остаемся России берем квартиру (фр.).

До свиданья... Я живу в небывалом подъеме и восторге. Я много говорил с Вяч. Иван[овым] об Штейнере и рассказывал ему его лекции; для В.Иван[ова] это полная новость, и он очень заинтересован⁹.

Привет всем.

Макс

¹ *Нюша* — Анна Николаевна Иванова (1877-1939) — кузина М.В.Сабашниковой. Училась пению, но из-за болезни легких оставила это занятие. Возлюбленная К.Д.Бальмонта, жила с ним (и Е.А.Бальмонт) в Париже.

² «La Grand Encyclopedie» (Paris, H.Lamirault) в 31 томе (в среднем — по 1200 страниц в каждом).

³ Михаил Самойлович *Чуйко* (ок.1875 — ок.1947) — художник, впоследствии актер-чтец и педагог пения. Портрет Чуйко работы Сабашниковой демонстрировался на выставке «Мир искусства» (см.: Золотое руно. 1906. №5. С.16), ныне — в Третьяковской галерее; портрет работы С.Делоне (1908) — на выставке «Москва—Париж. 1900-1930» (Каталог. М., 1981. С.307). В 1938-1946 был в заключении.

⁴ *Елена Ивановна* Кармин — близкий друг и сотрудница Е.Н.Званцевой по художественной школе. В 1917 — участница общества «Свободная мастерская» в Петрограде. Волошин встречался с ней в Париже в 1905.

⁵ Теософское понятие: существо, возникающее в момент, «когда прорываются связи между волей, мыслью и чувством в высших телах»; «ужасающее видение».

⁶ Наталья Ивановна *Манасеина* (1869-1930) — детская писательница. Вместе с поэтессой Поликсеной Сергеевной Соловьевой (1867-1924, псевдоним Allegro) издавала в Петербурге журнал для детей «Тропинка» (1906-1912), для которого М.В.Сабашникова написала повести «Облачное лето» и «Дэзи» (опубл. в 1907, №7 и 22-24).

⁷ Родители М.В.Сабашниковой: *Маргарита Алексеевна* (урожд. Андреева, 1860-1933), участница различных благотворительных обществ, и *Василий Михайлович* (1848-1923), чаеоторговец, выборный Московского купеческого сословия.

⁸ Стихотворный цикл М.А.Кузмина (из 11 стихотворений), опубликованный в «Весах» (1906. №7. С.1-12).

⁹ Рудольф *Штейнер* (1861-1925) — руководитель немецкой ветви Теософского общества, в 1913 основал Всеобщее Антропософское общество. Знакомство Сабашниковой и Волошина с ним состоялось в 1905. В статье «О теософии» (1907) Волошин назвал созданную Штейнером «систему» знаний «громадной» (Наука и религия. 1990. №2. С.33). В.Иванов пытался сблизиться со Штейнером, но последний в конце концов отверг эти попытки, — несмотря на то, что ко всем русским вообще относился

обычно с повышенным вниманием. См.: Cailson M. No Religion Higher than Truth: A History of the Theosophical Movement in Russia, 1875-1922. Princeton (New Jersey), 1993. P.164, 227.

3

[23 сентября 1906. СПб.]
Суббота. Утро.

Милая моя девочка... Милая моя девочка... Вчера я получил твое первое письмо¹. Я его читал вечером перед сном и чувствовал тебя. Как будто это было одно из старых, первых писем. Милая моя девочка.

Я бегаю... бегаю до изнеможения. У меня столько впечатлений.

Я чувствую, что здесь в Петербурге начнется совсем новый период жизни и творчества для меня.

Мне очень, очень нравятся твои новые стихи².

«В серебро и хрусталь облаченный» — это очень хорошо.

Вчера я четыре часа разговаривал с Вячес[лавом] Ив[ановым]. Быстрым, напряженным разговором. Обо всем самом важном: об индивидуализме³, об оккультизме⁴, о Дионисе⁵, об Иуде⁶, о пророчественности⁷, о молодой поэзии...

Для него многое и из того, что я говорил ему, было ново и страшно заинтересовало его.

Он говорил мне: «Вам необходимо жить в России. В Вас я замечаю теперь то, что было раньше во мне в годы моего уединения⁸. Это уединение приносит самоуглубление, но оно не должно длиться слишком долго. Вы увидите сами, как много Вам даст русская жизнь. Я Вам говорил раньше, что в Ваших стихах я видел один большой глаз, обращенный на мир⁹. Теперь часто он бывает повернут внутрь. Но все как будто скрыто за стеклом.

Ваши идеи об искусстве все очень интересны и оригинальны. Но их надо собрать. Вам надо теперь же собрать две книги: стихов и теоретических статей. Вашей книги ждут. Есть необходимость увидеть Вас в книге. Теперь как-то русские поэты московской школы разошлись.

Брюсов погрузился в холодный парнас[с]изм и магизм, далекий от жизни. Бугаев собирается писать некролог Андрею Белому, которому больше некуда идти.

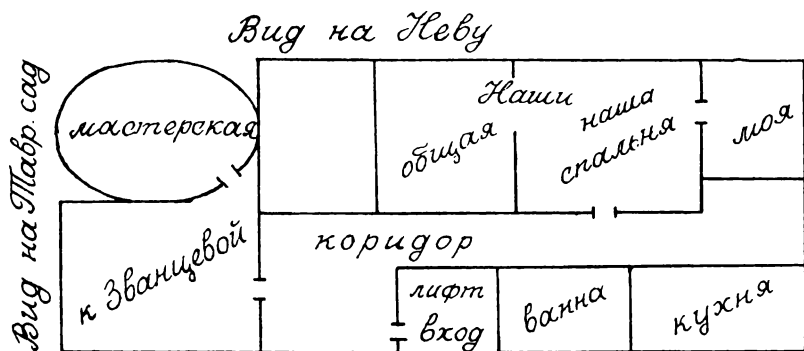
Надо оставить этот истрепавшийся литературный псевдоним. Бальмонт со своей чуткостью что-то почуял и бросился на народную русскую поэзию¹⁰.

И еще остаются два уединенных поэта — Балтрушайтис и Вы. Я не знаю, что сделал Балт[рушайтис] за эти годы¹¹. Но он крупный одинокий поэт.

А Вы... в форме Вы достигли полного мэтриз[ма]... Но все за стеклом. Вам надо живого прикосновения к жизни. Я думал, что эти годы Вашей женитьбы подействуют на Вас в этом смысле. Но я вижу только обращение внутрь. Я напрасно ждал в Ваших стихах этой струи»...

Спускаясь от него, я почему-то вдруг остановился перед дверью художествен[ной] школы и позвонил. Потом оказалось все, что я говорил тебе в письме, написанном вчера. Я думаю, что ничего лучшего мы найти не сможем. И потом я думаю, что это, может, единственная для тебя возможность работать в Петербурге, т[ак] к[ак] Елиз[авета] Ник[олаевна]¹² предлагает тебе мастерскую в полное распоряжение по окончании работы в 3 часа.

Вот план квартиры.

Видишь, одна из наших комнат будет примыкать к комнате Елен[ы] Иван[овны]¹³, но не спальная, а наша гостиная. У меня будет крошечная отдельная комната как раз для занятий. Спальня же отделена совсем. Стены очень фундаментальные и звуки не проникают. Шел разговор об том, не будет ли тебя, при твоей замкнутости, стеснять такое совместное житье, и разговор этот был начат Елен[ой] Иван[овной]. Но она же говорила, что ведь мы можем так устроиться, чтобы не видеть друг друга и жить совсем отдельную жизнью.

Имей в виду, что глядя на план, что кв[артира] Ивановых находится непосредственно над круглой залой мастерской и вся заключается в ней.

Вопрос о мебели. Комнаты сдаются меблированными. Но мебель Званцевой надо покупать. Поэтому я прошу немногое. Большой стол, соме¹⁴ и полки для моей. Большое широкое соме, стол, умывальник и стулья для нашей.

А нашу гостиную я думаю устроить без мебели. Мы устелем ее всю серым войлоком и затынем часть стен. А затем наделаем как можно больше подушек из холста и морской травы. Это будет и дешево и уютно, как в татарской избе. Хочешь так? Только нам все-таки надо набрать как можно больше всего, что возможно, у родных и знакомых.

А там придут наши ковры. Я пойду на таможню и узнаю про пошлины. И тогда у нас совсем будет хорошо. Наша жизнь будет нам следовательно стоить 75 руб[лей] (кв[артира] 45 и стол по 15). Можно было бы взять и просто две маленькие комнаты за 25 (без большой). Но это и тесно, и маме нельзя¹⁵. Если «Руси» не будет, то мама разделит с нами расходы. Если же будет, то у меня обеспечено 150 р[ублей], и это вполне достаточно на трех. Во всяком случае я думаю, что через месяц или два мы сможем свободно отказаться от денег¹⁶. Ты так и скажи.

Только нам надо достать в Москве непременно подушек и постель[ного] белья. А книги вышлем сюда, и платья. Платья — большой скоростью, а книги малой.

И подумай: мы действительно будем в самом центре жизни Петербурга.

На той же улице живет Струве¹⁷ и мой приятель Винберг¹⁸. Главное, что хорошо для тебя, — это то, что нам не придется ходить к людям и искать их, а они все будут сюда приходить. Вяч[еслав] Иван[ов] еще ничего не знает об этих планах.

Я приеду в Москву в четверг утром.

Сегодня немного простужен, кашляю, и поэтому сажу дома, кстати, я ничего и не обещал на сегодняшний день. Я хотел только пойти к Сомову. Но написал ему письмо. Я жду не дождусь телеграммы от тебя, чтобы покончить с квартирой.

А простудился я потому, что в моем пальто и теперь во время ветра холодно. Надо будет и мне шубу покупать. Я думаю, что можно купить по случаю в ломбарде.

Вообще, если мне отдадут теперь рублей 500, то у нас, с выплатой маме 200 р[ублей], будут деньги. Я ей буду сейчас писать о квартире¹⁹.

Только что получил твое второе письмо²⁰. Милая моя девочка. Я сажу дома и думаю о тебе.

Я всегда простужаюсь в Петербурге.

Как все хорошо устраивается!! Как все хорошо устраивается!

Мне надо рассказать тебе о Городецком и Кузмине. Но это я сделаю, вернувшись.

Во вторник вечером я буду у Ивановых, где Кузмин будет петь свои стихи со своей музыкой.

Прощай, моя девочка.

Мы недолго останемся в Москве. Я пишу Грифу²¹ и прошу его как можно скорее устроить мою лекцию²². Если тебе будут что шить, то начинай сейчас, не медля ни минуты.

До свиданья, до свиданья...

Поклон М[аргарите] А[лексеевне], В[асилию] М[ихайловичу]²³, Ляйзе²⁴ и Б[орису] Н[иколаевичу]²⁵.

Вышли ли мои фотографии?²⁶

Макс

¹ Письмо М.В.Сабашниковой от «четверга» (21 сентября 1906) из Москвы.

² Строка из стихотворения Сабашниковой, приведенного ею в этом письме как фрагмент из ее сказки, — «стихов 70 или 80» из которой она предлагала «дать там» (?).

³ Мысли, изложенные Волошиным в статье «Индивидуализм в искусстве» (Золотое руно. 1906. №10. С.66-72).

⁴ Некоторые из этих мыслей Волошин позднее изложил в статье «О теософии» — рецензии на сборник статей «Вопросы теософии» (выпуск 1), вышедший в 1907 (Впервые опубл.: Наука и религия. 1990. №2. С.31-33).

⁵ Тема, близкая как Волошину, так и особенно В.Иванову, автору исследования «Эллинская религия страдающего бога» (Новый путь. 1904. №1-3, 5, 8, 9; Вопросы жизни. 1905. №6,7 — под назв. «Религия Диониса») и множества дионисических стихотворений.

⁶ Над статьей «Евангелие от Иуды» Волошин будет работать в 1908-1909 (См.: Наука и религия. 1992. №2. С.16-19).

⁷ Эта тема — в основе статьи Волошина «Пророки и мстители» (Перевал. 1906. №2. С.12-27).

⁸ Видимо, имеется в виду пребывание В.Иванова за границей (с 1886): «Душевная атмосфера этих лет была тихой, самоуглубленной, не без скованности», — отмечает С.С.Аверинцев (Иванов В. Стихотворения и поэмы. Л., 1976. С.14).

⁹ Оценка поэзии Волошина, данная В.Ивановым в 1904. (Волошин М. Автобиографическая проза. Указ. изд. С.202).

¹⁰ В книгах стихов «Злые чары: Книга заклятий» (М., 1906) и «Жар-птица: Свирель славянина» (М., 1907 — однако туда вошли стихотворения лета 1906, которые Иванов мог знать по журнальным публикациям)

К. Бальмонт обратился к славянскому фольклору, черпая оттуда темы и образы.

¹¹ Юргис Казимирович *Балтрушайтис* (1873-1944) — русско-литовский поэт-символист. Первый сборник его стихов вышел лишь в 1911, отдельные произведения печатались в альманахах «Северные цветы» (1901-1903) и в «Весах».

¹² *Елизавета Николаевна* Званцева (1864-1922) — художница, организатор частной художественной школы (с участием Л. Бакста, М. Добужинского) в своей квартире на Таврической, 25.

¹³ Речь идет о Е. И. Кармин (см. прим. 4 к письму 2).

¹⁴ Матрац (*фр.*). Имеется в виду тахта.

¹⁵ Елена Оттобальдовна Кириенко-Волошина (1850-1923) приехала в Петербург из Коктебеля только 9 ноября 1906.

¹⁶ Имеются в виду средства, выдававшиеся Сабашниковой ее родителями.

¹⁷ Петр Бернгардович *Струве* (1870-1944) — политэконом и критик, жил в доме 23 по Тверской улице. О его отношениях с Волошиным см.: Купченко В. «Я его знаю давно и близко»: М. А. Волошин и П. Б. Струве // Вестник русского христианского движения. 1993. №167. С. 156-166.

¹⁸ Анатолий Владимирович *Винберг* — адвокат (один из защитников П. П. Шмидта), приятель Волошина по университету. Жил в доме 1 по Таврической улице. Личное дело — в ЦГИА С.-Петербурга.

¹⁹ Письмо в архиве Волошина не сохранилось (или не было написано).

²⁰ Письмо Сабашниковой от 22 сентября 1906 — с выражением полного согласия на переезд в Петербург: «Я страшно рада кружку Иванова и Бенуа. Не только ты, но и я буду иначе работать /.../. Я хочу быть в России».

²¹ Сергей Алексеевич Соколов (1879-1936) — поэт, критик (псевдоним С. Кречетов), владелец издательства «Гриф» (в 1910 выпустивший сборник Волошина «Стихотворения. 1900-1910»).

²² Видимо, имеется в виду лекция «Пророки и мстители», прочитанная Волошиным в московском Литературно-художественном кружке 6 октября 1906.

²³ М. А. и В. М. Сабашниковы (см. прим. 7 к письму 2).

²⁴ *Ляйза* — домашнее прозвище Елизаветы Николаевны Гофман (урожд. Ивановой, ок. 1873-1941), кузины М. В. Сабашниковой.

²⁵ *Борис Николаевич* Гофман (1875-1941) — врач, муж Е. Н. Ивановой с 1903.

²⁶ В 1905-1906 Волошин много фотографировал (негативы хранятся в музее ИРЛИ), но о каких именно снимках идет здесь речь — неясно.

[24 сентября 1906] Утро

Моя милая, милая девочка... Вчера я был совсем болен и никуда не выходил. Жар, насморк, кашель — у меня всегда Петербург этим начинается. Сегодня у меня еще туман в голове и насморк, но надо бежать — покончить относительно комнат у Званцевой. А потом еще я должен сегодня обедать у Суворина...

Твоя телеграмма пришла вчера вечером. Пришли тоже корректуры «Индивидуализма в искусстве». В напечатанном виде она гораздо яснее и проще. Я даже немного там переделал. Эта статья мне даст, верно, рублей 50.

Вчера весь вечер я лежал в постели. Орлишка сидела надо мною, и мы долго и много говорили. Я много рассказывал ей про тебя и про нас... Только... Она все-таки меня продолжает любить...

У меня был жар и было так хорошо. Милая моя девочка...

Мне наша жизнь в Петербурге рисуется самыми радужными красками.

Даже самая черная работа, неприемлемая мне в Париже, здесь кажется для меня заманчивой. Можно будет так много сделать. Писать о людях. Передавать разговоры — построить мост между поэтами и большой публикой, как во Франции сделал Мирбо для Метерлинка¹.

И потом я чувствую, что я сам начну совсем иначе писать стихи — мне мои стихи теперь кажутся такими холодными и искусственными, что мне стыдно читать их. Милая моя девочка, как будет хорошо работать. Я думаю, что наше сожительство со школой будет для тебя страшно важно. Оно снова введет тебя в атмосферу живописи, захватит тебя. Да! Манасеина просила тебе передать, что иллюстрации твои выйдут *очень хорошо*, как сказал ей Голике².

До свидания, моя милая, милая девочка.

Я пишу это письмо в классе, сидя за детской партией.

Только вот насморк, насморк!!

¹ Печатных работ Октава Мирбо о Морисе Метерлинке не обнаружено. Возможно, Волошин получил соответствующие сведения от самого Мирбо (с которым познакомился в январе 1904) или от Метерлинка (летом того же года).

² Сабашникова сама иллюстрировала свою прозу для журнала «Тропинка». Роман Романович Голике — издатель и журналист, совладелец акционерного товарищества «Р.Голике и А.Вильборг» в Петербурге, одного из лучших полиграфических предприятий России (1903-1918).

[24 сентября 1906]
Воскресенье вечером

Милая моя девочка, что-то от тебя письма нет сегодня... Я был у Званцевой. Дал задаток за квартиру. Она будет за нами с первого октября.

У меня слипаются глаза сейчас. Месяц на меня из угла делает стойку. Он ходит по комнаткам и, точно собака, стучит когтями. Целый день он смотрится в зеркало, то в одно, то в другое. Все опрокидывает, все бьет.

Я обедал у Суворина. «ХХ век» разрешен и выходит во вторник. Я обещал фельетон и буду его писать завтра целый день. Поэтому я и пишу тебе сейчас, чтобы с утра приняться за работу.

От Званцевой я зашел к Вяч. Ив[анову], чтобы сообщить ему о том, что я поселяюсь под ним. Он был очень рад, и мы строим разные проекты. Он спросил:

— Вы собираетесь иметь какие-нибудь определенные дни?

— Да, я думаю.

— Так знаете — не соединиться ли нам вместе и не привлечь ли к этому Званцеву, чтобы устраивать эти собрания в ее мастерской? Потому что у меня очень уж тесно¹. И придать этому немного характер клуба. С известным небольшим взносом. Об этом поднимался уже в прошлом году вопрос. Только оставим эти проекты между нами. Не говорите пока ничего Званцевой.

Мы опять с ним много и горячо говорили. Разговоры с ним как-то ужасно ярко освещают для меня мои собственные мысли. Он так умеет вести беседу, что мысли невольно группируются в стройную систему.

Я чувствую, как мой ум может воспитаться от этого. Он мне сказал:

— С нашей встречи в Женеве Вы страшно изменились. В Вас явилось совсем новое. Явилась глубокая уверенность в чем-то. Вы импонируете этой уверенностью. Раньше мне казалось, что Вы видите ясно только часть дороги перед собой, а дальше белый туман и ничего, никакой цели. А теперь Вы точно стоите на вершине и видите целый лабиринт дорог...

В Ваших словах есть что-то сивиллинское... точноходишь в священную рощу...

Относительно преувеличения в словах В.Ив[анова]². У него нет преувеличения в точном смысле. Он не преувеличивает приятности и не умалчивает о недостатках. Только он старается для всего найти образ и этот образ бывает взят не по отношению к человеку, а сам по себе, и именно эта отделенность и законченность образа производит впечатление преувеличения по отношению к человеку. Но для него это не преувеличение — это только точное художественное определение.

Мне кажется, он твердо держится принципа не говорить приятной лжи и неприятной правды.

Во вторник я буду снова у него. Кузмин будет петь свои стихи со своей музыкой.

Покойной ночи, моя девочка.

Тобой здесь все очень интересуются и ждут твоего появления.

Как хорошо жить на свете...

Аморя, милая, как хорошо...

До свиданья.

P.S. Я написал Грифу, что в четверг буду в Москве и чтобы лекция была назначена как можно скорее³. Но сегодня узнал, что он поехал на съезд к[онституционных] д[емократов] в Финляндию и, значит, письма моего не получил.

Поэтому, пожалуйста, поговори с Раш[елью] Мироновн[ой]⁴ по телефону и сообщи ей, что я приеду в четв[ерг] и готов читать когда угодно, а то я боюсь, что эта лекция может задержать нас в Москве, а мне не хотелось бы оставаться дольше недели.

¹ Перенос литературных собраний к Волошину не был осуществлен.

² В письме от 22 сентября 1906 М.В.Сабашникова писала: «Говорят, у В.Иванова нужно отбавлять приятности, но все же, я думаю, у него с тобой действительно много общего».

³ См. прим. 22 к письму 3. В Москву Волошин приехал 28 сентября 1906.

⁴ *Рашель Мироновна* Гольдовская (1863-1928, урожд. Хин, в первом браке Фельдштейн) — писательница, драматург. Посетив Волошиных в октябре, так описала их в дневнике (1 ноября 1906): «Макс Волошин да-

ровитый человек, у него есть несколько действительно прелестных стихотворений, он обладает способностью к живописи, недурно образован, деликатен и воспитан. Не встретяся он с Бальмонтом, кот[орому] он стал рабски поклоняться, — из него бы, может быть, вышел талантливый писатель. /.../ Грустно смотреть — впрочем, более смешно, чем грустно, — как толстый, с апоплексической шеей, курчавый и бородатый Макс, Макс с солидным уже брюшком на коротких, жирных ножках — задушевым, аффектированным голосом тянет из себя перлы декадентской поэзии /.../ Жена его — Марголенька — художница. Она худа, как щепка, белокура, не малокровна, а совершенно бескровна, барышней — года два-три назад была не то чтобы недурна собой, а так, довольно мила. Теперь она ужасна. Какая-то высохшая, белая козявка. Оба они мне очень обрадовались» (РГАЛИ. Ф.128. Оп.1. Ед.хр.13).

6

Понедельник. [25 сентября 1906]

Милая моя девочка, это второе мое письмо сегодня¹. Оно будет чисто деловое.

Комнаты мы занимаем у Званцевой и обедать будем у нее же². Конечно, можно оговорить, чтобы нам в нашу комнату отдельно приносили. Относительно вегетарианства — мне уже пришлось его здесь нарушить, потому что оно ставило все время или хозяев дома, у которых я обедал, или меня самого в страшно неловкое положение. Так нельзя. Так что я его уже нарушил. Ел[изавета] Ник[олаевна] Званцева говорит, что если мы оба будем вегетарианствовать, то это не составит очень большого затруднения, но все-таки придется готовить второй отдельный обед. Но об этом мы поговорим и посоветуемся после.

Относительно вещей — я согласен, что выписывать большую скоростью очень дорого. Тогда мы сделаем так — платье вышлем сюда малой скоростью и энциклопедич[еский] словарь. А остальное пусть идет в Крым тоже малой скоростью.

Вяч. Иванов мне говорил, что если взять свидетельство в Париже, что я жил там больше трех лет, то я могу провезти все беспошлинно. Об этом надо узнать в таможене. Что касается платьев моих, то там очень много мне необходимого и хорошего, что мне надо будет в Петербурге. Не могу же я ходить в моем летнем костюме, в котором я теперь.

Если ты будешь просить Бенуа захватить бриллианты свои³, то попроси его тоже захватить и наши письма. Они в верхнем ящике комодика.

В сундук, я думаю, только-только войдут наши платья, пальто, белье и одеяла. Я Яше уже написал о том, что надо привезти⁴. Я прошу его привезти тоже татарские полотенца и индусскую ткань.

Только ты, пожалуйста, напиши ему еще сама и поподробнее все, что надо. Я, например, не помню совсем — взяли ли мы пакет с твоими неначатыми красками, что был завернут в бумаге в квадратной коробке. Мне кажется, что он в Коктебеле остался⁵. Мне жаль расставаться со скамейкой Чуйко. Я бы хотел ее выписать в Коктебель. Если же нет, то оставим ее на сохранение Ал[ексandre] Вас[ильевне]⁶.

Довольно об этом. Мне что-то надоело. Только напиши сейчас же Яше.

Правда, что Дэзи⁷ будет в Петербурге?

Ты тоже не находишь исхода от непонятного волнения и радости. Значит, вот он — выбор.

Случайность остановила нас на Петербурге, и сердце радостно и звонко подтвердило этот выбор. Как странно.

Да, конечно, мы будем кататься на коньках и на лыжах тоже. Я уже мечтал об этом. Мы в двух шагах от Невы и там совсем близко уже начинается загород. Потом мы поедем зимой в Финляндию на Иматру⁸. Да?

Только почему ты не спишь ночью? Без меня? Почему ясности в тебе нет?

В четверг. Четверг. Я бы раньше уехал, если бы не этот вечер со стихами Кузмина, назначенный специально для меня. До свидания...

Спи хорошо, моя девочка... Спи хорошо.

Макс

¹ Предыдущее письмо Волошина не обнаружено.

² Сабашникова писала (23 сентября): «Я не поняла, кто сдает комнаты, у кого мы будем столоваться. Вместе я не хочу; нам будут присылать. Узнай про стол и как же с вегетарианством».

³ «"Бриллианты" мои попрошу захватить Бенау, это одна шкатулочка», — писала Сабашникова (в том же письме).

⁴ Яков Александрович Глотов (1878-1938) — двоюродный брат Волошина, переводчик и журналист, член партии эсеров с 1901 по 1921. Из Коктебеля должен был привезти в Петербург постельное белье Волошиных.

⁵ Волошин и Сабашникова прибыли в Коктебель после свадебного путешествия из Парижа по Дунаю в начале июля 1906 и пробыли там до конца августа.

⁶ *Александра Васильевна* Гольштейн (1850-1937, урожд. Баулер, в первом браке Вебер) — писательница, жившая в Париже как политэмигрантка (была участницей одного из петербургских революционных кружков 70-х гг. XIX в.), хозяйка литературного салона. Волошин познакомился с ней и ее семьей весной 1901 и 22 августа писал А.М.Петровой о Гольштейн: «Я /.../ нашел в ней человека, от которого веет какой-то живой свежестью мысли».

⁷ *Дэзи* — домашнее имя Маргариты Михайловны Шевелевой (1884 — до 1939, в замужестве Янковская), троюродной сестры М.В.Сабашниковой, подруги ее детских лет.

⁸ *Иматра* — водоскат на реке Вуокса в южной Финляндии, место паломничества туристов.

7

[11 ноября 1906]

Милая моя девочка!

Сейчас два часа ночи. Мама меня встретила словами:

«Только что вы уехали — начались события: приехала Анна Рудольфовна!... Она еще вчера приехала».

Я сейчас же, в час ночи, помчался к ней. Разбудил весь дом ее тетки, но все-таки ее видел.

Мы решили так: ты приедешь во вторник и останешься здесь, пока здесь Ан[на] Рудольф[овна]. А она будет здесь недели 2-3.

Сию же минуту не приезжай: пробудь эти 4 дня там. Это необходимо. А [во] вторник утром приезжай.

Мы хотели было все за тобой ехать, но Анне Руд[ольфовне] это будет утомительно. Может, так и надо было тебе уехать, чтобы подкрепиться перед Ан[ной] Руд[ольфовной].

Милая девочка — поэтому нам так и было хорошо последнюю ночь в Петербурге, что Ан[на] Р[удольфовна] была уже здесь.

Завтра утром пойду в Эрмитаж и за покупками.

Я, конечно, после всей беготни проспал. И сейчас напишу Леману извинительное письмо.

Вот что еще было без нас:

1) Приходил некий молодой человек и велел передать тебе, чтобы «акварели» ты доставила на Морскую 34 не позже чем через неделю. Иначе будет *поздно*. И ушел, отказавшись назвать свое имя, но прибавив, что завтра уезжает в Москву.

Принесли тебе пакет, в котором какие-то два лоскута японских, очень тонких тростниковых циновок. Пакет здесь. Письмо посылаю.

3) Привез посыльный тебе меховую шубу с вокзала от свитского офицера. Без пояснений.

4) У нас чисто, копоти никакой².

Ан[ну] Руд[ольфовну] я видел минут 15. Мы только захлебывались. Сегодня буду у нее в 6 час[ов]. Сперва я думал, что лучше будет приехать к тебе вместе с Ан[ной] Руд[ольфовной], но вижу, что ей это все-таки утомительно.

За покупками мы поедem после завтрака. Я решил купить тебе только панталоны. Боюсь, что платок оренбургский очень дорог. Если не дорог — куплю. Теперь все сменяется, если ты приедешь во вторник. Тогда купишь себе шапочку. Клетчатый платок все-таки посылаю.

Адрес Алеши³: Leipzig. Hohenzollernstr. 16-II г. Он был с Ан[ной] Руд[ольфовной] на лекции о крови⁴. Лекции эти здесь.

Напиши, в котором часу ты приедешь во вторник. Тогда я позову Ан[ну] Руд[ольфовну] к нам.

¹ Анна Рудольфовна Минцлова (1865-1910) — переводчица, теософка. Имела огромное влияние на Волошина в 1905-1906 (см. его дневник за эти годы в кн.: Волошин М. Автобиографическая проза. Указ. изд.).

² 8 ноября 1906 в квартире В.И.Иванова (над Волошиными) случился пожар: сгорела кухня.

³ Алексей Васильевич Сабашников (1883-1954) — брат М.В.Сабашниковой, находившийся в Германии на учебе. Член Теософского (затем и Антропософского) общества. После революции — эмигрант.

⁴ Р.Штейнер читал доклады в Лейпциге 12 и 13 октября 1906 (Lindberg С. Rudolf Steiner: Eine Chronik, 1861-1925. Stuttgart, 1988. S.248). Высказывания о крови разбросаны по многим его лекциям (есть отдельно: «Эфиризация крови», «Кровь — совсем особый сок»). См. также: Штейнер Р. Очерк тайноведения. Л., 1991. С.86-91.

Воскресенье
[12 ноября 1906]

Милая моя девочка, только что получил твое письмо¹. Как мне жаль тебя отрывать оттуда. Но я думаю, что ты за несколько дней отдохнешь, а потом, через неделю или полторы, когда Ан[на]

Руд[ольфовна] уедет, а в Финляндии выпадет снег, ты вернешься снова.

Вчерашний день — суббота — для меня был днем писем: деловых и других. Я исполнил все свои старые долги. Написал Ньюше², тете Кате³ и твоему папе.

Потом исполнял твои поручения вместе с мамой. После обеда был у Ан[ны] Руд[ольфовны].

Она живет у своей тетушки — очень почтенной дамы и мое ночное вторжение произвело в этом скромном и чинном доме глупое впечатление.

С Ан[ной] Руд[ольфовной] мы говорили часа два. Но отрывочно. Перескакивая с вопроса на вопрос. Письма твоего она не успела еще получить. «Майа-Мария»⁴ произвело на нее страшное впечатление. Она говорит, что оно совпадает почти дословно с тайной молитвой розенкрейцеров⁵, известной только посвященным, которая кончается призывом — «Майа».

Потом мы с ней говорили о крови. Она успела мне только сказать, что у крови есть связь с Сатурном. Она возникла — там⁶.

При разрыве с каждой планетой бывает страшная трагедия, которая и заложена в той стихии, которая выработалась на этой планете.

Кровь — трагедия Сатурна.

Зрение и ощупь — трагедия Солнца.

Пол — трагедия Луны.

Кровь знает больше человека. От ужаса крови человек может умереть.

Потом я рассказывал ей про Ивановых, про Ремизовых — особенно про последних⁷. Сегодня она придет ко мне после обеда. Я познакомлю ее с Ивановыми. С Ремизовыми я хочу, чтобы она познакомилась при тебе.

Только что она была в Мюнхене. Привезла нам привет от Графини⁸ и FrI. Stinde⁹. Они от нас в восторге. Письма твои получили. Но были так заняты все время, что не имели возможности ответить. Все собираются и извиняются перед тобой.

На будущий теософский конгресс, устраиваемый в Мюнхене¹⁰, я избран почетным распорядителем — против всяких правил, т[ак] к[ак] не члены не могут быть распорядителями. Но по настоянию Мюнхенской секции. Хотя Ан[на] Руд[ольфовна] и говорила, что, может, мы и не сможем из России приехать к конгрессу.

Вечером Ан[на] Руд[ольфовна] отправилась в театр, а я домой. И провел весь вечер в уединении за письмами.

«Гедда Габлер» у Комиссаржевской провалилась¹¹, как мне сказал Чулков¹².

Мама ночует теперь у меня. Копоть вся счищена. Я взял у Ан[ны] Руд[ольфовны] все переведенные ею лекции Штейн[ера], чтобы переписать их для нас. И мама теперь сидит рядом со мной за столом и переписывает.

Только что пришло извещение, что пришли наши вещи малой скоростью. Надо уплатить 57 рублей. Поеду в Таможню завтра утром.

Вчера в мое отсутствие заезжал Ник. Фед. Дж[унковский]¹³; виделся с мамой. Сказал, что уедет во вторник.

Лид[ии] Дм[итриевны]¹⁴ я не видел. Вячес[лаву] И[вановичу] сказал просто, что ты от копоты бежала в Финляндию умыться и вернуться во вторник.

Но если ты высидишь и дольше вторника, то оставайся там. Потому что ведь Ан[на] Руд[ольфовна] пробудет 2 или 3 недели.
До свиданья.

¹ Письмо без даты (видимо, от 12 ноября), — где Сабашникова признавалась: «Если бы не Анна Руд[ольфовна], я бы ни за что не уехала в Питер».

² А.Н.Иванова (см. прим. 1 к письму 2).

³ Е.А.Бальмонт (см. прим. 6 к письму 1).

⁴ Имеется в виду стихотворение Волошина «Гностический гимн Деве Марии» (1907).

⁵ *Розенкрейцеры* — члены тайных обществ религиозно-мистического характера в XVII-XVIII вв. в Германии, Нидерландах, России и др. странах, названные по имени легендарного основателя Христиана Розенкрейца (XV в.).

⁶ См. далее (письмо 20) стихотворение Волошина «Кровь», в основу которого легли эти «тайновидческие» построения Штейнера.

⁷ Алексей Михайлович *Ремизов* (1877-1957), писатель, и его жена Серафима Павловна (урожд. Довгелло, 1876 — ок.1943), палеограф. Волошин познакомился и подружился с ними осенью 1906; в цикле «Лики творчества» дал восторженный отзыв о книге Ремизова «Посолонь» (Русь. 1907. 5 апреля).

⁸ Паулина фон Калькрейт (1856-1929) — графиня, фрейлина Императорского двора. Теософка. Ее письмо к Сабашниковой (от 5 февраля 1907) сохранилось в архиве Волошина (ИРЛИ. Ф.562. Оп.5. Ед.хр.79).

⁹ Софи *Штинде* (1853-1915) — теософка, позднее — главный организатор постановок драм-мистерий Р.Штейнера.

¹⁰ Конгресс федерации европейских секций Теософского общества состоялся в Мюнхене 18-21 мая 1907 (Lindberg С. Op. cit. S.258-259). На этом

конгрессе «закладывались основы нового антропософского искусства» (Прокофьев С. Рудольф Штайнер и краеугольные мистерии нашего времени. Ереван, 1994. С.88).

¹¹ Пьесой Г.Ибсена «Гедда Габлер» (1890) был открыт 10 ноября 1906 театр В.Ф.Коммиссаржевской на Офицерской улице. Поставил пьесу В.Э.Мейерхольд, декорации написал Н.Н.Сапунов. Модернистский характер постановки, поведший к расхождению с авторским замыслом, вызвал неприятие зрителей и рецензентов (в частности — А.А.Блока и А.В.Луначарского).

¹² Георгий Иванович Чулков (1879-1939) — поэт, прозаик, драматург, критик.

¹³ Николай Федорович Джунковский — управляющий Курской казенной палатой, переводчик. Брат В.Ф.Джунковского, московского генерал-губернатора (с 1905 по 1913). Был влюблен в М.В.Сабашникову.

¹⁴ Лидия Дмитриевна Зиновьева-Аннибал (1866-1907, в первом браке Шварсалон) — вторая жена В.И.Иванова, писательница. Волошин посвятил ей стихотворение «Одиссей в Киммерии».

9

[12 ноября 1906]
Воскресенье. Ночь.

Милая моя девочка! Сейчас уже поздно, но я хочу тебе все-таки описать сегодняшний день до сна.

После обеда пришла Ан[на] Руд[ольфовна]. До обеда я работал. Почти тотчас же пришла и Лидия Дм[итриевна] и почти тотчас же начала:

— Вячес[лав] Ив[анович] очень хотел просить Вас об одной нашей знакомой. Сомов Вам писал об ней. Она хочет поступить в буддийск[ий] монастырь в Индии. Это такое глубоко несчастное существо. Вся ее жизнь... Ей было 15 лет, когда над ней совершили насилие. Это положило печать на нее. Она очень чувственна, но у ней другие порывы, мечта о белых ступенях. Она хотела сама Вам писать, но рвала письма. Она была в страшном отчаянии в эту осень. Вяч[еслав] Ив[анович] ее всячески успокаивал, но ей нужна дисциплина, власть над ее волей. Она хотела отравиться. Теперь она уехала за границу, но потеряла деньги и возвращается. Будет через 2-3 дня здесь. Поговорите с ней, помогите ей. Вы одни можете это. Чулков говорит, что года 4 назад она была замечательно хорошенькой. Но теперь за этот год она страшно изменилась. Сомов говорит, что ему сначала страшно было быть с ней и смотреть на нее. Она писательница и очень талантливые вещи писала¹.

Б.Н.Лосский - хранитель музеев г.Тура. Ок.1952.

М.И.Каган, С.И.Каган и их дочь Юдифь. 1927-1928.

Владимир Аллой.

Слева направо: А.И.Гинзбург, К.Д.Померанцев и И.С.Гинзбург.
1981.

М.В.Сабашникова.
Париж, 1906.

М.А.Волошин. Коктебель, 1906.

Г.В.Адамович. 1950-е.

Г.В.Иванов. Конец 1940-х.

Слева направо: два неустановленных лица, И.В.Одоевцева, Ю.К.Терапиано, А.С.Шиманская, Е.Рубисова. Ганьи, 1962-1963.

Потом, когда я провожал Ан[ну] Руд[ольфовну], я тотчас заговорил с ней об Мирэ. Она сказала, что Сомов написал ей об ней длинное и трогательное письмо, где просил помочь этой бедной женщине, как его другу, как его сестре.

Я сказал Ан[не] Руд[ольфовне], что я ее очень хорошо знаю, и что был момент, когда жизни наши были связаны, и что я не видел ее три года².

Но не сказал ничего точно, что было. Теперь это меня мучит и беспокоит. Я не знаю, надо ли Ан[не] Руд[ольфовне] знать или не надо. Мне так необходимо с тобой об этом посоветоваться.

Ан[ну] Руд[ольфовну] рассказ Лид[ии] Дм[итриевны] очень потряс — она была подготовлена письмом Сомова. У меня какое-то чувство радости и страшного волнения. Точно в том, что Мирэ едет в Петербург и что ей надо будет именно через меня познакомиться с Ан[ной] Руд[ольфовной], — все это так странно, так совпадает. Точно здесь какая-то определенная судьба — указание. У меня чувство вины и стыда перед Мирэ. Я не знаю почему. Это то, что не было оправдано в моей жизни и теперь как бы дает и указывается, что надо делать, как связать нити. Как все странно. Моя душа трепетала вся трепетом ожидания и волнения, когда Лид[ия] Дм[итриевна] рассказывала, не называя имени.

Кончив рассказ, она ушла и пришел Вяч[еслав] Иван[ов]. Он читал стихи. Потом он говорил о Христе и Люцифере.

Он очень понравился Ан[не] Руд[ольфовне]. Она говорит, что редко ей с кем бывало так легко и свободно, как с ним.

Она ушла в 9 час[ов]. Я ее провожал и усадил на извозчика.

После зашел на минутку к Вяч. Ив[анову] и остался там на целый вечер, читая друг другу стихи.

¹ Речь идет об Александре Михайловне Моисеевой (1874-1913), писательнице (псевдоним Мирэ).

² Волошин познакомился с А.М.Моисеевой, по-видимому, в Париже в начале 1902. 8 июля 1902 о встрече с ней — как с общей знакомой — писал Волошину С.Л.Поляков (Литовцев). 7 августа 1904 Волошин сообщал Г.И.Чулкову, что стихи последнего недавно читала ему «наша общая знакомая Алекс. Мих. Моисеева», которую поэт «случайно встретил в Париже» (РГБ. Ф.371. Оп.2. Ед.хр.76). 13 августа 1905 Волошин упомянул в дневнике, как «самый позорный факт своей жизни», свое «падение (Мирэ)».

Пятница. 1 декабря [1906]
Утро.

Милая моя девочка!

Вот утро. Я один в пустых комнатах и мне странно просторно и свободно. Я начинаю заниматься то тем, то другим, но мне никто не мешает, и я все меняю планы: то начинаю писать статью, то стихи...

Вероятно, я не могу хорошо работать, если мне не мешает моя милая девочка. И я не нахожу ничего лучшего, как употребить это драгоценное утро, из-за которого я так ссорюсь с тобой и ворчу на тебя, как на писание письма тебе. Милая, милая моя девочка. Я тебя так люблю...

Ile me diseutes yeux, clairs comme le cristal,
«Pour toi, bizarre, aimant, quel est donc mon mérite
...Berceuse dont la main aux longs sommeils m'invite!
Aïmons — nous doncement... o pâle marguerite!
Comme moi n'est tu pas un soleil¹ automnal,
O ma si blanche ô ma si froide Marguerite?»¹

Угадай, какой поэт написал эти строки, без сомнения относящиеся к тебе?

После твоего отъезда произошло вот что: я пошел и купил тебе словарь и отправил его. Словарь большой — Макарова². Толстого, как я хотел, я не нашел. Затем — к Ан[не] Руд[ольфовне]. Она очень возбуждена, взволнована. Она знает, что у Ивановых и очень, очень беспокоится за них³.

Я отвез ее к Мирэ и о результатах этого свидания не знаю еще. Я увижу Ан[ну] Руд[ольфовну] сегодня вечером.

Затем приезжала к нам с визитом m-me Суворина⁴ — очень извинялась, что не приняла нас тогда. У нее была тогда консультация — она была больна. Очень просила приехать нас обедать, как только ты вернешься.

С большим вниманием осматривала комнаты наши и сказала:

«Про вас говорили, что вы за своей женой три миллиона взяли. Но теперь я вижу, что это неверно».

После обеда пришел Чуковский⁵ и с удивительным юмором рассказывал свою жизнь и свои приключения. Потом пришел Городецкий. Так весь вечер.

Лидию Дм[итриевну] перевезли в больницу. Ей еще хуже. Но доктор говорит, что опасности нет, но он же и настоял на ее перевозе в больницу.

Да, еще у нас был Блок во время обеда⁶ и обедал Вячес[лав] Иванов.

Словом, как ты только уехала, так гости и посыпались на меня до самой глубокой ночи.

Сейчас я иду в контору «Руси» посмотреть, нельзя ли получить жалованья, и по дороге опущу это письмо.

Как ты себя чувствуешь, моя милая, милая девочка?

- ¹ Они говорят мне, твои глаза, светлые, как кристалл:
«Для тебя, странного, любящего меня, непонятно за что...
Колыбельная, чья рука зовет меня к долгим снам!
Будем нежно друг друга любить... о, бледная маргаритка,
Ты ведь, как и я, не осеннее солнце,
О, моя белейшая, о, моя столь холодная Маргарита?» (фр.).

Источник цитаты не установлен.

² Николай Петрович *Макаров* (1810-1890) — составитель словарей иностранных языков: французского, немецкого, английского и др.

³ Речь, по-видимому, идет о болезни Л.Д.Зиновьевой-Аннибал, — которую в тот же день отвезли в больницу (см. далее).

⁴ Речь идет о Е.К.*Сувориной*.

⁵ Об отношениях К.И.*Чуковского* (1882-1969) с Волошиным см.: Купченко В. Остров Коктебель. М., 1981. С.37-41; Чуковский К. Дневник: 1901-1929. М., 1991. С.55, 248-250.

⁶ См.: Письма А.А.Блока к родным. Указ. изд С.160.

11

2 декабря [1906]
Суббота

Милая моя девочка,

Сегодня я весь день работал и закончил статью о переводах Брюсова. Завтра утром посылаю их ему¹. Маме она очень понравилась и по тону, и по содержанию.

Вчера я был у моего дяди² с мамой. Странная, давно забытая атмосфера. Я немножко жалел тетю.

После был у Ан[ны] Руд[ольфовны]. Она мне только в общих словах говорила о Мирэ. Они с ней говорили долго и много. Ан[на] Руд[ольфовна] ее очень жалеет. Они должны еще раз увидеться.

А[нна] Р[удольфовна] была очень утомлена и поэтому мы сидели так тихонько обнявшись на диванчике. А потом она мне кончила читать примечания к L.s.b.S.³

Мы с мамой сегодня едем на «Сестру Беатрису» к Коммиссаржевской⁴.

Билетов у нас нет, едем на авось.

У Ивановых квартира заперта, и никого нет уже второй день.

Лид[ия] Дм[итриевна] в больнице (где? не знаю!!). Вяч[еслав] Ив[анов] уехал в Москву судить Черта⁵. Городецкий в пространстве.

Послылаю тебе письмо, пришедшее сегодня утром. Я сейчас очень устал от напряженной работы целого дня.

Завтра напишу тебе письмо получше.

До свидания, моя девочка.

Когда ты хочешь, чтобы я приехал к тебе?

¹ Статья Волошина «Эмиль Верхарн и Валерий Брюсов» с критикой брюсовских переводов Верхарна в книге: Верхарн Э. Стихи о современности. М., 1906. Напечатана в «Весах» (1907. №2. С.74-81). Переписку Волошина с Брюсовым по поводу этой статьи см.: Литературное наследство. Т.98. Кн.2: Валерий Брюсов и его современники. М., 1994. С.365-369. (Публикация К.Азадовского и А.Лаврова).

² Владимир Оттобальдович Глазер (1845-1908) — статский советник, живший с женой Марией Васильевной и двумя детьми на Надеждинской улице (дом 38, кв. 17).

³ «La Lumier sur la Sentier» («Свет на пути») — книга (1885) английской теософки Мабель Коллинз (1851-1927).

⁴ Драма М.Метерлинка «Сестра Беатриса» (1900) была впервые поставлена в театре В.Ф.Коммиссаржевской В.Э.Мейерхольдом 22 ноября 1906.

⁵ Речь идет о конкурсе журнала «Золотое руно» на тему «Дьявол в литературе и изобразительном искусстве», в котором приняли участие М.Добужинский, А.Кондратьев, М.Кузмин, П.Потемкин, А.Ремизов, Ф.Сологуб, Н.Феофилактов, Саша Черный и др.; в жюри были А.Блок, В.Брюсов, В.Иванов, А.Курсинский, Н.Рябушинский. См. также далее прим. 11 к письму 13.

Милая моя, милая моя девочка...

Конечно — это решено. В январе мы едем в Мюнхен¹. Я сегодня же отправлюсь обедать к Суворину и переговорю с ним об этом. Я уверен, что препятствий не будет. Когда я прочел твое

письмо, то я понял, что я в сущности все время в глубине души мечтал об Мюнхене. Для меня в сущности теперь должна быть одна цель — учиться у Штейнера. Для этого я должен изучить немецкий язык. Я могу это сделать только в Германии. Мюнхен как раз такой город, который может мне давать материал для газетной работы. Словом, это решено. Вопрос только во времени. Я думаю, что к половине января мы устроимся. Мы съездим в Москву, я прочту лекцию². Где достать денег? Я теперь получу скоро за «Пророков и мстителей» — 100 р[ублей] или около, да за лекцию 100. Да «Русь» еще мне около 300 должна. Вот переезд и первое время жизни нам обеспечены.

Вопрос только об «Руси», но я не вижу никакой причины — почему бы Суворину не согласиться на это, как он согласился на то, что я буду в Петербурге.

Летом мы останемся тогда там и будем жить или в Тироле, или в итальянских Альпах.

Сейчас Петербурга и России с меня довольно — я взял все, что мне было нужно.

Мне еще много надо работать над собой и над своим образованием.

Все наши вещи мы отправим в Коктебель, а с собой возьмем только платья и десяток книг. Хорошо? Чтобы быть совершенно свободными.

Как тебе хорошо будет в Мюнхене работать и писать!

Милая моя девочка, конечно, в Мюнхен — без всяких колебаний.

Мы будем ездить в Италию иногда. Это так близко оттуда. Я буду делать горные экскурсии. Я, наконец, похудею!!

Я смотрю на это, как уже на решенный вопрос и остается только найти средства к осуществлению.

Сейчас утро. Я еще никого не видел. Мама еще не знает об этом нашем новом решении.

То, что ты пишешь о секте³, я не совсем понимаю, и секты никакой не вижу. Секта «Эроса»? Я в нее не хочу, это не моя область, не мое пламя⁴.

Милая моя девочка, мы с тобой поступили в секту Штейнера.

Меня ужасно смешит твоя фраза: «У нас какая-то проституция, а не семья». Милая, милая моя... Да разве у нас есть «семья»? У нас содружество и как там угодно, но не семья⁵.

Вчера у нас в Таврическом саду бросали бомбы и стреляли в Дубасова⁶, но я ничего этого не знал и прочел только сегодня в газетах. Однако не убили его, только ранили.

Вчера я был у Коммиссаржевской в театре на «Сестре Беатрисе».

Это очень хорошо. Я сейчас буду писать об этом статью⁷.

Ан[ну] Руд[ольфовну] я не знаю, когда увижу. Она эти дни занята и обещала мне написать. Сегодня вечером выяснится у Суворина судьба нашего мюнхенского плана.

До свиданья.

¹ В письме от 1 декабря Сабашникова писала: «Я вижу очень ясно, что мне рано жить в Петербурге. /.../ Я прошу у тебя года два уединенной жизни, полной работы и ритма. Поедем в Мюнхен. Причастимся еще греческой и германской культур и музыки. Я очень хочу музыки, Макс. Ты будешь заниматься под руководством Штейнера. У нас будет уютно».

² Приехав с женой в Москву 31 декабря 1906, Волошин находился там 8 или 9 дней, однако сведений о прочитанной там в этот период лекции не обнаружено.

³ Рассуждая о том, что в Петербурге им «рано жить», Сабашникова 1 декабря писала: «Через несколько лет мы должны вернуться и войти в эту "секту" активным и сильным началом».

⁴ Имеется в виду атмосфера, создавшаяся на «башне» В.И.Иванова (автора книги «Эрос», как раз в декабре им заканчивавшейся). См. об этом: Волошина М. Зеленая змея. Указ. изд. С.157-164.

⁵ Сабашникова поставила условием своего брака с Волошиным его фиктивность, отсутствие «плотских отношений» (См.: Купченко В. Принцесса Серебряного века // Русская мысль. 1994. №4029. 12 мая).

⁶ Федор Васильевич *Дубасов* (1845-1912) — адмирал, генерал-адъютант, в 1905-1906 (до июля) — московский генерал-губернатор. Руководил подавлением декабрьского вооруженного восстания в Москве. Покушение на него 2 декабря 1906 было совершено эсерами (двух задержали, третий скрылся). Дубасов был ранен осколками бомбы в ногу.

⁷ Статья Волошина «"Сестра Беатриса" в постановке театра В.Ф. Коммиссаржевской» была напечатана — в цикле «Лики творчества» — в газете «Русь» (1906. 9 декабря. №71).

Милая моя девочка, милая моя девочка!

Я сижу и о тебе радуюсь и страшно, страшно люблю тебя. Мне ужасно много надо написать тебе.

Я был вчера у Суворина и сказал ему, что мы едем в январе в Мюнхен. Он был очень опечален, так как имел, кажется, какие-то планы относительно меня в Петербурге, но, тем не менее, не протестовал и против Мюнхена. И все условия мы оставляем по-прежнему.

Так что это покончено. Но как же так, моя девочка, — я-то еду в Мюнхен, а ты уже все переменяла и нанимаешь дачу в Финляндии¹?

Я думал, что ты только об Мюнхене и мечтаешь (как я), а Анат[олий] Льв[ович]², который привез мне твое письмо, был совершенно потрясен, как полной неожиданностью, когда я ему сказал, что мы 15 января едем в Мюнхен.

Милая моя девочка! Мне очень хочется тебя видеть и быть с тобой в Финляндии. Но я сейчас к тебе все же не приеду. Я хочу работать, именно сейчас очень работать. Я написал фельетон о «Сестре Беатрисе» и теперь почти уже закончил большой фельетон об «Яри» Городецкого, которая у меня лежит в корректурах.

Вчера я был на «Вечной сказке» Пшебышевского³. Это было плохо.

После театра я отправился к Розановым⁴. Это были именины его жены. Меня встретили с распростертыми объятиями, страшно ласково, и просили непременно привести тебя.

Там были Ремизовы, Бакст. Бакст мне рассказывал, как Симону⁵ понравилась твоя «Нюша»⁶.

Я сказал Сераф[име] Пав[ловне]⁷, что мы, по всей вероятности, уезжаем в Мюнхен, и надолго. Она опечалилась, вспыхнула, взволновалась. После ко мне подошел Ал[ексей] Мих[айлович]⁸ и стал говорить:

«Вы должны непременно уговорить Серафиму Павловну поехать за границу. Пусть она к Вам поедет летом. Примите ее. Вы себе и представить не можете, сколько тут скрыто, сколько здесь похоронено, сколько тут могил. Ведь сколько она об заграничье мечтала. Вы думаете, что ночью мы спим. Что у нас ночью... Двaтри часа сна беспокойного...

Вот вам и Марг[арите] Вас[ильевне] она поверила. Вы ведь не знаете, что это значит: человеку поверить. И вот вы уезжаете...»

Я после долго еще говорил с Сер[афимой] Пав[ловной], рассказывал ей, как дешево можно жить за границей. Звал ее к нам, если мы будем там летом, чтобы жить в Тироле и проехать по Северной Италии.

Я не все понял, что говорил мне Ремизов. Но видел, что наш отъезд какое-то большое событие в их жизни.

После я еще говорил с Бакстом. Он мне *страшно* нравится. Он говорил, что он крайне огорчен тем, что тебя нет и что ты не работаешь в мастерской. Что он очень рассчитывал показывать другим, *как следует* работать.

Ан[ну] Руд[ольфовну] я не видел уже несколько дней, и все не имею от нее обещанной вести. Вчера ночью я, едуци к Розанову, проезжал мимо ее дома. Окна ее были освещены. Верно, она беседовала с Анатол[ием] Львовичем.

Я еще раз перечел твое письмо. Мне очень нравятся твои стихи.

Но сегодня от тебя нет письма.

И все-таки я не смогу приехать, пока не напишу еще 3-4 статьи и лекции.

Мне нужен ритм для работы. Теперь он возник, и мне очень хорошо работается. А там меня ведь все время будет тянуть днем в лес, кататься и бегать на лыжах, а вечером мне никогда не работается. И теперь с тобой будет Марг[арита] Алекс[еевна]⁹. Нет, моя девочка, как это ни соблазнительно, а я теперь не приеду, а приеду к концу твоего пребывания там. А ты сюда не возвращайся до самого конца — не надо тебе возвращаться в Петербург до 20.

Я тебе писал, что мама едет с нами в Мюнхен?

До свиданья, моя милая девочка. Мое присутствие в Петербурге сейчас необходимо еще потому, что мне надо видеть разных людей, много людей. И устроить себе еще разную работу.

Лид[ии] Дм[итриевне] не хуже, но и не лучше. Она лежит в Евгеньевской больнице¹⁰. Вяч. Ив[анов] еще не вернулся.

Мама очень тебя целует. Когда ты вернешься из Финляндии, мы поедem с тобой к Розанову. У него удивительно хорошо, и он сам и его жена.

Вяч. Ив[анов] только что приехал. Премия I присуждена Ремизову и Кузмину — за литер[атуру]. За стихи один сонет II прем[ия]¹¹. Рисунки — никому. Лид[ии] Дм[итриевне] немного хуже. Все время идет то улучшение, то ухудшение.

¹ В письме Сабашниковой от 2 декабря (по контексту) уже не было ни слова о Мюнхене, а следующее письмо (3 декабря) начиналось стихотворным описанием «старой дачки» среди берез, — где она и предлагает поселиться. «Ты будешь писать стихи на воле. /.../ А я буду бегать на лыжах» и т. д. В конце концов, поездка Волошина и Сабашниковой в Мюнхен не состоялась.

² Анатолий Львович Любимов (1882-?) — приятель А. В. Сабашникова по гимназии, затем студент-естественник. В 1920-е — специалист по

геологии и горному делу, заведующий планово-экономическим бюро НИИ цветных металлов. Погиб в заключении.

³ 3 декабря в театре В.Ф.Коммиссаржевской состоялась вторая генеральная репетиция пьесы С.Пишбышевского «Вечная сказка» (1905). Премьера — 4 декабря 1906.

⁴ Василий Васильевич *Розанов* (1856-1919) — писатель, философ. Подарил «глубокоуважаемому Максимилиану Александровичу Волошину на добрую память» свою книгу «Ослабнувший фетиш: Психологические основы русской революции» (СПб., 1906). Его жена — Варвара Дмитриевна Розанова (1864-1923, в первом браке Бутягина).

⁵ Люсьен *Симон* (1861-1945) — французский художник.

⁶ Портрет А.Н.Ивановой был выполнен Сабашниковой в 1903, экспонировался на Русской художественной выставке в Париже осенью 1906.

⁷ С.П.Ремизова-Довгелло.

⁸ А.М.Ремизов.

⁹ М.А.Сабашникова.

¹⁰ Больница С.-Петербургского попечительного комитета при Общине Св. Евгении находилась в доме 29 по Новгородской улице. У Зиновьевой-Аннибал была «жаба». По В.Далю, так называли ангину; однако А.Тыркова-Вильямс писала 15 декабря 1906 А.В.Гольштейн, что «жена Иванова поправляется от воспаления легких» (Частн. собр., Нью-Йорк).

¹¹ Отчет жюри по конкурсу «Дьявол» был напечатан в журнале «Золотое руно» (1907. №1. С.74). Первая премия была присуждена А.М.Ремизову за рассказ «Чертик» (опубликован там же. С.39-52) и М.А.Кузмину за рассказ «Из писем девицы Клары Вальмон к Розалии Тютельмайер» (С.37-38). Вторую премию за стихи получил А.А.Кондратьев — за сонет «Пусть Михаилом горд в веках Иегова...» (С.29); первая премия за стихи не присуждалась.

14

Среда. 6 декабря [1906]
Вечер

Милая моя девочка, сегодня я целый день ждал Маргар[иту] Алекс[еевну], чтобы послать тебе¹, но она не захала, верно, она уже у тебя.

Вчера вечером я нашел твое письмо, где ты просишь дать книгу Мар[ии] Конст[антиновне]² (это Станюкович?). Но я Марья Конст[антиновны] не видел — одно письмо лежало в передней.

Я очень смущен. Ты ни слова не пишешь о Мюнхене, в то время, как я уже все решил, устроил, всем рассказываю, что мы едем. Что это значит? Я ничего не понимаю... Ты расхотела ехать в

Мюнхен? Я думаю, что для нас с тобой Мюнхен — это единственное и естественное прибежище. Надо быть там, где Штейнер. Боюсь, что это наше решение очень изумит и рассердит Мар[гариту] Алек[сеевну], но я думаю, что это единственное действительно благоразумное, что мы можем теперь сделать.

Но только отвечай же мне, пиши мне о Мюнхене, а то я чувствую себя говорящим в пустое пространство, и твое вчерашнее письмо прямо рассердило меня: ты зовешь меня, и ни слова не пишешь о главном в нашей жизни³.

Милая моя девочка, я не могу сейчас приехать. Я хочу очень работать. (Сегодня я закончил большую статью о Городецком, которая маму привела в восторг — она никогда так меня не хвалила).

Потом я сейчас чувствую [себя] простуженным, насморчным, животоболящим, ногонарывающим и т.д., а в таком виде совершенно не хочу ехать к тебе.

Милая моя девочка, я очень люблю тебя издали и меня очень соблазняет твой зов. Но мне надо воспользоваться этими последними неделями в России, чтобы исчерпать людей, больше написать, найти себе еще журналы и газеты.

В этом я рассчитываю очень на указания Чуковского.

Потом я думаю, что лучше будет, если я приеду к тебе после отъезда Мар[гариты] Алек[сеевны]. Мне кажется, что тебе не следует разрываться между двумя людьми: это тебя утомляет и раздражает. Долго ли Мар[гарита] Алек[сеевна] пробудет в Финляндии?

Теперь я буду писать статьи о театре Коммиссаржевской для «Весов»⁴. Потом лекцию⁵, окончу статью о Реми де Гурмоне, начатую еще осенью⁶.

Вчера мы с мамой были у моего старого друга, Валериана Вяземского⁷, только что приехавшего из Ташкента.

Я был страшно счастлив увидеть и его, и его жену⁸, и очень мне хочется, чтобы ты познакомилась с ними.

Только что была Орлишка — лежала со мной рядом на кровати, блаженствовала и болтала много и загадочно. Узнавши, что сегодня проезжает через Петербург Марг[арита] Алек[сеевна], она воскликнула одно слово: «Смоквы!!» и сконфузилась.

Сегодня Вяч. Иван[ова] не видел. Сейчас, верно, увижу его у Кузмина, который приходил меня звать к себе сегодня вечером⁹.

До свиданья, моя милая, моя любимая девочка. Клянись Марг[арите] Алек[сеевне] и скажи ей, что я очень, очень, действительно огорчен, что мы не увиделись в Петербурге.

Моя милая, любимая маленькая Аморя... До свиданья.

¹ Привезти «штучки такие» — с соответствующим рисунком — Сабашникова просила Волошина в письме без даты (от 3 декабря).

² *Мария Константиновна Станюкович* (1875-1942) — дочь писателя-мариниста. Посылая с ней свое письмо от 4 декабря, Сабашникова сообщала, что «ей очень хочется» прочесть труды французского оккультиста Элифаса Леви.

³ В письме от 4 декабря 1906.

⁴ Статья Волошина о театре в журнале «Весы» не появилась (по-видимому, не была написана).

⁵ Волошин готовил для московского Литературно-художественного кружка лекцию «Судьба богов»; 11 ноября 1906 он сообщал Брюсову ее содержание: «история античн[ых] богов после падения античного мира, как она обнаружилась у Ан[атоля] Франса, у Р[еми] де Гурмона, Гейне и т.д.» (Литературное наследство. Т.98. Кн.2. Указ. изд. С.364). Видимо, для прочтения этой лекции поэт приехал 30 декабря 1906 в Москву (вернулся в Петербург около 10 января 1907) — однако упоминаний лекции в периодической печати не обнаружено.

⁶ Статья Волошина «Реми де Гурмон. "Une nuit à Luxembourg". Edit. "Mercure de France"» (Ночь в Люксембургском саду. Издание «Меркюр де Франс») была опубликована в газете «Русь» (1907. 30 июня. №168).

⁷ *Валериан Орестович Вяземский* (1867-1924) — инженер путей сообщения, знакомый Волошина с его детских лет.

⁸ Мария Николаевна Вяземская (урожд. Изотова, ок. 1878-1942), жена В.О.Вяземского с 1897.

⁹ Согласно дневнику М.Кузмина, у него на квартире вечером 6 декабря он читал свой рассказ «о черте» (см. прим. 11 к письму 13), а А.М.Ремизов — свои притчи «О безумии Иродиадином» и «Гнев Ильи-пророка». Присутствовали: О.Н.Анненкова, Л.С.Бакст, Волошин, С.М.Городецкий, М.Л.Гофман, В.И.Иванов, Б.А.Леман, В.Ф.Нувель, П.П.Потемкин, С.П.Ремизова-Довгелло, К.А.Сомов, А.А.Тамамшев.

Четверг.
7 декабря [1906]

Милая моя девочка, от тебя ни письма, ни вести. Я и сержусь, и беспокоюсь. Что же это значит? Вчера ничего. Сегодня ничего. Последнее, что я получил — это те несколько строк с m[ademoi-]s]elle Станюкович, которую я не видел.

Мне же нужно знать — едем ли мы в Мюнхен или нет. Ведь я и к тебе-то [не] еду, главным образом, потому, что не хочу терять этих последних дней в Петербурге — ведь мне надо набраться впе-

чатлений на много лет теперь, потому что из Мюнхена мы уже не скоро вернемся в Россию. Ты мне ни слова не написала об Мюнхене после твоего отчаянного письма, которое меня заставило сразу решиться и сейчас же начать свои приготовления. Ты ведь мне написала, что даже если я остаюсь в России, то ты все-таки едешь в Мюнхен — чего бы это ни стоило¹. А теперь выходит, что в Мюнхен еду я, а ты остаешься в Финляндии.

Я ничего не знаю ни о твоём здоровье, ни о том, что ты делаешь.

Пожалуйста, напиши мне обстоятельно и подробно. Или ты все ждешь со дня на день моего приезда? Но ведь я не собирался приезжать теперь же. Если я теперь уеду хотя бы на день, то опять вся моя регулярная работа полетит к черту и я снова буду выбит из колеи, в которую мне так трудно бывает забраться. А мне необходимо работать, потому что нам будут нужны деньги, и много.

Ну, я не буду больше ворчать на тебя. Прости меня. Я вижу, как ты огорчилась. Вчера среды у Вяч. Ив[анова] не было. Вечером у меня сидел Косоротов. Потом я был у Кузмина. Он пел все «Куранты любви», музыка к «Зиме» уже почти закончена².

Я теперь буду писать статью о нем³.

Уйдя от него в 2 часа ночи, Городецкий зашел ко мне, чтобы я ему прочел свою статью об «Яри». И мы еще сидели и говорили до пяти часов утра. Он остался очень доволен моей статьей и сказал, что сам не предполагал такой внутренней цельности всей книги и связи всего с космическим вступлением.

Ремизов у Кузмина читал свою новую вещь «Илью Пророка» с описанием Ада⁴. Она поразительна и потрясает. По общему признанию она лучше «Иродиады»⁵.

Это такой оркестр слов и такая фантазия: совсем какой-то древнерусский Дант.

До свиданья, моя милая девочка. Не томи меня — пиши больше и не сердись на то, что я не еду.

Милая моя, милая моя девочка, только что пришло, наконец, твое письмо, которого я так долго ждал. Об Мюнхене — я так [и] ожидал⁶. Но ничего против этого не имею, т[ак] к[ак] сейчас мне хочется написать целый ряд статей и использовать тут же свои русские впечатления. Ничего не имею против того, чтобы отложить отъезд до февраля или даже марта. Дело-то ведь не во мне, а в тебе, моя девочка, ведь ты все в Петербурге в один день

спустишь, что нагуляла в Финляндии. Только что я написал начало статьи о Кузмине, которым очень доволен.

Я очень спешу, мне надо обедать и ехать в редакцию.

Лид[ии] Дм[итриевне] вчера вечером было гораздо лучше. У нее ангина.

¹ В письме от 1 декабря 1906 Сабашникова писала: «Мои силы так подорваны, что я должна жить в очень хорошей обстановке, кот[орую] дешево можно найти только в Мюнхене; я даже думаю так: что если ты этого не захочешь, т.е. если тебе нужно быть в Петербурге, я все-таки стану жить в Германии тогда одна. /.../ Мне кажется, я должна на этом настоять, иначе я искажу твою и мою жизнь. Это я знаю. Это я определенно хочу».

² Сборник «*Куранты любви*. Слова и музыка М.Кузмина» был издан в Москве в 1910, с рисунками С.Судейкина и Н.Феофилактова. «*Зима*» — раздел этого сборника.

³ См. прим. 12 к письму 1.

⁴ См. прим. 10 к письму 14. Притча вошла в книгу Ремизова «Лимонарь, сиречь Луг духовный» (СПб., 1907) с посвящением М.Кузмину.

⁵ См. там же. Эту притчу Ремизов читал месяцем ранее, 7 ноября; М.Кузмин тогда оценил ее как «очень красочную и душевную вещь, не без декадентства, очень раскритикованную Ивановым» (Дневник).

⁶ По-видимому, это письмо Сабашниковой, написанное (по контексту) 6 декабря, — первая часть которого (где и говорилось об «отмене» поездки в Мюнхен) не сохранилась. (Начинается со слов «и т.д. компания очень дурного тона и вкуса»). Позднее, в письме от «понедельника» (18 декабря) Сабашникова поясняла: «Боюсь, что в Мюнхене не будет той атмосферы, кот[орая] так чудно влияет на тебя».

16

Четверг.
7 декабря [1906]. Ночь.

Здравствуй, моя милая девочка! Я только что вернулся от Анны Рудольф[овны] и хочу поговорить с тобой перед сном.

Она говорила о тебе с Кудрявцевым¹, не называя тебя. Кудрявцев ей сказал, что, по его мнению, неврастения не болезнь, а признак существования в человеке громадных психических сил, которых он в себе еще не сознает и которые себе находят исход — иногда в ясновиденьи, иногда в целительной силе, иногда в творчестве. Определить те силы, которые скрыты и не находят себе исхода именно в данном субъекте, может только обладающий сам

силой ясновидения. Мне эта мысль кажется бесконечно верной и блестящей².

У слепого существа, у которого скоро должен возникнуть глаз, такое же нервное состояние возникает от действия света.

Люди, у которых должно было возникнуть математическое сознание, представляли из себя «народ эпилептиков», как говорит Вячеслав Иван[ов]³.

Как это верно и хорошо! Только где уже у тебя — у моей девочки — вырастет новый глаз? Ан[на] Руд[ольфовна] говорит, что определить это может только Штейнер. Но я непременно хочу, чтобы ты побывала у Кудрявцева.

Ан[на] Руд[ольфовна] говорила с ним тоже об гипнотизме, тяготеющем над тобой⁴. Он сказал, что гипнотизм сам по себе постепенно ослабевает с течением времени, приблизительно в конце третьего года, если он не возобновляется, и когда те силы, которые теперь беспокоят тебя, найдут свой выход и свое приложение, то заклятие спадет само собой.

Я думаю, что свойство этих сил, ищущих исход, таково, что они совершенно неожиданны для носителя их. Так как, если бы он об них имел какое-нибудь понятие, то они бы его не тревожили так своею безысходностью.

Ан[на] Руд[ольфовна] была у Нины Васил[ьевны]⁵, и она сказала ей, что Марг[арита] Алек[сеевна] уже в Финляндии. Кланяйся ей от меня.

Я был у Суворина и сказал, что я не очень буду торопиться с отъездом в Мюнхен и, может, останусь до конца февраля. Тогда он поручил мне писать о картинных выставках — вот и все его *планы* на меня.

Ан[на] Руд[ольфовна] очень счастлива от того, что мы едем в Мюнхен, и уверяет, что Графини⁶ с ума сойдут от восторга. Она им будет писать сегодня же вечером. И говорит, что они нам подыщут комнаты и все нам устроят к нашему приезду.

Я просил передать им от нас самый горячий привет и то, как мы будем счастливы жить рядом с ними. Милая моя девочка, подумай, нет, подумай только, как хорошо будет в Мюнхене.

А пока покойной ночи. Завтра я еще буду продолжать письмо.

Пятница. [8 декабря 1906]

Я целый день работал и закончил статью о Кузмине. Сейчас пойду ее прочесть ему⁷. Лид[ии] Дм[итриевне] лучше, но страшная слабость. Вяч[еслава] Ив[анова] я не видал уже 2 дня — все время работал.

До свиданья, моя девочка.

¹ Константин Дмитриевич *Кудрявцев* — врач-оккультист (псевдоним *Мирянин*), в дальнейшем (1909-1911) — сотрудник «Вестника теософии». Автор книг «Мистицизм и гипнотизм, их сходство и различие» (СПб., 1911), «Целительная жизненная сила» (СПб., 1913).

² Позднее Волошин развил эти мысли в статье «Театр и сновидение» (Маски. 1912-1913. №5) и в наброске «О неврастении. Ответ г-ну Лопатину» (ИРЛИ. Ф.562. Оп.1. Ед.хр.276).

³ Сходную мысль — о том, что обезьяна стала человеком, сойдя с ума, — В.Иванов развивал в беседе с Волошиным в 1904. (См.: Волошин М. Автобиографическая проза. Указ. изд. С.200).

⁴ Сабашникову мучила душевная «недовоплощенность». 12 декабря 1904 она записала в дневнике: «У Гомера души умерших пьют жертвенную кровь и тогда к ним возвращается частица их жизни /.../. Я такая мертвая душа, я как призрак брожу в этом мире /.../. Кто проклял меня и поселил в области призраков?» (ИРЛИ. Ф.562. Оп.5. Ед.хр.22). 18 декабря Сабашникова согласилась посетить Кудрявцева — и затем была у него на приеме несколько раз (последний — 24 марта 1907).

⁵ *Антонина (Нина) Васильевна Евреянова* (1861-1945, урожд. Сабашникова), сестра известных книгоиздателей, М.В. и С.В.Сабашниковых, издательница журнала «Северный вестник» (1885-1890).

⁶ Возможно, имеются в виду П. фон Калькрейт и Элиза фон Мольтке (1859-1932). См.: Волошина М. Зеленая змея. Указ. изд. С.133.

⁷ М.А.Кузмин писал в дневнике 8 декабря 1906: «Пришел Волошин, принесший мне свой фельетон обо мне по "Ал[ександрийским] п[есням]" /.../, довольно лестное, что дало мне возможность выдержать все помои и ругательства, которыми нас теперь осыпали» (РГАЛИ. Ф.232. Оп.1. Ед.хр.52).

Милая моя девочка, я вчера тебя безумно любил, уезжая и читая «Манон Леско» в вагоне¹ и едучи с вокзала.

Я сейчас же, приехав, пошел к Вяч. Иванову и сидел у него до 5 часов утра.

У нас были очень длинные и важные по своим последствиям разговоры. Узнав, что я собираюсь издавать мои стихи, он мне предложил издать в «Орах»² мои стихи последнего периода — мистические. Я стал сомневаться. Мы стали подсчитывать и оказалось, что их вполне достаточно, и выйдет книжка величиной с «Эрос»³.

Он предложил ее назвать «Rosa Mystica», но мне это показалось слишком много, и я предложил заглавие «Ad Rosam» — «К Розе», которое ему очень понравилось⁴.

Говоря об стихах, мы их пересчитывали. Когда в «Amogi [amaga] sagum» он узнал, что приведенные стихи твои⁵, он заставил меня сказать все и вспомнить все, что я помнил из твоих стихов. Нашел в них массу грации, тонкости и прикосновения тонких пальцев. И сказал, что их необходимо присоединить к книге «Ad Rosam».

Хочешь? Это будет очень хорошо. Мне страшно хочется, чтобы ты согласилась — 3-4 стихотвор[ения]: «Рассвет»⁶, «На твой алтарь...»⁷, «Елену»...⁸, «Бальмонта»⁹ и «Лебеда»¹⁰, и можно еще из «Царевича» выбрать¹¹. Мы вместе все обрабатываем. Хочешь?

Вяч. Ив[анов] будет тебе сам писать об этом, потому что ему это страшно хочется.

Вчера вторн[ик] я весь день провел в переписывании стихов, чтобы выяснить себе физиономию и размеры книги.

Выходит две вполне законченных книги: «Ad Rosam» (25 стих[отворений]), мистическая, и «Годы странствий», в которой будут все описательные, лирические, «Письмо»¹², переводы и обществ[енные] (50 стихотв[орений]).

«Годы странствий» я тогда попробую предложить «Знанию»¹³. Меня это не скомпрометирует в глазах декадентов, т[ак] к[ак] выйдет одновременно [с] «Ad Rosam» в «Орах».

А разграничение это может только принести пользу для той и для другой книги.

Весь вопрос только за тобой. Согласна ли ты напечатать свои стихи?

Я за вчерашний день составил обе свои книги — целиком. Все переписано, приведено в порядок. Теперь я вижу, что мне надо будет еще написать и для той, и для другой, и займусь этим теперь же. Вчера я весь день сидел дома. Брал ванну и никуда не выходил. А вечером опять до 3-х часов был у Иванова.

Лид[ия] Дм[итриевна] опять хуже. У ней острая жаба. Она вся обвязана компрессами и очень страдает.

Я пишу наспех, т[ак] к[ак] надо заниматься. До свидания, моя милая, милая девочка. Вечером буду у Ан[ны] Руд[ольфовны], в редакции и в «Кружке молодых»¹⁴.

Аргутинский¹⁵ был без меня и оставил две записочки — от Ньюши¹⁶ (она тебе особые булавки для ворот[ника] посылает) и [от] Ек[атерины] Ал[ексеевны]¹⁷, обе мне.

Клан[яюсь] Мар[гарите] Алек[сеевне].

¹ Волошин возвращался из Мустамьяк, куда выехал, по-видимому, 9 декабря (М.Кузмин в этот день не застал дома ни Волошина, ни В.Иванова).

² Издательство «Оры», организованное В.Ивановым, должно было стать прибежищем петербуржцев. Но, не обеспеченное финансово, оно выпустило лишь несколько книг — самого Иванова, Л.Д.Зиновьевой-Аннибал, С.Городецкого, А.Блока, М.Кузмина, А.Ремизова, Г.Чулкова и других друзей Иванова.

³ Книжка стихов В.Иванова «Эрос» вышла из печати в декабре 1906 тиражом 600 экз., в 86 страниц малого формата.

⁴ Этот сборник был составлен Волошиным и анонсирован (в книге «Эрос») среди «намечаемых» «Орами» изданий, но не вышел.

⁵ Раздел «Amorі amara sagum» («Святая горечь любви») вошел в первый сборник стихов Волошина «Стихотворения. 1900-1910» (М., 1910) с посвящением М.В.Сабашниковой. Многие стихи раздела или обращены к ней, или отражают их общие впечатления 1904-1905 гг., периода острой влюбленности Волошина в Сабашникову. Сабашниковой были подсказаны замыслы некоторых из них; в стихотворение «Второе письмо» включены два ее монолога — взятые в кавычки, — однако Сабашникова излагала их в прозе. (См.: Волошин М. Автобиографическая проза. Указ. изд. С.145).

⁶ Стихотворение Сабашниковой «На рассвете прозябая...» (Антология. М.: Мусaget, 1911. С.193).

⁷ Такое стихотворение не обнаружено.

⁸ Стихотворение Сабашниковой «Елена (Как будто солнце не касалось...))», посвященное Е.К.Цветковской; в письме к Волошину от 8 июля 1904 — в составе стихотворного послания (ответа на «Письмо») «Мне вспоминаются игрушки...».

⁹ Стихотворение «Бальмонту (Непостижимый и мятежный...)» приведено в письме Волошину от 1 декабря 1906 (вариант — в стихотворном послании от 8 июля 1904).

¹⁰ Стихотворение «На взморье древний лебедь дремлет...».

¹¹ Возможно, имеется в виду «Сказка о распятом царевиче» (1906), рукопись — в РГБ. Ф.374. На издание своих стихов Сабашникова не согласилась.

¹² «Письмо» — стихотворное послание Волошина к Сабашниковой (1904).

¹³ Это предложение Волошин адресовал М.Горькому 16 декабря 1906 (См.: Купченко В. М.Горький и М.Волошин // Русская литература. 1976. №2. С.145-146).

¹⁴ Литературно-художественный «Кружок молодых» был создан по инициативе С.М.Городецкого в начале 1906. Участники (среди которых —

А.Блок, М.Кузмин, П.Потемкин, В.Пяст, А.Ремизов) собирались поочередно на квартирах членов Кружка, где читали стихи, рефераты, исполняли музыкальные произведения, показывали рисунки. Под маркой «Кружка молодых» вышел первый сборник стихов Городецкого «Ярь» (декабрь 1906).

¹⁵ Князь Владимир Николаевич *Аргутинский-Долгоруков* (1874-1941) — искусствовед, хранитель Эрмитажа. 6 декабря Сабашникова писала Волошину: «Неужели Аргутинский так и не был у нас, ведь у него есть для меня письмо от Кати» (из Парижа).

¹⁶ А.Н.Иванова.

¹⁷ Е.А.Бальмонт.

[14 декабря 1906]

Дорогая моя девочка! Я написал новое стихотворение, которым будет начинаться первая часть «Ad Rosam».

Первую часть я назову «Звезда Полынь»¹, а вторую «Мистические Розы».

Вяч. Ив[анову] это стихотворение очень понравилось. Он считает его одним из лучших и видит в нем дерзновение и освобождение от «красивости». Он мне говорил вчера ночью:

«У вас есть большой недостаток. Известного рода компромисс. Вы хотите всегда, чтобы стихи были красивы, чтобы они понравились. Даже в мистических стихотворениях вы похожи на даму католичку, которая становится на колени, чтобы молиться, но в то же время заботится, чтобы ее поза была красива. У вас нет "дерзновенья в ночь и хмель"². Вот если бы сейчас на вашем месте сидел Бальмонт и спросил меня: "Скажи мне, Вячеслав, какая разница между тобой и мной?"³. Он ведь любит задавать такие вопросы. То я бы ему ответил: "Там, где ты употребляешь слово *красивое*, я говорю *прекрасное*".

Надо помнить, что прекрасное далеко не всегда бывает *красиво*. Оно может быть и безобразно. И вы, полюбивший Марг[ариту] Васильевну, вы должны понимать значение слова *прекрасный*. Потому что она далеко не красива, ее нельзя назвать красивой, но она прекрасна. И Лидия прекрасна, хотя она и безобразна.

...У меня сегодня странное настроение. Я хотел бы оргии. Много вина, шампанского. Чтобы развратно и страшно. И пригласить избранных из настоящего и прошлого, и будущего. Я бы позвал и Маргар[иту] Васильев[ну]. Позвал бы Аспазию³, Анти-

ноя⁴... Алкивиада⁵... Нет, он бы слишком стеснял, как Судейкин⁶... Знатных римлян⁷... Катуллову Лезбию⁷? Только что страшно немного».

— Но я был бы, верно, исключением из этого списка за добродетель?

— О нет, Вы имели бы большие шансы пройти...

Мы опять сидели до четырех часов.

Я вчера весь день писал стихи, так что не мог еще приняться за «Эрос»⁸.

Только что мне подали твое письмо. Как хорошо, что ты в новой комнате⁹. Я сделаю все, как ты велишь, к твоему приезду. А в Москву тебя не пушу.

Похвали мои стихи. Они мне очень дороги¹⁰. Собери все свои стихи поскорее, запиши и пришли.

Они должны быть непременно в книге. Это будет наша книга. Совсем интимная.

Объявление об ее выходе появится уже на днях.

Вот стихи:

ЗВЕЗДА ПОЛЫНЬ

Коктебелю

Костер мой догорал на берегу пустыни.
Шуршали шелесты струистого стекла.
И горькая душа тоскующей полыни
В истомной мгле качалась и текла.
В гранитах скал — надломленные крылья.
Титанов мускулы под бременем холмов.
Земли отверженной — застывшие усилья.
Уста Праматери, разверстые без слов.
Дитя ночей, призывных и пытливых,
Я сам — твои глаза, раскрытые в ночи,
К сиянью древних звезд, таких же сиротливых,
Простерших в темноту зовущие лучи.
Я сам — уста твои, безгласные, как камень!
Я тоже изнемог в оковах немоты.
Я свет потухших солнц, я слов застывший пламень,
Незрячий и немой, бескрылый как и ты.
О, мать-невольница! На грудь твоей пустыни
Склоняюсь я в полночной тишине...
И горький дым костра, и горький дух полыни,
И горечь волн — останутся во мне.

До свиданья, моя милая, дорогая, любимая. Как мне хорошо!
Как мне хорошо работается! Как я счастлив, что ты есть.

¹ Откр. 8: 10-11.

² Цитата из стихотворения В.Иванова «Вызывание Вакха» (1906).

³ *Аспазия* (470 до н.э. -?) — одна из выдающихся женщин древней Греции, славившаяся умом и красотой, вторая жена Перикла. Ее дом в Афинах был местом встреч многих известных людей той эпохи (Сократ, Аристофан, Алкивиад и др.).

⁴ *Антиной* (?-130) — греческий юноша, любимец римского императора Адриана.

⁵ *Алкивиад* (ок. 450-404 до н.э.) — политический и общественный деятель древней Греции. Отличался крайним честолюбием, неоднократно менял политическую ориентацию.

⁶ Сергей Юрьевич *Судейкин* (1882-1946) — художник. В конце 1906 в него был влюблен М.Кузмин, — записавший в дневнике 22 декабря: «Вот, живу и без него, но без него — значит вообще без любви, без радости, как ходячий мертвец».

⁷ *Лесбия* (Клодия) — возлюбленная римского поэта Гая Валерия Катулла (87 или 84 — после 54 до н.э.). В стихах, обращенных к ней, Катулл впервые в античной поэзии воспевал не только чувственную страсть, но и возвышенную духовную близость.

⁸ Имеется в виду рецензия Волошина на книгу В.Иванова «Эрос» (опубл. в газете «Русь» 28 декабря 1906).

⁹ Это письмо Сабашниковой из Мустаяк не обнаружено.

¹⁰ В письме от «среды» (16 декабря 1906) Сабашникова писала в ответ: «И ты еще спрашиваешь, нравятся ли мне *твои* стихи. Pardon, это *мои*, а не *твои* стихи. Это мои сиротливые звезды, и мои надломленные крылья, и титаны, и застывшие усилья, и уста, раскрытые без слов, мои, мои, и я, а не ты [—] дитя ночей призывных и пытливых; я сама, а не ты [—] глаза, раскрытые в ночи. Это даже нечестно. Уступаю тебе первые 4 строчки, шуршащие шелесты струистого стекла и истомную мглу, где течет и качается горькая душа тоскующей полыни /.../. Это не мое; что касается до конца, то, хотя он по праву твой, но подари его мне, очень уж он хо-рош».

[15 декабря 1906]

Я боюсь, что не успею написать тебе сегодня большого письма, так как сейчас бегу по разным делам с утра. Занесу Мар[ии] Конст[антиновне]¹ для тебя полотенце и Евангелие. И оттиски статьи о Городецком². Потом иду в «Знание»; к Чуковскому, а после обеда к Ан[не] Руд[ольфовне] и вечером на «Коринфское чудо», о котором хочу сегодня же ночью написать³. Весь день в

суете. Я ужасно боюсь расплескать те стихотворения, что теперь лежат на душе. Когда придет Марг[арита] Алекс[еевна]?

Как ты себя чувствуешь? Как я рад, что ты приедешь на Рождество. До свиданья. Может, я успею и большое написать письмо еще.

Нравится ли тебе мое стихотворение? Что-то от тебя сегодня письма еще нет. Не знаю почему. До свиданья.

Открытка. Датируется по штемпелю.

¹ М.К.Станюкович.

² В ответном письме от «воскресенья» (17 декабря 1906) Сабашникова писала: «Спасибо тебе за Евангелие: эти твои посылочки меня всегда страшно трогают. /.../ Твоя статья о "Яри" очень хороша. Как ты пошел вперед за этот год, милый мой мальчик».

³ «Коринфское чудо» — трагедия А.И.Косоротова, поставленная в Малом театре А.П.Ленским. Сюжет (об умершей девушке, вставшей из гроба, чтобы отдаться любимому) заимствован из новеллы римского писателя II в. Флегона Траллийского (был использован также И.-В.Гете в стихотворении «Коринфская невеста», 1797).

20

Суббота.
[16 декабря 1906]

Милая моя девочка, я вчера успел написать тебе только открытку: очень я заторопился эти дни. Больше всего я боялся расплескать стихотворение «Кровь», которое у меня было в голове. Но я его не расплескал и сегодня наконец написал¹. Вчера был у Чуковского. Он зовет меня в «Вестник Европы», и секретарь «Вестника» Ев[ропы] Ляцкий, по его словам, должен на днях приехать ко мне приглашать меня сотрудником². Я напишу для них статью о Реми де Гурмоне. Затем я был у Ан[ны] Руд[ольфовны]: она мне читала из лекций о крови. Потом — на «Коринфском чуде». Это не хорошо. В чтении лучше. Дымов³ говорил мне вчера: «О пьесе здесь еще нельзя судить. Потому что, когда я здесь "Гамлета" смотрел, то я нашел, что Шекспир полная бездарность».

После театра я пошел с Чулковым в кафе, и мы с ним долго говорили. Потом я ночью написал статью по поводу «Коринфского чуда» для «Свободы и жизни». Ее надо было отвезти сегодня же в типографию к 11 часам, чтобы она попала в понедельник номер, что я и сделал. Она вышла политической и острой. Боюсь, что цензура задержит ее⁴.

Потом я написал письмо Горькому в Неаполь, предлагая ему издать «Годы странствий», и послал «Короля» и «Письмо» для «Сборников знания»⁵.

Наконец, вернувшись, нашел твои два письма. Успел написать стихотв[орение] и сбежать к Вяч. Ив[анову]. Но его я не застал дома. Лид[ии] Дм[итриевне] гораздо лучше. Но когда она выйдет из больницы, об этом еще и речи нет.

Завтра приезжает ее старший сын⁶.

Стихотв[орение] «Кровь» я посвящаю Вяч. Иван[ову]. Я думал именно о нем, когда писал его, и мне кажется, что в нем отразилось веянье его духа, веяние «Эроса».

КРОВЬ

В моей крови — слепой Двойник.
Он редко кажет дымный лик, —
Тревожный, вещий, сокровенный.
Возвал... И встал из бездны Пленный.
И мысль рванулась... и молчит.
На дне глухая кровь стучит...
Стучит — бежит... Стучит — бежит...
Слепой огонь во мне струит.
Огонь иной, чем пламень звезд,
В нем память темных, старых мест.
В нем пламень черный, пламень древний,
В нем тьма горит, в нем света нет,
Но он властительней и гневней,
Чем вихрь сияющих планет.
Слепой Двойник! Мой Пращур пленный!
Носитель мне невнятных грез!
С какой покинутой вселенной
Ты тайны душевные принес?
Зачем во тьму кровосмешений,
К соприкасаньям жгучих жал
Меня — Эдипа, ты послал
Искать зловещих откровений?⁹

Я тебя очень, очень жду, моя девочка, и не отпущу в Москву через три дня¹⁰, а оставлю дольше.

Для «Ad Rosam» стихов у меня хватает. Туда войдет «Amari Sacrum», «Зеркало», «Небо в чистых узорах», «Медленная Майя»¹¹ и др[угие]. Кроме того, я еще напишу несколько стихотворений. Как жаль, что ты отказываешься принять участие в этой книге. Но я думаю, что Вяч. Иванов еще убедит тебя. Он хочет написать тебе.

¹ В письме от «субботы» (16 декабря) Сабашникова, одобряя «Звезду Полюнь», просила: «Правда, напиши побольше. О крови, о Иуде, о по-ле...»

² «*Вестник Европы*» — ежемесячный журнал (Петербург, 1866-1918). Евгений Александрович *Ляцкий* (1868-1942, Прага) — критик и историк литературы. У Волошина он, по-видимому, не появился — и лишь в 1909 «*Вестник Европы*» опубликовал стихотворение Волошина «Зеркало» (№4. С.638-639).

³ Осип Исидорович *Дымов* (наст. фам. Перельман, 1878-1959) — прозаик и критик.

⁴ Статья Волошина «Коринфское чудо» была опубликована в газете «Молодая жизнь» 18 декабря 1906 (№2). Ничего не говоря о качестве постановки и самой пьесы, Волошин сводит ее сюжет к теме вампиризма и настаивает на ее современности, — имея в виду политическую обстановку в стране («в эти два года», с бесконечными террористическими актами и ответными казнями террористов. Опираясь на постулаты оккультизма, он внушает читателю: «Казнь, обрывая нить жизни того, в ком жила сила ненависти, освобождает эту силу. /.../ Из пролитой крови встают мстители».

⁵ См. прим. 13 к письму 17. Письмо Волошина сохранилось в архиве М.Горького (не ответившего на него).

⁸ Сергей Константинович Шварсалон (1885 или 1887 -?) — сын Л.Д. Зиновьевой-Аннибал от первого брака.

⁹ В дальнейшем (ок. 1910) Волошин разработал тему кровосмешения в лекции «Отцеубийство в античной и христианской трагедии ("Братья Карамазовы" и "Эдип-царь")».

¹⁰ В письме от «субботы» Сабашникова обещала: «Пробуду с тобой 3 дня, а там закачусь в Москву. /.../ Ты будешь лучше работать и больше меня любить».

¹¹ Стихотворения Волошина; первое позднее было названо «Второе письмо», последнее — «Гностический гимн Деве-Марии».

Милая моя девочка, сегодня опять нет письма от тебя, а вчера было два. Я вчера успел написать тебе стихотворение «Кровь», что я послал тебе. Сегодня, верно, не удастся, потому что мне надо сейчас ехать к Нине Васильевне¹, потом к Сувориным обедать, а вечером к Розановым. Так весь день.

Вчера была у меня Марг[арита] Алек[сеевна], как только она ушла, пришла Ан[на] Руд[ольфовна] и Вячесл[ав] Иванов.

Потом Вяч. Ив[анов] повез меня к Бердяевым². Там было очень много интересных разговоров. Но меня смущает всегда философский язык, термины и вообще все маски, надеваемые философами на образы мира, и я мало понимал то, что говорил Бердяев. Хотя разговор шел все об мистике и религии. Но эта мистика и религия были мне непонятны и скучны.

Вяч. Ив[анову] очень нравится «Кровь». Я еще сегодня ее перedelывал и отделявал, но так еще [и] не кончил. Прочти в окончательном виде, когда ты приедешь.

В понедельник я устраивал для Марг[ариты] Алек[сеевны] вечер с Ремизовыми, Вяч. Ив[ановым] и Кузминым. Вчера я читал Вяч. Ив[анову] еще твои стихи, все, которые были у меня — «На твой алтарь», твоё «Письмо»³ и «Девушка в синеньком платье». Ему все ужасно понравилось. Он находит у тебя прекрасный стих и добросовестную тонкость слова.

«Девушка» ему ужасно понравилась. Он не хотел верить, что тебе было 13 лет, когда ты ее написала. Он настаивает, чтобы и она была помещена в сборнике. Он находит у тебя «мою школу» (?!?) и «тонкие пальцы» в стихах.

Нет — ты должна непременно приготовить несколько стихотворений для печати.

Почему ты упрекаешь меня, что я тебя не признавал? Я твои стихи всегда страшно любил, да ты мне не верила.

Милая моя девочка, я тебя очень, очень жду. Приезжай поскорей. Я каждое утро молюсь о тебе.

¹ А. В. Евреинова.

² Николай Александрович *Бердяев* (1874-1948) и его жена Лидия Юдифовна (урожд. Трушева, 1874-1945). В библиотеке Волошина сохранились книги Н. Бердяева: *Новое религиозное сознание и общественность*. СПб., 1907; *Sub specie aeternitatis: Опыт философии, социальные и литературные*; 1900-1906. СПб., 1907; *Философия свободы*. М., 1911 — с дарственной автора Волошину).

³ Стихотворное послание Сабашниковой («Мне вспоминаются игрушки...») — в ответ на «Письмо» Волошина — от 8 июля 1904. Тексты двух других стихотворений не обнаружены.

Милая моя, милая моя девочка, я что-то тебя жду не дождусь. Одно за другим пришли твои два письма. Как, ты возмущаешься

на мою кражу! Разве не во всех стихах моих ты оплодотворяла меня? Но я нашел тело для них. Почему тебе не нравится «горькая душа тоскующей полыни»? Эти строки больше всего понравились Вячес[лаву] Ив[анову]. Вторую строчку я исправил (т.е. восстановил в своем первоначальном) виде) так:

В гранитах скал — надломленные крылья,
Под бременем холмов — изогнутый хребет.
Земли отверженной — застывшие усилья,
Уста Праматери, которым слова нет.

А то, что «ты» — «дитя ночей призывных и пытливых», я, право, не знал, честное слово, ты мне никогда этого не говорила. И я согласен только на то, что оба мы «два глаза, разверстые в ночи».

В конце тоже изменение — не в *полночной*, а в *рассветной* тишине.

Твои стихи о Бальмонте мне, к сожалению, не нравятся. Первый, старый вариант гораздо лучше.

Сегодня у меня будут гости. И они скоро уже придут, Марг[арита] Алек[сеевна] придет обедать. Будет Ремиз[ов], Куз[мин] и Вяч. Иван[ов]².

Утром у меня был сегодня Валер[иан] Вяземский. Я ему проповедовал оккультизм, и он слушал с большим интересом и принимал.

Мне очень радостно его видеть и спокойно говорить. Он 6 лет не был в Европе — 6 лет жил лицом к лицу с пустыней³.

Как мне хочется, чтобы ты его увидела.

Вчера я обедал у Сувориных. Он очень ждуг тебя. М-те Суворина мне говорила:

«Ну, знаете, ваш фельетон возбудил такие страсти, что если б Вы прошлое воскресенье пришли к нам, то я [не] ручаюсь, чтобы Вас не побили. Теперь только об нем и говорят. И театральные рецензенты в полном составе считают себя лично оскорбленными им. А мне и Алек[сею] Алек[сеевичу] он очень нравится»⁴.

Мне Косоротов на днях показывал театральную газету какую-то, в которой меня кто-то разносил за этот фельетон с пеной у рта — называл тупоумным писанием, в котором нет ни одной здоровой мысли. И в конце с негодованием спрашивал: «Значит, г[осподи]н Волошин утверждает, что Пушкин невежда? Мы ведь никаких снов не видим, читая Пушкина»⁵.

Все-таки я не мог себе никак представить, что я лично оскорблю им столько людей. Это убеждает меня в действительной оригинальности и верности моей мысли.

Милая моя, милая моя девочка, я тебя страшно люблю. Страшно. Мне хочется обниматься и целоваться. Милая, милая, милая моя.

Вчера я очень много и долго объяснял Мар[гарите] Алек[сеев-не] и Нине Вас[ильевне] о кровосмесительстве, и им очень понравилось. Я читал им «Эрос» с комментариями, и Нин[а] Вас[ильевна] хочет купить себе. Мар[гарита] Ал[ексеевна] была в восторге.

Вчера вечером был у Розанова. Поднял вопрос об Иуде⁶. Был очень шумный спор. На моей стороне были Розанов и Ремизов. Против Григ[орий] Петров⁷. У Ремизова есть легенда о таком Иуде⁸.

Много говорил с Нувелем⁹ о Кузмине и с Бердяевым о мистике.

¹ См. прим. 10 к письму 18.

² М.А.Кузмин записал в дневнике 18 декабря 1906: «После обеда пошел к Волошину, там были Ремизовы, Минцлова, Евреинов, еще разные люди, я читал стихи, потом новые стихи Бальмонта, очень слабые».

³ Вяземский работал на изысканиях железных дорог в Средней Азии.

⁴ Речь идет о статье Волошина «Театр — сонное видение» (2 часть — «Сестра Беатриса» в постановке театра В.Ф.Коммиссаржевской), появившейся в «Руси» 9 декабря 1906.

⁵ Имеется в виду заметка «Давайте спать в театре!», напечатанная 11 декабря 1906 в газете «Обозрение театров» за подписью «Бодрствующий зритель». Статья Волошина была также подвергнута критике в газете «Новое время» за 10 декабря («Театр и музыка», автор: Марья-Дионис).

⁶ Волошин принимал манихейскую идею о том, что предательство Иуды было необходимо для подвига Иисуса Христа — и потому он «самый посвященный» из его учеников. В 1908-1909 Волошин работал над статьей «Евангелие от Иуды», а в 1919 написал стихотворение «Иуда апостол». (См. публикацию: Купченко В. Подвиг высшего смирения // Наука и религия. 1992. №2. С.16-19).

⁷ Григорий Спиридонович Петров (1868-1925, Париж) — священник, публицист (псевдоним Русский), популярный лектор. Член 2-й Государственной думы.

⁸ А.М.Ремизов работал над поэмой «Иуда» еще в 1903; в 1908 закончил трагедию «О Иуде, принце Искаротском» (опубл.: Пг., 1918). Воло-

шин имеет в виду текст апокрифического сказания, найденный Ремизовым.

⁹ Вальтер Федорович *Нувель* (1871-1949) — чиновник Министерства двора, знаток музыки, устроитель вечеров современной музыки.

23

[19 декабря 1906]

Милая моя девочка, я тебя жду не дождусь. Жизнь моя так закрутилась, что вот уже три дня я не работаю, не пишу. Это меня очень огорчает. Так что у меня даже рождается мысль поехать вместе с тобой на праздники в Москву и, никому не давая знать о своем существовании, сидеть и работать в маленькой комнатке наверху. Здесь меня совсем затормошили. Сегодня с утра: я завтракал у Нин[ы] Васил[ьевны]. Провожал Марг[ариту] Алекс[еевну] на поезд. Потом был у Косоротова, у Сокологорской — моей старой знакомой, которая мне написала на днях¹. А сейчас надо ехать к Каменской². Ан[на] Руд[ольфовна] сказала, что это необходимо. Она будет читать там сегодня.

А потом вечером мне надо еще к Кузмину, где Ремиз[ов] будет читать свой премированный рассказ о Черте³.

Вчера был смотр поэтов для Марг[ариты] Алек[сеевны]. Прежде всего неожиданно во время обеда приехал Сологуб. Был недолго. Спрашивал о тебе и жаловался, что ты до сих пор не была у него⁴.

Потом прибежал Городецкий сверху с кипящим самоваром. Был Кузмин, Ремизовы и Вяч. Ив[анов]. Ремизов и на Ек[атерину] Ал[ексеевну]⁵ и на Н[ину] Вас[ильевну]⁶ произвел страшное впечатление.

Он читал «Иродиаду» и «Илью Пророка»⁷.

Сидели до 11 час[ов] веч[ера].

Кузмин читал новый роман в стихах в стиле «Любви этого лета» — герой его Судейкин и любовь к нему Кузмина⁸. Это очень, очень хорошо. Марг[арите] Алек[сеевне] очень понравилось. Но она, конечно, не догадалась, что это посвящено Судейкину.

В 11 час[ов] мы все — т.е. Вяч. Ив[анов] и Ремиз[овы] — пошли к Тырковой⁹, где должно было происходить знакомство наше с политическими деятелями. Там были Гредескул, вице-председ[атель] Думы¹⁰, и Жилкин¹¹.

Были очень интересные и остроумные прения о политике. И я могу похвастаться — я имел бурный успех — после одного моего возражения Жилкину мне все стали аплодировать — и он сам тоже, хотя это была простая беседа за столом. И Жилкин,

и Гредескул нас бисировали, так что Бердяев, выйдя на улицу, кричал: «Необходим блок мистиков с трудовиками».

Вернулся в 4 часа утра.

Нет, моя девочка, это все страшно интересно и увлекательно, но мне хочется работать; а это и вдохновляет и страшно мешает.

Я, верно, с тобой поеду, тем более, что мне мало трех дней быть с тобой. А Мар[гарита] Алек[сеевна] твердит, что приезда нашего страшно на Поварской¹² все ждут не дождутся.

До свиданья, милая, милая, милая моя...

Сегодня на заседании¹³, может, увижу Кудрявцева и поговорю с ним тогда.

¹ Ольга Ивановна *Сокологорская* упоминается в письме Волошина к матери от 15 сентября 1898 из Москвы. После революции находилась какое-то время в Симферополе: в адресной книжке Волошина значится, что она жила на Верхне-Петропавловской, 9, кв.5.

² Анна Алексеевна *Каменская* (1867-1952) — редактор-издатель журнала «Вестник теософии», переводчица (псевдоним *Alba*).

³ См. прим. 11 к письму 13. М.А.Кузмин записал об этом вечере: «Был Блок, Ремизов, Бакст, Нувель, маленькие студенты. Я был не в духе /.../ Ремизов читал своего "Черта". Гофман принес "Ярь". Бакст был обычно бестолков». А.Блок писал об этом матери (Письма к родным. Указ. изд. С.161).

⁴ С Ф.Сологубом М.Сабашникова познакомилась еще в декабре 1898.

⁵ Е.А.Бальмонт.

⁶ А.В.Евреинова.

⁷ См. прим. 10 к письму 14.

⁸ Речь идет о цикле стихов «Прерванная повесть», вписанном автором в альбом С.Ю.Судейкина с датой «1906-1907, ноябрь—январь» и вошедшем в сборник Кузмина «Сети» (1908). Судейкину же посвящена прозаическая повесть «Картонный домик». «*Любовь этого лета*» — цикл стихов Кузмина, написанный в июне—августе 1906. Опубликован в журнале «Весы» (1907. №3).

⁹ Ариадна Владимировна *Тыркова* (1869-1962, в первом браке Борман, во втором Вильямс) — писательница, журналистка, видная деятельница партии к.-д.

¹⁰ Николай Андреевич *Гредескул* (1865- после 1926) — профессор гражданского права Харьковского университета, затем Политехнического института, публицист, редактор газеты «Мир». Видный деятель партии к.-д., товарищ председателя 1-й Государственной думы.

¹¹ Иван Васильевич *Жилкин* (1874-1958) — политический деятель, журналист. Член 1-й Государственной думы, член партии «трудовиков»

(трудовая группа) — политической организации, возникшей в апреле 1906 как фракция Гос. думы из числа крестьянских депутатов и интеллигентов (среди ее членов — А.Ф.Аладьин, Л.М.Брамсон, Г.К.Ульянов).

¹² Имеется в виду квартира В.М. и М.А.Сабашниковых в Москве — на Поварской улице, в доме Милорадович.

¹³ Имеется в виду, по-видимому, заседание Российского теософического общества — председателем которого была тогда А.А.Каменская.

[20 декабря 1906]

Милая моя девочка,
послезавтра ты, значит, приедешь. Это мое последнее письмо следовательно, которое ты сможешь получить.

Вчера я познакомился с Кудрявцевым, и мы условились, что я приду к нему в субботу утром, чтобы поговорить и познакомиться. Я просил позволения прийти вместе с тобой.

Я ничего не говорил ему о том, что ты больна. Тогда, когда мы с ним познакомимся — будет видно.

Он мне очень понравился лицом. Но в манерах и словах есть некоторая елейность. Ее значение я еще не понимаю.

Я видел его на теософском собрании у Каменской. Там было душно и торжественно. Все молчали или говорили шепотом. Мне ужасно хотелось сделать несколько скандальных парадоксов, но я удержался.

Потом был у Кузмина. Ремизов читал о Черте. Это поразительно хорошо, глубоко и сильно. Он хрипел, читая. Т[ак] к[ак] (я позабыл тебе это написать), когда накануне был смотр поэтов в честь Мар[гариты] Алекс[еевны] у нас была такая стужа и ветер в комнате: был мороз и ветер прямо в окно, что мы все сидели в шубах, пледах и капотах. Вяч. Ив[анов] старался спасти положение тем, что уверял, что у нас очень уютно-холодно. Я давал Марг[арите] Алекс[еевне] честное слово, что это в первый раз у нас так случилось, но едва ли она этому поверила...

Я надеюсь, что ты мне напишешь еще точный час твоего приезда, чтобы я выехал тебя встречать.

Я решил ехать с тобой в Москву, чтобы там работать, а то вот я даже статьи об «Эросе» все не могу написать¹.

На днях Вяч. Ив[анов] мне сказал: «Вы знаете, что m[ademoi-se]lle Герцык очень близкая мне душа, которая написала такую превосходную статью о "Тантале"². Вы ее видели у Бердяевых. Она мне, уезжая, неожиданно дала завет — культивировать друж-

бу с вами. Что это для меня очень полезно. Я ее мнение очень ценю и уважаю».

Я ужасно горжусь этим.

Милая моя девочка, мне страшно хочется быть с тобой. Это как-то последние дни возникло — бессознательно. Я ночью, проснувшись, тебя во сне руками ищу. Мне хочется прижаться к тебе, трогать тебя. Волосы твои гладить, ножки тебе целовать. Милая моя девочка. Скоро ли ты приедешь?

¹ Статья Волошина «"Эрос" Вячеслава Иванова» появилась в «Руси» — в цикле «Лики творчества» — 28 декабря 1906.

² Евгения Казимировна Лубны-Герцык (1878-1944) — переводчица и критик. Ее статья «О "Тантале" Вячеслава Иванова» была напечатана в «Вопросах жизни» (1905. №12). Впоследствии написала воспоминания о В.И.Иванове и М.А.Волошине (Герцык Е. Воспоминания. Париж, 1973. С.37-72, 73-97). «Тантал» — трагедия с античными хорами, опубликованная в альманахе «Северные цветы ассирийские» (М.: Скорпион, 1905).

Г.А.Морев

К ИСТОРИИ ЮБИЛЕЯ М.А.КУЗМИНА 1925 ГОДА

В череде юбилеев, отмечавших десяти-, пятнадцати- и двадцатилетие литературной деятельности М.А.Кузмина, последний, пришедшийся на осень 1925, документирован наиболее поверхностно. Если чествования Кузмина в 1916 и 1920 тогда же были наиболее обстоятельно запротоколированы в журнально-газетной хронике¹, а приуроченные к годовщинам печатные тексты² стали этапными в изучении его биографии и творчества,

¹ Юбилей 1916 года, справедливо названный Е.А.Зноско-Боровским «опоздавшим на целый год» (Аполлон. 1917. №4/5. С.29 — поэтический дебют Кузмина состоялся в 1905), был отмечен 29 октября спектаклем в «Привале комедиантов» (см. газетные отчеты: Фрид С. «Привал Комедиантов»: X-летие М.А.Кузмина // Биржевые ведомости. 1916. 30 октября. Веч. вып.; [Б.п.] 10-летие литературной деятельности М.А.Кузмина // Там же. 1916. 31 октября; см. также богатый свод материалов о вечере: Конечный А.М., Мордерер В.Я., Парнис А.Е., Тименчик Р.Д. Артистическое кабаре «Привал комедиантов» // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1988. Л., 1989. С.127-130). В 1920 Кузмину был посвящен вечер в Доме искусств 29 сентября — см. отчет Э.Ф.Голлербаха (Жизнь искусства. 1920. 5 октября) и хронику «Дома искусств» (Пг., 1921. [Вып.] 1. С.74). Воспоминания одного из участников вечера составили основу единственной известной нам публикации, приуроченной к 25-летию «литературно-музыкальной деятельности» Кузмина в 1930: Третьяков В. Юбилей для немногих // Сегодня. 1930. №312. С.8. Об авторе В.В.Третьякове (1888-1961) см. комм. Р.Д.Тименчика: Литературное наследство. Т.92. Кн.4. М., 1987. С.692. См. также стихотворный отклик А.Беленсона «На юбилей М.А.Кузмина» в его сб. «Врата тесные» (Пб.: [Стрелец], 1922. С.27).

² См.: Жирмунский В. М.А.Кузмин // Биржевые ведомости. 1916. 11 ноября. Утр. вып. (дополненный и переработанный для газетной публикации посвященный Кузмину фрагмент доклада Жирмунского в Неофилологическом обществе 31 октября 1916, печатный текст которого — «Преодолевшие символизм» — появился в «Русской мысли»: 1916. №12); Зноско-Боровский Е. О творчестве М.Кузмина // Аполлон. 1917. №4-5. С.25-44 (к измененный и дополненный) текст доклада, прочитанного 30 ноября 1916 в клубе деятелей искусства «Медный всадник»; Эйхенбаум Б. О прозе М.Кузмина // Жизнь искусства. 1920. 29 сентября; Пушкин Я. [Стрельников Н.М.]. Необходимый парадокс: М.А.Кузмин и «Жизнь искусства» // Там же; Жирмунский В.М. Поэзия Кузмина // Там же. 7 октября; Глебов И. [Асафьев Б.В.]. Музыка в творчестве М.А.Кузмина // Там же. 12 октября; см. также: Голлербах Э. М.А.Кузмин // Вестник литературы. 1920. №8(20).

то юбилей 1925 года был отмечен в печати лишь выпуском брошюры Ленинградского общества библиофилов, изданной в количестве 200 нумерованных экземпляров³ к специальному заседанию ЛОБ 26 октября, краткое изложение программы которого появилось столь же ничтожным тиражом позднее⁴. Другим, со временем опубликованным, документом стал групповой снимок участников юбилейного вечера в студии фотографа М.С.Наппельбаума⁵. Кружковый, приватный («домашний», по слову

³ См.: К XX-летию литературной деятельности Михаила Алексеевича Кузмина. Л.: Изд-во ЛОБ, 1925.

⁴ См.: Охочинский В.К. Ленинградское Общество Библиофилов (1925 — январь — 1928) // Альманах Библиофила. [Л.]: ЛОБ, 1929. С.361-363.

⁵ См. воспроизведения двух известных вариантов снимка: Введенский А. Полн. собр. соч. / Вст. ст., подг. текста и прим. М.Мейлаха. Анн-Арбор: Ардис, [1980]. Т.1. С.VIII (с указанием присутствовавших); Шварц Е. Живу беспокойно... Из дневников / Сост., подг. текста и прим. К.Н.Кириленко. [Л.], 1990 (ошибочно датирован 1927 годом). Инициатива устройства вечера принадлежала Иде и Фредерике Наппельбаум: 5 октября 1925 И.Наппельбаум написала Кузмину письмо, которое, согласно дневниковой записи Кузмина от того же дня, передал ему К.Вагинов:

Многоуважаемый Михаил Алексеевич! Нам очень хотелось бы отметить как-нибудь Ваш литературный юбилей. Поэтому у нас с сестрой возникла мысль об устройству [Так! — Г.М.] небольшого вечера с Вами в главе. Мы предполагаем собрать у себя людей, которые живо интересуются литературной жизнью и в частности Вашей дорогой, чтобы приветствовать Вас и послушать то новое, что мы совсем не знаем и что очень обидно. Если Вы принципиально сочувствуете нашему плану, то будьте добры скажите какой вечер Вам наиболее удобен. Со своей стороны, по моим сведениям, для большинства желающих быть у нас — воскресенье является наиболее удобным. Нечего говорить о том, что всякий кто будет рекомендован Вами — будет нашим желанным гостем. В частности прошу передать приглашение Юрию Ивановичу Юркуну) и Ольге Никол[аевне Гильдебрандт]. Надеюсь, что Вы не откажитесь [Так! — Г.М.] провести вечер среди друзей и почитать им новые вещи. С приветом
Ида Наппельбаум

ЦГАЛИ СПб. Ф.437. Оп.1. Д.86;

см. также: Наппельбаум И. Угол отражения. СПб., 1995. С.33. О.Н.Гильдебрандт не смогла быть на вечере по болезни — см. ее воспоминания о Юркуне: Юркул Ю. Дурная компания / Сост., подг. текста и прим. П.В.Дмитриева и Г.А.Морева. СПб., 1995. С.468. Тема предстоящего вечера занимает некоторое место в последующих дневниковых записях Кузмина. 9 октября 1925 он сетует: «Вечер у Наппельбаумов меня удручает невероятно» (РГАЛИ. Ф.232. Здесь и далее цитируется текст, любезно предоставленный нам С.В.Шумихиным). Описание вечера датировано 11 октября: «Пошли /.../ Были уже гости. /.../ Стол. Ахматова, Клюев, Радлова, Лозинский, Араповы, Федин /.../ Домашне и задушевно. Сколько хлопот [,] 65 человек». Снимались. Я между двумя Аннами».

11 октября 1925 также датирован приветственный адрес Вс. Рождественского Кузмину, что позволяет скорректировать неточность М.В.Рождественской, при публикации текста адреса неверно соотносившей дату с заседанием ЛОБ и предположившей, что он был произнесен на этом заседании (см.: Рождественская М.В. Михаил Кузмин в архиве Вс. Рождественского // Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конференции 15-17 мая 1990 г. / Сост. и ред. Г.А.Морев. Л., 1990. С.215-216). Очевидно, текст читался у Наппельбаумов.

Кузмина) характер юбилея 1925 года был определен начавшимся коренным изменением условий «литературного быта». Симптоматично отразила этот набиравший силу процесс новая редакционная политика еще недавно близкой Кузмину «Жизни искусства», поместившей в дни дружеских чествований у Наппельбаумов и в Обществе bibliофилов развязную критическую статью В.Перцова с болезненными для Кузмина, остро переживавшего маргинализацию своего социокультурного статуса, обвинениями в «несовременности»⁶.

До недавнего времени ничего не было известно о своего рода «филологическом» чествовании Кузмина в Москве — заседании подсекции истории русской литературы Литературной секции Государственной академии художественных наук, состоявшемся 4 декабря 1925 и приуроченном одновременно к 20-летию литературной деятельности и 50-летию со дня рождения Кузмина. Последнее обстоятельство красноречиво указывает на структуру московской аудитории, состоявшей (в основной и инициативной части) из людей следующего за Кузминым литературного поколения, уже безоговорочно принимавших на веру творимую им биографическую легенду⁷.

Собрание в ГАХН было посвящено докладу Н.В.Волькенау «Лирика Михаила Кузмина». Протокол заседания, тщательно записанный рукой Д.С.Усова, очевидно, был передан Кузмину в Ленинград и сохранился в архиве А.Д. и С.Э.Радловых в Публичной библиотеке (ОР РНБ. Ф.525. Ед.хр.724)⁸.

Работа Н.В.Волькенау, сохраненная стараниями Д.С.Усова, в определенной мере результировала давний интерес к Кузмину — ее личный и того тесного круга московских литераторов и филологов, к которому она и Д.С.Усов в середине 1920-х принадлежали. Состав и деятельность этого

⁶ См.: Перцов В. По литературным водоразделам // Жизнь искусства. 1925. 27 октября. С.4-6. Статья вызвала резкий авторефлексивный отклик в Дневнике за 27 октября: «Ругают меня в "Ж[изни] ис[кусства]" вместе с Сологубом и Ахматовой. Это ничего еще. Конечно, я не пролетарский писатель, и надежд на меня никаких. Если современность — коммунизм, я не современен».

⁷ Как известно, Кузмин родился 6(18) октября 1872, а не 1875 года, как утверждал сам. Обсуждение вопроса см.: Malmstad J.E. Mixail Kuzmin: A Chronicle of His Life and Times // Кузмин М.А. Собрание стихов / Hrsgeb. und komm. von John E.Malmstad und V.Markov. [Т.] III. München, 1977. С.17-18. Документальное подтверждение подлинной даты рождения см.: Суворова К.Н. Архивист ищет дату // Встречи с прошлым. Вып.2. М., 1976. С.119. Путаница в датах привела к неверным обозначениям юбилеев 1920 и 1925 гг.: так, в комментарии к приветствию А.Блока Кузмину, произнесенному 29 сентября 1920, речь идет о вечере, «посвященном пятидесятилетию со дня рождения М.А.Кузмина» (Блок А. Собр. соч. в 8 т.: Т.6. М.; Л., 1962. С.544. Прим. Г.Шабельской). Та же ошибка повторяется в отношении вечера у Наппельбаумов в 1925 (см., например, Введенский А. Полн. собр. соч. Т.1. Указ. изд. С.VIII; Введенский А. Полн. собр. произведений / Сост. и подг. текста М.Мейлаха и В.Эрля. Т.1. М., 1993. С.12; Наппельбаум И. Угол отражения. Указ. изд. С.33, 77). Ср. также посвященную пятидесятилетию Кузмина заметку В.В.Вейдле, напечатанную в 1926 (!), В[ейдле] В. М.А.Кузмин // Звено. 1926. 10 октября. №193.

⁸ Тезисы доклада см. в фонде ГАХН в РГАЛИ (Ф.941. Оп.2. Ед.хр.3. Л.134).

круга (в том числе в связи с их контактами с Кузминым) подробно рассмотрены в детальных публикациях последних лет, посвященных, прежде всего, истории машинописного журнала «Гермес» (‘Ερηψ, июль 1922 — сентябрь 1924; №1-4), машинописных же альманахов «Мнемозина» (1924) и «Гиперборей» (1926), а также кружка «Кифара»⁹.

Нина Владимировна Волькенау (1901-?) — петербурженка¹⁰, в 1922 закончившая факультет общественных наук 1-го МГУ (общественно-педагогическое отделение), сотрудница ГАХН¹¹, секретарь основанного весной 1922 частью членов Московского Лингвистического Кружка научного кружка «Ars Magna»¹² — с момента издания 1-го номера «Гермеса» входила в редколлегия издания, а после смерти 30 июня 1924 своего мужа М.М.Кенигсберга, одного из идеологов журнала¹³, стала ее председателем. С третьего номера сотрудником «Гермеса», а также секретарем образованного 1 января 1924 Научно-художественного совета редакции становится Дмитрий Сергеевич Усов (1896-1943)¹⁴.

⁹ См.: Московская литературная и филологическая жизнь 1920-х годов: машинописный журнал «Гермес»: I. Мемуарные заметки Б.В.Горнунга / Публ. М.О.Чудаковой и А.Б.Устинова. Вст. ст. М.О.Чудаковой. Прим. А.Б.Устинова. (Горнунг Б. Из воспоминаний о Мих. Ал. Кузmine; О журнале «Гермес»); II. Указатель содержания журнала «Гермес» / Сост. Г.А.Левинтон и А.Б.Устинов; III. К истории машинописных изданий 1920-х годов / Публ. Г.А.Левинтона и А.Б.Устинова // Пятое Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1990. С.167-210 (далее сокр., с указанием страниц: ПТЧ); Горнунг Л.В. Мои воспоминания о профессоре Густаве Густавовиче Шпете / Комм. К.М.Поливанова // Шестые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига; М., 1992. С.172-185 (далее: ШТЧ); Поливанов К.М. Из истории литературной жизни 1920-х гг.: По поводу одной рецензии // Н.Гумилев и русский Парнас / Сост. И.Г.Кравцова и М.Д.Эльзон. СПб., 1992. С.133-136; Он же. Машинописные альманахи «Гиперборей» и «Мнемозина»: Указатель содержания // De Visu. 1993. №6(7). С.46-49.

¹⁰ О ее отце Владимире Федоровиче Волькенау, выпускнике С.-Петербургского Морского корпуса (1898), см.: Российский архив. Вып.5. М., 1994. С.561.

¹¹ Эти данные приводит К.М.Поливанов — De Visu. 1993. №6(7). С.47.

¹² Ее сообщение о деятельности кружка было опубликовано в хронике «Гермеса» (1922. №1. С.184). Благодарим Г.А.Левинтона, ознакомившего нас с комплектом журнала (№1-3), находящимся в его распоряжении.

¹³ См. о нем: Шапир М.И. М.М.Кенигсберг и его феноменология стиха // Russian Linguistics. 1994. Vol.18. №1. P.73-113.

¹⁴ См. о нем: Алексеев Н. О Д.С.Усове; Усов Д.С. Стихотворения / Подгот. текста Н.Алексеева // Ново-Басманная, 19 / Сост. Н.Богомолов. М., 1990. С.75-83; Гаспаров М. С русского на русский: «Переводчик» Д.С.Усова // Сборник статей к 70-летию проф. Ю.М.Лотмана / Отв. ред. А.Мальтс. Тарту, 1992. С.434-439; Сажин В. Тысяча мелочей (3) // Новое литературное обозрение. 1993. №5. С.157-158. Биографическая статья об Усове помещена в словаре «Писатели современной эпохи» (Ред. Б.П.Козьмин. Т.1. М.: ГАХН, 1928. С.251), в работе над составлением которого он участвовал (см. ниже). Обстоятельства вхождения Усова в «Гермес» вспоминал Л.В.Горнунг: «Усов появился из Астрахани, куда в годы революции был переведен какой-то факультет университета, и он с отцом, профессором биологии, уезжал туда. Он вернулся в [19]24 году. .../ В это время, в конце [19]23 г. [А.] Альвинг задумал основать “Кифару” — общество по изучению творчества И.Анненского. .../ Альвинг знал Усова чуть ли не мальчишкой еще до ре-

Первым из «гермесовцев» с Кузминым познакомился главный редактор журнала Б.В.Горнунг, явившийся к нему в августе 1923 с рекомендательным письмом от А.А.Альвинга¹⁵, двумя вышедшими и третьим подготовленным номерами «Гермеса». Кузмин принял приглашение участвовать в журнале и передал Горнунгу стихотворение «Зеркальным золотом вращаясь...» (апрель 1923)¹⁶. Во время своего, организованного В.В.Русловым, пребывания в Москве 10-13 мая 1924¹⁷ Кузмин знакомится на вечерах в кружке «Зеленая лампа» у С.А.Ауслендера и в квартире М.А. и Ф.А.Петровских и с другими вкладчиками «Гермеса». В их числе были Н.В.Волькенау и Д.С.Усов¹⁸.

Кризис взаимоотношений между участниками «Гермеса» (Б.В.Горнунгом и Д.С.Усовым), повлекший за собой выход Горнунга из состава редакции в июне 1924, а также скоропостижная смерть М.М.Кенигсберга привели к приостановке работы над 4-м номером (в рецензионный блок которого входил, между прочим, и отзыв Н.В.Волькенау на «Новый Гуль» Кузмина, вышедший в издательстве «Academia» в Ленинграде¹⁹), а затем и к прекращению журнала. «Издание "Гермеса" без него [Кенигсберга] и без меня стало невозможным», — писал Горнунг Кузмину 3-5 сентября 1924²⁰. Стремление Горнунга к созданию своей литературной

волюции. /.../ Он-то и пригласил Усова в "Кифару", когда он приехал в Москву в [19]24 г. /.../ Из "Кифары" Усов шагнул в "Гермес", хотя не был большим его участником» (Письмо к И.Г.Кравцовой, 12 января 1990, цит. по копии, любезно предоставленной адресатом). В «Кифаре» участвовала и Н.В.Волькенау. О деятельности А.А.Альвинга, Усова и о «Кифаре» см.: Лавров А.В., Тименчик Р.Д. Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1981. Л., 1983. С.62, 117, 123-124; Тименчик Р. Культ Иннокентия Анненского на рубеже 1920-х годов // Readings in Russian Modernism: To Honor V.F.Markov / Ed. by R.Vroon, John E.Malmstad. Moscow: Nauka, 1993. P.342-343.

¹⁵ Письмо опубликовано Г.А.Левинтоном и А.Б.Устиновым: ПТЧ. С.205.

¹⁶ Стихотворение Кузмина вошло в 4-й номер «Гермеса», тираж которого не был отпечатан «по /.../ техническим причинам», как сообщал автору Б.В.Горнунг в письме от 30 марта 1924 (ПТЧ. С.188). Текст впервые опубликован в составе воспоминаний Горнунга о Кузмине (Там же. С.176-178).

¹⁷ Подробнее см.: Тимофеев А.Г. Прогулка без Гуля? (К истории организации авторского вечера М.А.Кузмина в мае 1924 г.) // Михаил Кузмин и русская культура XX века. Указ. изд. С.178-196; Он же. Еще раз о вечере М.Кузмина в студии «Синяя птица» (1924) // Новое литературное обозрение. 1993. №3. С.158-160.

¹⁸ Упоминания о Волькенау см. в воспоминаниях Б.В.Горнунга (ПТЧ. С.179) и в Дневнике Кузмина 11 мая 1924 (Новое литературное обозрение. 1993. №3. С.160). Свои впечатления от устроенного «редакцией "Гермеса"», но во вполне интимной обстановке вечера Кузмина у Петровских 11 мая 1924 Усов изложил в недатированном письме к Е.Я.Архиппову (РГАЛИ. Ф.1458. Оп.1. Ед.хр.78. Л.61-61об.; указано Р.Д.Тименчиком).

¹⁹ См. воспоминания Б.В.Горнунга о Кузмине и составленную им роспись содержания 1-й части 4-го номера «Гермеса»: ПТЧ. С.179, 197. В настоящее время материалы этого номера находятся в распоряжении М.Б.Горнунга.

²⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф.437. Оп.1. Д.27. Л.4. В опубликованном тексте (ПТЧ. С.209) эта фраза пропущена.

группы, совпавшее с «такими же стремлениями А.И.Ромма, Н.Ф.Бернера и С.Я.Парнок», как сказано в том же письме, привело к образованию летом 1924 кружка «Мнемозина» и подготовке одноименного альманаха. Н.В.Волькенау приняла в этой деятельности живое участие: в «Мнемозину» вошли 9 ее стихотворений. К упомянутому письму Горнунга Кузмину с приглашением его в альманах также были приложены стихи и письмо Волькенау, к сожалению, видимо, не сохранившиеся.

Кузмин, согласно воспоминаниям Горнунга, передал в «Мнемозину» два стихотворения²¹. Издание не состоялось; позднее, в 1933, встретившись с Горнунгом в Ленинграде, Кузмин интересовался судьбой альманаха²².

В конце декабря 1924 Волькенау, уже собирая материалы для своего исследования поэзии Кузмина, побывала у него в Ленинграде («Вдруг приезжает из Москвы девица гермесовская. Сведения» — Дневник, 25 декабря). 28 декабря Кузмин подытожил в Дневнике встречу и разговоры с нею: «Москвичка уехала. Впечатление, которое она будет везде говорить, — затаенность, простор, нищета и страшная контрреволюционность».

Докладу Волькенау в ГАХН, почти завершающему короткий период, отмеченный более или менее интенсивными попытками представителей московских литературных кругов привлечь к своим начинаниям Кузмина²³, предшествовало чествование Кузмина 6 ноября 1925 в писательском «Доме Герцена» на Тверском бульваре, совпавшее с официальным его от-

²¹ ПТЧ. С.182. В комм. А.Б.Устинова (Там же. С.186) и в росписи содержания «Мнемозины», составленной К.М.Поливановым (De Visu. 1993. №6 (7). С.48), упоминается лишь один текст Кузмина — «Эфесские строки». Биографы Кузмина говорят о «нескольких (двух или трех) стихотворениях» (Богомолов Н.А., Малмстад Дж.Э. Михаил Кузмин: искусство, жизнь, эпоха. М., 1996. С.247). Действительности соответствует сообщение Горнунга: Кузминым было передано в «Мнемозину» также стихотворение из «раковского» цикла «Намек на жизнь, намеки на любовь...» (8 июня 1924) — его текст, несколько отличающийся от впервые появившегося в печати в 1989 (см.: Кузмин М. Стихотворения; Поэмы / Сост., вст. ст. и прим. С.С.Куняева. Ярославль, 1989. С.325; точный текст впервые опубли.: Терехов А. Одному из немногих // Ленинград весь на ладони. 1991. №1 (2). С.10), входит в машинописный экземпляр «Мнемозины», находящийся в собрании А.Л.Соболева (Москва). Состав этого экземпляра альманаха отличен от описанного К.М.Поливановым (и, позднее, Н.А.Богомоловым: Материалы к библиографии русских литературно-художественных альманахов и сборников. 1900-1937. М., 1994. С.207-208).

²² См.: ПТЧ. С.182.

²³ После невыхода «Мнемозины» Кузмин получил предложения принять участие в деятельности основанного в январе 1926 кооперативного издательства «Узел» (письмо С.Я.Парнок, 1926 — РГАЛИ. Ф.232. Оп.1. Ед.хр.327); в осуществившемся сборнике Всероссийского Союза Поэтов «Новые стихи» (М.: ВСП, 1927. Вып. II; Г.А.Шенгели писал 5 мая 1926: «после больших трудов получили возможность выпустить несколько сборников. Единственная отдушина для живых стихов» — ЦГАЛИ СПб. Ф.437. Оп.1. Д.121. Кузмин поместил в сборнике два текста — «Смотр», 1925 и «Блеснула лаком ложка...», 1926); а также в невышедшем сборнике («Кифары»?), затевавшемся А.Альвингом. «Я, [М.] Сандомирский /.../ и [Л.] Горнунг решили издать маленький сборник стихов: Волошин, Парнок, Шервинский, мы (трое поименованных) и еще кое-кто» — писал Альвинг 2 января 1927 (РГАЛИ. Ф.232. Оп.1. Ед.хр.78).

крытием; одновременно членами кружка П.Н.Зайцева был составлен ответственный адрес Кузмину²⁴.

Помимо очевидного юбилейного повода, доклад был стимулирован и актуальностью поставленной филологической задачи: неудовлетворительное состояние критической литературы о Кузмине не раз констатировалось печатно²⁵. Одновременно этот доклад был погружен в контекст сиюминутной литературной ситуации и отражал опыт недавнего соседства с Кузминым и рассмотрения его творчества на страницах «Гермеса»²⁶ и «Мнемозины» (эта «не в полной мере научность» доклада была уловлена выступавшим в прениях Н.К.Гудзием).

Пиететное отношение к Кузмину и стремление заручиться его сотрудничеством, с одной стороны, и исследовательский интерес к его творчеству, с другой — логически следовали из культурно-эстетической программы «Гермеса»: ориентации на «классическую» поэтику в литературе и антиформалистического пафоса в литературоведении, обусловленных, в свою очередь, сложившимися под сильным влиянием Г.Г.Шпета²⁷ философскими установками участников журнала.

Творчество Кузмина принадлежит, по мысли «гермесовцев», к феномену «петербургского классицизма»²⁸, наряду с творчеством А.Ахматовой, Н.Гумилева и О.Мандельштама, причем имя Кузмина открывает этот ряд. (Н.В.Волькенау, в частности, констатирует, что «Кузмин первый возвестил наступление нового русского классицизма»²⁹).

Очевидно, эта критическая оценка должна быть поставлена в общий контекст восприятия Кузмина на рубеже 1910-1920-х как «классического поэта» (по формулировке О.Мандельштама из оставшейся неопубликованной статьи 1916 года «О современной поэзии. К выходу "Альманаха Муз"»), заданный в 1910 Вяч. Ивановым³⁰ и позднее энергично поддер-

²⁴ Об этом свидетельствует в своих воспоминаниях о Пастернаке Л.В.Горнунг: Литературное обозрение. 1990. №5. С.103.

²⁵ См., напр.: Зноско-Боровский Е. О творчестве М.Кузмина. Указ. изд. С.25; Мочульский К. Классицизм в современной русской поэзии // Современные записки. 1922. Т.ХI. С.371 («Мы ничего не знаем о генезисе и путях кузминской поэзии; критика отмечала огромную сложность, скрывающуюся под этой обманчивой простотой, но никто еще не пытался осветить ее»). «Кузмин до сих пор не дождался исследования о своем творчестве» — подводил итог В.Друзин в 1929 (Звезда. №5. С.171).

²⁶ Посвященные Кузмину материалы «Гермеса» (см.: ПТЧ. С.203) систематизированы и подготовлены к печати Г.А.Левинтоном.

²⁷ См.: ШТЧ. С.175-177, 183-184.

²⁸ По названию первого выпуска из планировавшейся осенью 1922 Московским лингвистическим кружком серии из четырех книг, посвященных русской поэзии после символистов; его состав: «1. Общий очерк (М.М.Кенигсберг). 2. М.Кузмин, А.Ахматова (М.М.Кенигсберг). 3. Н.Гумилев, О.Мандельштам (Б.В.Горнунг)» (Russian Linguistics. 1994. Vol.18. №1. P.99). Заметим, что в 1921-1922, как указывает М.И.Шапир, Кенигсберг был рецензентом «Вторника Мэри» Кузмина и сборника будущих «эмоционалистов» «Часы» (Ibid. P.110).

²⁹ Волькенау Н. [Рец. на кн.:] Ф.Сологуб. Свирель. Русские бергеретты. П[б.], 1922 // Гермес. 1922. №1. С.120.

³⁰ См.: Иванов Вяч. О прозе М.Кузмина // Аполлон. 1910. №7. С.46 (Вторая паниагия). См. в письме Б.В.Горнунга Кузмину от 3 мая 1924 об «авторе "По звезд

жанный как в научной литературе (В.Жирмунский, Б.Эйхенбаум), так и в связанной с ней повременной критике³¹.

Однако реальная поэтическая практика Кузмина с конца 1910-х выходила за рамки прокламируемого «Гермесом» направления и это — чутко диагностированное Ю.Дегеном еще в 1919³² — положение, несомненно, придавало внутренний драматизм если не личным, то «эстетическим» отношениям москвичей с Кузминым. Несомненно и то, что созданный Кузминым (синхронно разрабатывавшейся, прежде всего, В.М.Жирмунским³³ дихотомической модели «поэзии классической и романтической»), «отчасти как автокомментарий к своим сложным и непонятым поэтическим текстам рубежа 10-х—20-х годов»³⁴, — «эмоционализм» сигнализировал, скорее, о самоидентификации Кузмина с «романтическим типом поэтического творчества» (в терминах Жирмунского). В частности тем, что само название этого направления принадлежит к метаописательной парадигме романтизма³⁵. «Романтический» генезис стилевых и идеологических устремлений Кузмина 1920-х прослеживается также в декларативном увлечении экспрессионизмом³⁶ и в «реабилитации» символизма (в статьях

дам“ — книги, руководившей нами при ранних детских литературных шагах» (ПТЧ. С.210; исправлено по автографу: ЦГАЛИ СПб. Ф.437. Оп.1. Д.27).

³¹ См.: Мочульский К. Классицизм в современной русской поэзии. Указ. изд. С.370-376.

³² Ср.: «до конца оценить М.Кузмина пока почти невозможно. Его творчество слишком разнообразно. /.../ Это бесконечное разнообразие поэта /.../ вводит в ошибку разбирающихся в его творчестве. /.../ Нам думается, что подход к Кузмину, охватывающий все его творчество, еще и не скоро станет возможным. Во всяком случае мы, его современники, не сможем сказать о нем последнего слова» (Деген Ю. По поводу настоящей оценки М.Кузмина // Куранты. 1919. №3/4. С.19).

³³ Характерно, что именно Жирмунскому были переданы редакцией все три вышедших номера «Гермеса» (см.: ПТЧ. С.200, 202). Б.М.Эйхенбаум, в феврале 1921 ставивший, вслед Жирмунскому, Кузмина во главе «нового классицизма» («Проблемы поэтики Пушкина»), позднее отмечал «упрощение» и «схематизацию» этого определения и избегал упоминание Кузмина в его контексте (Анна Ахматова: Опыт анализа. Пб.: Петропечать, 1923. С.119). О полемичности этой работы Эйхенбаума по отношению к «Преодолевшим символизм» см.: Серман И.З. Б.М.Эйхенбаум и проблема истории // Revue des Etudes Slaves. 1985. T.LVII. F.1. P.77. Ср.: Смирнов И.П. Художественный смысл и эволюция поэтических систем. М., 1977. С.12-13.

³⁴ Ратгауз М.Г. Кузмин — кинозритель // Киноведческие записки. 1992. №13. С.55.

³⁵ См., например, в статье Жирмунского «Мелодика стиха (По поводу книги Б.М.Эйхенбаума "Мелодика стиха". Пб., 1922)» о «различии двух стилей — напевного, эмоционального и вещественно-логического, понятийного» как о «типологической противоположности искусства романтического и классического» (Цит. по: Жирмунский В.М. Теория литературы; Поэтика; Стилистика. Л., 1977. С.61). Ср. также о связи формулируемого эмоционализмом «индуктивного способа создания поэтической символики» с романтизмом в статье Л.Я.Гинзбург «Частное и общее в лирическом стихотворении» (Гинзбург Л. Литература в поисках реальности. [Л.], 1987. С.96-97, 106-107).

³⁶ См.: Ратгауз М.Г. Кузмин — кинозритель. Указ. изд. С.66-67.

«Мечтатели» и, особенно, «Стружки»³⁷). Последняя, датированная августом 1924³⁸, содержала прямой выпад против «новоклассицизма» (наряду с традиционно третируемыми Кузминым акмеизмом)³⁹.

В теоретических положениях «гермесовцев» Кузмин не без основания усматривал «гумилевскую завкаску»⁴⁰, и они вызывали его скептическое отношение, художественная же продукция авторов журнала казалась ему противоречащей этим декларациям (так, он отмечал влияние «отрицаемых» Хлебникова и Пастернака в стихах Б.Горнунга, прозорливо предугадывая его поэтическую эволюцию, отчасти приведшую того к выходу из «Гермеса» и созданию более «широкой» по своим эстетическим установкам «Мнемозины»⁴¹). В свою очередь, «расставание с прекрасной ясностью»⁴² и увлечение «эмоционализмом» становятся объектом критиче-

³⁷ Кузмин М. Мечтатели // Жизнь искусства. 1921. 29 июня — 1 июля; Он же. Стружки // Россия. 1925. №5. Заметим, что «эмоционализм» был для Кузмина «принципиальной позицией» не только в начале 1920-х, как указывают Г.А.Левинтон и А.Б.Устинов (ПТЧ. С.203), но и позднее, что определило, например, поддержку им впоследствии неоромантика Э.Багрицкого (подробнее см.: Морев Г.А. Советские отношения М.Кузмина // Новое литературное обозрение. 1996. №22).

³⁸ См.: Дмитриев П.В., Тимофеев А.Г. Библиография критической прозы М.А.Кузмина // De Visu. 1994. №5/6 (16). С.108.

³⁹ Отметим значимое упоминание здесь и генетически связанного с романтизмом футуризма, с которым, хотя и несколько «остраненно» идентифицировал Кузмин свою манеру конца 1910-х: см. его дневниковую запись от 3 октября 1921 (Минувшее. Вып.13. М.; СПб., 1993. С.491; publ. Н.Богомолова и С.Шумихина. Ср. прим.43). Ср. характеристику акмеизма как «неоклассицистской реакции на романтические элементы в символизме» у В.Ф.Маркова (Markov V. The Longer Poems of Velimir Khlebnikov. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1962. P.5). О «возврате» Кузмина к футуризму и символизму в начале 1920-х см.: Марков В. Поэзия Михаила Кузмина // М.Кузмин. Собрание стихов. Указ. изд. [Т.] III. С.384. О влиянии «русского футуризма» на Кузмина говорилось ранее в анонимной некрологической заметке о нем — автором ее, надо думать, был Р.О.Якобсон (Slavische Rundschau. 1936. Bd.8. №3. S.209). Ср. прим. 43.

⁴⁰ Цитата из Дневника Кузмина за 13 августа 1923 (ПТЧ. С.203). Как группу, «очень высоко ставящую Гумилева», характеризует сотрудник «Гермеса» Л.В.Горнунг в письме П.Н.Лукницкому от 24 марта 1925. См.: Н.С.Гумилев в переписке П.Н.Лукницкого и Л.В.Горнунга / Публ. И.Г.Кравцовой (при участии А.Г.Терехова) // Николай Гумилев: Исследования и материалы; Библиография / Сост. М.Д.Эльзон, Н.А.Грознова. СПб., 1994. С.497. Теме «Гумилев в "Гермесе"» посвящена находящаяся в печати работа Г.А.Левинтона.

⁴¹ Ср.: ПТЧ. С.203-205; Мазур С. Третий Тыняновский сборник (обзор статей) // Даугава. 1990. №1. С.112. Декларация «Мнемозины» (см.: De Visu. 1993. №6(7). С.47) утверждала необходимость синтеза классической и романтической поэтики — такой синтез находил у Кузмина Инн. Оксенов (см.: Оксенов Инн. Книги М.А.Кузмина // Записки Передвижного Общедоступного театра. 1919. Вып.22/23. С.16).

⁴² Из рец. Б.В.Горнунга на три выпуска «Абрахаса» (Гермес. 1923. №3. С.419. Подп.: Шнюспельпольд; приведено в комм. А.В.Лаврова и Р.Д.Тименчика в кн.: Кузмин М. Избранные произведения. Л., 1990. С.545). Ср. отсылку к «основоположной» для «гермесовцев» кузминской формуле и в рец. Н.В.Волькену на «Appo Domini» Ахматовой: «Такой тонкости, такой прекрасной, божественной ясности /.../ ей еще не удавалось достигнуть» (Гермес. 1922. №1. Цит. по: Ахматова А. После всего / Сост. и прим. Р.Д.Тименчика и К.М.Поливанова. М., 1989. С.63).

ских инвектив — как печатных, так и изустных — со стороны «Гермеса»⁴³.

Отголоски этой критики заметны и в докладе 1925 г., где Волькенау подчеркивает наличие «почти противоположных» направлений в поэзии и критике Кузмина. При рассмотрении «выходящих за рамки "классицизма"»⁴⁴ текстов литературно-критическая стилистика доминирует в ущерб собственно филологическому анализу, что и вызвало возражения Гудзия.

Наиболее заинтересованно и развернуто в прениях по докладу выступил Д.С.Усов. Один из «непримиримо-принципиальных и нетерпимых по отношению к многим художественным явлениям»⁴⁵ членов «Гермеса», Усов сочетал любовь к поэзии Кузмина с преклонением перед И.Анненским, чей культ исповедовал с середины 1910-х⁴⁶. Профессиональный интерес к биографии и творчеству Кузмина, связанный с подготовкой в ГАХН словаря современных русских писателей⁴⁷, соединялся в нем с во-

⁴³ Любопытно, что при «насмешливо-скептическом» отношении Кузмина к «Эстетическим фрагментам» Г.Г.Шпета, выяснившимся из его разговоров с Б.В.Горнунгом в августе 1923 (см.: ПТЧ. С.178), свои претензии к «Абраксасу» в письме Кузмину от 30 марта 1924 Горнунг вновь формулирует с помощью цитаты из этого текста, позволяющей реконструировать тот актуальный литературный контекст, с которым сопалагалась «Гермесом» деятельность Кузмина: «Мы обвиняем сборники в примате поэтики над поэзией» (ПТЧ. С.206; ср.: дневниковую запись Кузмина от 13 августа 1923: Там же. С.203) — ср.: «Утверждающие примат поэтики над поэзией — футуристы» (Шпет Г. Эстетические фрагменты. [Вып.] I. Пг.: Колос, 1922. С.44-45).

⁴⁴ Мочульский К. Классицизм в современной русской поэзии. Указ. изд. С.376.

⁴⁵ По характеристике Б.В.Горнунга из его письма Кузмину от 3-5 сентября 1924 (ПТЧ. С.209). Имеется в виду отношение Усова, в частности, к футуризму. Ср. в письме Усова Э.Ф.Голлербаху от 10 августа 1931: «Со вниманием прочел Вашу работу о Бурлюке (особенно наблюдения над стилем его поэзии [имеется в виду издание: Голлербах Э.Ф. Поэзия Давида Бурлюка. Нью-Йорк: Изд. М.Н.Бурлюк, 1931]), но, должен признаться, что этот объект Вашего исследования никогда не возбуждал во мне ни малейшего сочувствия, и даже Ваша книга не в силах способствовать этому» (ОР РНБ. Ф.207. Ед.хр.94. Л.150б.).

⁴⁶ См.: Тименчик Р.Д. Поэзия И.Анненского в читательской среде 1910-х гг. // Блоковский сборник. VI: А.Блок и его окружение / Уч. зап. ТГУ. Вып.680. Тарту, 1985. С.107-109. Ср. сближение Кузмина и Анненского у Э.Голлербаха, впоследствии также причастного к «анненскианцам» (Голлербах Э. Город Муз / Изд. 2-е. Л.: [Изд. автора], 1930. С.109): «Интересно отметить, что некоторые стихотворения в "Нездешних вечерах" до такой степени напоминают Иннокентия Анненского, что могли бы быть помещены во втором издании "Кипарисового ларца"» — Голлербах Э. Радостный путник (о творчестве М.А.Кузмина) // Книга и революция. 1922. №3 (15). С.44; ср. также в статье: Голлербах Э. Дары поэтов // Веретено. Кн.1. Берлин, 1922. С.200. Обстоятельства литературной судьбы Кузмина во второй половине 1920-х — изолированность от официальной литературной жизни, сходящая на нет интенсивность публикаций и, следовательно, участь «поэта для немногих» — ввели Кузмина в ряд «подземных классиков», к которым, по мысли Усова, принадлежал Анненский (см.: Тименчик Р.Д. Поэзия И.Анненского в читательской среде 1910-х гг. Указ. изд. С.109).

⁴⁷ Усов был автором словарной статьи о Кузмине (Писатели современной эпохи. Указ. изд. С.156-158); об авторстве свидетельствует, в частности, его письмо

сторженностью поклонника⁴⁸. В конце 1920-х — начале 1930-х Усов входил в круг давних почитателей, не оставлявших Кузмина вниманием и пытавшихся в условиях «преодоления Гутенберга» следить за его творчеством⁴⁹.

Благодаря этому вниманию сохранился и полный текст доклада Н.В.Волькенау. В повременных изданиях, выпускавшихся ГАХН, сведения о нем ограничиваются упоминанием в «Бюллетенях Г.А.Х.Н.» ([Вып.] 2/3. М., 1926. С.33). Фрагменты доклада цитировались А.В.Лавровым, Р.Д.Тименчиком и Н.А.Богомоловым в комментариях к подготовленным ими изданиям Кузмина⁵⁰, а также в новейшем варианте биографии Кузмина⁵¹.

Д.С.Усов придерживался принятой Г.Г.Шпетом и, вслед за ним, в круге «Гермеса» ненормативной орфографии, избегая, например, удвоения согласных в заимствованных словах; при публикации мы сочли возможным приблизить орфографию к современной.

Настоящая публикация готовилась в Иерусалиме, в отрыве от ряда необходимых материалов. Неизбежные следствия этого обстоятельства были бы ощутимее, если бы не дружеское содействие А.Б.Блумбаума (Stanford) и П.В.Дмитриева (Петербург), которых, пользуясь случаем, мы искренне благодарим за помощь.

Кузмину от 16 декабря 1926: «Академия Художественных наук в Москве издает Био-библиографический словарь русских писателей XX века. Статью о Вас поручено написать мне. /.../ Поэтому я очень просил бы Вас сообщить мне те факты Вашей биографии последнего десятилетия, которые Вы сами считаете нужным отметить. Был бы также признателен за сведения о книгах, имеющих выйти в ближайшее время (''Пятикрыл''?)» (ЦГАЛИ СПб. Ф.437. Оп.1. Д.138).

⁴⁸ Ср. отзыв об Усове в дневнике Кузмина 1 декабря 1931: Новое литературное обозрение. 1994. №7. С.189.

⁴⁹ См. письмо Усова Голлербаху от 13 июля 1932: Михаил Кузмин и русская культура XX века. Указ. изд. С.170. Упоминания о Кузмине часты в переписке Усова с ленинградскими корреспондентами — Э.Голлербахом (ОР РНБ. Ф.207. Ед.хр.94) и Вс. Рождественским (см.: Михаил Кузмин и русская культура XX века. Указ. изд. С.217).

⁵⁰ Кузмин М. Избранные произведения. Указ. изд. С.509-511; Кузмин М. Стихотворения / Новая библиотека поэта. СПб.: Академический проект, 1996. С.701, 704.

⁵¹ Богомолов Н.А., Малмстад Дж.Э. Михаил Кузмин: Искусство, жизнь, эпоха. Указ. изд. С.103-104.

Протокол №4
Заседания п[од]/с[екции] истории русской литературы
Литературной Секции ГАНХ от 4-го декабря 1925 г.

Присутствовали: Н.В.Волькенау, Н.К.Гудзий, С.Н.Дурылин, А.И.Кондратьев, М.А.Петровский, Д.С.Усов, А.Г.Челпанов, Б.И.Ярхо.

Приглашенные: Л.В.Горнунг, Д.Е.Михальчи, П.Сухотин и др. — 21 чел.

Председатель Н.К.Гудзий

Ученый секретарь Д.С.Усов

Заседание открывается в 18 ч. 30 м.

Заслушано 1. Протокол №3.

Постановлено 1. Утвердить.

Заслушано 2. Доклад Н.В.Волькенау «Лирика Михаила Кузмина».

Доклад приурочен к 50-летию со дня рождения и к 20-летию литературной деятельности М.А.Кузмина: 1875-1905-1925.

I. Культурно-биографические указания

М.Кузмин начинает писать поздно, уже обладая большим культурным опытом. До написания им в 1903 г. «XIII сонетов», не предполагавших никакого музыкального применения, он писал слова к своим романсам (большею частью на русские молитвы — подражание скитским стихам, цикл романсов «Города»), либретто к своим операм — «Евлогий и Ада», из александрийской жизни, с сильной струей гностицизма (совершенно самостоятельное) и переложение сказки Гоцци «Ворон»¹. Ко временам начала поэтической жизни Кузмина современная ему русская поэзия занимала очень малое место в его духовном обиходе. Остро и длительно переживал Кузмин интерес и близость к русскому старообрядчеству. Между прочим, не снявши еще своего старо-русского костюма, читает Кузмин свои «Александрийские Песни»² — наглядное проявление капризного его синкретизма. Интерес к прошлому Египта, Александрии с их язычески-христианской мистической душой и пестрым бытом, вызвал поездку Кузмина в Египет³. Эта характерная для него потребность вживания вообще тянула его к местам проявления пленившей его духовной стихии. Он ездит за иконами по старообрядческому Северу, живет в Италии, в любимейшем городе Данта⁴. В Италии, кроме Данта-лирика, поэтов и новеллистов, Гольдони и Гоцци, любит Кузмин и самую Италию 18 века, вместе с Германией плетущую пеструю сеть веселой жиз-

ни своих маленьких индивидуалистических городков. В нелюбви к Парижу 18 века сказывается общая нелюбовь Кузмина ко всему слишком завершенному, прямолинейному — отсюда нелюбовь к Перикловым Афинам, к совершенному романтику — Новалису, и плененность «штурм унд дранг»ом, Гофманом, первыми веками христианства, — когда сдвигаются все планы, скрещиваются все нити, и очевидными становятся не уловленные в костенеющие рамки общие пути и стремления мирового духа⁵. Кузмину близка бурная, романтическая эпоха Елисаветинской Англии. Французская же поэзия, по его словам, резко чужда ему вся в промежутке между Вийоном и Верлэном, за исключением Ронсара. В 18-м веке Франции пленить его сумели только Лакло и Казот. Влечение [Так! — Г.М.] к пышности и страсти Персии, Шах-Намэ и 1001 ночи Кузмин отдал впоследствии дань в своих газзлах⁶. И рядом со всем этим — любовь к недавней русской провинциальной старине, к быту Печерского, Островского, Лескова.

Т[аким] о[бразом], своеобразие культурных интересов Кузмина, широта их диапазона заставляют ждать от его поэзии тематического богатства и обнаружения оригинального «синкретического» мироощущения. Единство многообразия характеризует его культурный облик.

II. Поэтическое сознание

Для полного понимания культурного облика поэта и его места в жизни современного ему искусства, необходимо, кроме его поэзии, ознакомление с мыслями его об искусстве. В теоретических высказываниях Кузмина можно выделить две струи, почти противоположные, которым соответствуют два, почти постоянно переплетающихся пути его поэзии. Одна струя, чище всего выразившаяся в статье «О Прекрасной Ясности»⁷ — стремление прежде всего к ясности, четкости формы в поэтическом произведении; наиболее яркая поэтическая иллюстрация этой струи — «Сети» в первых своих частях. Вторая струя — более сильная — указание на необходимость наличия в поэзии прежде всего своеобразно воспринимающей души поэта, озаренной священным безумием. Вопрос формы отходит на второй план. Эта струя начинает обнаруживаться в теоретических высказываниях Кузмина почти одновременно с первой, выражаясь особенно ярко в «Декларации Эмоционализма», 1922 г.⁸ В ней существенно интересны 2 момента: 1) указание на то, что искусство «есть лишь способ эмоционального познания мира» и [2)] следующая характеристика задач этого направления в искусстве, проповедником которого

так неожиданно явился Кузмин: «Эмоционализм стремится к распознаванию законов элементарнейшего, видя в высокой элементарности противовес великолепным формам и восхитительнейшим соблазнам европеизма» (журнал «Абракадабра», февр. 1923 г.). Наиболее четкая поэтическая иллюстрация этой струи — сборник «Параболы», 1923 г. Характерно для теоретической мысли Кузмина требование полной свободы искусства от всяких гетерономных ему условий, и внутри самого искусства — от самоограничительных указок «школ», «цехов» и «направлений». «Хлебников и Вячеслав Иванов замечательные поэты *несмотря* на символизм и футуризм, а не благодаря своей принадлежности к этим школам»⁹. Из современных поэтических школ наиболее враждебен Кузмину акмеизм, как наиболее определенный, узкорегламентированный цех. Вместе с акмеизмом и футуризм включается Кузминым в волну ненавистного ему формализма, падение которого он констатирует. Символизм не ощущается Кузминым как единое, поэтически-цеховое целое. —

Так определяется общая линия развития поэтического сознания Кузмина, от тяготения к стройности и ясности «прежде всего прочего» до провозглашения прав экзальтированного и мудрого искусства.

III. Поэтическое творчество: темы, мотивы, общий характер Попутно — влияния и заимствования

Ожидания, высказанные в 1-й части, оправдываются. Творчество Кузмина с первых же шагов отличается богатством и своеобразием тематики и отмечено сложным мироощущением.

1. «Александрийские Песни». В своей любви к культурам прошлого, к «далеким родинам», Кузмин — не археолог, не реконструктор¹⁰. Чутьем филолога схватывая дух эпохи, он далек от мелочного историзма. Вряд ли «Александрийские Песни» «могут быть сочтены переводами из какого-нибудь греческого поэта II века до Р.Х.», как говорил В.Я.Брюсов¹¹. Изящество, остроумие, блеск эпиграмм Калимаха, очаровательная и нежная фривольность и веселость Асклепиада, общий легкий и виртуозный тон александрийской эпиграмматической поэзии, порою близкий Кузмину, очень далек как раз /от/ «Алекс. /Песен/ Песням», их сложному миру страсти, мудрости и тайны, веселой и покорной обреченности. Так же далеки «Ал. Песни» и от довольно внешне-любовной элегии, и от прямого, простого чувства Теокритовых идиллий. Все вышеуказанные алекс[андрийские] поэты II века в своих мифологических реминисценциях — чистые эллины и да-

леки от синкретизма Кузмина. Нечего и говорить о том, что стихотворение об Антиное скорее позволяет приурочить Александрию Кузмина к эпохе греческого возрождения II-III в. по Р.Х.

Сам М.А.Кузмин на вопрос о том, что он считает источником «Ал. Песен», указал докладчице на переводы древнеегипетских текстов, издававшиеся в 70-х годах XIX в. под эгидой английского Общества Библейской Археологии и выходившие в течение нескольких лет серий [Так! — Г.М.] под названием «Records of the Past». По мнению автора, бытовая ткань была дана ему этим материалом; общие исторические сведения его дополнили; александрийских же эпиграмматиков и элегиков Кузмин, по его словам, никогда не читал. Среди длинного ряда царских надписей о войнах и победах, молений подземным богам, встречаем мы в «R[ecords] o[f] t[he] P[ast]» несколько отрывков, своеобразие мировоззрения которых окрашивает многие «Песни».

1-й отрывок из «Песни орфиста», отн[осящийся] к 18[-й] династии, цит. изд., том VI, стр. 129; 2-й — из «Праздничного гимна», отн[осящийся] к 11-й династии, цит. изд., т.IV, стр.118:

1. «Люди умирают со времен Ра, и юноши приходят на их место. Ноздри каждого вдыхают в свое время ветры рассвета, но все, рожденные женщинами, кончают свои дни. Да будет же день твой сладостен. Пусть ноздри твои обоняют благовония и душистые масла. Гирианды лотоса на руках и на груди твоей сестры, живущей в твоём сердце, сидящей рядом с тобой. Пусть раздаются песни и музыка — и забудь все злые заботы. Думай о радости, пока не придет день странствий, когда мы приблизимся к стране, которая любит молчание»¹².

2. «Те, кто строят дома, и те, кто не имеет домов, — смотри, что постигает всех. Они идут туда, откуда не возвращаются...

Следуй своим влечениям, пока ты жив. Умасти свою голову благовонными маслами, надень тонкие ткани, украшенные драгоценными монетами, дарами бога; умножай свое состояние, следуй своим влечениям, трать свое состояние на удовлетворение своих влечений, пока ты на земле, как велит тебе твое сердце... Веселись спокойно, так как никто не унесет с собою своего богатства»¹³.

У Кузмина: 1. «Но еще слаще, еще мудрее, еще инстинктивнее все именье...» 2. «Как люблю я, вечные боги, прекрасный мир...» 3. «Что ж делать... что перестану я видеть твое лицо»¹⁴.

Прямым указанием на влияние египетских текстов является песня Кузмина «Сегодня праздник...», заимствующая общий колорит и отдельные образы из отрывка романа эпохи 19-й династии «Рассказ о саде цветов». Общее настроение этого романа — праздничное, полное глубокой неги и беззаботности. Для героев его

12 месяцев проходят как один долгий день в увеселениях любви, среди цветущего сада. Отрывки из египетского текста (цит. изд., т. VI, стр. 153, 155): «Камыши в саду зеленели, и все его кусты были в цвету. Там была смородина, и вишни, краснее рубина... Сад сегодня в своем полном блеске... Там в саду есть комната с террасой...» («беседка» Кузмина, в которую) «они приносят напиток "хак", пирожные — вчерашние и сегодняшние, свежие и всевозможные прекрасные фрукты, кокосовые орехи... Приди и сделай этот день счастливым... Дай мне винную ягоду, которую попробовали твои губы, дай мне откусить ее. Я целую не только губами... Пусть сегодняшней день будет днем радости»¹⁵.

Александрия Кузмина — город радости, богатства, веселой и шумной уличной жизни, цветов и музыки. Описание такого сказочного города с накоплением праздничных тонов находим в отчете одного писца эпохи 19-й династии, о посещении им богатого пограничного города на границе Египта и Хангана (цит. изд., стр. 13-16): «Я нашел его бесприммерно изобильным, жилищем радости... Его базары богаты. Радость живет в нем, никто не может сказать о нем ничего плохого. В нем бедные наравне с богатыми предаются празднованию божественных торжеств и ежегодных празднеств... Радость длится в нем, она в нем постоянна»¹⁶.

Представление о Египте, как о земном рае, которое создают и «Ал. Песни», было распространено в эллинистическом мире: «...Верь мне: в Египте / уж так-то хорошо, что и сказать трудно. / Ведь там найдется все, что только есть в мире: / Палестра, роскошь, деньги, власть, покой, слава, / Театры, золото, мудрецы, царя свита...» — из «Свахи» Герода, пер. Г.Ф.Церетели.

Так «Александрийские Песни», подобно самой Александрии, вплели в свою сложную ткань и египетские нити.

2. В «Сетях» Кузмин для современников «является рассказчиком только своей души, своеобразной, тонкой, но не сильной и слишком далеко ушедшей от тех вопросов, которые определяют творчество истинных мастеров» (Н.Гумилев, газ. «Речь», 1908 г., №121 от 11 мая). «Сети» поражают простотой мотивов, надолго объединенных одной неисчерпаемой темой *любви*: интерьеры, природа, город, веселые праздники и дружеская болтовня, взятые то в обстановке старой Франции, то в самой непосредственной современности, разнообразнейшие эстетические реминисценции. Кузмин-рассказчик сквозит в творчестве Кузмина-поэта — и в смене мотивов, и в стремлении сделать развитие лирической темы более подвижным, чем обычно, создать фабульную ситуацию — что достигается объединением в цикл ряда стихотворений совершенно самостоятельных, но развертывающих общий сюжет — и,

наконец, в таланте рассказа-разговора, в даре поэтической *cause-gie*, которым Кузмин напоминает поэтов *des poésies fugitives**, больше всего — «ветренного Дората». Близок Кузмин к 18 веку и своей любовью к «веселой легкости бездумного житья» — и опять-таки больше всего к *Dogat*. Новое слово, сказанное «Сетями» — умение поэтически говорить об обыденном, интимность. В последних циклах «Сетей» сказывается другая — мистическая — струя: любовь — литургия, любовь — таинство; просветленная покорность судьбе, вполне раскрывающаяся в стихах 1916-17 гг., начинает окрашивать его лирику.

3. Религиозно-мистическая окраска значительно слабеет в любовной [лирике] второй книги — «Осенние Озера» (стихи 1908-1912 гг.). Высокая элегичность некоторых стихов напоминает Пушкина. Мотивы природы выступают на первый план. Газзлы «Венок весен» отличаются от немецких переводов-подражаний начала прошлого века — в частности, от газзл Платена — большей красочностью образов, богатством мотивов и насыщенностью чувства. Жизнь Востока, охоты, пиры, базары, отдельные бытовые черты, суеверия являются материалом образов газзл. Как и во всех стилизациях Кузмина, в газзлах не чувствуется подражания: чувство в новой одежде не теряет своей непосредственности. «Есть что-то исконно-русское, что-то пушкинское в умении Кузмина менять стили и оставаться самим собой под разными масками» (С.Соловьев¹⁷). «Духовные стихи» Кузмина и по темам — хождение богородицы по мукам, страшный суд, раскаявшийся разбойник — и по образам прекрасной пустыни «матери всеблагой», реки огненной, ангелов [—] «красных юношей» и муринов, взвешивающих грехи людские, наконец, по языку, который представляет сложную целостную амальгаму простонародных и церковнославянских слов и оборотов, очень близки не только духу, но и букве источника.

«Праздники пресвятой богородицы» носят мирской и современный характер. Ритмы их, в противоположность былинной, напевно-говорной ритмике «Духовных стихов», не выходят из рамок равносложных тонических.

4. «Глиняные голубки», стихи 1912-13 гг., сравнительно бесцветны. Психологической тонкостью и мастерством бытописателя отмечен цикл «Бисерные кошельки». Художественно ценен и интересен для исследователя жанра стихотворного романа «неоконченный роман в отрывках» «Новый Ролла».

* Легкая поэзия (*фр.*).

5. В сборнике «Вожатый» — стихи 1915-16 и отчасти 1917 г. — религиозная струя поэтического мироощущения Кузмина /выдвигается/ приобретает просветленный, умиротворенный характер. Она проявляется и во многих стихах тех же годов, помещенных позднее в сборниках «Эхо» и «Нездешние вечера» рядом со стихами уже совсем иного стиля. Самый мир начинает являться в поэзии Кузмина новым, простым и привольным миром полей, земли и облаков, мирной жизни. Появляются новые для его поэзии мотивы детства, детских праздников и сказок. В полном согласии с этим новым чувством кровного родства с течением земной жизни находится небольшой цикл «Русский рай», в котором раскрывается известная любовь Кузмина к русской старине, к поволжским городам, «где Волга медленно и пенно к морям далеким путь ведет»¹⁸. Изображение «сладостной и косной» жизни русской провинции с жаром лежанок, лаем псов и воем вьюги за плотной ставней, нагорелыми лампадками и уютом праздничных горниц снова обнаруживает уже отмеченное мастерство в описании интерьеров.

6. В стихотворениях 1917-1922 гг., объединенных в сборниках «Нездешние вечера», «Двум», «Эхо», «Параболы», — просветленная религиозность «Вожатого» превращается в беспокойную, мистическую углубленность, в стремление познать мир в его основных, «допотопных началах». Теоретические высказывания Кузмина этих лет помогают нам понять, что «основной» кажется ему органическая, физиологическая жизнь, с которой сближает он искусство. Прежняя четкость отделки исчезает; прежний эстетизм неловок и претенциозен. Все внимание обращено на как можно более непосредственное выражение любых своих эмоций, хотя бы и не отстоявшихся — объективным словом. Образы поэзии Кузмина, прежде четкие и прозрачные, как бы отрываются от объективно-разумной основы, которая то почти исчезает под напором чисто-экспрессивной — звуковой, интонационной — стихии, то является отягощенной и затуманенной некоторым мысленным ходом, лежащим вне стиха, но необходимым для его понимания («чем рассудку темней и гуще, тем легче легкой душе»¹⁹). Отсюда — частая невнятность стихов. В некоторых примерах нужно видеть влияние Хлебникова. Интересна вообще проблема влияния новейшей поэзии, в частности, Маяковского, на позднего Кузмина, проявляющаяся, напр[имер], в вульгаризации образов²⁰. Чистая любовная лирика отходит на задний план. Круг тем расширяется; заметно стремление к некоторой их объективации, совмещающееся с крайним индивидуализмом изображения. Интересны в этом отношении ода «Враждебное море», рассказывающая о первых бе-

дах и раздорах человечества, стих[отворе]ние «Девочке-Душеньке», сб. «Двум», — только что родившемуся ребенку о его всечеловеческой судьбе; кантата «Св. Георгий», «Рождение Эроса», «Стихи об Италии» в «Нездеш[них] вечерах». Наконец, в «Параболах» в этом же смысле интересен ряд стих[отворен]ий цикла «Стихи об искусстве», между прочим стих[отворе]ние «Мы на лодочке катались...», — своего рода поэтический этюд, в котором, в виде схемы стих[отворен]ия даны наброски разных ликов России; стих[отворе]ние «Пламень Федры», ряд стихов, дающих самые разнообразные образы — английских моряков, библейского Ионы, ленивой поволжской купчихи, театрального «гения» и др. Чрезвычайно тонко изображение голодной и нищей современности начала 20-х годов в стихотворении «Поручение».

7. «Новый Гуль» — маленькая книжечка любовных стихов 1924 г. написана неожиданно в старой манере²¹. Но следующие — рукописные — стихи (до конца 1924 года)²² дают основание полагать, что в дальнейшем творчество Кузмина пойдет скорее по пути несколько темного и расплывчатого эмоционализма «Парабол».

IV. Поэтическое творчество: внешние формы

1. *Эвфония*. Творчество Кузмина отмечено определенной установкой на звуковую сторону стиха. В эпоху «Сетей» это сказывается гл[авным] обр[азом] в так называемой «внутренней рифме»; позднее замечается склонность к многозвучным повторам, часто распространяющимся на целые строфы. В «Параболах» звук порою стремится к самодовлению в ущерб смыслу; повторы однозвучны и многократны.

2. *Рифма*. Кузмину чужда неточная рифма, ассонанс. Заметно стремление к богатым рифмам; Кузмин широко пользуется рифмами дактилическими и составными.

3. *Ритм*. Поэзия Кузмина — богатый материал для изучения русского стихосложения; у него находим и самые разнообразные виды свободного стиха, и так называемый паузник и значительное разнообразие традиционных силлаботонических форм (двудольных).

Прения по докладу Н.В.Волькенау

Д.С.Усов указывает, что работа Н.В.Волькенау является, в сущности, первой историко-литературной *работой* о Кузмине

после статьи Е.Зноско-Боровского, напечатанной в «Аполлоне» за 1917 год и содержащей интересные — не использованные в первой части настоящего доклада — биографические сведения. В докладе хотелось бы видеть также более развитые библиографические указания. Следовало отметить редкую для новейших русских поэтов *неповторимость* стихов в книгах Кузмина и указать на построение книг, с непременным интродуктивным романом и крупным эпическим циклом в конце («Александрийские Песни» — «Праздники пресвятой богородицы» — «Новый Ролла»²³).

Разработка одной лирики в настоящем докладе, несомненно, сузила интерес его. Быть может, именно благодаря этому оказался столь мало рассмотренным вопрос о фабульной ситуации в лирике, ибо циклы, «связанные одним героем», могут быть лучше поняты на фоне общего запаса творчества Кузмина — александриец о серых глазах, «мой корнет», Гуль с одной стороны, Толстой, Фонвизин и девственный Виктор²⁴ с другой являются выражением единого устойчивого типа в творчестве Кузмина.

Последнее замечание [: что] касается вопроса об источниках, то сообщение и использование текстов «Records of the Past» в качестве прототипа «Александрийских Песен» является одним из наиболее свежих и интересных моментов работы Н.В.Волькенау; но несомненно также, что указание *автора* не может и не должно быть в данном случае единственно руководящим. Не считая «Песен Билитис» Пьера Луиса, как источника, раскрытого самим автором в «подражании» «Их было четверо в этом месяце...» (из цикла «Она») — следовало бы обратиться к рецензии Виламовица-Мелендорфа, напечатанную [Так! — Г.М.] (по библиографии, приложенной к французскому изданию «Песен Билитис») в Геттингенских Ученых Записках в 1896 г.²⁵; там могут заключаться указания на греческие образцы. Переходя далее к русской традиции, возможно сопоставление «Александрийских Песен» с некоторыми из «Антологических стихотворений» Фета — напр[имер]: «Я люблю многое, близкое сердцу, только редко люблю я... Чаше всего, мне приятно скользить по заливу, — так, — забываясь под звучную меру весла, омоченного пеной шипучей, — да смотреть, много ль отъехал и много ль осталось, да не видать ли зарницы...» и дальше: «Странные мысли приходят тогда мне на ум: что это — жизнь или сон? Счастлив я, или только обманут?»²⁶ Наконец, колорит и лексический запас «Александрийских Песен» должны быть поставлены в некоторую зависимость от легенд Лескова — и это, может быть, еще раз говорит за то, что творчество Кузмина — плодотворнее было бы рассмотреть во всем его охвате.

*С.Н.Дурылин*²⁷ напоминает о тяге М.А.Кузмина к русскому духовному стиху и к апокрифу, о традиции Мельникова-Печерского в некоторых его повестях. Вячеслав Иванов всегда говорил, что Кузмин — не в фарфоровом 18-м веке, что Кузмин — лирик русской религиозной души²⁸, что он может сказать в своих стихах то, что давали Мельников-Печерский в прозе и Нестеров в картинах. Возможно, что при оформляюще-критических условиях русского символизма эта сторона Кузмина и получила бы свое выражение.

*Н.К.Гудзий*²⁹: доклад Н.В.Волькенау, посвященный общему пути лирики Кузмина, нельзя назвать в полной мере научным; но его нельзя считать только описательным — в нем есть места, которые дают эстетическую оценку, и такие, которые отражают субъективную эмоцию автора. Но нам даны также интересные указания на то, чем характеризуется лирика Кузмина.

Отмечая неравномерность доклада — отсутствие указаний на связи Кузмина с русской и иностранной литературной традицией — Н.К.Гудзий подчеркивает, что творчество Кузмина, которое тематически связывается с 18-м веком, больше связано с французским XIX веком. Анализ формальных особенностей Кузмина является иногда неполным.

Что касается вопроса о связи теоретических высказываний Кузмина с его собственным творчеством, то здесь следовало бы указать, что Кузмин — поэт-стилизатор, и что отсутствие поэтического мировоззрения дает себя знать при сопоставлении этих высказываний с поэтической практикой. Кузмин отрицательно относится к акмеизму — и Кузмин в очень больших участках своего творчества акмеист и, м[ожет] б[ыть], больше, чем те поэты, которые называли себя акмеистами. Кузмин относится отрицательно к футуризму — но тяга к футуризму у Кузмина дает себя знать очень ощутительно.

После «Сетей», «Глиняных голубок» — «Нездешние вечера» кажутся шагом, непохожим на все, что мы знаем о Кузмине. Декларация об эмоционализме, «Новый Гуль», «Эхо» подтверждают большую *случайность* творческого пути Кузмина.

Доклад Н.В.Волькенау имеет общий характер, законный и допустимый. Следует только пожелать, чтобы целокупный образ Кузмина был дорисован и детализирован.

Н.В.Волькенау: Неполнота указаний источников «Александрских Песен» объясняется путеводительным характером доклада.

Признавая, что фабульная ситуация в лирике недостаточно выяснена, докладчица замечает, что образные средства ею считаются более важными, чем внешняя сторона.

Нельзя согласиться с тем положением, что у Кузмина нет собственной поэтической физиономии; ему невозможно отказать в органичности мироощущения. Докладчица видит в нем единство многообразия, единство синтетического духа.

По поводу замечания о недостаточной связи теоретических высказываний Кузмина с его поэтической практикой приходится сказать, что теоретические высказывания подчеркивают это единство многообразных его устремлений. Докладчицей хронологически подчеркивались и даты теоретических высказываний, и даты стихов, хотя это методологически неправильно:

1. «О прекрасной ясности» — «Сети» — «Новый Гуль»
2. «Декларация эмоционализма» — «Параболы»

Невнятность «Парабол» является доведением мистической стихии до абсурда, до своеобразно искаженных внешних средств выражения.

Заседание закрывается в 22 ч. 15 м.

Председатель: [Н.К.Гудзий]

Ученый секретарь [Д.С.Усов]

¹ Упоминаемые Н.В.Волькенау вокальный цикл «Города» и переложение «Ворона» Гоши нами не обнаружены; опера «Евлогий и Ада» (вариант текста, известного также под названием «Комедия из александрийской жизни»; опубл.: Кузмин М. Театр. IV: Дополнения / Сост. А.Тимофеев / Berkeley Slavic Specialties. [Oakland, 1994]. С.60-83; комм.: С.384-385) написана в 1904, т.е. *после* окончания «XIII сонетов» (лето—осень 1903; опубл.: Зеленый сборник стихов и прозы. СПб.: Шелканово, 1905). Считается, что последние, равно как и часть «Александрийских песен» (опубл.: Весы. 1906. №7), вопреки утверждению Волькенау, являлись текстами для музыки. В связи с этим П.В.Дмитриев, обнаруживший печатный нотный сборник Кузмина 1898 года (Три романса: Op.I: для голоса и фортепиано. М.: П.Юргенсон), отмечает, что «в известном смысле первой литературной публикацией Кузмина является повесть "Крылья" (Весы. 1906. №11), /.../ а первой поэтической публикацией (не связанной с музыкой) цикл "Любовь этого лета" (Весы. 1907. №3)» (Дмитриев П.В. К вопросу о первой публикации М.Кузмина // Новое литературное обозрение. 1993. №3. С.157).

² Ср. описание Кузмина в воспоминаниях А.М.Ремизова, относящихся к осени 1906: «Не поддевка /.../, а итальянский камзол. Вишневый бархатный, серебряные пуговицы, как на архиерейском облачении, и шелковая кислых вишен рубаха: мысленно подведенные вифлеемские глаза, черная борода с итальянских портретов и благоухание — роза» (Ремизов А. Пляшущий демон. Париж: Дом книги, 1949. С.48).

³ Весной—летом 1895.

⁴ Во Флоренции Кузмин жил в мае—июне 1897 (подробнее см.: Тимофеев А.Г. «Итальянское путешествие» Михаила Кузмина // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1992. М., 1993. С.40-55).

⁵ Ср. во «Введении» Кузмина к «Чудесной жизни Иосифа Бальзамо, графа Калиостро»: «Главным образом, меня интересуют многообразные пути Духа, ведущие к одной цели» (Пг.: Странствующий Энтузиаст, 1919. С.8).

⁶ См. цикл «Венок весен (газзлы)» (1908), вошедший в сб. «Осенние озера».

⁷ См.: Кузмин М. О прекрасной ясности: Заметки о прозе // Аполлон. 1910. №4 (Янв.). С.5-10.

⁸ «Декларация эмоционализма», подписанная Кузминым, Юр.Юркуном, Анной и Сергеем Радловыми, написана Кузминым в декабре 1922 (см.: Дмитриев П.В., Тимофеев А.Г. Библиография критической прозы М.А.Кузмина // De Visu. 1994. №5/6. С.111).

⁹ Из статьи Кузмина «Крылатый гость, гербарий и экзамены» (Впервые опубл.: Жизнь искусства. 1922. 18 июля. №28. С.2).

¹⁰ О семантике термина «археология» в языке Кузмина (в связи с его статьями 1918-1919 «Об археологии, открытом воздухе и Шекспире» и «Счастливый археолог») см.: Тимофеев А.Г. «Память» и «археология»-«реставрация» в поэзии и «пристрастной критике» М.А.Кузмина // Блоковский сборник. [Вып.] X: А.Блок и русский символизм: проблемы текста и жанра. Уч. зап. ТГУ. Вып.881. Тарту, 1990. С.106-110.

¹¹ См.: Брюсов В. [Рец. на кн.:] М.Кузмин. Приключения Эме Лебефа. СПб., 1907 /.../ // Весы. 1907. №7. С.80.

¹² См.: Records of the Past: being English Translations of the Assyrian and Egyptian Monuments / Published under the sanction of the Society of the Biblical Archaeology. Vol.VI: Egyptian Texts. London: Samuel Bagster and Sons, [S.a.]. P.129.

¹³ Ibid. Vol.IV: Egyptian Texts. P.117-118.

¹⁴ Из стихотворений «Сладко умереть...», «Как люблю я, вечные боги...» и «Что ж делать...» («Александрийские песни», раздел «Мудрость»).

¹⁵ Records of the Past. Указ. изд. Vol.VI. P.153, 155.

¹⁶ Ibid. P.13, 15-16.

¹⁷ Соловьев С. [Рец. на кн.:] Остров. Ежемесячный журнал стихов №1 // Весы. 1909. №7. С.100-101.

¹⁸ Из стихотворения «Я знаю вас не понаслышке...» (1916).

¹⁹ Из стихотворения «Рыба», входившего в цикл «София. Гностические стихотворения (1917-1918)».

²⁰ См. позднейшие исследовательские разработки этой темы: Селезнев Л. Михаил Кузмин и Владимир Маяковский (к истории одного посвящения) // Вопросы литературы. 1989. №11. С.66-87; Парнис А.Е. Хлебников в Дневнике М.А.Кузмина // Михаил Кузмин и русская культура XX века. Указ. изд. С.156-161.

²¹ Ср. изложение той же точки зрения со ссылкой на рецензию Волькенау (и несколько анахронистическим упоминанием сб. 1929 г. «Форель разбивает лед») в воспоминаниях Б.В.Горнунга: «в последующих двух сборниках ("Новый Гуль" и "Форель разбивает лед") мы узнали прежнего Кузмина (ср. рецензию Н.В.Волькенау в №4 "Гермеса")» (ПТЧ. С.178-179). Ср. также замечание В.Маркова о том, что в «Новом Гуле» Кузмин «в какой-то мере вернулся к "прекрасной ясности"» (Марков В. Поэзия Михаила Кузмина // Кузмин М.А. Собрание стихов. Указ. изд. [Т.]III. С.391).

²² Помимо стихов «Нового Гуля» (февраль—март 1924) и «театрально-музыкальной сюиты» «Прогулки Гуля» (март 1924), до нас дошли 11 стихотворений Кузмина (из 26, написанных, согласно авторскому списку произведений, в 1924), которые могли быть известны Волькенау в рукописи; 3 стихотворения были напечатаны в сборниках в 1926-1927: «Не рыбу на берег зову...» (май; Собрание стихотворений. Л.: ЛО ВСП, 1926. С.27); «О чем кричат и знают петухи...» (декабрь; Новые стихи. Вып. II. М.: ВСП, 1927. С.39); [«Орфей»] («Мольба любви, тоска о милой жизни...» (31 рука. Сб. I. Л.; М.: Изд. авторов, 1927. С.5); 8 были впервые опубликованы в 1970-1990-е: «Ко мне скорее, Теодор и Конрад...» (11 апреля; Собрание стихов. Указ. изд. [Т.]III. С.500-502); «Отяжелев, слова корой покрылись...» (20 октября; Часть речи. 1980. №1. С.98); «Злой мечтательный покойник...» (18 декабря; Там же. С.99-100); «Не губернаторша сидела с офицером...» (ноябрь; Новый Журнал. 1986. Кн.163. С.98-99); «Эфесские строки» (июль; Наше наследие. 1988. №4. С.77-78); «Намек на жизнь, намеки на любовь...» (8 июня; см. прим. 21 к вст. ст.); «Я чувствую, четыре...» (7 ноября; De Visu. 1993. №6. С.29) и «Идущие» («В сумерках идут двое...», 20 октября; Кузмин М. Стихотворения / Новая библиотека поэта. Указ. изд. С.662-664). Названия четырех не дошедших до нас стихотворений приводят по авторскому списку произведений биографы Кузмина (см.: Богомоллов Н.А., Малмстад Дж.Э. Михаил Кузмин: искусство, жизнь, эпоха. Указ. изд. С.247; упоминание здесь же стихотворений «Орфей» и «Злой мечтательный покойник...» явно ошибочно).

²³ Циклы, завершающие соответственно сборники Кузмина «Сети» (М.: Скорпион, 1908), «Осенние озера» (М.: Скорпион, 1912) и «Глиняные голубки» (СПб.: изд. М.И.Семенова, 1914).

²⁴ Упоминаются герои лирической поэзии Кузмина — соответственно «Александрийских песен» (1905-1908), стихотворения «Ложится снег... Печаль во всей природе...» (1912) и цикла «Новый Гуль» (1924) — и прозы: романов «Мечтатели» (1912) и «Нежный Иосиф» (1909) и рассказа «Девственный Виктор» (1915).

²⁵ Работа Ульриха фон Виламовица-Мёллендорфа (Ulrich von Wilamowitz-Möllendorff), посвященная книге L[ouys] P. Les chansons de Bilitis traduites du Grec pour la première fois. Paris, 1895, впервые опубликованная в 1896 (Göttinger Gelehrte Anzeigen [Bd.]623), вошла позднее в его книгу «Sappho und Simonides» (Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1913. S.63-78). Вероятно, именно об этом труде идет речь в письме Г.В.Чичерина Кузмину от 18 января 1897 с сообщением о том, что «какой-то ученый немец написал книгу» о «Песнях Билитис» (Богомолов Н.А., Малмстад Дж.Э. Михаил Кузмин: искусство, жизнь, эпоха. Указ. изд. С.18).

²⁶ Цитируемое Усовым стихотворение А.Фета «Я люблю многое, близкое сердцу...» (1842) входит в цикл «Вечера и ночи».

²⁷ *Сергей Николаевич Дурылин* (1886-1954) — литератор, в 1910-х — член литературного кружка «Сердарда» и «Ритмического кружка» Андрея Белого при издательстве «Мусагет», в 1911 вместе с Кузминым участвовал в «Антологии» «Мусагета» (стихи под псевд. Сергей Раевский). В 1913 создал (вместе с С.Бобровым и Ю.Анисимовым) издательство «Лирика». Участник деятельности московского Религиозно-философского общества. После начала Первой мировой войны сблизился с кругом московских «неославянофилов» (П.А.Флоренский и др.), в 1920 принял священнический сан, который сложил в 1922 после ареста и полугодового заключения. В 1922-1924 отбывал ссылку в Челябинске. В 1925 — внештатный сотрудник ГАХН.

²⁸ Утверждение о «принадлежности» творчества Кузмина «кругу религиозно-художественного содержания нашей народной души» содержится в статье Вяч. Иванова «О прозе М.Кузмина» (Аполлон. 1910. №7. С.46. Вторая пагинация).

²⁹ *Николай Калининлович Гудзий* (1887-1965) — литературовед, с 1922 профессор Московского университета и действительный член ГАХН.

ПИСЬМА М.И.ЦВЕТАЕВОЙ К Х.П.КРОТКОВОЙ

Публикация В.П.Нечаева

Письма, написанные писателем, не только содержат материал для биографии, не только дают необходимый комментарий к творчеству, но, сохраняя непосредственность, позволяют напрямую общаться с автором. И письма Цветаевой не исключение. Любая ее записка, порой даже незначительная по содержанию, несет на себе печать факта ее биографии и ее духовного мира.

Предлагаемые вниманию читателя письма Цветаевой к Христине Павловне Кротковой публикуются впервые. Здесь Марина Ивановна предстает перед нами прежде всего матерью. Ибо забота о здоровье, воспитании и образовании сына составляла такую же огромную часть ее жизни, как и поэзия. Творчество и быт тесно переплетены.

Имя Христины Павловны Кротковой мало что говорит современному читателю. Правда, в последнее время ее стихи появились в антологии¹. Адресат цветаяевских писем — поэтесса, критик и журналист. Кроткова печаталась не только под своей девичьей фамилией, но и под псевдонимами, в частности, — К.Ирманцева, а также под фамилией мужа — Х.Франкфурт.

Родилась Христина Павловна в 1904 в Самаре, где в то время жили ее родители и брат Глеб (который был на два с половиной года старше). Отец Павел Васильевич, сын небогатого помещика Пензенской губернии и дворянки, находился под надзором политической полиции, и ему на восемь лет был запрещен въезд в столицы. Он занимался статистикой и публицистикой, имел чин коллежского секретаря. Мать Ксения Александровна работала учительницей. Семья Кротковых перебралась сначала в Смоленск, затем последовали — Чернигов, Курск, Самара и, наконец, Москва. Уже летом 1909 Кротковы жили на даче в деревне Дютьково, в трех километрах к западу от Звенигорода. (Здесь еще с 1906 жил композитор и педагог С.И.Танеев). Следующие летние месяцы семья проводила в Тарусе. Так между Москвой и Тарусой и проходила жизнь семьи. Среди зна-

¹ Вернуться в Россию — стихами: 200 поэтов эмиграции: Антология / Сост. В.Крейд. М., 1995.

комых Кротковых можно назвать педагога и издателя, последователя Л.Н.Толстого И.И.Горбунова-Посадова, художника В.Д.Поленова, педагога О.В.Берви. Воспитание и образование Христины началось в «Доме свободного ребенка», затем — в школе Берви и продолжилось в гимназиях. Еще во время учебы в гимназии Кроткова начала писать стихи.

Октябрь 1917 Кротковы встретили в Москве, но вскоре вынуждены были бежать к родным на Украину. В дальнейшем, с 1920 жизнь Христины Кротковой складывалась так: поступление в университет в Екатеринославе, занятия в лаборатории Писаржевского. Бесконечный калейдоскоп властей, установление большевистского режима, разлука с братом Глебом, который в результате гражданской войны оказался за границей, — все это подтолкнуло Кротковых к решению эмигрировать. С начала 1922 они оказались в Праге. Павел Васильевич стал преподавать в школе. Христина поступила учиться в Политехникум. Одновременно она стала посещать заседания литературного объединения «Скит поэтов», руководимого известным литературоведом А.Л.Бемом. В 1924 она вышла замуж за старого своего друга (еще с юношеских лет) — Иосифа (Осипа) Франкфурта, который тоже писал стихи и был участником «Скита». С 1926 стихи Христины Павловны стали появляться на страницах эмигрантских журналов («Перезвоны», «Своими путями», «Воля России», «Современные записки», «Русские записки»), в сборниках «Скит». С начала тридцатых годов супруги Франкфурты поселились во Франции, а родители затем переехали в Канаду. В 1937 Христина Павловна временно живет у родителей. Там она занимается музыкой в Торонтской консерватории. Во Франции уже ощущалось приближение войны. В 1939 она вместе с мужем и сыном уезжает в Нью-Йорк. Здесь она работает в газете «Новое русское слово», а после вступления США в войну становится диктором русской редакции «Голоса Америки». После 1945 Христина Павловна работает переводчиком в ООН, где служили также поэт Вадим Андреев, писатель Владимир Сосинский. Она продолжает печататься в журналах «Новоселье» и «Новом журнале», в антологиях «Эстафета» (1948) и «На Западе» (1953). В мае 1951 в Париже была напечатана книга ее стихов «Белым по черному». На обложке было помечено: «Нью-Йорк. Париж».

В 1964 Кроткова вместе с сыном и внуком Сергеем впервые приехала на родину. На следующий год она решила повторить свою поездку по стране, во время которой в октябре 1965 Христина Павловна скончалась в Москве, где и была похоронена.

Первая встреча Х.П.Кротковой с М.И.Цветаевой относится к 1922, когда она увидела Цветаеву на вечере «Скита». Затем были эпизодические встречи. И, наконец, в 1934 произошло их знакомство. Цветаева с сыном прожила почти два месяца рядом с семейством Франкфурт-Кротковых в Эланкуре. К этому периоду и относятся публикуемые письма. Их знакомство так и не переросло в близкие отношения. Интересно свидетельство самой Цветаевой, которая говорила: «У меня к людям бывает или равнодушие — прохожу мимо, или встречаюсь по делу, или роман: с мужчинами, с женщинами, с вещами»².

² Воспоминания о Марине Цветаевой. М., 1992. С.294.

Письма М.И.Цветаевой печатаются по ксерокопиям, полученным от сына Христины Павловны Кротковой — Павла Иосифовича Медова, которому и приношу сердечную благодарность за разрешение обнародовать их и за помощь в работе. Еще хочется выразить свою признательность внуку Х.П.Кротковой Андрею Медову, с помощью которого и были получены для Центральной научной библиотеки Союза театральных деятелей РФ публикуемые письма и материалы.

В приложении к письмам М.И.Цветаевой даются дневниковые записи Х.П.Кротковой о Цветаевой, а также ее эссе «Неотправленное письмо Марине Цветаевой», которое было напечатано в газете «Новое русское слово».

1

Vanves (Seine)
33, rue Jean-Bapt[iste] Potin
20-го июля 1934 г.

Многоуважаемая Кристина Павловна,

Только сейчас разыскала Ваше письмо с новым адресом и спешу возобновить свою просьбу — присмотреть мне какое-нибудь жилище с 1-го авг[уста] по 1-ое октября, т.е. на два месяца. Хотелось бы что-нибудь *самостоятельное* и *недорогое* (le gêve!), т.е. чтобы не ходить «через хозяев», мочь готовить и т.д. Хотелось бы не на самом шоссе, п[отому] ч[то] боюсь для мальчика² автомобилей, — с чем-н[и]б[удь] вроде садика или дворика, где бы он мог проводить время без опасности для жизни. Ряд вопросов: 1) как с продовольствием? Где ближайшая лавка? Есть ли рынок? Если ли *на месте* зелень (овощи и фрукты)? Что можно достать и чего нельзя? (В самой деревне). Как, напр[имер], с керосином? (Для примуса и лампы). Если бы что-нибудь имелось подходящее, я бы тотчас же приехала посмотреть и дала бы задаток, ибо хотела бы выбраться с мальчиком возможно скорее, м[ожет] б[ыть] в последних числах июля и во всяком случае не позже 1-го авг[уста]³.

Мы с сыном уже 5 лет ничего не видели, кроме Кламара⁴, а главное, ничем другим не дышали.

Если ли поблизости какая-нибудь вода (хотя бы в 2-3 километрах)?

Каким поездом (с Монпарнаса) советуете ехать? Лучше всего, если бы Вы в своем ответе назначили мне число и время дня, чтобы я *наверное* Вас застала.

Сердечный привет Вам и мужу⁵.

М.Цветаева

Мы только что перебрались на новую кв[ртиру] из Кламара — в Ванв, потому пишу карандашом.

Наш ад[рес]:
Mme M.Efron
33, rue Jean-Baptiste Potin
Vanves (Seine)

Нет ли москитов или «аутов», от которых человек чешется два месяца и больше? Я однажды так гостила под Фонтенбло.

Хотелось бы комнату и кухню, но не знаю цен. В крайнем случае — комнату с правом готовить.

Очень жду ответа.

МЦ

¹ Мечта (*фр.*).

² Речь идет о сыне М.И.Цветаевой Георгии Сергеевиче Эфроне (1925-1944).

³ В письме к Анне Тесковой от 24 августа 1934 Цветаева писала: «В деревне мы с Муром уже с 31-го июля, недалеко от Парижа (вторая станция за Версалем), но настоящая деревня, — редкому дому меньше 200 лет и возле каждого прудок с утками... Часть мебели привезли, часть дружески дали местные русские — муж и жена — цветоводы. Местность вроде чешских Иловиц — только Иловицы — лучше — должно быть оттого что — выше. Но мы, по старой памяти, все-таки ухитрились поселиться на холму» (Цветаева М.И. Собр. соч.: В 7 тт. Т.6: Письма. М., 1995. С.414).

⁴ В Кламаре Цветаева прожила с 31 марта 1932 до середины 1934, когда переехала в Ванв.

⁵ Речь идет об Иосифе Самуиловиче (Осипе Самойловиче) Франкфурте (1905-1986) — цветоводе, физике, генетике, муже Х.П.Кротковой. В 1941 Х.П.Кроткова и И.С.Франкфурт разошлись.

2

Vanves (Seine)
33, rue Jean-Baptiste Potin
26-го сентября 1934 г.

Милые Осип Самойлович и Кристина Павловна,

Выехали мы в 5 1/2 ч[асов] утра и последний взгляд на Эланкур был на Ваш (скоро уже бывший: *ex-ci-devant!*) дом под клубами тумана.

В последнюю минуту взяли кошку, мявщуюся у дверей, записали в корзинку и завязали моим многострадальным фартуком (как только она не задохнулась??) — и в последнюю же минуту забыли:

1) метлу,

2) маленькую деревянную вешалку для полотенец, желтенькую (обе вещи были в кусте) —

так что если будет возможность — привезите их нам, когда будете в наших краях. Помните, что *наш* Ванв — у самого Кламарского вокз[ала]. От него начинается Av[enue] de Clamair, на к[ото]рую и выходит наша крохотная Jean-Baptiste Potin, наш дом (33) как раз — угловой.

А то Ванв — велик.

Очень рады будем повидаться — соскучились. Я всегда дома до 1 ч[аса] и часто — после 4 ч[асов]. А от 1 ч[аса] до 3 ч[асов], 4 ч[асов] у нас в доме сонное царство, так что в эти часы никого не зову, а сама — стираю или еще что-нибудь.

Хорошо бы, если бы известили, когда будете, — угостила бы Вас вегетарианским завтраком (12 1/2 ч[асов] — 1 ч[ас]) или обедом (7 ч[асов]).

Пока до свидания, С[ергей] Я[ковлевич] едет в город¹. Да! Если Вы *скоро* соберетесь, попрошу Вас *выписать* меня у мэра, сейчас нет денег на заказное письмо с моей identité², а посылать простым — страшно.

Всего доброго и спасибо за все

МЦ

(Мы на 2-м эт[аже], *правая* дверь). •

¹ Сергей Яковлевич Эфрон (1893-1940) — муж М.И.Цветаевой. Речь идет о его поездке в Париж.

² Carte d'identité — удостоверение личности (*фр.*).

3

27-го сент[ября] 1934 г., четверг

Милая Кристина Павловна,

Обнаружилось, что мы еще забыли тросточку (ровную, желтую, с ремешком)¹. А она еще чешская, я с ней облазила все те холмы. Так что, если не трудно, прихватите и ее.

И теперь, кажется, *все*.

Сердечно приветствую.

МЦ

Vanves (Seine)

33, rue Jean-Baptiste Potin

/Trappes/

(NB! Я с ума сошла!)²

¹ Речь идет об альпенштоке (посошке, как говорила Цветаева) для прогулок в горах. С этой тросточкой Цветаева запечатлена на фотографии, относящейся к лету 1923, на которой она снята с Е.И. и Н.А.Еленевыми, К.Б.Родзевичем, С.Я.Эфроном и О.Н.Туржанским.

² Слово в косых скобках зачеркнуто: Цветаева вместо своего адреса в Ванве стала писать бывший адрес в Эланкуре, т.е. там, где отдыхала с Х.П.Кротковой.

4

Vanves (Seine)
33, rue Jean-Baptiste Potin
5-го окт[ября] 1934 г.

Милая Кристина Павловна,

Вот мой паспорт с большой просьбой: тотчас же выписать, и выписать задним числом, т.е. *что уехала я в первых числах октября* (возможно — позже!), а то меня здесь, в Ванве, оштрафуют за неявку. Я думаю, и даже очень надеюсь, что мэр не знает — или не помнит — когда я уехала. Не знаю, как лучше: обманом *с ним*, или правдой — *с нею*, — раз Вы с ней дружите.

Муж, как приехал, заболел — головная боль и 40 с лишним, докторша сказала, что вроде солнечного удара, — только вчера встал. Сошлитесь, если будете говорить *с ней*, на его болезнь.

Но хорошенько подумайте, а то я очень боюсь штрафа.

Сердечный привет вам обоим. Если можно, верните *заказным*, при встрече сочтемся.

МЦ

5

Vanves (Seine)
33, rue Jean-Baptiste Potin
7-го окт[ября] 1934 г.

Милая Кристина Павловна,

Большая просьба: не могли бы Вы на машине доставить наши ведра (и щетку, и вешалку) куда-нибудь в Париж, по какому-нибудь адресу, где бы мы могли их взять.

Началась топка и обнаружилось, что у нас ничего нет для золы и угля, т.е. ведра срочно нужны. Вот я и вспомнила свои эланкурские.

Ответьте мне, пожалуйста, поскорее: возможно ли это, а если возможно — то *где* и в *какие часы* можно будет вещи взять? А то

мы завалены и залиты золой — по всем углам и ящикам, и страшная грязь в квартире и на лестнице. А новые покупать — я и так уже 30 фр[анков] истратила на разные печные щиты и т[ому] п[одобное].

Очень прошу Вас, если можно, оказать мне эту большую услугу.

И «Совр[еменные] Зап[иски]» кончаются: ныне получила письмо от Руднева¹. Следующий № — последний. Даю «Мать и музыку»² — как лебединую песнь. Может быть — и бесплатную.

Желаю удачи с сыновней школой и родительской оранжереей! Сердечный привет обоим и даже — троим.

МЦ

А пса не завели? Огромноголового? Кошка — живет.

Итак: *адрес* и часы, когда *всегда* кто-н[и]б[удь] есть, чтобы взять. А м[ожет] б[ыть] и *фамилию* того *места*, чтобы списаться. (Помнится, Вы мне писали, что где-то на *Italie*, но страшно ехать в такую даль, не зная, дома ли).

¹ *Руднев* Вадим Викторович (1879-1940) — соредатор журнала «Современные записки». В описываемый момент журнал испытывал материальные затруднения, и в редакции наметился раскол. Видимо, об этом и писал Руднев Цветаевой. В ответ на его письмо Цветаева в своем письме Рудневу от 7 ноября 1934 писала: «Неужели эмиграция даст погибнуть своему единственному журналу? Какой позор. На все есть деньги (— у богатых, а они — есть!) на картеж, на меха, на виллы, на рулетку, на издание идиотских романов — все это есть и будет — а журналу дают сдохнуть. Это — настоящий позор: исторический. Во всяком случае, у Вас должно быть чувство полного удовлетворения: Вы, своими силами, делали все, что могли — до конца» (Цветаева М.И. Собр. соч.: В 7 тт. Т.7: Письма. М., 1995. С.454).

² «*Мать и музыка*» — этот очерк М.И.Цветаевой был напечатан в книге 57 «Современных записок» за 1935.

6

16-го окт[ября] 1934 г.
33, rue Jean-Baptiste Potin
Vanves (Seine)

Дорогие Франкфурты,

Самое сердечное спасибо за паспорт, — все обошлось благополучно и даже (тьфу, тьфу!) блистательно, без малейшей задержки.

А сколько событий (покойников!) с нашего расставания!

Вчера с величайшим трудом уплатили *терм*¹, когда-н[и]б[удь] расскажу о глубочайшем свинстве (хотя прилагательное здесь неудачно!) «Посл[едних] Новостей»².

У Мура громадный нарыв под ногтем и в школу сейчас не ходит, п[отому] ч[то] ни писать, ни драться не может. Учится дома (временно). Я насквозь простужена, — у нас страшный холод, а угля нет и долго не будет, ибо я уже три мес[яца] *ничего* не зарабатываю. («Совр[еменные] Зап[иски]») потеряли мой адр[ес], и книга выходит без моей «Музыки»³).

Очень рада, что обошлось с Павлушиной⁴ школой. Да! Книга Р[имского]-Корсакова выписана из *Москвы*⁵. *Не покупайте*.

До свидания и еще раз спасибо за все. Простите за бессвязное письмо и ужасное перо.

Сердечный привет от всех нас.

Как Ваш новый адр[ес]? (Хозяин).

МЦ

¹ *Терм* (terme — *фр.*) — ежеквартальная плата за квартиру.

² Цветаева сотрудничала в «Последних новостях» и печаталась там в 1925 (5 раз), 1927 (2 раза), 1928 (13 раз), 1933 (5 раз), 1934 (3 раза) и 1935 (1 раз). Разрыв ее с газетой в ноябре 1928 был связан с ее приветствием В.Маяковскому. В 1933 хлопотами друзей Цветаевой удалось возобновить свое сотрудничество в газете. Однако отношения были сложными: то печатали с сокращениями и изменениями, то возвращали рукописи с формулировкой «совершенно не газетно», то отказывали в обещанном авансе. Так, рассказ «Китаец» был сдан в редакцию 15 июля 1934 и только после нескольких напоминаний был напечатан в газете — 24 октября. При этом Цветаевой было отказано в авансе в 300 франков, а сам гонорар затем был определен в 200 франков. См. письмо Цветаевой к В.Н.Буниной от 20 октября 1934 (Цветаева М. Собр. соч.: В 7 тт. Т.7: Письма. Указ. изд. С.272-274).

³ Очерк «Мать и музыка» был послан В.В.Рудневу лишь в начале ноября 1934, т.к. Руднев потерял цветаевский адрес и не мог обратиться с просьбой прислать очерк, а Цветаева не торопилась с отсылкой его в редакцию. Очерк Цветаева читала на своем литературном вечере 1 ноября 1934. См. об этом письма Цветаевой к В.В.Рудневу от 24 июля, 23 и 26 сентября, 7 ноября 1934 (Там же. С.452-454).

⁴ Речь идет о сыне Х.П.Кротковой — Павле Иосифовиче Медове (р.1925), впоследствии экономисте. В то время должен был состояться его перевод из одной школы в другую.

⁵ Видимо, речь идет о книге композитора Н.А.Римского-Корсакова «Летопись моей музыкальной жизни», изданной впервые в 1909 в Петербурге. Здесь, вероятно, имеется в виду ее третье (М., 1926) или четвертое (М., 1932) издание.

17-го окт[ября] 1934 г.
33, rue Jean-Baptiste Potin
Vanves (Seine)

Дорогая Кристина Павловна,

Только что получила из типографии билеты на мой вечер¹. Памятуя Ваше лето милое (и редкое в таких случаях!) предложение помочь в продаже — посылаю Вам десять. Цена билета — 10 фр[анков].

Только что миновала катастрофа терма, на который Демидов² мне дать 300 фр[анков] авансу под вещь, уже принятую в «Посл[едних] Нов[остях]», наотрез отказался, ссылаясь на ангину кассира Могилевского³. А «Совр[еменные] Записки» сами обнищали, кроме того потеряли оптом мой адр[ес], и книга выходит без меня, т.е. моей вещи «Мать и музыка», которую и буду читать 1-го. (Кстати, Вы единственный человек, к[оторы]й ее слышали!).

Спасибо заранее и все courage⁴ — с билетами и вообще! (У меня куражу — не очень: страшный холод, а денег на уголь нет, лязгаем зубами и все простужены). 1-го будете?

Сердечный привет всем тр[ои]м.

МЦ

¹ В архиве Х.П.Кротковой сохранился билет на литературный вечер М.И.Цветаевой, который состоялся в Зале Географического общества (бульвар Сен-Жермен, 184) — 1 ноября 1934. На билете надпись рукой Цветаевой: «M. et Mme Francfurt». На этом вечере Цветаева читала свои произведения «Мать и музыка» и «Сказка матери». Подробнее см. в письме Цветаевой к В.Н.Буниной от 2 ноября 1934 (Цветаева М.И. Собр. соч.: В 7 тт. Т.7: Письма. Указ. изд. С.275-276).

² Демидов Игорь Платонович (1873-1946) — публицист, ближайший сотрудник П.Н.Милюкова по редактированию газеты «Последние новости». В письме речь идет о публикации «Китайца», см. подробный рассказ Цветаевой в письме к В.Н.Буниной от 20 октября 1934 (Там же. С.272-273).

³ Могилевский Владимир Андреевич (1880-?) — заведующий конторой «Последних новостей».

⁴ Смелость, мужество (фр.).

ИЗ ДНЕВНИКОВ Х.П.КРОТКОВОЙ

7 декабря 1922 г.

Я была на первом интимнике «Скита», где читала свои стихи Марина Цветаева. На меня она произвела малоинтеллигентное впечатление, как это ни странно. Может быть, в этом виновата и ее манера держать себя. Напыщенность может быть искупаема только неподдельным пафосом, и отсутствие искренности в этом убийственно безвкусастью.

15 мая [1923]

Что-то он [С.М.Рафальский¹] обругал по обыкновению Цветаеву за мужеподобность, за то, что «не соответствует», и кстати прибавил, что женщина всегда была тем, что требовалось мужчине, то рабой, то игрушкой, то товарищем, когда мужчина ослабел. Ну, Рейтлингер² взяла и очень фальшиво начала протестовать и сказала, что ненавидит его и не может с ним разговаривать. А он засмеялся и сказал: «Знаете, почему Вы меня ненавидите? Потому, что в глубине души согласны со мной». Это очень верно. Ну, и я сказала: зачем он так оскорбляет женщин, и неужели так их низко ставит, и что он может относиться только так к женщине, а не как к человеку?

[до 17] январь 1931 г.

Любить современных, еще живущих поэтов трудно, и рискованно, и неблагоприятно... Никогда нельзя из экономии совмещать две потребности — одна всегда будет в обиде. Взять надо за правило: с родственниками не вести денежных дел; не жениться на идеале; не идейничать с кухаркой; не дружить с людьми, ценность которых для тебя в их отдельных, не касающихся тебя особенностях. Пуще всего нельзя знакомиться со знаменитостями (а хочется, все надеешься, что они интереснее обыкновенных людей). Иллюзии всегда терпят крушение при соприкосновении с действительностью, а редко кто обладает счастливым даром любить действительность.

Все это удерживало меня от желания встретиться и поговорить с Вами [М.И.Цветаевой]. Впрочем, встречалась я с Вами уже не раз, но разговаривать я избегала. Первый раз — в Мокропсах, у знакомых студенток. Вы вошли, сказали о своих квартирных

неприятностях несколько фраз, говоря громко, глядя в окошко, думая не о том. День был осенний, но солнце светило ярко. В окно я видела, как Вы подымались на гору, где гулял веселый, осенний ветер, ведя за руку свою дочку (не ветер, а Вы).

Второй раз в том же 1922 году читали в «Ските поэтов» свои стихи. Я рассматривала Вас с интересом и недружелюбием — о Вашем пути я уже слышала, стихи и «Королевские размышления» читала и знала, что мой путь иной. Читали Вы красиво, как и соответствовало Вашим стихам. Они были сложны, мне же хотелось несколько фраз, исчерпывающих и осмысливающих весь мир. Волосы стрижены не то по-купечески, не то по-ямщицки, как-то по-московски. И говор московский. Этот размах, эта удаля меня и восхищала, и несколько обижала — она была высокомерна и поглощена собой.

Третий раз — на Пасхе. Шли вместе к заутрене. Служили ее в шесть часов вечера, т[ак] к[ак] в полночь священник должен был служить в Праге. Вы пришли из Еловищ, спустились с гор. Разговаривали не со мной и сыпали афоризмами. Мне хотелось ответить Вам такими же афоризмами, но я молчала с девятнадцатилетней гордостью.

Было еще несколько встреч. Одна — в столовой Земгора, в подземном зале, днем всегда освещенном по-вечернему.

30 мая [1931]

Только что с вечера Марины Цветаевой³. Билеты дорогие, но публики довольно много. С изрядным опозданием на деревянной сцене появляется она — в ярко-красном вечернем платье, декольте. Держит себя очень непосредственно, но почти не бестактно. Звонкий, не низкий голос, которым она прекрасно владеет. Вероятно, из нее вышла бы неплохая актриса. Она из тех женщин, что любят себя, умеют собой наслаждаться. Она никогда не скажет истины, потому что истина — общее место, одинаковое для всех. Но по своему она всегда права, парадоксально права. Тем, что она сама себя так любит, она умело подчеркивает, что в ней и другим можно любить. О Мандельштаме было не очень много. Главное было доказать, что он ее любил. Очень остроумно, талант ключом бьет и не угасает. Я очень люблю этот тип — издалека. Ее красное платье и самовлюбленность меня шокировали. И все же общее впечатление прекрасное, и главное, что от нее можно еще многого ждать. Это не конец.

Был кое-кто из литературных знакомых, но мне не хотелось разговаривать ни с кем. Очень уж все это далеко от литературы.

Цветаева навела меня на многие мысли, и что хорошо, мысли, имеющие отношение ко мне. Я так ясно чувствую свою противоположность ей. Во мне совершенно нет блеска.

¹ *Рафальский* Сергей Милюевич (1896-1981) — поэт, прозаик, публицист. Один из организаторов литературного объединения «Скит поэтов» в Праге.

² *Рейтлингер* Катерина (Екатерина) Николаевна (1901-1989) — поэтесса, художница, архитектор. В замужестве — Кист. Участница «Ски-та». Знакомая М.И.Цветаевой.

³ 30 мая 1931 в зале «Эвритмия» (6-бис, рю Кампань Премьер) состоялся вечер М.И.Цветаевой. На этом вечере Цветаева, кроме стихов о царской семье, читала «Историю одного посвящения», свои стихи, посвященные О.Э.Мандельштаму, а также стихотворение Мандельштама, обращенное к ней, — «В разноголосице девического хора».

Х.П.Кроткова

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

Многоуважаемая и многолюбимая Марина!

Часто, очень часто собиралась я написать Вам письмо. Когда душа раздражена и целый день занимаешься «не тем», и очень тяжелым «не тем», вечером возвращаешься домой (2 километра от станции, по берегу Марны), и нарочно, назло начинаешь думать, продолжая годы назад неначатое письмо Вам. Назло — судьбе, которая самым очевидным образом «не та». Чтобы Вы все поняли, надо было бы писать подробно: о шестом чувстве бумаги с детства, о стихах с шести лет, о Тарусе — уездном городе в три тысячи жителей, расположенном на берегу Оки, в котором я провела детство и где жили Вы. Вы приезжали туда на пароходе со станции «Ока», *маленькой суетливой «Бабушке»*, или на «Владимире Святом». Или же со станции Тарусской, 17 верст на лошадях. Выезжая из Страховского леса, лошади разгонялись и к Оке подлетали во весь дух. Где Вы гуляли в Тарусе? Вдоль смиренной речки Таруски, на Игнатъевской горе, где росли самые крупные ландыши, или ездили лодкой на Улайские обрывы над Окой, о которых ходили жуткие легенды — говорили, что и до сих пор там бродит разбойник Улай, лишенный за свои грехи смерти и предлагающий одиноким заблудившимся путникам поменяться с ним судьбой¹ (Вы бы с ним поменялись?).

Надо бы написать Вам также о Праге, о Мокропсах, о Еловицах. В Мокропсах я увидела Вас в первый раз. Мы ведь с Вами даже знакомы. Помню, шли вместе с какой-то компанией к заутрене на русскую Пасху. Вы шли не останавливаясь и говорили тоже не останавливаясь — то афоризмы, то парадоксы, по очереди, и получалось довольно надменно — говорили ни для кого, а просто потому что приходило в голову. Все это меня злило — мне казалось, что я могла бы достойно Вам ответить, но не решалась, и так и промолчала все время.

Впрочем, самый первый раз я видела Вас на вечере «Скита поэтов», где Вы читали свои стихи. Вы мне не понравились, то есть, Вы были не такая, какой я требовала быть поэтессе. Но стихи Вы читали хорошо, и если Вы оказались не такой, как мне хотелось, то все же очень интересной, может быть, даже интересней, чем я могла бы придумать.

В Земгоровской столовой, помещавшейся в каком-то подвале (впрочем, с зеркальными стенами), я встречалась с моим другом — как и я, студенткой-химичкой. Я не только писала стихи, я жила ими. Прочитанная строчка давала оттенок ближайшим дням. Словесный орнамент становился символом и маячил над неделями. То Блок, то Пастернак, то Мандельштам, то Белый, то Вы. Тогда для меня звучали все поэты, даже самые бесталантные — я угадывала, что у них дрожало в душе, то, что у них не удавалось, а иногда это интереснее удавшегося.

Сидим с Таней² в Земгоре над остывшим борщом. Декламируем Гумилева, который затмевает все: стынувший борщ и лабораторию («Давай пропустим сегодня, будем стихи читать...»), и вообще всю жизнь, которую пора, пора устраивать, ведь это еще не жизнь, а какое-то предвкушение; не жизнь, а ветер, несмолкающий ветер кругом, который слышишь, который хочешь видеть, и кто, неуловим, гремит вокруг тебя.

И вдруг входите Вы. И садитесь за наш столик. Я на Вас смотрю. То есть я на Вас не смотрю. Я только посмотрела через Вашу голову, заметила Ваши волосы. Гумилев захлопнут. К Вам кто-то подходит, и Вы с ним разговариваете о Вашем сборнике. Вы выливаете кофе на свое коричневое платье и говорите рассеянно:

— Талантливо, талантливо...

Я боюсь, что подойдет К.Р.Кочаровский³ и, как всегда грозился, познакомит меня с Вами. Я этого не хочу.

И еще один раз в том же самом Земгоре. На этот раз я сидела одна, как всегда очень взволнованная стихами и жизнью. Ждала не то обеда, не то Таню, не то судьбу. Входите Вы. Садитесь за

соседний столик, лицом ко мне. Полчаса я мысленно разговариваю с Вами. Я начала бы так:

— Вы знаете, я тоже пишу стихи... (процитировала бы что-нибудь, самое удачное).

Или:

— Катя Рейтлингер мне говорила, что Вы написали стихи о жаворонке, слушаешь, улетаешь (Вы мне читаете, я криткую, очень тонко, и Вы понимаете, что я понимаю).

От времени до времени я взглядываю на Вас. Начать уже? Нет, надо сначала хорошенько обдумать. Пообедав, Вы встали и ушли. Я очень расстроилась, неужели Вы не могли еще подождать.

Кочаровский познакомил меня с Ч.⁴, Вашей доброй знакомой, с которой Вы часто виделись. Вы жили тогда в Еловищах. Я встретила Вас с ней в лесу. Вы говорили о пляже в Мокропсах, о рыбе, о Версале. Я обещала к Вам прийти. Никогда не пришла. Из гордости. Впрочем, и незачем было идти.

Стихи Ваши я полюбила позже. Вы уже уехали в Париж, я вернулась из Италии, делала докторат по химии (на каждой странице вперемежку формулы и черновики стихов). Дома часами читала и писала стихи. (За чтение часами вслух приобрела любовь богобоязненной старушки-соседки — молодая, а каждый день псалмы читает, душу спасать не забывает...)

В Париже я один раз была на Вашем вечере, когда Вы читали о Мандельштаме. Вы оказались неуязвимее меня — Вы еще говорили к людям, вероятно, Вам это было еще интересно. Ваша живость меня утомляла (я в тот день не обедала). Ваше красное платье дразнило меня, как быка. Ваша дочь выросла, а Вы нет. Стихи у меня в душе проходили медленнее и чревовещательнее. Мне казалось, что меня отделяет от людей не воздух, а плотная струящаяся вода, и через нее лучи доходили преломленные, и звуки звонкие, но искаженные.

Еще один раз я видела Вас на каком-то литературном вечере. По заметке в газете я знала, что Вы будете. Я разглядывала публику и не могла Вас узнать, а узнав, дрогнула. Что с Вами стало? Что сделало Вас тихой и ласковой? Это грустнее всего, что можно было бы себе вообразить. Я знаю, что и внутренне, и внешне Ваша жизнь тяжела (будь она легкой, Вы бы инстинктивно сделали бы ее тяжелой). Я знаю, что сейчас Ваша настольная книга — Эпиктет, что Вы в смиренном искусстве чистите картошку и воспитываете сына, отрывая священное время от стихов. При Вашей строптивости, сложности, размахе — почему вдруг тишина, почему внимательность, хоть временные? Откуда и куда они?

Кончаю сейчас писать, но это еще не конец наших отношений, ибо и Вы как-то ко мне относитесь. Это мне, безымянному, но понимающему читателю, пишете Вы свои неистовые стихи.

Пока же, просыпаясь ночью, если усталость и возбуждение не дают спать, буду продолжать мысленно писать Вам. На сегодня довольно. Дорогая Марина, примите без снисхождения это необъяснение в любви.

¹ В Тарусе напротив устья речки Песочни под тремя старыми соснами находится лаз в Пещеру Улая. О ней сохранился легенда, что жил там с шайкой разбойников атаман Улай. Грабили они проплывавшие по Оке баржи с товарами. Когда против разбойников послали войска, они ушли в глубь пещеры, которая, как утверждают, тянется километров на тридцать, до самого Серпухова.

² *Таня* Купфер — подруга Х.П.Кротковой, студентка.

³ *Кочаровский* Карл-Август Романович (1870-1940-е) — публицист, экономист. Руководил отделением в Русском народном университете в Праге.

⁴ Возможно, речь идет о писательнице, журналистке, жене председателя Учредительного собрания Колбасиной-Черновой Ольге Елисеевне (1886-1964).

ЭПИЗОД СОРОКАПЯТИЛЕТНЕЙ ДРУЖБЫ-ВРАЖДЫ Письма Г.Адамовича И.Одоевцевой и Г.Иванову (1955-1958)

Публикация О.А.Коростелева

Р.Тименчик в своей статье «Георгий Иванов как объект и субъект» справедливо заметил: «По сути дела, о Георгии Иванове мы знаем не так уж много»¹. К этому можно добавить лишь то, что о Георгии Адамовиче мы знаем не многим больше. И это несмотря на всеэмигрантскую славу и центральную роль в литературной жизни русского Парижа.

Сведения о их жизни скудны даже в биографических словарях и серьезных исследованиях, хотя без упоминания этих имен не обходится практически ни одна работа о русском литературном зарубежье. И везде, как правило, повторяются вместо реальных фактов биографии мифы и легенды. И даже о третьем персонаже публикации — Ирине Одоевцевой, несмотря на ее столь известные мемуары, мы мало что можем сказать с полной уверенностью.

Изучение биографий всех троих поэтов, по сути дела, только начинается. Разбросанные по всему миру, их архивы сохранились в очень плохом состоянии, переписка публиковалась случайно, малыми частями и практически не комментировалась, дневников они не вели, а свидетельства современников противоречат друг другу.

Чуть лучше известны годы, проведенные ими в России, благодаря обилию опубликованных мемуаров об этой эпохе, в том числе и их собственных², а также большему интересу славистов к литературе Серебряного века, чем к ее завершению — литературе эмиграции. Кроме того, об Ива-

¹ Новое литературное обозрение. 1995. №16. С.347.

² «Петербургские зимы» и «Китайские тени» Георгия Иванова и «На берегах Невы» И.Одоевцевой выходили отдельными книгами, и даже не по разу, а вот мемуары Адамовича, которые он никогда не пытался собрать воедино, только сейчас готовятся к изданию. Предварительная журнальная публикация, включавшая его воспоминания о доэмигрантской поре: «На земле была одна столица, все другое — просто города»: Петербургский период в воспоминаниях Георгия Адамовича / Публ. О.А.Коростелева // Дружба народов. 1995. №10. С.183-191; №11. С.161-173.

нове есть целое исследование³, посвященное этой поре: небольшая книжка Вадима Крейда «Петербургский период Георгия Иванова» (Тенафлу: Эрми-таж, 1989), правда, основывающаяся только на опубликованных источни-ках и практически не использующая архивные материалы, что по отноше-нию к большому выдумщику Иванову несколько опрочетливо. Георгий Иванов в жизни и письмах несколько другой, чем Георгий Иванов в собст-венных публикациях и даже воспоминаниях современников. Впрочем, кни-га и преследовала скорее литературоведческие, чем биографические цели.

Зато почти единственным источником сведений об их жизни в эми-грации остаются воспоминания И.Одоевцевой «На берегах Сены» — кни-га, избилующая легендами едва ли не больше, чем знаменитые этим «Петербургские зимы» Георгия Иванова. При всем том обе книги во мно-гом точны и могут использоваться как авторитетный источник, для это-го надо только вписать их в общий фон известных фактов и отделить реальность от легенд и преувеличений. К великому сожалению, для пери-ода эмиграции мы этого общего фона не имеем, особенно для после-военных лет, к которым и относится эта публикация⁴. Но он и не может сложиться иначе, кроме как из большого числа таких публикаций.

Ни в коей мере не претендуя немедленно исправить положение и дать исчерпывающие биографии всех троих поэтов или одного только ав-тора публикуемых писем⁵, я хотел бы сказать лишь несколько слов о сложных взаимоотношениях Георгия Адамовича с Георгием Ивановым во время и после Второй мировой войны.

Георгий Викторович Адамович родился в 1892 в Москве, в семье воен-ного, и в Петербург попал лишь в 1903, после смерти отца. Тем не менее, считал себя природным петербуржцем и к литературной Москве относил-ся весьма скептически. С Георгием Ивановым познакомился, по его соб-ственным словам, «на лекции Корнея Чуковского о футуризме, в круглом Тенишевском зале»⁶. Здесь, как и во многих других случаях, приходится верить ему на слово, хотя вообще-то присочинить в воспоминаниях он

³ Существует и книга об Одоевцевой — брошюра Э.И.Бобровой «Ирина Одоевцева: поэт, прозаик, мемуарист. Литературный портрет» (М., 1995), но она содер-жит немного новых сведений, а в удивительном по лаконичности «Биографи-ческом очерке» ничего нового к уже известному не добавляет.

⁴ Крупные публикации писем Георгия Иванова и Адамовича этого периода можно пересчитать по пальцам: это корпус писем Иванова к В.Маркову 1955-1958 гг., опубликованный отдельной брошюрой: Ivanov G. Briefe an Vladimir Markov. 1955-1958. Köln; Weimar; Wien, 1994; его переписка с Р.Гулем (первоначально: Новый журнал. 1980. №140. С.182-210, затем переиздана Р.Гулем в третьем томе его мемуаров: Гуль Р. Я унес Россию. Нью-Йорк, 1989. С.183-213) и несколько журнальных публикаций писем Адамовича: И.Чиннову (Новый журнал. 1989. №175. С.246-262. Публ. М.Миллер), А.Гингеру, А.Присмановой и С.Прегель (Но-вый журнал. 1994. №94. С.257-319. Публ. В.Крейда), а также несколько более мел-ких публикаций разрозненных писем, преимущественно в «Новом журнале».

⁵ Общие биографические сведения об Адамовиче см. в нашей статье, написан-ной для второго выпуска коллективной монографии «Литература русского за-рубежья: 1920-1940» (в печати).

⁶ Адамович Г. Георгий Иванов // Новое русское слово. 1958. 2 ноября.

был способен ничуть не хуже Иванова или Одоевцевой. Пожалуй, даже он делал это чаще и особенно невнятен был в датах, во-первых, потому, что ему приходилось скрывать два своих «лишних» года⁷, а позже — подчиняясь масонскому правилу, предписывавшему дат не уточнять. Так или иначе, но во всех воспоминаниях о своей юности Адамович обращается с датами исключительно вольно.

Лекция К. Чуковского о футуризме в Тенишевском зале была прочитана 13 октября 1913. Георгий Иванов к тому времени уже состоял членом Цеха поэтов, куда в начале 1914 и Адамович «был со всем церемониалом принят обоими синдикатами, Гумилевым и Городецким»⁸. Вскоре почти весь эстетский Петербург знал эту неразлучную пару как «двух Жоржиков». Вместе они организовывали второй Цех поэтов сезона 1916-1917, были главными действующими лицами третьего, вновь гумилевского, Цеха. После расстрела Гумилева Георгий Иванов стал главой Цеха, а Адамович — основным критиком. Перед самой эмиграцией они даже жили вместе — Адамович и Георгий Иванов, только что женившийся на И. Одоевцевой, — в пустующей квартире тетки Адамовича Веры Белзэй, вдовы англичанина-миллионера (Почтамтская, 20, кв. 7).

И эмигрировали все трое почти одновременно: летом 1922 уехал Георгий Иванов, затем Одоевцева, а в самом начале 1923 за ними последовал и Адамович. Мы не ставим себе целью детально описать все нюансы сложных взаимоотношений наших героев. Чуть подробнее хочется остановиться на том, как теснейшая дружба, насчитывавшая двадцать пять лет, сменилась пятнадцатилетней враждой. Что было настоящей причиной? Обоюдная зависть — у одного к творческим успехам, у другого — к житейским? Об этом можно только догадываться по намекам и отдельным интонациям писем. Внешняя причина очевидна — внезапно обнаружившееся несходство политических убеждений.

Вторая мировая война завершила целую эпоху в жизни русской эмиграции в Париже. 3 сентября 1939 — день, когда Франция и Великобритания вступили в войну с Германией, — можно одновременно считать и концом «русского блистательного Парижа». Ему уже никогда не суждено было возродиться в своем прежнем качестве. Нельзя сказать, что война оказалась для эмигрантов событием неожиданным. О том, что она вот-вот разразится, поговаривали задолго до осени 1939 — слишком уж напряженная была тогда атмосфера в Европе. Но одно дело ждать и предчувствовать, и совсем другое — делать выбор, когда того требует время. Некоторым эмигрантам судьба предоставила несколько более широкие возможности для этого, чем, например, советским людям, но выбирать, тем не менее, пришлось всем. Соответственно широким оказался и диапазон решений. Лидер кадетов Миллюков приветствовал сталинскую политику, Деникин возлагал надежды на Ворошилова, а Мережковский — на Гитлера, сын террориста Лев Савинков оказался капитаном интербрига-

⁷ Уже в начале двадцатых Адамович во всех автобиографиях проставлял год рождения 1894, сбрасывая таким образом два года. Как утверждала Одоевцева в частной беседе, — чтобы не отличаться возрастом от Георгия Иванова.

⁸ Новый журнал. 1988. №172/173. С.569.

ды в Испании, а бывший белогвардеец Сергей Эфрон — агентом НКВД. Трудно даже придумать вариант судьбы, которому нельзя было бы подыскать аналог в истории русской эмиграции. Одни шли в Иностранский легион, другие организовывали Сопротивление во Франции, третьи сотрудничали с гитлеровцами, четвертые эмигрировали вторично — в Новый Свет, в нейтральные страны. Литература в это время окончательно отошла на задний план, все заслонила политика, и в списках сражавшихся на той или иной стороне немало имен литераторов, в том числе и довольно известных: Н.Оцуп, Г.Газданов, В.Варшавский, Д.Кнут, А.Ладинский, В.Андреев и многие другие. А уж остаться от политики в стороне, не быть замешанным в нее или хотя заподозренным в симпатии к той или другой стороне удалось и вовсе единицам.

Из-за чего в точности произошел разрыв между Адамовичем и Ивановым, пока неизвестно, и в письмах, и в воспоминаниях оба глухо упоминают лишь о каких-то разговорах в «Круге» Фондаминского. Но по статьям Адамовича тех лет и общему умунастроению обоих суть этих разговоров легко восстановить. Георгий Иванов, как и Гиппиус с Мережковским, всегда был «за интервенцию», и остался стоять на этом даже после начала Второй мировой войны, что в глазах эмигрантской общности автоматически превращало его в коллаборациониста и пособника фашистов. Адамович же в статьях конца тридцатых годов цитировал Сталина едва ли не на каждой странице, вынужденно признавая его главной защитой демократии от «коричневой чумы», поскольку на других надежды мало. И свои убеждения тех лет едва ли не единственный раз в жизни постарался доказать делом, доказать прежде всего самому себе, что способен не только на прекраснодушные разговоры.

Со стороны это наверняка выглядело довольно смешно: сорокасемилетний тщедушный интеллигент с врожденным пороком сердца, никогда не державший в руках ничего тяжелее ручки, впервые сталкивается с солдатской жизнью. Во всяком случае, французских офицеров это очень позабавило, да и некоторые из знакомых Адамовича сочли нужным над ним посмеяться, не исключая и Георгия Иванова. Зато на участников «Круга» почин Адамовича повлиял вполне серьезно. Следуя его примеру, несколько молодых и не очень молодых поэтов, прозаиков и философов русского Парижа записались на фронт добровольцами и, надо сказать, проявили большую предрасположенность к службе, чем их вдохновитель. Другие сражались на стороне партизан или участвовали в Сопротивлении (собственно, и организатором-то французского Сопротивления, и автором термина *Resistance* был знакомый Адамовича, русский поэт-эмигрант Борис Вильде, также посетитель «Круга» Фондаминского).

Поступить так было далеко не просто. По нескольким причинам. Во-первых, это отнюдь не вызвало восторга у всей эмиграции. По свидетельству современника, многие русские в Париже «на участие в Сопротивлении смотрели почти как на измену основному эмигрантскому делу борьбы с большевиками»⁹.

⁹ Варшавский В. Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956. С.362-363.

Во-вторых, и сами французы далеко не всегда отвечали взаимностью русским эмигрантам, признававшимся в любви к новой родине и к демократии. Накануне войны разбираться в оттенках эмигрантских умонастроений было некогда: пакт Молотова—Риббентропа поставил под подозрение всех русских во Франции. В ночь на 2 сентября 1939 по решению французского правительства были проведены массовые аресты в среде русских эмигрантов, распущены русские патриотические союзы и конфискованы их архивы и имущество, закрыта почти вся русская пресса. Русских эмигрантов, решивших бороться с фашистами на стороне Франции, не остановило и это. Они сражались во французской армии и в рядах Сопротивления и заставили все же французов изменить к ним отношение: после войны многие были отмечены наградами французского правительства вплоть до ордена Почетного легиона.

Военная карьера Адамовича была куда скромнее: ему не довелось участвовать в боях — его часть была расквартирована в лагере Septfonds, на юге Франции (под Монтобаном), и должна была отправиться на оборону Парижа, но немцы так стремительно взяли Париж, что французское командование не успело даже бросить в бой все имеющиеся в распоряжении части. Солдатской муштры, однако, Адамовичу пришлось хлебнуть предостаточно. Свои впечатления об этом периоде он изложил в книге, написанной по-французски: «L'autre patrie» (Paris: Eglhoff, 1947).

10 мая 1940 «странная война» была закончена. Адамович разочарованно писал из лагеря своему знакомому: «Надеюсь скоро быть демобилизованным, но не знаю точно, когда»¹⁰. Демобилизовался он лишь в конце сентября, после чего вернулся в Ниццу. Депрессия была сильнейшая. Уже из Ниццы тому же знакомому он писал, почти дословно повторяя Бунина: «Не хочу только ехать ни в Нью-Йорк, ни в Москву, а остальное безразлично»¹¹. И позже Л.Червинскую отговаривал уезжать в Америку: «Все Ваши голоды и холоды могут оказаться терпимы и даже сладки в сравнении с нью-Йоркским благополучием. Благополучие, вероятно, будет, как оно там у всех. Но "не хлебом единым сыт человек"»¹².

В письмах Адамовича военных и послевоенных лет фамилия Иванова всплывает то и дело, в самых разнообразных контекстах, произносимая то с досадой, то с жалостью. Очевидно одно: Адамович не мог, да и не хотел вычеркнуть бывших ближайших друзей из памяти, более того, постоянно помнил о них и живо их судьбой интересовался. 25 мая 1940 «солдат 1-го батальона №552» Г.Адамович из лагеря Septfonds спрашивал у Ю.Фельзена об Ивановых: «где они? я все хочу ему написать, с начала войны ничего о нем не знаю, а несмотря на все, я его люблю, и ее тоже, не за дела, а за желания»¹³.

¹⁰ Письмо Г.Адамовича А.Полякову от 24 июля 1940 // Coll. Poliakov. Bakhmeteff Archives, Columbia University, New York.

¹¹ Письмо Г.Адамовича А.Полякову от 30 ноября 1940 // Там же.

¹² Письмо Г.Адамовича Л.Червинской от 3 ноября 1952 // Coll. Adamovich. Bakhmeteff Archives, Columbia University, New York.

¹³ Вероятно, именно на этот запрос Ю.Фельзен сообщил о приемах в доме Георгия Иванова и Одоевцевой, что Адамович расценил как сотрудничество с

Все годы ссоры, продолжавшейся пятнадцать лет, постоянно пишет знакомым что-нибудь вроде: «Были ли Вы à rgoros у Ивановых? Мне их жаль, беспричинно и беспредметно, но не надо им этого говорить (особенно ей)»¹⁴. И даже если пишет в сердцах: «Г.Иванова я видеть не хочу, и адресов ему никаких не давайте», то тут же спешит добавить: «Парижский адрес ему известен»¹⁵.

Сразу же после окончания войны Алданов запрашивал Адамовича об Иванове и интересовался, может ли он дать «гарантии», что Иванов ни в чем предосудительном с политической точки зрения не замешан. Адамович, легко шедший на компромиссы ради дружбы в вопросах менее значительных, на этот раз не смог покривить душой перед Алдановым, который был для него «directeur de conscience», по его собственному выражению. 28 июля 1945 Адамович пишет Алданову: «о Г.В.Иванове. Скажу откровенно, вопрос о нем меня смущает. Вы знаете, что с Ивановым я дружен, — дружен давно, хотя в 39 году почти разошелся с ним. Я считаю его человеком с такой путаницей в голове, что на его суждения не стоит обращать внимания. Сейчас его суждения самые ортодоксальные. Но прошлое не таково. Я был бы искренно рад, если бы Вы послали ему хоть десяток посылок, но дать то ручательство, которое Вам нужно, не могу. Писать мне это Вам тяжело. Но Вы просите меня "не подвести Фонда" и по всему тону Вашего письма я чувствую, что не имею права отнестись к поставленному Вами вопросу легкомысленно. Пусть официальной причиной моего отказа дать гарантию останется общее нежелание их давать. Остальное — строго между нами. Не скрою от Вас, что мне было бы неприятно, если бы о нашей переписке по этому поводу узнал сам Иванов. Он истолковал бы мое поведение, как недоброжелательство. А недоброжелательства нет. Но я не могу в отношении Вас — и при моем уважении к Вам — поступить иначе. Кстати, Роговский мне только что рассказал, что на совещании у Долгополова Иванову было в выдаче посылки отказано, на том основании, что он состоял членом сургучевского союза писателей. К сожалению, я думаю, что такой факт, всем к тому же известный, делает все гарантии несерьезными и недействительными. Если Вы принимаете во внимание раскаяние и изменение — дело, конечно, другое. Но судя по Вашему письму, в Нью-Йорке настроение не таково. (Мне сейчас приходит в голову: не возникла ли у Вас мысль о гарантиях только в связи с мнимым "негодованием"? нужны ли они, если негодования нет, и так ли страшны ошибки?)»¹⁶.

Политические суждения Иванова после войны и впрямь были столь своеобразны, что легко могли привести в замешательство человека куда более решительного в политических вопросах, чем осторожный Алданов.

с оккупационными властями и с возмущением рассказал об этом всем знакомым. Письмо Фельзена пока не найдено, и что он на самом деле написал, неизвестно, но И.Одоевцева в своих мемуарах приводит именно такую версию.

¹⁴ Письмо Г.Адамовича Л.Червинской от 2 мая 1954 // Coll. Adamovich. Bakhmeteff Archives, Columbia University, New York.

¹⁵ Письмо Г.Адамовича Л.Червинской от 9 сентября 1952 // Там же.

¹⁶ Coll. Aldanov. Bakhmeteff Archives, Columbia University, New York.

К примеру, поздравляя М.Карповича с новым, 1951, годом, Иванов желал ему «личной удачи, счастья, всего самого лучшего и осуществления в новом году общей русской надежды на падение большевиков. Ведь, как будто, возможно... Хотя, все-таки никак не могу, про себя, решить — если бахнуть двести или сколько там атомных бомб и, не говоря уже о людях, не останется ни Петербурга, ни Москвы, не выйдет ли "одно на одно", хуже "разбитого корыта"? Это, конечно, праздные размышления, и все-таки трудно не думать, а думается, и становится отвратительно не по себе»¹⁷.

21 сентября 1945 Адамович вновь пишет Алданову о Г.В.Иванове, заявляя: «лично у меня чувство такое, что надо бы устроить торжественное чаепитие и в слезах и лобзаниях забыть общие грехи»¹⁸. Алданов при всем своем джентльменстве в таких вопросах был неуступчив, и Адамович в переписке возвращается к этой теме еще не раз:

«Пишу я Вам после встречи с Георгием Ивановым и почти что по его просьбе. Он очень тяготится разрывом (или чем-то вроде разрыва) с Вами. Я ему говорил, что тут надо различать "общественное" и "личное" — как, помните, Гиппиус говорила Блоку после "Двенадцати", — но этот довод для него очевидно неубедителен. Мне кажется, он за последнее время изменился, во всех смыслах. Вы его знаете — это странный и сложный человек, по-моему, даже больной. Если в результате этого моего письма что-либо улучшилось бы в Вашем отношении к нему, я был бы искренне рад»¹⁹.

После войны Адамович долгое время оставался при своих прежних убеждениях, здесь можно упомянуть и участие в газете «Русские новости», финансировавшейся советским посольством во Франции, и визит делегации эмигрантов к советскому послу Богомолову, в котором, по уверениям Н.Берберовой, принимал участие и Адамович²⁰. Улучшить отношения с Ивановым все это никак не могло.

На участии в «Русских новостях» имеет смысл остановиться чуть подробнее. Газету организовал в 1945 А.Ф.Ступницкий, до войны правая рука Милюкова в «Последних новостях», масон, вместе с Маклаковым и Вердеревским ходивший в 1945 к Богомолову в советское посольство. Парижских литераторов и журналистов он соблазнил тем, что газета будет продолжением «Последних новостей», и даже название взял похожее — «Русские новости». На его уговоры поддались не только бывшие сотрудники «Последних новостей» Адамович, Бахрах, Татаринов. В «Русских новостях» печатались и Бунин, и Бердяев, и многие другие. Недолгая вспышка «большевизанства» или хотя бы некоторого «покраснения» в Париже, после освобождения его от фашистов, захватила многих эмигрантов, в том числе даже и некоторых из ранее непримиримых.

¹⁷ Coll. Karpovich. Bakhmeteff Archives, Columbia University, New York.

¹⁸ Coll. Aldanov. Bakhmeteff Archives, Columbia University, New York.

¹⁹ Письмо Г.Адамовича М.Алданову от 1 ноября 1946 // Coll. Aldanov. Bakhmeteff Archives, Columbia University, New York.

²⁰ Берберова Н. Люди и ложи: Русские масоны XX столетия. New York: Russica Publishers, 1986. С.242.

В первой своей статье для «Русских новостей» Адамович писал: «В каком-то смысле сейчас стало трудней жить, чем во время войны. Да, пожалуй, и до войны. Тогда все было ясно /.../ мне иной раз жаль, что эти пять лет кончились... жаль чистоты и какой-то строгой серьезности прошедших пяти лет. Отсутствия суеты. Отсутствия пустяков»²¹. Далее на протяжении четырех лет Адамович по-прежнему постоянно публиковал в газете «Литературные заметки», как раньше в «Последних новостях», и значительных изменений ни в их тоне, ни в тематике не появилось, а кроме того, писал статьи о кино и русском языке. Какие чувства он испытывал, видя на первой полосе газеты часто появляющиеся портреты Сталина и других вождей, трудно сказать. Но уже 10 сентября 1946 писал Бахраху: «Я смутно слышал, что наша газета собирается "праветь", чему я был бы очень рад»²².

Уже вскоре Адамович начал подумывать о другой работе. В конце 1948 Алданов предлагал ему помочь получить место переводчика в ООН, от которого Адамович не без сожаления отказался, отшутившись в письме Алданову 21 января 1949: «Английский я знаю плохо и не возьмусь быть не только interpret'ом, но и traductent'ом. Переведешь не так Вышинского, а потом будет война»²³.

Советское посольство финансировало «Русские новости» до конца 1949, после чего Ступницкий продолжал издавать ее сам, несколько изменив курс. Как выразился Бахрах в письме к Глебу Струве от 11 октября 1984, «когда газета начала давать крен, мы все сообща ее покинули»²⁴.

16 августа 1949 Адамович писал А.Бахраху: «Алданов разводит руками /.../ "Признаться, Г[еоргий] В[икторович], я был очень огорчен, узнав, что Вы в эту газету вступили..." Т.е. в 1945 году! На что я ему бурно возразил, что от тогдашнего желания целоваться со Сталиным не откажусь»²⁵.

В этом своем настроении Адамович был далеко не одинок. Сам Бахрах считал точно так же и, гораздо позднее, 8 мая 1977 писал Глебу Струве, отвечая на его запрос о сотруднике «Русских новостей» Татаринове: «Я, например, знаю, что совершил ошибку, но мне в каком-то смысле жалко тех, которые этой ошибки не совершали и всегда видели все в черном цвете /.../ Татаринов покинул Ступницкого вместе с Адамовичем, мной, еще кем-то (имен уже не помню)»²⁶.

Судя по всему, направление газеты с самого начала не совсем его удовлетворяло, но печатные органы противоположного толка удовлетворяли еще меньше. 16 августа 1949 Адамович писал Бахраху, уже окончательно прекращая сотрудничать в «Русских новостях»: «Я считаю, что в орган николаевского типа нам идти не гоже, ибо считается блядьми еще

²¹ Адамович Г. Париж 1945 // Русские новости. 1946. 11 января. №35.

²² Coll. Bacherac. Bakhmeteff Archives, Columbia University, New York.

²³ Coll. Aldanov. Bakhmeteff Archives, Columbia University, New York.

²⁴ Gleb Struve Papers. Hoover Institution Archives, Stanford University, Palo Alto.

²⁵ Coll. Bacherac. Bakhmeteff Archives, Columbia University, New York.

²⁶ Gleb Struve Papers. Hoover Institution Archives, Stanford University, Palo Alto.

хуже, чем большевиками»²⁷. И это несмотря на то, что других средств к существованию, кроме газеты, у него не было, а газеты с литературным отделом после войны в эмиграции можно было пересчитать по пальцам на одной руке. В то время он соглашался почти на любую работу, лишь бы она не шла вразрез с его убеждениями. Тому много свидетельств в его письмах той поры, пестрящих фразами вроде: «Конечно, на любые предисловия я согласен и рад. О Розанове, Достоевском, о Вас — о ком угодно»²⁸.

Новая перспектива забрезжила в начале 1950. Алданов в письме Адамовичу от 19 февраля 1950 писал: «и от Кусковой, и от Маклакова, и от Кантора слышу, что Вы будете редактором новой газеты. Вчера получил от Михаила Львовича приглашение в ней сотрудничать. Вчера же его отклонил по причинам, которые Вы знаете или о которых догадываетесь /.../ Ради Бога, в первой же передовой статье сожгите то, чему поклонялись — если не Вы, то экс-патрон. Но сожгите так, чтобы всем было ясно: сожжено все, пепел развеян, началась новая страница. Тогда я хоть *читать* буду с удовольствием»²⁹. Предприятие с газетой осталось только на бумаге, хотя к совету Алданова Адамович отчасти прислушался и постепенно начал печататься в антисоветской эмигрантской прессе: с 1951 — в нью-йоркском «Новом русском слове», а с 1956 — и в парижской «Русской мысли». Вряд ли он пришел к этому без долгих раздумий. Публичного покаяния, впрочем, он писать не стал и мостов в передовых статьях не сжигал, что не преминула отметить эмигрантская общественность³⁰.

Хотя Адамович и любил говорить о том, что «на биографию не рассчитывает», собственная репутация его не могла не интересовать. 16 февраля 1952 он задумчиво сообщает Бахраху: «Вейдле поехал в Мюнхен для радио. Это в смысле возможности испортить биографию хуже, чем газета, а он человек осторожный»³¹.

²⁷ Coll. Bacherac. Bakhmeteff Archives, Columbia University, New York.

²⁸ Письмо Г. Адамовича А. Бахраху от 11 сентября 1947 // Там же.

²⁹ Coll. Aldanov. Bakhmeteff Archives, Columbia University, New York.

³⁰ Например, Глеб Струве во врезке к своей статье «Десница и шуйца г. Адамовича» писал: «Нижепечатаемая статья была предложена мной некоторое время тому назад нью-йоркскому "Новому русскому слову", поскольку после появления на страницах этой газеты бывших сотрудников парижских "Русских новостей" — сначала В.Е. Татаринова, а потом Г.В. Адамовича — для меня встал во всей остроте вопрос о возможности "литературного сотрапезничества" (выражение моего покойного отца в его знаменитой статье о В.В. Розанове) с ними. Я пришел к заключению, что подобное "сотрапезничество" с недавними сотрудниками парижской советской газеты, с такой легкостью перекочевавших без всяких объяснений в нью-йоркскую антибольшевистскую газету, мыслимо лишь в том случае, если мне будет позволено сказать со всей откровенностью, что я думаю об Адамовиче и его писаниях последних лет. Несмотря на то, что редактор "Нового русского слова" широко допускает на страницах своей газеты полемику между отдельными сотрудниками, он отказал в напечатании моей статьи, и я счел вынужденным напечатать ее в другом месте» (Русская мысль. 1951. 13 июня).

³¹ Coll. Bacherac, Bakhmeteff Archives, Columbia University, New York.

15 марта 1953 в письме Алданову Адамович выражает сомнение по поводу своего участия в будущей газете, которую собирался открыть С.Мельгунов: «испортить себе биографию участием в таком предприятии можно еще успешнее, чем писанием в "Русских новостях"». Но я на биографию не рассчитываю. /.../ их (т.е. Мельгунова и его друзей) сомнения о том, не осквернятся ли они, приглашая "большевика" или хотя бы "экзольш[евику]"», мне противны»³².

Общественное мнение, оглядка на Алданова, желание не покидать окончательно Париж и русскую литературу в Париже, а также рухнувшие в очередной раз надежды на изменение советского строя к лучшему сделали в конце концов свое дело. 11 февраля 1956 Адамович сообщил Алданову: «Я получил от Водова письмо с предложением сотрудничества /.../ Что на меня будут всех собак вешать, — теперь скорей слева, чем справа, — не сомневаюсь. Но меня это мало трогает. Сотрудничество в "Русской м[ысли]" мне было бы скорей приятно, потому что это — Париж, а не что-то заокеанское и далекое, как другая планета /.../ Политика в ней такая же, как везде, — т.е. в "Н[овом] р[усском] с[лове]"», — но налет провинциальности, по-моему, сильнее. Но это — не препятствие»³³.

Финансовые же проблемы удалось решить еще раньше, причем совершенно неожиданным для Адамовича образом: по рекомендации Б.И.Элькина, душеприказчика Милюкова и редактора книги Адамовича о Маклакове, ему удалось устроиться преподавателем в английском университете. В начале 1950 он читает лекции о поэзии в Оксфорде, а с 1951 по 1960 преподает в Манчестерском университете.

Георгий Иванов с Одоевцевой в 1951 переезжают на жительство в Русский дом в Montmorency (5, av. Charles de Gaulle). Атмосферу в нем Иванов описывает в письме Роману Гулю, прося «прислать на адрес нашего русского библиотекаря пачку старых — какие есть — номеров "Нового журнала" — сделаете хорошее дело. Здесь двадцать два русских, все люди культурные идохнут без русских книг. Не поленитесь, сделайте это, если можно. Ну, нет, это не русский дом Роговского. Я там жил в свое время за свой собственный счет. Было сплошное жульничество и грязь, и проголодь. Здесь Дом Интернациональный — бывший Палас, отделанный заново для гг. иностранцев. Бред: для туземцев с французским паспортом ходу в такие дома нет. За нашего же брата апатрида (любой национальности) государство вносит на содержание по 800 фр. в день (только на жратву), так что и воруя — без чего, конечно, нельзя, — содержат нас весьма и весьма прилично»³⁴.

В Montmorency (S. et O.) Ивановы прожили три года (1951-1953), после чего были переведены в другой Русский дом на юге Франции. Уже здесь происходит примирение Иванова с Адамовичем и начинается последний период их переписки, которая публикуется ниже. В ней гораздо больше писем к Одоевцевой, чем к Георгию Иванову, который хотя и

³² Coll. Aldanov. Bakhmeteff Archives, Columbia University, New York.

³³ Ibid.

³⁴ Новый журнал. 1980. №140. С.188.

заклучил с Адамовичем «худой мир»³⁵, с прежней теплотой к нему относиться не начал и, например, в письмах к Маркову отзывался о бывшем друге крайне резко.

Хотя Одоевцева и писала Адамовичу, что прячет его письма в особый ящик и тщательно их бережет, он сомневался в этом недаром. Письма сохранились не в лучшем виде. Часть их утрачена, другие сохранились не целиком (письма 18, 19, 39, 42, 47, 53, 54): кое-где по неизвестным причинам части страниц отрезаны, а иногда не хватает целых страниц (в частности, одна из страниц была обнаружена в Калифорнии — Одоевцева послала В.Маркову автограф «самого Адамовича»). Местонахождение ответных писем нам неизвестно. Возможно, Адамович не шутил, говоря, что по прочтении уничтожает все приходящие к нему письма. Как бы там ни было, и то, что сохранилось, представляется нам весьма ценным.

О взаимоотношениях трех поэтов на протяжении 1955-1958 лучше всего расскажут сами письма, а здесь остается только рассказать о последовавших событиях.

Георгий Иванов умер 27 августа 1958.

4 сентября 1958 Адамович писал С.Прегель: «Я был в Нуегес на похоронах Георгия Иванова. Она, "вдова", — ей как-то не идет это слово! — растеряна и недоумевает: что ей делать дальше? Показала мне записку, оставленную Жоржем для распространения после его смерти. Он, по ее словам, предназначал ее для печати. По-моему, печатать в газетах ее нельзя, и она, Ирина, с этим согласилась. Я Вам ее списываю и прилагаю. Что, по-Вашему, можно с ней сделать? Мне записка не очень нравится по тону, но это вопрос другой и значения не имеет. Ирина хотела бы ее распространить, а *главное*, — она мечтает уехать в Америку, и ей обещан даровой билет. Но, кроме билета, нужна виза, *affidavit* (даже если на время — 6 месяцев, "а там видно будет") и т.п. Я сейчас ее делами немножко занимаюсь, и хотел бы знать, как Вы относитесь к мысли об Америке и кто, и как мог бы в этом деле помочь и содействовать? Друзей у нее мало, и она это знает, что растерянность ее и увеличивает. Простите за все эти скучные вопросы. Но я уверен, что Вы поймете мое желание для этого сумасбродного и, в сущности, милого существа что-то сделать»³⁶.

К письму прилагался текст записки Георгия Иванова. Вот он:

«Благодарю тех, кто мне помогал.

Обращаюсь перед смертью ко всем, кто ценил меня, как поэта, и прошу об одном. Позаботьтесь о моей жене Ирине Одоевцевой. Тревога о ее будущем сводит меня с ума. Она была светом и счастьем моей жизни и я ей бесконечно обязан.

Если у меня действительно есть читатели, по-настоящему любящие меня, умоляю их исполнить мою посмертную просьбу и завещаю им судьбу Ирины Одоевцевой. Верю, что мое завещание будет исполнено.

Георгий Иванов»³⁷

³⁵ Ivanov G. Briefe an Vladimir Markov. 1955-1958. Указ. изд. С.38.

³⁶ Письма Георгия Адамовича / Публ. В.Крейда // Новый журнал. 1994. №194. С.296.

³⁷ Там же.

Ирина Одоевцева после смерти Георгия Иванова перебралась из Йера в Ганьи и продолжала переписываться с Адамовичем, но где находится эта часть его писем, нам неизвестно.

Адамович скончался в Ницце 21 февраля 1972 от второго инфаркта.

26 февраля 1972 Одоевцева писала В.Маркову: «У меня большое горе — умер Адамович. Он был моим самым старым другом — с 20 года — и самым верным. Точнее — моим единственным другом. Последней связью с прошлым. Для меня это огромная потеря, но и для русской литературы она очень велика. Ему ведь и в России отдавали должное. Теперь я стала окончательно одинокой. Еще месяц тому назад нас — эмигрантских писателей, успевших стать писателями или поэтами еще в России, было трое — Зайцев, Адамович и я. Теперь же осталась только я —

Передового нет, и я как есть
На роковой стою очереди»³⁸.

По прошествии двух десятков лет после смерти Георгия Иванова И.Одоевцева вышла замуж за Якова Николаевича Горбова (1896-1981)³⁹. С ним она прожила немногим более трех лет, а когда он умер, жила в Ганьи одна вплоть до переезда в СССР в 1987. В Ленинграде ей была предоставлена квартира на Невском, и многочисленные гости толпились в этой квартире постоянно. Умерла Ирина Владимировна 14 октября 1990, так и не успев написать третью книгу своих мемуаров «На берегах Леты».

В заключение остается поблагодарить Weinfcke Rare Book and Manuscript Library, Yale University, сохранившую эту часть переписки и любезно разрешившую опубликовать ее, а также профессора Жоржа Шерона, без которого эта публикация не состоялась бы.

1

104, Ladybarn Road,
Manchester, 14
8/II-55

Жорж, получил сегодня Твое письмо. Спасибо. Очень рад, что наконец выбрались в Hueges¹, на безмятежную жизнь, притом с моим чемоданом.

³⁸ Собрание Жоржа Шерона. Калифорния. Целиком публикуется в приложении.

³⁹ Биография его приведена в книге Одоевцевой «На берегах Сены» (М., 1989. С.325-331) и в ее пересказе выглядит так: родился в Пушкино под Москвой, в детстве был знаком с юными сестрами Цветаевыми, воевал в Первую мировую, был в Добровольческой армии в гражданскую, во Франции работал шофером и учился, во Вторую мировую пошел добровольцем во французскую армию, в 1947 опубликовал свой первый роман на французском языке, за ним еще несколько, с 1961 по 1974 был соредактором журнала «Возрождение», с Одоевцевой познакомился в 1963 и женился на ней после смерти первой жены.

Насчет поэзии²: сейчас я пишу два слова, самые необходимые. У меня после гриппа сделалось воспаление глаза, уже 2 недели, и не проходит. Я сижу в черных очках, во тьме, ничего не могу делать. Напишу поэтическое письмо, когда пройдет (и если пройдет).

Ты ничего не пишешь о Рейзини³ — получили что-нибудь? И вообще, как все? Мой добрый совет: не веди разговоров, кроме как о погоде. Такие дома — гнезда сплетен, интриг и вражды (и спор).

Ну, до свиданьяца. Лето далеко, может и свидимся! Пишу на бланке Университета⁴, чтобы там видели, что у Вас интеллигентные знакомые. А о «Живи, как х[очешь]»⁵ — сами все знаем. Хуже он никогда не сочинял, а считает, что это его главный цимес.

Целую ручки Madame и Вас тоже.

Твой Г.А.

¹ Городок на юге Франции, в котором находился один из русских домов престарелых.

² Вскоре после примирения Адамович предложил Иванову вести «переписку из двух углов» о поэзии, о чем Иванов 2 февраля 1956 писал Владимиру Маркову, добавив: «Но с ним сразу же ничего не получилось. Он начал так академически скучно о каких-то ямбах, что я скис» (Ivanov G., Odojevceva I. Briefe an Vladimir Markov: 1955-1958 / Mit einer Einleitung herausgegeben von Hans Rothe. Köln; Weimar; Wien: Bohlau, 1994. S.13).

³ Николай Рейзини — в 1930-е завсегдадатай русского литературного Монпарнаса, один из вдохновителей журнала «Числа», позже — американский миллионер.

⁴ В University of Manchester (Великобритания) Адамович с 1951 по 1960 преподавал русскую литературу.

⁵ Роман М.А.Алданова, отрывки из которого публиковались в «Новом русском слове» в 1949 и 1951, целиком напечатан издательством имени Чехова в двух томах (Нью-Йорк, 1952). Рецензия Адамовича, опубликованная в «Новом русском слове» (1952. 4 декабря. №14831. С.8), была, как все его рецензии на книги Алданова, очень вежливой.

Дорогой Жорж

Посылаю — наконец — начало нашего совместного сочинения¹. Написал первое, что пришло в голову, а мог бы писать без

конца, и, надеюсь, вместе напишем нечто вроде целой книги. Тон я взял довольно непринужденный, по-моему, так и лучше, чтобы не был академический трактат.

Оставь у себя то, что я посылаю (у меня есть копия), и когда напишешь свое и пришлешь, тоже оставь копию у себя, иначе запутаешься. А я все буду переписывать подряд и беречь.

Ну, вот. Я тебе не ответил на увещание ехать в Париж — ибо уже написал им, что не приеду. Независимо даже от моего желания или нежелания на этом съезде² быть, я, правда, не мог отсюда 18-го уехать, никак. А кроме того, я все время болен, все болит, глаза болят и сама я немножко нездорова.

На будущей неделе я еду в Париж, надеюсь там пробыть до 25 апреля, так что если будешь писать, присылай туда — 7, rue Frederic Bastiat, Paris 8. А после 25 апреля сюда — до середины июня. Дальше — увидим.

Как Вам живется в Вашем доме? Вы ничего не сообщили. Я мечтаю, когда отсюда выберусь, тоже устроиться в нечто вроде богадельни, вопреки людям, которые ужасаются этому. Еще не ответили, получили ли деньги от Рейзини, притом будто бы от меня?

До свиданья. Надеюсь летом свидеться. *Chère madame*, целую Ваши ручки и штучки, как сказал Бунин Тэффи (за что она ответила: «вот за штучки я особенно благодарна»³). Я впал в старость, и опасаюсь, не всерьез ли.

Ваш Г.А.

¹ См. прим. 2 к письму 1.

² Вероятно, имеется в виду съезд послевоенного Союза писателей и поэтов, председателем которого был тогда С.К.Маковский.

³ Одоевцева в своей книге «На берегах Сены» рассказывает об этом эпизоде, как свидетельница его: «Бунин, явно сознавая, что его все здесь ждут с нетерпением — без него за стол не сядут — направился прямо к расположившейся на диване Тэффи, поклонился ей и громко произнес, целуя обе ее руки:

— Надежда Александровна! Целую ручки и прочие штучки.

На что Тэффи, не задумываясь, радостно и звонко воскликнула:

— Ах, спасибо, Иван Алексеевич, спасибо! Спасибо за штучки. Их давно уже никто не целовал!» (Одоевцева И. На берегах Сены. М., 1989. С.233-234).

Дорогая Madame

Получил Ваше письмо уже в Париже, куда мне его переслали. Все, что могу, я, конечно, для Вас сделаю, — но могу ли? C'est a voir¹. Недошивину² и особенно Долгополова³ я мало знаю. Ее — Недошивину — больше, и она мне помогала в Олюшиных⁴ делах очень любезно. Но лучший путь, по-моему, через масонов, которые ко всем этим делам имеют какое-то таинственное отношение. С ними и я в дружбе⁵.

Но мне надо знать:

1) Одна ли Вы хотите на лето переехать в другой дом — или с Жоржем?

2) На какой срок?

Я здесь до 24 апреля. Ответьте мне *pas refaire du cougrier*⁶, и я попробую устроить, что можно. И не потому, — как Вы изволите указывать! — что я «приложил руку» к испорченной Вашей репутации⁷, а по старым и неизменным чувствам. Ах, Мадам, стоит ли все о том же говорить и вспоминать, тем более, что все это на 99% (ну, м.б., не на 100) чьи-то выдумки. Вот Вы пишете о Кровопускове⁸. Он меня считает большевиком, и всех нас кто-то кем-то считает, и давно на все это пора махнуть рукой. Впрочем, Вы и сами это знаете, — я уверен, — *et n'en parlons plus*⁹.

Спасибо за милое письмо. Насчет съезда — посмотрим. Хотя я Вас высоко уважаю, но считаю своим *directeur de conscience*¹⁰ Марка Александровича, и должен выслушать его мнение. Да если Съезд будет осенью, то едва ли я и могу присутствовать, ибо буду в Манчестере. Что это вообще за глупая затея! Как развлечение — пожалуй, но они-то ведь не развлекаются, а думают, что это что-то серьезное. В Париже я только два дня. Холод собачий. Ниту¹¹ еще не видел, отчасти по всяким немощам: помимо глаза, свернул спину, поднимая чемодан, и еле двигаюсь. Злит это меня особенно потому, что я приехал и для любовных развлечений, а тут о прыгать не может быть речи. Вообще никого еще не видел, и пока живу инкогнито, что скорей приятно. Очень я польщен Вашим замечанием, что «мы мало изменились внутренне и внешне». Внутренне — не знаю, но внешне: Вы — да, действительно, а на себя мне тошно смотреть в зеркало, как Ходасевичу («Тот, который в Останкине летом...»)¹² — хорошие стихи). Отчего на Съезде не был Оцуп? Забыл или не пожелал? Его как-то все совсем забыли, и он делает себе из этого надменно-страдальческую позу.

Ну, *chère petite Madame*, до свиданья, — но если Вы летом не будете на юге, то где и когда? Я мечтаю о юге. Пусть Жорж пришлет мне свой поэтический ответ еще сюда, а я отвечу — а напишу все потом, в Англии. Целую Вас обоих. Не совсем понимаю, отчего Вам юг вреден летом. На вид Вы совсем здоровы. Что это, легкие? Или что-нибудь другое? Не думайте, что я с кем-нибудь поделюсь своими сомнениями, это я спрашиваю интимно, для себя. Если легкие — не верьте докторам. Олюше, когда она только приехала в Ниццу, сказали, что ей жить на берегу моря — гибель (у нее ведь был туберкулез). А она поправилась совсем, и все зарубцевалось, живя в Ницце безвыездно.

Жду ответа. Очень жалею, что не видел Вас в Париже. Сколько Вам дали «на расходы»?

Ваш Г.А.

¹ Посмотрим (*фр.*).

² Наталья Алексеевна *Недошивина* — работница Земгора, представитель Литературного фонда во Франции.

³ Николай Саввич *Долгополов* — врач, до революции член партии народных социалистов, в гражданскую — министр здравоохранения в правительстве Деникина, в эмиграции — служащий Земгора в Париже, после войны — представитель в Европе американских русских благотворительных учреждений и, в частности, Литературного и Кулаевского фондов.

⁴ Ольга Викторовна Адамович (1889-1952) — старшая сестра Адамовича, которая с тридцатых годов тяжело болела и находилась на его попечении.

⁵ Адамович еще до войны, в 30-е годы, стал членом масонской ложи «Объединенное братство». После войны, когда деятельность масонских лож в Париже была возобновлена, состоял членом ложи «Юпитер» и неоднократно печатался в «Вестнике объединения русских лож Д. и П. Шотландского Устава» (Париж, 1959-1964).

⁶ Здесь: с ближайшей почтой (*фр.*).

⁷ По словам Одоевцевой, репутация их была испорчена в начале Второй мировой войны, когда Ивановы жили в Биаррице: «Однажды мы устроили большой прием, на котором был даже английский адмирал. Перечень всех гостей появился в газете. Наш друг, "спарженька" Фельзен, бежавший с матерью из Парижа и пробиравшийся в Швейцарию, нашел у нас эту самую газету с отчетами, прочитал и ахнул: "Вот как живут наши". Этим открытием он решил поделиться с Адамовичем. Но Адамович тогда был на войне, и письмо шло несколько месяцев. А когда он его получил, то решил, что мы принимаем немецкий генералитет, и оповестил об этом всех знакомых, украсив рассказ "цветами своей фан-

тазии“ . А именно, что я разъезжаю с немецкими офицерами верхом и играю с ними в теннис. Хотя я и с английскими офицерами верхом не ездила и в теннис не играла. Все поверили этому и отвернулись от нас, даже такие друзья, как Керенский, который бывал у нас с женой и, прощаясь, целовал нас и крестил. С этого и начались все наши несчастья» (Одоевцева И. На берегах Сены. М., 1989. С.189).

⁸ Константин Романович *Кровоушков* (1881-1957) — юрист, до революции член партии эсеров, служавший Одесской городской управы, в Париже работал у Маклакова в Эмигрантском комитете.

⁹ И не будем больше об этом (*фр.*).

¹⁰ Духовным наставником (*фр.*).

¹¹ Анна Морисовна Элькан (урожд. Абельман) — жена Бернарда Вельяминовича Элькана, коллекционера картин, организатора издательства «Аквилон», хозяйка единственного в послевоенном Париже литературного салона, секретарь Союза писателей и поэтов, председателем которого был тогда С.Маковский, занимавший две комнаты в большой квартире А.М.Элькан на улице Тильзит. С Адамовичем А.М.Элькан была знакома еще по Петербургу; см. ее воспоминания «Дом искусств» (Мосты. 1960. №5. С.289-298).

¹² Неточная цитата из стихотворения В.Ходасевича «Перед зеркалом» (1924) из цикла «Европейская ночь». У Ходасевича: «Разве мальчик, в Останкине летом...».

4

7, rue Frederic Bastiat,
Paris, 8
7/IV-55

Chère Madame

Я чувствую, что Вы волнуетесь из-за Вашего эвентуального периода, и потому пишу, не имея еще никаких точных сведений, *roug tenir au courant*¹.

Я видел Д.Н.Ермолова², человека «со связями» в известных Вам таинственных кругах. Он — милейший старик, и обещал помочь. Увижу я его опять 12-го вечером и тогда что-нибудь узнаю. Он совсем не знает, есть ли комната, хотя бы на время, но справится и поговорит с кем надо. Между прочим, он говорит, что решают окончательно все *французы*, а не Долгополов с Недошивиной. Кто Вас устроил в Нуерес? Если французы, то они могут дать распоряжение Долгополову Вас перевести под Париж.

Кроме того — знакомы ли Вы с Вас. Вас. Вырубовым³? Если да, напишите ему. Я его знаю, но если знаете и Вы — напишите ему лучше сами (можете сослаться на меня, если знаете его мало).

Это тоже совет Ермолова. Вырубов — кузен того сумасшедшего актера, которого Вы, конечно, знаете. Но ничего с ним общего, больше по части фрейлин и дюшесс.

А вот совет от меня лично: напишите Даманской⁴. Я с ней в контрах, Вы м.б. тоже, но если ей польстите литературно, она отгадет. Напишите, что восхищены ее «Мирандой»⁵. У нее очень хорошая комната в Corneilles, м.б. она на лето хотела бы переехать на юг, — ну, а там, м.б. Вы и обоснуетесь в Corneilles. Там очень хорошо, хотя, кажется, вечные ссоры и истории (но это сведения Даманской, которая изведет кого угодно). Адрес ее — Maison russe, rue du Martray, Corneilles-en-Parisis (S. et O.). Зовут ее Августа Филипповна, м.б. Вы забыли.

Ну вот, пока все. Видел вчера Ниту. Ох и ах! Все то же, но страсть принимает более агрессивный характер, тем более, что она чувствует себя знаменитой писательницей, а «Плавки»⁶ будто бы прославят ее окончательно. А в общем — une pauvre mioche⁷.

До свидания. Напишу 13-го. Целую и шлю всякие чувства.

Ваш Г.А.

¹ Чтобы держать в курсе дела (фр.).

² Дмитрий Николаевич *Ермолов* (?-1963) — коммерсант, масон, «достойный мастер» ложи «Юпитер» в 1946-1956. См. некролог, написанный Адамовичем (Вестник объединения русских лож Д. и П. Шотландского Устава. 1963. №11. С.1-2).

³ *Василий Васильевич Вырубов* (1879-1963) — общественный деятель, во время Первой мировой войны председатель Комитета Всероссийского Земского союза, в октябре 1917 — помощник начальника штаба Верховного главнокомандующего, ближайший друг Керенского. В Париж прибыл в конце 1918 со своим родным дядей кн. Львовым в качестве управляющего делами Русского политического совещания. Затем был представителем в Париже Временного комитета Всероссийского Земского Союза (оставался членом правления до смерти). Масон 33 степени, председатель объединения русских лож Шотландского устава. В.Вырубов издал брошюру Адамовича «Л.Н.Толстой: Речь на собрании в Париже 3 декабря 1960 г.» (Париж: Изд. В.Вырובה, 1960), кроме того, две книги Адамовича были написаны по заказу Вырובה: биография «Василий Алексеевич Маклаков» (Париж: Изд. друзей В.А.Маклакова, 1959) и брошюра «Вклад русской эмиграции в мировую культуру» (Париж, 1961). См. некролог «Памяти В.В.Вырובה», написанный Адамовичем (Русская мысль. 1963. 10 августа).

⁴ Августа Филипповна *Даманская* (1885-1959) — журналистка, переводчица, плодовитый автор прозы, часто публиковавшаяся под псевдонимом «Арсений Мерич» в дореволюционной России, позже в эмигра-

ции. До Второй мировой войны вместе с Адамовичем сотрудничала в милюковских «Последних новостях».

⁵ Роман А.Ф.Даманской, вышедший в нью-йоркском издательстве имени Чехова в 1952. См. рецензию Адамовича (Новое русское слово. 1953. 26 июля).

⁶ Неопубликованное произведение Анны Морисовны Элькан.

⁷ Бедная крошка (*фр.*).

5

104, Ladybarn Road,
Manchester 14
6/V-55

Chère Madame

От Вас давно ни слова, и я не знаю, как Ваши дела по Вашим сведениям. Мои сведения сводятся к тому, что хлопоты о Вас на- талкиваются на препятствия. Но дело никак не в политике, т.к. весь принцип этих домов «а-политичен», и живут в них люди са- мых крайних, в обе стороны, мнений и с любыми политическими репутациями. Для Долгополова это будто бы «основная запо- ведь». Дело в чем-то другом, а в чем точно — не знаю. По одной фразе из письма ко мне, я склонен думать, что связано это с Ва- шим пребыванием у Роговского¹, п[отому] что, кажется, это един- ственный случай, когда Вы жили в таком доме (или в Montmoan- су²?). Были у Вас там какие-нибудь истории, кроме денежных? (Денежные, конечно, значения теперь не имеют). Я не уверен, что предположение мое — правильно, но не вижу, какая другая может быть загвоздка. А пишу я Вам сегодня для того, чтобы поддер- жать оптимум, *malgré tout*³. Только что получил письмо от Ер- молова, который пишет, что видел Вырубова⁴ и что тот «надеется на благоприятный исход дела об Ивановых». Значит, Вырубов действительно что-то делает, а он имеет всюду «руку» и людей, которые для него сделают, что могут. Кстати, я не знаю, писали ли Вы — или Жорж — ему, или это на него действует Ермолов. Если не писали, напишите, с благодарностью за уже сделанное. Вот его адрес, который мне сообщил Ермолов: 4, rue de Sere, Pa- ris IX. Простите, что руковожу, как говорил бедный Пира Став- ров⁵. Мне все кажется, что Вы столь же беззаботны, как это было тогда, когда Вы были пленявшей все сердца райской птицей.

Стихов Ваших в «Нов[ом] журн[але]»⁶ я еще не видел, ибо журнал, здесь выписываемый, где-то затерялся. Но Чиннов⁷ при- слал мне о них восторженный отзыв. А я считаю, что в нашем

окружении или экс-окружении, есть два человека, смыслящих в самых стихах, а не в поэтических чувствах вокруг — Чиннов и Гингер⁸. Кстати, сижу над Лидиной рукописью⁹, с целью сокращения, и с грустью убеждаюсь: именно, как стихи, это вяло и слабо (не всегда, конечно, — но много дряни). А чувства «пронзительные», но этого мало. До свидания. Я все-таки завидую Вам, что Вы на юге. Здесь — глубокая осень. С Ниной Бор — как в бурном море: то проклятья и ненависть, то любовь — до гроба. Как Ваше здоровье? И Жоржа? La main¹⁰ (это не Пира, а Маллармэ).

Ваш Г.А.

¹ Евгений Францевич *Роговский* (1888-?) — до революции присяжный поверенный, член партии эсеров, в 1917 — петроградский градоначальник, осенью 1918 — товарищ председателя Уфимского Государственного совещания. В сороковых годах был директором Русского дома для престарелых в Жуан-ле-Пэн на юге Франции.

² В Montmorancy (5, av.Charle de Gaulle) Ивановы прожили три года (с 1951 по 1953).

³ Несмотря ни на что (*фр.*).

⁴ 26 сентября 1956 Адамович писал Алданову: «Я видел Вырубова и говорил с ним опять о их переводе в Париж, Он что-то предпринимает, но, по его словам, Долгополов заявил, что в тот день, как Иванов будет в одном из здешних домов, он подаст в отставку» (Coll. Aldanov. Bakhmeteff Archives, Columbia University, New York).

⁵ Перикл Ставрович *Ставров* (1895-1955) — эмигрантский поэт и переводчик. Адамович несколько раз весьма благожелательно писал о его стихах. См. его статью, написанную на смерть двух поэтов: «Довид Кнут и П.Ставров» (Новое русское слово. 1955. 29 мая).

⁶ В 40-м номере «Нового журнала» были опубликованы стихотворения Одоевцевой «За верность, за безумье тост!..» и «Началось. И теперь опять...»

⁷ Игорь Владимирович *Чиннов* (1907-1996) — русский поэт, до Второй мировой войны живший в Латвии, в 1945-1953 — в Париже, а во время написания письма работавший в литературной редакции радио «Освобождение» в Мюнхене. В первом периоде своего творчества (до середины шестидесятых) следовал канонам «парижской ноты». Адамович рецензировал все его книги и неизменно высоко о них отзывался.

⁸ Александр Самсонович *Гингер* (1897-1965) — поэт и прозаик. Письма Адамовича к Гингеру и его жене Анне Семеновне Присмановой (1892-1960) опубликованы В.Крейдом (Новый журнал. 1994. №94. С.257-319).

⁹ Имеется в виду книга стихов Лидии Давыдовны Червинской (1907-1988) «Двенадцать месяцев» (Париж: Рифма, 1956).

¹⁰ Рука (*фр.*).

Manchester

11/VI-55

А в Париже:

7, rue Frederic Bastiat, Paris 8

(приблизительно до 10-го июля)

Дорогая Madame

Наша переписка заглохла, не знаю, по чьей вине. Вероятно, по моей.

На днях я уезжаю в Париж. Как Ваши дела с переездом в другой дом? Я как-то — довольно уже давно — получил письмо от Вырубова, который сообщил мне, что главное препятствие то, что Вы уже где-то устроились, а другие ждут годами. На это я ему ответил, что, вероятно, есть желающие переехать с севера на юг. Не написал Вам сразу об этом потому, что ничего нового в этом не было, т.е. ничего важного. Вырубов писал, что «надеется»... А с тех пор ничего не знаю.

Если что надо, напишите мне в Париж. Я пробуду там около месяца, до Ниццы, куда рвется моя душа. И вообще напишите. Как Ваше здоровье, все вообще, и Жорж? Я, конечно, предчувствовал, что наша поэтическая переписка далеко не пойдет. Или м.б. он не здоров?

Ваши стихи в «Н[овом] ж[урнале]» я, наконец, прочел. Очень хорошо, и очень «Вы», два Ваших облика в двух совершенно разных стихотворениях. Иваску¹ больше нравится первое, а я, со склонностью к лиризму, предпочитаю второе. Но что вокруг, если исключить Чиннова, который хоть с изысками²! Только что есть поэзия? Я пишу сейчас книгу о балете³ — и все думаю: что есть балет? А за этим другой вопрос — стихи? Кстати, если Вам и Жоржу попадутся «Опыты» — кажется, Вам их послали, — прочтите мою статейку о поэзии⁴. Это немногое, что я писал всерьез, хотя Вы, вероятно, ни с чем не согласитесь. Вот не согласились же насчет цитаты из «Онегина» («бесчувственной руки» — или наоборот). Я уверен, что не вслушались или решили перечить из принципа.

Ну, до свидания. А то вдруг Вы скажете: «а я шла, думала... а Вы вот что... а я надеялась...» — как когда-то было в Петербурге, вроде семги⁵. До свидания, chère Madame et amie. Вы, вероятно, знаете, что Ниту сбил с ног какой-то обворожительный велосипедист. Кланяйтесь Жоржу. У меня все в голове мысли, как надо жить. Мы всё (все) жили не так. Надо жить, как Кантор⁶ или Алданов.

Ваш Г.А.

¹ Юрий Павлович *Иваск* (1907-1986) — поэт, критик, литературовед, большой поклонник Адамовича и главный пропагандист «парижской ноты» в послевоенной Америке. В архиве Иваска (Amherst) сохранилось без малого двести писем Адамовича, до сих пор не опубликованных.

² В 40 номере «Нового журнала» было опубликовано стихотворение Чиннова «Что-то вроде России...».

³ Книгу о балете (которым увлекался с раннего детства и даже посещал балетную школу в Москве) Адамович так и не написал, но опубликовал несколько статей и заметок на эти темы в 1960-1970-е гг. (подборка готовится к печати в журнале «Дружба народов»).

⁴ Статья Адамовича «Поэзия в эмиграции» (Опыты. 1955. №4. С.35-51).

⁵ Об этом эпизоде их совместной жизни в Петрограде в квартире тетки Адамовича Веры Белэй (Почтамтская, 20, кв.7) подробно рассказывает Одоевцева в своих воспоминаниях «На берегах Сены» (Указ. изд. С.120-121).

⁶ Михаил Львович *Кантор* (1889-1970) — литературный критик, редактор парижского «Звена», в котором Адамович работал в 1923-1928. Позже Адамович вместе с Кантором редактировал журнал «Встречи» (1934) и составлял антологию «Якорь» (1936). Их переписка тридцатых годов опубликована Глебом Струве (Новый журнал. 1972. №107. С.222-254; 1973. №110. С.217-239). Письма Адамовича Кантору двадцатых годов, хранящиеся в архиве Кантора (Hoover Institution Archives, Stanford University, USA), подготовлены к печати в приложении к тому «Литературных бесед» Адамовича.

7

4, av. Emilia
chez Mme Lesell
(a ne Lezzel)
Nice
3/VIII-55

Дорогая Madame

Верьте или не верьте, сел за стол, взялся за перо, чтобы писать Вам — и в *эту минуту* мне принесли Ваше письмо! А не писал я Вам «так» (что всегда злило Зинаиду¹), без причин, но «храня Вас на струнах сердца». Жарко, суетно — и вообще я думаю: чего, собственно, я сюда приехал? Любовных развлечений мало (даже совсем нет), а беседовать с Марком Ал[ександрови]чем о преимуществах Толстого перед Достоевским² не так уж увлекательно. Il est plus triste que jamais³, разорившись на своей операции.

Что это Вы, Мадам, пишете мне о своем удивлении по поводу моего стишка⁴ в «Лит[ературном] соврем[еннике]»? Этому стишку

почти столько же лет, сколько мне, и стоит ли о нем говорить! Я его послал, чтобы отделаться, а впрочем — жалею. Насчет Андреева⁵ Вы правы: идиот, и развязный. Но тоже не стоит говорить. А в сущности, о чем говорить? Чем больше живешь, тем яснее все уходит сквозь пальцы, и если идиоты думают, что это «снобизм», то на то они и идиоты.

Ну, поговорим о Вольской⁶. Она ни с того, ни с сего встретила меня здесь «мордой об стол» — а потом расвирепела, что я не бегал узнавать, где она, здорова ли et ainsi de suite⁷. Потом стала уверять, что я ее вижу — но не кланяюсь: ложь сушая! Одним словом, встретились мы только накануне ее отъезда, и я ей объяснил, что даже сердиться на нее не могу, ибо надо бы ей обратиться к психиатру. Действительно, она не в себе, и становится нормальной только говоря об «Аризоне»⁸, написанной сверх-художественно, и которую я должен, наконец, куда-нибудь устроить.

А что еще? Ничего, кроме того, что Вам давно известно и мне тоже. Как вы живете в Нуегес? Если в конце месяца будут капиталы и не будет очень жарко, я очень бы хотел к Вам приехать на *après-midi*⁹. Надеюсь, что удастся. Когда я уезжал из Парижа, Кодрянская¹⁰ хотела мне дать 5000 фр[анков], чтобы передать Вам анонимно, но оказалось, что у нее их нет, а просить у мужа она не хотела. Сказала, что даст, когда я вернусь. Она — очень милый человек, и очень добрая, но с заскоками и капризами.

До свидания, *chère Madame et amie*. И Жорж тоже, с коим мы так и не поговорили. А было бы о чем! Но я все больше чувствую, что разговоры не ведут ни к чему, а потому лучше молчать и считать, что все сказано и пересказано. В Петербурге когда-то Фалаковский *faisait l'amour*¹¹ с рыбами, потому что «они молчат». Как видите, я на старости преисполняюсь еkkлезиастической мудрости, а Вы, наоборот, полны жизни и огня на все, п[отому] что, вероятно, я своим безразличием Вас раздражаю.

Ну, простите, если не так сидел и не так говорил (это цитата из одного нашего ниццкого гостя, еще на вилле¹²).

Напишите.

Ваш Г. А.

Вот что усладило мою жизнь: в начале июля приехал ко мне из Брюсселя Jean Pegin, толстый, как голландская бочка с пивом, но такой же, как всегда, в обращении. Я его очень люблю. Была с ним и новая его «подруга жизни», ничего, но с претензиями, которая мне теперь пишет длинные неврастенические письма, считая, что мы с ней друг друга понимаем, а Jean — так, *un être inferieur*¹³.

¹ В письме Адамовичу от 4 сентября 1928 З. Гиппиус писала: «некоторых слов я не люблю. Например: "отчего ж?" или "что ж делать!"». И между ними особенно не люблю: "так" (в вашем смысле, в смысле "да так...")» (Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus. München: Wilhelm Fink Verlag, 1972. P.382).

² В воспоминаниях «Мои встречи с Алдановым» Адамович писал, что во время приездов в Ниццу они «встречались раза два или три в неделю в маленьком кафе на площади Моцарта /.../ литературные наши разговоры почти всегда кончались Толстым и Достоевским» (Новый журнал. 1960. №60. С.112-113).

³ Он грустный, как никогда (*фр.*).

⁴ В альманахе «Литературный современник» (Мюнхен, 1954) было впервые опубликовано раннее стихотворение Адамовича «Как легкие барашки — облака...»

⁵ Вероятно, Геннадий *Андреев* (наст. имя: Геннадий Андреевич Хомяков) — прозаик «второй волны» эмиграции, печатавшийся, в частности, в «Литературном современнике». Его статья «Без победы и наград: заметки на полях» (Опыты. 1956. №7. С.58-64) была посвящена книге Адамовича «Одиночество и свобода».

⁶ Нина Аркадьевна *Вольская* — прозаик, автор рассказов, печатавшихся в «Иллюстрированной России» и «Возрождении».

⁷ И так далее (*фр.*).

⁸ «*Аризона*» Вольской была вскоре опубликована в «Русской мысли».

⁹ Несколько часов после полудня (*фр.*).

¹⁰ Наталия Владимировна *Кодрянская* (1901-1983) — прозаик, мемуарист, автор воспоминаний о Ремизове и нескольких книг сказок, о которых Адамович отозвался весьма благожелательно. См. его рецензии на книги «Сказки» (Новое русское слово. 1950. №14072. С.8), «Глобусный человечек» (Новое русское слово. 1955. 6 ноября. №15471. С.8), «Алексей Ремизов» (Новое русское слово. 1960. 20 мая), «Золотой дар» (Новое русское слово. 1965. 17 января).

¹¹ Занимался любовью (*фр.*).

¹² До середины тридцатых годов мать и сестра Адамовича постоянно, а сам он во время летних наездов в Ниццу, жили на вилле тетки Адамовича Веры Белэй, вдовы англичанина-миллионера. О своем первом посещении этой виллы Одоевцева писала в мемуарах «На берегах Сены» (Указ. изд. С.129).

¹³ Куда хуже (*фр.*).

Дорогие Madame и Жорж

Вот, пишу из Парижа, куда прибыл на днях. До чего грустна наша быстротекущая жизнь: опять зима, скука и никаких развлечений, и надолго. Впрочем, тут жара, на зиму еще не похоже.

Получил письмо Жоржа. Книгу пришлю¹, но должен ее купить, а сейчас сижу с 300 фр[анками] в кармане. Я приехал в твердой надежде на того типа, который мне дает под фунты авансом, а он оказался еще на vacances², и где — неизвестно. Я был так в нем уверен, что проходя мимо Samaritaine купил descente de lit³ для украшения моего апартаментов в дополнение к барометру и шкафику, поразившим Жоржино сердце. А оказалось, что типа нет, а на descente истрачено все, что было, впрочем, очень мало, но все-таки — все. «La vie est tissée de pièges»⁴, как правильно говорит Фруэтша.

Наставление, что в книге отметить и особенно оценить, пришлю тоже, хотя и без энтузиазма, тем более, что не знаю ничего и сам. Пишите, что хотите⁵, в тесном супружеском сотрудничестве. Я перечитываю книгу, как Толстой «Хоз[яина] и работника» и /.../⁶ рассказывать, как я собой доволен. Не доволен, нет, а, многое забыв, перечитываю с чувством, что не так плохо, как бывает.

А descente я приобрел отчасти потому, что на Рождество должен приехать ко мне один неземной красоты jeunpe homme⁷ из Ниццы. Надо, значит, чтобы все было, как у людей. Не знаю, придет ли, но обещал, хотя это мне и будет стоить, как господину Мандельштаму, не по средствам⁸. Надо будет свести и туда, и сюда, понимаете.

Ах, дорогие дети, пишу я всякую чепуху, не взывайте уж. Сам не знаю, о чем писать, нечего сказать и все надо сказать. Вот, вчера ночью, бродя по улицам, сочинял стихи «подражание Полонскому и Фругу», насчет того, что все умрет и все умрут:

...Старая истина, нету старей,
Только не в силах я свыкнуться с ней⁹.

Кстати, тут же встретил Раевского¹⁰, толстого, как бочка. Если пришлете свидетельство, то с удовольствием поеду к Долгополову с протестом и ходатайством. Удовольствие, конечно, для красного словца, но поеду. Я здесь до 3—4 октября.

Ну, вот и все. Целую и шлю всякие чувства. Очень мило было в Нуегес. А дом Ваш, как рай, и напрасно Вы рветесь в ночь и в неизвестность. Пишите.

¹ Только что вышедшую книгу Адамовича «Одиночество и свобода» (Нью-Йорк: Изд. имени Чехова, 1955).

² Каникулах (*фр.*).

³ Коврик у кровати (*фр.*).

⁴ «Жизнь соткана из подвохов» (*фр.*).

⁵ Речь идет о рецензии Г.Иванова на книгу Адамовича «Одиночество и свобода» (Новый журнал. 1955. №43. С.296-297).

⁶ Утрачено несколько строк текста.

⁷ Молодой человек (*фр.*).

⁸ Из очерка Георгия Иванова «Китайские тени»: «С флюсом, обиженный, некормленный, Мандельштам выходил из дому /.../ шел к ларьку, где старушка-еврейка торговала спичками, папиросами, булками, молоком... Эта старушка, единственное существо во всем Коктебеле, относилась к нему по-человечески (может быть, он напоминал ей собственного внука, какого-нибудь Янкеля или Осипа), по доброте сердечной оказывала Мандельштаму "кредит": разрешала брать каждое утро булочку и стакан молока "на книжку" /.../ Если же он, потеряв чувствительность, рассеянно тянулся к чему-нибудь более ценному — коробке печенья или плитке шоколада, — добрая старушка, вежливо отстранив его руку, говорила грустно, но твердо: "Извиняюсь, господин Мандельштам, это вам не по средствам"" (Последние новости. 1930. 22 февраля). Очерк этот возмутил М.Цветаеву и заставил ее написать опровержение под названием «История одного посвящения» (опубликовано посмертно: Oxford Slavonic Papers. 1964. XI.), в котором она протестовала против почти каждой строчки Иванова, в том числе и цитируемого пассажира.

⁹ Строчки из неопубликованного стихотворения Адамовича.

¹⁰ Георгий Раевский (наст. имя: Георгий Авдеевич Оцуп; 1897-1963) — эмигрантский поэт, до войны входивший в группу В.Ходасевича «Перекресток», младший брат Николая Оцупа. Рецензируя его стихи, Адамович писал, что Раевский «лишь добросовестно копирует чужой стиль» (Современные записки. 1929. №38. С.524).

Дорогой Жорж, или Жоржинька,

уж не знаю, как Вас называть после того, как помирились мы «нежно и навсегда», согласно Ром[ану] Гулю. Кстати, откуда он взял эту идиотскую формулу? Еще мне очень понравилось, что он должен меня «поддержать»¹.

Ну, сначала о деле — т.е. о книге, с таким же названием, как у Madame. Надо сделать так.

Найдите делового человека или даже адвоката (у меня сначала была адвокатесса, с которой я был знаком у Рабиновичей², а потом все сделал Кантор, — но, конечно, он слишком мягок и взял мало. Адвокатесса пришла в ужас, когда узнала. Но она теперь в Тель-Авиве, навсегда). Пусть Ваш homme d'affaires³ напишет Изд[ательст]ву письмо: мы удивлены, негодуем и требуем немедленного изменения названия. Изд[ательст]во, конечно, будет отвиливать. Надо дать понять, что иначе будет суд. Только до суда не доводите: есть риск, т.к. судья может признать, что название не столь оригинальное, чтобы быть чьей-либо собственностью. Но риск есть и для Изд[ательст]ва: поэтому, нормально он должно предложить *dommage-intérêts*⁴. Мало-помалу на этом и надо сговориться. Изменение заглавия должно стоить Изд[ательст]ву дорого, если оно есть в тексте, наверху каждой страницы: тогда можно взять с них больше. Если заголовок только на обложке, дело для Вас хуже. Но во всяком случае, меньше, чем на 100 000 не соглашайтесь. (А главное, ничего *не просите сами*, а только возмущайтесь и дайте понять, что в решении суда Вы уверены. *Ce qui n'est pas le cas, — entre nous*⁵). Желаю успеха. Но длилось это у меня около полгода.

Теперь о твоей статейке обо мне. Во-первых — пиши, что хочешь и как желаешь. Во-вторых, — если непременно жаждешь моей помощи, то пришли черновик, проект, а я на нем сделаю всякие свои добавления и указания в поучение критику. Кстати, можешь написать, что это, конечно, не лучшее, что я мог бы сотворить, что «Коммент[арии]» были бы лучше, даже статья о поэзии в «Оп[ытах]» лучше, т.е. не такая газетная жвачка. Но, конечно, и это сочинение — тоже бессмертный шедевр. Сейчас получил письмо Цвибака⁶, с его статьей в «Н[овом] р[усском] с[лове]»⁷. Большие восторги, но, по его мнению, в Поплавском⁸ ровно ничего не было и все раздуть. Затем что-то наврал о Зинаиде (или не все мое привел, так что вышло для нее обидно). Но это понятно: он когда-то у них был для интервью, а потом она написала статью «Наше убожество»⁹, даже с описанием его наружности. В «Русской мысли», по сведениям их главной сотрудницы Вольской, будет обо мне писать Глеб Струве¹⁰, и будто бы очень хорошо. Сомневаюсь, но все бывает. А ты пиши, где хочешь — да «взгляд и нечто» можно и после обыкновенной рецензии, хотя бы в «Опытах».

Вольская все мне доказывала, что «Аризона» достойна только «Опытов», и что я должен ее рекомендовать Иваску. Теперь она,

наконец, пристроила ее в «Р[усскую] м[ысль]». А то ведь сами понимаете — Иваск и «Аризона»! Она, кстати, пишет мне письма, что я «ушел из ее жизни» и все в этом роде. Кроме того, что я «перехожу из постели в постель», на что я ей написал, чтоб хотя бы ради изящного стиля забыла слово «постель». Но все это — *entre nous*, пожалуйста, а то и так возни у меня с ней не оберешься, не знаю, в сущности, чего ради.

Ну, письмецо вышло длинное. Насчет переписки о поэзии, повелитель мира, ты неправ. Надо было бы это сделать. А если ты не согласен, что я больше писал «о ямбах», то и лучше: было бы меньше согласия и совпадений. Ямбы, голубчик, очень важны, хотя и не все в них дело. Как все у Вас? Почему Madame умолкла и даже не сделал приписки? Или прокурор помешал? Адреса Кодрянской я в Нью-Йорке не знаю, но можно написать через Варшавского¹¹. До свидания. Да, забыл: вчера один студент, уверяющий, что «Воскресение» — очень скучная книга, говорит мне: «Вот я вчера всю ночь читал роман и... прямо замечательный!» — «Какой?» — «А как-то странно называется... "Оставь надежду..."¹² И даже имени автора не знаю!»

Ваш Г.А.

¹ Р.Гуль в письмах Иванову одобрял примирение с Адамовичем и просил с ним поговорить о сотрудничестве в «Новом журнале». См: Переписка через океан Георгия Иванова и Романа Гуля // Новый журнал. 1980. №140. С.200.

² Яков Борисович *Рабинович* (1899-?) — студент Петербургского Политехнического института (1915-1917), друг Каннегисера, завсегда с собой «Бродячей собаки», после революции — эмигрант, член масонской ложи «Юпитер», во время Второй мировой войны руководитель еврейского Сопротивления в Париже, после войны — в Израиле. Недавно И.Ф.Мартынов нашел автограф Я.Б.Рабиновича на книге «Леонид Каннегисер» (Париж, 1928): «Вспоминаем с Адамовичем. Какая насыщенная и бурная юность. [Говорили обо всем:] от Джона Рескина, Патера, Кузмина, верховой езды, Теодицеи, Шницлера, стихов [до] сладостной смерти — подвига — обо всем, обо всем, только не об Израиле, [не о] сионизме» (Мартынов И.Ф. Последний народоволец: Новый штрих к портрету Л.А.Каннегисера (1898-1918) // Вестник РСХД. 1990. №159. С.207).

³ Поверенный в делах (*фр.*).

⁴ Компенсацию (*фр.*).

⁵ Между нами, это вовсе не так (*фр.*).

⁶ Яков Моисеевич *Цвибак* (псевд.: Андрей Седых; 1902-1994) — журналист, критик, мемуарист, сотрудник «Последних новостей», а после войны — «Нового русского слова» (позднее главный редактор, с 1973).

⁷ Статья А.Седых о книге «Одиночество и свобода» называлась «Итоги Г.В.Адамовича» (Новое русское слово. 1955. 2 октября). Цитата о Гиппиус, «общероссийской литературной классной даме», действительно выдернута из контекста. Адамович писал об этом, как об одной из масок Гиппиус, и предложение начинал со слов: «Гиппиус бывала обаятельна, когда забывала о своей роли...».

⁸ *Поплавский* Борис Юлианович (1903-1935) — поэт и прозаик, в эмиграции с 1919.

⁹ Интервью А.Седых назывались «У Д.С.Мережковского» (Звено. 1925. 16 марта. №111. С.3) и «У З.Н.Гиппиус» (Звено. 1925. 30 марта. №113. С.3). Статьи под названием «Наше убожество» в библиографии Гиппиус нет (Bibliographie des œuvres de Zenaïde Hippus / Établie par Any Barda. Paris: Institut d'Études Slaves, 1975). В своих мемуарах А.Седых писал: «с Мережковскими встретился я лично только один раз. Встреча была неприятная и оставила на всю жизнь отвратительный осадок» (Седых А. Далекие, близкие. М., 1995. С.229).

¹⁰ 25 апреля 1958 Г.Струве писал В.Маркову: «в первоначальном виде моя статья была отклонена "Русской мыслью", что повело к тому, что я перестал там сотрудничать и что заказанная мне рецензия на Адамовича была заменена рецензией самого Терапиано» (Собрание Жоржа Шерона, Лос-Анджелес). Рецензия Ю.Терапиано на книгу Адамовича «Одиночество и свобода» была опубликована в «Русской мысли» 19 мая 1956.

¹¹ Владимир Сергеевич *Варшавский* (1906-1977) — прозаик «незамеченного поколения».

¹² Роман И.Одоевцевой «Оставь надежду навсегда» (Нью-Йорк: Изд. имени Чехова, 1954). Издания на французском языке: «Laisse toute espérance» (Paris, 1948), английском — «All Hope Abandon» (New York, 1949) и испанском — «Abandona toda esperanza» (Barcelona, 1949) появились раньше русского издания.

10

104, Ladybarn Road
Manchester 14
6/XII-55

Дорогая Madame

Получил сегодня Ваше письмо и, видите, отвечаю сразу. Так что провалы в переписке из двух углов — не по моей вине. Спасибо, что, наконец, написали.

Отвечаю по порядку.

1) «Моц[арт] и Сальери». До меня дошли слухи, что это Яковлевский¹. Но неужели и Нина² приложила ручку? «И в подлости оттенок благородства» все-таки нужен бы! Меня удивило, что она мне эту статью³ прислала. Предлог был такой: что делать, как

отвечать?! Я ее успокоил: ничего не надо, и мне действительно все равно. Не такое я еще читал. Все-таки я сомневаюсь, чтобы вероломство моей невесты могло дойти до этого — хотя были примеры (с Юрой), да и когда-то в «Русской мысли», еще до того, что ее там печатали, она будто бы со сторожем обо мне говорила Бог знает что (что немедленно до меня дошло). Ну, не знаю. Я, хотя и Сальери, вспоминаю свои стишки о графе Палене⁴ в таких случаях, но Вы их не помните, наверно. А что я — Сальери, это, кстати, совершенно верно. Но все-таки лучше Евангулова⁵.

2) Статья Гуля⁶. Я ее просмотрел, а журнал у меня со стола кто-то стащил (студенты) и не могу его найти. Видел, что очень лестно, но мнения «по существу» не имею. Но вообще я не поклонник Вашего друга Гуля, и «сомневаюсь, чтоб». Да и Вы сами все знаете. Кстати, я сейчас с ним в переписке и не налюбуюсь его стилем, в смысле панибратства. А стишки Жоржа⁷ прочел, и многое мог бы о них выразить, помимо само собой разумеющихся комплиментов и восторгов. Кстати, перебирая еще в Париже старые «Посл[едние] нов[ости]», нашел 8 или 10 своих статей о Ж[орже]⁸, вопреки Яконовскому. Когда-то Лозинский⁹ (помню это хорошо, на каком-то Цехе или вроде, после смерти Гум[илева]) сказал, что нет на свете людей и литераторов более различных, чем Ив[анов] и Ад[амович] — при кажущейся близости¹⁰. Что совершенно верно.

3) Вижу, что «третьего» — ничего нет. Значит, оно и есть самое главное. «За жизнь», как говорил Рабинович. За жизнь особенно сказать нечего, кроме того, что дней через 12 надеюсь быть в Париже и крутиться в вихре света, главным образом, монмартрского. Бес в ребре у меня по-прежнему. Здесь такие невероятные туманы, что я совсем скис: на днях заблудился в десяти шагах от дому и блуждал два часа, как в «Хозяине и раб[отнике]», коего Вы, верно, не читали. (Прочтите: *sa vaut la reine!*¹¹). Очень жаль, что Вы не будете в Париже, правда. Поговорили бы о поэзии и о смысле жизни.

До свидания — верно, летом, у розового моря, е.б.ж.¹² Да, почему же в конце концов Жоржино сочинение об «Од[иночестве] и св[ободe]» будет в «Н[овом] журн[але]»? Он мне писал, что нет. *Von loisirs!*¹³. Не забывайте старого друга.

Ваш Г.А.

Ninon пишет сегодня: «Як[оновский] оказался подлецом и пошляком». Неужели это с ее стороны хитрость, на всякий случай? Зачем?

¹ Евгений Михайлович *Яконовский* (1903-?) — прозаик, журналист, после Второй мировой войны — сотрудник газеты «Русское воскресенье».

² Н.А.Вольская.

³ Имеется в виду статья Е.М.Яконовского в «Русском воскресении», где он называл Георгия Иванова и Адамовича — Моцартом и Сальери, и этим объяснял тот факт, что у Адамовича-критика нет статей о творчестве Иванова.

⁴ Стихотворение «Граф фон дер Пален! Руки на плечах...» (впервые: Числа. 1930. №1. С.11).

⁵ Георгий Сергеевич *Евангулов* (189?-1967) — поэт и прозаик, автор пяти сборников стихов, изданных в Тифлисе, Владикавказе, а с 1921 в Париже.

⁶ Статья Романа Гуля «Георгий Иванов» (Новый журнал. 1955. №42. С.110-126).

⁷ В том же номере была опубликована большая подборка стихов Г.Иванова под общим названием «Дневник. 1955» (Новый журнал. 1955. №42. С.99-103).

⁸ Строго говоря, к статьям Адамовича об Иванове в «Последних новостях» можно отнести только рецензию на сборник «Отплытие на остров Цитеру» (Последние новости. 1937. 27 мая. №5906. С.2), но в рецензиях на отдельные номера «Современных записок» и «Чисел» Адамович и впрямь немало писал об Иванове (Последние новости. 1929. 11 июля; 1930. 15 мая, 27 ноября; 1931. 22 октября; 1932. 27 октября; 1933. 19 января; 1936. 10 декабря).

⁹ Михаил Леонидович *Лозинский* (1886-1955) — поэт, переводчик, близкий друг Гумилева, участник 1-го, 2-го и 3-го Цеха поэтов, редактор «Гиперборея» (1912-1913) и издатель поэтических сборников при журнале, секретарь «Аполлона» (в 1913-1917). После революции — сотрудник «Всемирной литературы», руководитель семинария по стихотворному переводу при Литературной студии Дома искусств (1919-1923).

¹⁰ Ср. воспоминания Н.Чуковского о Гумилеве: «начал он с Георгия Иванова и Георгия Адамовича, о которых отзывался всегда как о крупнейших, замечательнейших поэтах. По его словам, они олицетворяли внутри "Цеха" как бы две разные стихии — Георгий Иванов стихию романтическую, Георгий Адамович — стихию классическую» (Чуковский Н. Литературные воспоминания. М., 1989. С.35).

¹¹ Стоит того (*фр.*).

¹² Сокр.: если буду жив, — часто употреблялось Л.Толстым.

¹³ Приятного досуга (*фр.*).

7, rue Frederic Bastiat
Paris 8
18/XII-55

Chère Madamotchka

Завтра — т.к. сегодня Воскресение — пошлю Вам Вашу английскую книгу, заказным. Поиски в Манчестере оказались тщетными. Но у меня было несколько часов в Лондоне, проездом в Париж, и я разыскал это издательство. Сначала они мне заявили, что книги у них нет, но когда я сказал, что это — для автора, засуетились и принялись искать. Самое смешное, что они решили, что я — это и есть автор, а потом, когда уже книга нашлась, секретарша мне недоверчиво сказала: «Irina, кажется, ведь женское имя?»

Ну, очень рад, что мог исполнить Ваше поручение. Надеюсь, что если Вы заработаете на этом миллионы, то угостите меня ужином с прочими удовольствиями на Ваш счет.

Приехал я сюда вчера, еще никого не видел. Но нашел письмо от Гингера с приглашением к ним в среду, где Оцуп у них собирается делать доклад о поэзии! По-моему, он чувствует, что впал в ничтожество, и хочет опять доминировать, не так, так иначе.

До свидания. Bon loisirs. Да, если случайно соберетесь писать Вольской, не пишите, что я в Париже! Для нее я приеду попозже.
Ваш Г.А.

7, rue Frederic Bastiat
Paris 8
6/1-56
Сочельник!

Chère Madamotchka

Получил вчера Ваше письмо и отвечаю по горячим следам. Сначала я был в недоумении. Вы пишете о «пенсии» Жоржу на год, и притом «5-10 тысяч не помогут». Ну где, дорогая душка, я могу такую пенсию выхлопотать? У кого? Tout le monde a ete debrouille¹, как сказал кто-то в ответ на «debrouille toi!»². Но вчера же я днем был у Эльканши³, и там был Померанцев⁴. Так как это Ваш друг, то я ним и заговорил о Вас. Он говорит, что Вы (или Жорж) писали ему о Леонидове⁵, т.е. нельзя ли, чтобы он устроил gala. Померанцев, по-видимому, стесняется с ним говорить, находясь у него в подчиненном положении. А я Леонидова хорошо знаю и, насколько могу судить, он ко мне относится почтительно

(Померанцев это подтверждает). Вот мы и условились, что поговорю с Леонид[овым] я. Конечно, он мог бы устроить вечер с ведеттами⁶ при его связях, но захочет ли — не знаю. Пом[еранцев] говорит, что он Жоржин поэтический поклонник, и вообще он к литературе рвется. Так что, может быть, и удастся, не знаю. Во всяком случае, это мысль возможная, а «пенсия», по-моему, нет, т.е. я не вижу, где и как ее получить. Кстати, Цвибак мне ответил насчет Лит[ературного] Фонда: «Фонд помогает Иванову регулярно». Что это значит, как помогает? Я об этом не знал. Но они, вообще-то, присылают гроши... кроме экстренных случаев, вроде операции и т.д.

Ну, вот — это дела. Что с Жоржем? Просто «депрессия» или болезнь? Надеюсь, хоть Вы цветете, как роза. Вы спрашиваете о моем парижском времяпрепровождении. Ничего, в общем приятно. Приехал ко мне обожаемый красавец на пять дней, и я пребывал в блаженстве и счастье. Он правда очень мил, Вы бы оценили всячески, но о прыгать не может быть речи, и даже намек не было, даже в разговорах, ибо он бы сказал отцу и был бы скандал страшный. Мог бы сказать, во всяком случае. Ninon сегодня опять прислала вопль: одолжите 5 тысяч! Не нравится мне то, что она пишет: «вспомните, Креол...», т.е. что она мне когда-то «с радостью помогала». Положим, без радости, а с трудом, и что-то очень мало. Но само по себе это почти хамство напоминать (как Буров⁷ в письмах ко мне, требуя статьи о «Буреломе»⁸ — еще на днях). Я сегодня с Ninon увижусь и, скрепя сердце, дам ей 1000 фр[анков], хотя у меня дела совсем плохи, особенно после визита моего «существа из Эдема». А 1000 фр[анков] другую дала Фруэтша, при которой я раскрыл письмо и прочел. Так что вручу ей 2000 фр[анков] с соответствующим назиданием. О любви больше ни слова, вроде как в истории с «oh, mon dieu!», перешедшим в «ой, вэй, мир!» (я Вам рассказывал когда-то). Да, о Маковском⁹ не беспокойтесь. Я ему только сказал, что Вы другого, чем он, мнения о Блоке, без всякого «фе» и ничего обидного тут нет. Кроме того, его ругают все, даже письма в редакцию были. А читали Вы рассказ Дианы Карэн¹⁰? Я не читал еще, но знаю, что это неземной шедевр. Оцуп, кажется, пускается в литературное наступление, желая завладеть былым диктаторским положением, как властитель дум.

Да свидания, дорогой друг и товарищ. Над чем изволите работать? Я читал в Лондоне лекцию о смысле русской литературы, всех восхитившую, и хочу изложить это на бумаге, а то помрешь и ничего не останется. Но если бы я изложил, то негде печатать, п[отому] что надо бы страниц сто. Bon loisirs Вам и Жоржу. Я че-

рез неделю (ровно) еду в чудный Манчестер, т[ак] что если будете писать, рассчитайте время.

Ваш Г.А.

¹ Весь мир крутится (*фр.*).

² Выкручивайся! (*фр.*).

³ Анна Морисовна Элькан.

⁴ Кирилл Дмитриевич *Померанцев* (1907-1991) — поэт, журналист, мемуарист, оставил воспоминания о Г.Иванове и Адамовиче в книге «Сквозь смерть». (Лондон, 1986).

⁵ Леонид *Леонидов* — импресарио, автор книги «Рампа и жизнь: воспоминания и встречи» (Париж: Русское театральное издательство за границей, 1955).

⁶ От французского: *vedette* — знаменитость.

⁷ Александр Павлович *Буров* (наст. фам.: Бурд-Восходов; 1871-1967) — состоятельный эмигрант-беллетрист, занимавшийся меценатством. Взаимоотношения его с Адамовичем, Оцупом и «Числами» легли в основу рассказа В.Набокова «Уста к устам». Подробный разбор их см. в книге С.Давыдова «"Тексты-матрешки" Владимира Набокова» (München: Verlag Otto Sagner, 1982. С.10-51). Перу Адамовича принадлежат две коротенькие рецензии на книги Бурова «Была земля» (Числа. 1933. №7-8. С.272. Подп.: Г.А.) и «Земля в алмазах» (Числа. 1934. №10. С.282-283), а также упоминание о Бурове в рецензии на 7/8 номер «Чисел» (Последние новости. 1933. 19 января) со столь преувеличенными похвалами, что они выглядели откровенным издевательством. Методика, которой руководствовались Г.Иванов, Оцуп и Адамович, лучше всего изложена в недатированном письме Иванова Софии Ивановне Аничковой-Таубе:

Дорогая София Ивановна.

Вот конспект письма, который советую Вам использовать, пиша Бурову. Я думаю, результат будет быстрый и приятный. Маслом кашу не портить, не жалейте похвал по его адресу: от Бунина до меня все мы делали это печатно, не то что в письме. Не забудьте перечислить все свои литературные заслуги /.../

А.Р.Буров, 839

115, Olimpia

Amsterdam, Hollande

Глуб[окоуважаемый] Александр Павлович, уже давно, больше года тому назад, мои старинные друзья — И.Одоевцева и Георгий Иванов — дали мне прочесть Вашу прекрасную книгу «Русь Бессмертная». Я прочла ее с большим волнением. Не знаю другого писателя, который бы так проникно-

венно писал бы о русской Голгофе, русской доле, русской гордости — смирении. Скажу прямо — никто из современной литературы так искренно и так правдиво не писал об эмиграции и о России.

Г.Иванов, дав мне книгу, рассказал много о Вас как о человеке, о Вашей отзывчивости, Вашей чуткости, нежности Вашей души и доброте.

Теперь, находясь в очень трудных обстоятельствах, я вспомнила все это. Вспомнила и Бурова-писателя, и Бурова-человека. (Я такая-то — редактор таких-то изданий, автор — таких-то книг, — пьеса моя такая-то шла тогда-то в Малом театре). Я больна, у меня нет средств. Если можете, помогите мне (нужны лекарства, усиленное питание — ничего этого нет). Независимо от этой просьбы — благодарю Вас за наслаждение и духовную помощь, которую мне дала Ваша прекрасная книга.

(Coll. Anichkova-Taube. Bakhmeteff Archives, Columbia University, New York).

Адамович тому же учил Червинскую в письме от 13 июля 1953: «Пожалуйста, если бы Вас куда-нибудь пригласил Буров (я ему о Вас написал), будьте привлекательны и печальны "vois belle et vois triste", и что-нибудь скажите ему о нем самом (т.е. его писаниях, безграмотных, но не окончательно бездарных). А то я стараюсь, а Вы все испортите. Впрочем, он в периоде скупости, и я не уверен, что письмо мое даст результаты. Его рвут на части, и он, кажется, решил забастовать» (Coll. Adamovich. Bakhmeteff Archives, Columbia University, New York).

⁸ К трехтомному опусу А.Бурова «Бурелом: роман-летопись поколений последних императоров» (Париж, 1955-1957) прилагались отзывы литераторов, в том числе и Г.Иванова. Адамовича среди них не было, и рецензий его на это произведение Бурова в печати не появлялось.

⁹ Воспоминания Сергея Константиновича *Маковского* (1877-1962) о Блоке вошли в его книгу «На Парнасе Серебряного века» (Мюнхен: ЦОПЭ, 1962). Адамович, недолюбливавший Маковского, вел с ним вежливую переписку, но в письмах к друзьям отзывался о нем довольно резко. Несколько писем Адамовича сохранились в архиве С.Маковского (РГАЛИ).

¹⁰ *Диана* Александровна *Карэн* — киноактриса, жена Н.Оцупа. Публиковала заметки в «Числах». О каком ее рассказе идет речь, неясно.

Chère Madame et amie

Только собирался я Вам писать, а сегодня пришло письмецо от Вас. Спасибо. Лекарство пришло, не шадя затрат, только по-

шлю простым, а не заказным, т.к. при заказном тут надо ставить пять печатей и все прочее. Надеюсь, дойдет и так. От каких это немощей? Я в Манчестере уже три дня, дождь льет такой, что тошно смотреть.

Вы спрашиваете про Париж. Что же, провел я время недурно, вращаясь в сливках общества. Ninon — plus amougeuse que jamais¹, хотя и говорит, что «страсть перегорела», а осталась чистойшая дружба. «Снежная поляна»², действительно, лучше других ее произведений, хотя и напоминает те рассказы, которые лет 40 назад мы с Жоржем сочиняли для Бонди³. Она, между прочим, требует, чтобы я написал статью об «Аризоне», а кроме того, устроил ее в «Опыты». У нее драки с Лялей, не знаю точно, из-за чего, но под русский Новый год я у нее пиршествовал вместе с Водовым⁴ и той же Лялей, и все было мирно. Водов все говорил о «перестройке» газеты под «Последн[ие] новости», но пока к нему мало кто идет.

Из литературных событий был доклад Оцуа у Гингеров: выскопарная чепуха, со ссылками ежеминутно на Пушкина и Гумилева, двух главных мэтров, а смысл тот, что с тех пор, как погибла «Числа», погибла и русская литература. Будет повторение публичное, в Консерватории, но т.к. Оцуу дали понять (Гингеры), что слишком все бессвязно, он будто бы все «переработает». Он лыс, как колено, благосклонно-важен и элегантно-мил. Еще был вечер Блок—Достоевский, на котором блистал я, потом была Греч⁵ с моей любимой главой из «Подростка», и поэты читали Блока, один хуже другого. Оцуп, надо сознаться, был тут лучше других. Вот, кажется, все происшествия, кроме мелких и интимных.

Стихи Ваши, Madame, в «Н[овом] ж[урнале]» (или в «Опытах»? — «и ску, и гру»⁶) я читал с восхищением Вашим блеском и мастерством, честное слово! И слышал кое-что такое же (от Гингеров — немногих, кто что-то в стихах и самой их материи смыслит). Правда, очень хорошо, и очень по-Вашему, что важнее, чем хорошо. А других, простите, не читал и не видел. О тех ли Вы спрашиваете? Что же до Жоржиной статейки обо мне, то если без шпилек, то спасибо за все, что бы там ни было. Мы не горды и не требовательны, а что написано наспех, не имеет значения, ибо все суета сует, для кого, для чего и зачем? Да, о Тов⁷. Вы уже дважды пишете, как Вы за него рады. Это интриган и мерзавец, каких мало на свете, не говоря уж о том, что ничтожество. Он меня ублажал всячески, а когда вышла моя «Patrie»⁸, я случайно убедился в его истинных чувствах и какой-то звериной ко всем зависти. Так что не очень за него радуйтесь! Он, вероятно, так всем надоел, (а особенно жене), что ему дали эту премию, чтобы от него отвязаться.

Я для «Опытов» перебираю письма Зинаиды⁹, почти во всех есть что-нибудь плохое о других, чаще всего о Бунине или Ходасевиче. Но кое-что нейтральное я выберу. Да, читали Вы письма Цветаевой к Штейгеру¹⁰? Я давно не читал столь бабьего и вздорного, о чем и сообщил Иваску, на что он мне ответил, что я Цветаеву «не понимаю». Говорят, она разочаровавшись в любовных способностях Шт[ейгера]¹¹, набросилась потом на Аллу Головинову¹². Я за ней этого не знал.

Ну, «assez de musique comme cela»¹³ (откуда? — надо знать русскую литературу!).

До свидания, шер мадам, а также Жорж, не желавший дважды поклониться по свойственной ему гордости. А до чего горд Оцуп, если бы Вы видели! Я его спросил, как Диана. Он помолчал, вытянул нижнюю губу, и сказал: «Диана Ал[ександров]на — вне... Европы». Даже в этом идиот, «вне Европы»!

Пишите и пишите, а то не пошлю лекарства. Впрочем, пошлю его в понедельник.

Ваш Г.А.

¹ Влюблена, как никогда прежде (*фр.*).

² Очередное произведение Н.А.Вольской, в журналах не публиковалось.

³ *Бонди* Владимир Александрович (1870-1934) — журналист и прозаик, редактор петербургского журнала «Огонек» и вечернего приложения к «Биржевым ведомостям». Рассказ о посещении Бонди см. в очерке Георгия Иванова «Китайские тени. Литературный Петербург 1911-1921 гг.» (Звено. 1925. 17 августа. №133. С.2-3). В архиве В.А.Бонди сохранилось недатированное письмо Г.Иванова с просьбой об авансе в 50 рублей (РНБ. Ф.90. Оп.1. Ед.хр.90). Адамович опубликовал в «Огоньке» рассказы «Свет на лестнице» (1915. №40. С.9-15) и «Вологодский ангел» (1916. №14. С.2-3, 5-6), а также два «петербургских рассказа» в вечернем выпуске «Биржевых ведомостей»: «11 марта» (1916. 17/30 марта. №15447. С.4; 18/31 марта. №15449. С.5) и «Мария-Антуанетта» (1916. 29 октября/11 ноября. №15892. С.5; 30 октября/12 ноября. №15894. С.5; 31 октября/13 ноября. №15896. С.5; 1 ноября/14 ноября. №15898. С.5). Редактор возобновленного в сентябре 1916 в «Биржевых ведомостях» постоянного (пятничного) отдела критики и библиографии А.Л.Волынский приглашал Адамовича сотрудничать в «Биржевке» и в качестве критика. Приглашение было Адамовичем принято (РГАЛИ. Ф.95. Оп.1. Ед.хр.296).

⁴ Сергей Акимович *Водов* (1898-1968) — журналист, редактор газеты «Русская мысль». 11 февраля 1956 Адамович писал Алданову о том, что «получил от Водова письмо с предложением сотрудничества /.../ Что на меня будут всех собак вешать, теперь скорей слева, чем справа, — я не

сомневаюсь. Но меня это мало трогает. Сотрудничество в "Р[усской] м[ысли]" мне было бы скорее приятно, потому что это — Париж, а не что-то заокеанское и далекое, как другая планета /.../ Политика в ней такая же, как везде, — т.е. в "Н[овом] р[усском] с[лове]", но налет провинциальности, по-моему, сильнее. Но это — не препятствие» (Coll. Aldanov-Bakhtmeteff Archives, Columbia University, New York).

⁵ В.М.Греч — артистка.

⁶ Стихотворение Одоевцевой «Гладью вышитый платок...» (Новый журнал. 1955. №43. С.58).

⁷ Вероятно, Анри Труайя (наст. имя: Лев Тарасов; р.1911), французский писатель русского происхождения, лауреат Гонкуровской премии. Печатался также и на русском языке.

⁸ Имеется в виду написанная в форме дневника на французском языке публицистическая книга Адамовича «L'autre patrie» (Paris, 1947).

⁹ Письма Зинаиды Гиппиус Адамович считал лучшим из всего, ею написанного, и очень высоко их ценил. За несколько лет до этого письма Адамович опубликовал статью «Письма З.Н.Гиппиус» (Новое русское слово. 1951. 21 января. №14150. С.8). Публикация писем в «Опытах» не состоялась, они были напечатаны (не полностью) Темирой Пахмус в большом томе переписки Гиппиус: *Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus*. München: Wilhelm Fink Verlag, 1972. P.332-447). Позже Темира Пахмус напечатала еще два письма Гиппиус к Адамовичу в составе публикации «Из архива Зинаиды Николаевны Гиппиус» (*Russian Language Journal*. 1984. Vol.XXXVIII. №131. P.174-181), причем одно из этих писем за вычетом четырех абзацев выходило прежде в книге. Ответные письма Адамовича до сих пор не опубликованы.

¹⁰ Письма Цветаевой барону Анатолию Сергеевичу Штейгеру (1907-1944) были впервые опубликованы (с купюрами) К.С.Вильчковским в нью-йоркских «Опытах» (1955. №5; 1956. №7; 1957. №8).

¹¹ Эпистолярный роман Цветаевой с Штейгером кончился разрывом после того, как Цветаева узнала, что Штейгер, приехав из Швейцарии в Париж, первым делом отправился на Монпарнас к Адамовичу.

¹² Алла Сергеевна Головина (урожд. Штейгер, во втором замужестве Жиллес де Пеллиши; 1909-1987) — баронесса, сестра поэта Анатолия Штейгера, поэтесса, в тридцатые годы со своим первым мужем, скульптором и художником Александром Головиным жила в Париже. С Цветаевой познакомилась еще в двадцатых годах в Чехословакии, где училась в русской гимназии вместе с Ариадной Эфрон.

¹³ «Довольно подобной музыки» (*фр.*).

Chère Madamotchka

Спасибо за письмо. Я уж беспокоился: что с Вами? Вы существо общительное, а вдруг исчезли.

Буду ли я в Ницце летом? Если буду жив, буду, и вообще не представляю себе лета в другом месте. Новые пейзажи меня не привлекают.

Но я поеду autocar'ом через Гренобль, это и приятнее, и дешевле, — так что «заехать» к Вам никак не могу. Но вообще-то непременно к Вам с визитом явлюсь, тоже, однако, если буду жив. Надеюсь быть в Ницце во второй половине июля, или, вернее, около 14-15, ну, а там споемся. Я не понял, приехал ли к Вам Макеев¹ совсем, как жилец, или в гости. Если совсем, Вам, верно, приятно, да и прибавка к прокурору или губернатору в качестве супранта на побегушках.

В Париже я уже три дня, мало кого еще видел, только Кантора и Бахраха². Вы спрашиваете, что я думаю о книжке Струве³. Ничего не думаю. Я о ней слышал и слышу со всех сторон, но на старости лет предпочитаю избегать раздражений и всего прочего, а так как обо мне там, по слухам, написаны всякие гадости, то я ее и не собираюсь читать. Собака лает, ветер носит. Хочу только сделать Терапиане⁴ реприманд за слишком вежливо-почтительную рецензию на эту собаку. По-моему, Терапиано — лиса, «и нашим, и вашим». Да, еще Вы интересуетесь Марковым⁵. Вишняк⁶ роуг une fact совершенно прав: Марков сочинил развязный вздор, Бог знает что (но есть почтительная фраза о Жорже)⁷. Кстати, и о «Моцарте»⁸ в «Нов[ом] жур[нале]» — тоже вздор, и как все это написано! Но Иваск и Цетлина⁹ просили меня «помочь», «поддержать», т.е. написать отзыв, чтобы не давать его змее-Арансону¹⁰: не мог же я «помогать», говоря, что № скверный. Да еще там мне устроена реклама, на что Вишняк и намекнул деликатно: в трех статьях я упоминаюсь¹¹, что крайне глупо. Самое лучшее — скажите Жоржу! — что Татищев написал, что русская поэзия началась с нашего перевода С.-Ж.-Перса¹²! А мы и не знали.

Ну вот — все это суета и гиль! Только бы льнули девчонки¹³, и так далее. Лидины стихи, конечно, трогательны и кое-где с прелестью, — но кое-где и с кашей.

До свидания и примите сердечный поклон и поцелуй. Если Макеев у Вас — кланяйтесь. У меня к нему — всегда была симпатия, еще с «Дней»¹⁴, когда он давал 20 фр. авансу очень мило. Чем

был souffrant¹⁵ Жорж? Напишите мне, пожалуйста, еще в Париж. Только обратите внимание, как пишется мой адрес.

Ваш Г.А.

¹ Николай Васильевич *Макеев* (1889-1974) — художник, в середине 1920-х — начале 1930-х состоял в гражданском браке с дочерью Ахадга-Ама Розой (Рахелью) Гинцберг (1885-1957), после того, как она разошлась с Осоргиным; женился на Н.Н.Берберовой вскоре после того, как она ушла от Ходасевича. Разошлись в 1947.

² Александр Васильевич *Бахрах* (1902-1985) — журналист, критик, мемуарист. Приятель Адамовича, переписывавшийся с ним на протяжении тридцати с лишним лет (176 писем Адамовича Бахраху находятся сейчас в Бахметьевском архиве).

³ Имеется в виду книга Г.П.Струве «Русская литература в изгнании» (Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1956).

⁴ *Терапиано* Юрий Константинович (1892-1980) — поэт и литературный критик, в эмиграции с 1920.

⁵ Владимир Федорович *Марков* (р.1920) — поэт, литературовед, критик второй волны эмиграции. Попав после войны в США, защитил диссертацию в Беркли у Глеба Струве и стал профессором University of California в Лос-Анджелесе. С Адамовичем у него были несколько напряженные отношения из-за столкновений в печати. По усиленным просьбам Ю.Иваска, стремившегося помирить двух критиков, Адамович попытался завязать переписку с Марковым, но она оборвалась после двух писем, которые сейчас хранятся в личном собрании Жоржа Шерона (Лос-Анджелес). С Георгием Ивановым в это время Марков вел интенсивную переписку, опубликованную недавно отдельной книгой: Ivanov G., Odojevceva I. Briefe an Vladimir Markov. Указ. изд.

⁶ *Вишняк* Марк Вениаминович (1883-1977) — политический и общественный деятель; с 1919 — в эмиграции; в 1920-1940 — редактор «Современных записок».

⁷ Имеются в виду «Заметки на полях» В.Маркова, где речь шла, в частности, о книге Адамовича «Одиночество и свобода». По мнению Маркова, «книга должна была бы содержать главу о Г.Иванове /.../ Г.Иванов — большой поэт: он нигилизм довел до конца, трагизм в себя принял, но на крайних высотах отчаяния начал всем этим играть — здесь обнаруживается вершинный здравый смысл истинного художника» (Опыты. 1956. №6. С.62, 65).

⁸ Статья В.Маркова «Моцарт» (Новый журнал. 1956. №44. С.88-113) была опубликована почти одновременно с одноименной статьей Адамовича (Новое русское слово. 1956. 20 мая).

⁹ Мария Самойловна *Цетлина* (1882-1976) — жена литератора и издателя Михаила Осиповича Цетлина (псевд.: Амари; 1882-1945), хозяйка

литературного салона в Москве с лета 1917 до осени 1918, затем в Париже до Второй мировой войны, позже в Нью-Йорке принимала участие в организации и издании «Нового журнала».

¹⁰ Григорий Яковлевич Аронсон (1887-1978) — журналист, по партийной принадлежности меньшевик, сотрудник «Социалистического вестника», «Нового журнала», «Нового русского слова» и многих других эмигрантских изданий. Рецензия Адамовича на 6-й номер «Опытов» была опубликована в «Новом русском слове» (1956. 3 июня).

¹¹ В 6-м номере «Опытов», помимо «Комментариев» (С.38-51) самого Адамовича и его же рецензии на книгу «Лица» Е.Замятина (С.94-96. За подп.: Г.А.), а также фрагментов из писем Бунина к Адамовичу (С.25-27), текстам Адамовича или полемике с ним в той или иной мере были посвящены «Заметки читателя» Ю.Иваска (С.52-60), «Заметки на полях» В.Маркова (С.62-64) и рецензия М.Кантора на книгу «Одиночество и свобода» (С.96-100).

¹² В статье «Среди книг» Николай Татищев писал: «В 20-х годах тон здешней литературы задавали Поль Валери и Перс, автор "Анабазиса", тогда же переведенного на русский язык Г.Адамовичем и Г.Ивановым» (Опыты. 1956. №7. С.72).

¹³ Из стихотворения Александра Ивановича Тинякова (псевд. Одинокий; 1886-1932).

¹⁴ В газете Керенского «Дни» Адамович довольно активно сотрудничал в 1927, после того, как оттуда ушел Ходасевич, а «Звено», в котором постоянно печатался Адамович, превратилось из еженедельного журнала в ежемесечный, и гонораров стало не хватать. Сотрудничество в «Днях» прекратилось в 1928, когда Адамович стал постоянным литературным обозревателем милюковских «Последних новостей».

¹⁵ Болен (*фр.*).

Chère Madamotchka

Нахожусь в Ницце и весьма этим доволен. Очень также доволен, что Жорж доволен (моей рецензией)¹. Но не дурно бы написать благодарственное письмо, тем более, что он всем пишет, кроме меня. Даже Маковский мне сказал, что получил «преlestное» письмо от него. Нашел тоже кому писать! Читали ли Вы, кстати, о новоявленном «мыслителе», кн. Волконском²? О Вас, Мадам, я напишу с великим удовольствием, и уже сообщил Водову, чтобы

он «Н[овый] жур[нал]» никому не отдавал. Но ведь что бы я ни написал, Вы скажете: «а я думала, считала...» et ainsi de suite³. Вольская весьма ревнует, что Вы в «Н[овом] ж[урнале]», и говорит: «ей всегда везет». Она всерьез считает себя Вашей ровней и даже чуть получше, но ей «не везет». Живет она наискосок от меня и настроена бурно. На будущей неделе я, по ее требованию, веду ее на randеву с Алдановым, о котором, кстати, Яконовский написал в «Р[усском] воскр[есении]», что он «величайший писатель XX века», значит, даже лучше Чехова. Сам М[арк] Ал[ександрович] удивлен, но доволен. Вольская жалуется, что ей не с кем поговорить о литературе, а так как я в собеседники не иду, то она и надеется на Алданова. Еще о литературе: я написал о Червинской, Вы, м.б., читали. По-моему, лестно, а она, кажется, не очень польщена⁴. Все женщины таковы. Мне стихи ее меньше нравятся, чем я написал. Но с ней большое несчастье, только это entre nous⁵, пожалуйста: мне написал Бахрах, что у нее обнаружился склероз глаз, и может это кончиться совсем плохо. Она будто бы в полном отчаянии. Но не пишите ей об этом и не говорите никому, это тайна. Когда я ее видел, еще ничего не было, и, по-моему, то и плохо, что это, очевидно, не медленный процесс, а quelque chose de galopant⁶. Лечит ее моя глазная докторша, и будто бы настроена пессимистично. Померанцев собирается Вас навестить, и предложил мне «заехать за мной». Но я на его трясушке не поеду, да и не хочу с этим болтуном Вас навещать, а лучше в одиночестве. Очень рад, что Жорж обругал не Чех[овское] Изд[ательств]о, как мне сказали в Париже, а только Струве⁷. Я удивлялся: зачем, с чего? Ну, а Струве пусть ругает, это стоит. Относительно Маркова извиняюсь, сударыня! Но я не верю, чтобы Вам эта выпренная чепуха могла нравиться. Нравится по дружбе, по хорошим отношениям — и только. Вот Аронсон восхищался этим «Моцартом»⁸, ему я верю. Так же не согласен насчет Иванникова⁹, кстати, возмущившего до истерики Зайцева. Как бы это ни было старомодно и demode¹⁰, Зайцеву никогда так не написать, и наш друг Яновский¹¹ рядом — сладкая водичка. Да, я просил Алданова вскользь сказать в разговоре, что «Аризона» — вроде «Смерти Ивана Ильича». Он даже не слышал об «Аризоне», но обещал сказать. Отчего не сделать человеку удовольствие! Ну, вот — письмо вышло литературное, а чувства — между строками. До свидания, Мадам и Жорж.

Я все думаю: чего приехал? Хотя есть разные развлечения, и в особенности в Cannes. Но туда далеко ездить, да и дорого. В Casino сначала была катастрофа, и теперь понемногу восстанавливается. Была бы выдержка и нервы, можно было бы на

это и жить! Как ваши ревности и Отелло? Кланяйтесь обоим. Bon loisirs. И, пожалуйста, поддерживайте интеллектуальную переписку.

Г.А.

¹ Имеется в виду рецензия Адамовича на 44-й номер «Нового журнала» (Русская мысль. 1956. 5 июля), в котором были опубликованы 14 стихотворений Георгия Иванова под названием «Дневник (1955-1956)».

² Имеется в виду статья С.Маковского о князе Сергее Михайловиче Волконском (1860-1937), начинавшаяся с характеристики Волконского как «высоко одаренного писателя-мыслителя» (позже статья вошла в книгу С.Маковского «На Парнасе Серебряного века» (Мюнхен: ЦОПЭ, 1962).

³ И так далее (*фр.*).

⁴ 26 января 1957 Адамович писал Бахраху: «А дура-Лида мне пишет, между прочим: стихов моих Вы не читали (будто бы видно по рецензии). А я читал, честное слово, в поте лица, но читал. Она из-за этого будто бы бросила писать, что я ее стихов не читал. Лестно, но глупо» (Coll. Vacheras. Bakhmeteff Archives, Columbia University, New York).

⁵ Между нами (*фр.*).

⁶ Быстро развивающийся (*фр.*).

⁷ Имеется в виду полемика вокруг собрания сочинений О.Мандельштама, выпущенного Г.Струве и Б.Филипповым в нью-йоркском издательстве имени Чехова. Георгий Иванов написал об этом издании большую критическую статью (Новый журнал. 1955. №43. С.273-284). Г.Струве и Б.Филиппов ответили письмом в редакцию, опубликованном под названием «О рецензии Георгия Иванова на "Собрание сочинений" О.Мандельштама» (Новый журнал. 1956. №45. С.296-300). В том же номере был опубликован и «Ответ гг. Струве и Филиппову» Георгия Иванова (Новый журнал. 1956. №45. С.301-304). Адамович откликнулся на выход этого издания заметкой «По поводу "Собрания сочинений" Мандельштама» (Опыты. 1956. №5. С.92-94. Подп.: А.).

⁸ Имеется в виду статья В.Маркова «Моцарт» (Новый журнал. 1956. №44. С.88-113). Маркову сообщили мнение Адамовича, и 8 июня 1956 он писал Глебу Струве: «все-таки мой "Моцарт" сильнее (думаю, что могу тут быть объективным) его очень слабой статейки о Моцарте в Н[овом] Р[усском] С[лове] (может быть, тут "соперничество", и он на моего "Моцарта" реагирует, как Сальери?)» (Hoover Institution Archives, Stanford University, USA). Статья Адамовича «Моцарт» была опубликована в «Новом русском слове» 20 мая 1956.

⁹ Речь идет о повести Михаила *Иванникова* «Правила игры» (Новый журнал. 1955. №44. С.5-21). Адамович еще до войны несколько раз писал

в «Последних новостях» о прозе Иванникова, поначалу встретив ее неодобрительно, но позже признав автора «приобретением для нашей здешней литературы и может быть даже писателем с большим будущим» (Последние новости. 1938. 20 января. №6144. С.3; 2 июня. №6276. С.3).

¹⁰ Устарело (*фр.*).

¹¹ Василий Семенович Яновский (1906-1989) — прозаик «незамеченного поколения», склонный к натурализму и считавший эмигрантских писателей-реалистов старшего поколения эпигонами, включая в их число не только Алданова, но и Зайцева, и даже Бунина. Адамович писал о нем, что «Яновский — писатель подлинный, но писатель корябый и, к сожалению, иногда гениальничавший» (Последние новости. 1939. 1 июня. №6639. С.3).

16

4, avenue Emilia
chez Mme Lesell
Nice
Вторник, 4/IX [1956]

Дорогие дети, я, верно, приеду к Вам по дороге в Париж, т.к. издержавшись здесь, как Хлестаков, не имею денег на проезд особый. А так — будет без расходов специальных. Думаю, что это будет в будущий четверг, т.е. 13-го, но пришлю еще подтверждение. И, вероятно, приеду довольно рано, т.к. потом хочу поехать в Марсель по делам сердечным (не медицинским, а любовным).

Madame, статейку о «Н[овом] ж[урнале]»¹ послал Водову третьего дня, с просьбой напечатать в ближайший четверг. Не знаю, сколь Вы будете ею довольны. Вы любите комплименты без прикрас, а у меня жанр другой. Но писано с лучшими чувствами, а в доказательство сошлось, что здешняя машинистка моя, принеся рукопись и передав ее моей хозяйке, сказала: «как, вероятно, Мг. Ад[амови]ч любит эту Одоевцеву!» Она сама поэтесса и потому к Вам в ревности. О Ninon расскажу при радостном свидании.

Ну «пока». Надеюсь à bientôt!

Ваш Г.А.

¹ Имеется в виду рецензия на 45-й номер «Нового журнала», в котором было опубликовано стихотворение Одоевцевой «Когда бушевала буря».

4, av. Emilia,
chez Mme Lesell
Nice

[Между 5 и 12 сентября 1956]

Chère Madame et George

Sauf imprevu¹, я буду у Вас в Четверг, 13-го. Приеду в Тулон в 11 1/2, ну а когда попаду в Nuyeges, — зависит от автобуса. С поездом 17-47 я должен обязательно из Тулона уехать. Значит, сидите дома. А если нельзя, шлите немедленно телеграмму.

A bientôt, надеюсь.

Ваш Г.А.

Водов сообщил, что статья моя будет в четверг, 13-го. На этой неделе нельзя было из-за сочинения Маковского о Гиппиус. А я просил его печатать меня только по четвергам, как было когда-то.

¹ Если не случится непредвиденного (*фр.*).

7, rue Frederic Bastiat
Paris 8
16/IX-56

Дорогая Madame Ирина Владимировна

Ну, вот — je suis à Paris¹ без большого удовольствия. Но с удовольствием увидел, что статейка моя появилась в должном виде и что мои опасения не оправдались. Перечтя ее, я сам себе сказал: «как я люблю эту Одоевцеву!» Почти как Makeev и прокурор.

В Марселе было «блаженство и безнадежность». Второго больше, но и первого много, а все рядом мне кажется такой тринтравой, что и думать не стоит. Вы — натура холодная, и меня не поймете, а Жорж тем более, ибо считает, что я хочу только добраться до дела. У Льва Николаевича (Алданов никогда не говорит: Толстой) есть в «Отце Сергии» хорошая фраза:

«Он так ее любил, что ему от нее ничего не хотелось».

Да, мы говорили о всякой чепухе, а /.../²

Пусть он не очень смущается из-за своей tension³, это *вовсе* не столь важно и опасно, как он думает. Я из-за Олюши говорил об этом со всякими докторами и даже с Laubry, знаменитой звездой по cardiologie. Но надо быть осторожным, особенно с едой. А

главное — надо *tension* спускать, несмотря на слабость. Слабость неизбежна при спуске, но к ней организм привыкает, и потом она исчезает. *De temps en temps*⁴ надо непременно понижать *tension* и давать артериям отдых. Я это пишу не наобум, а потому, что знаю. И пусть не шурится. Но это совет эстетический, а не медицинский.

Здесь я еще почти никого не видел. Видел Кантора, который неожиданно превратился в старца (забыл о Луначарском! Но я увижу его послезавтра и скажу). Сегодня зачем-то должен видеть Цетлиншу⁵, верно, из-за «Опытов».

Ну, *Madame et Jojo*, до свидания! Пишите — о жизни и мыслях. Знаете, как Несчастливцев⁶: «Ты, брат, да я...». Но Вы, верно, не помните по малой культурности.

Ваш Г.А.

¹ Я в Париже (*фр.*).

² Утрачена страница письма.

³ Давление (*фр.*).

⁴ Время от времени (*фр.*).

⁵ Речь идет о М.С.Цетлиной.

⁶ Персонаж пьесы А.Н.Островского «Лес» (1871).

Chère Madamotchka

Прежде всего, прибыв в Париж, шлю поздравления и пожелания к Празднику и Новому году, как полагается в хорошем обществе. И правда — желаю Вам *de tout cœur*¹ всего, что можно. Но можно мало, и, в сущности, выходит, как у Тэффи: «а главное, здоровья!» Я начинаю думать, что это, действительно, главное, т.к. у меня болит то сё, то это, а вот теперь — печень, и видно, начинает человек разваливаться. Пора, мой друг, пора, — но не хочется.

Ну, оставим философию. Здесь я уже пять дней. Вчера видел Вольскую, которая все любовные глупости забыла, ибо заботы у нее теперь другие. Ляля разорилась окончательно, и хлопоты лишь о том, чтобы спасти ее от суда и тюрьмы, а о фабрике нечего и думать. Она чего-то там не платила, что платить надо, и это

обнаружили. Наложили на нее штраф, — кажется, 30 миллионов, а у нее нет ничего. Ninon, однако, говорит, что ей придется «жить литературой», в чем я не стал /.../²

— т.е. не у меня лично, а «достаньте для меня» — но доставать мне тогда, а у меня все в обрез, до крайности. Так что я вздохнул и не дал, на что она очень скисла. Она хлопочет о доме под Парижем или на юге, но еще неизвестно, возьмут ли ее. Если будете ей писать, не пишите, что я Вам о ее делах сообщил, — м.б. это и секрет, не знаю.

Помимо сего, был на фестивале у Гингеров, по случаю выхода его книги³. А завтра на завтрак Бурова не иду, т.к. у меня в 3 часа идиотская лекция для студентов Петерб[ургского] университета. Но после моей переписки с Буровым этой осенью, я и рад, что не могу пойти. Да, видел я в одном высоком и тайном собрании Маковского. Он меня не без иронии спросил: «Как Вам понравилась моя статья о Блоке в "Русской мысли"?» Я ответил: «Не согласен ни с одним словом», на что он мне сказал: «А вот Георгий Иванов пишет мне, что наконец-то о Блоке сказали правду, и что он давно бы сам все это написал, но не решался», и что Блок — бездарность, а великий поэт — Андрей Белый, а сверх-великий — Зинаида Гиппиус. На все это я ему сказал, что, очевидно, не всегда да муж с женой согласны, т.к. /.../⁴

¹ От всего сердца (*фр.*).

² Утрачена страница письма.

³ Имеется в виду четвертая книга стихов А.Гингера «Весть» (Париж: Рифма, 1957). Адамович написал на нее рецензию (Русская мысль. 1957. 31 января).

⁴ Конец письма утрачен.

Дорогие души, как все у Вас? Перед отъездом из Парижа я пошел к Леонидову, но он был где-то за границей, поэтому я ему написал письмо, со всем красноречьем, на которое способен, и с указанием, как «все друзья Георгия Иванова» будут ему благодарны за устройство вечера или хотя бы содействие в устройстве. Но ответа нет! Это меня чуть-чуть удивляет, из Парижа мне его

письмо переслали бы. Впрочем, я написал ему, что все дальнейшие переговоры он может вести с Померанцевым, который у него ежедневно бывает, кажется, на положении «негра». Ну, вот меня и интересует — каков результат? Лифарь¹ — чепуха, на него публика не пойдет, достаточно ходила за 30 лет, но у Леонидова есть всякие другие звезды, и все дело, можно ли его раскатать.

A part cela², сижу в чудном Манчестере и вспоминаю парижские развлечения. Вольская все просится в дом, но мне говорят, что если ее и возьмут, то в комнату пополам с другой особой — и представляете себе, что из этого получится.

До свидания. Как здоровье? Сейчас прочел в статье Слонима³, что Пильский⁴ хвалил Одоевцеву за то, что она умеет ставить точки. А я и не знал. Пожалуйста, пишите (мне), с точками или без точек. Кстати, сколько глупостей печатается с тех пор, как мы с Вами более или менее сложили перо!

Ваш Г.А.

¹ Сергей Михайлович *Лифарь* (1905-1986) — артист балета, хореограф, основатель Института хореографии в Париже, директор Grand Opera.

² За всем тем (*фр.*).

³ Марк Львович *Слоним* (1894-1976) — литературный критик, публицист, в эмиграции с 1919, жил во Флоренции, Праге, Париже, с 1941 в США.

⁴ Петр Моисеевич *Пильский* (1876-1941) — критик, публицист, широко известный еще до революции, в эмиграции — постоянный автор и редактор литературно-художественного отдела рижской газеты «Сегодня».

Дорогая Madamotchka

Только что получил Ваше письмо, и немедленно, сидя на профессорской кафедре, отвечаю. Я ждал Ваших указаний, но, конечно, и сам думал, что и как. Но наши с Вами мнения очень разошлись. Я не думаю, чтобы сбор среди французов был возможен, т.е. при участии «Figaro Lit[téraire]», «Nou[velle] Lit[téraire]». Читаете Вы «Fig[aro] Lit[téraire]»? Там сейчас ненависть и презрение ко всему русскому, они ни за что никакого письма не возь-

мут. Да если бы и взяли! Лет десять тому назад был там открыт сбор для Бунина, и взялись за это не Леонидов со мной, а Моруа и Мориак. Бунин был возмущен, п[отому] что собрали всего меньше 100 т[ысяч], причем половину дал Brisson, редактор «Figaro». Ну, а что будет теперь? Кто на мое или Леонидова воззвание обратит внимание, даже если бы его поместили? (На что крайне мало шансов). «Nous sommes infectée par les Russes»¹, вот и будет весь ответ. Надо трезво смотреть на вещи, без иллюзий, что получатся миллионы. Я, конечно, сегодня же напишу Леонидову, но буду настаивать на устройстве спектакля — или, на крайность, сбора между знаменитыми артистами, под его «эгидой». Другого с него ничего не выжать. Артисты в нем заинтересованы и будут м.б. давать не из высоко культурных побуждений, а чтобы ему угодить. Дал бы и Лифарь, но он сейчас в бедности, и я имел случай в этом нечаянно убедиться (подробности — de vive voix²).

Мой совет — действовать в русском мире, если речь о сборе, а не о спектакле. Но есть загвоздка: только что заболела жена Зайцева (кажется, удар), и, конечно, на них будут собирать. В русских мирах — первое лицо Алданов, хотя и кислое. По-моему, malgré tout³, Лит[ературный] Фонд мог бы вам прислать 100 долларов. Ну, а если бы Вы написали отдельно всяким миллионщикам вроде Физа⁴, Кодрянских⁵, Цетлинши и т.д., — то набралось бы и до 100 тысяч. Больше едва ли, если только нет в виду (у Вас, — п[отому] что у меня нет) какого-нибудь лица богатого, а главное, — нового. Среди французов единственное лицо — Терешкович⁶, но на него положиться нельзя, хотя попробовать можно. У него связь с «N[ouvelle] L[ittéraire]» — G.Charence его друг. Но если бы даже поместить там письмо, нужно бы громкое французское имя, а не Mr.Adamovitch, homme de lettres⁷. В русских газетах я написал бы все, что хотите, как лицо знаменитое, и я напишу Поляков⁸, спросив его, можно ли это, т.е. в принципе можно ли сделать сбор (тогда, конечно, нужно и письмо Алданова в газете). Вейнбауму⁹ писать не хочу, т.к. он не отвечает на письма.

Не думайте, Madame, что я от чего-либо уклоняюсь. *Ни от чего*. Но надо делать то, что может что-то дать, а не планетарные пустяки. Кстати, видели Вы в «Н[овом] р[усском] с[лове]» письмо — «мне стыдно, что я русская». Теперь это очень распространено, а кто rouge¹⁰, кто blanc¹¹ — несущественно. Кто есть еще в Нью-Йорке? Прегель¹² (?), Стелла, если не обеднела, ну, и Ваши друзья Гринберги¹³, которые на слезное письмо м.б. и расшевелились бы. Вы, наверное, подумаете: дурак, все это я знаю сама! Но, честное слово, Madame, других мыслей родить не могу, и не сердитесь на меня. А еще просьба, très sérieux¹⁴: напишите мне, что с Жор-

жем, без прикрас, полную правду. Я не думаю, что Вы преувеличиваете, чтобы на меня больше подействовать, но все-таки это возможно, *pour ainsi dire*¹⁵ безотчетно. Так что напишите все, как есть, т.е. как рассказывали бы доктору. Пожалуйста. Я хотя и «великая сушь», но по ночам рыдаю в подушку, вспоминая, как жизнь прожита и зачем прожита.

До свидания. Целую ручки и все такое. Простите, если письмо Вас разочарует.

Ваш Г.А.

В качестве литературного развлечения: прочтите в новом «Нов[ом] журн[але]» стихи Madame Горской¹⁶. Я только что получил и наслаждался.

¹ Мы отравлены русскими (*фр.*).

² При встрече (*фр.*).

³ Несмотря ни на что (*фр.*).

⁴ Б.Ю.Физ — меценат, «экс-друг» Лидии Червинской, по выражению Адамовича. См. о нем в письме Г.Адамовича А.Гингеру от 17 ноября 1958 (Новый журнал. 1994. №194. С.298).

⁵ Речь идет о Н.В.Кодрянской (прим. 10 к письму 7) и ее муже Исааке Вениаминовиче.

⁶ Константин Андреевич Терешкович (1902-1978) — живописец, график. Первоначальное художественное образование получил в студиях московских художников К.Юона, И.Машкова и Ф.Рерберга. В 1920 оказался в Париже, занимался в академии Гранд Шомьер, выставлял свои работы с 1924 и вскоре завоевал популярность. С 1942 — французский гражданин. После войны — один из самых преуспевающих художников во Франции. Иллюстрировал книги Л.Толстого, А.Чехова, И.Бунина и др.

⁷ Мсье Адамович, литератор (*фр.*).

⁸ Александр Абрамович Поляков (1879-1971) — журналист, до революции сотрудничавший в одесских, позже в московских газетах, в эмиграции — секретарь редакции «Последних новостей», после войны — сотрудник «Нового русского слова». 30 писем Адамовича Полякову (1940-1952) хранятся в Бахметьевском архиве.

⁹ Марк Ефимович Вейнбаум (1890-1973) — редактор «Нового русского слова».

¹⁰ Красный (*фр.*).

¹¹ Белый (*фр.*).

¹² София Юльевна Прегель (1894-1972) — поэтесса, мемуаристка, редактор журнала «Новоселье» (1942-1950), в котором Адамович печатался в конце 1940-х — начале 1950-х. Ее брат Борис Юльевич Прегель был президентом Академии наук в Нью-Йорке.

¹³ Роман Николаевич *Гринберг* (1897-1969) — редактор (совместно с В.Пастуховым) первых трех номеров журнала «Опыты», а позже альманаха «Воздушные пути» (Нью-Йорк, 1960-1967), и его жена Софья.

¹⁴ Очень серьезная (*фр.*).

¹⁵ Так сказать (*фр.*).

¹⁶ Антонина *Горская* (наст. имя: Антонина Алексеевна Гривцова, урожд. Подерни; 1893-1972). Адамович имеет в виду ее стихотворение «Душа смиренна. Дух мятежен...» (Новый журнал. 1956. №47. С.107).

Manchester 14
104, Ladybarn Road
26/II-57

Chère Madamotchka

Как Ваши дела? Есть ли что-нибудь новое? Я написал Леониду и подал ему разные мысли, но ответа не получил. По-моему, на него мог бы насесть Ваш друг Померанцев, у него, кажется, работающий. Я, в сущности, мало знаю Леонидова, и не знаю, что он за человек, с какого бока за него надо браться. Из Парижа сейчас все пишут о Зайцевых, т.е. о ней. Фонд будто бы прислал им гроши, и на них должны собирать. Он будто бы в ужасном состоянии, хуже даже нее. Кстати, против сбора публичного для Жоржа люди знающие выдвигают довод м.б. и основательный: это может дойти до французских властей и вызвать историю, т.к. считается, что Вы ни в чем нуждаться не можете. *Qu'en pensez vous!*? В частности, будто бы *abbe Glasberg*² может возмутиться. Я об этом мнения не имею, т.к. дел этих не знаю. Стороной это идет от Веры Николаевны³. Она сейчас занята Зайцевыми, хотя их и ненавидит (во всяком случае — *ненавидела*).

От Nipon — ни слова. Я даже обеспокоен. В конце марта я собираюсь в Париж. Поговорить было бы много о чем — о любви, об уходящей и неиссякающей молодости, *descente de lit* и всем прочем, *chère Madame* — но отложим до радостного свидания. Только когда? Я сейчас все читаю Леонтьева и восхищаюсь, что это за замечательный писатель (но не романы). А вот Щедрин скорей г...о (пардон!). До свидания, голубой и дальний друг (я когда-то, кстати, сказал Вам, что самое большое несчастье для человека было бы в Вас влюбиться, и продолжаю это думать). Поцелуйте Жоржа и скажите ему главное, чтобы *приободрился*. Все болезни на 1/4 физические, на 3/4 — духовные неполадки.

Ваш Г.А.

¹ Что вы думаете об этом? (*фр.*).

² Возможно, Валентин Наумович *Гласберг* — банкир, товарищ министра Временного правительства, в эмиграции — член масонской ложи «Лотос».

³ Вероятно, речь идет о Вере Николаевне Муромцевой-Буниной (1881-1961).

Дорогой и бесценный друг, *chère Madame*

Иногда люди дружатся и даже влюбляются по письмам, как Чайковский и Мте Мекк. Но хотя мы с Вами пребываем в дружбе давно, хоть и с перерывами, я ощутил прилив нежности, получив *сейчас* Ваше письмо, во-первых, — литературно: не то Пушкин, не то сюрреалисты, а во-вторых, — по смятению всех чувств, что я сейчас особенно понимаю и разделяю. Да, Алданов. И верно Вы пишете — «*passons*»¹, п[отому] что лепетать что-то можно в газетах, а так — не стоит². Для меня это большое потрясение, и даже я не согласен, что в нем было что-то «ридикюльное», как Вы пишете и как все считали. Нет, было другое, скорее, жалкое. Но еще раз — *passons*. Я бы лично не хотел так умереть, с папироской в руках, а хотел бы подумать раньше: что это все было³?

А вот о том, что влюбиться в Вас — великое несчастье, Вы не так поняли, и если окажется не столь лестно, то извинюсь. Вот что я думал: у Вас от природы — великий дар забывать. Вы можете уверять человека в вечной любви, и он поверит в вечную любовь, а Вы через неделю даже забудете, о чем ему говорили и как «блестели глазами», вроде Анны Карениной. Это я в Вас понял с первых лет. Это то, что делает Вас *femme fatale*⁴, хотя Вы от этого стиля (скорей Дианы Карэн, чем Анны Кар[енин]ой), к счастью, крайне далеки по врожденному вкусу. Ну, тоже *passons*.

Еще я очень рад, что Вы оценили стишок Мандельштама⁵. Я его получил недавно и случайно, а еще до этого думал: «а, может быть, подделка»? Но это — не подделка, а прелесть и чистейший Мандельштам, чего дураки не понимают. Что же до Вейдле, вас восхитившего, то он, действительно, недурен⁶, хотя уж очень свысока-наставителен. А чтобы оценить, что за перо у этого человека, прочтите последнюю фразу (10 строк) на стр. 43. Пожалуй-ста, прочтите *вслух* — себе и Жоржу, дабы насладиться стилем. Мне, между прочим, претит, что в «Опытах» слишком много обо

мне⁷. Хотя я и великий писатель, но это смешно и глупо, верьте мне или не верьте. Могу поклясться, что не сочиняю. Померанцева я не обижал, а написал в «Н[овом] р[усском] с[лове]» статью⁸ (я ее еще не видел, — разве уже напечатали?) по поводу его стишков в «Р[усской] мысли» с призывом писать только о бомбах и великих событиях. Ничего обидного в статье не было, — кроме, пожалуй, слова «демагогия». Но и это пустяк. Померанцев мне скорей приятен, ну а остальное — сами понимаете.

Да, Madame, сказать ничего нельзя, и только с такими людьми говорить стоит, кои это знают и чувствуют. Вольская умолкла, даже до неприличья. Было «креол, креол!», а теперь, как ее разобрало, ни слова. Чем она наглупила? Я писал о ней Водову, с которым она говорит по телефону, и советовал, что сделать для комнаты.

Шлю Вам самые нежнейшие чувства, обоим. Не скучайте, ибо скучно везде. И, пожалуйста, пишите. Я после 22-23 буду, вероятно, в Париже (т.е., вероятно, — если не случится непредвиденного) до Пасхи, или чуть больше.

Ваш Г.А.

¹ Оставим (*фр.*).

² Марк Александрович Алданов скоропостижно скончался 25 февраля 1957 в Ницце. Адамович отозвался в печати через несколько месяцев: «Алданов — человек и писатель» (Русская мысль. 1957. 1 августа). Воспоминания Адамовича о нем были опубликованы спустя несколько лет: «Мои встречи с Алдановым» (Новый журнал. 1960. №60. С.107-115) и «Воспоминания» (Русская мысль. 1967. 15 апреля. №2608. С.3-4).

³ К.Померанцев в своих воспоминаниях «Последний Адамович» писал: «накануне его отъезда в Ниццу, т.е. за две недели до смерти, кто-то вспомнил смерть С.К.Маковского — "Какая прекрасная смерть: заснул и не проснулся!" Георгий Викторович вздрогнул и, словно сам с собой, — "Не знаю... Я бы хотел подготовиться два-три дня..."» (Новый журнал. 1972. №108. С.163).

⁴ Роковой женщиной (*фр.*).

⁵ Вероятно, имеются в виду «Шуточные стихи» Мандельштама (Опыты. 1956. №7).

⁶ Имеется в виду статья Владимира Васильевича Вейдле (1895-1979) «О спорном и бесспорном» (Опыты. 1956. №7. С.37-44). 10 строк, стилистика которых позабавила Адамовича: «Дело тут не в поколениях; дело в том, что в эмиграции, именно вследствие неустроенности, да и относительной бедности ее литературной жизни, постоянно велись и ведутся споры не о спорном, не о том, что заслуживало бы спора, а о бесспор-

ном, и даже не о временно бесспорном такого-то литературного поколения, а об истинах азбучных, о которых литераторам приходится спорить либо с людьми, "причастными литературе", но поверхностно и со стороны, либо с теми, о ком и в самом деле можно сказать, что они участвуют в ней, но лишь если определять ее, исходя из количества, а не из качества» (Там же. С.43).

⁷ В седьмом номере «Опытов» за 1956, помимо статьи самого Адамовича «О Штейгере, о стихах, о поэзии и о прочем» (С.26-36), разбору книг и публикаций Адамовича и полемике с ним в той или иной степени были посвящены статьи В.Вейдле «О спорном и бесспорном» (С.37-44), Ф.Степуна «"Новоградские размышления" по поводу книги В.С.Варшавского "Незамеченное поколение" и дискуссии о ней» (С.45-57), Геннадия Андреева «Без победы и наград» (С.58-64) и Николая Татищева «Среди книг» (72-77).

⁸ Размышления Адамовича «О свободе поэта» (Новое русское слово. 1957. 17 февраля) были вызваны стихотворением К.Померанцева «Стишки о звездах, о цветах...», опубликованных незадолго до этого в «Русской мысли».

24

7, rue Frederic Bastiat
Paris 8
8/IV-57

Дорогая Madame и друг бесценный!

Получил Ваше письмецо — с удивлением, что я не пишу. Во-первых, в вихре света писать трудно, а во-вторых, вихрь был до сих пор не интересный, и писать было не о чем, кроме чувств и мыслей. Но об этом лучше писать из Англии.

Сначала о делах.

Леонидова я до сих пор не мог добиться. Он, по-видимому, ошалел от Legion d'Honneur¹ (поздравили Вы его?), куда-то уезжал, был неуловим. Наконец, вчера я говорил с ним по телефону и условился о свидании на четверг. Сделаю все, что могу, буду persuasif², сколько могу, и сейчас же отпишу, что и как. Что выйдет, не знаю, но постараюсь, чтобы вышло хоть что-нибудь. Кстати, Жорж соизволил сделать приписку на Вашем предыдущем письме, приведшую меня в гнев, ярость и возмущение: «*Pour une fois* сделай для меня что-нибудь конкретное». «Выходит, значит, соловья баснями не кормят», или что-то вроде. Но сделать что-нибудь «конкретное» насчет комнаты в Corneilles мог бы только Господь Бог, а со сбором денег у меня тоже возможностей мало, а главное, я бездарен, как пень, в этом смысле. Тут надо бы быть Роговским³, или хотя бы Рогнедовым⁴. Ну, passons, не стоит об этом говорить.

Я был в первый же день приезда на панихиде по Вольской на rue Dagu. Ляля страшно расстроена, что неожиданно. Но напрасно она написала в foireport: «dans le 6-em annee»⁵! Бедная Ninon была бы возмущена. Зачем было это оповещать? Кого я вообще видел? Всех понемножку, но все какие-то кислые. Бахрах, друг моего сердца, как Вы, верно, знаете, отбыл в Мюнхен⁶, Лида стала на 9/10 несносна из-за претензий и обид на весь мир, Маковский все тот же старый хрыч, и еще поглупел, по-моему. От Оцупа — ни слова ни у кого, но я жду грозы и выговора с высоты Синая. Да, попросите, пожалуйста, Вашего друга Померанцева прислать Вам статейку «Опять о поэзии», если Вы ее еще не читали: там есть пассаж обо мне. Я был глубоко изумлен, т.к. cela frise⁷ le хамство, и даже больше, чем frise. Это не полемика, а черт знает что по тону. Я его, кстати, встретил у Нечочки третьего дня и сказал ему, что если не обижаюсь, то только по своей беспредельной лени. Он замахал руками и что-то стал объяснять, считая, что в статье в «Опытах»⁸ я его страшно оскорбил, не называя его, но определенно на него намекая. А я даже забыл о его существовании, когда писал эту статью! Ну, passons, тоже. Скучно жить на свете, господа, и, в сущности, мне давно все все равно, совсем.

Вот «descente de lit» — еще не совсем все равно. Но моя последняя [lis d'ête?]⁹ только что известила меня, что не приедет, ибо военные власти не пускают. Оно, м.б., и лучше, т.к. надо вести при ней сверх-роскошный train¹⁰ жизни, а, господин Мандельштам, это вам не по средствам. Съездил в Enghie, выиграл 4 т., а больше ездить боюсь, мало капитала. Еще видел старика Гласберга (у масонов), который с Вами будто бы играл в винт. Все бывает на свете. Он хоть и развалина, но страшный донжуан, и при очередном его винте советую вступить с ним во флирт для всяческих протекций. Восхищался лекцией какого-то прокурора, — это Ваш, который /.../¹¹

Ну, дорогая душка, до свидания. Я на старости стал болтлив, начну писать, не могу кончить. Напишу, значит, в пятницу, после Леонидова. Обнимаю и целую обоих и желаю всего.

Ваш Г.А.

¹ Почетный легион (*фр.*). Орден Почетного легиона — высшая награда Франции.

² Убедителен (*фр.*).

³ См. прим. 1 к письму 5.

⁴ Александр Павлович Рогнедов (?-1958) — импрессарио в Киеве, позже в Париже, имевший широкие связи в Европе. См. о нем очерк Б.Зайцева «Наш Казанова» (Русская мысль. 1959. 3 февраля. №1325).

⁵ «на 6-ую годовщину» (фр.).

⁶ А.Бахрах работал в Мюнхене на радиостанции «Освобождение» с 1957 по 1972.

⁷ Это почти (фр.).

⁸ Вероятно, имеется в виду статья Адамовича «О Штейгере, о стихах, о поэзии и о прочем» (Опыты. 1956. №7. С.26-36).

⁹ Читается предположительно: «летняя лилия» (фр.).

¹⁰ Образ (жизни) (фр.).

¹¹ Строка не разобрана.

25

7, rue Frederic Bastiat
Paris 8
12/IV-57

Дорогая Madame

Ну, вот — был вчера у Леонидова. О спектакле, как о «прыгать», нет речи. Он не может (или не хочет) ничего устроить. Предложил мысль идиотскую: сделать спектакль русских писателей, т.е. чтобы играли писатели. *Vous voyez cela!* Как бы это все блестяще прошло, какой был бы сбор. Я просил его о другом: у него бывают известные артисты в его бюро, пусть бы он с каждого что-нибудь брал *roug un grand poète russe*². Но тут он скис — «неудобно» и т.д. В конце концов вот что он предложил: с какими-то своими друзьями «вскладчину» он дает 30 000 фр. — и Вам их пошлет. Я спросил: верно ли это совсем, могу ли я Вас об этом известить. «Да, абсолютно верно, можете Иванову написать». Когда пошлет? В течение ближайших двух недель, через меня — или через Померанцева, если меня уже не будет в Париже. Вы, верно, надеялись на большее, но и это некий капиталец, и я рад, что вышло хоть это. У меня было опасение, что кроме слов и советов, ничего не будет. Он в полном литер[атурном] преклонении перед Вами обоими (о Вас — очень смешно: перескажу при радостном свидании), но тут же говорит: «А Сергей Горный³! Какой алмазный талант!» *Et ainsi de suite*. Оказывается, он с Вами не знаком, а я думал, что Вы у него бывали. В понедельник его чествование, по поводу Legion, я должен пойти, косвенно им облагодетельствованный, хоть и не для себя. Когда получите деньги, напишите (т.е. Жорж) ему трогательное письмо.

Сейчас получил от Кантора «Р[усскую] мысль» с Оцупом о Достоевском и обо мне⁴. Какие высоты, какой пророческий тон.

«Мое водительство...» — читали Вы это? Между прочим, я написал о том, что его статья написана с «синайских высот», а он сказал Водову, что это намек на его еврейское происхождение. Даже Водов изумился такой догадливости! Я продолжаю вертеться в сливках, сегодня обедаю у Вашего друга Рабиновича с душой-Лидой⁵. До свидания, *cherie et tant chère*⁶, а также Жорж, несмотря на его дерзкие шпильки. Напишите мне еще в Париж, непременно, я здесь еще дней 10.

Ваш Г.А.

¹ Видели вы такое! (*фр.*).

² Для великого русского поэта (*фр.*).

³ *Сергей Горный* (наст. имя: Александр-Марк Авдеевич Оцуп; 1882-1949) — старший брат Николая Оцупа и Георгия Раевского, до революции — поэт-сатирик, в эмиграции — беллетрист.

⁴ Полемика была вызвана статьей Адамовича о Достоевском «Писатель для юношества» (Русская мысль. 1957. 21 марта).

⁵ Червинской.

⁶ Дорогая и обожаемая (*фр.*).

Дорогая Мадам и друг бесценный

Ваше письмецо — долгожданное! — меня очень удивило. Я был уверен, что Леонидов давно деньги Вам прислал. Единственное, что могу Вам посоветовать: напишите ему — Вы или Жорж, но не реприманд, а вопрос, т.е. когда уже рассчитывать, мы сделали долги и т.д. Мне неудобно ему писать, я ведь его совсем мало знаю. Но сошлитесь на меня: я его спросил, уходя от него: «Это верно? Могу написать Ивановым, что деньги будут?» Он ответил: «Верно! Можете написать». И дал срок — недели две. Напишите и Померанцеву, пусть напомнит. Кстати, до Вашего письма, накануне, мне вдруг Леонидов приснился, что будто бы он разорился и в нищенстве. Надеюсь, что это не так, хотя *tout aggrave*¹.

Я здесь еще дней 10, а потом в Париже, если все будет в порядке. То, что Вы пишете о Ваших любвях и поклонниках, мне очень по душе. Не унывайте, дорогая детка, пока душа молода, человек тоже молод. А душа не стареет, в чем я все больше убеж-

даюсь и из чего заключаю, что она в самом деле бессмертна (раз не стареет). Я только боюсь, что в будущей жизни окажусь лягушкой или червяком, а хотел бы быть Рамзесом или Линой Кавальери. На крайность Дианой Карэн. Писал на днях о «Н[овом] журнале»² и написал несколько прочувствованных слов о Жоржиных стихах, вернее, не о них, а о нем вообще. Какая страшная дрянь Олег Ильинский (?) о Будапеште³! Я все меньше выношу эти поэтические актуальности. Что Ваш Кормэйль? Неужели мечта Ваша исполнилась? Очень буду рад за Вас, конечно, но мне будет жаль, что не к кому будет ездить в Hueges, — разве что к Зое Симоновой⁴!

Ну, до свидания. Напишите, если что будет от Леонидова. Я его в Париже, м.б., где-нибудь встречу и тогда сделаю удивленное лицо. Будет — должен быть, по крайней мере — вечер памяти Алданова⁵, на котором я произнесу speech, Леонидов, как молодой писатель, наверно, придет.

Целую, обнимаю и желаю всяких успехов.

Ваш Г.А.

¹ Всякое случается (*фр.*).

² Рецензия Адамовича на 47-й и 48-й номера «Нового журнала» (Русская мысль. 1957. 30 мая). В 48-м номере «Нового журнала» были опубликованы стихотворения Георгия Иванова (С.99-100).

³ Стихотворение *Олега Павловича Ильинского* (р.1932) «Это сражается Будапешт...» (Новый журнал. 1957. №48. С.121).

⁴ *Зоя Симонова* — автор стихов и рассказов, публиковавшихся в журнале «Возрождение».

⁵ Текст выступления Адамовича на вечере памяти Алданова был опубликован в «Русской мысли» (1957. 1 августа).

Chère Madame, amie и все прочее!

Спасибо за письмецо. Очень рад, что, наконец, «свершилось», и Леонидов прислал деньги. Я его не видел, но звонил ему и просил передать, что звонил. М.б., это на него подействовало, т.к. он, конечно, понял, зачем я звонил. О том, чтобы к Вам заехать по дороге в Ниццу, увы, как о «прыгать», нет речи: я еду автокаром, через Гренобль. Если доживу, приеду в сентябре. Кстати, во Фран-

дию приезжает моя сестра, Таня¹, и в сентябре должна быть в Ницце. Пишет, что она — «толстая старуха», что мне трудно себе представить. Относительно кружения в сливках света, Вас интересующих, могу сообщить немного: видел Гингеров, Прегельшу, Лиду, — все то же. Видел еще американцев — Гринбергов, Женю Клебанову. Гринберги спрашивали о Вас, они приехали со своим автомобилем и собираются разъезжать по Франции! Еще видел Маковского, plus «гад», que jamais². Я его не выношу. Кажется, все. В понедельник алдановский вечер, на котором будут, верно, еще сливки. Я всегда лечу в Париж на крыльях любви, а долетев, удивляюсь: чего так стремился? Притом, у меня под крышей³ жара нестерпимая. Неожиданно я получил приглашение в Мюнхен, на какой-то съезд, в конце июля (верно, устроил Бахрах, который там). Но, по здравому размышлению, не поеду, и уже им ответил: хотя tout frais payes⁴, но чего ради тащиться в жару и сидеть там три дня, слушая какие-то доклады? Если бы они платили, кроме расходов, дело было бы другое. Относительно Зои Симоновой, простите, дорогие товарищи, не одобряю: ну чего обижать ule rauvge mioche⁵, дорвалась до литературы, и Бог с ней! Мир, мир, мир, везде и повсюду, и Блоку от ее Герцена никакой обиды нет. Оцупа о Лермонтове и высших вопросах я прочел полстолбца и бросил, решив: зачем я буду себя утруждать? Водов, кажется, думает, что это все великая мудрость и блеск, я ему смутно намекнул, но он сказал: «Кускова в восторге». А Кускова пишет о Некрасове: «и сказать, что это когда-то нравилось!» Ну, passons, так было, так будет.

Относительно любви и поклонников, то Троцкий был прав: «продолжайте, mademoiselle!»⁶, только найдите кого-нибудь помоложе. Не знаю, какой великий писатель (кажется, Вольтер), сказал, что понять, что такое любовь, в смысле roignant⁷, можно лишь влюбившись в женщину на 25 лет моложе тебя. Вот с этой точки зрения я бы очень советовал вам влюбиться в 20-летнего мальчика, на что, впрочем, Вы по легкомыслию своему не способны. А жаль. У женщин это, должно быть, она более roignant, чем у мужчин, чему пример — Федра. Кстати, я нашел у того же Вольтера строчку, от которой пришел в восторг:

C'est moi qui doit tout, puisque c'est moi qui t'aime⁸

Совсем на него не похоже. Как здоровье, Ваше и Жоржа? Напишите теперь в Ниццу (но если напишете до 8 июля, то еще в Париж!) — адрес: 4, avenue Emilia, chez Mme Heuyligers, Nice, ибо моя хозяйка Lesell вышла замуж, жениху 82 года, и теперь она Heuyligers. До свидания, chérie и дорогой друг. Я очень люблю Ваши

письма, так что доставляйте одинокому старцу удовольствие. Жорж же, простите, свинья, ибо не пишет никогда и забыл Мурзилку. Я в жизни хочу помнить только хорошее и забыть плохое. В этом (как во всем) надо тренироваться, а в особенности ежедневно повторять: «яко же и мы *оставляем* должником нашим»⁹. Видите, Madame, я стал, как Гоголь перед смертью.

Ваш Г. А.

¹ *Татьяна* Викторовна Адамович (в замужестве Высоцкая; 1891-1970) — родная сестра Георгия Адамовича, балетмейстер, хореограф, организатор и руководитель балетной школы в Польше. 26 апреля 1963 Нина Берберова с некоторыми неточностями писала о семействе Адамовича Глебу Струве, отвечая на его запрос:

Напишу Вам сейчас о семействе Адамовича, чтобы распутать недоразумение: сестер было две. Одна жила и умерла во Франции, в Ницце, другая жила и живет в Польше. Отец Адамовича был женат два раза. От первого брака все были военные, даже генерал был, живший в Белграде. Вторым браком отец Адамовича, сам генерал, женился на еврейке, кот[орую] я знала, ее звали Елизавета Семеновна. Скандал был ужасный в Вильно, где в то время Любимов был губернатором. От этого второго брака было две дочери и один сын. Ольга, старшая, еще в 30-х гг. заболела сердечной болезнью и была инвалидом (не замужем, умерла в 42 г.). Татьяна была у меня в гимназии в 1913-1916 гг. классной дамой и учительницей французского языка. (Между прочим, гимназия Михельсон, на Владимирском проспекте, дала следующих «известных» лиц: со мной учились 1) сестра Оцупа, 2) двоюродная сестра Шкловского, 3) будущая жена Юрия Германа, 4) Муся Алонкина, которой посвящен первый сборник Серапионов, 5) будущая жена Корвин-Пиотровского и еще мн. др.). Итак, Татьяна в 1917-18 гг. вышла замуж за некоего Высотского, чистокровного поляка, и уехала с ним навеки в Варшаву. (Одоевцева ее знать не могла). Это было, конечно, после ее романа с Гумилевым. Она увлеклась Далькрозом и кн. Волконским, и, приехав в Варшаву, сейчас же открыла балетную школу. Она приезжала довольно часто в Париж с выводком молодых балерин, кот[орые] танцевали в Фоли Бержер и пр. местах (но не в Гранд Опера). Она была невероятно горда и самонадеянна. Теперь, будучи полькой по мужу и, видимо, по чувствам, она живет в Варшаве и вот написала книгу по-польски — русский она стала сильно забывать. В Париже я ее видела. Она меня хорошо помнила и лично ко мне, когда мне было 12-14 лет, она относилась очень мило, познакомила меня тогда с Ахматовой и Блоком, о чем я написала кратко в сборнике «Встреча» (40-е годы). Ей лет

около 72, Адамовичу 69. Встреча Ваша с Адамовичем, по-моему, иной быть и не могла

(Hoover Institution Archives, Stanford University, USA).

Отец Адамовича, Виктор Михайлович (1839-1903) состоял в первом (гражданском) браке с писательницей Надеждой Александровной Лухмановой (урожд. Байковой; 1844-1907). Упоминаемый Берберовой генерал — их сын Борис Викторович Адамович (1870-1936), военный писатель, историк л.-гв. Кексгольмского полка, в Первую мировую — командующий Кексгольмским полком, в гражданскую — участник Белого движения, в эмиграции — директор Русского кадетского корпуса в Югославии в чине генерал-лейтенанта. Вторым браком Виктор Михайлович был женат на Елизавете Семеновне Вейнберг, от которой имел четверых детей: Владимира (1886-1920?), Ольгу (1889-1952), Татьяну (1891-1970) и Георгия (1892-1972). Роман с Гумилевым у Татьяны Адамович (ей посвящен «Колчан») продолжался с начала 1914 до конца 1916, это было одно из самых продолжительных увлечений Гумилева, которое Ахматова называла «периодом Адамович». Гумилев даже предлагал в это время Ахматовой развод (записи в дневнике П.Н.Лукницкого 24 марта и 9 июня 1925). Вскоре после этого, в 1918 Татьяна вышла замуж за поляка Стефана Высоцкого и уехала с ним в Польшу. Ее «книга по-польски»: *Tasjanna Wysocka. Wspomnienia. Warszawa: Czytelnik, 1962*. Позже, в 1969, она написала по-польски еще одну книгу — «*Historia baletu*». О Татьяне Адамович см. статью в кн.: «*Wielka Encyclopedia Powszechna PWN. Warszawa, PW Naukova, 1969. T.12. С.568*), где, однако, годом ее рождения указан 1894.

² Более «гад», чем когда-либо (*фр.*).

³ Квартира Адамовича в Париже, в которой он прожил последние 20 лет своей жизни, находилась на самом верхнем, пятом, этаже (7, rue Frederic Bastiat), что причиняло ему некоторые неудобства (например, лифт там установили незадолго до его смерти), но зато ему нравилось, что эта квартира находилась в доме у самых Елисейских Полей.

⁴ Расходы оплачиваются (*фр.*).

⁵ Бедную крошку (*фр.*).

⁶ Адамович цитирует статью Л.Троцкого о «внеоктябрьской литературе» (Правда. 1922. 17 и 19 сентября. №209, 210), где тот, неодобрительно отзываясь о стихах Адамовича и других членов Цеха поэтов, неожиданно благосклонно писал о книге Одоевцевой «Двор чудес»: «Тут баллада об извозчике, которого насмерть загнал вместе с его лошадыю комиссар Зон, рассказ о солдате, который продавал соль с толченым стеклом, и, наконец, баллада о том, почему испортился в Петрограде водопровод. Узор комнатный, такой, который должен очень нравиться кузену Жоржу и тете Ане, но все же хоть махонькое отражение жизни, а не просто запоздалый отголосок давно пропетых перепевов, занесенных во все энциклопедические словари. И мы готовы на минуту присоединиться к кузену Жоржу: "Очень, очень милые стихи. Продолжайте, made-

moiselle!“» (Цит. по: Троцкий Л. Литература и революция. М., 1991. С.38).

⁷ Мучительности (*фр.*).

⁸ Именно я должен все, потому что я люблю тебя (*фр.*).

⁹ Мф. 6:12.

28

4, av. Emilia
ches Mme Heyligers
Nice
Вторник [13 июля 1957]

Cher Жорж

Получил вчера письмо от Полякова:

«Можете сообщить Ивановым, что вчера им постановлено перевести 50 долларов».

Значит — ждите. А может быть, уже и получили.

Кроме того, у меня есть к Вам вопрос. Я хотел бы дней через 8-10 поехать в Марсель, по делам любовным или вроде. А любовные мог бы соединить с дружеским — и быть у Вас. Но, в виду Вашего молчания, сомневаюсь, в каких Вы настроениях и будет ли это кстати. Поэтому ответьте, можно ли, и еще ответьте, могу ли я просто написать: «приеду тогда-то», т.е. в любой день (думаю, что это, скорее всего, будет среда 21-го). Если приеду, то, как в прошлом году, между двумя поездами, но без всяких ветчин и сардинок с Вашей стороны, т.к. съем все, что нужно, в Тулоне.

Надеюсь, à bientôt, а впрочем, не знаю. Зависит отчасти и от casino, где бывают les hauts et les bas¹, т[ак] что сами понимаете, что может получиться.

Ваш Г.А.

¹ Взлеты и падения (*фр.*).

29

4, av. Emilia
с/o Heyligers
Nice
9/IX-57

Милый друг, дорогая Madame'очка

Спасибо, что написали, и простите, что отвечаю не сразу. Всякие хлопоты, Таня¹, желающая обозреть Ниццу, — и прочее.

Сами понимаете. Я очень рад, правда, что Вы поправляетесь, и еще больше, — если возможно, жалею, что не видел Вас, когда приезжал. Глупо ведь то, что мне было все равно, когда приехать, и я мог выбрать, в сущности, любой день! Постараюсь приехать проездом в Париж, на будущей неделе. Но не знаю, удастся ли это, тоже по разным причинам. Во всяком случае, если приеду, напишу заранее, и, пожалуйста, сидите дома, какой бы это день ни был. Ужасно мне не хочется уезжать отсюда: опять зима et une solitude de plus en plus noire². До свидания, дорогой ангел. Je vous aime bien³ со всем Вашим наполеоновским умом и другими качествами.

Ваш Г. А.

¹ См. прим. 1 к письму 27.

² Одиночество все более и более черное (*фр.*).

³ Я Вас очень люблю (*фр.*).

Дорогая моя Madame и Жорж

Пишу из Парижа. Увы, увы! Я никак не мог к Вам приехать, и мне это ужасно жаль, но что поделаешь. Во-первых, не было денег, совсем, ибо, как Хлестаков, «издержался в дороге», а во-вторых, я в Париж ехал с Таней автокаром, через Гренобль. Ну, объяснять нечего, а результат печальный. Сейчас сижу здесь тоже «на бобах», или вроде, а надо ехать в Англию, где к тому же азиатский грипп. Видел еще мало кого, Эльканшу и Mme Бунину, да еще Червинскую, которая в таких мизерах всяческих, что не знаю, что с ней и делать. При этом она на весь свет озлоблена, что до всего света доходит и ей сильно мешает. Дорогие душики, пожалуйста, напишите мне в Манчестер (104, Ladybarn Road, Manchester 14, или еще лучше на университет: The University, Russian Department, лучше потому, что моя хозяйка читает мои письма, но это ничего, если все там благопристойно).

Если Жорж может прислать какую-нибудь «документацию» насчет себя, было бы очень хорошо. И какие-нибудь suggestions¹. Карпович² был в Париже и еще, говорят, вернется, но я едва ли его застаю здесь, т.к. должен ехать дня через 3-4. Жаль мне, что кончилось лето, так что и сказать не имею слов. Ибо лето было романтическое, и у меня все чувства, что оно последнее. Впрочем, так каждый год, так что будем надеяться на продолжение. Как

Ваше здоровье, Madame? Пожалуйста, напишите подробно. И вообще все. Целую Вас обоих со всей силой страсти и нежности. Буду ждать письмаца.

Ваш Г.А.

¹ Соображения (*фр.*).

² Михаил Михайлович *Карпович* (1888-1959) — профессор истории Гарвардского университета, редактор «Нового журнала» в 1946-1959.

31

104, Ladybarn Road
Manchester 14
21/X-57

Chère petite amie Madame, получил сегодня Ваше письмо и, как заведено, отвечаю сейчас же. Как маршал Петэн «je tien mes promesses»¹ и статью о Ж[орже] напишу непременно. Я думал, что увижу Карповича в Париже, но не видел, и ни ему, ни Гулю о статье не писал. Но едва ли это нужно, напечатают и так! Сейчас у меня голова забита всякой чепухой (здешней: начало года). Но в ноябре—декабре напишу, во всяком случае — до каникул Рождества.

Но вот в чем я уверен заранее. Что бы я ни написал, как бы ни написал, Вы — а Ж[орж] тем более — скажете, что это Шарарман и не то! Душка моя, каждый имеет свою манеру, и писать «точно и просто», как Вы требуете, что Ж[орж] — первый поэт после Пушкина, я не могу. Не в том дело, что он не первый, а в том, что у меня перо извилистое и не такое, чтобы ударить по всем струнам, а затем поставить точку. Сами знаете. Обещаю твердо, наверно, лишь то, что буду писать с лучшими чувствами и лучшими намерениями, но без рассуждений, отступлений, сомнений, сравнений (Эллиота², кстати, здесь считают кривлякой) не обойдусь. Впрочем, м.б., и без сравнений будет, не знаю еще. Уверяю Вас, что так будет лучше, глубокомысленнее. Ne me forcez pas la main³ в этом смысле, пожалуйста. Ни одного слова в статье «против» не будет, все будет «за», и иначе никто ее не поймет, т.к. все поймут, как хвалу и прославление.

Насчет же того, что это нужно *Вам* по каким-то высшим соображениям, простите, сударыня, плохо мне в это верится. Я Вас обоих слишком хорошо знаю, чтобы не чувствовать, что Вы все это писали мне немножко à contre-cœur⁴, по внушению Жоржа.

Практически от моей статьи не будет ничего, м.б., 5 долларов лишних от какого-нибудь мецената, да и то едва ли. Не может ничего быть. А что у Жоржа какой-то зуд, мало мне понятный, я знаю давно, и отчасти мне даже лестно, что он непременно желает моей статейки (Чекверша² мне писала как-то: «поставьте на мне Вашу печать»). Но я устарел, отстал и сдал свои позиции Терапиане, Маковскому и прочим юношам. Правда. А кроме того — зачем?? Я никому себя в пример не ставлю, но если бы Вы знали, до чего мне все равно то, что я иногда о себе читаю! Большой частью читаю, что «дурак и болван», но если бы прочел, что «сверхгений», тоже все равно. О душе пора подумать! Но это я все пишу в дружеском удивлении насчет Жоржа, но без осуждения. «Это что же говорить, всяка жисть бывает», — как говорил мне мужик в Новоржеве⁶, посмотрев на голливудские фильмы.

Ну, хорошо — точка. Напишу, постараюсь, сделаю все, на что способен, честное слово. Только хорошо бы Ж[орж] сделал, если бы прислал свои книжки: я их верну аккуратно, но тут у меня ничего нет. Надо бы вспомнить кое-что. Кстати, Ж[орж] не столько первый поэт в эмиграции, сколько единственный, ибо читая то, что сочиняют другие, я прихожу в уныние и недоумение. Ну вот, *passons*.

Чувствуя в Вашем письме всякие преувеличения и все такое, я утешаюсь, что и насчет здоровья Вашего Вы преувеличили. Да или нет? Дорогая Madamotchka, пожалуйста, не болейте, будьте здоровы на радость мне и всей мыслящей России. Ну, шарики белые или красные, и у кого же они в порядке? То много, то мало, у всех. Главное, *хотите* жить, быть веселой, любить (*c'est très important*), а остальное будет само собой. Я бы еще посоветовал: молитесь Богу, но это как знаете, и говорить об этом трудно. Но попробуйте. St. Therese⁷ очень хорошо говорила: «*ne craignez pas de dire à Jesus que vous l'aimez même sans le sentir*»⁸. Т.е., тогда это само собой придет, и придет еще многое. Ну, простите за эту мудрость и не примите ее за старческое расслабление.

До развлечений я еще падоk, и очень оценил то, что Вы написали о Вашем прокуроре и Спутнике. Но, знаете, Водов способен напечатать, как он напечатал в прошлом году статью из Астрологии, что небесный свод окружен зеркалом, и все звезды — это только отражение земли. Я дал это прочесть в переводе здешним астрономам, и они долго ахали и хохотали. А на днях была статья Злобина⁹ (не на днях, в сентябре), с такой фразой: «К сожалению, о первородном грехе никто толком ничего не знает...» Действительно, до слез обидно, что никто не присутствовал, когда Ева надгрызла свое яблоко! Впрочем, Вы, кажется, Злобина весьма

уважаете, как второго поэта эмиграции. Ах, Madame, Madame, до чего все в жизни глупо и пусто, но, пожалуйста, живите подольше и получше, ибо je vous aime, и целую от лучших чувств Вас и Жоржа. Не сердитесь за возражения насчет статейки. Все будет. А про «ангела мой души» писать долго, но ангел он правда, хотя и дубина. Пожалуйста, ответьте и вообще пишите.

Ваш Г.А.

¹ Я выполняю свои обещания (*фр.*).

² Томас Стернз *Элиот* (Eliot; 1888-1965) — поэт, родившийся в Америке, но живший в Англии, «самый влиятельный из современных английских поэтов», как отозвался о нем В.Вейдле в своей книге «Умирание искусства» (Париж, 1937).

³ Не насилуйте мою руку (*фр.*).

⁴ Против воли (*фр.*).

⁵ Рахиль Самойловна *Чеквер* (1893-1957) — поэтесса, жившая в Нью-Йорке и печатавшая свои стихи под псевдонимом Ирина Яссен.

⁶ В городе Новоржеве Псковской губернии Адамович провел две зимы в 1919-1920, работая учителем русского языка и литературы.

⁷ Имеется в виду высоко почитавшаяся Мережковскими «маленькая Тереза» — французская монахиня-кармелитка Тереза Лизьеская (Мари Франсуаза Тереза Мартен; 1873-1897, канонизированная в 1925). Ей посвящена одна из последних работ Мережковского «Маленькая Тереза» (Ann Arbor, 1984).

⁸ «Не бойтесь сказать Иисусу, что вы его любите, даже если вы не чувствуете этого» (*фр.*).

⁹ Владимир Ананьевич *Злобин* (1894-1967) — поэт, публицист, критик, секретарь Мережковских с 1920, а после их смерти — хранитель архива.

Дорогая Мадам

«Что думает старуха, когда ей не спится». Вчера я писал Вам, весьма длинно, а ночью мне пришло в голову: не затеяли ли Вы все это в надежде на Нобел[евскую] премию¹? Ведь о каких-то шагах Жоржа в этом смысле я слышал уже давно. И вот что хочу рассказать Вам, — тоже вспомнил это.

Было это сразу после известной Вам статейки² Ж[оржа] обо мне и всего прочего. Или почти сразу. Я был еще на rue de Ponthieu, это помню наверно. Я получил от какого-то неизвестного мне француза письмо с приложением переписки, начавшейся в Стокгольме. Было письмо директора «Figaro», потом еще что-то, а на письме «Фигаро» была пометка, насколько я мог разобраться — Андре Мальро: «Demandez l'amis de Georges Adamovitch»³. Речь шла о Зайцеве, Гребенщикове⁴ и Жорже, т.е. что они такое и какая их valeur⁵. Из-за этого все и попало ко мне. Я, хотя был в праведном гневе, превозмог себя и о Ж[орже] написал все самое лучшее, даже с указанием, что «первый» (кажется, указал, и очень хотел бы, чтобы эта бумажка Вам когда-нибудь на глаза попалась!). О Зайцеве тоже написал лестно, а о Гребенщикове, не желая ему гадить, написал, что мало его читал и мнения не имею. Потом я об этом говорил Алданову, с удивлением, что он упомянут не был. Он сказал: «Они обо мне все хорошо знают», и сказал еще, что после Бунина (котор[ый] в Стокгольме не понравился) никогда русск[ому] эмигранту премии не дадут. И вообще много рассказывал «закулисного»: интриги, просьбы и все такое.

Ну, вот я и подумал: не в этом ли дело? Но если в этом, почему было мне не написать прямо? М.б., Вы думаете, что я — как Николай Авдеч⁶ — стал бы дуться, завидовать? Могу поклясться, что, кроме удовольствия, во мне это ничего не вызвало бы. Даже больше: самой настоящей радости (плюс надежда на подачку!). Все другие чувства во мне окончательно «переплавились, перегорели», да и миллионной доли расчета на что-либо подобное для себя я не имел никогда.

Ничего невозможного в этом, в сущности, нет. Qui sait?⁷ Маловероятно, но возможно, и значит, надо надеяться. Только если статья и имеет значение (по-моему, нет или почти нет), то как раз глубокомысленная и не слишком ударная и грубая. Мне Алданов рассказывал, как Duhamel⁸ себя погубил чем-то таким, на что в Стокгольме сказали: «jamais»⁹. А главное, они хотят возвышенного образа мыслей и высокой морали. Дюамель, впрочем, подошел бы, но кто-то за него перестарался.

Очень бы хотел знать, верно ли я догадался. М.б., нет? Тогда простите, дорогие товарищи, но повторяю: готов содействовать в размере своих слабых сил сколько могу, и всячески помогать, а затем и радоваться de tout cœur¹⁰.

Ваш Г.А.

¹ Догадка Адамовича была верной. В своей книге «На берегах Сены» Одоевцева пишет о Георгии Иванове, что «приехавший из Америки про-

фессор М. сообщил ему, что Америка представит его кандидатом на Нобелевскую премию следующего года, если будет благоприятствовать политическая конъюнктура. Но конъюнктура, как и можно было ожидать, оказалась неблагоприятной» (Одоевцева И. На берегах Сены. Указ. изд. С.191). Правда, затем Одоевцева добавляет фразу: «Нобелевскую премию получил Мартен Дю Гар», что заставляет с сомнением отнестись к этому ее сообщению. Речь у нее идет о пятидесятых годах, а Мартен Дю Гар получил Нобелевскую премию в 1937. Но таких несоответствий, как случайных, так и умышленных, в ее книге вообще предостаточно.

² Имеется в виду статья Г.Иванова «Конец Адамовича» (Возрождение. 1950. №11. С.179-188).

³ «Спросить у их друга Георгия Адамовича» (фр.).

⁴ Георгий Дмитриевич *Гребенщиков* (1882-1964) — прозаик, популярный в определенных кругах русских эмигрантов в Америке. Перу Адамовича принадлежит единственный отзыв о творчестве Гребенщикова, рецензия на первый том его собрания сочинений, в который вошли до-революционные рассказы 1906-1910-х. По мнению Адамовича, «это простая, скромная "мужицкая" книга /.../ как бы последний вздох Григоровича в нашей литературе /.../ Но некоторая подслащенность письма Гребенщикова не лишена прелести» (Звено. 1925. 5 января. №101. С.2).

⁵ Ценность (фр.).

⁶ Оцуп.

⁷ Как знать? (фр.).

⁸ Жорж Дюамель (1884-1966) — французский писатель.

⁹ Никогда (фр.).

¹⁰ От всего сердца (фр.).

104, Ladybarn Road
Manchester 14
16/XI-57

Chère Madamotchka

Получил Ваше письмо с «документацией». Еще не все прочел, даже только повертел в руках, но намерен насладиться, т.е. прочесть медленно, перечесть пять раз. Иначе не стоит. На каком-то стишке Жорж спрашивает, как у меня было: «вернее, циан[истый] калий» или «точнее, циан[истый] калий»? *Точнее*¹. Но зачем это ему? Как водится, он у меня этот калий украл вместе с розовым небом. Впрочем, насчет калия было непостижимое совпадение с Сологубом. Помните? Боже, как это было давно. Юрка Султанов² и все прочее. И вот мы все живем и не унываем. Вы-то еще цветочек, а я! Кстати, очень рад, что Вам пришлось по душе мой Ан-

ненский³. Я это писал с целью «восстановления истины», ибо теперь получилось, что главный анненкист — Маковский, с покойником Ставровым. (Это он мне говорил о Тютчеве и просил отметить, какие у Тютчева стихи «хорошие»⁴!). А еще было тайное желание, нереализованное, вновь объединиться, собрать Цех, чтобы Вы были с бантом, а Оцуп плел какую-нибудь чушь, все как прежде, — а потом разойтись окончательно. *Qu'en pensez vous?*⁵ У Жоржа к этому нет охоты никакой, а у меня очень, вроде как Блок все вспоминал, помирая, свою «Прекрасную Даму». Кстати еще: с Оцупом что-то случилось, мне написал Бахрах: «знаете ли Вы о несчастн[ом] случае с Оц[упом]?» Я взволновался — дружба, русская литература! — написал Гингеру, от которого это шло, но, оказалось, не «несч[астный] случай», а какая-то болезнь, угрожающая зрению и требующая каши в виде диеты. Хорошо, кончим о делах: статью сочиню и пошлю до каникул, «П[ортрет] без сходства»⁶ мне, конечно, нужен бы, но могу и обойтись, поскольку я его приблизительно помню, т.е. не отдельные стихи, а дух и стиль. На крайность, возьму в Париже и что-нибудь добавлю и исправлю. Еще мне надо бы статью Гуля⁷, чтобы не очень с ним разойтись и не очень сойтись, раз он в журнале начальство. Но это я, вероятно, достану здесь, или поищу, надеюсь — есть. Сейчас, между прочим, читал в одн[ом] советском журнале о Нарбуте⁸: что он был в 1919-21 или 22 г. большевиком, чем-то на юге заведовал, был дружен с Багрицким и издал книгу «Огненный столп», не зная, что «Столп» есть у Гумилева. Знал ли все это Жорж? Там же есть его стихи, ничего, но противные.

Теперь поговорим о главном — о любви. Пожалуйста, Madame, опишите мне Ваши испанские страсти, т.е. вокруг Вас и все вообще. А Макеев? «Тебя, как первую любовь...» Еще напишите о своем здоровье. *Je ne vous vois pas malade*⁹, а Вы все пишете про слабости. Какие, почему? Ну, вот я напишу статейку, Вы получите миллион, и все войдет в норму. Я, конечно, понимаю (и как!), что безвыездно в богадельне, даже при всех южных красотах, можно очуметь и расслабиться совсем. Я тут тоже вроде богадельни, но с налетами в Париж, довольно часто. Моя «любовь», верно, ко мне на Рождество явится, надо копить капитал, не для платы, а для развлечений, сами знаете, то да се.

Ну, дорогая Madame, ангел души моей, до свидания. Я верю в Вашу дружбу и прошу меня не обмануть и не разочаровать. Все бывает. Но это было бы мне весьма прискорбно, тяжело и обидно. Знаете, у меня есть стишок про императора Павла¹⁰? Так вот. Впрочем, Вы, верно забыли. До свидания. Жорж — свинья, никогда не пишет ни слова. И вообще — свинья. Он когда-то, глядя

на мой барометр, сказал, что я — «великая сушь». А сушь — он. Кстати, не мог я и тогда понять, почему его этот барометр (и градусник) так поразил. Таня на днях вернулась в Варшаву, но, верно, приедет зимой или весной опять. Я ее немножко забыл, но она — очень милая, такая же, как была, хотя толстая старуха.

Ваш Г.А.

Напишите про здоровье.

¹ Составляя свой последний сборник «Стихи 1943-1958 гг.» (Нью-Йорк, 1958), Г.Иванов взял эпитафией к своему стихотворению «Как вы когда-то разборчивы были...» последнюю строфу стихотворения Адамовича «Куртку потертую с беличьим мехом...» (впервые: Петербургский сборник. Пг., 1922. С.8; вошло в сборник «На Западе»):

Имя тебе непонятное дали.
Ты — забытье.
Или, точнее, цианистый калий
Имя твое.

² Юрий Николаевич Султанов (ум. около 1939) — сын писательницы Е.П.Летковой (в замужестве Султановой; 1856-1937), хранитель музея «Старый Петербург».

³ Статья Адамовича «Судьба Иннокентия Анненского» (Русская мысль. 1957. 5 ноября).

⁴ В статье «Довид Кнут и П.Ставров» Адамович привел этот эпизод в подробностях: «я заметил, что при всем моем поклонении перед Анненским ставить его в один ряд с Тютчевым, по-моему, все-таки нельзя. Ставров вздрогнул, как будто даже изменился в лице, — "Вы это серьезно говорите?" — "Совершенно серьезно, более, чем серьезно". — Он никак не мог успокоиться, возражал и даже попросил показать ему у Тютчева стихи, которые будто бы "лучше Анненского". Для него Тютчев был слишком ярок, и вкрадчивый шепот Анненского казался ему к истинной поэзии несравненно ближе» (Новое русское слово. 1955. 29 мая).

⁵ Что Вы об этом думаете? (*фр.*).

⁶ Сборник стихов Георгия Иванова «Портрет без сходства» (Париж: Рифма, 1950).

⁷ Статья Романа Гуля «Георгий Иванов» (Новый журнал. 1955. №42. С.110-126).

⁸ Вероятно, Адамович читал статью К.Зелинского «На великом рубеже (1917-1920)» (Знамя. 1957. №10. С.185). Других упоминаний имени Нарбута в советской печати того времени не было. Сборник стихов Нарбута назывался «В огненных столбах» (Одесса: Изд. Губ. отд. печати, 1920).

⁹ Я не представляю Вас больной (*фр.*).

¹⁰ Адамович имеет в виду последнюю строфу своего стихотворения «Граф фон дер Пален! Руки на плечах...» (Числа. 1930. №1. С.11; вошло в книгу «На Западе»):

Все можно искупить: ложь, воровство,
Детоубийство и кровосмешенье,
Но ничего на свете, ничего
На свете нет для искупленья
Измены.

Императору Павлу посвящено еще одно, раннее, стихотворение Адамовича сходного содержания: «12 марта 1801 г.» («Вы знаете, это измена...»), впервые опубликованное в «Северных записках» (1916. №4-5. С.46) и включенное в сборник «Чистилище» под названием «1801».

34

[На бланке University of Manchester]
3/XII-57

А с 12-го — Париж, как обычно.

Дорогой друг Георгий Владимирович

Письмецо Ваше о «грязи, нежности и грусти»¹ получил и с великим трудом разобрал. Что за почерк! Вроде Наполеона или Маклакова². Сплошные блохи и кружочки. Ну, а теперь — ответ, «чему следуют пункты», для ясности:

1) Откуда Ты взял, что я в жизни всего «вкусил» и катался, как сыр в масле? Меня это глубоко поразило, как и то, что я тебя «не понимаю, как сытый голодного»?! Я в сто раз более голодный. У тебя красавица-жена, семейная жизнь, на столе самовар и прочее. А я мыкаюсь, неизвестно зачем и для чего. Ты меня уверял в последний разговор наш, что я — «как Бердяев». Во-первых, меня наоборот, все шпыняют и называют дураком, а во-вторых — и в-третьих, и в-сотых: что с того! ну, я — Бердяев, а Ты — Пушкин, а дальше? На этом — точка.

2) Насчет нашей предполагавшейся переписки. Я будто бы начал с «чуши о ямбах». Голубчик, с ямбов и надо было начать, никак не с вечности. Да и ямбы — не чушь, т.к. я хотел обозреть всю галерею поэтов, а не писать, что есть жизнь. Теперь — единственный возможный корреспондент Чиннов. К нему и обратимся, т.е. я. Еще есть Иваск, но уж очень переутончился не по летам.

3) Помер Ремизов. «Опыты» я получил — и все оценил по достоинству насчет Ремизова³. Но теперь негодовать не время. Однако, особенно умилил меня Вейдле со «Славой»⁴ под конец. Что за перо у этого человека.

4) ну и еще разные мелкие пункты, не стоит писать о них. Например, насчет детективных романов. Это меня еще удивило в эпоху Мурзилки: до чего же разные существа. Я ни одного такого романа до конца не дочитал и предпочитаю смотреть в потолок.

5) Для Тебя — самый важный пункт: статья. Все будет сделано в ближайшие дни, с жаром и усердием. Статья Гуля у меня есть. Маркова⁵ прочел. Он, конечно, ударил по всем струнам, и Ты доволен. Но как он все-таки развязно пишет, а местами и глупо. Лучше писать, как правитель департамента, чем с таким «художеством», как говорила бедная Вольская. Стихи Твои очень хорошие, правда, и я это все опишу, не навязывая *pour une fois* своих взглядов ни на что. (А о своих взглядах все хочу что-то окончательное и завещательное написать, но едва ли раскачаюсь. Надо бы, в назидание потомству⁶).

Кажется — все. А вообще-то можно написать еще многое, но все ясно и без. Мне очень понравилось, что я «Тебя называю дураком» и в скобках: («м.б., это и правда»). Никогда я тебя дураком не считал, все поклеп и ложь. Вот, что-то все умирают вокруг, каждый день. Ремизов, кстати, все-таки плохой писатель, хотя Ты и ввернул, что «гениальный». Маковский и все серьезные коллеги — того же мнения, т.е. твоего. Кстати еще, Маковского надо бы унять, уж очень он возвеличился, и еще ничего бы, если бы был старичок симпатичный, а то ведь на редкость противный и злой.

До свидания, дорогой друг Иванов, как звал когда-то из-за ширмы Апостол. Я все вспоминаю, что было сто лет назад. Вот под конец два слова совсем всерьез: не думай, что я и правда обижаюсь, если Ты никогда не пишешь и т.д. Я все понимаю и все знаю, хотя и не Бердяев. Т.е. я слишком знаю тебя (за 45 лет!), чтобы не знать всего и в Тебе, с «грязью» включительно (и литературным зудом).

Ваш Г.А.

¹ Цитата из В.Розанова.

² Неразборчивый почерк Маклакова был притчей во языцех в эмиграции. Р.Гуль 13 июня 1953 писал Георгию Иванову: «Письмо Ваше, слава Богу, не похоже ни на А[лександра] Ф[едоровича Керенского], ни на Вас[илия] Ал[ексеевича Маклакова]» (Новый журнал. 1980. №140. С.196).

³ В восьмом номере «Опытов» появилось «Приветствие А.М.Ремизову» Г.Иванова, В.Маркова и В.Вейдле. 28 ноября 1957 В.Марков писал Г.Струве: «Адамович, кстати, отказался участвовать в "Опытах"». Иваск писал, что его «взорвал ремизовский юбилей» (Hoover Institution Archives. Stanford University. USA). «Подбор приветствий Ремизову» «странным показался» и Глебу Струве, о чем он сообщил В.Маркову 2 января

1958 (Частное собрание Жоржа Шерона, Лос-Анджелес), а об отказе Адамовича сотрудничать в «Опытах» у него была другая информация: «Иваск подозревает, что гнев Адамовича на самом деле объясняется не Ремизовым, а Цветаевой» (30 ноября 1957).

⁴ Статья В.Вейдле о Ремизове называлась «Алексею Михайловичу Слава» (Опыты. 1957. №8).

⁵ Статья В.Маркова «О поэзии Георгия Иванова» (Опыты. 1957. №8 С.83-92).

⁶ Статья Адамовича «Невозможность поэзии» вскоре появилась в «Опытах» (1958. №9. С.35-51).

35

[На бланке University of Manchester]

3 дек. 57

Дорогая Madamotchka,

сильно утомившись на письме Вашему супругу, пишу только два слова. Спасибо за письмо Ваше. Я крайне расстрогался, что Вы мои письма прячете в особый ящик или конвертик — но если это и не так, и если Вы, прочтя, что «расстрогался», скажете Жоржу: «вот тоже болван, всякой чепухе верит!», то это ровно ничего не меняет, ибо вообще, со времен семги, я все навсегда уразумел, о чем пишу и Жоржу.

Как Ваши амуры? Я читал с интересом про испанца. Вам ведь всегда нравилось нравиться, больше всего другого, — значит, и теперь все в порядке. Но «не подносите корыта, если не даете пить» (простите, грубо, но не мое: это писал Пушкин жене, если изволили читать).

До свидания, cherie. Будьте здоровы и благополучны на радость и испанцам, и русским. Напишите мне в Париж, пожалуйста.

Ваш Г.А.

36

7, rue Frederic Bastiat

Paris 8

21 дек. 57

Дорогая Мадамочка, прибыв в Париж, получил Ваше письмо. Спасибо. Верчусь в вихрях света уже с неделю, но внезапно ослаб и сдал, устаю очень, не знаю с чего. Верно, c'est l'age¹. Кстати, я все больше становлюсь похож на Гинденбурга² или бульдога, из-за мешков у рта в виде каких-то грецких орехов, что меня сильно огорчает. Но тут и кремы не помогут, ибо надо бы «ушиться»,

как советовала, кажется, Вам Вольская. Вам-то не надо, а мне пригодилось бы. Ну, *passons*.

Нового нет особенного ничего, кроме того, что все кто-то помирает. Вот теперь Леонидов, Ваш благодетель и *admirateur*³. Оцуп, будто бы, ослеп на один глаз и до конца жизни должен сидеть на кашках. Маковский стал поклонником Пастернака, а со мной *tant sucre tant miel*⁴, хотя я знаю этому цену. И так далее.

Пришло письмо от Гуля, в ответ на мое. Ближайший № выходит в начале января, он просит статью о Жорже — к концу января, т.е. на следующий №. Я этому рад, т.к. напишу с чувством и толком, а не к спеху. Между прочим, он Жоржа называет «Джорджио» и пишет, как о старом братишке-приятеле! Очень интересуется, соглашусь ли я с ним или буду возражать. Вернее, не будет ни того, ни сего. До чего все на свете одержимы литературой и самолюбием! Вот, о Ремизове кто-то (Зайцев?) писал, что он до последнего дня интересовался отзывами, переводами и т.д. — и это в похвалу! Значит, и ясно, что человек был пустой и глупый, что о Рем[изове] я знал всегда.

Теперь *Madame*, — о самом важном. Почему Вы решили прекратить романы и страсти? Уверю Вас, это интереснее переводов и отзывов, да Вы и сами знаете. Вот я как-то одряхлел, честное слово, и то рвусь в бой. Мой друг вечный или полу-вечный, должен ко мне на днях явиться из Марселя, это и приятно (75%), и хлопотно. Он — типичный *jeune chien*⁵, и если о чем догадывается, то с испугом и недоумением. Да, о Ваших стихах в «Опытах»⁶: представьте, я их не видел! Получив «Опыты», я с раздражением их перелистал, кое-где разрезал, но почти не читал — и забыл их в Манчестере. Даже не заметил, что какие-то стихи, и чьи, там были. Но завтра или послезавтра я «Оп[ыты]» достану, и тогда — ежели Вам интересно — сообщу свое авторитетное суждение. Маковский, кстати, утверждает, что первый поэт теперь — Величковский⁷.

Ну, вот — все. Да, еще насчет вырезки — о возрасте и ферламуре. Напрасно Вы удивляетесь. По-моему, они даже преуменьшили, и вообще — цифра глупая: у них к 30 годам человек сдает, что совсем не верно. Кстати, прочли Вы Аминадо⁸ о Фурцевой — «Никитские ворота»? остроумно, но неприлично, и, я думаю, Водов не сообразил, что это значит. У меня почерк куриный из-за стило, которое подарила мне Кодрянская: слишком тонкое, она перестаралась. Вот, карандашом яснее. *Madame, tenez mes vœux les plus affectueux*⁹ к Праздникам, пожалуйста, не болейте, не скачайте, не образумливайтесь. Мне будет ясно жалко, ежели Вы решите больше «не змейтесь». До свиданья. Жоржу *salut confraternel* и все прочее. Пожалуйста, пишите.

¹ Возраст (*фр.*).

² Пауль фон *Гинденбург* (1847-1934) — военный и государственный деятель Германии, генерал-фельдмаршал (с 1914), президент Веймарской республики (1925-1933).

³ Поклонник (*фр.*). Слух о смерти Леонидова оказался ложным.

⁴ Такой сахарный, такой медовый (*фр.*).

⁵ Щенок (*фр.*).

⁶ Опыты. 1957. №8. С.4.

⁷ Анатолий Евгеньевич *Величковский* (1901-1981) — эмигрантский поэт и прозаик, начавший публиковаться после Второй мировой войны.

⁸ *Дон-Аминадо* — псевдоним Аминада Петровича (Аминодава Пейсаховича) Шполянского (1888-1957) — эмигрантского сатирика. После войны жил в Йере.

⁹ Мои самые сердечные пожелания (*фр.*).

Дорогой друг Madame

Не знаю, я Вам не ответил, Вы мне? А также поздравление с Новым годом, как полагается? Но если я, то простите и поймите: у меня был и только что прошел (почти прошел) «азиатский» грипп, самый что ни на есть азиатский. Это такая мерзость, что и сказать нельзя, и десять дней я был совсем не в себе. Да и сейчас свет не мил. Надо бы уже быть в Англии, а я раньше будущей недели не сдвинусь. Ну вот, оттого переписка и задержалась. И представьте, лежу я утром в 7 ч. утра, с 39°, звонок или, вернее, стук в дверь. Я кое-как встал: «ангел моей души с чемоданчиком»!! А я за два дня послал телеграмму, чтобы не приезжал, но послал в Марсель, а он был в Ницце! *Vous voyez tout ça*¹. Он пробыл сутки, но все-таки это было неудачно и тягостно, ибо надо было все делать и развлекать, как ни в чем не бывало. Madame, Ваши стишки в «Опытах» совершенно прелестно-очаровательны, и я рад, что *potre Tegariano national* хорошо написал о них: «кто, кроме нее!..» — или что-то вроде. Правда, это Одоевцева в лучшем своем виде, значит, «продолжайте, мадмуазель», как Троцкий выразился, кажется. Встретил на лестнице *metro* Оцуа, в черных очках, леденяще-вежливого, но на мысль мою устроить цех с бантом на Вас он чуть-чуть размяк.

До свидания, chérie. Мне разные друзья и знакомые предлагают «прийти помочь», т.е. убрать или сжарить котлеты, но я до сих пор удачно отговаривал, — кроме Фруэтши, которая, отбиваясь от консьержа, ее по моему приказу не пускавшего, ударила его по лицу, после чего произошла свалка. Был только Гингер, но это ничего.

Как все у Вас? Я что-то много расписался о себе; но это в виду одра болезни. Кланяйтесь Жоржу с поцелуями и пожеланиями в 1958. Какая цифра! Алданов правильно говорил: «как мы это допустили?!» Напишите мне, дорогая душка, и лучше еще сюда, ибо я еще дней 5 здесь наверно.

Ваш Г.А.

Кстати, читали Вы Оцуа («Апокалипсис») в P[усской] мысли?

¹ Представляете себе это (*фр.*).

Дорогой друг et chère Madamotchka

Я получил Ваше письмо уже в Манчестере, его мне переслали. Не могу сказать, что совсем пришел в себя. Этот грипп очень ослабляет, и «сама я немножко нездорова». Или это от преклонного возраста трудно прийти в норму? А здесь зима, снег, это тоже действует. Ну, не буду распространяться про свои мизеры, сами понимаете, но мне противно быть больным старцем, а не молодым спортсмэном. История с миллионами Вашего испанца трагикомична. Mais, madame, ce serait très beau¹, как писала Зинаида, «нет, не бывает, не бывает, не будет, не было и нет»². С нами таких чудес не случается. Но, по-моему, Вы с этим испанцем должны быть теперь еще милей и нежней, чем прежде, — за желание его и в утешение ему. Да и благородство свое высказать. Кстати, вчера я читал в журнале «Нева» воспоминания Л.Никулина о Ларисе Рейснер, где она будто бы уговаривала Блока писать более революционно и «созвучно» большевикам. А Блок ответил: «вчера мне одна женщина, тоже молодая и хорошенкая, говорила совершенно противоположное». Никулин от себя добавляет: «думаю, что Блок имел в виду И.Одоевцеву, позднее оказавшуюся в эми-

грации». Правда это? Но во всяком случае Вам лестно: — хорошенькая и собеседница Блока.

Гулю³ я опять третьего дня сообщил, что статья о Ж[орже]⁴ будет к концу месяца, п[отому] что он меня запрашивал. Он почему-то стал писать мне длиннейшие письма — о том, как ему опостылела литература и т.п. Я, в сущности, считал его чем-то вроде колбасника, а он оказывается с неврастенией и запросами. Да, о Маллармэ. Я думаю, что Вы что-то путаете, т.е. забыли о том, что говорил о нем Гумилев. Или это было в другое время? Когда я был уже в Новоржеве, то в один из приездов пошел на две-три лекции Гумилева, в какой-то маленькой комнате «Дома иск[усств]», для студистов. Он читал «цикл» о французской поэзии, и я тогда уже понимал, что это черт знает что. Он кисло отзывался даже о Бодлере, превозносил Готье и Мореаса, а о Маллармэ несколько раз повторил: «я не понимаю, зачем это написано». Я помню все это твердо, вижу комнату, стол, где он сидел. Кажется, ни Вас, ни Жоржа не было. Помню, что у Мореаса он особенно восхищался «*Pelerin passionné*», а о «*Stance*»⁵ наоборот — холодно. Но где и когда я обо всем этом писал, на что Вы ссылаетесь? Вот этого не помню.

Но вот — это все литература. А она мне поднадоела, как Гулю. Только б водились деньги, и все прочее. Пожалуйста, Madame, продолжайте мне аккуратно писать и все сообщать, в моральную мне поддержку. Если [б] Вы знали, что творится в моей мятушейся душе, притом во всех смыслах! Но Вы — друг, который искренне хочет быть верным и которого Бог все-таки к этому не предназначил! Не думайте, что я Вас в чем-то упрекаю. Не в чем. Но я чувствую эту черту в Вас «*mobile comme l'onde*»⁶, которая, верно, и сводила (и сводит) с ума Ваших поклонников: в последнюю минуту ускользнет, сама этого не заметив! Действительно, если бы я имел великое несчастье в Вас влюбиться, то сошел бы с ума. То ли дело Ангел с чемоданчиком, белыми зубами et «*un film formidable*»⁷. Тут тоже блаженство и безнадёжность (пропорция 1/10 и 9/10), но, по крайней мере, без иллюзий, без беспокойства, без неожиданностей. Знаешь заранее, что ничего нет, но ничего и не обещано.

Ну, простите за релакс⁸ и лирику. Целую Ваши нежные ручки и все такое. Будьте здоровы, а миллионы не так важны.

Ваш Г.А.

Гласберг (старый) пишет, что виделся «с Mme Ивановой». Не попал ли и он в адмиротэры? Когда-то он был знаменитым Ловласом. Но он старик умный, хотя и надоедливый.

¹ Но, мадам, это было бы слишком хорошо (*фр.*).

² Из стихотворения З.Н.Гиппиус «Не бывает» (1918).

³ Роман Борисович *Гуль* (1896-1986) был в это время (с 1952) сотрудником М.М.Карповича, а после его смерти в 1959 и редактором нью-Йоркского «Нового журнала».

⁴ Имеется в виду статья Адамовича «Наши поэты: Георгий Иванов», вскоре опубликованная в «Новом журнале» (1958. №52. С.55-62). Через некоторое время вышла его вторая (и последняя) статья этой же серии: «Наши поэты: Ирина Одоевцева» (Новый журнал. 1960. №61. С.147-153). В письме Игорю Чиннову 13 мая 1961 Адамович писал: «Я не хотел продолжать этой серии, не хотел вообще писать ее. Но сначала пристал Г.Иванов, а потом Одоевцева — будто и ему, и ей это было крайне нужно!.. я из-за статьи об Иванове поссорился с Оцупом (почти)» (Новый журнал. 1989. №175. С.257).

⁵ «Страстный пилигрим» (1891) и «Стансы» (1899-1901) — книги стихов французского поэта греческого происхождения Жана *Мореаса* (наст. имя Янис Пападиамандопулос; 1856-1910). Сборник «Страстный пилигрим» сам Мореас, начинавший как символист, считал началом новой эпохи в поэзии, первой книгой «романской школы», которую литературоведы обычно относят к неоклассицизму.

⁶ Изменчива, как волна (*фр.*).

⁷ «Потрясающий фильм» (*фр.*).

⁸ От французского *gadotage* — вздор, болтовня.

Дорогие душки

Спасибо за два письма, Мадам и Жоржа.

Сейчас, только что, кончил и переписал статью, оттого пребываю в некоем высоко-творческом волнении. Если вам не понравится, «расстаюсь вечным расставанием»¹. Статья хорошая, по мере моих сил: для меня хорошая. У меня все время жар, я в болезненном состоянии ее и писал. Скажу правду, я начал /.../ надо же наконец /.../ «отделаться» /.../²

всем струнам, и хотя ударил, но по-своему, м.б. и с Шарарманом. Однако сравнение только с Блоком: Блок и Иванов. Под конец пущен намек о глубоком смысле ивановской поэзии, и кончается словом «царит». Кстати, в начале сделан даже *hommage*³ Вашему другу Маркову, с оговоркой, что он гимназист. Его статья⁴ Вам нравится, я понимаю, — но ведь это чорт знает что!

Ну, одним словом — постарался и чувствую удовлетворение. Madame, я не могу прислать Вам копии (т.е. Жоржу — ибо Вы хитрите /.../ весь его «зуд» /.../⁵

Жорж пишет, что верно я притворяюсь «бедным, больным старичком». Нет, я сейчас развалина, и не знаю, что это, а если это все грипп, то Ваши уверения, что от гриппа молодеют, не вполне соответствуют истине: ибо я и на вид стал совсем /.../⁶ обычно. Что Ваш Amigo Peseta? Я никак не могу понять, что приятного в том, что нравишься. Для меня, в редких случаях моей практики, это всегда было только неприятностью. Пожалуйста, пишите.

Ваш Г.А.

¹ Так в первом коробе «Опавших листьев» (1913) Розанов расставался с «позитивистом» (В.Розанов. Сумерки просвещения. М., 1990. С.414).

² Конец листа отрезан.

³ Почтение (*φρ.*). В «Бродячей собаке» этим словом приветствовали друг друга при встрече.

⁴ Имеется в виду статья В.Маркова «О поэзии Георгия Иванова» (Опыты. 1957. №8. С.83-92).

⁵ Вырезана часть листа.

⁶ Вырезана часть листа.

Manchester
3 марта 1958

Дорогой и бесценный друг Madame

Не может того быть, чтобы я Вам не ответил. Впрочем, не помню. Но *en principe*¹ — не может быть, ибо отвечаю всегда, да на старости лет стал вообще всем отвечать. Вам тем более и особенно. Вот, теперь у меня даже дружеская переписка с Оцупом². Он мне прислал книжку³, я написал статейку (Тютчев⁴) — ну, и пошло. Даже Диана шлет поклоны. Он хочет в апреле, когда я буду в Париже, свидеться «посидеть». Боюсь, что опять полчатся в море корабли, но вообще-то, «перед тем, как умереть, надо же поговорить»⁵. И со всеми наладить нерушимый мир.

Madame, Ваш испанец лучше, чем я думал. Мне его жаль. Вы его терзаете и наслаждаетесь игрой, а он страдает. Я бы ему все объяснил насчет Вас, «брось, дорогой товарищ, все равно ничего

не выйдет». Вот у него были заплатки на коленях, а Вы возмутились: ну, заплатки, — *et après tout*⁶? Мне трудно Вам все это сказать, как надо, но хоть раз-то погладьте его по голове, «руки на плечи» и так далее. Впрочем, он и самоуверен: «*vous etiez heureuse aupres de moi*»⁷ или что-то вроде. Как это понять? Кстати, лучше вспомните какого-то умного человека: «*l'amour est une chose, le bonheur en est une autre*»⁸. Очень верно. Прочитайте ему это, в назидание.

Гуль прислал письмо с восторгом по поводу моей статьи о Жорже. Карповичу будто бы тоже очень понравилось. Действительно, не статья, а бонбон. А Водов мне пишет, что Гуль едва ли будет доволен моим отзывом о его «Скифе»⁹. Но этот «Скиф» такая дрянь, что мне было тошно читать, будто как в Рязани одеваются по последней моде и шику. Я выжал из себя все, что мог, дабы не ссориться.

А «Н[ового] журнала» у меня до сих пор нет и стихов Ваших¹⁰ я поэтому не видел. Вероятно, они послали в Париж, как уже бывало, а консьержка моя книги маринует.

Ну, вот — все. Я в большой меланхолии, *pour ainsi dire*¹¹ метафизической, вроде Льва Толстого или Байрона в Греции. Что, зачем, куда, к чему, почему? Да и морщины к тому же сильно усилились, до невероятия, так что «пора», мой друг, пора!» Правда. В Париже бывает суета сует, а тут, при моей монастырской жизни, все яснее. У меня есть две строчки на этот предмет, кстати, хорошие, — о пьянице, который утром приходит в себя:

И беспощадно бел, неумолимо светел...¹²

начинается рассвет.

При Вашей суетной натуре это Вам, конечно, недоступно. Вот, еще раз: не могу понять, какое Вам удовольствие от испанских страстей, буде Вы их не разделяете?

А у Жоржа мне непонятно, что он читает детективные романы. Я не мог дочитать ни одного, никогда. Между прочим, я в статейке выразился, что мы люди очень разные, но вышло, что он лучше меня. А на деле — неизвестно.

Простите, Madame, за радотаж. Я стою у столика, вроде анлоя, как Гоголь, — и пишу стоя, отходить не хочется, ну вот и пишу всякую чушь. Не взыщите, дорогой друг и ангел. Кстати, мой ангел демобилизовался, и я не могу ему домой писать, опасаясь родительских подозрений. Если же *poste restante*¹³, то еще хуже, п[отому] что он письмо потеряет, его подберут — и получится совсем скандал: почему не домой пишет?! Ну, вот и посудите сами.

До свидания. Если когда-нибудь мы прославимся и письма наши будут изданы, что подумают потомки? Все ведь может случиться, вот Зайцев недавно написал, что я «по звуку» похож на Чехова¹⁴, и я растрогался. М.б., и правда, не совсем болван, хотя скорее — совсем.

Пожалуйста, пишите и об испанце, и обо всем. Я собираюсь в Париж к 20 марта, так что рассчитайте, куда писать. Жоржу шлю всякие приветы-поклоны, как обычно, только пусть читает Платона, а не Агату Кристи или другой хлам. Кстати, Вы спрашиваете о Sainte-Beuve¹⁵. Я чрезвычайно обожаю Sainte-Beuve'a, считаю себя его учеником и подражателем, хотя он иногда бывал туп и, например, в Бодлере не понял ничего.

Ваш Г.А.

¹ В принципе (*фр.*).

² С Николаем Авдеевичем *Оцупом* (1894-1958) Адамович познакомился еще до революции в Петербурге, и до самого конца их связывали приятельские отношения, несмотря на несколько скептическое отношение Адамовича к литературному дарованию Оцупа. Адамович неизменно высоко отзывался в печати о стихах Оцупа, защищал его интересы в редакциях. Например, в 1925, когда в редакции «Звена» возникли сомнения, печатать ли статью Оцупа, в письме редактору «Звена» М.Кантору Адамович счел необходимым «заступиться за моего знаменитого друга» (Hoover Institution Archives, Stanford). Но в частной переписке позволял себе более резкие суждения.

³ Вероятно, изданную и прокомментированную Оцупом книгу Ф.Тютчева «Избранные стихи» (Paris: Didiér, 1957).

⁴ Статья Адамовича «Тютчев по-французски» (Русская мысль. 1958. 18 февраля).

⁵ В стихотворении из «Посмертного дневника» под названием «Мне уж не придется впредь...» (1958) Г.Иванов процитировал эти строки из собственного стихотворения «Перед тем, как умереть» (1930), чуть изменив их порядок. Адамович приводит вариант 1958 года.

⁶ И что с того (*фр.*).

⁷ Вы могли бы быть счастливы со мной (*фр.*).

⁸ Любовь — это одно, счастье в любви — совсем другое (*фр.*).

⁹ Книга Романа Гуля «Скиф» (Берлин: Петрополис, 1931) в 1958 вышла в новом, переработанном издании под названием «Скиф в Европе: Бакунин и Николай I» (Нью-Йорк: Мост, 1958). Адамович написал рецензию на это издание (Русская мысль. 1958. 27 февраля).

¹⁰ В 51-м номере «Нового журнала» были опубликованы стихотворения Одоевцевой «Средиземноморский ад» и «Скользит слеза из-под за-

крытых век...», в 52-м номере — стихотворение «Ночь в вагоне». Получив эти три номера «Нового журнала», Адамович написал на них рецензию, говоря преимущественно о стихах, в том числе и о стихах Одоевцевой (Русская мысль. 1958. 5 июня).

¹¹ Так сказать (*фр.*).

¹² Из стихотворения «Патрон за стойкою глядит привычно, сонно...», написанного в конце 1920-х. Впервые опубликовано под названием «Рассвет» в «Современных записках» (1929. №40. С.239).

¹³ До востребования (*фр.*).

¹⁴ В статье Б.Зайцева «Творчество из ничего: Вновь Чехов»: «Г.В.Адамович, сам близкий внутреннему "звуку" Чехова, настоящему звуку, а не предвзято ему навязанному» (Русская мысль. 1958. 15 февраля. №1174).

¹⁵ Шарль Огюстен *Сент-Бев* (1804-1869) — французский критик и поэт, печатавший в «Revue de deux Mondes» этюды о французских писателях, составившие пятитомные «Литературно-критические портреты» (1836-1839). С 1849 на протяжении двух десятков лет писал для парижских журналов критические статьи, которые печатались по понедельникам и позже составили многотомную серию «Беседы по понедельникам» («Causeries du lundi»; 1851-1862) и ее продолжение «Новые понедельники» («Nouveaux lundis»; 1863-1870).

41

[На бланке University of Manchester]
11/III-58

Bien chère Madame, отвечаю, как видите, немедленно.

Отчего Вы не написали, *что* с Жоржем? «Еще неизвестно». Но голова, печень, живот — *что*? И сколько он пробудет в больнице? Я вижу, что Вы взволнованы и очень сочувствую.

Теперь о делах.

На что именно нужны деньги? Для лечения сейчас или для переезда в другое место, совсем из этого дома? Я понимаю, что деньги нужны всегда и для всего, но надо же объяснить другим, а другие насчет денег тупы, или притворяются тупыми.

Сделать подписку в газете — бессмысленно, да едва ли Вейнбаум согласится. Они именно сейчас делают сбор на Лит. Фонд, как раз для помощи писателям, и, значит, отдельные случаи включаются в общие. Собрали уже около 10 т[ысяч] долларов, и соберут еще. Подписка о Жорже отдельно, даже если Вы Вейнбаума уломаете, кроме кланчания и позора, ничего не даст, т.е. даст гроши. Недавно собирали на Гребенщикова, у которого удар — и собрали что-то позорное (30 долл., кажется). Вы скажете — это

на Жоржа, но в Америке Гребенщиков — Лев Толстой. Еще был случай с женой Зайцева, тоже удар. Им Вейнбаум написал: «*только* через Фонд», и Фонд им помогает, т.к. она больна до сих пор.

Так вот: если деньги нужны для лечения, то пишите Вейнбауму (Марк Ефимович) и Полякову, а я напишу обоим кроме того от себя, хотя они просили никогда ни за кого не «заступаться». Но я напишу, что случай исключительный. Сейчас в Фонде есть деньги, больше, чем бывало.

Если Вы хотите переехать из Hueges, то куда? Если жить частной жизнью, скажем, в Париже, то никакая подписка, никакой Фонд на это не хватит, и то, что Вы пишете о «позоре эмиграции», ничего не поможет. Да, позор эмиграции, но эмиграция предпочитает быть опозоренной, а денежки попридержать, если понимаете, душка! Но вот другое: если Вы хотите еще раз попытаться переехать в дом под Парижем, то пришлите мне какую-нибудь attestation, или вроде, от главного иерского доктора, и я еще раз поеду к Долгополову, попытаюсь его уговорить. Может быть, он наконец размякнет. Еще совет: напишите Вере Н[иколаевне] Буниной, расскажите, спросите, как быть, — она маг и волшебник по части сборов, хотя сильно сдала. Если я ей скажу, будет не то: Вы — психолог, сами знаете, что когда человека просят прямо, то действует иначе, чем через другого.

Вот единственное, что мне приходит в голову. Не думайте, что я от чего-либо уклоняюсь: нет, я заранее на все согласен, но согласен на то, что может дать результат, а не на бессмыслицу. А главное — Вам ведь не 20 долл. нужно, а побольше и надолго. По-моему, лучше — еще раз подействовать на Долгополова. Кстати, в Gagny нет Кровоупускова, он умер, м.б., там теперь было бы легче... (Но вот соображение à côté¹: как же будет с Amigo, если бы Вы уехали? И хватит ли Вашей бессердечности его оставить?!).

У меня есть слабая надежда — проект — мечта поехать на Пасху в Ниццу, ибо я тут замерз и скис, а там есть солнце и аллегорическое впридачу к настоящему. Не знаю, поеду ли: все дело в деньгах, конечно. Но если поеду, на обратном пути приеду к Вам. В Париже я *sauf imprévu*² буду 20-го марта. Но напишите еще сюда (если ответите сразу). Гуль молчит, после письменной бомбардировки: вероятно, обижен.

До свидания, courage³, все будет хорошо, — вопреки тому, что Жорж пишет в стихах! Je n'en doute pas⁴.

Ваш Г.А.

- ¹ Кроме того (*фр.*).
- ² Если ничего не случится (*фр.*).
- ³ Мужество, стойкость (*фр.*).
- ⁴ Я не сомневаюсь (*фр.*).

Дорогая Мадам

Я сейчас приехал в Париж и нашел Ваше письмо.

Вы пишете, что мое письмо Вас «сильно огорчило». Наверно, не так, как Ваше меня. И удивило. На старости лет я стал крайне чувствителен к таким вещам. То, что Вы мне написали, ничем с моей стороны не вызвано. Я не помню, конечно, своих выражений, но помню чувство, с которым раскрыл сейчас Ваше письмо, не подозревая, что в нем. Но не будем «выяснять отношений». Ни к чему, и все равно каждый скажет, что прав он. *Passons n'en parlons plus!*¹ Но остаюсь при своем удивлении и огорчении.

Дальше следуют пункты:

1) В Понедельник я пойду к Водову, узнаю, что он делает и поговорю с ним. Потом я Вам напишу.

2) Вейнбаум. Вы не хотите понять, что он с Фондом — одно и то же. Он им гордится, все делает для него. Вам кажутся «нелепыми» мои слова, что он воззвания не напечатает. Но это почти наверно так. Сейчас Фонд как раз собирает деньги — и он скажет: на что же мы собираем, если не на это? Ваши сведения о 600 долл. для Гребенщикова — фантастичны. Я не помню, сколько собрали точно, но читал и думал: какие гроши!

Вот что я предлагаю, как самое лучшее в смысле результата и в смысле воздействия на Вейнбаума:

письмо о Жорже и сборе должно быть от нескольких людей, и хорошо бы, чтобы подписал и Карпович (и, пожалуй, Гуль). Кажется, Карпович Ваш друг², а он в Америке — столп. Вы поймите, что мне не трудно письмо написать и подписать одному, но Вы сильно преувеличиваете мое значение, в особенности для Америки. Я поговорю с Водовым, должен бы подписать и он, и если Вейнбаум поместит, то надо бы перепечатать в «Р[усской] мысли», хотя Париж даст мало. Хорошо бы, чтобы подписал Зайцев, но он увильнет, /.../³

«случилось», как Вы пишете теперь. В больницу ложатся и с гриппом, если дома мало ухода. Еще раз: что с ним? Вы возмутились,

что я написал об Amigo. Но и в Вашем письме была целая страница «о своем, о женском», правда, о моем, а не Вашем. Кстати, если все, что Вы об этом бедном испанце писали — верно, я остаюсь при своем мнении, *malgré tout*⁴.

До свидания. Буду ждать ответа. *Mobile comme l'onde*⁵ и не только в любви! Не надо сердиться, от этого жизнь только труднее. А она и так достаточно хороша. В гневе Вы даже не поняли простого смысла моих слов «все будет хорошо», которые к болезням и деньгам не относятся.

Ваш Г.А.

¹ Не будем больше о чувствах (*фр.*).

² Иванов переписывался с Карповичем в 1951-1956. Сохранилось девять писем Иванова, очень интересных (Bakhmeteff Archives, Columbia University, New York).

³ Лист утрачен.

⁴ Несмотря ни на что (*фр.*).

⁵ Изменчив, как волна (*фр.*).

22/III [1958]

6 ч. веч.

Дорогая Madame

Только что отправил Вам письмо с репримандом, а сейчас вернулся — и нашел второе! Поверьте, *de tout cœur*¹ я с Вами и Вам сочувствую. Я не в том возрасте и состоянии, чтобы притворяться, а слова вроде «ах, ах, дорогая моя» и т.д. пусть пишут другие. Но все эти слова впустую. А я кроме того — «великая сушь». Ну, словом, все сделаю, что могу, и вижу, кстати, что мысли наши на счет списка лишних подписей встретились. Напишу после свидания с Водовым, т.е. в понедельник. Не унывайте и не «скучайте», а Жоржу кланяйтесь и скажите то же самое.

Ваш Г.А.

Будет ли бумажка от доктора для Долгополова?

¹ Всем сердцем (*фр.*).

Bien chère Madame

Я не был вчера, в понедельник, у Водова, т.к. в воскресенье у меня оказался жар, 39°, и вчера было то же. Верно, простудился, был холод собачий, но сегодня стало тепло — и я встал, хотя «не в себе».

Водов просил старуху Любимову перевести Вас в Париж. У нее есть какие-то свои дома, но кроме того она всюду «заседает» и всех знает. Что из этого выйдет, не знаю, и Водов еще не знает. Шик¹ должен переговорить с Тер-Погосяном², которому подчинено Gagny. Я хорошо знаю Т[ер]-Пог[осьян], и завтра ему позвоню. Водов думает, что Шик его еще не видел, да и знает его мало. Кроме того, Зайцев написал Долгополову (Cormeilles) от имени союза. Ответ тоже еще не известен, но они уже раз просили Долгополова — ничего не вышло. Водов согласен со мной, что записка от доктора могла бы помочь.

Относительно сбора: Водов об этой идее ничего не знал, и тоже крайне не уверен в согласии Вейнбаума. Он говорит, что если В[ейнбаум] согласится, то подпись Зайцев даст, а кроме того советует — Терапиано и Прегельшу, кроме меня и его самого. В «Р[усской] мысли» он, конечно, письмо перепечатает, буде оно появится в «Нов[ом] р[усском] слове».

Сегодня, par le thème sougrier, я напишу Полякову обо всем этом. Поляков — и мой друг, и вообще человек верный, прямой. Я ему все изложу и попрошу переговорить с Вейнбаумом en principe. Можно бы попросить и Цвибака, но Цвибак наобещает больше, а сделает меньше, и в случае чего увильнет.

Если хотите, в подписи можно взять Померанцева, известного философа. Вообще, список — по Вашему усмотрению, особенно в Америке. Я написал Полякову, что будут знаменитые подписи! На историю со Смоленским³ не обращайтесь внимания. Водов преувеличивает ее значение. Собака лает, ветер носит, особенно, если собака подвалила.

Пока все, в виду болезни. Я предполагаю, что это опять ямайский грипп, по отвратительному самочувствию.

Ваш Г.А.

¹ Александр Адольфович Шик — журналист, критик, автор книг о Пушкине, Гоголе, Денисе Давыдове.

² Михаил Матвеевич Тер-Погосян (1890-1967) — эсер, депутат Учредительного собрания, в эмиграции — масон, мастер ложи «Объединенное братство». Н.Берберова опубликовала письмо Адамовича Тер-Пого-

сяну от 6 марта 1957, в котором он соглашался выступить на масонском собрании в Париже 28 марта 1957. (Берберова Н. Люди и ложи: Русские масоны XX столетия. Нью-Йорк, 1986. С.168).

³ Владимир Алексеевич *Смоленский* (1901-1961) — поэт, входивший в группу «Перекресток», ориентирующуюся на Ходасевича, до войны председатель Союза молодых поэтов и писателей в Париже. О какой истории с ним идет речь, неясно.

Дорогой друг Мадам

Я был сегодня утром в Земгоре (*malgré 38°*, которые не проходят! Но это я упоминаю не в заслугу себе, а просто так. Выхожу я все равно, а почему жар — не знаю).

Долгополов — *invisible*¹, о чем меня предупредил Ермолов. У него умер сын, он потрясен, никого не хочет видеть и т.д. Все делает Недошивина, у которой я и имел долгую аудиенцию.

Она обещает сделать все возможное и говорит, что все прежние доводы (будто Вы «трудные» жильцы) отпали, т.к. в *Neuvers* у Вас хорошая репутация. Докторское свидетельство у ей передал, но она сразу сказала, что предпочитает действовать не по «медицинской» линии, а по культурной и писательской: докторские свидетельства не имеют значения, т.к. они есть у всех. Сегодня или завтра будет какое-то заседание, на кот[ором] эти дела решаются, и она мне твердо сказала, что будет Вас всеми силами отстаивать перед другими кандидатами. Ей можно верить, она едва [ли] виляет, а говорит прямо то, что знает.

Но на *Cormeilles* пока нет надежды. Почему? Она говорит, что перевод из одного района в другой вообще встречает препятствия (кажется, у французов), а в *Cormeilles* — особенно, и если это сделать, будет много осложнений. Как я ни настаивал, она не уступила: нет, в *Cormeilles* — не могу. Я упомянул о сырости в *Gagny* (с Ваших слов). Она рассмеялась и говорит, что сырость именно в *Cormeilles*, где с трех сторон три речки. Ну, словом, она будет устраивать *Gagny* или *Sevres*, где открыт новый, небольшой дом, по ее словам очень хороший, и сообщение с Парижем очень хорошее: 15 минут с *Gare St-Lazar*, масса поездов.

Вас, вероятно, это огорчит. Но другого я не мог добиться, и главный мой довод — что юг Жоржу вреден — тут не действует. Это она мне и сказала. Кроме того, если Вы попадете в *Gagny* или *Sevres*, то на месте, м.б., сами устроите переезд, сговорившись

с кем-нибудь из жильцов. Я спросил Недошивину, можно ли будет это сделать: она только развела руками, «не знаю». Но не сказала, что нельзя.

Сейчас свободных комнат нет ни в одном из трех домов. Но если Вас поставят первыми кандидатами, едва ли ждать придется долго. Однако, как я ни спрашивал: «когда?» — точного ответа не добился, даже приблизительно. Но я поговорю в среду с Тер-Погосяном. Я хотел его видеть раньше, но Вы мне писали, что «Gagny — ни за что», а он — именно Gagny. А раз пока на Corneilles надежд нет, то надо браться за Gagny. Если Вы никак на это не согласны, напишите сейчас же. Но, по-моему, это будет ошибкой. О письме от Союза (Зайцев) Недошивина упомянула без большого уважения, и верно, письмо — чисто формальное. Кстати, Madame, Вы пишете: «действуйте, действуйте вместе с Водовым». Водов — милейший человек, но упоен газетой, ничем, кроме газеты не интересуется, и все его действия — «слова, слова». Опять, я не в пользу себе это говорю, и Вы, надеюсь, это поймете! Но мало людей, которым можно верить в смысле действий, а не слов. «Человек человеку — бревно», единственно, что хорошо сказал покойник Ремизов, любимый Ваш и Жоржа писатель.

Ну, вот, chère Madame, и все, что могу сообщить. А если получу от Вас опять дерзостное и гневное письмо: «я думала! я ждала!» — то заранее примиряюсь. Только это будет напрасно, ибо делаю, что в силах. Недошивина обещала написать мне, как только что-нибудь сделает. Я хотел ей звонить, встретиться: «нет, я Вам напишу», т.к. она будто бы все время в разъездах и даже сегодняшнее свидание наше назначила с трудом. Как только получу от нее что-нибудь, извещу сейчас же. И о разговоре с Т[ер]-Погосяном.

Как Жорж? Вот *loisirs pour vous deux*².

Ваш Г. А.

P.S. Литература.

«Н[овый] ж[урнал]» я так и не получил, верно, потерялся. Но видел его у Кантора. О стихах Жоржа я все высказал в известной Вам статейке, и читал эти с теми же чувствами. А Ваши: первое очень хорошее, в очень Вашей манере и всякими прелестными *trouvailles*³. Но почему Поляков, и что с ним было? Я не знаю или не помню. Второе тоже хорошее, но неожиданно напоминает Ахматову, позднюю, особенно последняя строфа. Ее тон. Но это ничего, что напоминает, и это не подражание, а совпадение. Только позвольте поправку, по старой памяти о «не таких словах». Лучше бы «нет дома», а не «не стало дома». Будет короче строка, но это Гумилев напрасно уверял, что «надо выравнивать». Это

чепуха, пусть будет короче. Даже лучше здесь, чтобы короче, п[о-тому] что «нет дома» — и нет дыхания, нет голоса, чтобы это до-говорить. Т.е. ритм совпадает со смыслом, а в этом же весь цимес поэзии! Поверьте знаменитому критику и экс-поэту! «Не стало» очень ослабляет все. А стихи весьма пронзительные.

- ¹ Невидим, недоступен; здесь — никого не принимает (*фр.*).
- ² Отдых вам обоим (*фр.*).
- ³ Находками (*фр.*).

Дорогой друг Madame

Получил Ваше письмо — и как заведено, отвечаю сразу.

Ваш отказ от Gagny и Сэвра примем к сведению, но без со-гласия и удовольствия. По-моему, Вы не правы. Я был, кстати, у Тер-Погосяна, который сверх-директор над Gagny и Сэвром. Если бы знал, не поехал бы к нему! Он ничего не обещал в ближайшее время, но обещал сделать все, что надо, как только освободится комната. Мой совет: если бы Вам в Gagny или Сэвре комнату да-ли, *не отказывайтесь*, а оттяните, на что-нибудь сославшись. От-каз — после всяких хлопот — может Вам повредить. Выразьте благодарность и радость, но скажите, что сейчас переехать не можете и т.д. Водов еще написал какой-то старухе Башмаковой, которая имеет власть над Сэвром. Но главная власть — Т[ер]-Погосян, который твердо обещал о Вас помнить и подтвердил, что *ничего* против Вас, ни в каких смыслах, нет. Я, между про-чим, видел Терапиано, кот[орый] говорит, что в Gagny *ambiance*¹ недурна, хотя сада действительно нет.

Теперь от Ротшильде². Что-то в связи с Ольшей³ я вспоми-наю, но это было не о доме, а о больнице. Ее туда советовала поместить Эльканша, но ничего не вышло, т.к. Ольша была в Веаујон, а это госпиталь замечательный. Я помню, что звонил Прегель насчет Ротшильда. Она говорит, что это дом крайне рос-кошный, вроде санатории, и не исключительно еврейский. Можно ли туда устроиться, она не знает, но узнает и мне сообщит. Ко-нечно, у нее есть всякие связи там, и она может помочь. Я ее про-сил сделать все, как «лучшему другу», и думаю, она это и сделает. Прегельша — человек настоящий, не из тех, которые наговорят

всего и этим ограничатся. Как только будет ответ, я Вам напишу. *В чем дело с Cormeilles — ума не приложу. Я поверил Недошивиной, что есть препятствия непреодолимые, а Вы считаете, что это — чепуха. Не знаю. Но если бы было что-нибудь против Вас вообще, то было бы и в Gagny. Почему же только Cormeilles?* Кстати, Прегельша говорит, что abbe Glasberg очень влиятелен всюду. Напишите ему и скажите, что *по твердому заявлению Недошивиной Cormeilles невозможно только* по административным причинам. М.б., он поможет, в особенности, если оттуда кто-то хотел бы переселиться на юг.

Насчет спондеев — «нет дома» — протестую. Это не спондей, а проглатывание слога, скороговорка, которая тут подходит. Но, пожалуй, «не существует» лучше, чем «не стало». Читали ли Вы, что в «Гранях» написал обо мне Струве⁴? Собака лает, ветер носит. До свидания, *ami cherie*. Как Жорж? Передайте все пожелания и чувства. А также испанцу.

Ваш Г.А.

¹ Атмосфера, обстановка (*фр.*). Ю.К.Терапиано жил в Русском доме для престарелых в Ганьи с 1955. И.Одоевцева переехала в Ганьи после смерти Г.Иванова и прожила там вплоть до отъезда в Россию в 1987.

² Имеются в виду дома престарелых, открытые во Франции Ротшильдом.

³ У родной сестры Адамовича Ольги был паралич, и о ней, после смерти матери в 1933, заботился Адамович.

⁴ Имеется в виду статья Г.Струве «Об Адамовиче-критике» (Грани. 1957. №34/35. С.365-369).

[Между 5 и 19 апреля 1958]

/.../¹ знаю, т.к. Прегельша куда-то исчезла, и во всяком случае умолкла. По-моему, и ей недурно бы написать, т.е., чтобы Вы ей написали! Я сейчас немного скрываюсь в Париже, и никого не вижу, притворяясь больным (впрочем, я и правда болен, и еле волочу ноги). А то у меня тут столько *soliciteures*², как обычно, вроде Неточки или Веры Ник[олаевны], что на собственные развлечения нет ни времени, ни сил. К тому же холод и дождь. Ну, вот пока — все. Я в Париже до 20-21 апреля³, и буду Вас держать *au courant*⁴, если будут новости. Насчет литературы, т.е. Пастернака, я мнения не имею. Стихи из «Д[окто]ра Живаго», по-моему, слабее его

прежних, т.е. не хуже, а именно слабее, без прежнего напора. А самого романа я не читал. Оцупа не видел, и, как правильно заметила Нета, моя дружба с ним, вероятно, при свидании опять скончалась бы. Так что я его едва ли и увижу, сошлюсь на немощи. Quant à⁵ мой ангел, он выразил желание приехать в Лондон, а я в растерянности: как быть? С одной стороны — безумное счастье, с другой стороны — безумный расход. Надо же его в Лондоне содержать и развлекать, даже если только 3 дня!! У каждого свои заботы, у Вас Amigo, а у меня — это. До свидания, друг мой дорогой и милый, а также — надеюсь — верный. Целую и кланяюсь Жоржу. Недошивина упорно ни в какие болезни не верит и говорит — «все болели»; а больше напирает на скуку в Иере. Пишите.

Ваш Г.А.

¹ Начало письма утрачено.

² Просительниц (*фр.*).

³ 11 апреля Адамовича «неожиданно увезли в своем автомобиле друзья» в Нишу, откуда он еще раз писал С.Ю.Прегель, прося узнать о доме Ротшильда для Ивановых (Новый журнал. 1994. №194. С.292).

⁴ В курсе (*фр.*).

⁵ Что касается (*фр.*).

Bien chère Madamotch'ka

Пишу Вам в последний раз из Парижа, ибо послезавтра уезжаю обратно в чудный Манчестер. И пишу в печали и раздражении, т.к. потерял стило, драгоценнейший предмет, поднесенный мне Кодрянской. Вероятно, его украли. Но это дела не меняет, надо писать *сгауон à bille*¹, чего я терпеть не могу.

Получил Ваше письмо с посланием Amigo и портретом, кои возвращаю. Но сначала о делах.

Я имел длинную беседу с Прегельшей и вынес впечатление, что это единственный человек, с которым стоит иметь дело (т.е. в данном случае). Держитесь за нее. Она не обещает чудес и не болтает вздора, а что может сделать, то сделает.

О Ротшильде сведения малоутешительные. Есть три его дома, два в Париже, третий где-то за 45 километров, и это-то и есть

дом роскошный (там даже есть платные жильцы по 1000 фр. в день). Но дом — совсем еврейский, с синагогой и прочим. Это бы ничего, но плохо то, что прежде чем попасть туда, надо пожить в доме парижском, где *общие дортуары*, и притом, сколько этот «стаж» продлится, неизвестно. Так что сами понимаете, как это должно быть приятно!

Но с Прегельшей в моих мыслях связан план другой. Через месяц а реу грес² приезжает ее брат со своей женой³, к которой, по ее словам, давно и безнадежно равнодушен Долгополов. Она (Прегельша) говорит, что будет с Долгополовым постоянно у них встречаться, «запросто», а не по делу, и постарается на него настеть для Согmeilles. Хотя Согmeilles будто бы невозможно, но, конечно, Долг[ополов] там всемогущ, и если захочет, всякие препятствия преодолет. Вопрос, захочет ли? Препятствия какие, я узнал от Вырубова. Парижская префектура платит от себя за каждого жильца в Согmeilles 10 тысяч в месяц, и поэтому не соглашается на переводы из другого района. Вас с удовольствием выпустит Нуегес, но тут префектура может Вас не принять. Но, по моему, Д[олгополов] мог бы и это уладить. Прегельша говорит, что в смысле устройства, комфорта и питания — лучший дом Gagny, хотя без сада. Да и сообщение с Парижем лучше, и она очень советует держаться Gagny, если Согmeilles не выйдет. Кстати, я познакомился с Новиковым, новым директором Gagny. Он обещал содействие, но просил не обращаться к нему раньше сентября, т.к. он до этого еще «временный», без власти. Un monsieur très bien⁴, правовед. По секрету он сказал, что Т[ер]-Погосян — человек, кот[орый] наговорит с три короба, а сделает мало. У Новикова, кажется, point d'honneur⁵, чтобы все было через него.

Ни от Полякова, ни от Вейнбаума ни слова. (Я пишу ерунду, т.к. Вейнбауму и не писал, да он все равно на письма отвечать не изволит). Но вот что Прегельша говорит о сборе.

В лучшем случае, даже если Вейнбаум согласится, воззвание появится один раз. По ее мнению, это даст гроши, какие бы ни были подписи. Если Фонд собирает что-то, то п[отому] что долбит каждый день. По-моему, это соображение правильное.

У Прегельши мысль другая: устроить осенью в Париже вечер-gala. Она думает, что можно собрать много, если хорошо взяться. Водов поможет наверно, а если Прег[ель] будет устроительницей, то у нее много богатых знакомых. Qu'en pensez vous? Я мнения не имею, т.к. в вечерах разочарован. Но П[регель] говорит, что сбор будет. Только кто же будет всем заниматься, делать черную работу? У меня сомнения именно насчет этого, и,

кстати, если даже вечер устраивать, то сбор в Нью-Йорке этому не препятствует.

Вот, кажется, все. Напишите Прегельше сами, в тонах скорбных и достойных, с выражением признательности за желание что-то сделать и за справки о Ротшильде. Адрес — 17, rue des Pobiles Ecuries, Paris X, Mme Pregel-Rovniczki.

Ну, о испанце — что же? Наружность неплоха, хотя, конечно, celui que j'appelle mon ange⁶ лучше и несколько моложе. А письмо совсем милое, ma petite Irene adorée⁷. Мне его жаль, потому что он не знает, как его petite adorée легкомысленна и переменчива. Впрочем, м.б., и знает! Мне это не мешало бы «любить и страдать», ибо любовь и есть страдание (без чего превращается в свинство), но он, м.б., иного склада с жадной верной взаимности. До свидания, chérie. Теперь пишите в Манчестер, а за Вашими делами я буду иметь глаз и оттуда. Жоржу — поцелуй и поклоны. Как он? От Гуля пришло письмо, с полуобидной, но благодарностью. Пишет, что Вы требовали корректуры моей статейки, но он устоял и не послал. Эльканша, по слухам, вступилась за меня и обложила Струве⁸, но я ее произведения не видел. А вообще-то — суета сует, зачем, к чему?

Ваш Г.А.

¹ Шариковой ручкой (фр.).

² Примерно (фр.).

³ Борис Юльевич Прегель (1893-1976) — инженер, ученый, предприниматель, общественный деятель, член множества международных организаций, в частности, Совета директоров Литературного фонда, глава французского университета в Нью-Йорке, президент нью-йоркской Академии наук. Был женат на дочери М.С.Цетлиной от первого брака художнице Александре Николаевне (урожд. Авксентьевой; 1907-1984).

⁴ Очень хороший человек (фр.).

⁵ Дело чести (фр.).

⁶ Тот, кого я называю моим ангелом (фр.).

⁷ Моя маленькая обожаемая Ирина (фр.).

⁸ Г.Струве в письме В.Маркову от 7 мая 1958 назвал заметку Элькан «не очень пристойной /.../ Кленовский полагает, что я буду отвечать ей, но я не собираюсь (да и Адамович едва ли ей за это будет благодарен)» (Собрание Жоржа Шерона, Калифорния).

Chère amie Madame

Что это Вы смолкли? Я уже слегка обеспокоен, все ли у Вас благополучно, — хотя бы в пределах благополучия прежнего.

Пришло, наконец, письмо от Полякова.

Печатать какие-либо воззвания Вейнбаум отказывается категорически. Но Поляков предлагает другое: он уже подготовил в какой-то «комиссии», чтобы Фонд «взял на пенсию» Жоржа, т.е. присылал бы что-нибудь ежемесячно. Заседание Правления должно быть в ближайшие дни, и Поляков уверен, что решение будет благоприятное.

Конечно, большой «пенсии» ждать нельзя. Но я знаю по опыту с Олюшей, когда она стала получать, как *incurable*¹ 4 1/2 т[ысячи] в месяц из мэрии, я считал, что это все равно, что ничего. А когда шел получать, всегда было кстати. Я думаю, что Фонд назначит несколько десятков долларов в месяц. Но, м.б., Жорж мог бы попросить от себя — когда получит извещение — об этом, чтобы прислали, например, за полгода вперед, сразу. Не знаю, согласятся ли они, но ведь деньги у них есть, и им это, как будто, все равно.

Между прочим, Иваск мне пишет, что для Ж[оржа] что-то в Америке собирают. Что это и кто?² А Гуль пишет, что они издают стихи Ж[оржа]³, и спрашивает, кто мог бы написать рецензию (считая, что я, он и Марков уже высказались). Я посоветовал Степуна⁴, который имеет вес и все-таки человек настоящий, хотя и болтун. *Qu'en pensez vous?* Степун, кажется, Жоржин поклонник, иначе, конечно, он не годится.

Вот — все. Писали ли Вы Прегельше? Как Ваши дела, *всякие*? Пишите. *Von loisirs* обоим, *et de tout cœur*.

Ваш Г.А.

¹ Неизлечимо больная (*фр.*).

² Весь 1958 год деньги для Г.Иванова собирал в США В.Марков. 5 августа 1958 он писал Г.Струве: «Цетлина пишет, что Адамович собирает на Иванова "не потому, что И[ванов] нуждается, а чтобы скрасить его последние дни, т.к. он уже не поправится" (Я Цетлину хотел в Группу помощи, но она сейчас во Франции и там дала денег прямо через Адамовича)» (Hoover Institution Archives, Stanford University, Palo Alto).

³ Сборник «Стихи 1943-1958 гг.» со вступительной статьей Романа Гуля был издан в Нью-Йорке при «Новом журнале» в 1958 уже после смерти Георгия Иванова.

⁴ Федор Августович *Степун* (1884-1965) — философ, писатель, критик.

Дорогой друг Madame

Как у Вас? Спасибо за письмо. Я предпринял некоторые шаги для сбора денег, надеюсь что-нибудь собрать. Пришлю *все вместе*, чтобы была «сумма», хотя и не большая, но все-таки не грош, который уходит незаметно.

Вы просили написать про Оцуа. Мне как-то не хочется писать о всякой чуши, т.к. думаю, что у Вас, может быть, не то в голове, если Ж[оржу] не лучше. Но в двух словах вот что: после моей статьи о его Тютчеве¹ он прислал мне благодарность, «все верно», «я не все досмотрел» и т.д. Кроме того, *textuellement*²: «Диана Ал[ександров]на говорит, что это не статья, а жемчужина». После этого было еще одно или два дружеских письма. Поэтому, увидев его статью³ в «Р[усской] м[ысли]», я начал читать с удовольствием, ожидая комплиментов и всего прочего. Оказалось — «бац, по морде!». Водов и другие объясняют это тем, что он — не в себе. А у меня объяснение другое, т.к. я его знаю 40 лет: статья о Жорже! Он расвирипел, что не он — первый поэт. Иначе, почему он ждал три месяца с ответом? А сегодня я прочел, что вышло какое-то его сочинение, вроде драмы-поэмы — «Три царя»⁴. Теперь он подождет, чтобы я об этом шедевре высказался, пусть пишет Терапианц.

Ну, вот — все. Я собираюсь в начале июля в Ниццу, но через Гренобль каром, так что к Вам — позже.

До свидания, дорогая Madame и друг бесценный. Я не писал, что «сумасшедшинка» в Вас, а в Ваших стихах. Это сущая правда, а у Вас, как известно, ум Наполеона. Пишите мне о здоровье Жоржа, хотя бы вкратце. И шлю всякие пожелания. Как испанец во всем этом? Мой «ангел» прислал письмецо с просьбой *preter*⁵ 50 тысяч, а у меня их нет. Были бы, послал. Он, как Jean Perin, который мне говорил: «oui, tu est genie pour le moment... mais *ou est ton argent?*»⁶

Ваш Г.А.

¹ Статья Адамовича «Тютчев по-французски» (Русская мысль. 1957. 18 февраля) была посвящена разбору составленной Оцупом книги Тютчева «Избранные стихи» (Paris: Didier, 1957; тексты на русском и французском языках), предназначенной для французских студентов-славистов.

² Дословно (*фр.*).

³ Статья Н.Оцупа «О "Тютчеве" и о Тютчеве», напечатанная в «Русской мысли» в 1957, целиком посвящена полемике с Адамовичем.

⁴ Драма в стихах Н.Оцупа «Три царя» (Париж, 1958).

⁵ Одолжить (*фр.*).

⁶ «Да, ты гений в данный момент... но где твои деньги?» (*фр.*).

Chère amie Madame

Я опустил час назад письмо Вам, а сейчас получил второе — «пятница, числа не знаю», и т.д.

Отвечаю по пунктам, для ясности.

1) Я считал, т.е. знал, что комната в Сэвре для Вас есть. Я думал, что летом Вы переезжать не хотите, и что Ж[оржу] сейчас перевозиться нельзя. Вы пишете: «Ж[оржа] надо перевезти в Париж, но никто ничего не делает». Из сего я заключаю, что насчет Сэвра твердого ответа у Вас еще нет. Напишите мне, так ли это. Тогда я все разузнаю, et le cas échéant¹ приму меры. Недошивина сказала, что с Сэвром все улажено.

2) Распространение книги Ж[оржа] «по подписке».

Я третьего дня написал несколько писем о Жорже людям, susceptible² что-нибудь дать. Теперь я не могу им же писать о книге. А других у меня нет. Подождем результата моих писем, а когда книга будет, экземпляры можно будет поднести вторично. Деньги я Вам вышлю сейчас же, когда выяснится результат, во всяком случае — до конца месяца. Получился ли второй взнос от Л[итературного] Фонда? Если нет, напишите Полякову (и вообще, Вы бы хорошо сделали, если бы Вы написали ему два нежных слова).

С Прегельшей я разговор имел. Она обещала позвонить Леонидову, но говорит, что он очень «жметса». Сама она, по-видимому, dans du mauvais draps³ и ничего лично не обещала. Кодрянская что-то обещала, но неопределенно.

3) Татаринов⁴ о книге Жоржа. Pourquoi pas?⁵ У него ясная голова, и пишет он неплохо. Я только совсем не знаю, какого он о Ж[орже] мнения. Но почему Вы отвергаете Терапиано? Если у

Вас с ним не было тренировок, то он напишет наверно восторженно, — а кроме того, если его обойти, Вы в нем наживете вечного врага. Он самолюбив до черта и вообще человек неясный. Но все это — в случае, если у Вас с ним отношения не Бог весть какие. Иначе он подходит, и напишет, что Ж[орж] великий поэт.

Одного бойтесь — Маковского! От него можно ждать чего угодно.

А когда выходит книга? Mandat я, конечно, пришлю в письме, а не открытым, хотя, м.б., Вам все равно.

Madame, chérie, письмо мое сухое и деловое, а чувства все — между строками. Поцелуйте Жоржа.

Ваш Г.А.

¹ И в случае необходимости (фр.).

² Поддающимся, зд.: способным, готовым (фр.).

³ В затруднительном положении (фр.).

⁴ Владимир Евгеньевич *Татарин* — журналист, сотрудничал до войны вместе с Адамовичем в «Последних новостях», а после войны — в «Русских новостях». Вместе с В.А.Маклаковым, М.М.Тер-Погосяном, А.Ф.Ступницким, Е.Ф.Роговским и другими парижскими масонами ходил на прием к советскому послу Богомолу 12 февраля 1945. По уверениям Н.Берберовой, с ними был и Адамович (Берберова Н. Люди и логи. Нью-Йорк, 1983. С.242), хотя в газетных отчетах об этом скандальном для эмиграции событии фамилия Адамовича не упоминается.

⁵ Почему нет? (фр.).

Chère petite Madame

Получил сегодня Ваше письмо. Но спасибо за то, что было раньше, т.е. разными хорошими словами и чувствами. Трэ тушэ.

Недошивина говорит, что для Вас в Сэвре была комната, но Вы ее прозевали, т.к. все время от Сэвра отказывались. Она твердо обещает дать Вам комнату, как только будет свободная. Срок, по-видимому, не долгий, но сказать определенно, когда она будет, — она не может. Не прозевайте вторично! По-моему, если будет комната к осени, то и хорошо.

У меня есть для Вас 21 тысяча, но еще не посылаю, т.к. надеюсь, будет еще. Два мерзавца не ответили совсем, что я воспринимаю, как личное оскорбление. Кроме того, Прегельша писа-

ла Леонидову, и он еще не ответил тоже. Если не будет больше ничего, пришлю эти 21 000 (из них 10 т. — Кодрянская, самый щедрый жертвователь, и 5 т. — Mme Benenson).

Посылку пришлю тоже, хотя и охая. Подумайте, надо ведь идти в русскую лавку, делать пакет, идти на почту, а я стар, слаб и ленив. Ну, ничего, сделаю! Померанцев (кажется, он) говорил мне, что Вы просили его о том же. Значит, будет два огурца и две халвы. Огурцов я, кстати, не терплю, и удивляюсь, как можно такую мерзость любить.

Madame, я уезжаю в четверг 3-го, и, значит, е.б.ж.! — в пятницу 4-го буду вечером в Ницце. Рассчитайте с перепиской. Адрес обычный — 4, av. Emilia, chez Mme Heyligers. Я растряс свои капиталы и на Ваши деньги гляжу с вожделением (но не бойтесь, не растрочу, ибо в Энген больше ни ногой!). Приехал Иваск, ничего, довольно мил, но с заячьей губой, чего я не люблю. Померанец сообщил, что Жоржу лучше, а Вы не пишете. До свидания, дорогой друг et Madame. Поцелуйте Жоржа.

Ваш Г.А.

Никаких книг, «Дней поэзии» и т.д. у меня нет. Я беру у Катлена на прочтение и отдаю. А то, что было в Англии, я там и оставил. В Ниццу должен, увы, выписывать, — и эти потом пришлю (журналы и «Лит[ературную] газету»).

/.../¹Дама, давшая 5 т. — Madame Benenson (Вы не разобрали). Притом, она деликатно сообщила, что «уже Г.Иванову помогала». Ну, если дала 5 т., то деликатность можно ей простить. Хотя, как говорит Serge Lifar, «все они — сволочи». Т.е. люди делаются сволочами от денег, а без денег — ничего. Какой это Ваш поклонник приехал в Нуерес? И что Amigo, о котором Вы пишете с глухой, затаенной скорбью, будто «я шла, думала», а он оказался подлецом или вроде. Ну, chère Madame, до свидания, м.б., скорого. Целую Вас и Жоржа, пусть он потихоньку повторяет каждое утро «je vais de mieux en mieux»², уверяю Вас, что это действует, даже если говорить, не веря. А доктора вообще идиоты. Вот камфора от сердца — хорошее средство, я принимаю капли (Lolucamphre) довольно часто, и потом становлюсь юным спортсменом, хотя и не надолго. А главное, это совсем вещь безвредная, и мне 25 лет назад сказал Laubry, первый светило по сердцу, — ne prenez que du camphre, et dites au medecin qui vous donnera autre chose, que je vous l'aurais interdit³.

Пожалуйста, пишите. Не помню, писал ли я Вам о своей встрече с Оцупом на лестнице «Р[усской] мысли». Если не писал, напишу — в порядке развлечения.

Ваш Г. А.

¹ Начало письма утрачено.

² Мне все лучше и лучше (*фр.*).

³ Не принимайте ничего, кроме камфоры, и скажите врачу, который будет давать вам что-то иное, что я вам это запретил (*фр.*).

54

4, av. Emilia
chez Mme Heyligers
Nice
8/VII-58

Chère petite amie Madame

Получил вчера Ваше письмо, спасибо очень. Как видите, я уже в Ницце. Как я к ней ни привык, все-таки не ждал, что тут столь райская погода, ибо везде [по] дороге был холод и ливни. Спасибо за сведения о здоровом Жорже. Я постараюсь к Вам приехать до отъезда в Париж, т.е. вернее всего, в первой половине августа. Но это отчасти зависит от состояния моих капиталов. К Вам, между прочим, хотел поехать Иваск, который собирается провести несколько дней в Ницце, а потом — к Вам. Он звал меня поехать вместе, но я предпочитаю, конечно, один, и вести разговоры не об Анненском и Блоке. Если бы Вы не желали визита Иваска, напишите мне, я его отговорю, и, кстати, уже сказал, что м.б., это по болезни Жоржа для Вас неудобно. Он разошелся со всем, и с Анненского немедленно перешел на мальчиков. Но с Вами, на первых порах, будет, верно, стесняться.

Вы спрашиваете о Париже и сплетнях. Там сплошная война мышей и лягушек, т.е. Маковского и Померанцева во главе двух враждебных армий. Все из-за «Рифмы»¹ и того, кому ей владеть! Я перед отъездом обедал у масонов и сидел рядом с Маковским. Что он говорил и как кипел, описать я не в силах. Кстати, сообщил, что Померанец бегает (и не только бегает) за маленькими мальчиками, но тщательно это скрывает. Правда это? Что-то не похоже. По-моему, все они слегка сошли с ума. Было бы что делить! Два человека выпускают книжку стихов, три — ее читают,

а шуму столько, будто бы en jeu² миллионы и мировая слава. Да и из-за мировой славы не стоило бы так злиться.

Простите, что пишу грязно, т.е. не в моральном смысле, а с кляксами. Мое драгоценное стило в починке, а пишу я *стауоп à bille*, которых терпеть не могу. /.../³ мне писала о своем несогласии с Вами (т.е. Маковским). Но зачем Жорж подлизывается к этому надутому болвану?! Ведь статья была чушь совершенная, и притом с какой важностью! Я понимаю писать, что Буров — Лев Толстой, но Маковский хуже, и пусть бы помнил, что все сказала ему о нем Ахматова. Помимо сего я уязвлен, что всем другим Жорж пишет высоко-идеологические письма, а мне говорит, что в маразме, и если пишет, то о Фонде. Но это я, впрочем, пишу так, не всерьез. Кстати, о Фонде: я написал не только Полякову /.../ который там влиятелен. Но /.../ надо послать прошение /.../ дали такой грош, что /.../ в настроении печальном /.../ окончательно, но /.../⁴ претензии на меня, что ни в «Нов[ом] ж[урнале]», ни в «Опытах» нет о ней рецензии. Будто я должен был позаботиться!

Кажется, новостей больше нет. Ожидаю приезда своего ангела, друга, мечты и утешения, но не знаю еще, придет ли. А чувства мои двоятся, ибо утешение связано с расходами, сами понимаете. Ну, *chère Madame et amie* и мой знаменитый друг Жорж, на сем до свидания. Квартира моя — бонбон, и мне после Манчестера вдвойне нравится, даже шестой этаж ничего. Кроме того, я себе сейчас сготовил пшеничную кашу, а там меня кормят рыбой и бараниной. Пожалуйста, напишите — *еще сюда*.

Ваш Георгий Адамович

¹ Издательство «*Рифма*» было организовано в Париже в 1949 по инициативе Ирины Яссен (Рахили Самойловны Чеквер). Секретарем издательства была выбрана Анна Элькан, директором — Сергей Маковский. Кроме них в состав редколлегии вошли Адамович, Георгий Раевский и Перикл Ставров. Начиная с 1950, издательство выпускало книжки стихов А.Штейгера, Г.Иванова, И.Одоевцевой, А.Ладинского, И.Чиннова и др., устраивало поэтические вечера. После смерти Ирины Яссен (1957) издательством заведовала София Прегель, а после ее кончины (1972) — Юрий Терапиано.

² В игре (*фр.*).

³ Утрачена страница.

⁴ Правая половина шести строк не поддается прочтению.

4, av. Emilia
chez Mme Heyligers
Nice
14/VII-58

Дорогая и бесценная chère Madame

Что это такое? «Усекновение Августа без продолжения и конца». Получил хвост письма, а начала нету. Где начало и что в нем сказано? Не знаю, например, пускать ли к Вам Иваска, буде он сюда приедет. И, может быть, вообще, было там что-нибудь важное?

Я узнавал об отелях в Ницце. Сейчас еще не совсем полно, но через неделю будет *archi-plein*¹. У меня есть знакомый, совладелец отеля «Эверест», где жил всегда Штейгер. Он разумно советует, чтобы Вы приехали в начале сентября. Тогда комнаты будут, и, кстати, в этом Эвересте есть комната с маленькой кухней. Я буду в Ницце *sauf imprévu* до 15 сентября, по крайней мере. Сейчас всюду надо брать полный пансион, и стоит это не меньше 2000 фр. в день, да и то я искал для двух студентов из Англии и нашел за 2000 фр. только до 1 августа, а потом дороже. По-моему, лучше всего в сентябре, в самом начале. Тогда и не так жарко, и можно комнату выбрать по вкусу. Моя хозяйка спит в ванне, да и ту собирается сдать, и тогда будет спать, очевидно, на плите.

Получил вчера письмо от Прегельши, с сообщением, что высылает мне для Вас 5000 фр. Как желаете — переслать их Вам или передать при радостном свидании? Могла бы, дура, послать прямо Вам. Кажется, Вы бы хорошо сделали, если бы поблагодарили Кодрянскую и ее, хотя бы по принципу «не плюй в колодец».

Относительно войны Маковский—Померанец, то я еще в своем уме и никаких третейских судов, лично, не желаю. Маковский меня уверял, что все подковы Померанца — против меня, но я не верю, да мне и все равно. Померанец мне в связи с этим прислал очень милое письмо, на которое я столь же мило ответил. По-моему, он человек без интриг и хитростей, да и зачем ему под меня подкапываться? К «Рифме» этой я отношения не имею и не намерен иметь. Но о третейском суде я сказал Маковскому: т.е. сказал, что если он хочет «бить П[омеранцеву] морду», то лучше устроить суд и просить Зайцева быть председателем. Кстати, Зайцев, божья коровка, верно, откажется.

Ну, а о Оцупе писать долго, расскажу лично. Когда я его спросил, почему же, до его гневной статьи, он мне писал, что Диана просит передать, что «мой статья — жемчужина», он прищурился

и процедил: — Ты не понял. Диана Александровна сказала — черная жемчужина!

Тут я не нашелся ничего ответить. А оказывается, черная жемчужина дороже белых.

В сущности, мне этого болвана жалко, как на старости лет всех людей на свете. Я бы ему написал об этом письмо, но уверен заранее, что ничего из этого не выйдет, и потому писать не буду. Относительно «Трех царей» не знаю, что это, но воображаю.

Амуры мои продолжают и причиняют мне эмоции различные. Даже очень различные. Но хорошо, что есть эмоции. До свидания, Madame и Жорж. Если я к Вам приеду, или Вы сюда, то приготовьтесь увидеть старого сморчка, в какой я превратился внезапно, все после зимнего гриппа. Bon loisirs обоим. Как Жорж — лежит или ходит? Долго лежать в известном возрасте не хорошо, даже если хочется. Пусть встает непременно.

Ваш Г.А.

¹ Архи-полно (*фр.*).

56

Nice

21 июля 58

Chère petite Madame

Вот 5 тысяч. Спасибо за милое письмо и всякие сообщения. На Померанца я и не думаю сердиться. За что? Иваск пишет, что если и приедет, то в августе, да и то под вопросом. Получил сегодня письмо от старика Гласберга, что только я объяснил ему своей статьей поэзию Жоржа, а до этого он был согласен с собеседником Гуля насчет ссылки на каторжные работы¹. Видите, какого я Вам приобрел поклонника! Я в настроении кислом, оттого пишу кратко. Разные на то причины, и сама немножко нездорова.

До свидания, bien chère amie и Жорж так же. Пишите, пожалуйста, и не подражайте моему лаконизму и «великой суши».

Ваш Г.А.

¹ В статье «Георгий Иванов» Роман Гуль писал: «Недавно о последних стихах Иванова один мой собеседник сказал: "мне хочется его приговорить к лишению всех прав состояния и, быть может, даже отправить в некий дом предварительного заключения". Причину же столь жестокого приговора собеседник объяснил так: — "в поэзии Георгия Иванова всегда слышится самый настоящий 'из ада голосок', этот жуткий маэстро собирает букеты из весьма ядовитых цветов зла"» (Новый журнал. 1955. №42. С.110).

Chère amie Madamotchka

Пишу в сладком тумане дружеской встречи, еще не совсем рассеявшемся. Как и что у Вас? Очень рад был у Вас побывать, несмотря на болезнь Жоржа. Пусть приободрится, он худ, конечно, но вид — ничего, и цвет лица, и все прочее¹. У меня на это глаз острый. Не надо поддаваться болезни, это важнее всех лекарств. А Вы, Madame, меня до мозга костей поразили своей юностью. Годики ведь уже не столь маленькие, а вид с ума сводящий. Я даже, вернувшись, рассказывал вечером своему «ангелу», и он заинтересовался, т.к. предпочитает дам, а не девиц, которые кричат: «ах, пустите меня к маме!», как было со Спаржей². Радио мне обещали присмотреть, тогда я Вам напишу. А газеты и журналы пришлю тоже. Стишок Ваш оценил и прочел дважды, но на Пиотровском увяз³. Почти Пушкин, но не совсем. Ну, вот — все. До свиданья и примите всякие чувства, для обоих. Пожалуйста, не сохраняйте моих писем, а рвите, а то потомство скажет: был знаменитый критик, но идиот.

Ваш Г.А.

¹ В письме С.Ю.Прегель от 20 августа 1958 Адамович о состоянии Г.Иванова отозвался гораздо более пессимистично: «Совсем плохо. Но сколько это может тянуться — неизвестно» (Новый журнал. 1994. №194. С.294). В мемуарно-некрологической статье «Георгий Иванов» Адамович писал об этом посещении: «Я был у него в Иере, маленьком городке на южном побережье Франции, около Тулона, недели за две-три до его смерти. Было ясно с первого взгляда, что это конец... Но казалось — конец, который может еще длиться, с перемежающимися улучшениями и ухудшениями, как почти всегда бывает при последних, смертельных болезнях. Конец подлинный, окончательный настал однако совсем скоро» (Новое русское слово. 1958. 2 ноября. №16663. С.8).

² *Спаржа* — прозвище эмигрантского прозаика «незамеченного поколения» Юрия Фельзена (наст. имя: Николай Бернгардович Фрейденштейн; 1894-1943).

³ Цикл из двух стихотворений Одоевцевой «Г.Адамовичу» (Новый журнал. 1958. №55. С.103-104). В том же номере было опубликовано стихотворение Владимира Львовича Корвин-Пиотровского (1891-1966) «Сцена у фонтана» (С.110).

7, rue Frederic Bastiat
Paris 8
Суббота, 20/IX-58

Дорогая душка Madame

Приехал вчера и нашел Ваше письмо. Ехал долго, с приключениями в дороге, в Гренобле должен был ночевать и т.д. Здесь еще никого не видел, кроме Кантора. Сегодня увижу Кодрянскую и Цетлиншу. Нашел письмо от Померанца, который желает меня видеть, но, верно, для философских разговоров. Сейчас, *par le même courrier*, я пишу Ермолову, который дружен с директором Gagny (я не могу ему сам написать, т.к. не могу никак вспомнить ни его имени, ни фамилии, но Ермолов мне это сообщит, да и сам поговорит). Как только что-нибудь узнаю, Вам сразу напишу. Я понимаю, что Вам в Нуегес не по себе, и даже больше. Насчет остановки в Нью-Йорке, я больше всего имею в виду Mme Nowburg (Ольга Жигалова)¹, которая имеет там роскошную квартиру на Park Avenue. Она должна быть сейчас в Париже, и я с ней поговорю. Она — дама ничего, довольно дура, и скуповата, но ввиду того, что Вы — литература, думаю, будет даже рада. А если не она, так найдем другое. Кстати, Поляков до сих пор мне не ответил. Отчество Татаринова — Владимир Евгеньевич. О Жорже я напишу из Англии. Во-первых, напишу густо, а во-вторых, по моему, будет вообще лучше, когда пройдет некоторое время и будет это «голос издалека», а не чепуха, вроде статьи Яконовского. *La mort demande du calme*², а не причитаний и «рева», как у Померанца по его рассказу. А где лучше написать? М.б., в Нью-Йорке? Напишите Ваше мнение. Конечно, Париж — это здесь, у *a*³, но там больше понимающих людей, гораздо. Я сейчас в полном, полнейшем отупении, по разным причинам. (О чем Вы могли бы судить по моей статейке-каше о Тургенева⁴. Впрочем, прочтя то, что было рядом, я решил, что моя каша все-таки лучше). Насчет пальто и шляпы: пальто — когда-нибудь, как-нибудь, это не к спеху, а шляпу — ежели бы прислали посылочкой в надлежащей коробке, весьма одолжили бы! Только если пришлете, то сразу, как только получите письмо, а то посылки идут долго. Я уезжаю 2 октября, или *au plus tard*⁵ 3-го. Простите, Madame, если это хлопотливо и трудно. Почему Вы не хотите мне написать о чем-то, что надо сказать *le vive voix*⁶? Писем у меня никто не читает, и я все сейчас же уничтожаю. Если помру, будто никто никогда мне и не писал! Прокурора не обижайте, хотя дурак, что признался именно теперь.

Я очень хотел бы Вас видеть до Англии. С Прегельшей я увижусь на днях и постараюсь всячески ее для Вас использовать. Она приятна тем, что не говорит лишнего и обещает только то, что действительно сделает. On sait à quoi se tenir⁷. Целую Вас и ручки и буду ждать известий.

Ваш Г.А.

¹ О.М. Жигалова — автор рассказов в «Новом журнале», в 1948 выпущенных отдельной книжкой в Париже.

² Смерть требует тишины (*фр.*).

³ Здесь (*фр.*).

⁴ Статья Адамовича «Заметки о Тургеневе» (Русская мысль. 1958. 13 сентября).

⁵ Самое позднее (*фр.*).

⁶ При встрече (*фр.*).

⁷ Знает, чего придерживаться (*фр.*).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Г.Иванов — М.Алданову

Juan-le-Pins
6 февраля 1948

Многоуважаемый Марк Александрович

Не скажу, чтобы мне было приятно беспокоить Вас. Вы знаете, почему. Все-таки я это делаю...

Вы, конечно, слышали от Буниных и других людей о наших стесненных, мягко выражаясь, обстоятельствах. Я знаю, что Вы выразили желание выхлопотать нам помощь Литературного Фонда. Буду Вам за это, конечно, крайне признателен. К сожалению, как и два года тому назад, я бессилён «оправдаться» в поступках, которых не совершал. Если — по Толстому — нельзя писать о барыне, шедшей по Невскому, если эта барыня не существовала¹, то еще затруднительней доказывать, что я не украл или не собирался украсть ее не существовавшей шубы. Я не служил у немцев, не доносил (на меня доносили, но это, как будто, другое дело), не печатал с начала войны нигде ни на каком языке ни одной строчки, не имел не только немецких протекций, но и просто знакомств, чему одно из доказательств, что в 1943 году я был выброшен из

собственного дома военными властями, а имущество мое сперва реквизировано, а затем уворовано ими же. Есть и другие веские доказательства моих «не», но долго обо всем писать.

Конечно, смешно было бы отрицать, что я в свое время не разделял некоторых надежд, затем разочарований тех же, что не только в эмиграции, но еще больше в России разделяли многие, очень многие. Но поскольку ни одной моей печатной строчки или одного публичного выступления — никто мне предъявить не может — это уже больше чтение мыслей или казнь за непочтительные разговоры в «Круге» бедного Фондаминского². Таким образом, я по-прежнему остаюсь в том же положении пария или зачумленного, в каком находился два года тому назад, когда жена моя была тяжело больна и просила той же помощи... у того же Фонда...

Буду очень рад и крайне Вам благодарен, если Вам удастся на этот раз снять с нас «заклятье». Но скажу Вам откровенно, что наше нынешнее положение не таково, чтобы такая помощь, если даже будет учтено, что два года мы не получали ничего — могла бы нас серьезно выручить.

Как бы Вам сказать?.. Когда-то наш общий друг, покойная Лулу³, рассказала мне о решении (будто бы) принятом Вами на случай, если Ваш дебют как романиста не удастся материально, не даст Вам возможности жить. Возможно, что Лулу преувеличивала, возможно, что преувеличивали Вы. Я не преувеличиваю. Мы должны иметь возможность жить литературой, никакой другой малейшей возможности у нас нет.

И вот я обращаюсь к Вам с просьбой прочесть новую книгу⁴ моей жены и дать о ней отзыв такой, какого, по Вашему мнению, книга заслуживает. Для американского и английского издания Ваш отзыв — Вы сами знаете — имеет огромное значение.

Не буду больше обременять Вас чтением и без того затянувшегося письма. Хочу только прибавить, что я обращаюсь сейчас не к «Марку Александровичу», бывшие дружеские отношения с которым волей судьбы (и клеветы) оборвались, а к русскому писателю Алданову. Это может сделать каждый, даже незнакомый человек. Достаточно знать Ваше безукоризненное джентльменство — и житейское, и литературное.

Преданный Вам Георгий Иванов

P.S. Я бы с удовольствием привез рукопись в Ниццу, но в настоящее время поездка туда для меня непосильный расход. Нельзя ли передать ее Вам в Ваше ближайшее посещение Ив[ана] Ал[ексеевича Бунина]?

¹ Слова Л. Толстого, приведенные В. Микулич (наст. имя Лидия Ивановна Веселитская; 1857-1936), рассказывавшей о посещении Ясной Поляны в октябре 1893: «А вот я уже совсем не могу теперь писать беллетристики. Ну, как я буду рассказывать, что шла по Невскому дама в коричневом платье? А она никогда там и не шла. Не могу уже этим заниматься. Состовно как-то...» (Микулич В. Тени прошлого. СПб., 1914. С.52).

² Илья Исидорович *Фондаминский* (псевд.: Бунаков; 1880-1942?) — публицист, издатель, общественно-политический деятель, вдохновитель множества литературных начинаний эмиграции, в том числе объединения «Круг» (1935-1939), собиравшегося на квартире Фондаминского и издававшего одноименный альманах «Круг» (№1-3. Париж, 1937-1938). Разрыв Иванова с Адамовичем произошел в 1939 под впечатлением выступлений обоих в «Круге».

³ Елизавета Иоакимовна Каннегисер, Лулу (Loulou), как ее называли близкие, была, по словам Одоевцевой, «давно, еще с Петербурга, дружна с Алдановым» (Одоевцева И. На берегах Сены. М., 1989. С.233). После убийства Урицкого ее родным братом Леонидом Иоакимовичем Каннегисером (1896-1918) Лулу вместе с отцом Иоакимом Самуиловичем Каннегисером (1860-1930) и матерью Розой Львовной (урожд. Сакер; 1863-1946) дважды подвергалась арестам (в 1918 и 1921), после чего семья эмигрировала во Францию. В начале войны Лулу была депортирована из Ниццы в Германию и погибла в концлагере в 1942 или 1943.

⁴ Роман Одоевцевой «Оставь надежду навсегда», первоначально вышедший в ее собственном французском переводе: «Laisse toute esperance» (Paris, 1948). На следующий год роман вышел на английском — «All Hope Abandon» (F. Reed, tr. / New York, 1949) и испанском «Abandona toda esperanza» (Luis de Caralt, tr. / Barcelona, 1949); отдельное издание на русском языке появилось лишь гораздо позже (Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1954).

М.Алданов — Г.Иванову

9 февраля 1948 г.

Многоуважаемый Георгий Владимирович

Получил сегодня Ваше письмо от 6-го. Разрешите ответить Вам с полной откровенностью.

Вам отлично известно, что я Вас (как и никого другого) ни в чем не «изобличал» и не обвинял. Наши прежние дружественные отношения стали *невозможны* по причинам, от меня не зависящим. Насколько мне известно, никто Вас не обвинял в том, что Вы «служили» у немцев, «доносили» им или печатались в их изданиях. Опять-таки насколько мне известно, говорили только, что Вы числились в Сургучевском союзе¹. Вполне возможно, что это неправда. Но Вы сами пишете: «Конечно, смешно было бы отрицать,

что я свое время не разделял некоторых надежд, затем разочарований, тех, что не только в эмиграции, но еще больше в России, разделяли многие, очень многие». Как же между Вами и мной могли бы остаться или возобновиться прежние дружественные отношения? У Вас немцы замучили «только» некоторых друзей. У меня они замучили ближайших родных. Отлично знаю, что Ваши надежды, а потом разочарования разделяли очень многие. Могу только сказать, что у меня не осталось добрых отношений с теми из этих многих, с кем такие отношения у меня были. Я остался (еще больше, чем прежде) в дружбе с Буниным, с Адамовичем (называю только их), так как у них никогда не было и следов этих надежд. Не думаю, следовательно, чтобы Вы имели право на меня пенять. Мне говорили из разных источников, совершенно между собой не связанных и тем не менее повторявших это в тождественных выражениях, что Вы весьма пренебрежительно отзываетесь обо мне, как о писателе. Поверьте, *это* никак не могло бы повлечь за собой прекращение наших добрых отношений. Я Вас высоко ставлю как поэта, но Вы имеете полное право меня как писателя ни в грош ни ставить, тем более, что Вы этого не печатали и что Вы вообще мало кого в литературе цените и признаете. Наши дружественные отношения кончились из-за вышеупомянутых Ваших настроений, о которых в Нью-Йорке говорилось, и еще по одной личной причине. В письме ко мне в Америку Вы написали, что «клевета Полонского²» заставила Вас и т.д. (помнится, печататься в «Патриоте»³). Если бы и в самом деле Полонский что-либо сообщил о Вас в Нью-Йорк, то Вы не имели бы права писать об его «клевете» *МНЕ*, так как он женат на моей сестре. В действительности же Полонский о Вас ни мне, ни другим НЕ ПИСАЛ НИ ОДНОГО СЛОВА. Писали о Вас другим другие, а мне о Вас никто ничего не писал вообще.

Прекращение наших дружественных отношений не мешает мне быть готовым к тем услугам Вам, которые я оказать могу. Не так давно в Париже Вы мне написали, что хотели бы моей помощи в получении посылки Фонда. Как Вам известно, я тотчас послал пневматик Недошивиной и сообщил об этом Вам. Через шесть недель я буду в Нью-Йорке и лично поддержу ходатайство о помощи Вам в Фонде: только позавчера я получил скрестившееся с моим письмо Николаевского⁴, — он мне сообщает, что касса Фонда сейчас совершенно пуста и что они надеются весной ее пополнить. Не скрою от Вас, я ходатайствовал из Франции о помощи слишком большому числу людей, и поэтому *мои* ходатайства очень там обесценились и теперь выполняется одно из трех или четырех. Было бы хорошо, если бы о Вас Фонду написал (Зензи-

нову⁵) какой-либо еще не «использованный» в Фонде другими известный человек. А я там еще устно поддержу, обещаю это Вам твердо, никак не гарантируя, что Президиум Фонда удовлетворит просьбы.

Теперь книга Ирины Владимировны. Я как раз на днях говорил и Бунину, и Даманской, что мой издатель Скрибнер НЕ принял двух книг очень известных лиц, которых я ему рекомендовал, и даже был не слишком любезен, и у меня с ним теперь холодок. Из других американских издателей я еще знаю Кнопфа, который *прежде* издавал меня (и Бунина). Он не очень любит русских эмигрантов вообще. Поверьте моему опыту: рекомендация моя не может сама по себе иметь значения. Нет такого писателя, который не мог бы получить рекомендации от другого писателя, и американские издатели прекрасно это знают и на такие рекомендации не обращают внимания. Если рукопись неизвестного им автора представляется им по-английски, они читают ее сами со своими «эдиторами» (редакторами). Если она сдается им по-французски или по-немецки, то они ее дают для чтения «ридерам», которые получают жалованье и обязаны высказывать обоснованное суждение. Русские же «ридеры» есть только у некоторых издателей, как Гарнер и Макмиллан. Другие почти всегда требуют от русских авторов представления рукописи (или хотя бы части ее) в переводе. У Ирины Владимировны есть французский перевод, его и надо представить. Мой совет — всегда это делать через агента, как я и делал. В случае принятия романа комиссия агента всегда окупается, так как он выговаривает обычно лучшие условия, чем автор. В случае отказа он не получает ничего. Я *очень* доволен своим нынешним агентом М.А.Гофманом (теперь 75, rue Caumarlin [?], Paris). У него большие связи и в Америке, и в Англии. Советую И.В. через агента послать французский перевод в Америку и непременно приложить лестные английские рецензии о прежних ее книгах. Она может, конечно, сослаться и на меня: если тот или иной издатель ко мне обратится, я искренне скажу то, что думаю об ее таланте. Но именно поэтому я не могу читать ее рукопись. По двум причинам:

1) Вполне возможно ведь, что именно *этот* роман мне не так понравится, или понравится, но покажется не обещающим успеха в С. Штатах. Между тем, если я его не прочту, то добросовестно скажу свое мнение об ее прежних вещах.

2) гораздо меньше ответственность, если говоришь *о писателе вообще*, а не о предлагаемой книге: книга всегда может не иметь успеха, даже превосходная, — издатель же тогда не может обвинять того, кто дал рекомендацию.

Мне тяжело слышать, что Вы находитесь в таком трудном материальном положении. Я слышал, что И.Вл. имеет немалый успех в кинематографе⁶. Думаю, что от парижских кинематографических деятелей, хорошо ее знающих и ценящих, много легче получить аванс, чем у американских издателей, которые по общему правилу не только аванс, но и ответ дают очень нескоро. Знаю по себе.

Преданный Вам М.Алданов

¹ Илья Дмитриевич *Сургучев* (1881-1956) — прозаик, драматург. Во время Второй мировой войны ориентировался на немцев, сотрудничал в «Парижском вестнике» и был председателем Союза писателей, действовавшего в 1942-1944 в оккупированной зоне Франции.

² Яков Борисович *Полонский* (1892-1951) — литератор, библиофил. Был женат на сестре Алданова Любови Александровне.

³ Имеется в виду газета Союза русских патриотов во Франции «Русский патриот» (Париж, 1944-1945), выходящая под руководством Б.Заковича. Позже издавалась под редакцией Д.Одинца под названием «Советский патриот» (Париж, 1945-1947).

⁴ Борис Иванович *Николаевский* (1887-1966) — историк, собиратель архивных материалов.

⁵ Владимир Михайлович *Зензинов* (1880-1953) — общественный деятель, публицист.

⁶ И.Одоевцева рассказывает об этом в своей книге «На берегах Сены» (Указ. изд. С.191).

И.Одоевцева — В.Маркову

26 февраля [19]72 г.

Дорогой Владимир Федорович,

Не знаю, кто из нас с Вами друг другу не ответил. Если это я, то прошу прощения.

У меня большое горе — умер Адамович. Он был моим самым старым другом — с 20 года — и самым верным. Точнее — моим единственным другом. Последней связью с прошлым.

Для меня это огромная потеря, но и для русской литературы она очень велика. Ему ведь и в России отдавали должное¹.

Теперь я стала окончательно одинокой. Еще месяц тому назад нас — эмигрантских писателей, успевших стать писателями или поэтами еще в России, было трое — Зайцев, Адамович и я. Теперь же осталась только я —

Передового нет, и я как есть
На роковой стою очереди.

Посылаю Вам статью Ю.Терапиано² — без комментариев — портреты вызывают всеобщий смех.

Кстати, я наконец собралась издать «Посмертный дневник»³. Не осталось ли у Вас каких-нибудь рисунков Жоржа — портретов, размахайчиков или подписей.

Не хотите ли Вы написать вступление к «Посмертному дневнику». Вы так прекрасно когда-то написали о Жорже⁴.

Как живете Вы и Лидия Ивановна? Завели ли новых собак? Желаю Вам обоим всего доброго и хорошего.

Сердечно Ваша

Ирина Одоевцева

¹ Одоевцева несколько преувеличивает известность Адамовича в России, и тем не менее кое-что из написанного им просачивалось в Россию. С Адамовичем в Париже встречались Ахматова и Симонов, Вознесенский и Евтушенко. С ним вели переписку В.Лихоносов, А.Бабореко, О.Михайлов, Е.Витковский и др. советские литераторы. Любопытная информация содержится в письме Глеба Струве Владимиру Маркову от 20 февраля 1963: «Что Кожинов знает об Адамовиче, я не знаю. Он читал его во втором выпуске «Возд[ушных] путей» (конец статьи А[дамовича] очень понравился Ахматовой), вероятно, читал и первый выпуск. Читал мою книгу (она ходит по рукам в т[ак] н[азываемых] "либеральных" кругах), т.е. то, что я говорю об Адамовиче и цитаты из него. Едва ли читал "Одиночество и свободу"» (Собрание Жоржа Шерона, Лос-Анжелес).

² Неясно, о какой статье идет речь.

³ «Посмертный дневник» полностью был впервые опубликован в книге: Иванов Г. Избранные стихотворения / Под ред. В.Сечкарева и М.Далтон. Вюрцбург, 1975.

⁴ Имеется в виду статья Маркова «О поэзии Георгия Иванова» (Опыты. 1957. №8. С.83-92). Вряд ли Одоевцева вспомнила его сугубо академическую статью «Русские центонные поэты: заметки о поэзии П.А.Вяземского и Георгия Иванова» (In: To honor Roman Yakobson. The Hague; Paris: Mouton and C°, 1967. Vol.II. P.1273-1287).

Р.Тименчик
К БИОГРАФИИ АХМАТОВОЙ

1

В эмиграции Ахматовой несколько раз приписывались чужие стихи — например, стихотворения «Закат» и «Одна звезда живет в моем саду...», включенные в первое издание двухтомного американского собрания сочинений¹. Еще в 1926 на Запад из России пришло стихотворение, которое чуть не поставили в счет Ахматовой, — «...стихи, кажется, Ахматовой»²:

Не покину тебя, несурзная, вздорная,
В дни твоей темноты.
Не променяю траву твою сорную
Ни на какие цветы.

Ходить босиком по горячим асфальтовым плитам,
Неоткрытую голову знойному ветру отдать,
Но остаться в тебе, безнадежно и тупо забытой,
Но суровые ночи безмолвно в тебе коротать.

¹ Источник ошибки — Ю.К.Терапиано, который пользовался машинописной копией с якобы вышедшей в СССР книги Ахматовой «Стихи разных лет», якобы дошедшей до Парижа в нескольких экземплярах — Терапиано Ю. Анна Ахматова. «Стихи разных лет» // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1949. 14 июня. Стихотворение «Закат» (ранее уже публиковавшееся, видимо, с его же подачи, — Русская мысль (Париж). 1948. 24 ноября) он включает в «стихотворения чрезвычайного напряжения и силы, которые нужно отнести к лучшим стихам Ахматовой». Присвоение в пользу Ахматовой чужих стихов могло происходить и по рассеянности цитирующего. Так, в романе В.Н.Унковского «Перелом» (Париж, 1934. С.193) героиня «декламировала из Ахматовой» — стихи к Блоку М.Цветаевой (ошибка указана рецензентом — Рубеж (Харбин). 1934. 10 сентября).

² Яблоновский С. Сведение счетов // Слово (Рига). 1926. 3 мая. Ср.: Тименчик Р. После всего: Неакадемические заметки // Литературное обозрение. 1989. №5. С.25.

Не покину тебя, не уеду в сытые страны
У чужого огня прикорнуть в неизбывной тоске.
Одичалая ширь, вся проросшая пыльным бурьяном —
Как мне жить вне тебя в голубом далеке?

Автор стихотворения — Юдифь Наумовна Райтлер³. Ее единственная стихотворная книга воспринималась критикой как «уже своим заглавием выдающая принадлежность молодого автора к ахматовской школе. /.../ Неизбежно должны в каждом городе, где есть читатели, появляться свои Ахматовы как знамение времени»⁴. А.И.Тиняков приводил примеры «бесспорных и явных перепевов», заключая: «И таких строк, "выхваченных" у Ахматовой и, конечно, опошленных при этом, в маленькой книжечке многое множество»⁵. Причины атрибуции, таким образом, отчасти исторически приурочены к специфике читательской рецепции 1920-х годов и, конечно, коренятся в тематическом наложении стихотворения Ю.Райтлер на ахматовское «Когда в тоске самоубийства...» и «Не с теми я, кто бросил землю...»

2

Среди написанных в эмиграции воспоминаний есть такие, которые, дожидаясь своей публикации или републикации, представляют из себя источник дезинформации. Так, безответственной путаницей отмечен мемуар Е.Л.Миллер «Петербург. Женские профессии»⁶:

Поэтесс было не мало. В Петербурге, да и вообще везде, во времена моей юности большим успехом пользовались Лохвицкая и Щепкина-Куперник, теперь, вероятно, забытые. Их стихи появлялись и в журналах, и издавались отдельно, и

³ Райтлер Ю. Вериги. Харьков, 1922. С.26.

⁴ А.Б. [Рец. на кн.:] Райтлер Ю. Вериги // Художественная жизнь. Харьков. 1923. №5(8). С.23. Впоследствии Ю.Н.Райтлер — автор книг о школьной жизни.

⁵ Тиняков А. Критические раздумья // Последние новости (Пг.). 1923. 27 августа. Беглый отзыв Брюсова см.: Брюсов В. Среди стихов: 1894-1924. М., 1990. С.625.

⁶ Хранится в Бахметевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк). В другом неопубликованном очерке о Литейной гимназии говорилось: «Была в классе Ахматова, худенькая брюнетка, которая ушла из четвертого класса, вернее, не вернулась в третий и, кажется, поселилась в Царском Селе, что наводит меня на мысль, что это, вероятно, и была знаменитая поэтесса». Отметим, что интересные воспоминания Е.Л.Миллер (1884-1970) о М.Л.Лозинском были опубликованы Ив. Толстым (Русская мысль. 1990. 6 апреля: Литературное приложение. №9. С.XVIII).

читались на разных художественных и благотворительных вечерах. Из личных воспоминаний могу привести забавный факт: наш хороший знакомый, друг семьи Лозинских, Иннокентий Ив. Ефимов (см. мой очерк о друзьях наших семей), большой ухажер, познакомился со Щепкиной-Куперник и попросил у нее ее фотографию. Получил таковую с надписью, которой очень гордился. Двустилище гласило: «Мой автограф. Т.Щепкина-Куперник. Таков мой нрав, что никакой не страшен мне соперник». Но соперница появилась, и никто из наших поэтов не мог с ней равняться, я имею в виду Анну Ахматову. Сперва ее стихи были известны лишь особому кругу передовой литературной молодежи, но затем проникли всюду. Мне кажется, что она была со мной вместе в Литейной гимназии в четвертом классе, в который я сразу поступила, и из которого она ушла к началу следующего учебного года, переведясь, насколько помню, в Царскосельскую гимназию. Помню худенькую черноволосую девочку. После этого я ее больше не встречала, и хотя несколько раз видела Гумилева, ее мужа, у нас, у отца, у брата Михаила, но они, кажется, уже тогда жили каждый своей жизнью. Но брат Михаил ее знал, и она его ценила, п.ч. посвятила ему некоторые свои стихи. Из анекдотов повседневной жизни могу рассказать следующее. Как я уже писала, мать Александра Блока, Александра Андреевна, рожд. Бекетова, по второму браку Кублицкая-Пиоттух, была с нашей семьей в свойстве благодаря зтому браку: сестра К.-П. была замужем за моим дядей Евг. Як. Лозинским — так наз. тетя Феля. Ее дочь Ася, моя двоюродная сестра, очень любила Ал. Андр. и звала ее тетя Аля. Благодаря своему сыну тетя Аля знала всю поэтическую молодежь и часто бывала на их собраниях, что, кажется, не нравилось Ахматовой. И раз, когда собрался такой кружок, не помню, у кого, вошла Ахматова и, увидав Александру Андреевну Кублицкую, на которой была лиловая в черную полоску блузка, громко заявила на пороге комнаты, к великому и правильно негодованию Аси: «А еще есть дурь лиловые полосатые». Такие эпизоды, конечно, не войдут в историю творчества Анны Ахматовой. По доходившим до нас смутным сведениям из России, когда Ахматова впала в немилость у большевиков и вместе с другими опальными писателями была лишена возможности покупать бумагу и чернила, мой брат Михаил помогал ей.

Ахматова не училась в Литейной гимназии, и анекдот с матерью Блока к ней отношения не имеет.

Подобно вышеприведенному анекдоту, кто угодно, только не Ахматова изображена в воспоминаниях свояченицы Брюсова Bronиславы Матвеевны Рунт-Погореловой. В «вечерах поэтов» в Москве Ахматова не участвовала, мелочей в комнате Гумилева в Доме Искусств собирать не могла — это было имущество

А.Н.Энгельгардт. Две примерещившиеся Брониславе Рунт встреч рисовались ей так:

Кажется, до 1912 года в Москве никто не знал ни имени, ни стихов Анны Ахматовой. Но вот в Петрограде вышла изящная книжечка «Четки» и сделалось как-то сразу просто неприличным не знать о стихах новой поэтессы. В редакциях, в литературных кружках и салонах, на собраниях молодежи появлялся неизменно кто-нибудь, кто принимался нежно декламировать так пленявшие своей изысканной простотой и такие новые, свежие стихи.

И Москве, всегда неискренне твердившей, что интересы Петрограда ей чужды, — стало невтерпеж. Захотелось увидеть у себя в гостях новообъявившуюся комету. Помню, некая женская организация, в жизни которой мною принималось значительное участие, устроила «Вечер поэтесс», и на него нам удалось привлечь и Анну Ахматову. Давно это было. Что она читала, не могу вспомнить, т.к. в тот вечер на мне лежали различные административно-устроительские обязанности. Но все же память хорошо сохранила оригинальное, не-русское лицо, со странно-прямым «классическим» профилем; очень пышные темные волосы опускались почти на глаза, смотревшие печально и рассеянно. Черное гладкое платье придавало всей фигуре что-то монашеское. И это все. Могу, разве, прибавить еще вот что: Ахматова была одета изысканно, но не по моде, а как будто для какой-нибудь исторической сцены или словно позируя для портрета былых времен.

И голос ее, и стихи вызвали бурю аплодисментов. Но многие из присутствовавших изумлялись потом необычайно заглушенной, невыразительной манере читать: «словно монахиня над покойником!» Но манера, по-моему, очень подходила к содержанию, всегда грустному, терпкому и тихому, как интимный намек. /.../

Приступлено было «к ликвидации интеллигенции как класса», и Гумилев, талантливый, молодой, порывистый и открытый, пал одним из первых...

Несколько месяцев спустя, судьба привела меня в Петербург. Все гостиницы были реквизированы под учреждения, и только благодаря протекции покойного Владислава Ходасевича мне удалось получить комнату в «Доме Писателей». Все было бы там — по тогдашнему неуютному времени вполне сносно, если бы не ужасный холод: печка в моей комнате была в таком состоянии разрушения, что ни о какой топке нельзя было даже помышлять. Жильцы — писатели и, главное, жилицы — писательницы, с которыми я успела сблизиться, весьма сочувствовали мне, давали разные советы и нередко, указывая на соседнюю комнату, обнадеживали:

— Уже оправдом возбудил ходатайство о том, чтобы сняли печати. Вот тогда просите эту комнату. Печка там превосходная. Будет тепло. Мы даже завидовали покойному Гумилеву...

Тут-то я узнала, что помещалась рядом с той комнатой, в которой в последнее время жил Гумилев, и из которой чекисты увели его, чтобы расстрелять без суда и следствия.

Почему поэт не жил эти последние дни на общей квартире с Анной Ахматовой — как-то не удалось точно узнать. Но большинство утверждало, что супруги Гумилевы разъехались по какому-то соглашению, не мешавшему им встречаться, и к тому же весьма дружелюбно и даже нежно.

А еще через несколько дней, проходя по коридору, я увидела, что печати сняты, и дверь в комнату была открыта.

Проходившая тут же соседка взволнованно шепнула мне:

— Она — здесь!

«Она» — это, конечно, Анна Ахматова.

Трудно было ее узнать. Сильно похудевшая, совсем не изящно, а как-то случайно и небрежно одетая, с лицом серо-желтым, усталым, не молодым стояла она в дверях, всей своей черной фигурой трагически напоминая одну из Жен-Мироносиц.

Ей было разрешено прийти за вещами, принадлежавшими покойному мужу.

(Рассказывали потом, что в этом наследстве не нашлось уже ни одной строчки рукописей Гумилева. Все было увезено чекистами).

Не проронив ни одной слезинки, с окаменевшими губами и неподвижными глазами собирала А. Ахматова все те обиходные мелочи, на которые в последний раз, быть может, взглянул Любимый, уводимый в тюрьму и на смерть...

Постепенно комната наполнилась людьми. К скорбной вдове потянулись с рукопожатиями, словами утешения, участливыми расспросами...

Но я не нашла в себе решимости войти и заговорить. В ту минуту каждое слово, которое я смогла бы найти, казалось мне неловким и неуместным. Было бы стыдно обратиться с банальным выражением сочувствия к женщине утонченной, не терпевшей банальности. К чему было беречь зияющую рану лишним бестактным прикосновением? Единственно, что в ту пору безысходной тоски и неутешного горя было бы допустимо как форма участия и сочувствия, это — обратиться к ней не с банальной прозой, а с несколькими рифмованными строчками, по нежности и изяществу равными стихам Ахматовой...⁷

Обозреть все мемуарные (в том числе квази-мемуарные) публикации об Ахматовой, появившиеся между войнами, пока не уда-

⁷ Погорелова Б. Поэзия скорбной улыбки // Ярь (Братислава). 1943. №1. С. 14, 16.

лось, хотя о некоторых из них известно понаслышке. Так, невестка Ахматовой Х.В.Горенко рассказывала мне, что в 1930-е в шанхайской газете был опубликован очерк Л.В.Арнольдова⁸ с воспоминаниями о визите к Гумилеву и Ахматовой. Заметив неправдоподобные детали, брат Ахматовой В.А.Горенко, живший тогда в Шанхае, обратился к сочинителю, и тот признался, что выдумал эпизод с визитом. Возможно, что к В.А. и Х.В.Горенко восходят и сведения, обнародованные в Америке писательницей Н.С.Резниковой и до того в печати как будто не оглашенные:

Никогда я не видела Анну Ахматову, но мне, как и многим женщинам, она ближе сестры. /.../ Оттого-то, когда в руках моих оказались никогда, нигде прежде не печатавшиеся личные, семейные фотографии, я так взволновалась и сказала себе: «Эта она! Я ее узнаю». /.../ мы знаем, /.../ что с детства страдала лунатизмом и первое стихотворение свое назвала «Голос» — точно предчувствовала, что голос ее услышит вся Россия...⁹

Из дезинформации, пришедшей со второй волной эмиграции, назовем сочинения Юрия Трубецкого, аттестовавшего себя как знакомого Блока, Волошина, Гумилева, Мандельштама, Маяковского, Вяч. Иванова. После известия о кончине Ахматовой он объявил нижеследующее (где первая половина проверке не поддается, а вторая — полная неправда, ибо в Киеве Ахматова после 1914 не бывала):

Вечер. Типичный петербургский ранне-весенний вечер, когда только что «ощерясь зверем» отступила зима, когда розовой льдинкой в небе стоит серпик новолуния. Когда мне меньше 17 лет, когда дома на столе лежат книги стихов «Четки», «Белая стая».

Один поэт (имени его упоминать не буду, он «там») подвел меня к очень тонкой, скромно одетой даме и сказал:

— Анна Андреевна, позвольте вам представить моего юного приятеля. Он пишет стихи. Будьте к нему милостивы.

Это Ахматова, автор тех стихов, которые я вчера, позавчера, сегодня читал, понимая, что это *настоящее!*

⁸ Лев Владимирович Арнольдов — см. некролог: Новое русское слово (Нью-Йорк). 1958. 12 января — журналист, автор мемуарной книги «Жизнь и революция» (Шанхай, 1935), до революции — сотрудник иркутских газет, затем директор Русского Бюро печати при правительстве А.В.Колчака, в 1920-1925 — сотрудник харбинских газет, а затем — редактор «Шанхайской зари» на протяжении 20 лет. О Х.В.Горенко см.: Дарзник И. Ханна // Даугава (Рига). 1996. №6.

⁹ Резникова Н. Анна Ахматова // Русская жизнь (Сан-Франциско). 1942. 11 апреля.

Я растерялся, но Ахматова протянула мне руку и что-то сказала (не помню — что именно). Я только знал, что надо поцеловать почтительнейше ее тонкую руку.

Ранне-весенний вечер в полумертвом Петербурге.

Мы шли по улице. Ахматова больше молчала, а мой знакомый говорил, говорил, может быть, слишком много говорил.

Потом какой-то вечер поэтический. Ахматова читает стихи. После ее чтения подхожу. Опять целую ее руку. Ахматова улыбается. Оказывается, помнит. Ей, видно, жилось в то время трудно. А кому жилось легко в те годы? Заранее припас «Четки», попросил написать два слова. Она написала. Но этот экземпляр прогиб, как погибло все, что было близкого.

/.../ Потом мне удалось увидеть Ахматову в Киеве. Она приезжала туда к своим знакомым ненадолго. Разговаривал. Она была так добра, что известила меня о своем приезде, но просила никому не говорить. Это были годы нэпа.

Ахматова любила Киев. У нее в стихах он присутствует. Кто, кроме меня, с Ахматовой был и посещал киевские места — не могу назвать. И не нужно. Петербургская весна, розовый серпик новолуния, Ахматова, кутающаяся в воротник пальто, — еще холодновато. Это мне запомнилось неизгладимо¹⁰.

Статья, подписанная «В.Сергеевич», принадлежит ленинградке, по-видимому, действительно встречавшей Ахматову:

Весной 1941 года, в доме одной из своих подруг, я познакомилась с Анной Андреевной. Думаю, что в это время Ахматовой было за 55 лет. Но у нее было мало седых волос. А легкая походка и стройность стана сильно молодили ее. Изысканная простота, с которой она держала себя, производила сильное впечатление, гораздо более сильное, нежели оригинальничание или высокомерие некоторых советских знаменитостей. Она была проста со всеми, но каждый чувствовал при этом, как далека она от него.

Но приводимая в той же статье история встречи Ахматовой с Луначарским явно относится к области подсоветского фольклора, заслуживающего, впрочем, собирания и изучения:

¹⁰ Трубецкой Ю. Памяти Анны Ахматовой // Современник (Торонто). 1966. №13. С.12-13. По сведениям самого Ю.П.Трубецкого (Нольдена-Эбергардта; 1902-1974), он жил до революции в Петербурге, в начале 1920-х — в Баку, затем — в Киеве; был в заключении (Содружество: Из современной поэзии русского зарубежья. Вашингтон, 1966. С.549; «Мы жили тогда на планете другой...»: Антология поэзии русского зарубежья. 1920-1990. Кн.2. М., 1994. С.442-443). Во время войны служил в РОА. В архиве М.А.Волошина сохранилось письмо Ю.Нольдена.

Как-то раз один из старых друзей Анны Ахматовой пригласил ее к себе. Одновременно в гости ожидался тогда пролетарский вельможа Луначарский. Встреча была задумана с тайным желанием помочь писательнице восстановить старые связи, так как когда-то, еще до коммунистической революции, Ахматова и Луначарский встречались в литературных салонах.

Он вошел важный и толстый. И когда ему представили поэтессу, изобразил на своем жирном лице рассеянное равнодушие. И небрежно уронил:

— Мы, кажется, знакомы?

Перед ним сидела худощавая стройная женщина, с таким тонким, одухотворенным лицом, которое, увидев один раз, никогда не забудешь. Она спокойно подала ему узкую, красивую руку и очень вежливо ответила:

— Не припомню.

В тайниках души хозяин и гости были восхищены ответом Ахматовой, но план хозяина был разрушен¹¹.

К таким же фольклорным нарративам принадлежит и анекдот о том, что «приехавший в СССР Ромен Роллан спросил лично у Сталина: "Жива ли Анна Ахматова, и где можно достать стихи этой замечательной поэтессы?" По приказу Сталина у Ахматовой, которую подняли телефонным звонком ночью с постели, потребовали все, что у нее было написанного, для немедленного опубликования»¹².

Конечно, и при работе с недостоверными источниками можно пытаться реконструировать реальную основу слуха или ослышки¹³. Так, при всей неожиданности следующего сообщения — «Анна Ахматова тоже смолкла на долгие четверть века. Редкие поэтические вечера в кругу друзей, чтение своих переводов из "Песни песней"¹⁴, изредка, для избранных, отрывки из оригинальных стихов»¹⁴, — этот слух может означать полученное через третьи или

¹¹ Сергеевич В. Запрещенная муза // Русская мысль (Париж). 1948. 23 апреля. На периферии биографии Ахматовой А.В.Луначарский несколько раз возникал; например, П.С.Коган писал П.Н.Сакулину 1 апреля 1930: «Если Вы найдете возможным, поддержите ходатайство Ахматовой о присуждении ей персональ[ной] пенсии. Для этого нужно, чтобы Вы написали (хотя бы краткую) характеристику ее, отметили ее значение, закончили бы поддержкой ее ходат[айства] о перс[ональ]ной пенсии и подписали эту бумажку. Если бы Вы смогли дать ее подписать также Луначарскому, было бы совсем хорошо» (РГАЛИ. Ф.444. Оп.1. Ед.хр.421. Л.29).

¹² Норд Л. Инженеры душ. Буэнос-Айрес, 1954. С.51. «Лидия Норд» — псевдоним О.Н.Бакаловой?

¹³ См.: Лотман Ю. К проблеме работы с недостоверными источниками // Временник Пушкинской комиссии: 1975. Л., 1975. С.93-98.

¹⁴ Рудин Д. Русская женщина // Новое слово (Берлин). 1944. 25 июля.

седьмые руки высказывание Ахматовой об ее интересе к этой библейской книге или о желании перевести ее¹⁵.

Из вклада третьей волны эмиграции в дезинформационный фон ахматовской биографии отметим писания Леонарда Гендлина. Соответствует действительности в них, пожалуй, только воспроизведенная фотографически дарственная надпись на книжке 1958 года: «Л.Е.Гендлину на память Анна Ахматова. 29 декабря 1962. Москва».

Все остальное — визиты Ахматовой к мемуаристу без предупреждения, но с авоськами, полными вкусных «ахматовских» пирожков и печенья собственного изготовления; присутствие Ахматовой на восьмилетии мемуариста вкупе с Бабелем, Пастернаком, Мандельштамом, Зощенко, Михоэлсом, Мейерхольдом, Москвиным, Качаловым; совместное прослушивание «Юморески» Шумана и сочинение соответствующего стихотворения; выход в ресторан «Медведь»; чтение «Реквиема» Таирову и Коонен после кофе; проживание Ахматовой в доме мемуариста, где ей хорошо работалось, потому что в доме имелись собрания сочинений Пушкина, Тютчева, Данте и большой выбор античной литературы; работа Ахматовой в качестве консультанта фильма о Достоевском; поездка с мемуаристом на могилу Пастернака и прочее, прочее¹⁶ — это, конечно, документ клинический, но нет никаких гарантий, что фрагменты этой мемуаристики сивой кобылы не просочатся на страницы доверчивых компиляторов.

3

В среде русской эмиграции вопрос об ахматовских стихах к Сталину, естественно, не мог не обсуждаться¹⁷.

18 октября 1950 парижская газета «Русская мысль» напечатала материал под заголовком «Трагедия Анны Ахматовой», которому было предпослано редакционное объяснение: «Редакцией

¹⁵ О роли этой книги в творчестве Ахматовой см.: Тименчик Р. Ахматова и Ветхий Завет. Десять лет // *Jews and Slavs*. (Jerusalem). 1995. Vol.4.

¹⁶ Гендлин Л. Расстрелянное поколение. Тель-Авив, 1980. С.20-21; Гендлин Л. Тревога, ставшая судьбой // *Родина* (Иерусалим). 1982. №49. С.29-31; №50. С.28-31; №51. С.23-25; Гендлин Л. Перебирая старые блокноты. Амстердам, 1986. С.250-266.

¹⁷ См., например, письмо Ю.К.Терапиано к Г.П.Струве от 29 декабря 1965 при посылке копий с «21 декабря 1949 года» и «И он орлиными глазами...»: «Человечески — больше, чем понятно, но все же... Интересна в далеком будущем судьба этих двух стихотворений, и какие к ним в XXI веке будут сделаны комментарии?» (Гуверовский архив. Стэнфорд. США).

”Русской мысли“ получены из столицы одной из стран-сателлитов от лично ей не знакомого лица стихи Ахматовой, несколько недель тому назад появившиеся в печати в СССР. Как известно уже читателям, Анна Ахматова, 33 года по мере своих сил борющаяся за свободу своего творчества, сдалась на милость победителя. Печатаемые ниже стихотворения свидетельствуют об этом повороте в ее творческой судьбе. К списку стихов Ахматовой был приложен стихотворный ответ на ее стихи, подписанный ”Мария Белозерская“. Из примечания, сделанного к этому ответу, которое мы также воспроизводим, явствует, что это — псевдоним поэта, живущего в данное время в России».

«Стихотворный ответ» был таков:

Средь моих книг
пять сборников Ваших стихов
хранила я как дорогую память
о нашей Матери,
которая учила нас
любви, и добру, и красоте,
которая нас одаряла
талантами и славой.

Когда ее убили,
все русские сердца,
любившие безмерно
свой материнский дом,
друг другу поклялись
в ненарушимой верности
русским заветам
и в непримиримости
с убийцами русской души.

Когда над русским домом
стряслась смертельная беда,
когда коварный враг
пришел, чтоб уничтожить
убийцу нашей Матери,
чтоб самому владеть
ее наследством,
свершилось чудо:
восстала убиенная из мертвых
и спасла

и честь России,
и своих убийц.

Во дни, когда кровь русская
лилась реками,
мне были утешеньем

творенья русских гениев,
лечивших мое сердце
светившими от них
чудесными лучами,
рождавшими и веру, и надежду,
Вы были среди них —
этих чародеев.

Судьба Ваша мне обещала,
что Вы останетесь верны
и нашей Матери,
и той себе самой,
какой Вы были в Ваших песнях, —
небесной русской ласточкой,
любившей вечный свет и волю.

Когда в журнале «Огонек»
я встретила Ваши стихи,
я усомнилась, что их писали Вы,
быть может, соименница? —
был первый мой вопрос.
Но, сколь невероятно,
их автор были Вы,
Вы — та, которая пленяла
и чаровала мою душу.
И мне хотелось горько-горько
плакать!

Передо мной лежат
и Вашей души дети,
и эти жалкие вирши
«Из цикла Слава Миру».
Серьезно и внимательно
прочла я все, что написали Вы
и в книжках, и в журнале.
Прочла и ужаснулась:
такую смерть придумать мог
лишь враг души — сам дьявол.
Он птице поднебесной
отрезал крылья легкие
и дал ей
пресмыкаться.

И поползла убогая
певунья поднебесная
к ногам ее насильника,
стараясь петь хвалу ему,
что ей позволил жить.
Но с крыльями воздушными
заоблачную песенницу

покинула навеки
и ее душа.
Таков жизни закон:
«Тот, кто летать и петь рожден,
не должен ползать он».

Один из Ваших палачей
провозгласил однажды:
«Мы, русские, уже не те,
какие были прежде,
и все у нас поэты,
если хотят жить,
должны учиться ползать,
а не собою быть».

Другой из их же стана
заявил всеслышно:
«Советской молодежи
романтика излишня».

И это была правда,
в царстве Калибана
не нужен романтизм,
его весь «идеал» —
«зажиточная жизнь».
И «Четки» Ариэля
и «Белая стая»
для темного владыки
лишь болтовня пустая.

У Вас была сестра,
«Стройная Муза»,
которую только одну
Вы горячо любили,
только ей одной
Вы пели те песни,
«что только раз рождаются в душе».
Вы помните ль Ваш задушевный
голос?

«Дай мне, Господи, выпить такой
отравы,
Чтобы сделалась я немой,
И мою бесславную славу
Осиянным забвеньем смой.
Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отними и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар.
Так молюсь за Твоей литургией,

Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей».

«Как дым от жертвы, что не мог
Взлететь к престолу Сил и Славы,
А только стелется у ног,
Молитвенно целуя травы, —
Так я, Господь, простерта ниц,
Коснется ли огонь небесный
Моих сомкнувшихся ресниц
И немоты моей чудесной?»

«Теперь никто не станет слушать
песен,

Предсказанные наступили дни,
Моя последняя, мир больше не чудесен,
Не разрывай мне сердце, не звени!
Еще недавно ласточкой свободной
Свершала ты свой утренний полет,
А ныне станешь нищенкой голодной,
Не достучишься у чужих ворот».

Так пела душа русская,
та ласточка свободная,
которая была «покорна
одной Господней воле».
Она просила Господа
Позволить ей благодарить Его,
и быть все совершенней,
чтоб миру подарить
то, что любви нетленной.

Теперь она бескрылая,
стала рабой покорною
среди Калибана слуг.
В его безнебном царстве
заставили безвольную
признать волчий закон:
«где ты живешь, тому и должна
ты молиться».

Я плакала о ласточке,
но больше было слез
о нашей Матери.
Когда-то, где-то, кто-то
оставил нам завет
от имени убитой
и всех ее детей,
которые погибли
в своей верности ей.
Завет был свят и прост:

«Если вы нарушите вашу верность
нам,

у нас не будет сна,
хотя земля России
и злаков, и цветов
будет полным-полна».

На страшный суд истории
решила я пойти,
чтоб этот Судия решил,
кто же из нас прав:
моя ли верность Матери
иль Ваша «Слава Миру».
Вы сами раз писали,
что суд потомков — правый суд.

Неделю спустя Сергей Яблоновский отвечал «Марии Белозерской» в той же газете:

Доказательством чего явились панегирики Ахматовой? Измены ли ее прежним взглядам, чувствам, убеждениям?

Нет, они свидетельствуют только о сатанинской силе тех, которые умеют постоянно и без исключения заставлять каяться в смертных грехах совершенно неповинных людей, даже зная, что это не сохранит им жизни; той страшной силе, которая заставила всю Россию не только молчать, но и лизать сапоги «гениальному, мудрому, величайшему из величайших отцу народов» /.../ Да, я говорю не о толпе, а об избранных, доблестных: и доблестные молчат, и доблестные кланяются, потому что перед ними та не знающая преград свирепая сила, которая способна истреблять всех непокорных в неисчислимых количествах, хотя бы всю Россию, потому что плевать им на Россию, по яркому выражению Ленина, — а Сталин будет похлеще!

Вспомните, Мария Белозерская, что сам Господь Бог, приняв человеческое естество, удалялся порою от мест, где находились преследовавшие Его, и, зная безусловность своего самопожертвования, обращался с мольбою: «Отче, да идет мимо чаша сия!» Вспомните апостола, *Камень*, на котором утверждена вера, и который трижды отрекался от Него. Всякой силе человеческой есть пределы, пределов нет только для безумной дьявольской злобы. /.../

«Отречение» Ахматовой говорит лишь о злобе — не только ненавидящей, но и издевающейся.

— Ты сильна? ты непримирима? Ты одна смеешь светиться своим неугасимым светом? Так мы заставим тебя не только молчать, но петь аллилуйя, провозглашать осанну, растоптать самое себя.

Те, кто знают Ахматову, понимают ее Галилеево отречение, и, понимая, они ужаснулись не слабости ее, а тяжести той страш-

ной глыбы, которая придавила не только имеющих несчастье жить там, где была Россия, но весь мир: люди сжались, затаили дыхание, ждут со смертельной тоскою, что же может быть дальше?

/.../ Ахматова никого не соблазнит, в первый раз ей никто не поверит. Сколько — если бы была какая-нибудь возможность, — сколько сердец бросилось бы к ней с обостренной любовью, как бросаются к раздавленному колесами бездушной машины человеку! Сколько? — Ты веси, Господи!

Автор «стихотворного» ответа, тем не менее, расширил его, и в 1951 полный вариант под заглавием «На страшный суд истории (Дело Анны Ахматовой)» дошел до Н.А.Тэффи¹⁸. Здесь автор сообщает некоторые подробности о себе: «Когда был еще жив знаменитый Максим Горький, который посвятил остаток своей жизни злодействам Калибана, я за год до его смерти послала ему письмо (конечно, без подписи). В письме я вопрошала, почему прославленный писатель, лично посетивший на севере дальнем лагеря смерти, ничего не написал об этой страшной правде нашей жизни? Я ему напоминала, что сам Калибан, которому он служит, однажды объявил, мороча головы наивных, что самый драгоценный из всех материалов — это человек». Здесь также содержатся упреки в сервиллизме академику Павлову, упоминается академик Ипатьев («его я знала хорошо»), не раз выражавший негодование из-за того, что ему приходится лгать и лицемерить, осуждается Вертинский за участие в фильме «Заговор обреченных» — «Если моя сестра-поэт смотрела ту картину, она, несомненно, должна была узнать в живом трупe Вертинского самое себя», порицаются также Би-Би-Си, не упомянувшая в передаче от 17 июля 1951 о годовщине расстрела царской семьи, а передавшая поздравление М.М.Литвинову, и Маяковский, «развязнейший из хулиганов слова и пера», вносится поправка к составу преступления Ахматовой — «У Анны Ахматовой так же есть (или, может быть, был?) единственный сын, которого Калибан у нее отнял и сослал в лагерь смертников (так ходят слухи), и она, несчастная русская мать, в надежде спасти сына принуждена была ползти к ногам Калибана и воспевать ему хвалу», и, наконец, о Калибане-«иноземце» сказано: «У меня с ним счет, наконец, за то, что, себя спасая, я принуждена лгать, лицемерить и притворяться, маскируя себя в "лойальную" гражданку советского хлева».

Эпизод этот имел продолжение. В 1959 в парижском Союзе русских адвокатов за границей П.А.Соколов (переживший Ахма-

¹⁸ Находится в ее фонде в Бахметевском архиве Колумбийского университета.

тову на девять месяцев) сделал доклад «Литературная дуэль — вызов на суд истории», комментарий к рукописи «Марии Белозерской» (здесь она названа Марией Белосельской). Как сообщал газетный отчет, «восставая с силою против перехода Ахматовой на службу Калибану, как называет Мария Белосельская злого духа, вдохновляющего режим, осуждая измену поэтессы Ариэлю, под именем которого та подразумевает гения христианства, Мария Белосельская все же извиняет злосчастную Ахматову и считает, что история простит ей ее вину, принимая во внимание "смягчающие обстоятельства"». Такое же мнение было поддержано и присутствовавшими на встрече». К этому от редакции сделано примечание: «Настоящий отчет публикуется исключительно с целью информации. С оценкой творчества Ахматовой, данной на собрании, редакция ни в какой мере не солидаризуется»¹⁹.

Об этом суде Ахматова, по-видимому, не знала. Но вообще к метафоре скамьи подсудимых ей было не привыкать. Титульный лист «Поэмы без героя» в одном из вариантов выглядел так:

ОБЩИЙ ОТДЕЛ

Дело №010

Ахматовой Анны Андреевны

(Горенко)

Ахматова — присвоенный псевдоним

В замужестве — Гумилева

...обвиняющейся в писании стихов

неустановленного образца.

(подпись).

¹⁹ С-кий. Дружеская встреча: В Союзе русских адвокатов за границей // Русская мысль. 1959. 5 декабря.

**ДНЕВНИКИ
ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ
МАРГИНАЛИИ**

Р.М.Хин-Гольдовская
ИЗ ДНЕВНИКОВ 1913-1917

Предисловие и публикация Е.Б.Коркиной
Примечания А.И.Добкина

Автор дневников, страницы которых представлены в настоящей публикации, — писательница Рашель Мироновна Хин (1863-1928; в первом браке — Фельдштейн, во втором — Гольдовская). Окончив Третью московскую гимназию, Р.М. училась в Петербурге на медицинских курсах, а затем — в Сорбонне. С 1884 она печатала свои рассказы в журналах «Вестник Европы», «Русская мысль» и др., в 1894 выпустила сборник рассказов «Силуэты», в 1900 — второй сборник «Под гору». Была она известна и своими драматургическими опытами: две ее пьесы — «Поросль» и «Наследники» — в начале века шли на сцене московского Малого театра. Частыми посетителями гостеприимного дома Гольдовских были многие выдающиеся литераторы, ученые и общественные деятели. Хозяйку этого салона иногда в шутку называли «мадам Рамбуей».

Дневники Р.М.Хин, которые она вела более четверти века, уже давно привлекали внимание исследователей, и фрагменты их известны¹. Это и понятно — автор долгие годы находилась в гуще культурной и общественно-политической жизни Москвы: посещала лекции В.О.Ключевского, встречалась с Л.Толстым и М.Горьким, была очевидцем событий 1905 г. и т.п.

Для настоящей публикации мы остановились на той части дневника, что относится к 1913-1917. Записи за эти годы публиковались мало². Меж-

¹ Хин-Гольдовская Р.М. Три фрагмента из дневника / Публикация Р.А.Киревой // Археографический ежегодник за 1980 год. М., 1981. С.315-316; Промельнувшие силуэты...: Из дневников Р.М.Хин-Гольдовской / Публ. М.М.Ситковецкой // Встречи с прошлым. Вып.6. М., 1988. С.82-98; Хин-Гольдовская Р. Очарование старины: Из дневников / Публ. М.М.Ситковецкой // Грани. 1992. №163. С.172-226; 1994. №173. С.155-207; 1995. №177. С.167-210 (использованы записи за 1891-1905); А.Н.Толстой: Материалы и исследования. М., 1985. С.308, 328 и др.

² Цитаты и сведения из них использованы в публикации Д.А.Беляева писем М.И.Цветаевой к М.С.Фельдштейну, сыну Р.М.Хин: De Visu. 1993. №9(10). С.5-24.

ду тем, помимо фиксации встреч с К.Д.Бальмонтом, М.А.Волошиным, А.Н.Толстым, М.И.Цветаевой и другими известными людьми, они содержат представительную панораму жизни предреволюционной Москвы. До некоторой степени эти страницы дневников Р.М.Хин могут служить реальным комментарием к «московским» главам романа М.Алданова «Самоубийство».

Как правило, записи не подвергались нами сокращению, и эта первоизданность текста, в котором личные переживания тесно сплетены с общественными тревогами и острыми наблюдениями, а подневным описаниям социальных катаклизмов сопутствуют философские размышления о судьбах народов, — представляется нам главной ценностью публикуемого материала.

В заключение несколько слов о составе и истории текста.

В дневниках Р.М.Хин отложилась детальная хроника научной, культурной и общественной жизни Москвы за 1891-1917. Всего сохранилось 32 тетради (РГАЛИ. Ф.128. Оп.1. Ед.хр.1-32). Последняя запись датирована 8 марта 1917, после нее несколько листов в тетради вырезано, остальные оставлены незаполненными.

В 1920-е Р.М.Хин работала над текстами своих дневников и подготовила к печати два их обширных свода: «Из моих дневников (1891-1906)» и «Из моих дневников (1914-1917)». Оба они (ед.хр.34 и 35) представляют собой машинопись объемом более 300 страниц, с правкой автора. В настоящей публикации мы не использовали эти своды, предпочтя им подлинники — тетради за 1913-1917 (ед.хр.20-32).

Текст источника приближен нами к современной орфографической и пунктуационной норме, однако ряд индивидуальных авторских особенностей сохранен. Раскрытия сокращений и конъектуры публикатора даны в квадратных скобках.

1913

Воскресенье, 6 января.

Сегодня день рожденья Стася¹. Из Гельсингфорса он приехал неожиданно 2 января. На вид отдохнул, но уверял нас всех, что так стосковался, что не мог дольше высидеть. Сегодня вечером уезжает в Харьков... Танюша² еще у нас, но четвертый день, бедняжка, в постели. Был сильный насморк, а теперь кашляет. Слава богу, что хоть температура не повышенная. Миша³ сегодня тоже в постели. Вся Москва в инфлуэнце. После продолжительной слякоти вдруг ударили морозы без снегу (до сих пор ездят на колесах), но зато с пронизывающим насквозь ветром! Какой хамский климат (совсем под стать стране). Новый год принес два высочайших указа. Одним великий кн. Михаил Александрович лишается звания регента (из полка его исключили раньше) — а другим над его лич-

ностью и имуществом учреждается опека. Это опала за женитьбу М.А. на дочери московского присяжного поверенного Шереметевского. Эта дама, по-видимому, умная, наружность у нее интересная, хотя она уже немолода⁴. Она была замужем, кажется, уж раза четыре, все разводилась, а теперь вот, когда ее хотят «развести», она уж потеряла, должно быть, вкус к этой процедуре. Мошкины мне рассказывали, что их друзья Пеговы⁵ (я их видала в Лихославле) «интимные» друзья «великокняжеской» четы, что Мих[аил] Ал[ександрович] чрезвычайно мил, прост и доверчив. Шереметевские его, кажется, совсем заполонили. У него сын, повенчался он, т.е. вел. кн., недавно и т.д. Одним словом, это событие комментируется тем ожесточеннее, что правды, конечно, никто не знает. Ввиду болезни наследника общественное любопытство особенно возбуждено.

Стась уехал. К обеду он позвал своих помощников. Был один Ковалевский⁶, которого я мало знаю, но т.к. он человек тихий и воспитанный, то было очень мило (были еще Миля⁷, Анна Никол[аевна]⁸, Настя и Эва⁹). К концу обеда явились Британ¹⁰ (бестактный провинциал и психопат) и Членов¹¹ (противный, кривляка) и испортили мне все настроение.

Завтра у меня должны обедать Толстые с Волошиным¹², а послезавтра Поляков¹³. Господи, когда же я, наконец, буду работать!..

Письмо от Кони¹⁴. Все восхищается творчеством М.Щепкиной-Куперник¹⁵. Удивительное влечение у милого Ан[атолия] Федор[овича] ко всяческой «имитации» и «симуляции» (в искусстве).

Очень печальное письмо от Софьи Ал[ександровны] Боборыкиной. Больна, совсем плоха — у нее застарелый легочный процесс (попросту скверная чахотка). Мысль о смерти ее не пугает — желает лишь умереть в Москве, а не за границей, и все одна забота: «Петр Дмитрич, Петруша, Боборыша»¹⁶... Какое счастье *так* любить и быть *так* любимым.

Вторник, 8 января.

Вчера обедали Толстые и Волошин. Просидели у нас до 12 часов. Толстые мне понравились, особенно он. Большой, толстый, прекрасная голова, умное, совсем гладкое лицо, молодое, с каким-то детским, упрямо-лукавым выражением. Длинные волосы на косой пробор (могли бы быть покороче). Одет вообще с «нынешней» претенциозностью — серый короткий жилет, отложной

воротник à l'enfant* с длиннейшими острыми концами, смокинг с круглой фалдой, которая смешно топорщится на его необъятном arrière-train**. И все-таки милый, простой, не «гениальничает» — совсем bon enfant***. Жена его — художница, еврейка, с тонким профилем, глаза миндалинами, смуглая, рот некрасивый, зубы скверные в открытых, красных деснах (она это, конечно, знает, п[отому] ч[то] улыбается с большой осторожностью). Волосы у нее темно-каштановые, гладко, по моде, обматывают всю голову и кончики ушей, как парик. Одета тоже «стильно». Ярко-красный неуклюжий балахон с золотым кружевным воротником. В ушах длинные, хрустальные серьги. Руки, обнаженные до локтя, — красивые и маленькие. Его зовут Алексей Николаевич, ее — Софья Исаковна. Они не венчаны (Волошин мне говорил, что у него есть законная жена — какая-то акушерка¹⁷, а у нее муж — философ!). У нее очень печальный взгляд, и когда она молчит, то вокруг рта вырезывается горькая, старческая складка. Ей можно дать лет 35-37. Ему лет 28-30. Она держится все время насто-роже, говорит «значительно», обдуманно... почему-то запнулась и даже сконфузилась, когда ей по течению беседы пришлось ска-зать, что она родилась в «Витебске»... Может быть, ей непри-ятно, что она еврейка? Говорит она без акцента, хотя с какой-то примесью. Он совсем прост, свободен, смеется, острит, горя-чится, путается в теоретических фиоритурах Макса, желает с 5-ю молодыми драматургами учиться «как надо писать пьесы» и т.д. Я к ним поеду в четверг. Из всех «звезд» современного Парнаса — Толстой произвел на меня самое приятное впечатление¹⁸.

Вторник, 15 января.

Как-то я совсем опустилась. Встаю поздно, толстею, зады-хаюсь, тоскую, ничего не делаю, даже не читаю... И если б я при этом хоть «жуировала жизнью»... Ничего похожего. Я вечно ду-маю, во сне и наяву, и вероятнее всего, что эти мои мысли, за-полняющие все мое существование, обращенные в прошлое, — убивают всякую способность делать что-нибудь в настоящем. Я точно сама себе говорю: все равно!.. жизнь ушла даром, все меня обогнали, мне все равно не догнать — и вот я кое-как плес-тись... Это ужасно недостойно и глупо...

Кажется, наступила зима. Турки опять устроили у себя госу-дарственный переворот и уж не хотят отдавать славянам Адриа-

* как у ребенка (фр.).

** заду (фр.).

*** добрый малый (фр.).

нополь¹⁹; славяне грозятся возобновить военные действия; газеты радуются, что Адрианополь поневоле сдастся от голода и холеры и т.д. Так безнадежно скучно, когда думаешь, какое непроходимо глупое, жестокое и подлое стадо представляет из себя христианское, *цивилизованное* человечество XX века!.. Чудеса техники, которыми пользуются для вящего уничтожения и ненависти... Опускаются руки... Ну хорошо! я напишу еще 3 пьесы, роман, хронику... Кому это нужно? Кому от этого легче? Если б хоть я сама от этого чувствовала себя счастливее, удовлетвореннее... Ни капельки. У меня нет ни честолюбия, ни тщеславия, я отлично знаю, что то, что я делаю, это все — «так себе», на тройку... Стоит ли этим заниматься. Как досадно, что у меня нет ремесла... или службы... Не поступить ли мне на кулинарные курсы?..

Сегодня в Незлобинском театре премьера Поляковской пьесы «Лабиринт». Вероятно, я поеду. Сколько он, бедняга, хлопотал, бегал, добивался... Он бездарен, но так убежден, что он талант, что заставит в конце концов и других признать это²⁰.

Были мы с Эвой у Толстых в четверг. Было много народу и довольно занятно. Но все это... *de quinzième ordre**.

Суббота, 9 февраля.

Мишеньке 29 лет!.. Дай, Господи, ему счастья. Он, Эва, Таня. Храни их, Господи, по великой милости Твоей, не взыскивай с них за мои грехи...

Понедельник, 11 февраля.

Приехал Стась. Очень устал. Сегодня холодно. Чувствую себя усталой и разбитой. Ненавижу вторую половину зимы... В пятницу была у Толстых. Молодой человек, Мусин-Пушкин — читал свою драму «Звереныш»²¹. Как пьеса — вещь очень слаба, но «сюжет» чрезвычайно любопытный. Действующие лица — все — аристократические особы. Мамаша — дворянка — кутилка, меняет любовников, как перчатки, — и последнего 23-летнего мальчика (за ним, впрочем, идет целый ряд героев) привозит к себе в имение. А в имении живет с нянькой и гувернанткой семнадцатилетняя дочь пылкой мамашы. Дочь, конечно, невинна, как трехлетняя девочка, и при этом — *enfant terrible***. Мамаша ее сначала ревнует к своему молодому любовнику, а потом чуть не силой женит его на дочери, обещав ему, что дочь будет только

* пятнадцатого разряда (*фр.*).

** сорванец (*фр.*).

ширма — и все останется по-прежнему. Окружающее общество еще откровеннее. Старуха баронесса содержит старшего брата героя Алеши — совершеннейшего апаша. В этого апаша влюбляется молодая героиня (она и есть «Звереныш»). Скандал в каждом акте, а в последнем скандал-монстр с выстрелами и убийством на сцене. Брат убивает брата. Меня заинтересовала простодушная наивность, с которой автор, несомненно, «сфотографировал» своих добрых знакомых. Когда подумаешь, что «Наследники» были сняты за оскорбительное «изображение» дворянства!..²²

Четверг, 14 февраля.

Третьего дня, в политехническом музее, я была на диспуте «Бубновых Валетов». Макс Волошин читал превосходный, умный реферат по поводу изрезанной каким-то несчастным Балашевым картины Репина «Иван Грозный и его сын»²³... В публике находился и сам Репин, котор[ый] вел себя глупо и недостойно, не пожелал возражать с эстрады и кричал сверху, что Волошин «порет дичь», «чушь», «ерунду», что кучка варваров «подкупила» глупца — уничтожить «произведение национального искусства»... что это дело «партии»... Ученик Репина, Щербиновский²⁴ вышел на эстраду с палкой в руке, говорил невероятные пошлости, вертелся, как клоун. Публика неистово* аплодировала и неистово свистала — вообще поведение аудитории было трагичное. Волошин испортил свой серьезный доклад «задирательскими» фразами вроде — «не кровь, а клюквенный морс» или: «Картина написана под влиянием оперы "Риголетто" — произведшей по слухам (!) сильное впечатление на Репина»... «место этой картине не в национальной галерее, а в Паноптикуме или в Musée Grevin²⁵»... Эти излишние «фиоритуры» смазали интересное содержание доклада, и публика за них-то и уцепилась. /.../

Понедельник, 18 февраля.

В Катино²⁶ ехать нельзя, слишком холодно: утром было 20°. Вчера были у детей, вернулись в 3 часа! Они, в первый раз, принимали своих знакомых, у которых они бывали эту зиму. Центральное место занимала, конечно, вся волошинская компания, которая состоит из двух частей: «обормотников» — сюда входит своеобразная коммуна: мать Волошина²⁷ (старуха в штанах и казакине!), он сам и две сестры Эфрон — Лиля и Вера²⁸. Они живут все на одной квартире, которую они сами окрестили именем: «обормотник»²⁹... Остальные: Марина Цветаева, двадцатилетняя поэтесса, жена 19-летнего Сережи Эфрона, ее младшая

сестра Ася, тоже замужем за каким-то мальчиком (обе эти четы имеют уже потомство — у Марины девочка, 6 месяцев, у Аси такой же мальчик³⁰, причем каждый из этих младенцев перебивал у 6 кормилиц — по одной на месяц! Я называю эти «менажи» — «Детский Сад»). Марина, Ася, Майя (18-летняя русская француженка, пишет — и как читает! очаровательные французские стихи³¹) — так сказать — естественные сочлены «Обормотника». Толстые — хотя и тесно с ними дружат, но уже понемножечку «отодвигаются» от этого кочевого табора и стремятся занять более солидное положение. Кандауров и Богаевский³² — что-то вроде почетных, сочувствующих *посетителей*. Как *зрелище* вся эта компания забавна чрезвычайно. Сестры Эфрон — очень хороши собой, особенно Лиля. Марина и Ася вдвоем читают Маринины стихи. Стройные, хорошенькие, в старинных платьях, с детскими личиками, детскими нежными голосами, с детскими вздохами, по-детски нараспев они читают, стоя рядышком у стенки, чистые, трогательные, милые стихи... Ужасно странное впечатление! — какое-то далекое-далекое, забытое, не нынешнее, словно на миг мелькнувшее во сне прошлое, которое сейчас-сейчас исчезнет. Майя читала по-французски — про «королеву», «*ras-tour'a*»*, рыцаря — такие далекие, лунные баллады. Читал и Макс — как всегда хорошо и как всегда аффектированно, он отчеканивал каждое слово. Милый, добрый, ласковый, всезнающий, всех любящий — и ко всем равнодушный Макс!.. Ученый эклектик, перипатетик, поэт, художник, философ, хиромант и божий человек, юродивый «без руля и без ветрил» — русский «обормот» с головой Зевса и животом Фальстафа. Все они точно не живые, какая-то любопытная нелепость... Они ходят, говорят, декламируют, сочиняют, пишут, танцуют, бракосочетаются, рожают детей, едят, пьют, курят папиросы... И все это они проделывают, как выражается Таня, — по-«игрушкиному»...

Сегодня 13 лет, как мы с Стасем обвенчались у старого ксендза в Толочине. *Que d'eau a passé sous le pont...** И если бы только воды!.. Прилив и отлив... десять жизней!.. Этот бешеный темп!.. Как мы оба устали, изменились... постарели!.. И Наденька³³, бедная, с нами и из-за нас постарела... Эта страшная, страшная борьба за жизнь... Стась — много на нас поработал, вырастил Мишу, с поразительной добротой и невероятным самоотвержением несет свою добровольную ношу... Мы сегодня много и так хорошо с ним поговорили... Уж не помню даже, когда мы *так* с ним гово-

* пастуха (*фр.*).

** Сколько воды утекло под мостом! (*фр.*).

рили. Все некогда!.. А нынче, он пришел ко мне, я причесывала на ночь свои волосы, он сел в красное кресло, и мы тихо-тихо — по душе — беседовали... о прожитом и пережитом... Благослови его Господь отныне и присно и во веки веков. Аминь.

Катино, суббота, 6 апреля.

/.../ Дом, который мы купили, мне очень нравится. Это — небольшой особняк в тихом Старо-Конюшенном пер. около Арбата³⁴. Тут же, во дворе — флигелек, где будут жить дети, и сад — для города очень милый. Все вообще имеет вид приятный и уютный — и если б не страх, что Стась принес слишком большую жертву, и не боязнь переезда — то можно бы только порадоваться этому событию. Авось — все «образуется». Не хочу загадывать, не хочу строить планов...

Среда, 24 апреля.

Сейчас телеграмма от Славика: «Лекция блестяща, восторженный прием, я счастлив, поздравляю тебя Наденьку целую пишу»... Это значит, что Миша — приват-доцент (если его утвердит министр, т.е. г.Кассо³⁵). Миша читал о Royet-Collard³⁶ — и еще — по назначению факультета о какой-то статье Госуд[арственной] Думы. Накануне его отъезда он прочел мне и Наденьке Royet-Collard'a — и в смысле изложения, стиля — я нашла лекцию превосходно сделанной. Об эрудиции и оригинальности темы я, конечно, судить не могу. Форма очень сжатая, процесс мысли строгий, логический, никаких «фиоритур», ничего банального. Какая-то пуританская простота. Trop sobre pour un jeune homme*. Дай, Господи, за все наши страдания и неудачи — Мише и удачу, и труд по душе... Если мы проложили ему дорогу, то, значит, и мы — Наденька, Стась, я не напрасно жили... /.../

Пятница, 31 мая.

Я все это время болею. Бессонница... и сердце — скачет, дрожит, порхает, а минутами — точно его совсем нет. Ужасная усталость и тоска, недовольство собой... Погода опять гнусная. Холодные дожди. От Эвы нет писем. Миша в Москве — экзаменует и, кажется, очень недоволен, что из-за моей болезни приходится сократить коктейльскую «виллежиатуру»³⁷. В Москву он прибыл за два часа до экзамена. Ужасно изменился Миша в эти четыре

* Слишком трезвая для молодого человека (*фр.*).

года. Где его прежняя строгость к себе, честность, скромность!.. Нас он как-то совсем перестал любить, даже Наденьку. Резкий тон, требовательность, а в хорошие минуты — вместо милой беседы, которая вносила столько прелести в жизнь, — одно зубокальство! Мы для него просто старый хлам. Ах, как он будет нас звать, когда мы уж будем за «пределами досягаемости»... Бедный Миша, он *глуп!*.. И Эва глупа и бесхарактерна, и никогда не знает, чего хочет... А мы виноваты, что так безобразно их избаловали... Тоже бесхарактерность.

Появилась надежда избавиться от Катина. Даже мечтать боюсь.

Суббота, 1 июня.

Катино продано. Так волнуюсь, что не могу писать.

Воскресенье, 2 июня.

Да, продано. На той неделе, когда еще мы все спали, часов в 7 утра, приехал толстенький, со свиными глазками господин, заявивший, что он желает осмотреть усадьбу — для одной дамы, что он не комиссионер, а доверенное лицо. Ему все показали честь-честью. За чаем он разговорился и объяснил, что дама это, собственно, девица, дочь действительного статского советника, г-жа Шестакова, а имение для нее покупает ее «друг» г. Третс, который желает устроить для нее птицеводство и свиноводство. Г-н Третс человек коммерческий, а г-жа Шестакова, хотя и дворянская девица, но тоже любит «коммерцию» и т.д.

Вчера прибыла эта компания. Г-н Третс, огромный, с толстым заплывшим лицом, с тройным подбородком и маленькими усиками, с необъятным животом и таким же *aggrèe train*. На жирных пальцах — на мизинце, два широких кольца с бриллиантами, вдавленными в черную эмаль. Его «подруга» — худенькая намазанная особа, вертлявая, писклявая, стремительная, пронзительная, с ухватками провинциальной модистки. В сером облипающем пальто, в модной шляпке на затылке с белой вуалеткой, егозливая, востренькая, с мышинными бегающими глазками. Возраст — между 30 и 45-ю. Сестра одета хуже, накрашена уж без всякой жалости, кажется постарше ее, похожа на нее, но апломба меньше и потому приятнее. Братец — гимназист лет 17-ти, с глупым испитым лицом, большим глупым лбом, жидковолосый, большеносый, большеротый, курит бесперечь и все называл меня «мадам». Мальчик 5 лет с желтым, старческим, одутловатым лицом, красными глазами, молчаливый и с доброй улыбкой, на-

конец, толстенький, прилизанный Бемзель³⁸, кот[орый] приезжал в первый раз. Все они (кроме золотушного мальчика, котор[ого] мне было жалко) осматривали Катино вдоль и поперек, залезали во все щели, ощупали каждое дерево, обнюхали каждый куст, ели, пили кофе, пили чай и торговались... Боже мой, как они торговались! Мы с Надюшей были совсем несчастны. Я вздыхала и, чтобы скорей все кончить, кивала головой. Тогда на меня с укоризнами набрасывалась Наденька и говорила, что я безумная, тогда я переставала кивать, а дочь д[ействительного] ст[атского] сов[етника] Шестакова — скрипела, что она даже «ста рублей» не может прибавить, и сверкая своими мышиными глазками, выскрипевала: — Ах, что для вас значит 500 р., а мы на эти деньги накупим столько живности!.. Мушины держали себя куда приличнее. Одним словом, наше бедное Катино, кот[орое] Николай Ильич и Анат[олий] Федор[ович]³⁹ называли un pezzo del cielo caduto sul terra*, пошло за 9000! Там, где я мечтала, плакала, томилась, радовалась, умирала и оживала, там, где рос и вырос, влюблялся и венчался Миша, где Наденька, замученная, с опустошенной душой, вновь зацепилась за жизнь, куда приехала в гости Эва, где слились две жизни, моя и Стася... там теперь водворится через две недели г-жа Шестакова с толстым Третсом, будут разводить свиней и всякую «живность». Дай им Господь всяческих барышей... Может быть, это даже лучше.

Для нас Катино завершило свой круг. Мы бродили тут с Наденькой, как две печальные тени. Только Танюша, наше красное солнышко, нас оживляла. Но и ей лучше будет на берегу моря. Милый дом, милые родные стены, спасибо за прошлое. Но дальше... Дальше — было невозможно оставаться, дальше это был бы уж гроб. Оставайся же домом, милое Катино, и приюти иных людей...

Вторник, 5 августа / 23 июля.

Прочла вчера в «Русском слове», что в Берне «тихо скончалась Екатерина Семеновна Динесман» — т.е. милая Катя Киссин, моя гимназическая подруга⁴⁰. Жизнь нас разделила, мы редко встречались, но всегда радовались встрече. Она меня *обожала* — без всякой критики. Я для нее всегда оставалась немеркнувшей (со времени гимназии, «княжны», Декопольского⁴¹) звездой! — «Красавица Рашель», умница, талант! (oh-là-là!..). Я очень любила Катю за ее необыкновенную кротость и милый, безобидный

* куском неба, упавшим на землю (итал.).

юмор. Она была типическая еврейка — по наружности, уму, душе, — в самом привлекательном смысле. Все острые черты — в ней были облагорожены, смягчены и составляли что-то ей одной присущее. А главное — ее доброта, изливавшаяся на все «сущее». В Кате было что-то общее с нашей бедной Анетой⁴². Ее семья — муж, дети — по внешности — несимпатичны. Старший сын, кажется, милый⁴³... Бедная моя Катя! Она не жаловалась на судьбу, всегда мило шутила, но в ее редко-прекрасных, совершенно черных бархатных глазах всегда стояла печаль... смирения ли, обманутых мечтаний? Кто знает!.. Мир твоей незлобивой душе, моя милая Катя.

Лианозовка, вторник 24 сентября.

Солнечное, свежее утро. Я гуляла полтора часа по парку. Тишина. Какие дали! В аллеях горами лежит мокрый лист... Как хороши золотые липы и золотые с красной оторочкой клены... За прудом на лугу —

По столу пробежала мышь. Я вскочила, как сумасшедшая. И сейчас — вся трясусь. Вот тебе и деревенское настроение. Брр! отвращение! Позвала горничную, она двух истопников. Мышь, конечно, убежала... Они говорят: — Да ведь она ничего... — Что ничего? — Ничего сделать не может, она маленькая...

Болваны.

1914

Понедельник, 20 января.

Стас уже два дня в Петербурге. Оттепель и, конечно, непролазная грязь. В «Русском слове» — в отчетах о заседаниях Государственного Совета о пьянстве я прочла — 1) превосходную речь Кони (самая великолепная была речь Витте) и во 2) сообщение о его отказе работать в комиссии по вопросу о пьянстве в деревнях ввиду того, что он является «заинтересованной стороной», ибо запрещение питейной сельской торговли должно отразиться на доходах *его супруги*!!! Какая-то невообразимая чепуха! Я получила от него на той неделе письмо — обычно меланхолического содержания. Ни о какой «супруге» он не упоминает. Неужели он женился на «шинкарке»!.. Или на винокуренной помещице? И таким оригинальным способом оповестил о своем «бракосочетании» друзей и отечество... Всяко бывает. Я вчера ему написала и спросила: что «сие» означает? Сегодня он прислал мне свою

речь *in extenso** — но о «супруге» и кабаках там ничего нет...

В субботу у нас завтракал Кандауров и рассказывал про художника Коровина⁴⁴, кот[орый] писал декорации к Вертеру⁴⁵ и спрашивал: — Что это за штука «Вертер» — и когда ошеломленный Вальц⁴⁶ сказал, что это Гете, — образованный художник заметил: — Какой-то Гете пишет, а мы изволь придумывать декорации...

Понедельник, 27 января.

23-го мы были приглашены к новым знакомым Грессер⁴⁷. Он — бывший гвардеец (сын петербургского градоначальника при Александре III — кажется, был взяточник и дрянь⁴⁸). Так вот его сын — Александр Петрович поселился в Москве, *brasseur d'affaire*** — не умен, не глуп, не антипатичен, не симпатичен. Жена — москвичка, падчерица кадетского «генерала» Комиссарова⁴⁹ — из купчих *modern style*. Недурна, бойка до разухабистости, неглупа, очень вульгарна, намазана, как маска, одевается по последней моде — с разрезом до колен, на три четверти голая, на четвертую четверть «сквозная», с вызывающими манерами, с резким, озорным голосом! Еще «чуть-чуть» и получится — неприличие. И, несмотря на все эти качества, эта набеленная и размазанная как палитра Вера Петровна — мне симпатичней, чем ее вылощенный супруг. *Au fond**** — она, должно быть, — *une bonne garce*****... Съезд у них был назначен к 12 ночи, к ужину. Великолепная квартира. Обстановка — прямо музей. Чудесный фарфор, картины, деревянные скульптуры, прелестная старинная мебель, зеркала, старые ткани, ковры, бронза, в витринах — я видела мельком — даже рукописи... Видно, что хозяин коллекционер. В столовой белые половые из «Праги», три параллельных стола, сплошь покрытые красными и розовыми гвоздиками. Публика — каждого жита по лопате! Несколько прокуроров, генерал с глупым лицом, много артистов (Южин, Лебедев, Максимов, Худолеев, Коренева, Третьякова, муж и жена Пикок⁵⁰...), великолепно «раздетые» дамы, жена предводителя дворянства⁵¹, седая красавица с изумительными изумрудами, очень милая Ольга Сергеевна Матвеева, сестра Шереметевской, на кот[орой] женат князь Михаил Алекс[андрович], и еще, еще, еще... Шампанское,

* полностью (*фр.*).

** делец (*фр.*).

*** в сущности (*фр.*).

**** распутница (*фр.*).

крюшон, ликеры — фрукты, ужин, румынский оркестр, речи (хозяйки, прокурора Чебышева⁵² — ужин был прощальным чествованием именно ему, как душе и *bel esprit** всего этого общества). В 4 ночи хозяйка переменяла костюм Прекрасной Елены на парчевый сарафан и кокошник — плясала русскую — каблучком притопывала, ножками семеняла, плечиками передергивала, плыла лебедью... И все-таки было скучно. Даже занятно, и все-таки скучно — по крайней мере — мне. Это самый модный «жанр» всеяющейся Москвы — *genre canaille***!.. Мы вернулись в 6 часу, а многие оставались до 8 1/2 утра!.. и ужинали второй раз!!!

Быково, понедельник, 12 мая.

Чудесная погода. Место здесь, по красоте, удивительное. Наша дача на горке. Внизу река — чистая, с крутыми извилами, тихо течет среди бесконечных лугов. Дали — кругом — верст на пятьдесят. С одной стороны к деревне, с другой — к реке примыкает усадьба Ильиной с великолепным дворцом — по-видимому, Николаевской эпохи, но совершенно итальянской архитектуры. Прекрасный парк, липовые аллеи, огромные — в три обхвата — тополя, каменные оранжереи (из некоторых понаделаны дачи), полуразрушенные павильоны — в два света, с колоннами и амурами — глядят в запущенный пруд. Восхитительная церковь с тонкими изящными куполами, готическими окнами и воздушной лестницей. Это бывшее имение Воронцова-Дашкова. Остатки бывшего великолепия — крепостной поры. А там, где мы, — это бывшая ферма, и дачи понастроены из конюшен.

Стась приехал в субботу и предполагает остаться до четверга. Очень устал и молчалив. Впрочем, в субботу мы оба не спали до четырех часов утра. Было совсем светло, когда мы разошлись. Все вспоминали прошлое... Прежние наши дачи... Троекурово, Селевино, Демьяново, Семеново... Какой ужас! Как только сил хватало все это переносить... Прямо — крестный путь. И вот мы опять на *даче* — вместе, открыто, по «полному законному праву». Ужасов нет. Но столько горечи, такая разбитость!.. Больше всего молчим, а когда говорим, то не о «Ночах» Альфреда Мюссе, не о «Горной идиллии» Heine, а о том, что Урусов⁵³ предатель, Лопухин⁵⁴ негодяй, Арнольд⁵⁵ — волкодав. Гомберг⁵⁶ — клещ, что куда ни повернись — все жулики и дрянь — и уйти от этой дряни нельзя, п[отому] ч[то] все равно все такие, других нет!

* остро слову (*фр.*).

** простонародный жанр (*фр.*).

А жить надо! Надо зарабатывать, т.е. «делать дела», а там, где дела — там со всех сторон — капканы, рвы, силки — хитрых, сильных, бессовестных хищников. Надо постоянно быть начеку, чтобы не провалиться... «Где уж тут книжки читать!..» Ах, как мы оба устали! Тогда, на *тех* «дачах», мы были молоды, и любовь-волшебница превращала селевинскую избу в голубую раковину...

Эва и Миша собираются 24-го за границу. Танюша остается с нами. Наденька вчера уехала с Милей в Москву — приводить в порядок дом. Это как морские приливы и отливы. Порядок — беспорядок, беспорядок — порядок... В этом проходит жизнь.

Воскресенье, 25 мая.

/.../ Смотрела вчера на вокзале на Эву и Мишу. Оба красивые, молодые, умные, добрые, с прекрасной светлой дорогой впереди, свободные от гнетущей борьбы о «хлебе насущном», родители очаровательнейшей девочки... Кому бы, кажется, цвести, как не им? И оба какие-то *вывихнутые*, грустные... Эва — не может быть довольна, п[отому] ч[то] Миша вечно «растекается» по древу мыслию, «шизым волком по земли»⁷... На вокзале были и две девицы Эфрон (последний «флёрт» Миши!). Унылые, полусонные, грустные, несчастные «обормотки»!.. Сами по себе, вероятно, хорошие барышни, но уж до того неумелые, растерянные, преследуемые судьбой, что они могут своими неудачами и «горями» утомить армию.

Нет довольных в жизни!.. Богатые, сильные, здоровые, злые, умные, глупые — все недовольны! В каждой жизни вспыхивают, как блеск молнии, два-три момента... И опять — «неуд» и мрак. Возмущаться — это бить место, на котором расшибся. Надо смириться и *помириться*. «Entbehren sollst du, sollst entbehren»*...

Пятница, 13 июня.

Много лет не было такой очаровательной погоды. Жарко очень, но до того хорошо! Ничего делать не хочется, все бы глядел на эту сонную реку, на бесконечные дали, на огромные возы зеленого сена, кот[орые] еле-еле ползут по гладкому, скользкому лугу... Весь воздух напоен запахом свежего сена, даже комната полна этого аромата. И на душе — затишье и смирение. Может быть, *это* и есть *то*, что *нужно*... в поте лица... не мудрствовать, не мечтать, не требовать, жить с погодой, ближе к земле... шаг да шаг... и в *землю!*..

Эва и Миша довольны Парижем.

* «Нуждаться должен ты, должен нуждаться» (нем.).

Суббота, 12 июля.

Сегодня знойный, сухой ураган. Все эти дни я ужасно раздражена против Миши и Эвы, главным образом, против Миши, [потому] ч[то] Эва тут, конечно, жертва Мишиного эгоизма и распушенности. «История» эта ведет свое начало от Волошинского «Обормотника». Началась она в доме Зайченко⁵⁸, расцвела прошлое лето в Коктебеле, дошла до зенита в нынешнюю зиму, а до безобразия эту весну и лето. В «Обормотнике» — царили сестры Эфрон, которых Макс воспевал в стихах и превозносил устно и нараспев в прозе. Девушки красивые, с печальной судьбой. (Отец умер, мать была известной революционеркой, разочаровалась в революции, очутилась с многочисленной семьей в Париже⁵⁹. Там, вследствие какой-то несчастной случайности — кажется, играя в смертную казнь, ее младший сын, мальчик лет тринадцати — найден был повешенным⁶⁰. Тогда, кажется, на другой день, — повесилась и мать). После этого ужаса две сестры — Лиля и Вера — и брат их Сергей перекочевали в Москву, соединились с Волошинскими и положили основание «Обормотнику». Лилия — у нее очень красивая голова на шестипудовом корпусе — поступила на курсы, кажется, историко-филологические, а Вера на драматические. Вера не так толста, как сестра, глаза у нее «загадочные» и удивленные, поэтому, вероятно, Макс решил, что она должна идти в монастырь или... на сцену!

В «Обормотнике» (так окрестил *сам* Макс свой «фаланстер» на Сивцевом Вражке и в Коктебеле) — выбросили за борт все «условности», т.е. всякий порядок, всякую дисциплину... Но как и во всякой «коммуне», там создан свой «устав» — в корне фальшивый и карикатурный. Взаимные восторги перед красотой, свободой и «лирической насыщенностью» каждого «момента»... Все любят друг друга, собой, все на «ты». Брат Эфрон, Сергей, в 16 лет женился на 17-летней поэтессе Марине Цветаевой (очень красивая особа, с решительными, дерзкими до нахальства манерами); сестра этой Марины 15-летняя гимназистка вышла замуж за 15-летнего же гимназиста, кажется, третьеклассника, но зато пьяницу — первоклассного. Этот супружеский «детский сад» обзавелся потомством — у Марины девочка, у Аси — не знаю кто. Марина, богатая и жадная, вообще несмотря на поэзию — баба кулак! Муж ее — красивый, несчастный мальчик Сережа — туберкулезный, чахоточный. Имеется еще брат, старший, Петр⁶¹, который со смерти матери был в ссоре с сестрами из-за «наследства». Он обвинял сестер в утайке денег. Теперь он третий месяц умирает от злой чахотки, сестры поместили его в лечебницу,

а сами *расположились* во флигеле у Миши! причем ни Миша, ни Эва не сочли нужным — перед отъездом даже предупредить нас, что они у нас в доме поселили жильцов. А жилицы расположились в доме, как у себя, — целый месяц не давали паспорта, занимали нашу прислугу, запаковали весь флигель. Но и этого показалось им мало. Несколько дней тому назад, никого не предупредив, в два часа ночи — Лиля водворила во флигеле прибывших из Коктебеля Марину, Сережу, их няньку с ребенком и кошку. В четыре часа утра Марина по телефону разбудила Милю (с кот[орым] она едва знакома) и спрашивала — нет ли у него знакомого доктора, т.к. ее супруг захворал. Утром Он[исим] Бор[исович] уже не мог пить чай и заниматься в своем саду, ибо им уже завладела нянька с ребенком. Постель Миши занял больной, комнату Тани — нянька с ребенком, кабинет — Марина, столовую — Лиля. Дом сразу обратился в хлев. Когда дворник попросил паспорт, Марина ответила: мы его забыли на даче — и по телефону пожаловалась Миле на «приставанье» дворника. Миля сказал, что в Москве — забастовки, и полиция может нас подвергнуть за держание беспаспортных 500 рубл. штрафа. Марина гордо ответила: я тогда сама заплачу! Миля возразил, что за это, кроме штрафа, домовладельцу грозит тюрьма. Поэтесса не смутилась и ответила: бог милостив, не посадят! *

С Максом вся эта компания разругалась еще в прошлом году — и в Коктебеле происходили прямо неприличные сцены⁶². Лиля и Вера, привыкшие к безраздельному поклонению, столкнулись с новой «звездой» — французской поэтессой Майей (это уже совсем вывихнутая девчонка). Миша, конечно, всецело перекинулся на сторону «сестер» — он сначала «млел» перед Лилей, потом стал «млеть» перед Верой. Этим воспользовалась практическая Марина и обратила его в мальчика на побегушках. Эту же должность он исполнял всю зиму при великолепных страхах, которые с непонимающими ничего в «жизненных делах» глазами — могут своими поручениями утомить роту солдат. Из-за них Миша всю прошлую зиму был на себя не похож, со всеми резок, раздражителен, они заполонили флигель всевозможными российскими *gatés**, из-за них Миша вдруг раздумал ехать за границу. А как они его гоняли по докторам, по лечебницам, по разным нужным людям, чтобы устроить Петра!.. И все это проделывал Миша — *неподвижный, лентяй, эгоист*, который ни для жены, ни для своей девочки, ни для нас *никогда пальцем не двинет*, который злится за самую маленькую услугу, которую

* неудачниками (*фр.*).

иной раз неизбежно оказать человеку не из «обормотского» табора.

В Коктебеле Макс дошел до такого ража, что бежал из дому. Я от него получила прелюбопытное письмо⁶³, в котором он, со скрежетом зубным, отрешивается от всего, что хоть отдаленным образом соприкасается с «ядовитой» атмосферой обормотства.

И, конечно, это ядовитая, разлагающая атмосфера! Отсутствие уважения к чужому времени, труду, личности, к *неприкосновенности* чужого дома... Миша, Эва, которым следовало бы знать, как трудно дается нам жизнь и с какой *легкостью* мы не думаем о себе, когда нужно что-то сделать для *них*, — даже не подумали, что элементарная деликатность обязывала их хоть поставить нас в известность, что они нам посадили на шею чужих, антипатичных нам людей. Ведь если бы они занимали квартиру в доме Зайченко, то, уезжая на лето, они сообщили бы дворнику или швейцару, что в их отсутствие квартиру их будут занимать «такие-то». Ведь они же знают, что единственная наша роскошь — это жить у *себя*, без посторонних. Я в этом году не поехала за границу, чтобы *им* было удобнее ехать, чтобы *они* были спокойны за Таню, пожертвовала единственным временем, котор[ое] я провожу с Он[исимом] Бор[исовичем]. И вот, как они нас обоих отблагодарили! И все это Миша, Миша с своей дряблостью, с своим раскисаньем перед каждой бабой, кот[орая] пожелает им помыкать. И ведь вся эта его телячью влюбленность не от темперамента, а от противной каменецкой распушенности⁶⁴. И как он в эти свои полосы — глупеет, грубеет, пошлеет! Только *один* роман его поднял — роман с Эвой и *один* раз я им искренно любовалась — это когда он *спасался* от романа с Эсфирью. Совсем юнец, он *тогда* был настоящий мужчина — изящный, умный, прекрасный... Во всех же других своих «увлечениях» — он жалок и глуп.

Теперь, конечно, из-за «конфликта» с эфронским «нашествием» у нас выйдет большой скандал... Мне стыдно и совестно перед Он[исимом] Бор[исовичем].

Из-за этого безобразия как-то незаметно прошла смерть нашего Флика. Милый песик! он захворал в одно время со мной. Стась увез его в Москву в лечебницу — и от меня скрыли его болезнь. Преданное, умное, нежное существо! Десять лет, нет, больше — тринадцать лет он делил нашу жизнь. А Наденьку любил так, как самый высокий и возвышенный человек любить не способен. У меня все время в душе грустное чувство, что «он» не выбегает навстречу, не лает, не глядит на нас своими мудрыми,

всепонимающими глазами — этот постоянный, немой свидетель наших горестей, радостей, ожиданий, разочарований, свиданий, расставаний, ссор, примирений, слез, смеха... Милый, милый Флик! Спасибо тебе за твою великую, благородную душу, моя маленькая собачка, — мой большой, изящный, черный друг.

Среда, 16 июля.

Австрия объявила войну Сербии. Вчера еще казалось, что гроза миновала. Сербия дала очень миролюбивый ответ на неслыханную по наглости «вербальную» ноту Австрии... Мы все успокоились — и вот! Что это будет, Боже мой! Ведь европейская война это водворение варварства, мрака, неисчислимых бедствий, *банкротства* культуры! И сколько дикости в образованных русских людях. Третьего дня я была в Москве. У меня пили чай Обнинский и Лузина⁶⁵. Они обсуждали, когда и где мы будем «лупить» немцев. В столовую вошел Он[исим] Бор[исович] и сказал, что ему только что сообщили из разных банков, что есть надежда на мирный исход австро-сербской истории. И что же! Обнинский и Лузина не могли скрыть своего разочарования — до того хочется «подрагаться» с немцами. А ведь у нас неурожай, только что в Петербурге бастовало 200 000 рабочих, по всей России — забастовки не прекращаются, у нас царствуют Кассо, Маклаков, Распутин... Видно мало! Надо еще бить немцев.

Думаю, что дети теперь скоро вернуться. В Москве, в их флигеле, окончательно расположилась вся семья Эфронов. Сестрицы, братец, его жена (совершенно ломовой извожик — эта поэтесса «Марина Цветаева») ⁶⁶, ребенок, нянька, кошка. Они заполонили весь дом, весь двор, загоняли прислугу. Мы очутились точно в плену у башибузуков. При этом никто из них не только не счел нужным спросить — могут ли они занять флигель, а даже не кланялись с Он[исимом] Бор[исовичем]. Он, бедный, перестал ходить в сад! Когда дворник просил их дать паспорта, ему отвечали: не стоит, мы скоро уедем. А между тем в Москве введена чрезвычайная охрана! Флигель превратился в хлев. Я решила действовать энергично. Послала Макара, и он объявил, что «покорнейше» просит освободить флигель скорее, т.к. он нам необходим. Цыганский табор снялся. Но «дебелая Лиля» пожелала меня проучить: велела нашему канцелярскому мальчику передать мне конверт — без адреса — в котором лежала записка — без обращения — гласящая: С.Я.Эфрон не болен заразной болезнью. Подпись: д-р — фамилия неразборчива.

Каковы манеры! И эта банда — *лучшие* друзья Миши и Эвы!

Погода все такая же: тропическая жара. Нечем дышать. Ничего не могу делать.

Стась вчера уехал в Петербург.

Ах, эта война! И сейчас не верится, что люди могут допустить такую бойню.

Суббота, 19 июля.

Вчера мы с Наденькой поехали с Он[исимом] Бор[исовичем] в Москву — в надежде найти дома какое-нибудь известие от детей. Известия никакого — ни от них, ни от Мили. Москва точно вымерла. На всех лицах растерянность и — ужас, который одни — еле скрывают под маской напряженной сдержанности, а другие — кто попроще — выкладывают напрямик. Мы были в нескольких магазинах — у Мюра, у Прохорова, у Феррейна, в химической лаборатории⁶⁷. Всюду пусто. Прикащики — бледные, у продавщиц — заплаканные глаза, все говорят о войне с *возмущением* простых людей, которые почувствовали — *себя*, своих кровных — на краю пропасти. У Мюра вчера взяли триста служащих. Часа в 3 на всех углах Москвы появились синие плакаты, что призываются ратники ополчения. Ужас панический. Наш дворник Макар — недели две как вернувшийся с учебного сбора — узнав, что он должен идти на войну, сразу почернел и осунулся. Когда мы ехали на вокзал в Быково — бабы с детьми и родственники провожали — кто мужа, кто сына, кто отца... И так плакали! У газетчиков рвут газеты. Читают с жадностью, точно хотят вычитать не то, что напечатано, а то, что хочется, чтоб было, т.е. что войны не будет. Все железнодорожное движение для пассажиров сбито. Солдат в Москву не впускают, а провозят по окружной дороге — на передаточные поезда. Поэтому в городе военных почти не видно. Попадетс на извозчике офицер с заплаканной женой, или бледный юнкер с еще более бледными сестрами (мы видели у Мюра), кот[орые] растерянно и торопливо что-то покупают *ему* на дорогу. *Энтузиазма — ни малейшего*. Когда мы в 6 ч. вечера ехали на Казанский вокзал — мы встретили две манифестации. Человек двести оборванцев несли «портреты» и пропитыми голосами орали — так отвратительно, что хотелось только одного — от них подальше...

Сегодня Он[исим] Бор[исович] сказал нам по телефону, что от детей телеграмма из *Парижа*, сообщают, что здоровы и спрашивают *совета* — ехать ли им и как! У меня уж нет сил возмущаться. Я не могла себе представить, как могут 30-летний мужчина и 28-летняя женщина оставаться за границей, когда на родине

объявлена всеобщая мобилизация — и когда на этой родине их единственный ребенок и родители. Неужели у них так мало во-
ображения, что они не ЧУВСТВУЮТ, что я тут каждую минуту
схожу с ума, что у меня горит сердце. Бездушные и глупые. Ведь
если бы они уехали во вторник — они бы уж были с нами. А те-
перь... теперь... когда мы увидимся! Когда нужно взваливать
на нас таких обормотов, как «семейство» Эфрон — о, тогда они
не спрашивают советов! Тогда они охраняют свою «самостоя-
тельность»... А Таня все спрашивает: *pourquoi maman ne revient
pas? Je veix qu'elle revienne maintenant**...

Как одно это слово: война! — все изменяет. Точно по другой
земле ходишь. Из каждого камня глядит смерть и ужас. Он[исим]
Бор[исович] телефонировал, что как будто появился луч надежды.
И газеты — утренние — будто потише. Призыв ополченцев при-
остановлен. Война еще не объявлена.

Воскресенье, 19 июля, 7 ч. утра.

Опять не спала ночь. В 5 утра села писать детям. Когда ду-
маю о них — схожу с ума от гнева и муки. Вчера вечером при-
ехал Стась, сегодня в восемь утра уезжает. Говорит, что Москва
набита битком, как военный лагерь (а в пятницу, когда мы были,
она была пуста).

Война не объявлена еще, но ждут с часу на час. Господи! не-
ужели дети не придут. Господи, соверши чудо!..

10-й час утра.

Германия объявила нам войну.

Суббота, 2 августа.

Вчера вернулись дети с Котляревским⁶⁸. Я ездила в Москву
их встречать. Путешествие их из Парижа в Кельн (в Кельне они
подарили носильщику свои билеты на Берлин, предчувствуя и не
желая испытать на себе подлость пруссаков), из Кельна они ри-
нулись в Гаагу, оттуда в Норвегию—Швецию—Таммерфорс и
через Ботнический залив — в Петербург. Это путешествие в одно
и то же время ад и божье чудо... И я была бы совсем счастлива,
если б вечером не забарабанила в мой телефон девица Эфрон — к
Мише. Пришлось рассказать про нашу осаду этими их друзьями.
В результате — такая злоба против нас Миши, что мы теперь

* Почему мама не возвращается? Я хочу, чтобы она вернулась сейчас... (фр.).

почти не глядим друг на друга!.. Из всех Мишиных «предметов» — увлечение Эфраонами самое бесцельное...

Четверг, 7 августа.

Ждали манифеста, амнистии политическим, равноправия евреям... Ничего, кроме милостивого приема и «благодарности» за щедрые жертвы. По-видимому, идут ужасающие сражения, но *точных* известий нет и не может быть. Это, кажется, первая война без военных корреспондентов — и даже Вас. Ив. Немирович-Данченко сидит в Петербурге и не «оказывает» молодецких подвигов⁶⁹. Тем не менее чувствуется, что немцев бьют (?!). Хотя Льеж и взят, но эта победа дорого стоила немцам и сомнительно, чтоб им удалось раздавить Францию. Жестокость, котор[ую] они проявили к мирным путешественникам, кот[орых] война застигла в Германии, возмущает всех и не скоро забудется. А зверства, кот[орые] они совершили над *жителями* Калиша и в Бельгии — расстрелы женщин, детей, безоружных — ужасны и бессмысленны. Так могли расправляться только обезумевшие, опьяненные кровью и животным страхом дикари... Ужас войны и заключается в той молниеносной быстроте, с которой из человеческой памяти *выпадают* все понятия о человечности, религии, совести, морали и даже простой порядочности. Все произведения человеческого труда, ума, таланта и гения разрушаются сразу и беспощадно. Утром сегодня, перед отъездом в город, Он[исим] Бор[исович] упрекал меня за мое удрученное состояние духа. Он говорил, что не понимает, как можно так грустить и чувствовать себя несчастной, когда живешь в такое великое, историческое время, когда все человечество вышло на борьбу за *свободу*. А я отвечала: — Как ужасно, что в двадцатом веке, сто лет после французской революции, когда все школьники уж в хрестоматиях могут читать о «правах человека и гражданина», когда люди одолели воздух, воду, пространство, — стоит захотеть какому-нибудь Гогенцоллерну или Габсбургу, или Романову — эти же люди сразу превращаются в убийц, самоубийц и палачей. Никакие шакалы и тигры не истребляют друг друга с такой слепой злобой, как человек человека. И ведь подумать только, что, если бы эти миллионы людей, которые по приказу бросили сразу свои семьи, свои занятия, все дела жизни, если бы эти люди не *ПОСЛУШАЛИСЬ* — войны бы не было, война стала бы *невозможной!*.. Стерлись бы границы, заставы, таможни, и человек перестал бы быть для человека — волк. А то вот и сейчас, на что, кажется, «исторический момент», а евреям, спасшимся из Германии, разрешено

только на *неделю* пребывать вне «черты оседлости». Иди умирать за святую Русь, за царя-батюшку, за торжество славянской идеи — это твой долг, а гетто, процентная норма в течение всего жизненного пути, «жеребьевка» детей и юношей перед наглухо закрытыми дверьми школ — это твое *право*. Миша и даже Стась мне говорят: теперь об этом не время рассуждать. Я не юдофилка и не юдофобка, я понимаю, что теперь не время «рассуждать» ни об этом, да и вообще ни о чем, но я не могу запретить своей голове об этом думать...

Кого мне теперь особенно жаль, так это Он[исима] Бор[исовича]. По своему характеру и темпераменту, он бы, конечно, сейчас ушел в армию. Но 27 лет тому назад он имел несчастье влюбиться в чужую жену и взвалил на свою спину ее, ее ребенка, а затем *de fil en aiquille** — выросла целая семья — избалованная, капризная, требовательная, которая поглотила его труд, его вкусы, его желания. Он всех любил, на всех работал: на меня, на Мишу, на Мишину жену, на Мишина ребенка. А когда он один раз осмелился избавиться от нашествия Мишиных «друзей», то Миша, несмотря на «исторический момент», — испепелил его своим гневом. Вот как приходится платить за любовь к чужой жене...

Вторник, 12 августа.

Ранняя осень — дождливая, холодная. После дивного лета — сразу началась холодная слякоть. Чуть-чуть выглянет солнце и сейчас же опять темно, холодно, то моросит, то льет в три ручья... Как грустно смотреть на все, к чему привык, — на поля, на деревья, на избы, на мужиков, баб, детей... Как будто все по-прежнему — а между тем все уж куда-то летит стремглав. Год войны! Да ведь это значит — голод, разоренье, мрак, всеобщее одичание... Кто и что уцелеет в этом крушении!.. Старый мир обречен на погибель — каков будет новый, кто знает!.. Сегодня одна дама, муж которой служит в Кяхте — и о котором она уж месяц ничего не знает, — говорила мне: всех мужчин перебьют, останутся одни женщины...

Может быть, и в самом деле так будет. Останутся женщины и будут рвать друг у друга уцелевших мужчин. Мужчины эти совсем измельчают, превратятся окончательно в дрянь и будут играть роль трутней в пчелином улье. Европейская цивилизация пойдет насмарку. На сцену выступят японцы, китайцы, которых перебьют кафры... Как хорошо, что я этого уже не увижу...

* мало-помалу (*фр.*).

Ах, немцы-немцы! добросовестные, приличные, образованные люди! страна ученых, философов, музыкантов! страна голубоглазых сентиментальных женщин, семейных добродетелей... И это *они* — гонят по вокзалу прикладами детей, приехавших к ним лечиться и учиться, загоняют их в коровники, орут: *russische Hund**, плюют в лицо, выбрасывают из больниц... Если они так обращаются с безоружными, то что же удивительного, что они добивают и грабят раненых, пленных, сжигают и уничтожают все, что им попадается на пути.

Несчастливая Бельгия. Несчастливая Франция. А мы!.. Господи, спаси и помилуй! Лодзь занята немцами. И Каменец-Подольск.

Москва, суббота, 23 августа.

Неделя, как мы в Москве, а я не удосужилась записать двух строк. Срам. Все «суета дневной тревоги», которая засоряет человеческую жизнь... А сколько в это время произошло! Наши войска взяли Львов и Галич — после *семидневного боя!* Австрийская армия страшно разбита — говорят о гибели 200 000 человек. Зато пруссаки разрушили Лувен, расстреляли там нотаблей, ректора университета, вообще распорядились, как в Калише (только в Калише не было таких шедевров искусства, как в Лувене). Из Парижа выехало правительство, потому что немцы уже в Компьене! Над Парижем летают немецкие авиаторы и бросают бомбы в Luxembourg, в Notre Dame... Вот к чему повело завоевание воздуха в XX веке! Уж лучше бы ползти гужом. В Восточной Пруссии немцы нас, по-видимому, сильно поколотили. Там погиб генерал Самсонов⁷⁰. Вообще бойня затягивается и трудно предвидеть, когда и чем она завершится. Жизнь — замерла. Все заняты только войной, — и это до того «натурально», что никому в голову не приходит, что может быть *иначе*. Читают (и я тоже) только газеты. Голова ничего другого не воспринимает. В смысле помощи раненым общество ведет себя изумительно. *Все дают без конца*. Составляются маленькие группы, чтобы устроить хоть какой-нибудь лазарет. (И мы с Над[енькой] и Эвой вошли в такую группу — и в первое же заседание членские взносы определились 850 р. в месяц). Миша будет занят в лазарете Коммерческого института⁷¹. По части «внутренних реформ» — самая крупная: *Петербург* переименован в *Петроград*. На ближайшей очереди переименование придворных чинов. Воображению и остроумию Н.А.Маклакова открывается широкое поле. Скоро, вероятно, мы узнаем о новых оплотах престола и отечества: «комнатных маль-

* русские собаки (нем).

чиках» — бывших камер-юнкерах, «конюшенных мастерах» — *ci-devant** шталмейстерах, «дворовых девицах» — сиречь фрейлинах и т.д. Остальные «киты» русской государственности в полной неприкосновенности. Недаром историческое Заседание Гос. Думы прошло, как театральный апофеоз. Все партии расшаркивались перед министерской ложей, изъявляя свое доверие правительству. Единственным диссонансом взаимной гармонической серенады было отсутствие крайних левых. Зато умилительное зрелище представляло объединение Замысловского⁷² с Милюковым, и Пуришкевич ни разу не обругал высокое собрание черным словом. Барон Гинзбург был у Горемыкина и просил его о расширении (об уничтожении нельзя, по-видимому, заикаться) «черты оседлости»⁷³. В ответ на это скромное ходатайство Горемыкин будто бы затопал на барона ногами. Кассо заявил, что пока он министр — никаких «облегчений» евреям не будет. И правда! Завтра в Моск[овском] университете назначена «жеребьевка» — для жаждущих высшего образования евреев. «Жаждающих» — 800, а вакансий 80! Т.к. я не Миша — и не считаю, что Русь — «святая», то все это неприличие, против которого общество протестует лишь чуть-чуть, значительно охлаждает мой национализм. Немцы меня возмущают, п[отому] ч[то] я привыкла их уважать. Я верю, что прусская казарма будет уничтожена. Но главную победу и на войне и в мире, и самое сильное влияние на дела мира я, конечно, желаю Англии, — Англии, а не России. Англия — единственная страна, призванная давать людям свободу, учить варваров культурному общежитию.

Суббота, 30 августа.

Я ужасно слаба. Совсем не сплю. Впрочем, сейчас проспала около часу — перед ужином. Сегодня был прелестный, совсем летний день. Сейчас, когда я проснулась, я увидела уже совсем освещенный высокий белый дом, кот[орый] видно из моей спальни. Так мирно светятся эти окна. В самом верхнем окне розоватый свет — должно быть от лампадки. Когда я была еще совсем маленькая девочка и жила в пансионе, я любила смотреть из окна нашего дортуара в окно соседнего дома, тоже освещенное тихим верхним светом от висячей лампы. Мне казалось, что в этом доме должны жить добрые, милые люди, совсем не похожие на тех людей, кот[орых] я знала, т.е. на М-те и Мг Шмит, на моих учителей, гувернанток и вообще на *наш* дом, где все было уныло и мрачно. И вот уже прошла жизнь... Я старуха... И опять вой-

* бывших (*фр.*).

на... ужас и кровь. Господи, какая тоска! Сегодня завтракали у нас проф. Вормс и Шмигельский⁷⁴. Все разговоры о войне. Вормс рассказывал, как в Вятской губ. татары трогательно прощались со своими лошадьми, кот[орых] вводили на войну. Говорят (я сама не читала), что немцы сожгли Chantelly — поразительный замок-музей, который герцог Оманьский подарил государству. Мне лично больше всех жаль бельгийцев. Кто бы мог подумать, что этот маленький народ купцов, дельцов, фабрикантов будет с таким неслыханным героизмом биться во имя *платонической* идеи права! за нарушение своего нейтралитета!.. Ведь пропустили они немцев во Францию, — никто в сущности не мог бы быть на них в претензии. Каждый бы рассуждал: что же могла сделать эта маленькая, мирная страна против диких полчищ, которые ворвались в нее вопреки собственным обязательствам — уважать ее независимость и неприкосновенность ее границ. А немцы-то! озолотили бы «скромную» Бельгию. А вот — Бельгия, вставшая на защиту права, разорена, сожжена, замучена, исказнена и чтобы не было отступления — затопила себя и утопила немцев. Если Европе и миру удастся сокрушить прусский кулак, то, конечно, самую героическую помощь в этом деле оказали миру бельгийцы. Они доказали, что чувство чести неистребимо, что можно поступиться всем — даже существованием родины, что только дух истины, справедливости и свободы — нельзя сокрушить! /.../

Воскресенье, 5 октября.

Как тяжело живется... Ах, эта война!.. *не* война, а подлая бойня. Толкуют об «освобождении» слабых и маленьких народов от гнета сильных!.. Все это ложь! Что у нас делается с евреями — теперь, во время войны! Травят, измываются и мучат хуже прежнего... Хоть бы дома был мир, хоть бы в *семьях*!.. Везде и всюду раздор!.. У нас, напр[имер], Миша стал совсем несносен. Антисемит, «ура-патриот», черносотенец, грубый, резкий, раздражающий, с несчастным, высохшим, желтым лицом, *неглядящими* глазами... Весь пропитанный отвратительным распутным коктебельским ядом и животным эгоизмом... Мне с ним так же тяжело, как с М.М.⁷⁵. Я еще *его* люблю, мне еще *его* жаль, но мне уже ничего не хочется и не нужно от *него* для *себя*. 2 окт[ября], в четверг, он читал *первую* лекцию студентам, и мне уже было *все равно*... будет ли он читать или не будет, о чем он читает... даже спрашивать не хотелось — так он, специально со мной, груб, а когда не явно груб, то сух... (*Не может мне простить, что я не снесла до конца (?) бесцеремонного нашествия его «друзей»*). Я

боюсь Миши... Думаю и надеюсь, что он очнется... Только не поздно ли это будет для нас? И вот тогда-то его будет по-настоящему жалко... А как он возмутительно обращается с Наденькой! Всегда пренебрежительно-насмешливый тон... Как только она откроет рот, скажет слово, — сейчас он пожимает плечами, иронически, скривив губы, улыбается, вообще всем видом изображает несчастного человека, вынужденного слушать непроходимые глупости своих домашних идиотов. Ах, как мне за него стыдно! как совестно глядеть на Наденьку, которая, несмотря ни на что, обожает этого упорного, злого болвана... А всех больше жаль Эву. Милая, умная, красавица — куда попала! Но она его любит. Для моего несчастного сына — это божья милость...

Воскресенье, 26 октября.

В Висбадене умер И.И.Янжул⁷⁶. Бедный Иван Ив[анович]! как, должно быть, тяжело ему было — именно *теперь* — умирать у немцев... А Екат[ерина] Ник[олаевна]⁷⁷ одна, на чужбине, с умирающим... Вспомнилась мне и моя вся жизнь... «joue fixe»⁷⁸* у Янжулов на Арбате... Последний раз я видела Ив[ана] Ив[ановича] и Ек[атерину] Ник[олаевну] в Beaulieu⁷⁸, когда мы — за 1 1/2 месяца до рождения Тани — уехали в Ниццу... Несуразный, дикий, упрямый и — что греха таить — тяжелый человек был Ив[ан] Ив[анович]. А добрый! очень-очень добрый, нежно-чувствительный, *благодарный* и привязчивый. Он часто бывал невыносим, п[отому] ч[то] он был бестактен, но у него была живая жалость и к людям и к человеку — и эту жалость всегда можно было в нем вызвать, даже когда он упирался. Он был лучше многих, более его популярных людей. И смелый был человек — с хохлацкой «хитрецей»... Он дорожил своим генеральским положением, но «генералом» не был, и если задевались его *устои*, он умел осаживать очень и очень важных персон, не задумываясь, что это может ему повредить. Очень был вспыльчив и неуправляем в гневе покойник. Помню, он мне рассказывал, как Витте послал к нему чиновника, чтобы просить его прочесть публичную лекцию. Ив[ан] Ив[анович] любезно согласился. Тогда чиновник сказал, что г[осподину] министру было бы приятно, если б Ив[ан] Ив[анович] повторил лекцию, читанную в Москве: «Все мы падки на даровщинку». Ив[ан] Ив[анович] обиделся и заорал: — Скажите вашему министру, что я сам знаю, что читать, и не привык, чтоб мне назначали темы... — Ну, с тех пор Витте меня разлюбил, —

* журфиксы — приемные дни (*фр.*).

прибавлял со смехом Ив[ан] Ив[анович] каждый раз, когда он рассказывал этот «случай»⁷⁹.

Петербург, академия как-то испортили Ив[ана] Ив[ановича]. Вернее, наложили на его неуклюжую фигуру штрихи, кот[орые] не шли ей. «Судья», т.е. Георгий Никол[аевич] Кругликов⁸⁰ (тоже уже покойник) говаривал ему: — Иван Ив[анович], ведь ты лом, не человек, а лом, А милый Maitre'инька⁸¹, который глубоко любил своего старого товарища и друга, когда Янжул переехал в Петербург, говорил: — Напрасно уезжаешь, такого осетра, как ты, Янжули, может вынести только Москва. Гостеприимство Ив[ана] Ив[ановича], его хлебосольство могли довести до ярости. Кажется, с Я[нжулом] ушел последний представитель старой профессорской Москвы. 1905 год вышиб Ив[ана] Ив[ановича] из колеи. Как «лом», он совершил массу «gaffes»* и разошелся со многими старыми приятелями, и он очень от этого страдал. Только М.М.Ковалевский⁸² его любил, п[отому] ч[то] «ведь Янжул хороший человек и не виноват, что он Собакевич» — и т.к. сам «Максим» «je m'enfichiste»**... то он любил Янжула во всех видах. А вот с Боборыкиным Ив[ан] Ив[анович] так рассорился, что Боборыкин видеть его не мог. «И понять не могу, — жаловался Ив[ан] Ив[анович], — за что он так на меня рассердился, не помню даже, из-за чего мы повздорили»... И, конечно, Ив[ан] Ив[анович] был в тысячу раз добрее и лучше Боборыкина...

Мы побеждаем... Но для меня война уже дошла до зенита. Я больна от этих ужасов, от озверения и изуверства, которые уже принесла *нам* эта «освободительная», «священная война»... А что еще она принесет! В обществе — «передовом» — невероятный шовинизм, антисемитизм и панславизм. «Russland, Russland über alles»***... На «верхах» притаившаяся реакция ждет «момента», чтобы воспрянуть с новой силой, а в «низах» — фантастическая нищета, голод, несчастье... Я боюсь повального одичания и с каждым днем меньше верю напыщенным уверениям о грядущем российском «Renaissance»'e****... Много раз обещали!.. Славны бубны за горами... Улита едет, когда-то будет... По Сеньке — шапка... Плетью обуха не перешибешь... Вот это — испытанные заветы!..

Написала я в это время два письма. Одно — известному филантропу Шахову — хвалительное, за то, что он в «Русск[их] Ве-

* промахов (*фр.*).

** равнодушный, наплевательски относящийся ко всему (*фр.*).

*** «Россия, Россия превыше всего» (*нем.*).

**** Возрождение (*фр.*).

д[омостях]» напомнил, что в Польше пострадали от нашествия неприятеля не одни поляки, но и евреи, эти вечные «пасынки» истории, — и что помогать надо и им⁸³. Он очень меня благодарил — по телефону — говорил, что хотел напечатать выдержки из моего письма, но «Р[усские] В[едомости]» — *побоялись*⁸⁴.

Другое письмо — «извинительное» — я написала одной из сестриц Эфрон, толстой Лиле. Я извинилась перед ней не за то, что она обратила наш дом в ночлежку, не за то, что мой сын обращается с нами, как с уличными преступниками, а за то, что я — перед самой собой признаю, что я виновата, — лучше бы мне сесть в тюрьму из-за Марины Цветаевой, чем «сражаться» из-за нее с Мишей. Что выйдет из моего покаяния перед дебелой «Лилей» — не знаю... Может быть, новый разгром со стороны их «палладина»... Теперь уже все равно. У меня все-таки на сердце спокойнее. И при том... мне все время как-то жалко эту Лилю... Она бестолковая, неряха, дуреха, но — не злобедная. Если б не Марина — все бы обошлось мягче. (Самая ядовитая, это злобная, бездарная «Вера»...)

Среда, 29 октября.

Третьего дня у меня был Н.А.Шахов, русский Гарун-аль-Рашид. Просидел 4 часа. Рассказывал свою биографию. Интересная, колоритная фигура. Какая-то смесь русского «опростившегося» барина с американским *self made man** (не с английским). Умный — несомненно, смелый, хитрый, человек с живой жалостью к людям, с большим возмущением против всяческой «деспотии», но по натуре — сам тоже, вероятно, деспот. Мало образован, мало культурен, но органически уважает и образованность и культуру. И что-то в нем есть «аммалатбековское»⁸⁵, от романтизма уцелевшее. На вид ему лет за 60, высокий, грузный, лицо старого военного в отставке, круглые, внимательные, живые глаза, по цвету, как называли прежде, «карие». Говорит быстро и охотно — и хорошим языком, жестикулируя своими тяжелыми руками с оплывшими пальцами... И тем не менее производит впечатление волка... После когда-нибудь допишу...

Среда, 19 ноября.

Была на двух заседаниях. В субботу у «Магнуса»⁸⁶ Обнинский часа три рассказывал о войне в Галиции, а в понедельник у

* человек, сам себя сделавший (англ.).

В.А.Морозовой⁸⁷ было заседание «Общества Единения Народов России»⁸⁸. У Морозовой Кускова⁸⁹ прочла чрезвычайно интересный, беспристрастный и основанный на хорошем фактическом материале доклад о польско-еврейских отношениях в настоящее время. Хотя Кускова старалась держаться очень объективного тона, но жестокость, изуитизм и бездушные поляков — всех слов общества — к несчастным евреям, из простой статистики «случаев», — предстали в такой яркой картине, что бывшим на заседании полякам стало очень не по себе. Надо отдать справедливость Ледницкому⁹⁰. Ему было, конечно, чрезвычайно неприятно и «внутренно» он, конечно, весь кипел от русской «глупости» Кусковой и «жидовской наглости» тех, кто ее — в Варшаве — «начинил»... Но внешне Ледницкий был великолепен. Холодно, довольно высокомерно, вежливо и красиво он «затушевал» в докладе Кусковой все, что слишком кололо глаза, и очень виртуозно перевел весь «груз» на другие рельсы, т.е. свалил все польские «эксцессы» на русскую политику. В Польше, — говорил он, — никогда антисемитизма не было, как не было там и погромов. Польская литература в творчестве своих корифеев никогда не была юдофобской. Поляки и евреи жили бок о бок 400 лет и, бог даст, проживут еще столько же — и за крепость брачного союза Казимира и Эстерки — нечего опасаться. Но все это касается поляков и польских евреев, кот[орые] разберутся между собой без постороннего вмешательства. Это, мол, дело домашнее. А вот когда русское правительство уничтожит черту оседлости, то в Польше сам собой исчезнет антисемитизм. Оппоненты, в общем, были слабы, даже Малянтович⁹¹ с своими наставлениями: «брат, не дерись... нехорошо драться...» Одно место в возражениях Малянтовича мне понравилось. Он сказал, что пора перестать смотреть на евреев, как на объект, на кот[ором] мы можем упражнять или свое зверство, или свое благородство и великолепие. Еврейского вопроса нет, есть вопрос русский. В конце заседания — по русскому обычаю — все переругались и чуть было не вышел настоящий скандал. Несмотря на то, что В.А.Морозовой было обещано, что никаких «резолуций» вынесено не будет, стали требовать, чтоб непременно «вынести резолюцию». Так все это напомнило митинговые «выступления» эсдеков в [1]905 г. /.../

Четверг, 27 ноября.

Дела наши неважны. Лодзь взята немцами. Газеты пренебрежительно относятся к этому немецкому «успеху». Лодзь, оказывается, нам совсем не нужна, и мы просто ее «эвакуировали»...

У Миши происходит какой-то revirement*. Вчера он сказал, что Россия — страна аполитическая, для которой может быть самая естественная форма правления — самодержавие или теократический строй. Но над ней тяготеет географический фатализм.

Я заметила, что «от финских хладных скал до пламенной Колхиды» ставит ее в ряд великих, *действующих* держав. — Что ж, она и действует, — сказал Миша, — освобождает *извне* чужие народы и душит всех и все у себя...

Умер Кассо. Этот господин ухитрился даже среди подлой породы людей, из которой назначаются русские министры народного просвещения, быть подлейшим негодяем и хулиганом. Его особенно ценили «высшие сферы». Трудно будет ему найти преемника. Кассо был в своем роде чемпион, побивший всероссийский рекорд самого разнузданного цинизма. Ему все прощалось за «лихость». Кого-то нам Господь пошлет... А, впрочем, русская земля велика и обильна, чего другого, а мерзавцев всегда хватит...

Четверг, 11 декабря

Весь тот месяц и до сегодняшнего дня заняты дурацкой «кукольной» выставкой⁹². Это все затеяло то же «Центральное Бюро»⁹³, которое все, как оно есть, с г.Зеленко⁹⁴, Браиловской⁹⁵, Живаго⁹⁶, миллионом бегающих высунув язык «сотрудников» и «сотрудниц», и вечно пляшущей и гогочущей председательницей Марьей Савишной Морозовой⁹⁷ — представляется мне какой-то фантастической компанией. Марья Сав[ишна] просто шалая купеческая бабенка. Она что-то «лепит», что-то танцует, поет, прыгает — не поймешь. Мордашка у нее добрая, по голосу, манере и смеху — похожа на разбитную «актерскую» горничную, но, конечно, она не мошенница уже потому, что она очень богата. Ее «обрабатывают» Зеленко, Римма и Живаго. Это «трио» тоже не жулики, но честолюбцы. Особенно неприятны Зеленко и Римма (Живаго я совсем не знаю, и вначале она мне понравилась). Зеленко нас и втянула в это «темное» дело, расписывая, как эта «организация» кормит, поит, содержит — вдов, сирот, беженцев, вообще «жертв войны». Мы там с Наденькой состоим три месяца, передали туда пропасть вещей, денег, сейчас продали на 500 руб. кукол — а куда все пошло, *не знаем*... Ни разу нам не дали отчета; мы не были ни на одном заседании комиссии, п[отому] ч[то] нас только *один* раз пригласили на такое заседание без-

* переворот (*фр.*).

грамотной повесткой, которая при том получилась через день *после заседания*. Это не организация, а идеал дезорганизации — и тут даже честные люди рискуют оказаться в «сообществе» с жуликами. А посему мы с Наденькой — как только сбудем «выставку» — уйдем навсегда из этого черезчур для нас грандиозного дела. Пусть Зеленко другим показывает «новое платье» короля. А выставка наша (в кустарном музее⁹⁸) тоже любопытная штука. Самое приятное это пока, что Морозов купил для музея Эвиных тряпичных кукол: няньку с мальчиком и девочкой на бульваре⁹⁹. Это в самом деле прелестная, полная юмора группка, мимо котор[ой] никто не проходит безучастно, особенно дети. Не понравилась она только «родственникам» нашим. Ни Клара, ни Аля¹⁰⁰ не сказали Эве ни слова — точно они оскорблены ее успехом. Старая и вечная тяжелая история. «Враги человека — домашние его».

А военные наши дела, кажется, плохи...

1915

Пятница, 9 января.

6-го был у нас Алексей Толстой. Он разошелся с женой и женится на Тусе Крандиевской¹⁰¹, кот[орая] разводится с мужем — Волькенштейном¹⁰². В «междущарствие» — «Алихан» был жестоко влюблен в балерину Кандаурову¹⁰³ и хотел жениться на ней. Но «Туся» — охотилась за ним еще с прошлого года, когда он еще не думал расходиться с женой, — и одолела всех. Теперь жена его, которая семь лет тому назад крестилась, чтобы получить «право жительство» — очутилась в ужасном положении¹⁰⁴. Она замужем. Муж не давал ей развода, желая получить сорок тысяч с графа или с ее родных. Ее родные — отрелись от нее. Ребенок¹⁰⁵ ее и графа — пока живет с теткой Ал[ексея] Ник[олаевича]¹⁰⁶, которая обожает девочку, любит Софью Ис[ааковну] и возмущена «Алешей». Алеша к ним не ходит, хоть любит и уважает «тетю Машу», отдавшую ему все, что у нее было. Мальчик «Туся»¹⁰⁷ ревнует «чужого дядю» к матери. Граф вообще ненавидит «мальчишек».

И все это — любовь!

Боюсь, что Алеша — хоть и граф, и Толстой, писателем настоящим никогда не будет, несмотря на несомненный талант. Чего-то нет в этом Степке-растрепке...

Вторник, 13 января.

Маруся Франк¹⁰⁸ приехала сегодня — исхудалая, несчастная. Ее выгнали из Петрограда, п[отому] ч[то] она германская подданная, хотя бумаги о том, что она жаждет сподобиться русского подданства, давно прошли стадии всех подлежащих ведомств и ждали только министерской подписи. Но кто-то донес, что, несмотря на то, что она германская подданная, М[аруся] Ф[ранк] «продолжает» работать как сестра милосердия в лазарете. (Какое, подумаешь, преступление!) И вот после этого патриотического «слова» — немедленно последовало и «дело»: бумаги Маруси очутились в департаменте полиции, а ей предложили покинуть столицу. В этой печальной истории — много комического. Несчастливая Маруся ведь «сверх-патриотка» — и готова передуть всех немцев... /.../

Воскресенье, 1 февраля.

Вчера вечером мы с Наденькой отправились на «поэзовечер» Игоря Северянина. О нем столько говорят (среди претенциозной кучи его порнографических «поэз» есть несколько талантливых стихов) — и мне любопытно было посмотреть и послушать этого нового кумира.

Впечатление отвратительное. Это уныло-циническая «поэза» кафешантана — и при этом совершенно русского... Ни искры остроумия и легкого веселья французских *cabarets**. Простоволосая, тоскливая «муза» собственной ресторации под вывеской «на все наплевать»!.. Этот Игорь *поет* свои стихи каким-то гнусавым цыганским речитативом. Напев для всех «поэз» один, меняется — смотря по размеру стиха — только темп этого гнусавого речитатива. У самого Игоря — изможденная, серо-желтая физиономия провинциального актера — все изведавшего, во всем разочарованного и презирающего «толпу»... Улыбка саркастическая. Он несомненно талантлив, но противно вычурен и нахален безмерно. «Толпу» — он презирает и, надо ему отдать справедливость, — не напрасно! Аудитория полит[ехнического] музея была набита битком. Гимназисты, гимназистки, студенты, курсистки, почтенные дамы и старики... и все это неистово аплодирует. Вопли: браво! бис! Ананасы в шамп[анском]. Просим... Вообще, публика такая же дикая, как на Шаляпине... Иностранец, попавший на подобное «представление», — никогда бы не

* кабаре (фр.).

поверил, что у нас война, что сотни тысяч русских людей гибнут на бесконечных фронтах, что судьба России поставлена на карту...

Пятница, 20 февраля.

Читаю 5-й т[ом] Чеховских писем и радуюсь, что те черты, кот[орые] мне были неприятны и грустны в Чехове (антисемитизм, обожание Суворина), — все меньше выскакивают наружу. Некоторые его письма просто волнуют — столько в них ума, глубины и даже доброты. *Общей* доброты, о кот[орой] столько кричат многочисленные «посмертные» чеховские «друзья», — я в нем не чувствую. Он был отличный родственник — сын и брат, очень заботился об обеспеченности своего семейства (только жену свою, милую О.Л.Книппер, почему-то обошел, ничего ей не оставил) — но то[го], что называется добротой, в нем не было. Очень умен, очень практичен, гуманен, но это — не открытое сердце настоящего, большого человеколюбца. Таким был Николай Ильич, Чупров¹⁰⁹, Влад[имир] Соловьев. А Чехов слишком большой пессимист, чтобы любить людей. Он даже когда хлопочет, помогает, рекомендует, устраивает — про себя посмеивается и презирает своего protégé. Но во всех отношениях — не только как писатель — Чехов выдающийся человек, благородный, сильный ум... Я жалею, что в свое время могла и не *захотела* с ним познакомиться. (Не могла ему простить «Тигрицы»).

В Чехове, как в Тургеневе, особенно интересно сочетание русского с европейцем самой высокой культуры. Но в Тургеневе это явление было не так удивительно. Барин, человек сороковых годов, один из самых образованных людей своего времени, великолепно владевший четырьмя иностранными языками, редкостного личного обаяния, Ив[ан] Серг[еевич] был не только желанный гость у корифеев европейской мысли — он был *свой* и в самых недоступных салонах — и у Ж.Занд, и у Флобера, и у Гонкуров. Другое дело Чехов. Бедняк, провинциал, разночинец, он только по божественному праву ума и своего необычайного художественного таланта мог проявить исключительный аристократизм своей индивидуальности. Какой живописец, историк и поэт русского безвременья! «Три сестры», тоскующие по Москве, тянущиеся в Москву... ведь это символ!.. Не узнал бы А[нтон] П[авлович] Москву. Это нашествие беженцев!.. Я как-то была в концерте. Поляки, евреи... Жестикуляция, мимика, манеры, костюмы, речь — все иное. Москвичи точно испарились...

Понедельник, 23 февраля.

Опять зима. Масса снега и ледяной ветер.

Получила от Макса Волошина — из Парижа — письмо. И стихи. Письмо умное и стихи хорошие. Размышления о войне. Два стихотворения прямо очень хороши, остальные — громоздки и неуклюжи, но очень глубоки и по мысли и по чувству.

Война породила массу анекдотов. Самые остроумные — еврейские. Еврей спрашивает: почему вел. кн. Н[иколай] Н[иколаевич] на портрете держит руки всегда в карманах. — Поляк недоумевает. — Потому, — говорит еврей, — что когда он их вынет после войны, все увидят, что в одной кукиш для нас, в другой для вас...

...Рассуждают о политике: русский, англичанин и еврей. Мечтают, как бы хорошо взять в плен Вильгельма. — Я бы ему все кости переломал, — говорит русский. — Нет, — возражает англичанин, — я бы его привязал к позорному столбу, чтобы каждый мог его бить. Еврей молчит. — Ну, а вы бы что с ним сделали? — спрашивают русский и англичанин. — Я бы не стал его бить, — сказал еврей, — я бы ему дал *свой* паспорт и отправил его в Россию!..

Четверг, 5 марта.

Были мы с Наденькой у Куск[овой]. Просидели часа два. Мне хотелось от нее самой услышать, как Трубецкой и другие наши знаменитости отказывались подписать «воззвание» о том, что нельзя не пожелать, чтобы и евреи получили в России когда-ни[будь] права гражданства¹¹⁰...

«Бумага» (сочинение Горького, Сологуба, Леон. Андреева и двух комитетов) написана в высшей степени скромно, даже вяло¹¹¹. Ничего о происходящих в настоящее время вопиющих, постыдных мерзостях, никаких точек на «i», весь смысл, что т.к. евреи, мол, неоднократно доказали свою любовь к родине, то пора уж перестать глядеть на них, как на чужеродный сброд...

Князь прочитал «бумагу» и сказал: — Вы, значит, хотите «их» уравнивать в правах с нами?

Куск[ова:] Прав и у нас нет (князь поморщился), но, так как на них налагается еще неизмеримо больше тяжестей, чем на нас, то мы желаем, чтобы они пользовались хоть тем, что не отнято у нас в нашем *бесправии*.

Трубецкой:] Я могу подписать эту бумагу, если будет прибавлено, что для «них» должно сохранить черту оседлости за 50 верст от пограничной полосы.

Куск[ова:] Князь, что вы говорите? Ведь вы бросаете обвинение в шпионаже целому народу!.. Какой, однако, скачок вы сделали в религиозно-философском обществе со времени Влад[имира] Соловьева!..

Труб[ецкой] (вспыхнув): При чем тут религиозно-философское общество! Вот вы, крайние, всегда так! Когда такой верный человек, как я, хочет пройти с вами два квартала, вы бросаетесь в сторону — зачем не всю дорогу...

Куск[ова] (страшно волнуется, хотя она, вероятно, рассказывает эту историю уж в десятый раз): Не два квартала, князь, а ни одного шагу мы вместе сделать не можем...

Et d'un*...

Гр[игорий] Алек[сеевич] Рачинский¹¹² с испугом отмахнулся от «бумаги».

К Челнокову¹¹³ Е[катерина] Д[митриевна] обратилась так: — Вот, Мих[аил] Вас[ильевич], ваш коллега, гр. И.И.Толстой¹¹⁴, петроградский городской голова, с большим сочувствием подписал наше воззвание. Мы надеемся, что и вы подпишете.

Московский лорд-мэр пробежал бумагу и с нескрываемым раздражением произнес: — Вы что же, хотите *этим* губернаторов убеждать? Напрасно, вы их *этим* (тычет в бумагу) не убедите.

К[ускова:] Нет, мы на губернаторов не рассчитываем. Мы хотим оказать моральную поддержку евреям. Пусть они знают, что представители русского общества осуждают травлю целого народа, огульные на него обвинения.

Челн[оков:] Все это несвоевременно, и самим евреям ничего, кроме вреда, не принесет...

К[ускова:] Вы отказываете в своей подписи?

Челн[оков:] Не отказываю и не обещаю... Я должен подумать... Оставьте мне *это*...

Куск[ова:] Нет, я вам этого не оставлю. Мы считаем, что оказываем человеку честь, предлагая ему подписать наше воззвание...

(Le Maire fait une tête!..**)

Et de trois***

Вячеслав Иванов долго ежился, морщился, спросил, *кто* подписал... и когда К[ускова] назвала самые «жирные» имена, тоже подписал, прибавив, однако, что он по этому предмету мог

* Это во-первых... (фр.).

** Мэр пытается сохранить лицо (фр.).

*** И в-третьих (фр.).

бы сказать многое, с чем, вероятно, авторы воззвания не согласятся.

Мануилова¹¹⁵ полтора месяца уламывали напечатать воззвание в «Рус[ских] Ведом[остях]» и уж когда уломали, он поместил его на последней странице рядом с объявлениями и под заголовком: Письмо в редакцию. Сам, конечно, не подписал. И Кокочкин¹¹⁶ не подписал. Не желают расходиться со своими лидерами, П.Н.Милюковым, В.А.Маклаковым и др., кот[орые] находят, что «обращение к общ[ественности]» теперь несвоевременно, что все это можно будет обсуждать лишь после войны.

С гр. В.Н.Бобринской¹¹⁷ у К[усковой] вышел настоящий скандал. Хотя К[ускова] к ней за «подписью» не обращалась, но буйная «Варвара», встретив ее где-то, накинулась на нее с криком: — Ничего вам не будет! Мы, русские люди, делаем свое русское дело — и ни татары, ни армяне, ни евреи, ни малороссы ничего не получат!.. Так и знайте!..

— Вы, однако, компрометируете свою партию, графиня!..

Бобр[инская:] Я ни к какой партии не принадлежу...

К[ускова:] Простите, я вас знала деятельной кадеткой, а теперь вижу, что вы сделали с [1]905 года эволюцию: прямо в союз русского народа...

После этого, прибавила Кускова,*я дала себе слово — скандалить эту самую графиню при каждой встрече...

В Петерб[урге] история с подписями шла, как и в Москве.

К Кони ездил Горький. Отказал. «Несвоевременно»...

Я, конечно, не сказала К[усковой], что я этого ждала от А[натолия] Ф[едоровича]. Но я так узнаю его. Разумеется, он не так глупо себя выдал Горькому, как Трубецкой Кусковой. Воображаю, какие высшие «государственные» резоны он приводил «многуважаемому Алексею Максимычу», как хвалил его за благородный порыв, как завидовал, что, увы, «умудренный опытом жизни» — не может следовать за ним¹¹⁸...

Вторник, 24 марта.

Третий день Пасхи. Завтра Благовещение, кот[орое] в этом году приходится *позже* Пасхи. Все шиворот навыворот. 9 марта была *гроза*, вчера было холодно, в светлое воскресенье была снежная вьюга и только сегодня — теплый, солнечный день... /.../

Четверг, 30 апреля.

Немецкая подводная лодка потопила у берегов Ирландии пассажирский пароход «Лузитания», шедший из Америки. На

«Лузитании» было больше 2000 пассажиров. Немцы — осатанелые злодеи. Никогда в той подлой истории, кот[орая] называется историей цивилизации, — не происходило ничего подлее нынешней «великой, священной, мировой, освободительной Войны»... И самое подлое в этой войне — «Лузитания» — на чашке немцев, массовое убийство евреев — на чашке христолюбивых россиян. Какая из этих чашек перетянет на суде будущих историков — трудно сказать. Пожалуй, коромысло весов — останется в равновесии.

В своем имени, выстрелом через окно, убит Е.В.Де-Роберти¹¹⁹. Ученый, остроумный биолог, философ, Де-Роберти — даже при поверхностном знакомстве — был несимпатичен. Крестьяне его ненавидели за вечное сутяжничество и мелкие преследования. Он был приятель бедного Минцлова¹²⁰... Ал[ександр] Ив[анович] Урусов¹²¹ ездил его защищать в Тверь по какому-то маленькому, но «принципиальному» делу. (Боже, как это все далеко!) Помню, что выступление Урусова по делу «Де-Роберти» произвело сенсацию. На него смотрели, как на политический «протест»... Почему? П[отому] ч[то] Е.В.Де-Роберти был либерал, европейский ученый, фрондер, гласный либерального Тверского земства. Как хотел Урусов, представляя в лицах судебное состязание! Когда его спрашивали, зачем он «беспокоился» (*иск* был не то на 15, не то 30 рублей), он пожимал плечами, лукаво щурил глаза и своим неотразимым баритоном восклицал: — А любопытство? Какое богатое собрание «[нрзб. 1 сл.]»!..

Пятница, 22 мая.

/.../ Миша успел мне устроить грандиозный скандал за то, что я, желая ему сделать сюрприз, — купила для *его* дачи несколько столов, диван, таз, горшки, подсвечники и т.п. Я этим, оказывается, дерзостно посягнула на его свободу... Меня каждый раз — при этих отвратительных сценах — поражает *тупость* Миши, какая-то моральная его *глухота, слепота* и нарочитая *недобросовестность*. И все это находит на него внезапно, как ураган. Нахлынет и отхлынет. Может быть, это болезнь... У меня такое чувство, что *мы* (я, Наденька, Он[исим] Бор[исович]) уже несколько лет как перестали ему *нравиться*, и так как он не может от нас *уйти*, п[отому] ч[то] он связан с нами тысячью уз, то он находится в состоянии хронического гнева на нас и на самого себя. Когда это состояние обостряется, он устраивает нам скандалы, после котор[ых] на некоторое время наступает милое затишье... Отчего мой несчастный сын вышел такой изло-

манный, неестественный?! Способный, даже талантливый, муж прелестнейшей женщины, отец очаровательного ребенка, избавленный от забот о хлебе насущном, свободно выбравший себе карьеру, любимый и желанный в тех кругах, которые ему симпатичны, обладающий всем, что сулит человеку удачу, — он вечно недоволен, шуруется, жмется... В чем, собственно, я перед ним виновата?.. Прежде всего в том, что он родился евреем... что его родственники и предки — не славянофилы... Но ведь и в жилах Самариных, Трубецких и др. «столпов» отечества — немало капель еврейской и татарской крови. И «родственники» у них тоже со всячинкой. Вот Г.Е.Львова¹²² родной братец, кн. Сергей Евгеньевич¹²³, судится за подлог и мошенничество... Однако это не мешает Георгию Евгеньевичу быть спасителем родины, героем либералов и консерваторов, не мешает ему писать глупые статьи в Русск[их] Ведом[остях]. Им все довольны: и царь, и Ник[олай] Ник[олаевич], и Мануилов с Котляревским, и Кокочкин с Трубецким, и мы, и даже Миша... и даже, готовые выцарапать друг дружке глаза — Лузина с Кусковой...

Миша питает к евреям органическую антипатию (я по себе знаю, что такое чувство может быть у очень нервного еврея, выросшего в далекой от еврейства среде)... Но Миша — очень образованный человек, настоящий ученый, с философским складом ума — и, наконец, просто порядочный человек. Вся та дикая оргия, кот[орая] теперь совершается над евреями и которая приняла чудовищные размеры, — не может не возмущать даже ко всему равнодушных людей. Я уверена, что Миша глубоко страдает. Но, вместе с тем, он возмущается, что из-за еврейских погромов — он не может сосредоточить исключительно все свои чувства на войне и ее героях. Приходится разбиваться. Те, которых поставили на пьедесталы Наполеонов, Суворовых — ведут себя, как тупицы, мерзавцы и злодеи... Обидно и противно...

Перемышль мы, по-видимому, отдали. От Ярослава — «отошли». Зато ген[ерал]-губ[ернатор] кн. Юсупов¹²⁴ в одну неделю одолел мирных московских немцев — выслал 500 человек — не разбирая ни пола, ни возраста, ни состояния. Это, конечно, хорошо, что немцы на себе испытали положение *евреев*... Но почему мы называем немцев гуннами, а себя считаем кроткими христианами? — это уж пусть разрешит Миша. По-моему — все злодеи и все мерзавцы. Но ведь я — старая дура, ничего не знаю, ничего не понимаю.

Суббота, 30 мая.

Вчера днем мы вернулись с Наденькой из Москвы, куда поехали в среду утром. В четверг мы собирались назад в Быково и часов в 12 поехали на Кузнецкий мост за покупками. Проехали Кузнецкий пер. и должны были остановиться перед зрелищем, которого, конечно, я не забуду до конца дней моих. Весь Кузнецкий мост, насколько хватал глаз, — был закупорен черной толпой, которая подбирала и перебрасывала товары, летевшие из разбитых окон разгромляемых магазинов. Особенно ясно мы видели магазин Цинделя¹²⁵ (куда мы, собственно, и направлялись). Огромные окна первого и второго этажа были вдребезги разбиты — и невидимые руки бросали оттуда куски материй, которые подхватывались толпой. Это было что-то до такой степени страшное, постыдное, непостижимое и вместе с тем приковывавшее, что мы — зрители — замерли и не могли оторвать от этого глаз... Из верхнего окна летит огромный сверток белой материи, разматывается зигзагами в воздухе, ветер гонит его вверх, он свивается и развивается, как живой, за белым куском из тех же окон летит розовый, потом красный, синий, желтый, опять белый, опять красный... Батистовые платки взлетают, развертываются веером и, описав дугу, медленно падают на землю... Внизу гудит толпа, ловит на лету добычу, ползает по усеянной товарами мостовой... Одни, захвативши в подол или просто в охапку нежданное даровое богатство, торопливо выбегают на тротуар, другие — больше всего подростки-мальчишки — ныряют в толпу... и с охапкой пестрых лоскутов шмыгают в ворота. Слышен отвратительный лязг разбиваемых стекол... — «Это Мандль¹²⁶ трещит, — несется из толпы. — Немецкие магазины!» Публика, случайная (вроде нас), все прибавляется и молчит, как немая. (Вообще, тишина была, точно во время богослужения). *Власти абсолютно бездействовали.* Погромщики находились внутри магазинов, и я их не видала, а грабители ничего страшного, ни злобного из себя не представляли: обыкновенная городская чернь, хулиганы, бабы, мальчишки, которых *вначале* ничего не стоило разогнать пожарной кишкой. Настроение «чистой» публики было смешанное. Те, которых возмущало это безобразие, испуганно молчали, иные — сочувственно улыбались. Мимо нас прошел студент с дамой. Студент сказал: — Здрóрово! Молодцы ребята!.. — Какой-то пожилой извощик нахлобучил шапку и провздыхал: — Господи, и что только делается... Мы с Наденькой стояли у подъезда дантиста Гавронского¹²⁷ и все ждали Он[исима] Бор[исовича]. Швейцар сказал, что он вместе с Гавр[онским] пошел вверх по Кузнецкому,

чтобы «поближе видеть эту историю». Памятуя наш «разгром» в [1]905 году — мы очень испугались, как бы Он[исим] Бор[исович] не вмешался, и глядели во все стороны, чтобы поймать его и увезти домой. Оказалось, что он вместе с Гавр[онским] смотрели на эту «историю» с балкона, о чем через полчаса нам доложил тот же швейцар. Мимо нас в автомобилях проехало много военных, какой-то генерал — и ни один из них не остановился, чтобы образумить несчастную, с каждой минутой пьяневшую от алчности толпу. Вдруг, повернув с Неглинного, в самый центр погромщиков вошла процессия с портретами Государя и Николая Никол[аевича]. Ее приветствовали криками «Урра-а-а!» Процессия остановилась перед развернутыми окнами и дверями магазинов, постояла и поплыла дальше, моря ногами батист, ситцы, обломки стульев, посуду... Это позорище продолжалось целый день и целую ночь 28-го и весь следующий день. Перебиты и разграблены все магазины с иностр[анными] фамилиями. Циндель, Мандль, Жирардов, фотограф Фишер¹²⁸... У Циммермана и Оффенбахера летели, как щепки, из окон — рояли, тысячные скрипки¹²⁹... В Петровских линиях разнесен и смешан с пылью и грязью прелестный книжный магазин Гросман и Кнебель, уничтожены драгоценные издания, пущен по ветру труд многих поколений¹³⁰. К вечеру начались пожары и вторжения в частные квартиры. Уничтожены фабрика и аптекарский магазины Феррейна, Келера, Эрманса¹³¹, кот[орые] снабжали нас всех и лазареты медицинск[им] товаром. На фабрике Шрадера убили владельцев, утопили дочь¹³²... Ужас!.. И вплоть до *вчерашнего* дня, т.е. больше суток, наши власти — кн. Юсупов, градонач[альник] Адрианов¹³³ и «кадетский депутат» городской голова г.Челноков — предоставили городским подонкам на срам и разграбление Москву. Поразительно, что русские погромы всегда происходят под сенью царских портретов. Национальные флаги, «портрет» и погром... Символическая троица.

Воскресенье, 31 мая, 8 ч. вечера.

Вчера приехали Он[исим] Бор[исович] и Миля — и помешали мне писать. Сейчас все — даже Наденька — уехали в Москву. Я одна — и на душе такая тоска, такое одиночество... И Стась, и Миля, и вернувшиеся из Москвы Клара с Алей, а сегодня Гуго¹³⁴ — все рассказывают все более и более страшные подробности о погроме. Громили во всех частях города. На окраинах врывались в частные квартиры, требовали документы у хозяев — и в некоторых случаях — русских людей с немецкими фамилиями — грабили

и били за то, что они «в душе — немцы». Убили старуху Энгельс, известную благотворительницу¹³⁵, у кот[орой] два сына офицера, сражаются в *нашей* армии, разнесли *лазарет* Шёна¹³⁶, немецкую богадельню (несчастные старухи откупались от громил за 12-20 рублей), разорили подмосковные усадьбы Кнопа, Вогау, Бокельмана¹³⁷ и еще, еще... Грабили *все* — и солдаты, и рабочие, и городовые, и бабы, и мальчишки, и «приличные» обыватели. Ночью запылали пожары — и только на *другой день* власти нашли, что пора положить конец «патриотическим манифестациям»... Солдаты стали стрелять, казаки бить нагайками — и сразу водворился «образцовый» порядок. В больницы возят кучи трупов — частью убитых, частью перепившихся насмерть...¹³⁸ Вчера кн. Юсупов напечатал во всех газетах приказ, коим запрещается *всем* жителям Москвы выходить из дому позже 10 час. вечера, и все едущие на вокзал или приезжающие с вокзалов позже этого часа должны иметь на это разрешение от градоначальника! (Как это устроить — ни один мудрый Эдип не разрешит). Сегодня появилось архипастырское воззвание к «боголюбезным обитателям богоспасаемого града Москвы» митрополита Макария¹³⁹, призывающее «возлюбленную у Господе паству» к покаянию и слезам. Конечно, если б Владыка вместо этой «публикации» через газеты соизволил в четверг проехать по улицам «первопрестольной» в своей карете цугом — и с крестом обратился бы к несчастной, возбужденной провокаторами толпе — он бы спас Москву от срамного разбоя, а «возлюбленное стадо» от расстрела и нагаек... Это бы сделал католический прелат, немецкий пастор, английский епископ, но... еврейский раввин, будь он семи пядей во лбу, и русский поп, даже когда он митрополит, — ничего не смеют без разрешения начальства... Филареты давно вывелись в русской церкви¹⁴⁰. Остались Саблеры¹⁴¹, которые — не фигурально, а *буквально* — кланяются в ноги Распутину...

А на войне — дела наши скверны. Из Галиции нас, очевидно, прогнали, хотя газеты что-то еще врут о наших подвигах, но так глупо, что нагоняют пуший страх. Немцы растекаются по «Риго-Шавельскому» району. Из Риги все бегут... Прямо ужас. У нас — *нет снарядов, нет ружей*. Говорят, что все это будет через *три месяца*... Маклаков (Вас[илий] Ал[ексеевич]) рассказывал ужасающие вещи о царящем у нас хаосе, растерянности и... воровстве!.. Зато мы сумели разорить миллионы евреев, перевешать и разгромить десятки тысяч русских подданных, уморить грудных младенцев... Богатырские все подвиги!.. В России нет государственных людей и нет мужественных людей... У нас есть либеральные болтуны, тупицы и трусы, вроде наших слюнявых «кадет»...

Воскресенье, 21 июня.

/.../ Не понимаю, как можно *теперь* писать рассказы на современные военные темы. А вот Алеша Толстой упражняется! Тянет в Русск[их] Ведомостях благородно-романтическую канитель: муж заботится о раненых, жена — сестра милосердия, герой жены — князь — убит на войне — ни дать ни взять Анна Каренина в трех фельетонах и наизнанку¹⁴². Как не стыдно!.. Уж если нельзя без «строчек» (и я понимаю, что *нельзя*, — ведь и «Соня», и «Туся», и тетя Маша с Марьянкой — всем требуется «провиант») — то при его способности писать обо всем и ни о чем — ведь можно эти самые строчки нанизывать из обывательской дряни... А войну доить *ему* — грех... И без него много любителей. /.../

Среда, 1 июля.

Вчера у меня был очень тяжелый день. Бывают такие дни едкой, гложущей *тоски*, когда «никчемность» собственной жизни так бьет в глаза, что уж нет сил себя обманывать... Я даже рада была, что все уехали — и Наденька, и Миша, и Он[исим] Бор[исович]. Зато меня вчера особенно *умилила* Эва. Она поняла, как она понимает все, что мне очень тяжело, и так нежно, тихо, умно, ласково весь день меня «обхаживала»... Как-то незаметно она сумела сделать так, что я стала «думать вслух» — от этого уж потому легче, что *отводит* мысли от своей особы на более интересные и на менее «чувствительные» предметы. Да, Эва — необыкновенное существо. Маленькая женщина, с очаровательной головкой, с огромными, задумчивыми, темно-темно-золотыми глазами, с пленительной улыбкой, мудрая, чистая... Для меня Эва — воплощение человеческой и женской красоты. Столько на свете кривлянья и всяческого уродства, что я с благодарностью смотрю на Эву, п[отому] ч[то] смотреть на нее уже утешение. Неужели Миша так глуп и ничтожен, что не понимает, *кто* его жена?.. Ей бы надо быть женой Гладстона или Вирхова, или Ренана... Из русских, даже великих людей, — я бы ей никого не пожелала... Трудный народ. /.../

Москва, понедельник, 24 августа.

/.../ Сегодня Ал. Ал. Андреева¹⁴³ рассказывала мне, что бедный Вл. Фед. Джунковский¹⁴⁴ впал в немилость из-за своей антипатии к... Распутину, которой он не скрывает. Государь будто

бы сказал Шербатову¹⁴⁵: — Скажи Дж[унковскому], чтобы он уходил в отставку. Когда Дж[унковский] передавал о своем несчастье вел. кн. Ел[изавете] Фед[оровне]¹⁴⁶, она схватилась за голову и воскликнула: — *C'est elle, c'est elle**...¹⁴⁷ Так как эта версия идет от Марг[ариты] Ал[ексеевны]¹⁴⁸, старинной приятельницы Дж[унковского], то это очень правдоподобно. /.../

Пятница, 25 сентября.

Стась в Петербурге. Дни идут-идут... Через 5 недель Эвинька ждет младенца. Только бы все хорошо сошло...

Наступают холода. Москва без дров, без угля, без молока, без сахара... У мясных лавок, у булочных, у молочных — дежурит, дожидаясь очереди, длинный хвост... Сахару *совсем нет*... Перевезти вагон дров со станции (нам два дня тому назад с Курского вокзала привезли) — стоит 100 и 120 р.! А «отцы города» и «мужи совета» — все заседают и совещаются... Масса беженцев, особенно поляков. /.../

Суббота, 24 октября.

Погода мерзейшая, с утра темно, валит мокрый снег, на улицах грязь невообразимая, трамваи едва-едва ходят. Забастовка, благодаря спорам между гениальной нашей управой и не менее гениальным градоначальником Климовичем¹⁴⁹, — до сих пор не ликвидирована — и несчастные москвичи месят ногами грязь. Извошки обнаглели и заламывают дикие цены¹⁵⁰. /.../

Воскресенье, 15 ноября.

/.../ К Сапожникову¹⁵¹ хоть не езд. Там нас «облюбовали» прикащики. Радикалы самые непримиримые. *Des intransigeants!*** Показывают нам шелка и тут же — под шумок — быстрым говорком — изливают свое негодование на все, что «у нас творится». Особенно весь насыщен гневом один — высокий, плотный, бритый блондин с почти орлиным носом. Выражается совсем по-«интеллигентски»...

— Вот, — говорит, — устроили мы для жертв войны день торговых служащих. Все честь-честью, и денег собрали порядочно, а без скандала не обошлось. Попросили Керенского прочесть

* это она, это она (фр.).

** непримиримые (фр.).

нам лекцию. Стал он нам читать, что было сделано за это время во всех странах для «единения». Во Франции то-то, в Англии то, в Германии — и говорить нечего, а у нас вот что... Как стал перечислять, до половины не дошел, а уж пристав поднялся и так пренебрежительно: закрываю заседание. Вот какое у нас «единение»... Работать будем только до Пасхи. Дальше нечем... Нет красок. Японские не годятся.

Поэтому он посоветовал нам «запасться» теперь материей, потому что с каждой неделей шелк будет дорожать. После маленького «делового» отступленья — развертыванья разных кусков, размериванья, отрезыванья, писанья счета, он опять перешел на «политические» сюжеты.

— Ну пошлют, например, в окопы меня... С какой душой я туда пойду? По всей стране безобразие... Кому верить, когда надо всем властвуют Распутины да Хвостовы¹⁵²... Как хороший человек — вроде Щербатова или Джунковского — так не нужен. Нужны только подлецы и мошенники...

Тут блондин наш совсем нагнулся к прилавку и взволнованно зашептал: — Мне один «эс-эр» говорил, что судьба ... решена. Это прежде можно было думать, что «он» не виноват, а теперь все поняли, кто «он»... Никому дышать не дают, а «черную сотню» уж готовят на погромы. Будут врываться в наши дома, убивать наши семьи и грабить.

Положительно нельзя нам больше покупать у Сапожникова. Там не прикащики, а «Камиллы Демулены» сидят... еще попадешься с ними...

А патриотический «пыл» вообще охладел. Немцев, конечно, еще ругают, но гораздо меньше, чем раньше, ругают, так сказать, из чувства приличия. Нельзя же... ведь они все-таки дерзкие и «упорные» враги... В добровольцы, однако, уж никто не рвется. Наоборот. Земский и городской союзы засыпаны прошениями и устными мольбами «ополченцев» и дрожащих от страха переосвидетельствования «белобилетников», которые стремятся в уполномоченные и заведующие на всевозможные питательные пункты, в эвакуационные и санитарные поезда, в автомобильные роты, на заводы, словом, куда угодно — только не на «позиции»... Появился новый термин: «земгусар»... Союз забит дворянской «родней»... Современные Фамусовы не забыли заветных традиций и по-прежнему устраивают на лучшие места и местечки родных человечков... Все щели забиты ими. Всюду — «сестрины, свояченицы детки»... Ну, конечно, и Молчалины не в обиде. Эта порода неистребима... /.../

Четверг, 19 ноября.

Завтра будут крестить мою вторую внучку. Имя ей дадут Елена¹⁵³. Дай Господи этой новой женщине счастья. Пока — я питаю к ней только чувство жалости. Но, вероятно, полюблю. Тая и Елена будут жить в совершенно ином мире, чем мы. Мне кажется, что после *этой* войны — вся жизнь и в России и в Европе — выльется в совершенно новые формы. Лучше или хуже станет людям — трудно сейчас себе представить, но что все будет по-другому — это несомненно. Эта война завершает (мне кажется) целую историческую эпоху — со взятия Бастилии. Настанет новая историческая эра. Не знаю, будет ли Миша чувствовать себя в ней человеком своего времени. Он все же дитя 19 века... и хоть он от меня «отошел», но он слишком долго пил из *моего* источника... От этого мой бедный сын, быть может, и стоит до сих пор на «перепутьи»... Дай Боже, чтобы его дочери ступали по земле тверже, проще и без излишних «Grübelein»*... В скептицизме много прелести, но это — прелесть яда, который в маленьких дозах живет гонит кровь, а в слишком больших убивает...

Воскресенье, 29 ноября.

/.../ Как мы держимся при всем этом безобразии — действительно чудо. Дороговизна растет с каждым днем, масло 1 р. 20 к. фунт, хлеб, мясо скоро станет недоступно даже для людей среднего достатка; соль, керосин, уголь, спички, мыло — вроде лакомств; дрова — скверные — 275-300 р. вагон. А холода только начинаются. Господи, спаси и помилуй Россию.

Меня опять заманили в Центр[альное] Бюро — в студенч[еский] отдел помощи беженцам высших учебных заведений. Действуют в этом отделе курсистки и студенты. Премилая молодежь...

Вчера мы с Наденькой были в Малом театре на генер[альной] репетиции пьесы Скриба «Стакан воды». Le fameux «Verre d'eau». Vieux comme le monde**. Играли отлично — Южин, Лешковская и Ермолова¹⁵⁴.

1916

Среда, 3 февраля.

Я все еще больна. Встаю — украдкой от эскулапа, когда кровь начинает приводить меня в отчаяние. Слабость ужасная,

* мудрствований (нем.).

** Знаменитый «Стакан воды». Старый, как мир (фр.).

бессонница. Тоска. Я — точно совсем не я. От усталости хочется минутами *выскочить* и *убежать из своего тела*... Сейчас я совсем одна. С помощью горничной оделась, дотащилась в свой кабинет, уселась в большое (Катинское) кресло — и вот — пишу... И так это мне приятно. Стась и Наденька в Художественном Театре на премьере Мережковского «Будет Радость»¹⁵⁵... Эва, Миша, Миля — в концерте... /.../

Среда, 24 февраля.

/.../ Верден еще держится. Получила письмо от Макса. Он пишет, что в Париже такое же «томление духа», как во всех городах Европы. Перебито 230 молодых поэтов¹⁵⁶!.. Французская литература обезглавлена на четверть века. И там все ругают правительство. И там к войне привыкли... Надеются, что она кончится... в 1918 г.!!! /.../

Пятница, 26 февраля.

Миша в Нижнем. Сегодня вечером он должен читать первую лекцию в только что открывшемся там народном университете; а завтра утром вторую. Это первый «вылет» Миши — в свободную аудиторию. Один, в чужом городе,* перед неизвестной *сборной* публикой, ни души знакомых, ни одного «родственника» ('quelle chance!*). Он был удивительно мил, прямо очарователен, как только он умеет быть очарователен, когда *хочет*. Надо быть справедливым. За все время моей болезни он так нежен и добр ко мне, что, когда я вспоминаю, сколько я в своих дневниках браню моего бедного мальчика — я испытываю настоящие угрызения совести. И уж, конечно, на мне больше вины за его грехи. Не дала ему настоящей, живой крови... Рос без отца... «Дядя Стась» был для Миши — идеальный крепостной дядька... — это очень много, но это не отец. И Миша так и относится к нему. «Дядик» все *должен!* а считаться с ним?.. Вот еще! Довольно с него, что его любят. Такое же отношение и к Наденьке. Со мной Миша больше считается, но *зато* — меньше любит...

Да, плохие мы воспитатели. Это уж наверняка.

Эва простужена, Танюша лежит уж несколько дней, у Алешки болит животик. И сколько бы Миша ни «ершился», эти маленькие заботы ежедневности обволакивают его жизнь тонкой, но такой прочной паутиной... И хотя я почти всегда им недовольна, мне все же грустно и жалко видеть, что и он уж попал *на свою*

* Какая удача! (*фр.*).

полочку... Ведь, несмотря на свою «ученость», седые волосы и «черную неблагодарность» — для *меня* — он, настоящий он, — это маленький, белокурый, синеглазый, тоненький мальчик, с звонким смехом то носящийся по демьяновским полям, то прыгающий через чемоданы, то покорно разъезжающий со мной по скучным для него «заграницам»... Как я его любила, Боже мой!.. И как он меня обожал! И как мы *оба* были молоды, когда мы играли в лошадки, а мои косы были такие «хорошие», длинные возжи...

Вторник, 1 марта.

/.../ Четвертую неделю идет бой за Verdun. Наши «собственные корреспонденты» радостно живописуют, что немецкие трупы образовали плотную стену и «мертвецы стояли, как живые»... Военные «обозреватели» на всякий случай утешают нас, что даже падение Вердена никакого решающего значения на войну иметь не будет. Главные (чего еще нужно — Боже мой!) бои «впереди»!..

Не знаю, как в других странах, но то, что у нас творится — уму не постижимо. Благодаря Думе и миллиону комитетов раскрываются совершенно невероятные дела. Воровство, мошенничество, предательство сверху и снизу, полное разложение вдоль и поперек, никакого патриотизма, какое-то уничтожение нравственного чувства... Чем мы держимся! Мне кажется, что масса отправляет свои «функции» механически, по инерции привычного страха... Россия это огромная, со всех сторон законопаченная клоака. Война в разных местах повырывала закоченелую паклю, и в дыры повалило «русским духом»... Мы можем заразить весь мир...

Понедельник, 16 мая.

Холод нестерпимый, как в октябре. Это уже две недели, даже больше. Газеты пишут, что 140 лет не было такого мая. Все, конечно, простужены. Вставили вновь двойные рамы в спальни.
/.../

Быково, старая ферма.

Пятница, 27 мая.

Я тут с понедельника. Переезд на дачу был «гомерический»... Возы со всевозможной мебелью: кровати, матрасы, узлы, корыта, детские ванны, узлы, провизия, ширмы, ведра, лоханки, лампы... Столпотворение. Переезжали «частями». Сначала отбыли

«устраиваться» беременная Матреша с Сашей (детской кухаркой). На другой день тронулась Наденька. На третий Maselle с Таней. «Апофеоз» был воз с *коровой*. Я с шести часов утра стояла на дворе. Злобные эстонки с величайшим презрением и «зря» пихали на воз всякую всячину, а быковский «командир», извощица-Дуняша, с таким же презрением выкидывала вещи назад и заставляла «эстонок» класть вещи «как следует»... «по совести». — Ты свечи в ящик уложи и переложи сеном, а ты суешь пачками прямо в воз... куда попало... Ведь сорок верст надо проехать... привезем сор. Надежда Ив[ановна] с меня будет спрашивать. Я тебе резон говорю.

Так как Дуняша говорила «резон», да еще при мне, то величественная Мари, сжав губы, яростно «перекладывала» вещи, дура-птичка металась, как угорелая, и все спрашивала: «что ещо нужно... я ницего не знаю...», а Матвей Герасимыч, который ненавидит всю «свистонскую» породу, — исподтишка и как будто невинно подливал масла в огонь.

Наконец привязали к возу на веревку корову, Дуняша взобралась на воз, Матв[ей] Гер[асимович] с своей дочерью Аннушкой пошли сзади, как почетные охранители коровы, подбадривая ее ласковыми словами: — Да ты куды? чего мычишь? глупая!.. на волю идешь!.. хлеба хочешь?.. Ну-ау!..

Через час после коровы уехали Миша, Эва и няня Феклуша с Аленушкой и миллионом бутылок с молоком — пустых и с утренним «удоем».

Я никак не могла себе *реально* представить, что этот караван доберется до Быкова. Однако добрались и даже устроились. Очень-очень усложнилась жизнь благодаря этой проклятой войне. Дороговизна невероятная, в сущности — средним классам уж и теперь страшно тяжело. Что же говорить о бедных!.. Мы живем *роскошно* — и то отказываем себе в чулках, в порядочном мыле, штопаем и перелицовываем старье. Прислуга — нестерпимая. Грубы, ленивы, ни с чем не хотят считаться. Русские — те хоть в манерах и языком приветливее, а «латвия» мрачная бессовестная дрянь. /.../

Вторник, 21 июня.

/.../ У нас тут погода дурацкая: утром очень жарко, а часов с двух начинается ливень. Я ничего не делаю. Очень тоскую. По чему? Право, не знаю. Вероятно, по всей жизни. Война эта свыше моих сил... Никогда, кажется, ей конца не будет... Взаимное истребление... Люди, как голодные шакалы, будут на улицах

грызть друг друга... Какое чудовищное «завершение» французских революций! Хороши «права человека» — нечего сказать! «Лозунгов», конечно сколько угодно. Знамена — это тряпки, свобода, цивилизация, право — это условный шифр, а ключ к нему один: рынки. Французы и англичане свои «вожделения» выражают приличнее, а пошехонцы просто хрюкают... Если верить газетам, мы взяли в плен больше 200 000 австрийцев, подошли к Карпатам (это уже хуже!), немцев «отгоняем» — да и что немцы! Они уж из человеческих *трупов* топят «сало на маргарин»... И газеты по этому поводу ликуют. Хорошо, что Толстой до этого позорища не дожил... /.../

Пятница, 24 июня.

Весь день — без перерыва — дождь. Вчера — за весь июнь — день прошел без дождя — и мы так обрадовались... Наденька в Москве. Стась вчера уехал в Петроград.

Такое уныние... Читаю книжку Romain Rolland «Par dessus la Mêlée»*. Это собственно ряд статей с момента объявления войны — и за первый год. Все статьи — горячий протест гуманиста и моралиста — против безумия этой кровавой бойни, которая приведет только к взаимной ненависти и одичанию. Все это такие азбучные, такие арифметические истины, которые, кажется, должны быть ясны каждому нормальному человеку — философу и крестьянину. А между тем, эта книжка вызвала в Париже такое возмущение против R.R., что он должен был переехать в Женеву. Газеты и журналы всех оттенков его осыпали бранью. Его одинаково поносили клерикалы и монархисты, радикалы и анархисты. Над[ежда] Евг[еньевна] написала кому-то из знакомых в Париже, чтобы ей прислали портрет R.R.¹⁵⁷, и получила в ответ, что портрета этого нигде нет, т.к. этим «Monsieur»** вообще никто не интересуется. (!) Вот до чего доходит ослепление и злоба. Человечество обезумело. И если война продлится еще год (а «патриоты» отважно заявляют: три года, семь лет, десять — пока не истребим «немца») — люди начнут бегать на четвереньках и выть, как волки... /.../

Кастрополь, понедельник, 29 августа.

Мы тут уже почти три недели. /.../ Здесь можно любоваться очень оригинальной картиной солнечных ванн. На берегу, группа

* Романа Роллана «Над схваткой» (*фр.*).

** господином (*фр.*).

ми, «возлежат» голые дамы, поодаль, за кучей камней «возлежат» такие же группы мужчин. Тут же резвятся дети, проходят татары с чадрами, греки с туфлями. Чем не «Маори» — райский остров, о котором рассказывает Бальмонт и так гневается, когда ему говоришь, что он этот остров сочинил.купаются здесь тоже без костюмов и каждый может испытать «le bonheur d'être nu»*. Так называлась статья в *Mercur de France*, в которой описывалась блаженная община «нагих» — где-то под Берлином. Я читала ее недели за две до войны — и вот теперь могу созерцать это блаженство в Кастрополе. Правда, здесь это не община — с регламентацией, статутами и философской «дениграцией»¹⁵⁸ безнравственных «мещан», имеющих бесстыдство скрывать свои грешные тела под платьями и сюртуками. Здесь каждый действует по простоте души. И это гораздо милее...

Понедельник, 7 ноября.

/.../ 1-го ноября открылась Дума, и опять завертелась старая, всем надоевшая шарманка. Речи Милюкова, Маклакова, Керенского, Чхеидзе и даже правых — Шульгина — не печатаются. В газетах, там, где полагается быть думским отчетам, — сплошь белые листы. Ну, как всегда при таких «обстоятельствах», все узнается по рукописным «летучкам»... */.../*

Понедельник, 28 ноября.

/.../ Настроение такое, что не только в Государственной Думе, но и в Государственном Совете и даже на съезде объединенного дворянства требуют перемены «системы», громят влияние «темных» сил, т.е. Распутина и «камарильи»... Так страшно это чувство надвигающегося шквала. Мне, минутами, кажется, что я *вижу*, как он бежит...

Суббота, 3 декабря.

Когда я смотрю на бесконечные хвосты, которые с утра до вечера дежурят у всех лавок, мне становится страшно. Согбенные фигуры, мрачные лица, женщины от усталости опускают на тумбы, дети устраиваются прямо на тротуаре, «счастливые» примащиваются на ступеньках магазина или подъезда. Все разговоры только о дороговизне... Обыкновенные сапоги, которые

* счастье быть голым (*фр.*).

прежде рабочие и дворники покупали за 18 р., теперь стоят 48 рубл. Калоши — 36 р. Фунт сливочного масла — 3 р. 50 к. Аршин солдатского сукна 14 р. Сажень дров — 40, 50 и 60 руб. Ропот этих живых людских «хвостов», серыми змеями обвивающих Москву, этот ропот непрерывно шепчущих голосов, который вот-вот перейдет в крик... несет в себе что-то зловещее. Женщина с озлобленным лицом говорит соседке по хвосту: все есть и ничего нет!..

До чего только мы дойдем... Одна надежда — на долготерпение русского человека...

Суббота, 17 декабря.

/.../ По городу пронесся слух, что убит Распутин. Я позвонила в «Русск[ие] Ведомости». Там подтвердили, что слух такой есть, то что наверное еще ничего не известно, телефон из Петербурга не отвечает. Какой ужас!.. /.../

1917

Понедельник, 9 января.

/.../ Прошло уж девять дней Нового Года — и все то же, все та же хмара. Два с половиной года войны перевернули весь жизненный уклад. Осиротевшие семьи опустились, много гнезд совсем развеяно по ветру. А те, что уцелели, так изменились от непрерывного ожидания катастрофы, от трепета за собственную жизнь, что стали неузнаваемы. Сломался стержень жизни — чувство долга, сознание ответственности. Какое-то истерическое легкомыслие овладело людьми. Постоянно слышишь о крахе в таких почтенных семьях, которых не дерзало касаться злословие. То мать отбивает жениха у дочери, то дочь отбивает мужа у матери, мать отравляется, а дочь с отчимом преспокойно продолжают жить в тех же стенах... Тут же и шестилетний мальчик, сын несчастной самоубийцы, который все *видел*, все *знает*, ненавидит сестру и плачет о «бедной маме»... И эта сестра, и этот отец будут *воспитывать* ребенка! От страха, что вот-вот налетит вихрь, закружит и обратит все, на чем мы держались, в пыль — понизился весь моральный тон жизни. То, что прежде глубоко пряталось, чего стыдились — теперь цинически выползло наружу. Все торопятся «насладиться» сегодня, потому что *завтра* может быть уж все полетит «вверх дном»... Так стоит ли «стесняться»!..

Суббота, 21 января.

/.../ Боже, какие холода! сердце стынет. С Крещения — непрерывные морозы — 22 градуса, а потом 25 и 27!.. Дома топишь, топишь — и все холодно. Дрова страшно дороги — 50-60 рублей сажень. Отопление нашего дома эту зиму обойдется не менее шести тысяч... Каково же беднякам! Только и слышишь со всех сторон: — Неужели этой проклятой войне конца не будет!..

Сегодня обедал Бальмонт. Читал новые стихи. Некоторые прелестны, но больше старые перепевы. Бальмонт уверяет, что мы накануне «*сoup d'état*»*, но ведь он поэт, а поэты не всегда пророки. Часто — почти каждый день — приходит Макс Волошин. Странное существо! не человек, а именно существо — милое, толстое, приятное, экзальтированное, аффектированное, энциклопедическое, талантливое, ветхо-юное, не мушина, не женщина, не ребенок... Это не французский «богема», который, несмотря на все «*écarts*»**, к известному возрасту остепеняется и заводит собственный литературный кабачок *avec une clientèle dernier cri**** — о нет! Волошин хоть и грешен в «прелюбодействе» с Парижем — продукт русской интеллигенции в ее предпоследней фазе: эстето-апокалиптического «обормотства». Он так же торжественно, как три года, как пять лет тому назад, читает свои и чужие стихи, все так же умно (и в то же время глупо) рассуждает о жизни, искусстве, войне, танцах, политике, театрах, знакомых, новых книгах, страсти, ненависти, грядущих судьбах человечества, отцах церкви, буддизме, антропософии... Он всех любит и ко всем равнодушен. Иногда мне кажется, что милый М[акс] даже не живое существо, а лабораторное чудо, «гомункулус», сотворенный таинственным Эдиссоном по астрологическим рецептам. Я радуюсь на его неутолимый аппетит (он может есть всегда и что угодно). Ну, слава Богу, ест! стало быть, все-таки живой, настоящий.

/.../ Живем в какой-то эпидемической неврастении. Сплетни слухи, догадки и напряженное ожидание неминуемой катастрофы.

* государственного переворота (*фр.*).

** отклонения (*фр.*).

*** с модными завсегдаями (*фр.*).

Это ожидание: вот-вот!.. завтра! а может быть, сегодня!.. может быть, уже разразилось, только еще не дошло до нас — парализует всякую деятельность. Такое впечатление, что люди двигаются, но не ходят, дремлют, но не спят, говорят, но не договаривают, и никто ничего не делает, п[отому] ч[то] не стоит делать, все равно *после* придется все переделывать по-иному... А пока по-прежнему свирепствует цензура. Газетам запрещено писать о том, что больше всего волнует общество. Дума и Государственный Совет закрыты до 14 февраля. Будут ли они созданы в обещанный срок — под большим сомнением. Атмосфера все сгущается. Воинственный «пыл» давно пропал. Вялую декламацию еще кое-как поддерживают официальные корреспонденты и агенты. С «фронтов» все приезжают злые и возмущенные. Мужики проклинаят войну. В городах бессовестная дороговизна. Эти «хвосты», которые по часам дежурят у лавок, чтобы добыть мясо, хлеб, сахар, — страшно ожесточают городское население. Стоят, мерзнут и, чтобы облегчить душу, — ругаются. Совсем исчезло чувство страха, этот исторический русский тормоз. В трамваях, на улицах, в вагонах, театрах, гостиных — все громко ругают правительство и все ждуть... *переворота* как чего-то неизбежного. Министры скачут, как шарики в рулетке. Жуткое время. Мир сошел с ума и среди адского грохота, стога, крови в бешеной скачке мчится в пропасть... Никогда, кажется, не было столько самоубийств. /.../ И все-таки не верю я в русскую революцию. Не верю и еще больше боюсь ее. Будут бунты и будет расправа...

Среда, 1 февраля.

Вчера на вокзалах творилось что-то невообразимое. Я была на Николаевском и до сих пор не могу опомниться от этого зрелища. Люди орали, дрались, сбивали друг с друга шапки, разрывали шубы — лишь бы попасть в вагон. С сегодняшнего дня и до 14 февраля прекращается пассажирское железнодорожное движение почти по всем дорогам. Будут ходить только какие-то исключительные поезда. Москва в темноте. Нет газа. И вообще, ничего нет. Пуд овса — 8 р. Подковать лошадь стоит 17 рублей. Сегодня ковали нашего «Рыжика», и то по «протекции». Кучер привел тайком своего приятеля, какого-то великодушного кузнеца из пожарного депо... /.../

Суббота, 18 февраля.

В Москве нет хлеба. То тут, то там происходят уличные вспышки. Сегодня на Калужской площади толпа разгромила две

булочные. Полиция «действовала», но «холодным» оружием, т.е. кулаками «по шее» и «по зубам». Около Сокольников вчера толпа разнесла в щепки мясную лавку и колониальную. Хвосты бесконечные. Были случаи замерзания в очередях.

Среда, 22 февраля.

/.../ Товарные «две недели» длятся уже месяц и, говорят, продлятся еще месяц. «Продовольствия» от этого не прибавилось (по крайней мере, для нас), а проехать никуда нельзя. Взятые месяц тому назад в Крым билеты — уже не годятся.

Суббота, 25 февраля.

Холода и вьюги, каких, кажется, никогда не было. Все дороги занесены. Зима — четвертый месяц — без передышки. Все больны, и самые простые болезни теперь проходят в осложненных, тяжелых формах. Все изголодались, застыли, измучены, нервы истрепаны, душа больше не выдерживает массы тягостных впечатлений. /.../

Среда, 1 марта.

И это не сон! Надо верить!.. А в душе привычное, всей жизнью взрощенное, сомнение. «Верую, Господи, помоги моему неверию»¹⁵⁹... Значит, эта бесконечная, рабская, грубая, неподвижная глыба двинулась...

О[нисим] Б[орисович] приехал из Петрограда. Он *все это* видел. Страшно возбужден, радостен, помолодел. Говорит, что одно то, что он *жил в эти дни* — есть уже величайшее счастье. Говорит, что энтузиазм Петербурга неописуем...

В Москве события протекают гораздо спокойнее. «Констатируются» факты. Вероятно, мы еще «оголоушены» невероятностью событий... Разъезжают в «грузовиках» солдаты с красными флагами, поют: вы жертвою пали. Их *вяло* унимают «верные» войска. Автомобильной ротой убито три солдата... Еще не разошлись...

Четверг, 2 марта, поздно ночью.

В редакциях получено известие, что Государь отрекся от престола.

Суббота, 4 марта.

События несутся с быстротой вихря. Государь отрекся 2 марта за себя и за сына — в пользу Михаила Александровича. А Михаил Александрович в свою очередь отрекся, заявив, что он примет венец только по решению Учредительного собрания. Вчера разнесся слух о смерти Наследника. Бедный мальчик, ни в чем не повинный и без вины виноватый... Если он умер, то это — милость Господня. Народ-победитель такой же сфинкс, как народ-богоносец. Сегодня он кроток и великодушен, а завтра — лютый зверь...

Как эти ни удивительно, но, по-видимому, меньше всех ожидал катастрофы Николай II. Он не чувствовал, как шатается под ним трон. Ничто так не ослепляет человека, как власть. А власть *божией милостью* могут выдержать только исключительные люди, такой жестокий гений, как Петр. И никакие исторические примеры и жизненные уроки никогда никого и ничему не научили. Сколько предметных уроков, начиная с «Ходынки», и в течение всего царствования учительница жизнь давала Николаю! И 9-е января, Японская война, [1]905 год, распутинский скандал, наконец, «мировая» война... Всего мало. Ничему не внимал. А теперь! Взял эшелоны с фронта и послал их с генералом Ивановым на Петроград¹⁶⁰. Делегаты от Временного правительства — Шульгин и Гучков остановили императорский поезд на станции Дно. Государь их принял и выслушал их объяснения о происшедших событиях; узнав, что посланные под начальством ген. Иванова эшелоны отправлены обратно на фронт, он задумался и после небольшого молчания произнес: — Что же мне делать? Ему ответили: отречься от престола. Он опустил голову. Все кругом молчали. Потом он, ни к кому не обращаясь, промолвил: — Что ж! если это нужно для блага России... — и подписал поданный ему акт. Так — с небольшими вариантами — газеты описывают событие, которое знаменует *новую* историю России. Кажется, это первый в истории пример «легализованной» революции...

Понедельник, 6 марта.

/.../ Все точно пьяные. На всех улицах толпы гуляющих. Идут гурьбой среди улицы женщины в платках, дамы, рабочие, солидные мушкетеры — и смеются, и поют... На бульварах и площадях митинги. Громко ругают Николая и Александра Федоров-

ну. В «Московском Листке» (еще вчера *черносотенном!*) неприличные фельетоны, разоблачающие «Тайны Зимнего дворца». То же самое в «Русском Слове»... Противно зрелище этого хамства. При таком, можно сказать, геологическом перевороте неизбежно, чтобы не обнаружилась и вся глубина человеческой пошлости, подлости и низости. «Революции не делаются в белых перчатках». Так-то оно так... и все-таки противно.

/.../ Ну, разве не колдовство? Керенский, этот *enfant terrible* Думы, арестовывает Щегловитова, Протопопова, Штюрмера, Горемыкина, Макарова¹⁶¹, Климовича, Дейтриха¹⁶² и еще, и еще, и еще... Они заключены в Петропавловскую крепость, в те же камеры, где томились и заживо умирали политические вольнодумцы... Все ликуют. Оно и понятно. Столько накопилось в душах обиды, возмущения, ненависти... Старые люди говорят: — Какое счастье заснуть с мыслью, что нет больше Романовых!.. Ради этого стоило страдать... Вся наша жизнь прошла в рабстве... Теперь и умереть не страшно... Мы видели зарю свободы. Наши дети и внуки будут жить в свободной России... Такие речи слышатся с утра до ночи из самых разнообразных кругов московской интеллигенции...

О войне не говорят, о ней точно забыли... Все увлечены волшебным превращением рабской «Пошехонии» в свободнейшую на земном шаре страну. В церквах больше не возглашают долготыя «благочестивейшему»... и «всему царствующему дому»... Повстанщики сбивают гербы с своих лавок.

Все это до того *нереально*... На чем же все это держалось? Где же эти незыблемые *устои*? Почему их никто не защищает? Императорские стрелки, гусары, драгуны, казаки? Неужели это была только балетная декорация вокруг картонного дуба?.. Толкнули ногой — все рассыпалось и провалилось... Слишком, слишком все головокружительно, неправдоподобно... и *потому страшно*. Забегал Бальмонт. Он в экстазе. Не человек, а пламень. Говорит: — Россия показала миру пример бескровной революции. Мрачный М[иша] на это возразил: — Подождите! Революции, начинающиеся бескровно, обыкновенно оказываются самыми кровавыми... /.../

Вторник, 7 марта.

В Москве столпотворение Вавилонское. Все, что способно двигаться, писать, считать, болтать, — все это расхватано по раз-

ным «комиссариатам», «исполнительным комитетам» и разным организациям. Вместо полиции действует «милиция». Это значит, что вместо вышколенных для наблюдения за уличным порядком городских мечутся студенты, вооруженные винтовками (которые то и дело выпадают из их непривычных рук), на места околоточных поставлены помощники присяжных поверенных, а вместо приставов важно распоряжаются присяжные поверенные. Все эти новоиспеченные «граждане» уж до смерти устали — и через месяц такого «управления» Москва, вероятно, обратится в Бедлам. Поразительно, до чего мы, русские, несмотря на все наши претензии, неоригинальны. Вечно кричим о своей «самобытности» — и вечно рядимся в чужие платья. Уж если революция, то — тютелька в тютельку — по французскому словарю! Милиция, комиссары, декреты, скоро, вероятно, и календарь перелицуем. /.../

В Москву прибыл Керенский. Был в суде, посидел в Совете присяжных поверенных, держал себя очень «просто» — и всех очаровал. Керенский несомненно восходящая звезда нашей новорожденной революции, ее Камилл Демулен. В Думе он был один из немногих «красных», которого почти все, кроме крайних черносотенцев, слушали и даже любили. Ему прощали его «истерические» выпады за молодой задор, за хлесткую, но не злобную манеру речи, за то, что он хоть и больно иногда «царапал», но никогда не бил ломом. А теперь, когда он, с разрешения «партии» (Керенский — трудовик), вошел в правительство, он сразу завоевал симпатии «буржуазных» министров, которые видят в нем «буфер» между старым и новым... «Левые» считают его *своим*, а правые довольны его заверением, что он «не Марат» и что русская революция несет с собой не месть, а свободу и справедливость. Точно по магию волшебного жезла у молодого министра оказалось множество приверженцев и тьма поклонниц. Его превозносят выше небес, называют «надеждой России», восторгаются его пламенным красноречием, повторяют его «крылатые» слова, засыпают его красными цветами... Обижены на него только судьи. И в самом деле! Министр жал руки курьерам, а судьям не сказал никакого поощрения...

Среда, 8 марта.

Обедал Бальмонт. Он все в том же состоянии ликующего пафоса. Читал свои новые стихи — три гимна: «В единении сила»,

«Слава солдатам» и «Слава народу». Говорит, что Рахманинов пишет на эти слова музыку. Гимны всем очень понравились. Меня эта поэзия à thèse* не трогает. Мне очень совестно, но, когда я слушаю такую торжественную декламацию, я никак не могу отделаться от одного воспоминания из далекого детства. У нашей няни была огромная чашка с рисунком. Над букетом роз и фиалок два голубка с конвертом в клюве, а кругом вьется золотыми буквами стишок: — «Так позвольте ж вас проздравить со днем ваших именин»... Вот и мы теперь «проздравляемся»...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Стась* (в др. местах — Славик) — Онисим Борисович Гольдовский (1858 или 1865-1922) — популярный адвокат, в т.ч. защитник на политических процессах, сотрудничал в журнале «Былое», пианист-любитель, второй муж Р.М.Хин.

² *Танюша* (Таня) — Татьяна Михайловна Фельдштейн (1910-1995, в браке Митрян) — внучка Р.М.Хин.

³ *Миша* — Михаил Соломонович Фельдштейн (1884 или 1885-1939) — юрист, историк государственного права, сын Р.М.Хин от первого брака. Подробно о нем см.: Цветаева М.И. Письма М.С.Фельдштейну и Е.А.Фельдштейн / Публ. Д.А.Беляева. Указ. изд. С.5-24.

⁴ Брасова (урожд. *Шереметевская*, в первом браке — Мамонтова, во втором — Вульферт) Наталья Сергеевна — морганатическая жена вел. кн. Михаила Александровича; умерла в эмиграции. Подробнее о ней см.: Аксакова-Сиверс Т.А. Семейная хроника. Кн.1. Париж, 1988. С.244-253, 276-278, 300, 303-305; см. также: Минувшее: Исторический альманах. Вып.4. М., 1991. С.10-15.

⁵ Возможно, *Мошкины* Илья Иванович и Анна Васильевна — совладельцы существовавшего с 1850 Торгового дома «Бр. И. и А.Мошкины» (кожевенные товары); *Леговы* Александр Яковлевич и Мария Григорьевна — семья предпринимателей и землевладельцев.

⁶ Возможно, *Ковалевский* Артем Иванович — сотрудник Московского архива Министерства юстиции.

⁷ *Миля* — Эммануил Иванович Гринер (1884-1953) — юрист, племянник Р.М.Хин, сын ее сестры Анеты и Ивана Яковлевича Гринера.

⁸ Возможно, речь идет об *Анне Николаевне* Ивановой (1877-1939), двоюродной сестре М.В.Сабашниковой.

⁹ *Эва* — Ева Адольфовна Фельдштейн (урожд. Леви, 1886-1954) — художница, в 1909-1918 — жена М.С.Фельдштейна.

* программная (*фр.*).

¹⁰ *Британ* Илья Александрович (1885-1941) — помощник присяжного поверенного и литератор. Уроженец Кишинева. Окончил Казанский университет. С 1923 — в эмиграции. В 1924-1926 опубликовал в Берлине ряд сборников стихов и пьес. Сотрудничал в газ. «Руль» и немецких периодических изданиях. Расстрелян немцами в Париже в группе заложников-евреев.

¹¹ Скорее всего, имеется в виду кандидат прав Евсей Львович *Членов*, присяжный поверенный, служивший секретарем Правления Ярославско-Костромского земельного банка.

¹² Речь идет о писателе Алексее Николаевиче *Толстом* (1882-1945) и его тогдашней жене (1907-1914), актрисе и художнице Софье Исааковне Дымшиц-Толстой (1889-1963). О посещениях Волошиным «вторников» у Гольдовских см.: Волошин М. Лики творчества. Л., 1989. С.788. См. также датированное 22 декабря 1913 стихотворение Волошина «Я мысленно вхожу в ваш кабинет...» (Волошин М. Стихотворения. М., 1989. С.184-185).

¹³ *Поляков* (псевд. С.Литовцев) Соломон Львович (1875-1945) — журналист и драматург. В 1910-е — сотрудник «Речи» и «Современного слова». После 1917 — в эмиграции; сотрудник «Последних новостей».

¹⁴ *Кони* Анатолий Федорович (1844-1927) — юрист и общественный деятель. Опубликовано несколько его писем к Р.М.Хин за 1890-1912 (Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8 тт. Т.8. М., 1969. По указ.; А.Ф. называл адреса «Дорогая très fraternelle» [сестрица — фр.]).

¹⁵ *Щепкина-Куперник* Татьяна Львовна (1874-1952) — прозаик, переводчица, мемуаристка. Возможно, имеется в виду восторженный отзыв Кони о ее кн. «Сказания о любви» (М., 1910) — см.: Там же. Т.7. М., 1969. С.387-402. Об отношениях Кони со Щ.-К. см.: Щепкина-Куперник Т.Л. Образы прошлого. М., 1959. С.388-395.

¹⁶ *Боборыкины*: Софья Александровна (урожд. Зборжевская, 1845-1925), прозаик и переводчица, и Петр Дмитриевич (1836-1921), прозаик и мемуарист, — с 1914 жили в Лугано (Швейцария), куда выехали для лечения П.Д. и откуда не смогли вернуться из-за начала войны. Оба умерли там же; С.А. — в крайней бедности, занятая в конце жизни описанием архива П.Д.

¹⁷ Первая жена (1902-1907) А.Н.Толстого — Рожанская Юлия Васильевна — дочь самарского врача В.М.Рожанского.

¹⁸ Запись Толстого о другом посещении Гольдовских (2 марта 1913) см. в его дневнике: А.Н.Толстой: Материалы и исследования. М., 1985. С.308. Единственным сохранившимся документом, свидетельствующим об эпистолярном общении А.Н.Толстого с Р.М.Хин, является письмо Т. к Х. от 12 сентября 1914. См.: Переписка А.Н.Толстого. Т.1. М., 1989. С.217-218.

¹⁹ После роспуска турецкого парламента в 1912 к власти пришли противники младотурок. В январе 1913 группа молодых офицеров во главе с

одним из участников младотурецкой революции 1908 Энвер-беем ворвалась на заседание правительства, расправилась со своими оппонентами и установила в стране диктатуру. Балканские войны 1912-1913 были инспирированы и поддержаны Россией, стремившейся к контролю над Константинополем и проливами. Сначала русское правительство помогало Болгарии, Сербии и Греции против Турции, затем — всем балканским государствам, объединившимся против Болгарии. *Адрианополи* (совр. название Эдирне — Турция) — в первой пол. XV в. (до 1453) — столица Османской империи. В результате 1-й Балканской войны отошел к Болгарии, после 2-й (по Бухарестскому мирному договору) осенью 1913 возвращен Турции.

²⁰ Пьеса Полякова *«Лабиринт»* (см. изд.: Берлин, 1921) была удостоена в 1913 премии им. А.Н.Островского, присуждавшейся Союзом драматических писателей. Однако ее постановка в театре К.Н.Незлобина была встречена критикой прохладно. Отмечалось «достаточное количество дешевых фраз и сценических положений», «потуги на модернизм», «жидкая фактура» произведения, отсутствие «в пере г.Полякова /.../ нужной силы». См.: М.О. Театр Незлобина // Маски. 1912-1913. №4. С.103-104; Бескин Эм. Московские письма // Театр и искусство. 1913. №4. С.86-87.

²¹ Вероятно, речь идет о драматурге Всеволоде Юрьевиче *Мусине-Пушкине* (ум. 1939) или его брате Александре. Первый в советские годы выступал также под псевдонимом В.Ю.Пушмин. С семьей Мусиных-Пушкиных А.Н.Толстой дружил еще во время своего обучения в Сызрани. Драма *«Звереныш»* нами не обнаружена.

²² В пьесе Р.М.Хин *«Наследники»* изображалась суетливая борьба родовитой дворянской семьи отставного сановника за наследство умирающего еврейского миллионера. Ставилась в Малом театре в 1911-1912. Подробный отклик на ее постановку см.: Эфрос Н. *«Наследники»* Р.М.Хин // Студия. 1911. №3. С.10-12.

²³ Подробнее об этом см.: Волошин М. Путник по вселенным / Сост., вст. ст. и комм. В.П.Купченко и З.Д.Давыдова. М., 1990. С.121-128; 332-334; Купченко В.П. Странствие Максимилиана Волошина: Документальное повествование. СПб., 1996.

²⁴ *Щербиновский* Дмитрий Анфимович (1867-1926) — художник.

²⁵ *Musée Grevin* — музей восковых фигур, парижский аналог музея мадам Тюссо.

²⁶ *Катино* — имение Гольдовских в Тверской губ., недалеко от Осташкова. Было продано в начале июня 1913. См. далее в тексте.

²⁷ *Мать Волошина* — Елена Оттобальдовна Волошина-Кириенко (1850-1923).

²⁸ *Лиля* — Эфрон Елизавета Яковлевна (1885-1976) — впоследствии педагог, режиссер. *Вера* — Эфрон Вера Яковлевна (1889-1945) — актриса,

впоследствии режиссер художественной самодеятельности, сотрудница ГБЛ (с 1918 — жена М.С.Фельдштейна). Сестры С.Я.Эфрона. Ср. характеристику, данную им Е.О.Волошиной: «Вот Лиля и Вера, ведь не больше, как на двести слов словарь, да еще как они эти слова употребляют!» (Цветаева М. Живое о живом. Собр. соч.: В 7 тт. Т.4. М., 1994. С.184).

²⁹ Эта квартира помещалась по адресу: Кривоарбатский пер., д.13, кв.9. По неувверенному свидетельству А.И.Цветаевой, название «обор-мотник» было дано А.Н.Толстым (Цветаева А. Воспоминания. Изд. 3-е, доп. М., 1983. С.420).

³⁰ Упоминаются последовательно: *Эфрон Сергей Яковлевич* (1893-1941) — муж М.И.Цветаевой; *Ася* — Цветаева Анастасия Ивановна (1894-1993) — младшая сестра М.Цветаевой, впоследствии писательница, мемуаристка; ее первый муж — Борис Сергеевич Трухачев (1892-1919); старшая дочь М.Цветаевой — Эфрон Ариадна Сергеевна (Аля; 1912-1975); сын А.И.Цветаевой от первого брака — Андрей Борисович Трухачев (1912-1992).

³¹ *Майя* Кювилье (Мария Павловна; в первом браке — Кудашева, во втором — за Р.Ролланом; 1895-1985) — поэтесса и переводчица. Публикацию ее французских стихотворений см.: Второй сборник Центрифуги. М., [1916]. Стлб. 17-19.

³² *Кандауров* Константин Васильевич (1865-1930) — живописец и театральный художник, секретарь объединения «Мир искусства»; *Богаевский* Константин Федорович (1865-1930) — живописец. Оба были дружны с М.Волошиным.

³³ *Наденька* — Надежда Ивановна Ивановская (ум. ок. 1928?) — близкий друг Р.М.Хин, долгие годы жившая в ее семье.

³⁴ Дом Гольдовских помещался в Староконюшенном пер., 25. До его приобретения они вместе с молодыми Фельдштейнами жили по адресу: Долгоруковский пер., 5.

³⁵ *Кассо* Лев Аристович (1865-1914) — министр народного просвещения России в 1911-1914, реакционер и последовательный противник равноправия евреев в образовательной сфере.

³⁶ Скорее всего, речь идет о *Ройе-Колларе* (*Royet-Collard*) Пьере-Поле (1763-1865), французском политическом деятеле, философе и публицисте, члене Французской академии. Не исключено также, что имеется в виду его племянник, правовед Альбер-Поль Ройе-Коллар (1797-1865).

³⁷ *«Виллежиатура»* — от франц. Villégiature — отдых на даче или на курорте.

³⁸ *Бемзель* — возможно, речь идет об агенте-посреднике Рудольфе Рудольфовиче Бензене.

³⁹ *Николай Ильич* Стороженко (1836-1906) — историк литературы, профессор Московского университета, близкий знакомый Р.М.Хин. В 1890-1900-е она была частой посетительницей т.н. «стороженковских

воскресников» в его доме. Ср. запись о нем Р.М.Хин от 18 сентября 1898: «Он человек всеобъемлющей доброты, большого благородства, настоящий европейский ученый, но... он сентиментальный русский либерал, кающийся русский дворянин — и отсюда все его разочарования и неудачи. Он связан *внутри* традициями 60-х годов, эпохой "великих реформ" и робеет перед всякой попыткой "переоценки" этих "ценностей". Его хохлацкий юмор и неистощимое остроумие прогуливается довольно свободно по этим "кумирам" и "заветам", но — только в строго интимной *cause*...» (цит. по: Грани. 1994. №173. С.189). *Анатолий Федорович* — речь идет о А.Ф.Кони.

⁴⁰ *Екатерина Семеновна Динесман* (ур. Киссин) — была замужем за московским купцом Юлианом Осиповичем Динесманом. Извещение о ее смерти в Берне 13 июля 1913 появилось в «Русском слове» 19 июля (1 августа). Похороны состоялись 21 июля на Введенских горах в Москве.

⁴¹ Возможно, речь идет о враче Мещанской городской бесплатной лечебницы Александре Филаретовиче *Декапольском*.

⁴² *Анета* — Анна Мироновна Гринер — сестра Р.М.Хин.

⁴³ Вероятно, Динесман Леонтий Юлианович — помощник присяжного поверенного.

⁴⁴ *Коровин* Константин Алексеевич (1861-1939) — живописец, с 1910 — главный декоратор и художник-консультант Московской конторы Императорских театров. С 1923 жил в Париже, где и умер.

⁴⁵ Речь идет об обновлении декораций к опере Ж.Массне «Вертер», впервые поставленной в Большом театре в 1904.

⁴⁶ *Вальц* Карл Федорович (1846-1929) — театральный декоратор, с нач. 1900-х — главный машинист сцены Московских императорских театров. Автор кн.: Шестьдесят пять лет в театре. Л., 1928.

⁴⁷ *Грессер* Александр Петрович — предприниматель; с Р.М.Хин, вероятно, был знаком по совместной деятельности в Русском техническом обществе. Его жена — Вера Петровна, член Елисаветинского благотворительного общества.

⁴⁸ Грессер Петр Аполлонович (1832-1892) — генерал-адъютант, в 1882-1892 — петербургский градоначальник. Был известен как покровитель полицейского мздоимства. Умер от неудачного впрыскивания шарлатанского «средства для омоложения».

⁴⁹ *Комиссаров* Михаил Герасимович (1867-?) — землевладелец и общественный деятель, кадет, депутат 1-й Государственной думы от Владимирской губ., «выборжец». В 1910-е — пред. Отдела земского самоуправления Русского технического общества.

⁵⁰ *Южин* — псевдоним кн. Александра Ивановича Сумбатова (1853-1927), актера и драматурга. *Лебедев* Владимир Федорович (1870-1952) — актер, с 1904 — в Малом театре. *Максимов* (наст. фам. Самусь) Владимир Васильевич (1880-1937) — в 1906-1909 и 1911-1918 — актер Малого

театра. *Худолеев* Иван Николаевич (1869-1932) — актер и режиссер, в 1893-1918 и 1921-1923 — в Малом театре. *Коренева* Лидия Михайловна (1885-1982) — актриса Московского художественного театра. *Третьякова* Анна Иосифовна — драматическая актриса. *Пикок* Владимир Робертович (1875-1943) — артист оперы, в 1906-1916 — солист Оперы Зимина.

⁵¹ Это, по-видимому, ошибка: московский губернский предводитель дворянства (1908-1915) Александр Дмитриевич Самарин (1868-1932) был в описываемое время уже вдов. Его жена — Вера Саввовна Мамонтова (1875-1907), серовская «девочка с персиками».

⁵² *Чебышев* Николай Николаевич (1865-1937) — юрист и журналист, в 1890 окончил Петербургский университет, с 1904 — на прокурорских должностях в Москве, с 1914 — прокурор Московской судебной палаты. После 1917 — сотрудничал в печати на территориях, занятых Добровольческой армией. В эмиграции — сотрудник газ. «Возрождение». См. о нем: Аксакова-Сиверс Т.А. Указ. соч. Кн.1. С.43, 120-121 сл.

⁵³ Возможно, речь идет о присяжном поверенном кн. Александре Александровиче *Урусове*.

⁵⁴ Возможно, имеется в виду *Лопухин* Юрий Александрович — товарищ прокурора Московского окружного суда.

⁵⁵ Возможно, имеется в виду *Арнольд* Федор Карлович (1877-1954) — присяжный поверенный, помощник юрисконсульта Общества Московско-Казанской железной дороги. Друг Волошина по университету, автор воспоминаний о нем. После революции служил юрисконсультантом в советских учреждениях.

⁵⁶ *Гомберг* Дмитрий Ильич (ум. не ранее 1931) — присяжный поверенный; в советские годы — автор пособий по земельному и лесному праву.

⁵⁷ Искаженная цитата из «Слова о полку Игореве». Правильный текст: «Боян бо вышши, аще кому хотяше пьсьнь творити, то растькашется мыслино по древу, сьрымы вълком по земли, шизымы орломь подь облакы».

⁵⁸ *Зайченко* Платон Платонович — домовладелец и благотворитель, ему принадлежал дом 13 по Кривоарбатскому пер., где жили В.Я. и Е.Я.Эфрон.

⁵⁹ Эфрон Яков Константинович (1851-1909); Эфрон (урожд. Дурново) Елизавета Петровна (1855-1910).

⁶⁰ Эфрон Константин Яковлевич (1896?-1910).

⁶¹ Эфрон Петр Яковлевич (1883-1914) — актер.

⁶² Ср.: Письмо Е.А.Фельдштейн мужу от 13 июля 1913 — Цветаева М.И. Письма М.С.Фельдштейну и Е.А.Фельдштейн / Публ. Д.А.Беляева. Указ. изд. С.22 (прим. 1 к письму 3).

⁶³ Письма Волошина к Р.М.Хин сохранились только за 1925-1927.

⁶⁴ Уроженкой Каменца-Подольского была сама Р.М.Жин.

⁶⁵ *Обнинский* Виктор Петрович (1867-1916) — политический и общественный деятель, публицист, член 1-й Государственной думы. По национальному вопросу выступал как последовательный федералист. О его политических взглядах см.: Ефремов С.А. Против течения: Памяти В.П.Обнинского // *Голос минувшего*. 1916. №5/6. С.138-152. Возможно, речь идет о *Лузиной* Вере Сергеевне, художнице-прикладнице, жене владельца переплетной мастерской.

⁶⁶ Сама Цветаева также не испытывала симпатии к старшим Гольдовским. Ср. ее презрительное упоминание о них в письме к С.Я.Эфрону от 11 декабря 1918: «У Г[ольдов]ских был обыск, нашли 60 пудов сахара и не знаю сколько четвертей спирта» (Цветаева М. Собр. соч.: В 7 тт. Т.6: Письма. М., 1995. С.138).

⁶⁷ Один из крупнейших московских универсальных магазинов Торгово-промышленного товарищества «*Мюр и Мерилиз*» помещался в здании нынешнего ЦУМа. Дворянину (с 1912), кандидату прав (с 1881), мануфактур-советнику Николаю Ивановичу *Прохорову* (1860-1915) принадлежала сеть прядильно-ткацких и торговых заведений в Центральной России; был членом советов Русско-Азиатского, Московского Купеческого и Московского Торгового банков. Владимир Карлович *Феррейн* — действительный статский советник, директор-распорядитель одноименного товарищества, объединявшего фармацевтическую фабрику, оптовый склад и сеть магазинов, находившихся на Арбате, Мясницкой (Кривоколенный пер., 12), Никольской и Тверской.

⁶⁸ *Котляревский* Сергей Андреевич (1873-1939) — историк, правовед и публицист; научный руководитель М.С.Фельдштейна в годы его обучения.

⁶⁹ *Василий Иванович Немирович-Данченко* (1844-1936) — писатель и журналист, прославившийся своими корреспонденциями с театра военных действий еще во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. В конце августа — начале сентября 1914 последовал ряд распоряжений главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича и командующего 1-й армией ген. П.К.Ренненкампа о недопуске представителей печати в действующую армию и запрете офицерам и солдатам писать куда бы то ни было о положении на фронте. См.: Каржанский Н. [Зезюлинский Н.Ф.] Записки военного корреспондента // *Знамя*. 1940. №4/5. С.59-65.

⁷⁰ *Самсонов* Александр Васильевич (1859-1914) — генерал от кавалерии, в 1914 — командовал 2-й русской армией в Восточной Пруссии.

⁷¹ Московский *коммерческий институт* находился в ведении Министерства торговли и промышленности и слыл либеральным учебным заведением. Туда принимали лиц обоего пола как со средним, так и с высшим образованием (на 5-й семестр). Экономическое отделение готовило специалистов по банковскому и страховому делу, преподавателей юридических и экономических дисциплин для реальных училищ, фабричных инспекторов, земских специалистов, работников кооперации, местного

и городского самоуправления. Коммерческо-техническое отделение выпускало инженеров широкого профиля, товароведов, организаторов производства и торговли, торговых агентов и др.

⁷² *Замысловский* Георгий Георгиевич (1872- март 1920) — юрист и политический деятель, в 1890-1910-е — на судейских и прокурорских должностях, с 1908 — член Союза русского народа и др. крайне правых организаций, член Гос. думы 3-го и 4-го созывов. Умер во Владикавказе от тифа. См. также: Минувшее. Вып. 14. М.; СПб., 1993. С.180 и по указ.

⁷³ Речь идет о визите к председателю Совета министров Ивану Логиновичу *Горемыкину* (1839-1917) старшего в тот момент представителя известной банкирской семьи барона Александра Горадиевича *Гинцбурга* (1863-?). Ср. об аналогичных его шагах несколько месяцев спустя: «Около 9-ти приехал ко мне бар. Ал.Гинцбург посоветоваться, какие меры можно было бы принять для отмены запрещения военных властей евреям селиться на дачах на берегу Финского залива. Я дал ему совет отправиться лично в ставку вел. кн. Ник. Николаевича, испросивши по телеграфу аудиенции, и откровенно переговорить с верховным главнокомандующим, которого все наши министры так боятся. Я сказал ему, что он и дело евреев ничем не рискуют, а что даже при неудаче шаг его будет признан правильным и делающим ему честь» (Дневник И.И.Толстого, запись от 20 марта 1915. Цит. по: Ананьич Б.В. Банкирские дома в России 1860-1914 гг.: Очерки истории частного предпринимательства. Л., 1991. С.71). О хлопотах семьи Гинцбургов и их единомышленников в пользу равноправия евреев см.: Там же. С.65-66.

⁷⁴ *Вормс* Альфонс Эрнестович (1868 — не ранее 1930) — правовед-цивилист, присяжный поверенный, надворный советник; преподавал торговое право и процесс в Московском университете, Народном университете А.Л.Шанявского, Коммерческом институте и др. В советские годы — автор пособий по хозяйственному праву. *Шмигельский* Михаил Ерофеевич (1860-1925) — врач-физиотерапевт, доктор медицины, благотворитель. Основатель Цандеровского механо-терапевтического института, создатель электроводолечебницы.

⁷⁵ *М.М.* — возможно, речь идет о брате Р.М.Хин — Марке Мироновиче, присяжном поверенном.

⁷⁶ *Янжул* Иван Иванович (1846-1914) — экономист, статистик, в 1880-е — главный фабричный инспектор в Москве, затем — профессор Московского университета по кафедре финансового права. С 1895 — академик.

⁷⁷ Янжул (урожд. Вельяшева) *Екатерина Николаевна* (1873- после 1938) — жена И.И.Янжула, педагог.

⁷⁸ Вилла в Болье близ Ниццы принадлежала М.М.Ковалевскому (см. прим. 82). Р.М.Хин гостила там еще в 1890-е.

⁷⁹ Этот эпизод в воспоминаниях С.Ю.Витте не зафиксирован. Ср.: «После ухода Тимирязева с поста министра торговли и промышленности я хотел предложить это место академику Янжулу /.../. Но ранее, не-

жели докладывать об этом Его Величеству, я просил к себе Янжула, чтобы с ним объясниться. Он от этого назначения уклонился. В то время бомба еще имела магическое действие и охотников на министерские и вообще боевые посты было мало» (Витте С.Ю. Воспоминания. Т.3. М., 1960. С.194).

⁸⁰ *Кругликов Георгий Николаевич* (1842 — после 1907) — землевладелец, окончил кадетский корпус (1860), в 1880-1900-е — участковый мировой судья в Москве; владелец имения (465 дес.) при селце Горки Петровской волости Верейского уезда Московской губ. (в 2 верстах от ст. Апрелевка).

⁸¹ *Maitre'инька* — так Р.М.Хин называла Н.И.Стороженко (см. прим. 39).

⁸² *Ковалевский Максим Максимович* (1851-1916) — историк, социолог, юрист и земский деятель.

⁸³ *Шахов Николай Александрович* — брат историка литературы Александра Шахова (1850-1877), домовладелец и меценат, почетный член совета Общества для пособия нуждающимся студентам Московского университета; неизменный и щедрый жертвователь на нужды образования неимущих. Речь идет о его заметке: «Помощь полякам и евреям: Письмо в редакцию» (Русские ведомости. 1914. 11 октября). Полемизируя с выступлениями Е.Н.Трубецкого и А.И.Коновалова, автор писал: «Рядом с нашим славянским братом, поляком, живет и изнывает в великих страданиях, делит все принесенные вражеским нашествием муки еврей, этот постоянный пасынок истории. /.../ не один герой-еврей награжден в эту войну георгиевским крестом /.../. Для нас, протягивающих руку братской помощи населению Царства Польского, несть там ни эллина, ни иудея. /.../ Хочется верить, что и для "пасынка" наступят лучшие дни и что станет он родным сыном своей родины, за которую проливает свою кровь». Свой призыв Шахов сопроводил пожертвованием 10 тыс. рублей на нужды пострадавших от войны поляков и евреев.

⁸⁴ 15 октября газета все же напечатала благодарственную телеграмму в адрес Шахова от студентов-евреев Петроградского политехнического института.

⁸⁵ Намек на романтическую повесть А.А.Бестужева-Марлинского «Аммалат-бек» (1832).

⁸⁶ «*Магнус*» — известны только инициалы этого человека (М.Н.), а также то, что он был устроителем лазарета на 50 коек при Центральном бюро (см. прим. 93).

⁸⁷ *Морозова* (урожд. Хлудова) Варвара Алексеевна (1850-1917, 4 сент.) — владелица Тверской мануфактуры и благотворительница, создательница Пречистенских рабочих курсов, главная пайщица газеты «Русские ведомости», жила в собственном доме на Воздвиженке.

⁸⁸ Имеется в виду Общество единения народностей России, канцелярия которой помещалась на Сивцевом Вражке, 22.

⁸⁹ *Кускова* Екатерина Дмитриевна (1869-1958, в эмиграции) — публицист и общественная деятельница, в описываемое время близка к «экономическому» крылу социал-демократии.

⁹⁰ *Ледницкий* Александр Робертович (1866-1934) — юрист, публицист и общественный деятель, член 1-й Государственной думы, кадет, «выборщик», один из вдохновителей Общества славянской культуры. С 1915 — председатель Совета съездов представителей польских организаций в России; издатель журнала «Эхо польское». В 1918 — первый посланник Польши в Москве. В том же году поселился в Варшаве, отойдя от политической деятельности и посвятив себя предпринимательству. См. некролог ему: Возрождение (Париж). 1934. 14 августа.

⁹¹ *Малянтович* Павел Николаевич (1869-1940) — популярный адвокат, защитник на политических процессах, был близок к социал-демократам (в 1917 был в РСДРП). Автор статьи «Русский вопрос о евреях» (Щит: Литературный сборник. М., 1915) и участник сборника «К еврейскому вопросу в Польше» (М., 1915. С.250-258; его статья там называлась «О праве вмешательства»). 25 сентября — 25 октября 1917 — министр юстиции Временного правительства. После разгона Учредительного собрания отошел от политической деятельности, служил в образовательных учреждениях и (с нач. 1920-х) был членом Московской городской коллегии защитников (одно время — ее председатель). Оказывал помощь политзаключенным, неоднократно арестовывался. В последний раз — в июне 1937, содержался в Лефортовской тюрьме, обвинялся в участии в т.н. «заговоре юристов». Расстрелян в июне 1940 (по др. сведениям — умер в тюремной больнице). Реабилитирован в 1992. Данные о конце жизни сообщены К.Г.Малянтовичем. См. также: Малянтович К. Мой дед — ученик Плевако, учитель Керенского и Вышинского // Домашнее чтение (Москва). 1995, ноябрь. №23. С.5-6.

⁹² Выставка-продажа кукол в Кустарном музее открылась 8 декабря 1914. На ней было представлено около 4000 экспонатов, среди которых были кукла М.Н.Ермоловой, др. знаменитостей (напр., с автографом А.Ф.Кони). Средства от продажи кукол направлялись в пользу детей, пострадавших от войны. Одновременно в составе экспозиции «Художники Москвы — жертвам войны» (Камергерский, 3) работал отдел кукол, открывшийся двумя днями раньше; здесь были представлены работы И.С.Ефимова, С.В.Малютина, В.П.Поленова и др. См.: Русские ведомости. 1914. 23 и 29 ноября; 11 декабря.

⁹³ Имеется в виду «Центральное бюро при городской управе» — московская благотворительная организация, в деятельности которой Р.М.Хин принимала активное участие (сбор пожертвований и запись добровольцев производились у нее дома). Оказывало помощь беженцам и семьям призванных запасных: собирала для них вещи и деньги, встречала их на вокзалах, обеспечивала ночлегом и пищей (бесплатно или за дешево), медицинской помощью, работой через специально созданную сеть швейных мастерских, мелким кредитом и проч.

⁹⁴ Вероятно, *Зеленко Анна Михайловна* — педагог, специалист по организации детских игр; ее муж — *Зеленко Александр Устинович* (Июстинович; 1871 — после 1948) — педагог и архитектор, специалист по устройству выставок, клубов, аттракционов и народных домов; в 1904-1910 — преподаватель Пречистенских рабочих курсов, в советские годы — доктор архитектуры.

⁹⁵ *Браиловская Римма Никитична* (1877-1959) — художница-прикладница, живописец, владелица ателье художественной вышивки в Хлудовском тупике. См. о ней: Северюхин Д.Я., Лейкинд О.Л. Художники русской эмиграции (1917-1941): Биографический словарь. СПб., 1994. С.103.

⁹⁶ Возможно, речь идет о *Живаго Надежде Леонидовне*, жене московского купца и благотворителя Василия Романовича Живаго. Не исключено также, что имеется в виду детская писательница, переводчица и художница Н.И.Живаго.

⁹⁷ *Морозова Мария Саввишна* — дочь Саввы Тимофеевича Морозова, благотворительница. См. о ней: Бурышкин П.А. Москва купеческая. М., 1990. С.115.

⁹⁸ *Кустарный музей* принадлежал Московскому губернскому земству, был основан в 1889, с 1904 помещался в специально построенном для него Сергеем Тимофеевичем Морозовым доме в Леонтьевском пер. Наряду с демонстрацией изделий народных промыслов здесь была организована торговля ими и изготовление на заказ различных предметов домашнего обихода: скатертей, кружев, корзин, плетеной мебели и проч.

⁹⁹ *Морозов Сергей Тимофеевич* (ок.1864-?) — предприниматель и меценат, кандидат прав, почетный попечитель Кустарного музея. Речь идет о работе Е.А.Фельдштейн «Нянька Аксинья на прогулке с Шурой и Лелей».

¹⁰⁰ *Клара* Мироновна Левенталь, сестра Р.М.Хин; *Аля* — племянница Р.М.Хин, дочь К.М. и Г.А.Левенталей.

¹⁰¹ *Крандиевская-Толстая Наталия Васильевна* (1888-1963) — поэтесса и мемуаристка, в 1914-1935 — жена А.Н.Толстого.

¹⁰² *Волькенштейн Федор Акимович* (1874-1937) — присяжный поверенный.

¹⁰³ *Кандаурова Маргарита Павловна* (р.1895) — балерина, племянница К.В.Кандаурова; танцевала в Большом театре в 1912-1941. Об отношениях Толстого с ней см., напр., его письмо К.В.Кандаурову от 12 сентября 1914: Переписка А.Н.Толстого. Т.1. М., 1989. С.216-217.

¹⁰⁴ Ср.: «С Соней мы разошлись друзьями, — писал Толстой А.А.Бострому между 3 и 28 августа 1914, — ты знаешь, из нашей жизни не вышло ничего. Соня сейчас в Петербурге. Ей очень тяжело (хотя она была причиной разрыва), но так гораздо все-таки будет лучше с ей, и мне» (Переписка А.Н.Толстого. Указ. изд. Т.1. С.212).

¹⁰⁵ *Марианна Алексеевна Толстая* (1911-1988) — впоследствии окончила ЛГУ, химик.

¹⁰⁶ *Тетка А.Н.Толстого* — Мария Леонтьевна Тургенева (1857-1938) — детская писательница, младшая сестра матери писателя.

¹⁰⁷ *Волькенштейн (Крандиевский) Федор Федорович* (1908-1985) — впоследствии окончил Ленинградский политехнический институт, физик, мемуарист.

¹⁰⁸ *Франк Маруся* — возможно, речь идет о дочери купца Германа Яковлевича Франка, совладельца Торгового дома «Франк и Цургозен младший».

¹⁰⁹ *Николай Ильич* — речь идет о Н.И.Стороженко. *Чупров Александр Иванович* (1842-1908) — профессор-экономист, статистик, общественный деятель, публицист народнического направления. Ср. запись Р.М.Хин о нем от 5 февраля 1897: «Главная прелесть Чупрова — его безгрешная, всеобъемлющая доброта и деликатность, неподражаемая простота и обходительность. Специалисты говорят, что он — блестящий ученый. В беседе с простыми смертными он своей ученостью никого не подавляет, но очень охотно, легко, умно, талантливо сообщает — точно мимоходом — массу вещей, о которых мы, грешные, никогда не думали. /.../ ему стыдно и неловко за тех, кто выдает ложь за правду; и он старается не обличать обманщика, а подает ему "милостыньку" и тихонько отойдет...» (Цит. по: Грани. 1994. №173. С.176-177).

¹¹⁰ *Трубецкой Евгений Николаевич*, кн. (1863-1920) — религиозный философ и правовед, общественный деятель. В том же номере газеты, что и «воззвание» (см. след. прим.), напечатана его статья «Константинополь и проливы», заканчивавшаяся словами: «Проливы должны принадлежать России. Другого решения быть не может» (С.3).

¹¹¹ Речь идет о тексте, напечатанном в «Русских ведомостях» (1915. 1 марта. С.7) в качестве «Письма в редакцию». Его подписали 206 писателей, политических, общественных и культурных деятелей и предпринимателей. Помимо Л.Андреева, М.Горького и Ф.Сологуба, среди них были: Н.Бердяев, И.Бунин, З.Гиппиус, И.Гревс, Вяч. Иванов, А.Керенский, С.Мельгунов, П.Сорокин, П.Струве, Н.В.Чайковский и др. В письме отмечалось, что «ограничение права на образование особенно больно [теперь] чувствуется еврейским юношеством, потому что западная граница закрыта, а в русских учебных заведениях сохранена процентная норма для евреев»; что «евреи из разоренных местностей не имеют права проникнуть за черту оседлости» и т.п. Завершалось письмо призывом вспомнить, «что у русского еврея нет иного отечества, кроме России», а «одним из условий государственного строительства» поставить «прекращение гонений на евреев и полное уравнивание их в правах с нами».

¹¹² *Рачинский Григорий Алексеевич* (1859-1939) — искусствовед, литератор, философ и переводчик, один из идеологов Абрамцевского кружка, «Мира искусства» и др.; председатель Религиозно-философского общества в Москве. См.: Белый А. Начало века. М., 1990. С.102-103.

¹¹³ *Челноков Михаил Васильевич* (1863-1935) — землец, депутат 2-й и 3-й Государственных дум, кадет, в 1914-1917 — московский городской голова. Умер в эмиграции.

¹¹⁴ *Толстой Иван Иванович* (1858-1916) — общественный и государственный деятель, археолог и нумизмат. В 1913-1916 — городской голова С.-Петербурга—Петрограда. О его деятельности в защиту еврейского равноправия см.: Гессен Ю., Толстой И.И. Факты и мысли: Еврейский вопрос в России. СПб., 1907; Толстой И.И. По поводу правового положения евреев // Щит: Литературный сборник. М., 1915. С.185-186; Он же. Антисемитизм в России и другие статьи по еврейскому вопросу. Пг., 1917. См. о нем также: К столетию научно-нумизматической деятельности И.И.Толстого: Библиография трудов и основные даты жизни // Труды Государственного исторического музея. Вып.61. М., 1986. С.172-179; Толстая Л.И. Дневник и воспоминания петербургского городского головы И.И.Толстого (1913-1916 гг.) // Вспомогательные исторические дисциплины. [Вып.]XXII. Л., 1991. С.117-130 и др.

¹¹⁵ *Мануйлов Александр Аполлонович* (1861-1929) — политический и общественный деятель, в описываемое время — фактический редактор «Русских ведомостей», в 1917 — министр просвещения во Временном правительстве первых двух составов.

¹¹⁶ *Кокошкин Федор Федорович* (1871-1918) — правовед и политический деятель, один из основателей кадетской партии, член 1-й Государственной думы; впоследствии — министр Временного правительства.

¹¹⁷ *Бобринская Варвара Николаевна*, гр. — т.н. «товарищ Варвара», педагог, общественная деятельница, литератор и благотворительница. Жена гр. Алексея Александровича Бобринского (1852-1921), археолога и коллекционера. Сотрудничала в «Русских ведомостях», в 1908-1909 издавала ежемесячный иллюстрированный журнал «Северное сияние». См. о ней: Лосский Б.Н. В русской Праге (1922-1927) // Минувшее. Вып.16. М.; СПб., 1994. С.62-63.

¹¹⁸ Около этой записи на полях позднейшая приписка Р.М.Хин: «1920. И все они были правы... Еврей-максималисты — оправдали весь "обскурантизм" своих недругов».

¹¹⁹ *Де-Роберти Евгений Валентинович* (1843-1915) — социолог и философ, один из организаторов Высшей русской школы общественных наук в Париже.

¹²⁰ *Минцлов Рудольф Рудольфович* (1845-1904) — юрист, публицист; первый патрон О.Б.Гольдовского при начале его адвокатской деятельности.

¹²¹ *Урусов Александр Иванович* (1843-1900) — адвокат, публицист, историк литературы и театра, переводчик, общественный деятель и меценат. После отъезда Минцлова в Петербург О.Б.Гольдовский работал помощником у Урусова (с 1889). Воспоминания Р.М.Хин об Урусове см.: Урусов А.И. Статьи; Письма; Воспоминания о нем. Т.2-3. М., 1907. С.262-275.

¹²² *Львов Георгий Евгеньевич*, кн. (т.н. «Львов-политик», 1861-1925) — член 1-й Государственной думы, председатель Всероссийского земского союза, в марте—июле 1917 — во главе Временного правительства. Умер в эмиграции.

¹²³ *Львов* Сергей Евгеньевич, кн. (т.н. «Львов-делец», 1863? — не ранее 1937) — в 1910-е — управляющий уральскими владениями князей Всеволожских. После революции — на иждивении детей. С 1935 — в ссылке в Куйбышеве. См. о нем.: Аксакова-Сиверс Т.А. Указ. соч. Кн.2. С.98-99, 105, 122 и др.

¹²⁴ *Юсуфов* Феликс Феликсович-старший, кн., гр. Сумароков-Эльстон (1856-1928, Рим) — генерал-адъютант, московский генерал-губернатор в 1914-1915. Один из влиятельных противников прекращения войны и сепаратного мира с Германией.

¹²⁵ Товариществу мануфактур «Эмиль Циндель» принадлежал ряд магазинов по продаже легких тканей в центре Москвы, его контора помещалась в Шереметевском доме на Садово-Кудринской, а директором-распорядителем был барон А.Л.Кноп (см. прим. 137).

¹²⁶ *Мандль* Людвиг Игнатъевич — австриец, владелец торговли готовым платьем, портновских и скорняжных заведений. Объявление о ликвидации его фирмы и высылке из Москвы 98 австрийских и германских поданных появилось в газетах в разгар погрома — 28 мая.

¹²⁷ Лечебница дантиста Льва Иосифовича *Гавронского* помещалась на Кузнецком мосту, 3.

¹²⁸ *Фишер* Карл Андреевич — владелец фотографии на Лесной, 26.

¹²⁹ Фабрика музыкальных инструментов и нотное издательство фирмы «Юлий-Генрих *Циммерман*» помещалась в доме Захарьина на Кузнецком мосту. Злорадное описание разгрома этой фирмы в мае 1915 — непременно деталь опубликованных в советские годы мемуаров о Москве времен Первой мировой войны. См., например: Шнейдер И.И. Записки старого москвича. М., 1970. С.124. Основатель и глава фирмы, первый издатель сочинений многих русских композиторов Юлий Генрих Циммерман (1851-1923) уехал в Германию, где стал депутатом рейхстага. Умер в Берлине. *Оффенбахер* Осип Васильевич — владелец музыкального магазина на Кузнецком мосту, 3.

¹³⁰ Книжный магазин «*Гросман и Кнебель*» помещался в Петровских линиях, принадлежал в описываемое время издателю и книгопродавцу Иосифу Николаевичу Кнебелю (1854-1926).

¹³¹ Фирма «*Р.Келер и К°* в Москве» владела сетью фармацевтических и парфюмерных магазинов, помещавшихся на Никольской ул., Арбатской пл., Столешниковом пер., Тверской ул. и в Верхних торговых рядах. О судьбе наследницы владельцев этой фирмы С.Р.Келер (Келлер) см.: Аксакова-Сиверс Т.А. Указ. изд. Кн.2. С.96-97. Провизор Константин Александрович *Эрманс* — директор-распорядитель одноименного акционерного общества, основанного в 1898 и торговавшего аптекарскими и парфюмерными товарами (адрес конторы — Воронцовская, 10; кроме того магазины на Никольской, Тверской и у Мясницких ворот). При разгроме на следующий день парфюмерной фабрики *В.К.Феррейна* в Нижних Котлах «было выпито пять ведер винного спирта и похищено до 2 тыс. кусков мыла, около 10 пудов сахара».

¹³² Об обстоятельствах разгрома фабрики *Шрадера* пишет участник следования майских событий в Москве (см. прим. 138): «В доме [фабриканта Роберта] Шрадера часть тех рабочих, манифестовавших с царскими портретами и национальными флагами, ворвались сначала в квартиру директора-распорядителя этой фабрики, уже выселенного с нее, германского подданного Германа Янсена, а затем в соседнюю квартиру русской подданной, потомственной дворянки Бетти Энгельс, два сына которой состояли прапорщиками русской армии. В квартире Энгельс пряталась жена Янсена — Эмилия Янсен, его сестра Конкордия Янсен — голландская подданная и теща Эмилия Штолле — германская подданная. Все четыре женщины были схвачены, причем двух из них — Бетти Энгельс и Конкордию Янсен — утопили в отводном канале, а двух остальных избили так сильно, что Эмилия Янсен умерла на месте избиения, а 70-летняя старуха Эмилия Штолле скончалась в больнице, куда была доставлена отбившею ее полицией. Фабрику Шрадера толпа разгромила, а квартиру Энгельс подожгла, причем прибывшей пожарной команде не давали тушить пожара, а полиция убирать трупы убитых женщин» (Харламов Н. Избиение в Первопрестольной: Немецкий погром в Москве в мае 1915 года / Публ. В. Григоренко // Родина. 1993. №8/9. С.130).

¹³³ *Адрианов* Александр Алексеевич (1862-1917) — генерал-майор, в 1908-1915 — московский градоначальник. «Поведение Адрианова, — пишет современник, — и, главное, шествие его во главе погромщиков вселяло /.../ во все московское население /.../ убеждение, что Адрианов погромы разрешил» (Харламов Н. Указ. изд. С.131). Подозревался также в попытке спровоцировать убийство толпой вел. кн. Елизаветы Федоровны. Уволен от должности 4 июня. Как должностное лицо обвинялся в «непринятии надлежащих мер» для прекращения массовых беспорядков. Уголовное дело против него было передано в Сенат, но впоследствии прекращено.

¹³⁴ *Гуго* Адольфович Левенталь — муж сестры Р.М.Хин, Клары.

¹³⁵ *Энгельс* Бетти Августовна — совладелица Товарищества «Август Шрадер» (см. прим. 132).

¹³⁶ Возможно, имеется в виду лазарет, открытый на деньги купца Романа Богдановича *Шена* (ум. 1924 в Германии), совладельца ряда московских предприятий, возглавлявшего Торговый дом «К.Г.Шен».

¹³⁷ Семья московских хлопковых магнатов баронов *Кноп* (Андрей и Федор Львовичи; Мария и Луиза Федоровны; Софья Иосифовна) жила в Колпачном пер. и владела, кроме того, домами и дачами в с.Волынском на Можайском шоссе. Андрей Львович (1855-1927) — с 1894 — директор Кренгольмской мануфактуры; с 1924 — председатель Совета этой мануфактуры; после 1917 — в эмиграции; умер в Англии. Мария Федоровна (в браке — Алексеева, ум. в 1932 в Осло). Имение совладельца и распорядителя Торгового дома в Москве, председателя правлений и директора ряда металлургических, химических, цементных и др. предприятий, коммерции советника Гуго Максимовича фон *Вагау* (1879-1917) и его жены Адели Романовны (урожд. Шпис, ум. в 1929 в Берлине) помещалось при

сельце Неклюдове близ Лосиноостровской. *Бокельман* Андрей Андреевич — германский подданный, член Правления коммерческого банка «И.В.Юнкер и К^о», Товарищества Московской Голутвинской ткацкой мануфактуры, директор страхового общества «Якорь».

¹³⁸ В немецком погроме в Москве 27-29 мая 1915 приняло участие до 100 тыс. человек. Его жертвами в первый день стали 5 человек, еще 7 человек были убиты солдатами, вызванными 29 мая для прекращения бесчинств, и 9 — погибли в огне пожаров. Ущерб, нанесенный москвичам (как немцам, так и русским), составил по разным оценкам от 50 до 70 млн. руб. 28 мая было собрано чрезвычайное собрание городской думы. К населению через печать обратились городской голова и генерал-губернатор. Последний трактовал происшедшее так: «Начавшись под влиянием стремления удалить с заводов подданных враждебных нам государств, эти события мало-помалу вылились в совершенно безобразные формы. Собиравшиеся толпы не только били стекла, громили магазины, владельцы которых носят иностранные фамилии, но и грабили находившиеся в магазинах товары. В этом постыдном деле принимали участие также женщины и подозрительного вида подростки». 29 мая в городе был введен комендантский час, и Москву посетил товарищ министра внутренних дел В.Ф.Джунковский, а на следующий день — министр юстиции И.Г.Щегловитов. Сами эти события и проведенное по их поводу правительственное расследование (во главе с сенатором Н.С.Крашенинниковым) подробно описаны в обширных воспоминаниях чиновника по особым поручениям при министре внутренних дел Николая Петровича Харламова (1871-?). Среди существенных причин погрома и его масштабов автор называет бездействие полиции (обусловленное, впрочем, запретом применять силу, восходящим к министру внутренних дел), многочисленные нарушения московскими властями закона о высылке из столиц австро-германских подданных, а также влияние прессы, ведшей на протяжении ряда месяцев активную антинемецкую кампанию. Розыски организаторов погрома не были успешными, а попытки выявить роль в событиях московских черносотенных организаций не дали убедительного результата. (РГБ. Ф.261. Карт.20. Ед.хр.6; Харламов Н. Указ. изд. С.127-132). См. также современное исследование темы: Кириянов Ю.И. «Майские беспорядки» 1915 г. в Москве // Вопросы истории. 1994. №12. С.137-150.

¹³⁹ *Макарий* (в миру — Невский Михаил Андреевич; 1835-1926) — митр. Московский и Коломенский в 1912-1917.

¹⁴⁰ *Филареты* (греч. φιλῆτος) — любящие добродетель. Кроме того, намек на патриарха Филарета (в миру — Романов Федор Никитич, ок. 1554/55-1633), бывшего в опале при Борисе Годунове в 1600-1605 и в польском плену в 1610, и на митр. Московского с 1826 (в миру — Дроздов Василий Михайлович, 1782-1867), участника составления Манифеста 1861 об отмене крепостного права.

¹⁴¹ *Саблер* (с 1915 — Десятовский) Владимир Карлович (1847-1929) — государственный сановник и землевладелец, в 1911-1915 — обер-прокурор Св.Синода. После отставки жил как частное лицо. Умер в Твери.

¹⁴² Речь идет о рассказе А.Н.Толстого «Буря» (Русские ведомости. 1914. 14, 21 и 28 июня).

¹⁴³ *Андреева Александра Алексеевна* (1853-1926) — критик, историк литературы и переводчица.

¹⁴⁴ *Джунковский Владимир Федорович* (1865-1938) — генерал-майор, в нояб. 1905 — янв. 1913 — московский губернатор, в янв. 1913 — авг. 1915 — товарищ министра внутр. дел и командир Отдельного корпуса жандармов; затем в действующей армии — командир бригады и начальник 15-й Сибирской стрелковой дивизии. Версии о судьбе после 1917 различны. См., напр.: Бурцев В. В погоне за провокаторами; «Протоколы сионских мудрецов» — доказанный подлог / Пред. Ю.В.Давыдова, прим. Л.Г.Аронова. М., 1991. С.414. О попытках Д. бороться с влиянием Распутина на царя и обстоятельствах увольнения Д. см.: Рууд Ч., Степанов С. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М., 1993. С.356-358. А.Ф.Кони писал ему 12 августа 1926: «Будущий историк оценит Ваше отважное выступление против Распутина и воздаст Вашей памяти должное» (Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8 тт. Т.8. М., 1969. С.338).

¹⁴⁵ *Щербатов Николай Борисович* (1868-?), кн. — образование получил в Пажеском корпусе. Недолго прослужил на военной службе. С 1907 — полтавский губ. предводитель дворянства. В 1912 избран членом Гос. Совета от полтавского земства, управляющим гос. коннозаводством. В 1915 был министром внутр. дел с 5 июля по 25 сентября, сменив на этом посту Н.А.Маклакова, уволенного сразу после немецкого погрома в Москве и вызывавшего особое раздражение у Думы. Смещен в результате участия в попытках отговорить царя от замены вел. кн. Николая Николаевича на посту главнокомандующего.

¹⁴⁶ *Елизавета Федоровна* (1864-1918) — великая княгиня, сестра императрицы, вдова вел. кн. Сергея Александровича.

¹⁴⁷ Речь идет об императрице.

¹⁴⁸ *Маргарита Алексеевна Сабашникова* (урожд. Андреева, 1860-1933) — жена чаеоторговца, сестра А.А.Андреевой, мать М.В.Сабашниковой.

¹⁴⁹ *Климович Евгений Константинович* (1871-1930) — генерал-лейтенант. До 1906 служил в различных уездных и ГЖУ. В 1905 полицмейстер в Вильне, где был ранен бомбой. В 1907-1908 — помощник московского градоначальника, в 1908-1909 — возглавлял Особый отдел ДП. После службы градоначальником в Керчи и Ростове-на-Дону в июне 1915 стал московским градоначальником. В марте 1916 назначен директором ДП. В период гражданской войны — начальник Особого отдела Штаба главнокомандующего Русской армией ген. П.Н.Врангеля, помощник начальника Гражданского управления. Эмигрант, был активным членом РОВСа, играл заметную роль в деятельности Боевой организации РОВСа. По некоторым данным, «ликвидирован» ОГПУ СССР. См.: Савич Н.В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С.465.

¹⁵⁰ Речь идет о забастовке трамвайщиков в Москве 16-27 октября 1915, совпавшей с извозным кризисом (гужевая сила была в значительной степени мобилизована на фронт). Основным требованием бастующих было повышение жалования в связи с ростом дороговизны. Убыток, нанесенный городской казне забастовкой, за первые 8 дней составил 344 тыс. руб. Преодолев сопротивление градоначальника, городская дума 27 октября приняла местный законопроект о прибавках, после чего забастовка пошла на спад. Против 28 ее участников было возбуждено уголовное преследование.

¹⁵¹ Владимир Григорьевич *Сапожников* — дворянин, действительный статский советник, мануфактур-советник, владелец Торгового дома «А. и В.Сапожниковы», член совета Московского Купеческого банка, директор Воскресенской и Спасо-Сетунской мануфактур.

¹⁵² *Хвостов* Алексей Николаевич (1872-1918) — министр внутренних дел в 1915-1916, арестован при Временном правительстве. Расстрелян ВЧК 5 сентября.

¹⁵³ Фельдштейн Елена Михайловна (р.1915).

¹⁵⁴ *Лешковская* (наст. фам. Ляшковская) Елена Константиновна (1862-1925) — с 1888 — актриса Малого театра; в «Стакане воды» в 1916 играла герцогиню Мальборо. *Ермолова* Мария Николаевна (1853-1928) — актриса Малого театра. В «Стакане воды» играла роль королевы Анны. А.И.Южин исполнял роль виконта Болингброка.

¹⁵⁵ Критика и публика встретили эту постановку без восторга: «При всем уважении к писательской деятельности Д.С.Мережковского, его религиозные искания никого не увлекали и увлечь не могли, потому что шли от ума, а не от чувства» (Номо Novus [Кугель А.Р.] Заметки // Театр и искусство. 1916. №6. С.120-121). Тот же автор, обыгрывая название пьесы, иронически замечал, что г.Мережковский и МХТ — «явления совсем иного порядка», чем радость (Там же); называл пьесу «сухой, головной и потому совершенно не нужной» (Там же. №14. С.283-285) и обвинял автора и актеров в недостатке темперамента. Коллега Кугеля был менее категоричен, отмечал влияние Чехова и Достоевского, признавал пьесу «значительным художественным явлением», но упрекал автора в отсутствии «специфически социальной подкладки» (Джонсон И. [Иванов И.В.] Московские письма // Театр и искусство. 1916. №18. С.157). См. также: Андрущенко Е.А. Пьеса «Будет радость» в творчестве Д.С.Мережковского // Известия РАН: Серия литературы и языка. 1992. Т.51. №6. С.25-36.

¹⁵⁶ В своих корреспонденциях из Парижа Волошин вел мартиролог французских литераторов, погибших на войне. См. его статьи «Жертвы войны», «Маленькие недосмотры», «Франция и война», опубликованные в «Биржевых ведомостях» в 1915-1916 (републиковано: Волошин М. Автобиографическая проза; Дневники. М., 1991. С.136-143, 181-186).

¹⁵⁷ *Надежда Евгеньевна* Ауэр (ур. Пеликан; 1855-1933) — жена скрипача и дирижера Леопольда Семеновича Ауэра (1845-1930), близкая подруга

Р.М.Хин. Ср. аналогичное желание И.М.Гревса: Анциферов Н.П. Из дум о былом. М., 1992. С.173.

¹⁵⁸ «Дениграция» — от фр. *dénigrement* — поношение, хула.

¹⁵⁹ Марк, 9:24.

¹⁶⁰ *Иванов* Николай Иудович (1851-1919) — генерал-адъютант, генерал от артиллерии, член Гос. Совета. С 19 июля 1914 по 15 марта 1916 — главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта, затем находился в резерве Ставки. 27 февраля 1917 назначен императором командующим Петроградским военным округом с чрезвычайными полномочиями. 28 февраля во главе батальона георгиевских кавалеров направился из Могилева в столицу с целью подавления революции. 1 марта прибыл в Царское Село. После беседы с императрицей отвел свой батальон в Вырицу. Впоследствии уехал в Новочеркасск, участвовал в Белом движении. С 7 ноября 1918 вплоть до своей смерти 11 февраля 1919 командовал Особой Южной (Южной Российской) армией. См.: Савич Н.В. Указ. изд. С.463-464.

¹⁶¹ *Макаров* Александр Александрович (1857-1919?) — из купеческой семьи, действительный статский советник. До 1906 служил в судебных учреждениях Москвы, Киева, Саратова и Харькова. С 1906 — товарищ министра внутр. дел. С 1907 — сенатор и председатель комиссии по реформе полиции, в 1911-1912 — министр внутренних дел, смещен после речи в Думе в защиту организаторов Ленского расстрела. В 1916-1917 — министр юстиции, с этой должности смещен в связи с расследованием дела Манасевича-Мануйлова.

¹⁶² *Дейтрих* Владимир Федорович (1861-1920) — в 1880-е — прокурор Петербургского окружного суда, затем — сенатор, член Гос. Совета.

ANNEX

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абельман А.М. см. Элькан А.М.
 Аболмасов Д.Ф. 249, 255, 281, 282, 286
 Абрамов, прокурор 226
 Аверинцев С.С. 82, 309
 Авзегер Л. 159
 Авксентьева см. Прегель А.Н.
 Автономов Ф.И. 261
 Агафангел, митр. (Преображенский А.Л.) 200, 201, 205
 Агранов Я.С. 249, 283
 Аграновский, трощикст 238
 Агурский М. 134, 136, 137
 Адамович Б.В. 450, 451
 Адамович В.В. 451
 Адамович В.М. 392, 450, 451
 Адамович Г.В. 40, 391-402, 403-495, 496-501
 Адамович Е.С. 414, 450, 451
 Адамович О.В. 405, 406, 414, 435, 450, 451, 479, 480, 484
 Адамович Т.В. 449-453, 460
 Адлер А.С. 18-20, 26, 27, 45
 Адриан, имп. 340
 Адрианов А.А. 560, 561, 592
 Адуев Я.Ф. 260
 Азадовский К.М. 132, 324
 Айги Г. 88, 89
 Айхенвальд Ю.А. 88, 89
 Аксакова-Сиверс Т.А. 578, 583, 591
 Аксенов, секр. обкома 263
 Аладьян А.Ф. 349
 *Алданов М.А. 396-400, 403, 405, 410-412, 414, 427, 428, 432, 434, 435, 439, 442, 443, 448, 449, 457, 466, 495-500, 522
 Александр I, имп. 61, 66, 155
 Александр III, имп. 532
 Александра Федоровна, имп. 563, 575, 576, 594, 596
 Алексей Николаевич, вел. кн. 523, 575
 Алексеев А.Т. 266
 Алексеев И.И. 256, 259, 260, 286
 Алексеев Н. 354
 Алексеев Н.Н., евразиец 12
 Алексеев Н.Н., сотр. НКВД 240, 275
 Алексеева М.Ф. см. Кноп М.Ф.
 Алимов, прокурор 197, 198, 206, 213
 Алкивиад 339, 340
 Аллой В.Е. 104-152
 Аллой Р.Г. 112, 115, 116, 134, 139, 141, 142, 144, 145, 147-149, 151, 152
 Алмазов С.Б. 164, 170, 171
 Алонкина М. 450
 Альберт Саксен-Тэшенский, принц-консорт 59
 Альвинг А.А. 354-356
 Альтберг А.К. 249, 282
 *Амари см. Цетлин М.О.
 Ананьич Б.В. 585
 Андреев Влад. Л. 12, 377, 394
 Андреев Вал. Л. 12
 *Андреев Г. 413, 414, 444
 Андреев Л.Н. 12, 23, 230, 554, 589
 Андреев Ф.К. 81
 Андреева А.А. 562, 594
 Андреева Е.А. см. Бальмонт Е.А.

* Курсивом выделены номера страниц, где соответствующее лицо выступает как автор или публикатор. Звездочкой (*) отмечены псевдонимы или криптонимы.

- Андреева М.Ф. 78
 Андреевская Е.И. 81
 Андреевская М.И. 81-83
 Андреевский И.М. 81, 82
 Андроников И.Л. 99
 Андрущенко Е.А. 595
 Аникин, сотр. НКВД 270
 Анисимов Ю.П. 375
 Аничков Е.В. 297-299
 Аничкова-Таубе С.И. 424, 425
 Анненкова О.Н. 331
 Анненский И.Ф. 73-75, 87, 94,
 354, 355, 360, 458-460, 489
 Антиной 338-340, 365
 Анциферов Н.П. 596
 Апанович А.К. 247, 278
 Аракчеев А.А. 123
 Арапов А.А. 352
 Аргутинский-Долгоруков В.Н.
 336, 338
 Аристофан 340
 Арнольд В.В. 244, 245
 Арнольд Ф.К. 533, 583
 Арнольдов Л.В. 507
 Аронов Л.Г. 594
 Аронсон Г.Я. 229, 429, 431, 432
 Артеменко, анархист 214
 Артюх А.К. 257, 260
 Архиппов Е.Я. 355
 Асафьев Б.В. см. *Глебов И.
 Асклепиад 364
 *Аскольдов С.А. 108, 112
 Аспазия 338, 340
 Астахов В.В. 270
 Астров Н.И. 22
 Ауслендер С.А. 355
 Ауэр Л.С. 595
 Ауэр (ур. Пеликан) Н.Е. 569, 595
 Афанасенко И. 90
 Афанасий, архим. (Нечаев) 51
 *Ахад-Гаам см. Гинцберг А.Г.
 *Ахматова А.А. 75, 128, 352, 353,
 357-359, 450, 451, 478, 490, 501-
 517
 Бабель И.Э. 510
 Бабич В. 265
 Бабореко А. 501
 *Багрицкий Э.Г. 359, 459
 Базили 62
 Байкова Н.А. см. Лухманова Н.А.
 Байрон Дж.Н.Г. 470
 Бакалова О.Н. 509
 Баклетов, ссыльный 209
 Бакст Л.С. 298, 301, 303, 310,
 327, 328, 331, 348
 Бакунин М.А. 86, 471
 Балашев А. 526
 Балтрушайтис Ю.К. 307, 310
 Бальзак О. де 14
 Бальмонт Е.А. 300, 302, 304, 305,
 318, 319, 336, 338, 347
 Бальмонт К.Д. 297, 302, 305, 306,
 310, 314, 336-338, 345, 346, 348,
 522, 570, 572, 576-578
 Бальфур Д. 51
 Баркин И. 235, 236
 Барков И.И. 247
 Барковский А.Н. 251-253, 283
 Баталин А.В. 243, 260, 261, 276
 Баулер А.В. см. Гольштейн А.В.
 Бах И.С. 50, 99, 100
 Бахрах А.В. 397-399, 429, 430,
 432, 433, 445, 446, 449, 459
 Бахтин Б.В. 102
 Бахтин М.М. 77, 78, 99, 102
 Баш В. 25
 Башмакова, эмигр. деят-ца 479
 Бедункевич А.И. см. Орлова А.И.
 Беер Д.В. см. Бээр Д.В.
 Бекетова А.А. см. Кублицкая-Пи-
 оттух А.А.
 Беленсон А. 351
 Белинков А.В. 87
 Белинкова Н.А. 87
 Белинский В.Г. 100
 Белкин А.Д. 261
 Беллини В. 70
 Белобородов А.Г. 188, 189
 Белобородов А.Я. 66
 *Белозерская М. 511-515, 517
 Белоусов А.И. 257
 *Белый А. 39, 107, 306, 375, 388,
 437, 589

- Белэй В. 393, 412, 414
 Беляев Д.А. 521, 578, 583
 Бём А.Л. 377
 Бемзель (Бензен) Р.Р. 530, 581
 Бенн Ю.И. 266
 Бенуа А.Н. 61, 297, 310, 314, 315
 Берберова Н.Н. 40, 136, 140, 397, 430, 450, 451, 476, 477, 487
 Берви О.В. 377
 Бердяев Н.А. 9, 12, 63, 64, 67, 298, 344, 346, 348, 349, 397, 461, 462, 589
 Бердяева Е.Ю. 63
 Бердяева Л.Ю. 63, 67, 344, 349
 Беренсон Б. 69
 Берия Л.П. 240, 262, 264, 274
 Бернер Н.Ф. 356
 Бернштейн Д.И. 100
 Бескин Э. 580
 *Бестужев-Марлинский А.А. 586
 Блюмбаум А.Б. 361
 Блюхер Г.Л. 61
 Билибин И.Я. 39, 46, 297
 Блок А.А. 94, 128, 297-299, 320, 323, 324, 337, 338, 348, 353, 360, 373, 388, 397, 423, 425, 426, 437, 449, 450, 459, 466-468, 489, 502, 504, 507
 Боборыкин П.Д. 523, 547, 579
 Боборыкина (ур. Зборжевская) С.А. 523, 579
 Бобринская В.Н. 556, 590
 Бобринский А.А. 590
 Бобров С.П. 375
 Боброва Э.И. 392
 Богаевский К.Ф. 527, 581
 Богомолов А.Е. 397, 487
 Богомолов Н.А. 354, 356, 359, 361, 374, 375
 Богуславский М.С. 245
 Бодлер Ш. 467, 471
 Боже, бухгалтер 104, 109, 135
 Бокельман А.А. 561, 593
 Боков, ген. 141
 Большаков Н.Т. 260, 288
 Бонди В.А. 426, 427
 Бор Н. 410
 Борисов А.П. 271
 Борман А.В. см. Тыркова-Вильямс А.В.
 Бостром А.А. 588
 *Босх Х. 149
 Бочаров И.Я. 249, 281
 Бравич К.В. 299
 Браиловский Л.М. 66, 68
 Браиловская Р.Н. 66, 550, 588
 Брамсон Л.М. 349
 Брасов Г. 523
 Брасова Н.С. 523, 532, 578
 Бриер Г. 43, 52
 Британ И.А. 523, 579
 Бровин П.П. 266
 Бродский И.А. 118, 123, 144
 Бруни Н.Г. см. Решикова Н.Г.
 Брюсов В.Я. 140, 297, 298, 303, 304, 306, 323, 324, 331, 364, 373, 503, 504
 Будагова Е.Н. 300
 Буковский В.К. 117, 118, 120, 129
 Булгаков А.Я. 155
 Булгаков С.Н. 8, 15, 18, 19, 26, 47, 68
 Булгакова см. Родзевич М.С.
 *Бунаков И. см. Фондаминский
 Бунин И.А. 395, 397, 404, 424, 427, 431, 434, 439, 440, 457, 495-497, 499, 589
 Бураков С.И. 266
 Бурд-Восходов А.П. см. *Буров
 Бурлюк Д.Д. 360
 Бурлюк М.Н. 360
 *Буров А.П. 423-425, 437, 490
 Бурцев В.Л. 594
 Бурьшкин П.А. 588
 Бутягина В.Д. см. Розанова В.Д.
 Бухарин Н.И. 264
 Бээр Д.В. 86
 Вавриш, нач. РОМ 286
 *Вагинов К.К. 352
 Вакуров С.М. 249
 Валери П. 431

- Валухин К.Н. 247
 Вальц К.Ф. 532, 582
 Варшавский В.С. 40, 394, 418, 419, 444
 Василевич В.Д. 286
 Василевский, ссыльный 209, 210
 Васильев Е.А. 247
 Введенская О.А. см. Водовозова
 Введенский А.И., поэт 352, 353
 Введенский А.И., философ 48
 Вебер А.В. см. Гольштейн А.В.
 Веверс Я.Я. 261, 289
 Вегман В.Д. 243, 244
 Вейдле В.В. 39, 40, 115, 353, 399, 442-444, 456, 461-463
 Вейль Д. 54, 56, 62, 65
 Вейнбаум М.Е. 439, 440, 472-474, 476, 482, 484
 Вейнберг Е.С. см. Адамович Е.С.
 *Веледерский К.Г. 255, 286
 Великанов, сотр. УИТЛК 273
 Величковский А.Е. 464, 465
 Венгеров С.А. 297, 298
 Вениамин, митр. (Федченков И.А.) 31, 36, 40, 45, 51
 Вентура Дж. 61
 Вердеревский Д.Н. 397
 Верди Дж. 69
 Верлен П. 363
 Вернадский В.И. 55, 56
 *Веронезе П. 68
 Вертинский А.Н. 516
 Верхарн Э. 324
 Верховский Ю.Н. 298
 Веселитская Л.И. см. *Микулич В.
 Вещер М.А. 270
 Вечор Н. 45
 Вийон Ф. 363
 Виктор Эммануил III, итал. король 69
 Виламовиц-Мёллендорф У. фон 370, 375
 Вильборг А. 312
 Вильгельм I Завоеватель 67
 Вильгельм II, имп. 53, 554
 Вильде Б.В. 394
 Вилькина Л.Н. 298
 Вильчковский К.С. 428
 Винберг А.В. 308, 310
 Виньковецкий Я. 142
 Вирхов Р. 562
 Витковский Е. 501
 Витте С.Ю. 531, 546, 585, 586
 Вишневский Д.К. 269
 Вишнер А.И. 249
 Вишняк М.В. 429, 430
 Власов, анархист 215
 Вогау Г.М. фон 561, 592
 Вогау (ур. Шпис) А.Р. фон 592
 Водов С.А. 400, 426-428, 431, 434, 443, 447, 449, 464, 470, 474-476, 478, 479, 482, 485
 Водовозов В.В. 48
 Водовозова О.А. 48
 Вознесенский А.А. 501
 Волковьяская М. 235, 236
 Волконская З.А. 67
 Волконский П.М. 155
 Волконский С.М. 21, 431, 433, 450
 Волкштоцкий, эсер 204
 Володарский, анархист 215
 Волоцкий, сотр. НКВД 269
 Волошин М.А. 128, 297-300, 300-350, 356, 507, 508, 522-524, 526, 527, 535-537, 554, 566, 572, 579-581, 583, 595
 Волошина Е.О. см. Кириенко-Волошина Е.О.
 Волошина М.В. см. Сабашникова М.В.
 *Вольнский А.Л. 299, 427
 Волькенау В.Ф. 354
 Волькенау Н.В. 353-357, 359-361, 362-369, 370-372, 374
 Волькенштейн В.М. 298
 Волькенштейн Ф.А. 551, 588
 Волькенштейн Ф.Ф. 551, 589
 Вольнов В.М. 270
 Вольская Н.А. 413, 414, 417-423, 426, 427, 432, 434, 436-438, 441, 443, 445, 462, 464
 *Вольтер 449

- Вормс А.Э. 545, 585
 Воронцов-Дашков И.И. 533
 Воронцовы, род 26
 Ворошилов К.Е. 275, 393
 Врангель П.Н. 594
 Врублевский И.А. 244
 Всеволожские, кн. 591
 Вульферт Н.С. см. Брасова Н.С.
 Вырубов В.В. 407-411, 482
 Высоцкая Т.В. см. Адамович Т.В.
 Высоцкий С. 450, 451
 Вышеславцев Б.П. 40
 Вышинский А.Я. 398, 587
 Вяземская М.Н. 330, 331
 Вяземский В.О. 330, 331, 345,
 346
 Вяткин Г.М. 245, 248, 251, 280

 Гавронский Л.И. 559, 560, 591
 Газданов Г.И. 40, 108, 394
 Газданова Ф.Д. 108
 Галдилин М.Г. 255, 285
 Галилей Г. 515
 Галич А.А. 141
 Галушкин М.М. 249
 Гамбаров Ю.С. 302
 Гарви П.А. 232-234
 Гарви-Браунштейн С.С. 232,
 234
 Гарднер Д. 15
 Гарнер, издатель 499
 Гаршин В.М. 79
 Гаспаров М.Л. 354
 Гвоздиков Л.И. 293
 Гейне Г. 331, 533
 Геллер М.Я. 117, 118
 Гендлин Л.Е. 510
 Генералов, ссыльный 221
 Георгиев Г.К. 72
 Георгиев К.Г. 72
 Георгиева (ур. Некрасова) М.Н.
 72
 Георгиева Н.К. см. Лосская Н.К.
 Герич Ю. 125-129
 Герман Ю.П. 450
 Герод 366
 Герра Р. 107

 Герцен А.И. 449
 Герцык Е.К. см. Лубны-Герцык
 Гершенкройн Г.О. 40
 Гессен Ю.И. 590
 Гете И.В. 86, 149, 341, 532
 Гиберти Л. 69
 Гильдебрандт О.Н. 352
 Гиляровский Вас.А. 79
 Гингер А.С. 392, 410, 422, 426,
 437, 440, 449, 459, 466
 Гинденбург П. фон 463, 465
 Гинзбург А.И. 113, 119, 124-127,
 129, 138
 Гинзбург И.С. 108-110, 113, 118,
 126, 130, 132
 Гинкен В.А. 256
 Гинцберг А.Г. 430
 Гинцберг Р.Г. 430
 Гинцбург А.Г. 544, 585
 Гинцбурги, семья 585
 Гиппиус З.Н. 394, 397, 412, 414,
 417, 419, 427, 428, 435, 437, 456,
 466, 468, 589
 *Гитлер А. 393
 Гладстон У.Ю. 562
 Гласберг В.Н. 46, 441, 442, 445,
 467, 480, 492
 Глазер В.О. 323, 324
 Глазер М.В. 324
 *Глебов И. 351
 Глотов Я.А. 315
 Гоген П. 33
 Гоголь Н.В. 71, 108, 450, 470,
 476
 Годунов Б.Ф. 593
 Гой Л. 76
 Голдберг А. 124
 Голик Р.Р. 311, 312
 Голлербах С.Э. 107
 Голлербах Э.Ф. 351, 360, 361
 Головин А.С. 428
 Головина А.С. 427, 428
 Голодец М.Г. 235-237
 Голубчик М.И. 248, 279
 Гольбейн Г., мл. 30
 Гольдовская Р.М. 313, 314, 521,
 522, 523-578, 578-596

- Гольдовские, семья 521, 579-581, 584
 Гольдовский О.Б. 522, 523, 525, 527, 528, 530, 531, 533, 534, 536-542, 557, 559, 560, 562, 563, 566, 569, 574, 578, 590
 Гольдони К. 362
 Гольштейн А.В. 287, 315, 316, 329
 Гомберг Д.И. 533, 583
 Гомер 93, 335
 Гонкур Ж. 553
 Гонкур Э. 553
 Горачек, деятель НТС 140
 Горбаневская Н.Е. 104, 109, 111, 113, 116-118, 130-132, 145
 Горбач Г.Ф. 247, 248, 251, 255, 279, 285
 Горбачевские, семья 35
 Горбенко Г.И. 261, 289
 Горбов Я.Н. 402
 Горбунов Н.П. 157
 Горбунов-Посадов И.И. 377
 Горгулов П. 41
 Горемыкин И.Л. 544, 576, 585
 Горенко В.А. 507
 Горенко Х.В. 507
 Горнунг Б.В. 354-357, 359, 360, 374
 Горнунг Л.В. 354, 356, 357, 359, 362
 *Горный С. 446, 447
 Городецкий С.М. 297, 298, 301, 302, 304, 309, 322, 324, 327, 330-332, 337, 338, 340, 347, 393
 Горохов Ю. 87
 *Горская А. 440, 441
 Горский А.Р. 255, 285, 286
 *Горький А.М. 23, 78, 80, 337, 342, 343, 516, 521, 554, 556, 589
 Готеро Г. 27
 Готье Т. 467
 Гофман Б.Н. 309, 310
 Гофман Е.Н. 309, 310
 Гофман М.А. 499
 Гофман М.Л. 298, 299, 331, 348
 Гофман Э.Т.А. 363
 Гоц А.Р. 179, 218
 Гоцци К. 362, 372
 Грабар А.Н. 20, 50, 53, 55
 Грабар О.А. 50
 Грабар Н.А. 50
 Грабар (ур. Иванова) Н.Н. 53
 Грабар П.Н. 20, 53, 55
 Грабар (ур. Иванова) Ю.Н. 50, 53, 55
 Грабарь И.Э. 66, 297
 Гребенщиков Г.Д. 457, 458, 472-474
 Гревс И.М. 589, 596
 Гредескул Н.А. 347, 348
 Грейер Я.А. 162, 164, 167, 169-172, 174
 Грессер А.П. 532, 582
 Грессер В.П. 532, 533, 582
 Грессер П.А. 532, 582
 Греч В.М. 426, 428
 Гречкин С.П. 246
 Гречухин Д.Д. 248, 252, 279
 Гривцова А.А. см. *Горская А.
 Григоренко В. 592
 Григорович Д.В. 458
 Григорьев В.С. 247, 278
 Гринберг Р.Н. 439, 441, 449
 Грифберг С. 439, 441, 449
 Гринер А.М. 531, 578, 582
 Гринер И.Я. 578
 Гринер Э.И. 523, 534, 536, 539, 560, 566, 578
 Грознова Н.А. 359
 Гросскопф Г. 259
 Губанищев И.П. 269
 Гудзий Н.К. 357, 360, 362, 371, 372, 375
 Гуль Р.Б. 392, 400, 416, 418, 420, 421, 454, 459, 461, 462, 464, 467, 468, 470, 471, 473, 474, 483-485, 492
 Гумилев Л.Н. 516
 Гумилев Н.С. 83, 128, 354, 357, 359, 366, 388, 393, 420, 421, 426, 450, 451, 459, 467, 478, 504-507
 Гуно Ш. 48
 Гурмон Р. де 330, 331, 341

- Гурович, прокурор 200
 Гурьянов, сотр. ОГПУ 218
 Гутман, меньшевик 228
 Гучков А.И. 11, 575
 Гучкова В.А. 11-13, 40
 Гучкова Н.А. см. Трейл Н.А.
 Гюго В. 14
- Давид Ж.Л. 33
 Давыдов Д.В. 476
 Давыдов З.Д. 302, 580
 Давыдов С. 424
 Давыдов Ю.В. 594
 Далтон М. 501
 Даль В.И. 329
 Даманская А.Ф. 408, 409, 499
 Дан Л.О. 230, 231
 *Дан Ф.И. 229
 Даниель-Бек С. 36
 Данте А. 332, 362, 510
 Данцигер А.Б. 249, 252, 282
 Дарзник И. 507
 Дарсонваль Л. 62
 Деген Ю. 358
 Деддингтон Дж. 43
 Деддингтон Н.А. см. Эртель
 Дедюлин С.В. 132
 Дейтрих В.Ф. 576, 596
 Декапольский А.Ф. 530, 582
 Декотт Р. 59
 Делоне В.Б. 151
 Делоне-Белгородская И. 151
 Делоне С.Е. 305
 Демидов И.П. 384
 Демулен К. 564, 577
 Деникин А.И. 393, 406
 Денисенко Д.И. 266
 Де-Роберти Е.В. 557, 590
 Дерюгин, инженер 152
 Десятковский В.К. см. Саблер В.К.
 Дёшин Н.И. 271, 293
 *Джонсон И. см. Иванов И.В.
 Джунковский В.Ф. 320, 562-564,
 593, 594
 Джунковский Н.Ф. 319, 320
 Дзержинский Ф.Э. 158
 Диккенс Ч. 233
- *Дикс Б. см. Леман Б.А.
 Диль-Кречетова К.К. 37
 Димье Л. 64
 Динесман (ур. Киссин) Е.С. 530,
 531, 582
 Динесман Л.Ю. 531, 582
 Динесман Ю.О. 582
 Динчельштед (Динчельшельд),
 троцкист 238
 Дмитриев П.В. 352, 359, 361,
 372, 373
 Дмитриева П.С. 228, 229
 Добиаш-Рождественская О.А.
 42
 Добкин А.И. 120, 130, 578-596
 Добужинский М.В. 298, 310, 324
 Добытин Ф.Г. 245, 246
 Долгих В.И. 282
 Долгих И.И. 249, 282
 Долгополов Л.К. 118
 Долгополов Н.С. 396, 405-407,
 409, 415, 473, 475-477, 482
 Долицкий В.А. 90
 *Дон-Аминадо 464, 465
 Донской Д.Д. 179, 215-219
 Дорат Ж. 367
 Достоевский А.Г. 22
 Достоевский Ф.М. 22, 30, 38,
 230, 399, 412, 414, 426, 446, 447,
 510, 595
 Дрибинский С.И. 270, 271
 Дриц, ссыльный 225
 Дробнис Я.Н. 245
 Дроботов, инженер 270
 Друзин В. 357
 Дубасов Ф.В. 325, 326
 Дудко Д. 108
 Думер П. 41
 Дурново И.Н. 155
 Дурылин С.Н. 362, 371, 375
 *Душа Лесприлова 62
 Дымнов Е.Ф. 257, 260, 286
 *Дымов О.И. 341, 343
 Дымшиц-Толстая С.И. 523-525,
 527, 551, 562, 579, 588
 *Дэзи см. Шевелева М.М.
 Дюамель Ж. 457, 458

- Дюма А., отец 66
 Дягилев С.П. 297
- Евангулов Г.С. 420, 421
 Евдокимов, прокурор 221
 Евдокимов Е.Г. 247
 Евлогий, митр. (Георгиевский В.)
 28, 29, 31, 34
 Евреинов Б.А. 25
 Евреинов Н.Н. 346
 Евреинова А.В. 334, 335, 343,
 344, 346-348
 Евтушенко Е.А. 501
 Егоров В. 194, 195
 Егоров В.Т. 261, 288
 Егоров П.А. 252, 255, 284
 Ежов Н.И. 98, 245, 247, 249, 254,
 256, 257, 259
 *Ежов С.О. 228-231
 Екатерина I, имп. 46
 Екатерина II, имп. 155
 Елевферий, митр. (Богоявлен-
 ский Д.Я.) 34
 Еленев Н.А. 381
 Еленева Е.И. 381
 Елизавета Федоровна, вел. кн.
 563, 592, 594
 Ельяшевич Е.А. 76
 Енукидзе А.С. 188, 191
 Еремин Д.Ф. 270, 271, 293
 Ермолов А.П. 26
 Ермолов Б.Н. 26
 Ермолов Д.Н. 407-409, 477,
 494
 Ермолова М.Н. 565, 587, 595
 Ерохин В.И. 266
 Ершов Г.И. 266
 Ефимов И.И. 504
 Ефимов И.С. 587
 Ефремов С.А. 584
- Жабрев И.А. 244, 277
 Жак-Далькроз Э. 450
 Жанна д'Арк 53
 Жевержеев Л.И. 83, 84
 Живаго В.Р. 588
 Живаго Н.И. 588
- Живаго Н.Л. 550, 588
 Жигалова О.М. 494, 495
 Жиглевич Е. 128
 Жилкин И.В. 347-349
 Жилле Л. 30
 Жиллес де Пелиши А.С. см.
 Головина А.С.
 Жирмунский В.М. 351, 358
 Жирмунский М. 69
 Жискар д'Эстен В. 115
 Жихарева, обществ. деятельница
 53
- Забелин Ф.В. 246
 Завадский С.В. 12
 Зайцев Б.К. 402, 432, 434, 439,
 441, 445, 457, 464, 471-474, 476,
 478, 491, 500
 Зайцев П.Н. 357
 Зайцева В.А. 439, 441, 473
 Зайченко П.П. 535, 537, 583
 Зак Л.В. 52
 Закович Б.Г. 500
 *Заковский Л.М. 240, 275
 Закревский А.А. 155
 Залпетер А.К. 244, 277
 Замысловский Г.Г. 544, 585
 Замятин Е.И. 431
 *Занд Ж. 553
 Захаров А.В. 261, 262
 Захаров И.В. 262
 Захарова-Цедербаум К.И. 228,
 231
 Захарьин, домовладелец 591
 Зацепин С.Д. 268
 Заяринов С.М. 258, 287
 Званцева Е.Н. 298, 303, 305, 307,
 308, 310-312, 314
 Зверев В.Е. 141
 Зверева Ж.А. 141
 Зезюлинский Н.Ф. см. *Каржан-
 ский Н.
 Зеленко А.М. 550, 551, 588
 Зеленко А.У. 588
 Зелинский К.Л. 460
 Зелинский Ф.Ф. 93, 299
 Земсков, сотр. окрисполкома 235

- Зензинов В.М. 498-500
 *Зиновьев Г.Е. 77, 180, 243, 246, 247
 Зиновьева-Аннибал Л.Д. 298, 309, 318-324, 328, 329, 333, 334, 336-338, 342, 343
 Злобин В.А. 455, 456
 Зноско-Боровский Е.А. 351, 357, 370
 Золотарев Т. 77
 Золотарь И.Ф. 249, 281, 286
 Зонненберг Л.В. 247
 Зотов А.П. 265, 266
 Зошенко М.М. 48, 510

 Ибсен Г. 320
 Иванников М.Д. 432, 433
 Иванов, фигурант дела Н.И.Муралова 244
 Иванов А.П. 300
 Иванов В.Д. 12, 13, 19
 Иванов Вяч. И. 66-68, 297-299, 301-310, 312-314, 317-324, 326, 328-340, 342-345, 347, 349, 350, 357, 358, 364, 371, 375, 507, 555, 589
 Иванов Г.В. 105, 107, 108, 391-501
 Иванов Д.В. 68
 Иванов И.В. 595
 Иванов М.А. 260
 Иванов Н.И. 575, 596
 Иванов Ф.Н. 261, 266, 289
 Иванова А.Н. 303-305, 318, 319, 329, 336, 338, 523, 578
 Иванова Е.Н. см. Гофман Е.Н.
 Иванова Л.В. 67
 Иванова Л.Н. 300
 Ивановская Н.И. 527-530, 534, 537, 539, 543, 546, 550-552, 554, 557, 559, 560, 562, 565, 566, 568, 581
 Иваск Ю.П. 411, 412, 417, 418, 429-431, 461-463, 484, 488, 489, 491, 492
 Игнатъев Н.А. 20
 Игнатъевы, семья 20
 Измозик В.С. 155-174

 Изотова см. Вяземская М.Н.
 Иловайская-Альберти И.А. 105, 109, 111-118, 128
 Ильин В.Н. 8, 12, 18
 Ильина, владелица усадьбы 533
 Ильинский О.П. 448
 Иоанн, еп. см. Леончуков Г.
 Иоанн IV Грозный 526
 Иоанн Златоуст 45
 Ипатьев В.Н. 516
 Иречек, австр. сановник 41
 Иречкова Н. 41
 Иречковы, сестры 41, 48, 62
 *Ирманцева К. см. Кроткова Х.П.
 Исаакий, архим. (Виноградов) 22
 Исаков К.И. 266
 Исаченко А.В. 56, 60
 Исаченко В.В. 56
 Ишов М.М. 256, 260, 286

 Кавальери Л. 448
 Каган Б. 79, 80
 Каган М.И. 74, 75, 77-80, 86, 99, 101, 102
 Каган Р.И. 101
 Каган С.И. 73-103
 Каган Ю. (Л.-И.) И. 79, 80
 Каган Ю.М. 73-103
 Кадонна Н. 115
 Казем-бек А.Л. 54
 Казот Ж. 363
 Калабин, студент техникума в Праге 26
 Калабина, студентка Сорбонны 26
 Калимах 364
 Калинин М.И. 176, 188, 236
 Калькрейт П. фон 318, 319, 334, 335
 Каменев А.Л. 246
 *Каменев Л.Б. 180, 243, 246
 Каменская А.А. 347-349
 Кандауров К.В. 527, 532, 581, 588
 Кандаурова М.П. 551, 588
 Каннегисер Е.И. 496, 497
 Каннегисер И.С. 497

- Каннегисер Л.И. 418, 497
 Каннегисер Р.Л. 497
 Канова А. 66
 Кантор М.Л. 399, 411, 412, 417,
 429, 431, 436, 446, 471, 478, 494
 Капастс (Капуста), сотр. ЦРУ
 127
 Карасик, нач. угрозыска 255
 Караччи 71
 *Каржанский Н. 584
 Карлсон К.М. 255
 Кармин Е.И. 304, 305, 307, 310
 Карпов С.П. 265, 291
 Карпович М.М. 397, 453, 454,
 468, 470, 474, 475
 Карсавин Л.П. 8, 9, 11, 12, 22,
 38, 63
 Карсавина И.Л. 9, 11, 35
 Карсавина Л.Н. 11, 35, 38, 40
 Карсавина М.Л. 9, 11, 35, 38
 Карсавина С.Л. 11
 Карсавины, семья 9, 11, 12, 35
 Карташев А.В. 27, 298
 Каруцкий В.А. 240, 242-244, 275
 Карэн Д.А. 423, 425, 427, 442,
 448, 469, 485, 491, 492
 Кассирер Э. 74, 102
 Кассо Л.А. 528, 538, 544, 550,
 581
 Катанян (Катаньян) Р.П. 190,
 198, 200
 Катков К.М. 16, 17, 46
 Каткова Т.Н. см. Леонтьева Т.Н.
 Катулл Г.В. 339, 340
 Кауницы, князя 59
 Каутский К. 233
 Каухчишвили Н.М. 118
 Кафка Ф. 103
 Кац А.И. 267
 Кашва, сотр. НКВД 194
 Кацен Г.Л. 250
 Качалов В.И. 510
 Качуровский В.Д. 254, 256, 260,
 263, 264, 285
 Кашкетин Е.И. 282
 Кашпарек, архиеп. 23
 Квачевский Л.Б. 151
 Кебадзе Н.И. 92
 Кедров К.Н. 21
 Кедров Н.Н., мл. 45
 Кедров Н.Н., ст. 19
 Кедрова И.Н. 19, 21, 28, 45, 54
 Кедрова Н. см. Вечор Н.
 Кедровы, семья 21
 Келлер Р. 560, 591
 Келлер С.Р. 591
 Кенжеев Б. 87
 Кенигсберг М.М. 354, 355, 357
 Керенский А.Ф. 407, 408, 431,
 462, 563, 564, 570, 577, 587, 589
 Керенская О.Л. 407
 Киреев И.М. 266, 292
 Киреева Р.А. 521
 Кириенко-Волошина Е.О. 301,
 302, 310, 323-325, 328, 330, 526,
 535, 580, 581
 Кириленко К.Н. 352
 Кирьянов Ю.И. 593
 Киселев А. 196
 Киселев А.С. 261
 Киселевич В.Е. 261, 288
 Кист Е.Н. см. Рейтлингер Е.Н.
 Китайнер, троцкист 238
 Клебанова Е. 449
 Клейменов, сотр. НКВД 246
 *Кленовский Д. 483
 Климович Е.К. 563, 576, 594
 Клипп Р.М. 257
 Клодия 339, 340
 Клоков П.К. 250
 Клюев Н.А. 128, 289, 352
 Ключевский В.О. 521
 Кнебель И.Н. 560, 591
 Книппер О.Л. 553
 Кноп А.Л. 561, 591, 592
 Кноп Л.Ф. 592
 Кноп М.Ф. 592
 Кноп С.И. 592
 Кноп Ф.Л. 592
 Кнопф, издатель 499
 *Кнут Д. 394, 410, 460
 Князев-Витошкин А.С. 247
 Ковалевская И.В. 15, 17, 18, 21,
 39

- Ковалевская И.Н. см. Кедрова И.Н.
Ковалевские, семья 18, 21
Ковалевский А.И. 523, 578
Ковалевский Е.Е. 15, 17, 19, 20, 28, 30, 40, 43
Ковалевский Е.П. 17, 21, 38
Ковалевский М.Е. 13, 15, 17, 19-21, 28, 30, 54
Ковалевский М.М. 301, 302, 547, 585, 586
Ковалевский П.Е. 17, 38, 39
Ковшук-Бекман М.Ф. 265, 267, 268, 291, 292
Коган П.С. 509
Коген Г. 74
Кодрянская Н.В. 413, 414, 418, 439, 440, 464, 481, 488, 491, 494
Кодрянский И.В. 439, 440
Кожин В. 501
Кожухов В.А. 97
Козлик Ф. 107
Козлов, троцкист 235
Козьмин Б.П. 354
Кокошкин Ф.Ф. 556, 558, 590
Кокшаров И.И. 250
Колбасина-Чернова О.Е. 389
Колленкур А. де 66
Коллинз М. 324
Коломиец П.Ф. 253
Колчак А.В. 285, 507
Кольцов, сотр. НКЮ 192
Комиссаров М.Г. 532, 582
Коммиссаржевская В.Ф. 297, 298, 318, 320, 324, 326, 329, 330, 346
Компанец П.Е. 16
Компанистов В.Е. 274
Кон Ф.Я. 188
Конвиссер А.С. 300
Кондаков Н.П. 37
Кондаков П.П. 273, 293
Кондаков С.Н. 37
Кондратьев А.А. 324, 329
Кондратьев А.И. 362
Кондратьев В.М. 270
Конечный А.М. 351
Кони А.Ф. 523, 530, 531, 556, 579, 582, 587, 594
Коновалов А.И. 586
Коонен А.Г. 510
Корвин-Пиотровский В.Л. 450, 493
Коренева Л.М. 532, 583
Коркина Е.Б. 521-578
Коробков В. 181, 232-234
Коробова Э. 145
Коровин К.А. 532, 582
Короленко В.Г. 81
Короленко О.В. 81, 82
Короленко Н.В. 82
Король С.Н. см. Миронов С.Н.
Корольков, сотр. НКЮ 194
Коростелев О.А. 391-501
Коротков В.Ф. 249
Корсак Е. 17
Корытов Г.П. 252
Косиор С.В. 178
Коско Э. де 142
Косоротов А.И. 298, 301, 302, 332, 341, 345, 347
Косыгин Ю.А. 82, 96
Косыгина Е. 82
Косыгина З.А. 82
Кострицкая, дантист 17, 26
Кострицкий, дантист 17, 26
Котляревская П.С. 95
Котляревский С.А. 540, 558, 584
Кочаровский К.-А.Р. 388, 390
Кошелев П.С. 265
Кравцова И.Г. 354, 355, 359
Кравчинский Н.С. 260, 287
Крамалей М.М. 302
Крамер Н.И. 141
Кранах Л. 149
Крандиевская-Толстая Н.В. 551, 562, 588
Крандиевский Ф.Ф. см. Волькенштейн Ф.Ф.
Красильников С.А. 175-239, 275
Крачковский Д.И. см. *Кленовский Д.
Крашенинников Н.С. 593

- Крейд В. 376, 392, 401, 410
 *Кречетов С. см. Соколов С.А.
 Кристи А. 471
 Кровопусков К.Р. 405, 407, 473
 Крopotкин П.А. 43
 Кротков Г.П. 376, 377
 Кротков П.В. 376, 377
 Кроткова К.А. 376, 377
 Кроткова Х.П. 376-384, 385-390
 Кротковы, семья 377
 Кругликов Г.Н. 547, 586
 Кругликова Е.С. 297
 Крупская Н.К. 231
 Крыленко Н.В. 188, 190, 192, 194
 Крылов И.А. 44
 Крючков Н.А. 98
 Кубарев, знакомый Карсавиных 22
 Кублицкая-Пиоттух А.А. 348, 504
 Кугель А.Р. 595
 Кудашева М.П. 527, 536, 581
 Кудинов Г.П. 265, 292
 Кудрявцев Г.И. 261, 262, 265, 288
 Кудрявцев К.Д. 333-335, 348, 349
 Кузмин М.А. 297-299, 301, 302, 304, 305, 309, 313, 315, 324, 328-335, 337, 338, 340, 344-349, 351-375, 418
 Кузнецов А.В. 252
 Кузнецов А.М. 141
 Кузнецов Г.Г. 246, 247
 Кузнецов Э.С. 120
 Кузнецова Г.А. 141
 Куняев С.С. 356
 Купфер Т. 388, 390
 Купченко В.П. 297-350, 580
 Курсинский А.А. 324
 Курский В.М. 243-245, 247, 276
 Кускова Е.Д. 399, 449, 549, 554-556, 558, 587
 Кювилье М. см. Кудашева М.П.

 Лавров, инженер 17
 Лавров А.В. 300, 324, 355, 359, 361
 Ладинский А.П. 394, 490
 Лакло П. 363
 Ландау Л.А. см. Полонская Л.А.
 Лапшин И.И. 22, 42
 Ларичев, зоотехник 250
 Лебедев В.Ф. 532, 582
 Леблон А. 38, 42, 52, 60
 Левенталь А.Г. 551, 560, 588
 Левенталь Г.А. 560, 588, 593
 Левенталь К.М. 551, 560, 588, 593
 Леви Е.А. см. Фельдштейн Е.А.
 Леви Э. 331
 Левин Л.И. 235-237
 Левинтон Г.А. 354, 355, 357, 359
 Левитин, меньшевик 228
 Ледницкий А.Р. 549, 587
 Лейкинд О.Л. 588
 Леман Б.А. 298, 299, 301, 303, 331
 *Ленин В.И. 157, 515
 Ленский А.П. 341
 Леонидов Л. 422-424, 437-439, 441, 444, 445, 447, 448, 464, 465, 486, 488
 Леонов, троцкист 246
 Леонтьев К.Н. 441
 Леонтьев Н. 16
 Леонтьева Т.Н. 16, 17
 Леончуков Г. 8, 18, 19, 24, 28
 Лепешкин А. 37
 Лепешкина (ур. Свешникова) С.Е. 37
 *Лермонтов М.Ю. 449
 Лесбия см. Клодия
 Лесков Н.С. 38, 39, 82, 363, 370
 Лесковский, прокурор 225
 Леткова Е.П. 460
 *Лешковская Е.К. 565, 595
 Лившиц И.А. 90
 Лимонд-Иванова, знакомая Лосских 30
 Линденбаум В. 301, 303
 Лист Ф. 69
 Литавер Э. 18, 19
 Литвин М.И. 249, 283
 Литвинов М.М. 516

- *Литовцев С. см. Поляков С.Л.
 Лифарь С.М. 62, 438, 439, 488
 Лихачевский Л.И. 249, 260
 Лихоносов В. 501
 Лихтенштейн И.В. 59
 Лихтенштейны, князья 59, 60
 Лобковиц, князь 57
 Лозанская Т. 129
 Лозанский Э. 129
 Лозинская А.Е. 504
 Лозинская Ф.Ф. 504
 Лозинские, семья 504
 Лозинский Е.Я. 504
 Лозинский М.Л. 352, 420, 421, 503, 504
 Ломов В.М. 266
 Лопатин Л.М. 335
 Лопухин Ю.А. 533, 583
 Лопухины, семья 35
 Лоренс Д.Г. 40
 Лосская Н.К. 39, 72
 Лосская (ур. Стоюнина) Л.В. 8-10, 12, 13, 15, 21, 22, 28, 31, 55, 58, 68
 Лосская М.И. см. Шапиро М.И.
 Лосская М.Н. 54
 Лосский А.Н., мл. 25
 Лосский А.Н., ст. 8, 9, 12, 22, 31, 48
 Лосский Б.Н. 7-72, 590
 Лосский В.Н. 7-12, 14, 15, 17-24, 26, 28-35, 37-45, 47, 51-54, 63, 64, 70
 Лосский И.В. 25, 40, 43, 54
 Лосский К.В. 47
 Лосский Н.В. 25, 28, 29, 31, 32, 34, 36, 41, 43, 52, 54
 Лосский Н.О. 7, 9, 10, 12, 13, 15, 21, 22, 28, 31, 42, 43, 47, 48, 55, 58, 62-64, 67, 68, 82
 Лоський К. см. Лосский К.
 Лот Ф. 44
 Лотман Ю.М. 354, 509
 Лохвицкая М.А. 503
 Лохов, живописец 65, 68
 Лохов Б. 65, 68
 Лохова Л. 65, 68-70
- Лохова М.М. 65, 68
 Лоховы, семья 65, 70
 Лубны-Герцык Е.К. 349, 350
 Лузина В.С. 538, 558, 584
 Луис П. 370, 375
 Лукницкий П.Н. 359, 451
 Лукомский Г.К. 66
 Лукьянчикова см. Орлова А.И.
 *Лулу см. Каннегисер Е.И.
 Луначарский А.В. 179, 298, 320, 436, 508, 509
 Луньков А.Г. 250, 257, 269, 283
 Лурье Л.Я. 120
 Лурье Я.С. 120
 Лутовинов Ю. 175
 Лухманова Н.А. 451
 Лушпей В.К. 270
 Львов А. 123
 Львов Г.Е. 408, 558, 590
 Львов С.Е. 558, 591
 Любимов А.Л. 327-329
 Любимов Д.Н. 450
 Любимова, эмигр. деятельница 476
 *Ляйза см. Гофман Е.Н.
 Ляцкий Е.А. 341, 343
 Ляшковская Е.К. см. *Лешковская
- *М.О. 580
 *Магнус (М.Н.) 548, 586
 Мазур С. 359
 Макарий, митр. (Невский М.А.) 561, 593
 Макаров А.А. 576, 596
 Макаров Н.П. 322, 323
 Макарова А.Н. 81
 Макеев Н.В. 429, 430, 435, 459
 Маклаков В.А. 397, 399, 400, 407, 408, 461, 462, 487, 556, 561, 570
 Маклаков Н.А. 538, 543, 594
 Маклецов А.В. 71
 Макмиллан, издатель 499
 Маковский С.К. 105, 404, 407, 423, 425, 431, 433, 435, 437, 442, 443, 445, 449, 455, 459, 462, 464, 487, 489-491

- Максимкин В.С. 259, 287
 Максимов, сотр. НКВД 247
 *Максимов В.В. 532, 582
 Максимов В.Е. 113, 114, 116-118,
 129, 130, 134, 136, 137, 145
 Малер Э.Э. 24, 25, 30, 37, 41
 Малинин, прокурор 218
 Малинин Л.А. 262, 273, 290
 Малинина Е.Ф. 269
 Малларме С. 410, 467
 Малозовский А.В. 260, 261, 287
 Мальмстад Дж. 136, 353, 355,
 356, 361, 374, 375
 Мальро А. 57, 457
 Мальтс А. 354
 Мальцев И.А. 248, 255-260,
 279
 Мальцева см. Петрункевич А.С.
 Малютин С.В. 587
 Малявин Ф.А. 41
 Малянтович К.Г. 587
 Малянтович П.Н. 549, 587
 Мамонтов Е.М. 291
 Мамонтова Н.С. см. Брасова
 Манасевич-Мануйлов И.Ф. 596
 Манасейна Н.И. 305, 311
 Манасейны, семья 304
 Мандельштам Н.Я. 83
 Мандельштам О.Э. 83-85, 128,
 357, 386-389, 415, 416, 433, 442,
 443, 445, 510
 Мандль Л.И. 559, 560, 591
 Мануйлов А.А., министр 556,
 558, 590
 Мануйлов А.А., сотр. НКВД 255
 Мануйлов В.А. 297
 Маракушев М.А. 266
 Марамзин В.Р. 113, 114, 116,
 121, 142-144
 Марамзина Т.М. 114, 142, 143
 Марат Ж.П. 577
 Маргулис (Маргулиес) М.С. 46,
 55
 Мария-Антуанетта, королева
 66, 427
 Мария-Терезия, имп. 59
 Маркиши, семья 125
 Маркиш Ю. 125
 Марков В.Ф. 353, 355, 359, 374,
 392, 401-403, 419, 429-433, 462,
 463, 468, 469, 483, 484, 500, 501
 Маркова Л.И. 501
 Маркс К. 43
 Марло (Марлоу) К. 149
 Мартен М.Ф.Т. см. Тереза Лизье-
 ская, св.
 Мартен дю Гар Р. 458
 *Мартов Ю.О. 229
 Мартон С.С. (И.И.) 249, 255,
 281
 Мартынов И.Ф. 418
 Маршак С.Я. 81
 Маршал Дж. 62-64
 *Марья-Дионис 346
 Масарик Т. 115
 Маскина Н. 284
 Массне Ж. 582
 Матвеева О.С. 532
 Матросов М.Ф. 261
 Машков И.И. 440
 Маяковский В.В. 82, 368, 374,
 383, 507, 516
 Медведев Ф.М. 261, 264, 265,
 288
 Медов А.П. 378
 Медов П.И. 377, 378, 383
 Медов С.П. 377
 Мейендорф И. 119, 123
 Мейер А.А. 81
 Мейерсон-Аксенов М. 123
 Мейерхольд В.Э. 298, 299, 320,
 324, 510
 Мейлах М.Б. 132, 352, 353
 Мекк Н.Ф. фон 442
 Мелехин Н.Х. 258-260, 287
 Мелнайс К. 235
 Мельгунов С.П. 400, 589
 Мельников, колхозник 264
 Мельников П.И. см. *Печер-
 ский А.
 Мельников С.И. 260, 288
 Менжинский В.Р. 176, 188
 Меншль В. 60
 Меньшевин С.А. 268

- Мережковский Д.С. 393, 394, 419, 456, 566, 595
- *Мерич А. см. Даманская А.Ф.
- Месинева М.А. 96
- Метальников С.И. 17
- Метальникова О.В. 18
- Метальниковы, семья 7, 16, 30, 43
- Метерлинк М. 298, 311, 324
- Мехлис Л.З. 179, 189
- Мечников И.И. 31
- Микоян А.И. 249
- *Микулич В. 497
- Миллер Е.Л. 503
- Миллер М. 392
- Миловидов, филолог 58
- Милорадович С.Н. 111-113, 117
- Мильман, троцкист 235
- Мильштейн А. 116
- Милюков П.Н. 384, 393, 397, 400, 544, 556, 570
- Минден Дж. 120-122, 126, 134
- Минин В.Н. 278
- *Минский Н.М. 297
- Мишлов Р.Р. 557, 590
- Мишлова А.Р. 298, 299, 316-323, 326, 328, 333, 334, 336, 340, 341, 343, 346, 347
- Мирбо О. 311
- Миронов С.Н. 247-252, 254, 278
- *Мирэ см. Моисеева А.М.
- *Мирянин см. Кудрявцев К.Д.
- Митрян см. Фельдштейн Т.М.
- Михаил, еп. (Семенов П.В.) 299
- Михаил Александрович, вел. кн. 522, 523, 532, 575, 578
- Михайликов Л.С. 249
- Михайлов, троцкист 238
- Михайлов М. 129, 130
- Михайлов О. 501
- Михайловская А.Н. 59
- Михайловский Г.Н. 59
- Михальчи Д.Е. 362
- *Михоэлс С.М. 510
- Могилевский В.А. 384
- Можин А.П. 261
- Мозжухин А.И. 21
- Моисеев В.О. 249, 282
- Моисеева А.М. 320-323
- Мойнихен, сенатор 127
- *Молотов В.М. 244, 395
- Мольтке Э. фон 334, 335
- Монтримович В.Д. 248, 249, 280, 286
- Моратилло-Полидори Г. 65
- Моратилло-Полидори Э. 65, 66
- Моргунов М.А. 272, 273
- Мордерер В.Я. 351
- *Мореас Ж. 467, 468
- Морев Г.А. 351-375
- Мориак Ф. 439
- Морле, семья 51
- Морле (Морлэ) Ж. 49, 51, 53
- Моро М. 83
- Морозов, сотр. НКЮ 190
- Морозов, ссыльный 209
- Морозов Сав. Т. 588
- Морозов Серг. Т. 551, 588
- Морозова (ур. Хлудова) В.А. 549, 586
- Морозова М.С. 550, 588
- *Моруа А. 439
- Москвин И.М. 510
- Моцарт В.А. 71, 100, 419, 421, 429, 430, 432, 433
- Мочульский К.В. 357, 358, 360
- Мошкин И.И. 578
- Мошкина А.В. 578
- Мошкины, семья 523
- Муравьева И.Н. см. Угримова И.Н.
- Муралов Н.И. 243-245
- Муратов П.П. 115
- Муромцева-Бунина В.Н. 383, 384, 441, 442, 453, 473, 480, 495
- Мусин-Пушкин А.Ю. 580
- Мусин-Пушкин В.Ю. 525, 526, 580
- Мусины-Пушкины, семья 580
- Мусоллини Б. 69, 70
- Мюссе А. 533
- Мясковский Н.Я. 299
- Мясников, анархист 215

- Набоков В.В. 135, 136, 141, 424
 Набоков Д.В. 136
 Набокова В.Е. 135, 136
 Набоковы, семья 135
 Надеев Д.И. 249
 Назаров Я.С. 141, 145
 Наполеон I, имп. 66, 461, 485, 558
 Наппельбаум И.М. 352, 353
 Наппельбаум М.С. 352, 353
 Наппельбаум Ф.М. 352, 353
 Нарбут В.И. 459, 460
 Нариманов Н.К.Н. оглы 188
 Насонова Н.Н. 11
 Наторп П. 74
 Невский А.П. 243, 244, 248, 251, 277
 Недошивина Н.А. 405-407, 477, 478, 480, 481, 486, 487, 498
 Незлобин К.Н. 580
 Некрасов В.П. 139
 Некрасов Н.А. 449
 Некрич А.М. 109, 110, 117, 120
 Немерицкий, анархист 215
 Немирович-Данченко Вас. И. 71, 541, 584
 Нестеров М.В. 371
 Нечаев В.П. 376-390
 Никитин, приятель Б.Н.Лосского 55
 Никифоров, ссыльный 209
 Николаев Г. 109
 Николаевский Б.И. 229, 231, 232, 234, 498, 500
 Николай I, имп. 471
 Николай II, имп. 155, 558, 560, 562, 563, 574, 575, 586, 594, 596
 Николай Михайлович, вел. кн. 155
 Николай Николаевич, вел. кн. 554, 558, 560, 584, 585, 594
 Никулин Л.В. 466
 Нилов, сотр. прокуратуры 200, 201
 Ниссенy, семья 113
 *Новалис 363
 Новиков, дир. Gagny 482, 494
 Новиков М.М. 57
 Новицкий С.М. 247
 Новосильцев И. 23, 24
 Новосильцев О. 23, 24
 Новосильцева В. 23, 24
 Нольден-Эбергардт Ю.П. см. *Трубецкой Ю.
 *Норд Л. 509
 Норкин Б.О. 245
 Носов М.И. 260
 Нувель В.Ф. 298, 331, 346-348
 Нурок А.П. 297, 298
 Обнинский В.П. 538, 548, 584
 Оболенская А.В. 19
 Оболенская Н.В. 43
 Оболенский В.А. 19, 43
 Овчинников И.В. 249, 260, 280
 Одинец Д.М. 500
 *Одинокый см. Тиняков А.И.
 *Одоевцева И.В. 107, 108, 391-501
 Оксенов И.А. 359
 Ольшанских И.Н. 248, 280, 281
 Орджоникидзе Г.К. 236
 Орлов Г.И. 248
 Орлова А.И. 298, 300-303, 330
 *Осоргин М.А. 430
 Островский А.Н. 363, 436
 Отман де Вилье, потомок франц. аристократов 40
 Оттокар Н.П. 70
 О'Тулл П. 121
 Оффенбахер О.В. 560, 591
 Охочицкий В.К. 352
 Оцуп А.-М.А. см. *Горный С.
 Оцуп Г.А. 18, 415, 416, 447, 490
 Оцуп Н.А. 394, 405, 416, 422-427, 445-447, 449, 450, 457-459, 464, 465, 468, 469, 471, 481, 485, 486, 489, 491, 492
 Оцуп Р. 18
 Павел I, имп. 459, 461
 Павлов И.П. 516

- Павлова А.П. 62
 Пайпс Р. 119, 120, 122, 124, 129, 134, 135
 Палашковский В. 26, 29
 Пален П.А. фон дер 420, 421, 461
 Палиевский П.В. 118
 Палладио А. 61, 68, 71
 Пальфи, графы 59
 Панина А.С. см. Петрункевич А.С.
 Панина С.В. 22, 24, 26, 47, 66
 Панкратьев М.С. 250
 Панов Н.А. 270, 293
 Панчулидзе, букинист 37
 Панчурин Б.В. 264-266
 Пападиамандопулос Я. см. *Мореас Ж.
 Паперно И.А. 247
 Папков С.А. 275
 Парнис А.Е. 351, 374
 Парнок С.Я. 356
 Паршин Н.Ф. 250
 Паршин С.Т. 267
 Пастаногов, дядя К.К. Пастаногова 250, 251
 Пастаногов К.К. 248, 250, 251, 257, 258, 260, 269, 280, 291
 Пастернак Б.Л. 89, 357, 359, 388, 464, 480, 481, 510
 Пастухов, адвокат 113
 Пасынков Я.А. 262, 272, 289, 290
 Патер У. 418
 Патракеев С.В. 266
 Пахмус Т.А. 428
 Пачколин А.М. 206, 213
 Пегов А.Я. 578
 Пегова М.Г. 578
 Пеговы, семья 523
 Переверзев В.Ф. 100
 Перегудова З.И. 156, 158
 Перельман см. *Дымов О.И.
 Перикл 340
 Перминов, сотр. ОГПУ 218
 Перс С.Ж. 429, 431
 Персец, знакомый И.С. Шапиро 18
 Перцов В.О. 352
 Песнев, сотр. окружкама ВКП(б) 236
 Петен А.Ф. 454
 Петр I, имп. 38, 46, 52, 575
 Петров Г.С. 298, 299, 346
 Петрова А.М. 316
 Петровский, ссыльный 221
 Петровский М.А. 355, 362
 Петровский Ф.А. 355
 Петровский Ф.П. 273
 Петрункевич А.М. 34, 53
 Петрункевич А.С. 22, 23
 Петрункевич И.И. 22
 Петухов А. 267
 Печенкин А.Н. 253
 *Печерский А. 363, 371
 Пешкова Е.П. 78, 180, 232
 Пигаль Ж.Б. 50
 Пикар Ш. 25
 Пикок В.Р. 532, 583
 Пильский П.М. 438
 Пирумова Н.М. 86
 Писаржевский Л.В. 377
 Писклин И.А. 249, 282
 Платен А. 367
 Платон 471
 Плевако Ф.Н. 587
 Плещов С.И. 264, 266, 268, 291
 Плотников Н.М. 272
 Плотников П.П. 266
 Погодаев Г.Д. 243, 248, 252, 276
 Подерни А.А. см. *Горская А.
 Подольский М.М. 248, 251, 283, 284
 Поленов В.Д. 377, 587
 Поливанов К.М. 354, 356, 359
 Полонская Л.А. 498, 500
 Полонский Я.Б. 498, 500
 Полонский Я.П. 415
 Полухин С.К. 268
 Поль В.И. 33, 34
 Поляков А.А. 395, 439, 440, 452, 473, 476, 478, 482, 484, 486, 490, 494
 Поляков С.Л. 40, 321, 523, 525, 579, 580

- Поляковский, ссыльный 209
 Померанцев И. 164, 172, 174
 Померанцев К.Д. 105-110, 422-424, 432, 438, 441, 443-447, 476, 488, 489, 491, 492, 494
 Поплавский Б.Ю. 40, 108, 417, 419
 Попов, прокурор 222
 Попов Г.К. 267, 292
 Попов И.А. 260
 Попов С.П. 243, 244, 248, 251, 277
 *Порошин А. см. Суворин А.А.
 Портнягин М.М. 249, 282
 Потапов В. 125-127
 Потапова М. 125-127
 Потемкин Г.А. 20
 Потемкин П.П. 299, 324, 331, 338
 Пощо Н.А. 39
 Почкай И.Б. 253, 261, 264, 265, 274, 284
 Прегель А.Н. 482, 483
 Прегель Б.Ю. 440, 482, 483
 Прегель С.Ю. 392, 401, 439, 440, 449, 476, 479-484, 486, 487, 490, 491, 493, 495
 Привалихин В.М. 268
 Присманова А.С. 392, 410, 426, 437, 449
 Прихненко Н.К. 105, 108
 Прокофьев С. 320
 Протопопов А.Д. 576
 Прохоров Н.И. 539, 584
 Прядченко, пред. исполкома 195
 Пряхин В. 162, 167
 Пугачев А.М. 267, 292
 Пуговкин Г.Н. 262
 Пуришкевич В.М. 544
 Путятин (ур. Горчакова) 35
 Путятин, семья 35, 64
 Пучкин И.Н. 286
 Пушкин А.С. 14, 44, 75, 77, 128, 345, 358, 367, 426, 442, 454, 461, 463, 476, 493, 510
 Пушкина (ур. Гончарова) Н.Н. 463
- *Пушмин В.Ю. см. Мусин-Пушкин В.Ю.
 *Пушин Я. 351
 Пшибышевский С. 327, 329
 Пэнкхарст Дж. 143, 144
 *Пяст В.А. 299, 338
- Рабинович Я.Б. 417, 418, 420, 447
 Радишев А.Н. 84
 Радлов С.Э. 353, 373
 Радлова А.Д. 352, 353, 373
 *Раевский Г. см. Оцуп Г.А.
 *Раевский С. см. Дурылин С.Н.
 Разумовская Е.А. 152
 Разумовская М.А. 152
 Райтлер Ю.Н. 503
 Раков Л.Л. 356
 Ракузина И. 111, 112
 Рамзес II, фараон 448
 Рапопорт И.А. 89, 90
 *Распутин Г.Е. 538, 561, 562, 564, 570, 571, 594
 Ратгауз Д.М. 24
 Ратгауз М.Г. 358
 Ратгауз Т.Д. 56
 Рафальский С.М. 385, 387
 Рахманинов С.В. 578
 Рачинский Г.А. 555, 589
 Рашковский И.Г. 228, 229
 Резникова Н.С. 507
 Рей Р. 33, 36, 53
 Рейган Р. 120
 Рейдман, анархист 215
 Рейзини Н. 403, 404
 Рейснер Л.М. 466
 Рейсс И. 98
 Рейтлинггер Е.Н. 385, 387, 389
 Рейтынбарг Д.И. 73
 Рейтынбарг Л.И. 73, 74
 Ремизов А.М. 297-299, 318, 319, 324, 327-329, 331, 332, 337, 338, 344-349, 372, 414, 461-464, 478
 Ремизова-Довгелло С.П. 298, 318, 319, 327, 329, 331, 344, 346, 347
 Ренан Ж.Э. 562

- Ренненкампф П.К. 584
 Репин И.Е. 526
 Рерберг Ф.И. 440
 Рескин Дж. 39, 418
 Решикова В.А. 31, 44, 45, 54
 Решикова И.Г. 31, 44, 54
 Решикова Н.Г. 31, 44, 54
 Риббентроп И. 395
 Римский-Корсаков Н.А. 33, 383
 Ришелье А.Ж. дю П. 155
 Ровинский А.С. 249, 258, 260, 281
 Рогинский А.Б. 76, 120, 130, 132, 141, 151
 Рогнедов А.П. 444, 445
 Роговский Е.Ф. 396, 400, 409, 410, 444, 487
 Родвин В. 142-144
 Родзевич К.Б. 26, 381
 Родзевич М.С. 26
 Родионов С. 43, 45
 Родионова О. 41, 43, 45
 Рожанская Ю.В. 524, 579
 Рожанский В.М. 579
 Рождественская М.В. 352
 Рождественский В.А. 95, 352, 361
 Рождественский Д.С. 42
 Розанов В.В. 327-329, 343, 346, 399, 462, 469
 Розанова В.Д. 327-329, 343
 Розанова М.В. 118, 133, 134
 Ройе-Коллар А.П. 581
 Ройе-Коллар П.П. 528, 581
 Роллан Р. 509, 569, 581
 Романов А.А. 260
 *Романов Е.Р. 140
 Романовы, династия 576
 Ромм А.И. 356
 Ронсар П. де 363
 Ростовцев М.И. 24
 Ротшильд Ф.М. 479-481, 483
 Рубинштейн Б. 147
 Рудаков С.Б. 83-85
 Рудин Д. 509
 Руднев В.В. 382, 383
 Рукавицын А.М. 268
 Рунт-Погорелова Б.М. 504-506
 Руслов В.В. 355
 *Русский см. Петров Г.С.
 Рутченко А.А. 121, 122
 Рууд Ч. 156, 594
 *Рыбаков Д. 108, 110
 Рысс С. 215
 Рычков А.Ф. 269
 Рэо Л. 60-62
 Рябушинский Н.П. 324
 Сабашников А.В. 317, 328
 Сабашников В.М. 297, 304, 305, 309, 310, 318, 349
 Сабашников М.В. 335
 Сабашников С.В. 335
 Сабашникова А.В. см. Евреинова А.В.
 Сабашникова (ур. Андреева) М.А. 297, 304, 305, 309, 310, 319, 328-330, 334, 336, 341, 343-349, 563, 594
 Сабашникова М.В. 297-350, 578, 594
 Саблер В.К. 561, 593
 Сабо В.Е. 269
 Савинков Б.В. 12, 35, 218, 393
 Савинков В.В. 35
 Савинков Л.Б. 12, 393
 Савицкий П.Н. 15
 Савич Н.В. 594, 596
 Савкин А.И. 257
 Савченко И.Г. 27
 Садовский, прокурор 221
 Садовский, сотр. НКВД 254
 Сажин В.Н. 354
 Сайрес М. 142
 Сакер Р.Л. см. Каннегисер Р.Л.
 Сакулин П.Н. 509
 Салов, сотр. НКВД 260
 *Салтыков-Щедрин М.Е. 441
 Сальери А. 419-421, 433
 Самарин А.Д. 532, 583
 Самарина (ур. Мамонтова) В.С. 583
 Самарины, род 558
 Самсонов А.В. 543, 584

- Самусь В.В. см. *Максимов В.В.
 Сандомирский М. 356
 Сапир Б.М. 228, 229
 Сапожников В.Г. 563, 564, 595
 Сапожникова Т.А. 53
 Сапунов Н.Н. 297, 298, 320
 Сардинский Т. 142, 143, 148
 Сахаров Н. 15
 Свешников, милиционер 286
 Северюхин Д.Я. 588
 *Северянин И. 552
 Сегал Д. 134, 136
 *Седых А. 139, 417-419, 423, 476
 Сеземан В.Э. 8, 11, 12
 Сеземан Н.Н. см. Насонова Н.Н.
 Селедчиков К.Г. 252, 253
 Селезнев Л. 374
 Селиверстов Ю. 91, 92
 Семашко Н.А. 179, 217
 Семенов Г.М. 267
 Семенова И.Г. 92
 Семенюк В.Ф. 141
 Семерницкая Ф.М. 83, 85
 Семерницкий Б.М. 83, 84
 Сенилов В.А. 298
 Сент-Бев Ш.О. 471, 472
 Сергеевич В. 508, 509
 Сергей Александрович, вел. кн. 594
 Сергей, еп. (Королев) 23, 24, 29, 31, 32
 Серебrenников А. 124
 Серединская Э.Т. 142
 Серман И.З. 118, 358
 Серов В.А. 46, 297
 Сечкарев В. 501
 Сильвестр, еп. 119
 Симон Л. 327, 329
 Симонов К.М. 501
 Симонова З. 448, 449
 *Синьоре С. 98
 Снявский А.Д. 118, 133, 150
 Ситковецкая М.М. 521
 Сквирский Е.Г. 261
 *С-кий 517
 Скриб Э. 565
 Скрибнер, издатель 499
 Слабова А.Н. 86
 Славинский Е. 147
 Слащев (Слашов) Я.А. 76
 Слоним М.Л. 40, 438
 Смирнов, сотр. НКВД 252
 Смирнов И.Н. 243
 Смирнов И.П. 358
 Смоленников Е.А. 253, 284
 Смоленский В.А. 476, 477
 Сниткина А.Г. см. Достоевская А.Г.
 Собачевский М.Р. 265
 Соболев А.Л. 356
 Соболев Д. 29, 31, 35, 40, 41, 51
 Советкина, троцкистка 238
 Сойкин, внешт. сотр. НКВД 242
 Сойфер Б.И. 249, 253, 254
 Соколов, сотр. окружкома ВКП(б) 239
 Соколов Е. 87
 Соколов П.А. 516, 517
 Соколов С.А. 309, 310, 313
 Сокологорская О.И. 347, 348
 Сократ 340
 Солженицын А.И. 79, 98, 117, 118, 120, 123, 124, 128, 130, 131, 134, 139
 Солженицына Н.Д. 118, 123, 131
 Соловьев В.С. 36, 38, 553, 555
 Соловьев Л.К. 264, 266, 291
 Соловьев С.М. 367, 373
 Соловьева П.С. 297, 305
 *Сологуб Ф.К. 297-299, 324, 347, 348, 353, 357, 458, 554, 589
 Сольц А.А. 179, 188
 Сомов К.А. 297-299, 301, 303, 308, 320, 321, 331
 Сомова, директриса благотв. комитета 25
 Сопровский А. 87
 Сорендзон Я.С. см. Агранов Я.С.
 Сорокин П.А. 589
 Сорокина Н.Н. 90
 Сосинский В. (Б.Б.) 377
 Соснина Л.М. 230
 Сосновская Е.М. 81-83

- Софроненко С.И. 260
Спекторский Е.В. 71
Ставров П.С. 409, 410, 459, 460, 490
Ставровская (ур. Черткова) 33
Ставровский А. 20, 33-35, 45
*Сталин И.В. 82, 178, 189, 244, 245, 253, 259, 264, 271, 274, 394, 398, 509, 510, 515
Станюкович М.К. 329, 331, 340, 341
Старостин, прокурор 201
Старостин А.И. 272
Стасов В.В. 22
Стеллецкий Д.С. 8
Степанов С.А. 156, 594
Степанова Н. 101
Степун Ф.А. 444, 484, 485
Стороженко Н.И. 530, 547, 553, 581, 582, 586, 589
Стоюнин В.Я. 23
Стоюнина М.Н. 8, 10-12, 21, 22, 24, 25, 29, 31, 32, 43, 48, 56, 65, 67, 68
Стравинский И.Ф. 33
Стрельников Н.М. см. *Пушин Я.
Стремоухов Д.Н. 54, 55
Стремоухов Н. 54
Стретти, семья 48
Строилов М.С. 245
Струве Г.П. 128, 398, 399, 412, 417, 429, 430, 432, 433, 450, 451, 462, 480, 483, 501, 510, 589
Струве Е.А. 106
Струве Н.А. 106, 112, 117-119, 123, 126, 129, 131, 133, 139, 140
Струве П.Б. 19, 308, 310
Ступницкий А.Ф. 397, 398, 487
Суворин А.А. 300, 302, 311, 312, 324-327, 334, 343, 345
Суворин А.С. 302, 553
Суворина Е.К. 300, 302, 322, 323, 343, 345
Суворов, зам. нач. ОВИР 144
Суворов А.В. 558
Суворова К.Н. 353
Сувчинские, семья 9
Сувчинская В.А. см. Гучкова В.А.
Сувчинский П.П. 8, 11, 12, 38, 40
Судаков В.С. 261
Судейкин С.Ю. 297, 298, 333, 340, 347, 348
Сулин В.А. 79
Султанов Ю.Н. 458, 460
Султанова Е.П. см. Леткова Е.П.
Сулъе Э. 27
Сумбатов А.И. см. *Южин А.И.
Сумеркин А. 123
Сумецкий М.И. 244
Сургучев И.Д. 396, 497, 500
Суров Н.А. 255, 285
Сурта И.З. 158, 159
Суслов А.З. 247, 278
Сухотин П.С. 362
Сырнев Л.М. 268
Сюннерберг К.А. 297
Таиров А.Я. 510
Тамашев А.А. 298, 331
Тансеев С.И. 376
Таныгин Н.И. 242, 276
Тарасов Л. см. *Труайя А.
Татаринов В.Е. 397-399, 486, 487, 494
Татищев Н.Д. 429, 431, 444
Тепляков А.Г. 240-293
Терапиано Ю.К. 419, 429, 430, 455, 465, 476, 479, 480, 485-487, 490, 501, 502, 510
Тереза Лизьеская, св. 455, 456
Терентьев Н.М. 242, 260, 287, 288
Терехов А.Г. 356, 359
Терешкович К.А. 439, 440
Терновский Е.С. 114
Тер-Погосян М.М. 476-479, 482, 487
Террасс Ш. 33
Тескова А.А. 379
Тесленко (ур. Компанеец) Л.Е. 15, 16, 41
Тесленко Н.В. 15, 16, 41
Тесленко Н.Н. 16
Тетенже П. 27

- Тетерин М.П. 250
Тименчик Р.Д. 351, 355, 359-361, 391, 502-517
Тимирязев В.И. 585
Тимофеев А.Г. 355, 359, 372, 373
Тимофеев А.П. 140
Тимофеев Е.М. 179, 218
Тимофеев С.И. 273, 274
Тиняков А.И. 431, 503
Тихомиров Л.А. 230, 231
Тихон, патр. (Белавин В.И.) 200, 201, 205
Тоболин, прокурор 198
Толль (ур. Вернадская) Н.В. 55
Толль Н.П. 22, 56, 61
Толстая Л.И. 590
Толстая М.А. 551, 562, 588
Толстой А.Н. 521-525, 527, 551, 562, 579-581, 588, 589, 594
Толстой И.И. 555, 585, 590
Толстой И.Н. 503
Толстой Л.Н. 14, 23, 377, 408, 412, 415, 418, 421, 432, 435, 440, 442, 470, 473, 490, 495, 497, 521, 569
Томпсон, сотр. «Хиаса» 148
Траскович, пом. прокурора 192
Трейл Н.А. 98
Третс, коммерсант 529, 530
Третьяков В.В. 351
Третьякова А.И. 532, 583
Трифонов И.М. 265, 291
Троицкий, прокурор 220
*Троцкий Л.Д. 180, 232, 243, 246, 264, 449, 451, 452, 465
*Труайя А. 426, 428
Трубецкие, род 558
Трубецкие, семья 9
Трубецкой Е.Н. 554-556, 558, 586, 589
Трубецкой Н.С. 56, 60
Трубецкой П.Т. 260
*Трубецкой Ю. 507, 508
Трухачев А.Б. 88, 527, 535, 581
Трухачев Б.С. 527, 535, 581
Труш С.Я. 278
Трушева Л.Ю. см. Бердяева Л.Ю.
Трындин В.Г. 262, 290
Тугаринов, юрист 27
Тулулов В.И. 270
Тургенев И.С. 14, 47, 494, 495, 553
Тургенева А.А. 39, 107
Тургенева М.Л. 551, 562, 589
Тургенева Н.А. см. Пошто Н.А.
Туржанский О.Н. 381
Турицев А.А. 11, 12
Тыркова-Вильямс А.В. 329, 347, 348
Тынянов Ю.Н. 99
*Тэффи Н.А. 404, 436, 516
Тютчев Ф.И. 459, 460, 469, 471, 485, 486, 510
Угримов А.А. 54
Угримов А.И. 31
Угримова В.А. см. Решикова В.А.
Угримова И.Н. 54
Удалов, сотр. НКВД 252
Уиттмор, меценат 25, 26
Уйманов В.Н. 278, 292
Ульрих В.В. 244
Ульянов Г.К. 349
Ульянов Н.А. 264, 291
Унковский В.Н. 502
Уншлихт И.С. 175, 229
Урицкий М.С. 497
Урусов А.А. 533, 583
Урусов А.И. 557, 590
Усов Д.С. 353-355, 360-362, 369, 370, 372, 375
Успенский А.И. 243, 245, 247, 248, 276
Устинов А.Б. 354-356, 359
Устрялов Н.В. 134
Ушакова Е.П. 89
Ушинская Н.К. 23
Ушинский К.Д. 23
Фаворский В.А. 100, 101
Файман В. 83, 93
Фалаковский, знакомый Г.В.Адамовича 413

- Фарадей М. 43
 Фауст М. 149
 Федин К.А. 352
 Федоров В.М. 17
 Федоров М.М. 17, 27
 Федорова Г. см. Моратилло-Поллори Г.
 Федотов Г.П. 9
 Федотова Е.Н. 9
 Фейнберг И.Л. 87
 Фейнберг М.И. 87
 Фельдбах Э.А. 251
 Фельдштейн Е.А. 523, 525, 526, 528-530, 534, 535, 537-540, 542, 543, 546, 551, 558, 562, 563, 566, 568, 578, 581, 583, 588
 Фельдштейн Е.М. 565, 566, 568, 595
 Фельдштейн М.С. 521, 522, 525-530, 534-546, 548, 550, 557, 558, 562, 565-568, 576, 578, 581, 583, 584
 Фельдштейн Р.М. см. Гольдовская Р.М.
 Фельдштейн Т.М. 522, 525, 527, 530, 534, 536, 537, 540, 542, 546, 558, 565, 566, 568, 578
 *Фельзен Ю. 395, 396, 406, 493
 Феофилактов Н.П. 298, 324, 333
 Фердинанд-Август, король 57
 Ферзен Х.А. 66
 Ферзены, графы 66
 Феррейн В.К. 539, 560, 584, 591
 Фет А.А. 370, 375
 Физ Б.Ю. 439, 440
 Филарет, митр. (Дроздов В.М.) 561, 593
 Филарет, патр. (Романов Ф.Н.) 561, 593
 Филимонов, нач. Сиблага 272
 Филимонов М.Ф. 249
 Филиппов Б.А. 108, 112, 128, 129, 433
 Финкельштейн Л.С. 83, 85
 Фиораванте А. 71
 Фишель А. 61
 Фишер К.А. 560, 591
 Фишер фон Эрлах И.Б. 59
 Флегон Траллийский 341
 Флобер Г. 553
 Флок Ж. 112
 Флок И. 108-110, 112, 134
 Флоренский В.П. 92
 Флоренский П.А. 22, 23, 100, 118, 375
 Флоровская В.А. 42
 Флоровский А.В. 42
 Фондаминский И.И. 36, 394, 495, 497
 Фортунато, подруга М.Н.Стоюниной 22
 Фосийон А. 25
 Франк Г.Я. 589
 Франк М. 552, 589
 Франкфурт И.С. (О.С.) 377-379, 382
 Франкфурт Х. см. Кроткова Х.П.
 *Франс А. 331
 Франциск I, король 33
 Фрей, прокурор 227
 Фрейверт, ссыльная 224
 Фрейдентштейн Н.Б. см. *Фельзен Ю.
 Фрид С. 351
 Фриш, прокурор 220
 Фруг С.Г. 415
 Фрумкин В. 144
 Фурцева Е.А. 464
 Хазиахметов Э.Н. 200
 Хананье (ур. Струве) М.П. 126
 Харламов Н.П. 592, 593
 Хауг Х. 50
 Хвостов А.Н. 564, 595
 Хейфец М.Р. 144
 Хейфец Я. 10
 Хин А.М. см. Гринер А.М.
 Хин К.М. см. Левенталь К.М.
 Хин М.М. 545, 585
 Хин Р.М. см. Гольдовская Р.М.
 Хлебников В.В. 359, 364, 368, 374
 Хлопьянкин, чл. комиссии ЦИК 188

- Ходасевич В.Ф. 405, 407, 416,
 427, 430, 431, 477, 505
 Ходорозе Н.Н. 244, 245
 Хольбейн Х. см. Гольбейн Г., мл.
 Хомяков Г.А. см. *Андреев Г.
 Христина, эрцгерцогиня австр.
 59
 Хрулева Р.П. 300
 Хрушев Н.С. 90, 97, 245
 Худолеев И.Н. 532, 583
- Цадкин О. 61
 Цветаев И.В. 65
 Цветаева А.И. 79, 80, 88, 402,
 526, 527, 535, 581
 Цветаева В.И. 88
 Цветаева М.И. 12-14, 26, 45, 65,
 80, 83, 376-378, 378-384, 385-390,
 402, 416, 427, 428, 463, 502, 521,
 522, 526, 527, 535, 536, 538, 548,
 578, 581, 583, 584
 Цветковская Е.К. 337
 Цвибак Я.М. см. *Седых А.
 Цедербаум В.С. 230, 231
 Цедербаум С.О. см. *Ежов С.О.
 Цедербаум Ю.С. 230, 231
 Цейтлин С.С. 216, 218, 219, 228,
 229
 Церетели Г.Ф. 366
 Цетлин М.О. 430
 Цетлина М.С. 429-431, 436, 439,
 483, 484, 494
 Циммерман Ю.-Г. 560, 591
 Циндель Э. 559, 560
 Цинцендорф Ф.Л. 59
 Циунчик П.И. 252
 Цыганов Л.И. 252
- Чаадаев П.Я. 67
 Чайковский Н.В. 589
 Чайковский П.И. 442
 Чеботаревская Ан.Н. 289
 Чеботкевич, ссыльный 208
 Чебышев Н.Н. 533, 583
 Чеквер Р.С. 455, 456, 490
 Челищев В.Н. 47
 Челлини Б. 69
- Челноков М.В. 555, 560, 589,
 593
 Челпанов А.Г. 362
 Червинская Л.Д. 395, 396, 410,
 425, 432, 433, 440, 445, 447, 449,
 453
 Черепанов, сотр. НКВД 258
 Черников Н.Г. 246
 Чернобров, геолог 79
 Чернов В.М. 390
 Чернов Н.Д. 270
 *Черный С. 324
 Черных Н.А. 253
 Черняк Я. 235
 *Черубина де Габриак 299
 Чехов А.П. 12, 23, 432, 440, 471
 472, 553, 595
 Чимало, военюрист 247
 Чиннов И.В. 392, 409-412, 461,
 468, 490
 Чириков Е.Н. 14
 Чичерин Г.В. 375
 Членов Е.Л. 523, 579
 Чудакова М.О. 354
 Чуйко М.С. 303, 305, 315
 *Чуковский К.И. 322, 323, 330,
 340, 341, 392, 393
 Чуковский Н.К. 421
 Чулков Г.И. 297-299, 318, 320,
 321, 337, 341
 Чупров А.И. 553, 589
 Чухиль А.П. 246
 Чухманенко Д.И. 246
 Чхеидзе Н.С. 570
- Шабельская Г. 353
 Шайкевич А. 86, 98
 Шайкевич К.Н. 98
 Шаляпин Ф.И. 15, 552
 Шалыпина М.Ф. 15
 Шамарин А.В. 248, 258, 262,
 280
 *Шанецкий А. 119, 120
 Шаняевский А.Л. 585
 Шапир М.И. 354, 357
 Шапиро, семья 10, 11, 17
 Шапиро Б.И. 10, 28

- Шапиро (ур. Малкиэль) Е.Я. 10, 17, 18, 28, 29, 31, 34, 43
Шапиро И.С. 10, 17, 18
Шапиро М.И. 9-12, 15, 17-19, 21, 22, 24, 25, 28, 29, 32, 34, 36, 43-45, 52, 54, 70
Шафиков, троцкист 235
Шахов А.Н. 586
Шахов Н.А. 547, 548, 586
Шаховская З.А. 111, 135, 136
Шашелева (ур. Елачич) И.М. 54
Шварсалон Л.Д. см. Зиновьева-Аннибал Л.Д.
Шварсалон С.К. 342, 343
Шварц Е.Л. 105, 352
Шварц И.Л. 272
Шварценберг К. 61
Шварценберг К.-Ф. 61
Шварценберг Ф. 61
Шевелева М.М. 315, 316
Шевченко Т.Г. 293
Шекспир У. 341, 373
Шемякин М. 123
Шён Р.Б. 561, 592
Шенгели Г.А. 356
Шервинский С.В. 356
Шереметевская Н.С. см. Брасова Н.С.
Шереметевский С. 523
Шерон Ж. 402, 419, 430, 463, 483, 501
Шестакова, дочь действ. ст. сов. 529, 530
Шестов А.А. 245
Шестопал Г. 90
Шецен Ю. 141
Шик А.А. 476
Шиманский П.С. 246
Ширман Л.А. 135, 136
Широков, анархист 215
Шиссель, соискатель духовного сана 29
Шишмарев, сотр. НКВД 249
Шкапская М.М. 81
Шкирятов М.Ф. 260
Шкловский В.Б. 99, 450
Шлиман Г. 104
Шмеман А.Д. 119, 139
Шмигельский М.Е. 545, 585
Шмидт, троцкист 238
Шмидт П.П. 310
Шмит, семья 544
Шнейдер И.И. 591
Шнейдер Р. 25
Шницлер А. 418
*Шнюспельпольд см. Горнунг Б.В.
Шодерло де Лакло см. Лакло П.
Шойдин А.И. 270
Шолле, сотр. Alliance Française 60
Шопен Ф. 69
Шпет Г.Г. 354, 357, 360, 361
Шполянский А.П. см. *Дон-Ами-надо
Шрадер А. 560, 592
Шрадер Р. 592
Шрейдер М.П. 254, 255, 285
Штейгер Ал.С. см. Головина А.С.
Штейгер Анат.С. 427, 428, 444, 446, 490, 491
Штейн В. 122-124, 126
Штейн Ю. 123, 124
Штейнер Р. 39, 107, 299, 305, 317, 319, 320, 325, 326, 330, 334
Штернберги, графы 61
Штиклинг Э. 245
Штинде С. 318, 319
Штранге, сов. разведчик 98
Штолле Э. 592
Штубис Г.Э. см. *Заковский Л.М.
Штюрмер Б.В. 576
Шувалова О., гр. см. Родионова О.
Шуваловы, род 26
Шульгин В.В. 570, 575
Шульц П.Н. 99
Шуман Р. 510
Шумихин С.В. 352, 359
Шушниц К. фон 71
Щегловитов И.Г. 576, 593
Щепкина-Куперник Т.Л. 503, 504, 523, 579

- Щербатов Н.Б. 563, 564, 594
Щербатов С.А. 39
Щербиновский Д.А. 526, 580
- Эденберг О.Ю. 261, 289
Эдисон Т.А. 572
Эйснер А.В. 23, 24
Эйтингон (Этингон) М.И. 10, 18
Эйфель Г. 64
Эйхе Р.И. 245, 247, 248, 255, 256, 286
Эйхенбаум Б.М. 351, 358
Элиот Т.С. 454, 456
*Эль Греко Д. 18
Эльзон М.Д. 354, 359
Элькан А.М. 405, 407-409, 411, 422, 424, 445, 453, 479-481, 483, 490
Элькан Б.В. 407
Элькин Б.И. 400
Энвер-бей 580
Энгельгардт А.Н. 505
Энгельс Б.А. 561, 592
Эрделевский см. Веледерский К.Г.
Эрль В.И. 353
Эрманс К.А. 560, 591
Эртель Н.А. 43
Эстерман И.С. 77
Эстерман Л.И. 77
Эстерман Э.С. 77
Эстрина Л.Я. 228, 230, 231
Эсхилл 93
Эткинд Е.Г. 115, 120, 133, 141, 151
Эткинд Е.Ф. 151
Эфрон, семья 540, 541
Эфрон А.С. 13, 88, 389, 428, 527, 535, 536, 538, 581
Эфрон В.Я. 526, 534-536, 538, 540, 548, 580, 581, 583
Эфрон Г.С. 13, 378, 379, 383
Эфрон (ур. Дурново) Е.П. 535, 583
Эфрон Е.Я. 526, 527, 534-536, 538, 548, 580, 583
Эфрон К.Я. 535, 583
- Эфрон П.Я. 535, 536, 583
Эфрон С.Я. 12-14, 18, 44, 45, 98, 380, 381, 394, 526, 535, 536, 538, 581, 584
Эфрон Я.К. 535, 583
Эфрос Н.Е. 580
- Юдин Р. 235
Юдина М.В. 78, 80, 81, 83, 99-103
*Южин А.И. 532, 565, 582, 595
Юон К.Ф. 440
Юргенсон П.И. 372
*Юркун Ю.И. 352, 373
Юсупов Ф.Ф., ст. 558, 560, 561, 591, 593
- *Яблоновский С.В. 502, 515, 516
Ягода Г.Г. 243
Ягодкин И.Т. 261
Якобсон Р.О. 359
Яконовский Е.М. 419-421, 432, 494
Ямпольский В.П. 290
Янжул (ур. Вельяшева) Е.Н. 546, 585
Янжул И.И. 546, 547, 585, 586
Янков Д. 91
Янкова Н. 91
Янковская М.М. см. Шевелева М.М.
Яновский В.С. 432, 434
Ян-Рубан А.М. 34
Янсен Г. 592
Янсен К. 592
Янсен Э. 592
Ярхо Б.И. 362
*Яссен И. см. Чеквер Р.С.
Яшвиль (ур. Филипсон) Н.Г. 56, 57
- • •
- *Alba см. Каменская А.А.
Bagster S. 373
Benenson, жертвователъ 488
Barda A. 419
Blanc, лейт. 52

Brisson A. 439
Cailson M. 306
Caralt L. de 497
Caulincourt A. см. Коленкур А. де
Chandon, преподавательница
16
Charence G. 439
Gillet L. 30
Fink W. 414, 428
Heiligers см. Lesell
*Homo Novus см. Кугель А.Р.
Laubri, врач 435, 488
Lesell, хозяйка квартиры 434,
435, 449, 452, 488, 491, 493
Lindberg C. 317, 319
Loschi A. 71
Louÿs P. см. Луис П.
Malmstad J.E. см. Мальмстад Дж.
Markov V. см. Марков В.Ф.
Morlet J. см. Морле Ж.
Nowburg см. Жигалова О.М.
Onnainty, кап. 50, 52
Perin J. 413, 485
Reed F. 497
Rothe H. 403
Sagner O. 424
Schissel см. Шиссель
Stinde S. см. Штинде С.
Verdillac de, полк. 49, 52
Vroon R. 355

АННОТАЦИИ

В о с п о м и н а н и я

Б.Н.Лосский. В РУССКОМ ПАРИЖЕ (1927-1935).

Известный искусствовед, сын философа Н.О.Лосского повествует о годах эмиграции в Париже: состав и быт русской колонии, евразийское движение, церковная и культурная жизнь; встречи с французскими искусствоведами и русскими художниками, посещение европейских достопримечательностей, служба во французской армии. Среди упоминаемых лиц: митр. Вениамин (Федченков), митр. Евлогий, о. С.Булгаков, В.В.Вейдле, Л.П.Карсавин, Ф.А.Малявин, Н.С.Трубецкой, И.И.Фондаминский, М.И.Цветаева и др. 66 с.

Ю.М.Каган. О МОЕЙ МАТЕРИ.

Филолог-классик, дочь философа М.И.Кагана дает зарисовки московской интеллектуальной жизни 1930-1980-х: террор, война, оттепель, брежневская эпоха предстают в парадоксальном освещении. Отдельные страницы посвящены нетрадиционной характеристике М.В.Юдиной. 31 с.

Владимир Аллой. ЗАПИСКИ АУТСАЙДЕРА.

Автор — журналист, редактор, издатель — рассказывает о малоизвестных сторонах парижской эмигрантской действительности 1970-1980-х: «редакционная кухня», издательская деятельность, источники финансирования, встречи с эмигрантами первых двух волн, западными славистами и чиновниками, русская диаспора в США и др. 49 с.

М е х а н и з м ы в л а с т и

В.С.Измозик. ПЕРВЫЕ СОВЕТСКИЕ ИНСТРУКЦИИ ПО ПЕР- ЛЮСТРАЦИИ.

В предисловии дан обзор истории цензуры почтовых отправлений, выдвинута мотивированная гипотеза о заимствовании организационных основ советской цензуры из дореволюционного опыта. Публикуемые документы подробно регламентируют технологию одного из главных методов политического контроля в стране. 5 + 13 с.

ССЫЛКА В 1920-е ГОДЫ. Публикация С.А.Красильникова.

На основе новых архивных материалов сибирских и центральных архивов, ставших доступными в последние годы, а также источников, хранящихся за рубежом, автор детально исследует социологический, культурный и историко-правовой аспекты института ссылки и высылки. В составе пуб-

ликации: нормативные документы; отчеты, доклады и информация официальных инстанций; письма, заявления и протесты ссыльных. 8 + 57 с.

А.Г.Тепляков. ПЕРСОНАЛ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ НОВОСИБИРСКОГО УНКВД В 1936-1946.

На материале партийных архивов изучены динамика состава и структуры карательных органов Сибири в годы их наибольшей активности, рассмотрены репрессии внутри органов. В примечаниях даны подробные справки о карьерах и судьбах 82 сотрудников аппарата НКВД. 35 + 19 с.

И з и с т о р и и л и т е р а т у р н о й ж и з н и

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН В ПЕТЕРБУРГЕ: ОСЕНЬ 1906.

Письма к М.В.Сабашниковой. Публикация В.П.Купченко.

24 письма к жене, где поэт рассказывает о культурной жизни «самого фантастического и призрачного» города, в гуще которой он оказался; своих творческих замыслах и эзотерических проектах; характеризует многих литераторов и художников. 3 + 49 с.

Г.А.Морев. К ИСТОРИИ ЮБИЛЕЯ М.А.КУЗМИНА 1925 ГОДА.

На обширной документальной базе и с богатыми библиографическими подробностями охарактеризован круг молодых почитателей поэта, их литературные вкусы, эстетические установки и сложные отношения с Кузминым. 11 + 10 + 4 с.

ПИСЬМА М.И.ЦВЕТАЕВОЙ К Х.П.КРОТКОВОЙ. Публикация В.П.Нечаева.

7 писем лета — осени 1934 адресованы молодой поэтессе и сосредоточены преимущественно на бытовых сюжетах, дополняя сложившееся представление о личности Цветаевой. В приложении — дневниковые записи Кротковой (1922-1931) и ее неотправленное письмо к Цветаевой. 2 + 7 + 6 с.

ЭПИЗОД СОРОКАПЯТИЛЕТНЕЙ ДРУЖБЫ-ВРАЖДЫ. Письма Г.Адамовича И.Одоевцевой и Г.Иванову (1955-1958). Публикация О.А.Коростелева.

Крупный эпистолярный массив (58 писем) повествует об эмигрантском литературном быте, включает споры на художественные и общественно-политические темы, детали личной и творческой жизни корреспондентов. В комментариях — подробные справки о малоизвестных деятелях русской диаспоры. 12 + 100 с.

Р.Тименчик. К БИОГРАФИИ АХМАТОВОЙ.

Автор дезавуирует разнообразные мифы об Ахматовой, введенные в оборот в литературе русской эмиграции: приписывание чужих стихов,

ложные биографические сведения, неверные интерпретации реальных фактов. 16 с.

Дневники, записные книжки, маргиналии

Р.М.Хин-Гольдовская. ИЗ ДНЕВНИКОВ 1913-1917. Предисловие и публикация Е.Б.Коркиной. Примечания А.И.Добкина.

Детальная хроника научной, культурной и общественной жизни Москвы, личные переживания, социальные катаклизмы, размышления о судьбах цивилизации, острые характеристики деловой и интеллектуальной элиты, война, отношение к немцам, еврейский вопрос. Среди упоминаемых лиц: К.Д.Бальмонт, М.А.Волошин, А.Н.Толстой, М.И.Цветаева и др. 2 + 56 + 19 с.

ABSTRACTS

M e m o i r s

B.N.Losski. IN RUSSIAN PARIS. 1927-1935.

A well-known art critic, son of the philosopher N.O.Losski, recalls the years he spent in exile in Paris. In his account he dwells on the composition and everyday life of the Russian colony, the Eurasian movement, the church and cultural activities of the emigrants, his meetings with French art critics and Russian painters, visits to the Parisian sights and service in the French army. Among the persons mentioned are metropolitans Veniamin (Fedchenkov) and Eulogy, father S.Bulgakov, V.V.Veidle, L.P.Karsavin, F.A.Maliavin, N.S.Trubetskoi, I.I.Fondaminski, M.I.Tsvetaeva and others. 66 pp.

Yu.M.Kagan. ABOUT MY MOTHER.

A classicist, daughter of the philosopher M.I.Kagan, sketches out the intellectual life in Moscow in 1930s-1980s. Her account gives a rather paradoxical presentation of the Stalinist terror, the world war, the liberalization of the 1960s and the Brezhnev era. Several pages of her reminiscences are devoted to the idiosyncracies of M.V.Yudina. 31 pp.

Vladimir Alloi. NOTES OF OUTSIDER.

The author is a journalist, editor and publisher. In his Notes he recounts the little known aspects of the Russian emigrants' life in Paris in 1970-1980, featuring «the editorial machinations», the publication business, its financial sources, his meetings with the first two waves of emigrants, Western specialists in Slavonic studies, functionaries, as well as the Russian diaspora in the USA. 49 pp.

The Machinery of Power

V.S.Izmozik. EARLY SOVIET REGULATIONS CONCERNING THE CENSORSHIP OF CORRESPONDENCE.

In his introduction the author gives a survey of the history of postal censorship and also suggests a well-motivated hypothesis according to which the organizational aspects of Soviet censorship are largely based on the pre-revolutionary experience. The published documents reveal the «technology» of one of the main methods of political control in the country. 5 + 13 pp.

THE EXILE IN 1920s. Published by S.A.Krasilnikov.

By using new documentary materials from the archives in Moscow and Siberia, which have become available to researchers in recent years, the author was able to examine thoroughly the sociological, cultural and historico-legal aspects of the institute of exile and deportation. The publication includes a range of standard documents — reports, memos and information derived from official instances, as well as letters, petitions and protests of the exiled. 8 + 57 pp.

A.G.Tepliakov. THE PERSONNEL AND DAY-TO-DAY WORK OF THE NOVOSIBIRSK UNKVD (SECRET POLICE) IN 1936-1946.

The essay examines the dynamics of the personnel and structures of the punitive organs in Siberia in the peak years of their activity. It also sheds light on the reprisals within these organs. The notes contain detailed references to careers and lives of 82 members of NKVD staff. 35 + 19 pp.

From the History of Literary Life

MAXIMILIAN VOLOSHIN IN PETERSBURG IN THE AUTUMN OF 1906. Letters to M.V.Sabashnikova. Published by V.P.Kupchenko.

In his 24 letters to his wife the poet narrates the cultural life of «the most fantastic and spectral city», in the midst of which he found himself. He speaks of his creative plans and esoteric projects, and also portrays many of the contemporary literary men and artists. 3 + 49 pp.

G.A.Morev. ON THE HISTORY OF M.A.KUZMIN'S JUBILEE OF 1925.

The author describes the circle of young admirers of the poet, their literary tastes, esthetical views and their complicated relations with Kuzmin. The narrative is based on a large variety of documentary sources and is supplemented with abundant bibliographical details. 11 + 10 + 4 pp.

LETTERS FROM M.I.TSVETAeva TO Kh.P.KROTKOVA.

Published by V.P.Nechaev.

Seven letters written during the summer and autumn of 1934 are addressed to a young journalist and poetess. They deal mainly with occurrences from Tsvetaeva's everyday life and thus expand our knowledge of her personality. An appendix includes fragments from the diary of Krotkova (1922-1931) and a letter to Tsvetaeva that she never sent. 2 + 7 + 6 pp.

AN EPISODE FROM THE 45 YEAR OLD FRIENDSHIP AND ENMITY. Letters from G.Adamovich to I.Odoevtseva and G.Ivanov (1955-1958). Published by O.A.Korostelev.

A collection of 58 letters narrates the emigrant literary life featuring discussions of artistic and socio-political topics, and giving details of the life and creative work of the correspondents. The commentary includes detailed references to little known figures of the Russian diaspora. 12 + 100 pp.

R.Timenchik. A NOTE ON THE BIOGRAPHY OF AKHMATOVA.

The author repudiates various popular «myths» about A.Akhmatova circulating in the literary works of the Russian emigrant writers who ascribed other poets' lyrics to her, created false biographical data and misinterpreted real facts. 16 pp.

Diaries, notebooks and marginalia

R.M.Khin-Goldovskaya. FRAGMENTS FROM THE DIARIES, 1913-1917. Prefaced and edited by E.B.Korkina. Notes by A.I.Dobkin.

The publication is a detailed chronicle of academic, cultural and public life in Moscow, speaking of the personal experiences, social cataclysms, reflections on the fate of civilization, sharp criticism of the business and intellectual elite, the war, attitudes to the Germans, the Jewish question. Among the persons mentioned are K.D.Balmont, M.A.Voloshin, A.N.Tolstoi, M.I.Tsvetaeva and others. 2 + 56 + 19 pp.

СОДЕРЖАНИЕ

Воспоминания

Б.Н.Лосский. В РУССКОМ ПАРИЖЕ (1927-1935)	7
Ю.М.Каган. О МОЕЙ МАТЕРИ	73
Владимир Аллой. ЗАПИСКИ АУТСАЙДЕРА	104

Механизмы власти

В.С.Измозик. ПЕРВЫЕ СОВЕТСКИЕ ИНСТРУКЦИИ ПО ПЕРЛЮСТРАЦИИ	155
ССЫЛКА В 1920-е ГОДЫ. Публикация С.А.Красильникова	175
А.Г.Тепляков. ПЕРСОНАЛ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ НОВОСИБИРСКОГО УНКВД В 1936-1946	240

Из истории литературной жизни

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН В ПЕТЕРБУРГЕ: ОСЕНЬ 1906. Письма к М.В.Сабашниковой. Публикация В.П.Купченко	297
Г.А.Морев. К ИСТОРИИ ЮБИЛЕЯ М.А.КУЗМИНА 1925 ГОДА	351
ПИСЬМА М.И.ЦВЕТАЕВОЙ К Х.П.Кротковой. Публикация В.П.Нечаева	376
ЭПИЗОД СОРОКАПЯТИЛЕТНЕЙ ДРУЖБЫ-ВРАЖДЫ. Письма Г.Адамовича И.Одоевцевой и Г.Иванову (1955-1958). Публикация О.А.Коростелева	391
Р.Тименчик. К БИОГРАФИИ АХМАТОВОЙ	502

Дневники, записные книжки, маргиналии

Р.М.Хин-Гольдовская. ИЗ ДНЕВНИКОВ 1913-1917. Предисловие и публикация Е.Б.Коркиной. Примечания А.И.Добкина	521
Аппех	599

МИНУВШЕЕ
Исторический альманах
21

ATHENEUM • ФЕНИКС

Редактор Т.Б.Притыкина
Корректор Е.В.Русакова
Набор — И.М.Курдина

ЛР №064815 от 30.X.1996

Подписано в печать 15.03.1997. Формат 60 x 88 ¹/₁₆.
Бумага офсетная №1. Печать офсетная.
Объем 40 п.л. Тираж 2000 экз. Заказ №3086

Издательство «Феникс»: 193060, С.-Петербург,
ул. Смольного, 1/3, подъезд ба
Тел. 276-13-35, 276-14-77
e-mail: orders@phenix.spb.su

Санкт-Петербургская типография №1 РАН
199034, Санкт-Петербург, 9-я лин., 12.